

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ



МИГРАЦИОННЫЕ МОСТЫ В ЕВРАЗИИ

VII международная научно-практическая
конференция «Роль трудовой миграции
в социально-экономическом и демографическом
развитии посылающих и принимающих стран»

Москва Ставрополь, 13-18 октября 2015 года

УДК 314
ББК 65.248:60.54:60.54:60.7
М57



М57 Миграционные мосты в Евразии: Материалы VII международной научно-практической конференции “Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран (Москва – Ставрополь, 13-18 октября 2015 года)/ Под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. – 499 с.
ISBN 978-5-9907300-2-1

Материалы опубликованы и конференция проведена при финансовой и организационной поддержке Российской академии наук (РАН), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (грант № 15-06-20918), Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Бюро Международной организации по миграции (МОМ) в Москве, Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО /У/ МИД России), Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ).

УДК 314
ББК 65.248:60.54:60.54:60.7

ISBN 978-5-9907300-2-1

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-POLITICAL RESEARCH
NORTH CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY



MIGRATION BRIDGES IN EURASIA

VII International Scientific and Practical
Conference «The Role of Labor Migration
on the Social-Economic and Demographic
Development of Sending and Reciving Countries»

Moscow - Stavropol, 13th-18th October 2015

УДК 314
ББК 65.248:60.54:60.54:60.7
М57



Migration Bridges in Eurasia: The Materials of the VII International Scientific and Practical Conference “The Role of Labour Migration in Social-Economical and Demographic Development of Sending and Receiving Countries” (Moscow – Stavropol)/ By Id. Corr.-Member of the RAS Ryazantsev S.V. – M: Econ-Inform, 2015. – 499 p.
ISBN 978-5-9907300-2-1

The Materials published and the conference held with the financial and organizational support of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (grant № 15-06-20918), the United National Development Programme (UNDP), the Bureau of International Organization for Migration (IOM) in Moscow, the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO – University), the Northern-Caucasus Federal University (NCFU).

УДК 314
ББК 65.248:60.54:60.54:60.7

ISBN 978-5-9907300-2-1

Редакционная коллегия: проф. Й. ВИРККУНЕН (Университет Восточной Финляндии, Финляндия), проф. А.Т. ДАНТАС (Университет штата Рио-де-Жанейро, Бразилия), профессор Б. ДЭЙВ (Университет Лондона, Великобритания), профессор С. КИМ (Университет Дуксун, Республика Корея), профессор МАРУШИАКОВА-ПОПОВА Е.И. (Институт этнологии и фольклористики Болгарской Академии наук), профессор К.Т. НГУЕН (Институт Европейских исследований ВАОН, Социалистическая Республика Вьетнам), проф. Н. ХОРИЕ (Университет Тояма, Япония), проф. С. ПИЗЗАРО (Университет Буэнос-Айреса, Аргентина), чл.-корр. РАН, проф. С.В. РЯЗАНЦЕВ (Институт социально-политических исследований РАН, Россия) (Председатель организационного комитета и редакционной коллегии), проф. Л.Е. ТИХОНОВА (Белорусский государственный университет, Беларусь)

Ответственный за выпуск: аспирант ТЕР-АКОПОВ А.А. (Институт социально-политических исследований РАН, Россия)

Публикуемые статьи и материалы отражают исключительно личную точку зрения авторов.

Editorial Board: Prof. Joni VIRKKUNEN (the University of Eastern Finland, Finland), Prof. Alexis Toribio DANTAS (the University of the State of Rio de Janeiro, Brazil), Professor Bhavna DAVE (University of London, UK), Professor Seionjing KIM (University Duksun, Republic of Korea), Professor Elena A. MARUSHIAKOVA-POPOVA (the Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences), Professor Koan Toan NGUYEN (Institute of European Studies VASS, the Socialist Republic of Vietnam), Prof. Norio HORIE (the University of Toyama, Japan), Prof. Cynthia PIZARRO (the University of Buenos Aires, Argentina), Corr. Mem. of the RAS, Prof. Sergey V. RYAZANTSEV (the Institute of Social-Politic Research of the RAS, Russia) (Chairman of the Organizing Committee and Editorial Board), Prof. Ludmila E. TIKHONOVA (the Belarusian State University, Belarus)

Responsible for release: PhD Student Aleksandr A. TER-AKOPOV (The Institute of Social-Politic Research of the RAS, Russia)

The published articles and materials reflect only the personal point of views of the authors.

Вступительное слово редактора

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

Разрешите приветствовать участников конференции в Москве и в Ставрополе в октябре 2015 года. Центр социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН проводит в седьмой раз международную научно-практическую конференцию в Москве и Ставрополе под эгидой проекта “Миграционные мосты в Евразии”. В этом году в конференции участвуют более 250 ученых из 28 стран мира. И хотя географический “полюс” проекта лежит в Евразии, в мероприятии участвуют ученые из самых разных стран и континентов, поскольку наша конференция стала формой обмена новыми идеями и эффективными практиками регулирования трудовой миграции.

В этом году мы сфокусировали свое внимание на вкладе трудовой миграции в социально-экономическое и демографическое развитие посылающих и принимающих стран. Трудовая миграция для Российской Федерации имеет существенные экономические последствия. Благодаря трудящимся-мигрантам развиваются такие отрасли экономики как строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера обслуживания, сельское хозяйство, транспорт и др. Несмотря на значительную роль трудовых мигрантов для российской экономики, точные оценки их экономического вклада отсутствуют. В 2008 году директор Федеральной миграционной службы России К.О. Ромодановский впервые публично отметил, что трудом рабочих-мигрантов создается от 6% до 8% ВВП России. Согласно нашим расчетам в 2010 году трудящиеся-мигранты в России произвели ВВП на сумму около 3 триллионов рублей.

Следует отметить, что трудовые мигранты являются не только производителями, но и потребителями товаров и услуг. Трудящиеся-мигранты, зарабатывая деньги в Российской Федерации, большую часть средств тратят в стране пребывания на текущее потребление и меньшую часть средств переводят на родину. Данное соотношение также оказывает существенное влияние на экономику Российской Федерации. Эксперты свидетельствуют о том, что стоимостью товаров и услуг, производимых трудовыми мигрантами в России, многократно превосходит сумму получаемой ими заработной платы и сумму пересылаемых или перевозимых ими на родину сбережений (денежных переводов). По официальным оценкам чистая оплата труда трудящихся-мигрантов в Российской Федерации после уплаты налогов и расходов на поездку составила в 2013 году 10,5 миллиардов долларов США. Если предположить, что доля затрат трудовых мигрантов на текущее потребление в России составляет 15% от чистой заработной платы, то доходы российской экономики в этом случае равнялись 8,9 миллиардов долларов США. В случае же если расходы составляли половину чистой заработной

платы, то доходы российской экономики могли составить не менее 5,2 миллиардов долларов США.

В настоящее время трудовая миграция из стран Центральной Азии продолжается в стихийном режиме и является в значительной мере недокументированной. Многие трудовые мигранты в Российской Федерации и Республике Казахстане, не имеют полностью легального статуса и разрешительных документов, вследствие чего подвергаются эксплуатации со стороны работодателей. Отсутствие легального статуса и нахождение трудовых мигрантов в “серой” и “черной” экономике приводит к нескольким негативным последствиям с точки зрения социально-экономического развития стран Центральной Азии. Во-первых, стихийный характер миграции обуславливает и цели трудовой миграции и денежных переводов – повышение исключительно уровня текущего потребления. Мигранты не особо думают о сбережениях и долгосрочных инвестициях за пределами удовлетворения ежедневных потребностей (продукты питания, одежда), расходов на лечение, образование, обустройство дома, проведения свадеб, праздников и т.п. Во-вторых, нахождение большей части мигрантов в теневой экономике снижает возможности для их заработка, а следовательно и денежных переводов на родину. Но что более важно – делают их заработки крайне нерегулярными, нестабильными, создавая риски для денежных переводов и потребления дома. В-третьих, когда мигранты накапливают определённые денежные средства, то возникает проблема отсутствия возможностей для инвестиций. Банки не пользуются доверием и не всегда справляются с задачей концентрирования небольших, разбросанных сумм мигрантов (средний размер перевода составляет около 200-300 долларов США, а в течение года происходят миллионы переводов) и их инвестирования в производительные отрасли. Таким образом, покупка недвижимости (или строительство дома) и покупка дорогого автомобиля оказываются практически единственными вариантами для “инвестиций”. Кроме того, стоит отметить, что правительства большинства стран Центральной Азии (за исключением Кыргызстана) довольно настороженно относятся к местным инициативам (как минимум настаивают на соблюдении множества процедур и согласований), что делает перспективы инвестиций в инфраструктуру ещё более призрачными (учитывая большой объём требуемых инвестиций и необходимость концентрации средств).

Очевидно, что назрели подходы к синхронному регулированию трудовой миграции между странами бывшего СССР. Отдельные позитивные тенденции уже наблюдаются – синхронизировано законодательство между странами-членами Евразийского экономического союза – Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизстаном и Россией. Однако, остается много спорных и нерешенных вопросов: пенсионное обеспечение, условия труда, здоровье мигрантов, медицинское страхование и пр. Надеемся, что на конференции эти вопросы будут обсуждаться и участниками будут предложены подходы к их решению. Надеемся, что рекомендации ученых будут востребованы органами государственного управления в России и других странах.

Хочется выразить искреннюю признательность организациям и людям за финансовую и организационную поддержку нашей конференции: Бюро МОМ в Москве в лице Златко Жигича и Юлии Мельничук, Российскому фонду фундаментальных исследований в лице Николая Владимировича Макарова, Московскому государственному институту международных отношений (университету) Министерства иностранных дел России в лице ректора академика РАН Анатолия Васильевича Торкунова, проректора Александры Викторовны Худайкуловой и начальника Управления магистерской подготовки Андрея Анатольевича Байкова, Северо-кавказскому федеральному университету в лице ректора Алины Афокоевны Левитской и заведующего кафедрой экономической и социальной географии, советника при ректорате Виталия Семеновича Белозерова. Без участия организаций-партнеров и людей было бы трудно организовать конференцию международного уровня.

Время идет очень быстро. Мы снова рады приветствовать в Москве наших старых друзей и новых знакомых, желаем всем творческих успехов, плодотворной работы и здоровья для будущих проектов.

Добро пожаловать в Москву!

Председатель организационного комитета конференции

Искренне Ваш,
С.В. Рязанцев

Раздел 1

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Абидов М.Х.

(Махачкала, Россия)

Абдулманапов П.Г.

(Махачкала, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

В условиях современной социально-демографической ситуации в стране, характеризующейся нехваткой трудовых ресурсов, миграция населения становится одной из основных путей обеспечения экономики рабочей силой. При рассмотрении вопросов использования труда мигрантов, предпочтение должно отдаваться внутренним ресурсам, что имеет двойное значение: с одной стороны реализуется спрос на рабочую силу в регионах с нехваткой трудовых ресурсов, а с другой – снимается напряженность на рынке труда трудоизбыточного региона. Одним из субъектов федерации с высоким уровнем безработицы является Республика Дагестан, где избыток незанятого населения обуславливает интенсивные миграционные потоки [2]. В последние годы миграционный отток населения приобрел значительных масштабов, и, частично «съедая» сохраняющийся высокий естественный прирост, стал одной из угроз демографической безопасности региона, требующей пристального внимания исследователей, общественности, и властных структур.

Миграцию населения можно рассматривать как социально-экономическое явление, обуславливаемое действием объективных экономических законов и естественных природных закономерностей, присущих человеческому обществу, которая играет важную роль в обеспечении регионального развития [7]. На интенсивность, форму, структуру и направления миграционных процессов решающее воздействие оказывает в регионе сложившаяся социально-экономическая, криминальная и политическая обстановка.

Два последних десятилетия миграционный прирост в Республике Дагестан имеет в межрегиональном обмене населения отрицательное сальдо

миграции, что связано с отъездом населения на заработки в другие регионы страны. Начиная с 2010 г. миграционная активность населения региона с каждым годом усиливалась. Так, в 2011 г. число выбивших за пределы республики увеличилось по сравнению с предыдущим периодом почти на четверть (23,5%), а в следующем году – на 12,7%. В целом за 2010-2012 гг. поток уезжающих увеличился на 50%, в то время как, прибывающих – всего на 16%. В результате такой динамики миграционная убыль населения за три года увеличилась почти в 3 раза (табл. 1).

Таблица 1 [5]

Общие итоги миграции населения в Республике Дагестан (человек)

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Прибывшие	31135	27064	35506	34718	39415	41797	44018
Выбывшие	35653	33129	45550	56247	63373	63297	57962
Миграционный прирост	-4518	-6065	-10044	-21529	-23958	-21500	-13944

Однако, по данным Дагестанстата за 2013-2014 гг. тенденции миграционных процессов претерпели некоторые изменения, обусловившие снижение миграционного прироста с 24 тыс. человек в 2012 г. до 14 тыс. в 2014 г. При этом за два последних года как росло число прибывающих, так еще и снижался поток выбывающих.

Миграция является важным компонентом демографического и социально-экономического развития региона и его отдельных территорий. Для трудоизбыточного и в тоже время депрессивного региона имеет значение как внешняя (международная или межрегиональная) миграция, так и внутренняя (межрайонные перемещения людей) [4]. Согласно данным Дагестанстата в 2014 г. отрицательное сальдо внешней миграции «съело» около 35% естественного прироста в деле формирования общей численности населения. Во внутренних перемещениях в Дагестане участвовали около 23 тыс. человек.

Общая миграционная картина по миграции на постоянное место жительства показывает четкое разделение территории республики на абсолютно неравнозначные по количеству субъектов и площади зоны, которые меняются с каждым годом [3]. Так, зона миграционного оттока населения в 2004 г. охватывала 27 муниципальных районов региона и 6 городов, в том числе столица республики (рис. 1). В основном это горные территории республики, за исключением Каякентского района. Они в большинстве своем недостаточно успешны в экономическом отношении, имели ограниченные возможности для трудоустройства населения, низкий уровень заработной платы, плохие климатические условия. Кроме того, миграционный отток усугублялся слабой развитостью социальной инфраструктуры в горной зоне, из-за чего основная масса молодежи переселялась в равнинные территории республики или уезжала за её пределы [6].

Другая зона, где сложилось положительное сальдо миграции, включала в себя 14 районов, к которым относятся муниципальные районы: Бабаюртовский, Буйнакский, Кизилюртовский, Кизлярский, Кулинский, Кумторкалинский, Магарамкентский, Новолакский, Ногайский, Сергокалинский, Тарумовский, Хасавюртовский, Цумадинский, Шамильский. Сюда же можно относить и 4 города, в которых приток мигрантов превышал над оттоком – Дербент, Избербаш, Каспийск, Южно-Сухокумск. За исключением трех горных районов, это все равнинные территории.

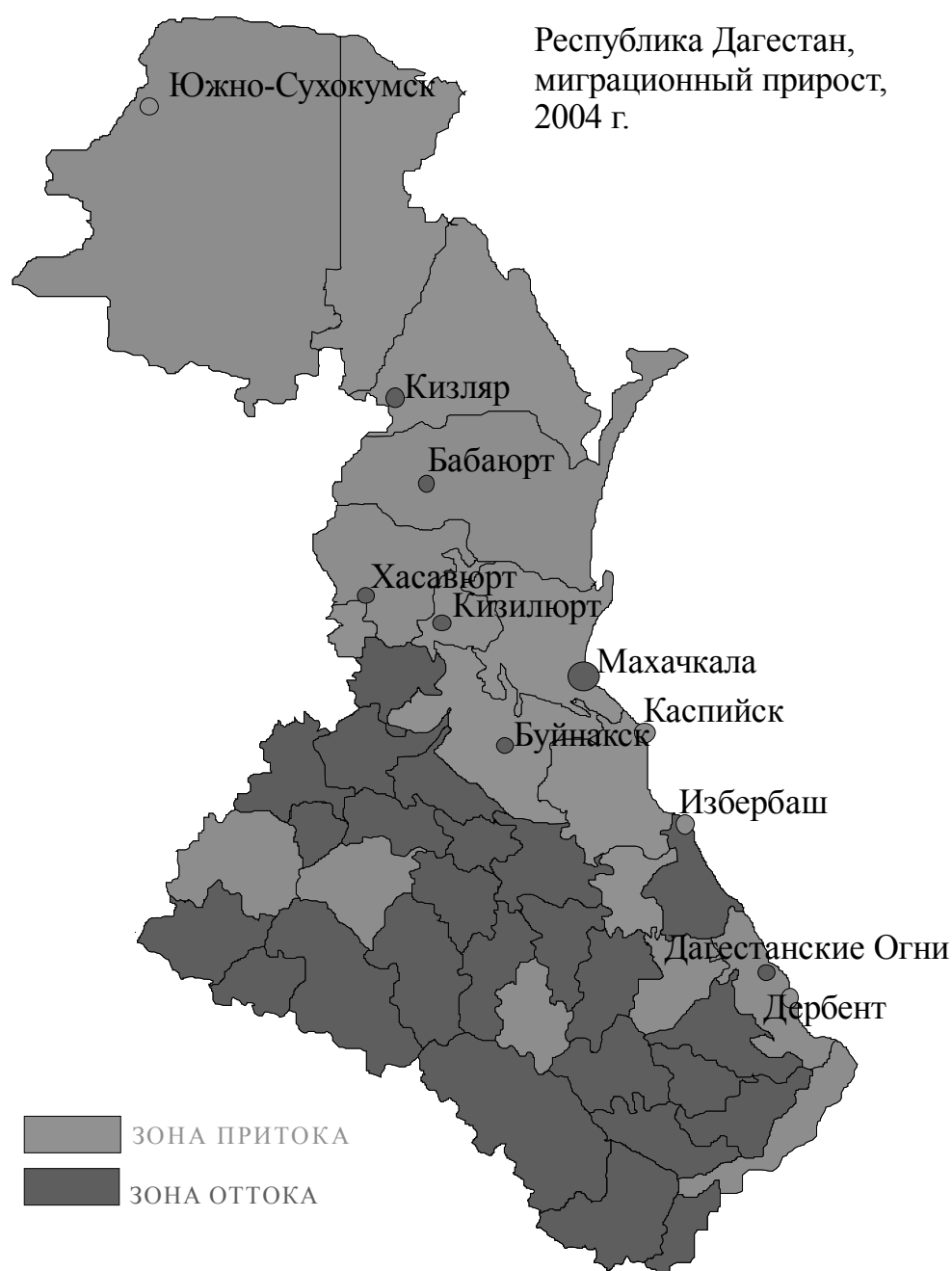


Рисунок 1. Типология районов Республики Дагестан по результативности миграционных процессов, 2004 г.

Основными причинами, обуславливающими подобную мозаичность дагестанских территорий по результативности миграции, являются следующее.

Во-первых, неравномерный уровень социально-экономического развития районов, что приводит к неодинаковой привлекательности территорий для мигрантов. Столица и экономически развитые районы с диверсифицированными рынками труда, ярко выраженными потребностями в рабочей силе, возможностями трудоустройства и заработков, более высоким уровнем зарплаты, развитой социальной инфраструктурой притягивают мигрантов. Напротив, районы депрессивные в экономическом плане, отсутствием рабочих мест и низким уровнем зарплаты выталкивают население.

Во-вторых, различия в транспортно-географическом положении районов. Удобство расположения к транспортным магистралям, близость к городам и столице привлекает мигрантов, поскольку в таких местах проще реализовать предпринимательский потенциал в сфере торговли, найти работу [1]. Этим обусловлен рост населенных пунктов и торгово-производственных точек вдоль федеральной трассы по всей территории республики.

В-третьих, дифференциация природно-климатических условий всегда предопределяла масштабы и характер миграционных потоков внутри региона. Очевидно, что привлекательность равнинных районов Дагестана обусловлена помимо прочих обстоятельств также благоприятным климатом, наличием морского побережья. Все это позволяет развиваться многим отраслям экономики – сельскому хозяйству, торговле, общественному питанию, сфере услуг. Многие из них характеризуются быстрым оборотом средств, обеспечивают достаточно стабильные заработки населению, в том числе мигрантам.

В-четвертых, наличие родственных связей становятся основой для притягивания мигрантов, особенно молодежи. Подобное положение дел свойственно миграции из горных районов, откуда уезжает молодое население.

Если десять лет назад в миграционных процессах преобладали внутриреспубликанские потоки, то к настоящему времени ситуация изменилась коренным образом. Миграционные настроения населения в основном в последнее время приобрели ориентиры на внешнюю миграцию, т.е. на выезд за пределы региона. Раньше имела тенденция переселения из горных территорий республики в равнинную, а из сельской местности – в городскую. Теперь люди уезжают в другие регионы страны со всей территории Республики Дагестан.

Благополучная обстановка в миграционном плане по данным на 2014 г. сложилась в четырех муниципальных районах – Ахвахском, Гунибском, Чародинском, Новолакском, – и в двух городах – г.Каспийск и г.Кизилюрт (рис. 2). Но и здесь положительный миграционный прирост носит временный или незначительный характер. Так, в Гунибском и Чародинском районах за весь предшествующий период имело место отрицательное сальдо миграции, а в Ахвахском – только в 2012 г. имело место превышения числа прибывающих над выбывающими и притом показатель миграционного прироста за 2012 г. в расчете на 10 тыс. человек населения составляла всего 6,3 человека. Только Новолакский район демонстрирует положительную динамику миграционного прироста за весь анализируемый период, но и здесь значение данного показателя незначительная – от 80 до 250 человек.

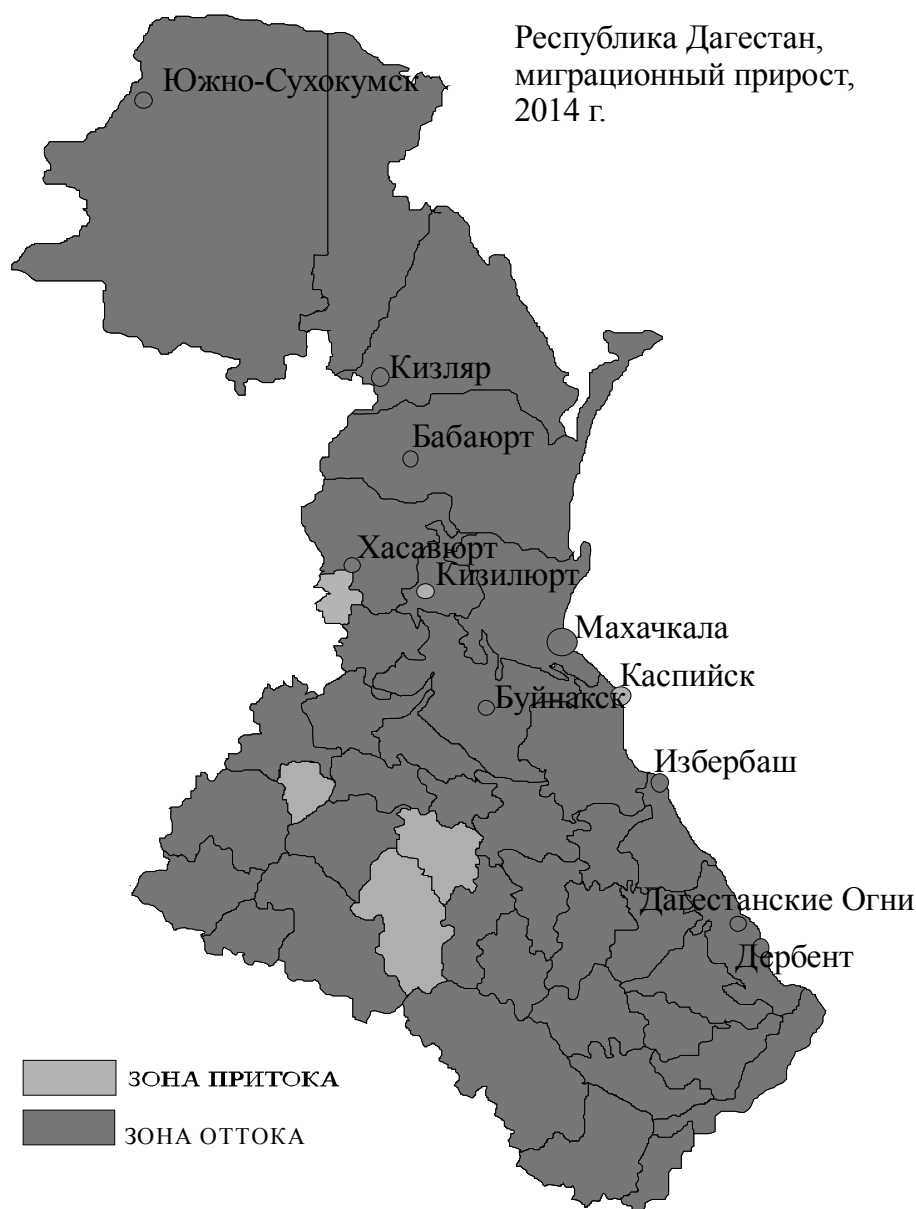


Рисунок 2. Типология районов Республики Дагестан по результативности миграционных процессов, 2014 г.

Большие миграционные потери и в настоящее время продолжают нести районы: Ногайский, Хивский, Табасаранский, Агульский, где коэффициент миграционного прироста (миграционный прирост за год на 10 000 человек населения) ниже уровня -300. Высокая миграционная убыль наблюдается также в Рутульском, Каякентском, Дахадаевском, Цунтинском, Тляратинском, Табасаранском и Акушинском муниципальных районах.

Интенсивность миграционных процессов в Республике Дагестан в последнее время растет. В большей степени миграционная активность связана со сложившейся в регионе социально-экономической, криминогенной и политической обстановкой, обуславливающей миграционный отток населения. Картина по миграции на постоянное место жительства демонстрирует разделение территории республики на зоны оттока и притока мигрантов. В 2004 г. значительная по площади часть региона, в том числе вся низменность, пред-

горье и несколько горных районов, относилась к территориям с положительным сальдо миграции. В настоящее время лишь в четырех муниципальных районах отмечается миграционный прирост, что указывает на существенное сужение зоны миграционного притока.

Список литературы и источников

1. Абдулманапов, П.Г. Роль миграции в развитии Республики Дагестан [Текст]/ П.Г. Абдулманапов // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 39.
2. Абдулманапов, П.Г. Трансформация демографических процессов в Республике Дагестан под влиянием демографической политики [Электронный ресурс]/ П.Г. Абдулманапов // Управление экономическими системами. – 2015. – №2 (74); URL: <http://uecs.ru/demografiya/item/3379-2015-02-25-07-36-41> (дата обращения: 23 июня 2015 г.)
3. Абидов, М.Х., Современная миграционная картина Республики Дагестан [Электронный ресурс]/ М.Х. Абидов, П.Г. Абдулманапов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2; URL: www.science-education.ru/122-20283 (дата обращения: 14.09.2015).
4. Абидов, М.Х. Миграция населения и миграционная политика в Дагестане [Текст]/ М.Х. Абидов // Народонаселение. – 2008. – №1.
5. Демографический ежегодник Дагестана, 2014 год. Статистический сборник [Электронный ресурс]. – <http://dagstat.gks.ru/>.
6. Хаджалова, Х.М. Региональная инвестиционная политика в повышении качества жизни населения [Текст]/ Х.М. Хаджалова // Экономические науки. – 2009. – № 58.
7. Ryazantsev S. Migration from Russia to Australia and formation of a Russian Community, ANU Centre for European Studies Briefing Paper Series. Vol. 4. No 5. July 2013. URL: <http://ces.anu.edu.au/research/publications>.

Болотова С.В.
(Улан-Удэ, Россия)

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПЕЧАТНЫХ СМИ ПО ПРОБЛЕМЕ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Социально-экономические процессы, начавшиеся на территории бывшего СССР после его распада, не обошли стороной и Республику Бурятию. Вследствие чего мы наблюдаем вот уже на протяжении нескольких лет отрицательную динамику миграционных процессов в республике.

Тема «Проблемы молодежи Республики Бурятия», а именно социально-экономического характера – такие как профессиональная ориентация, безработица, жилищные условия, молодежное предпринимательство в той или иной

мере находятся в центре внимания республиканских СМИ. Нашей целью является определение полноты и объективности освещения проблемы миграции молодежи печатными республиканскими СМИ.

В ходе проведения контент – анализа будем отвечать на вопросы:

1. Как освещаются в СМИ проблемы миграции молодежи?
2. Каков характер публикаций (негативный нейтральный или положительный)?
3. Отслеживает ли печатные СМИ реакцию властей на проблему миграции молодежи, следит ли за развитием событий?
4. Достаточно ли объективно подходят издания к освещению проблемы миграции молодежи?

Для проведения контент-анализа были взяты три печатных издания разного формата, а именно газеты: «Информ-Полис», «Номер один», «Новая Бурятия». Выбор данных изданий обусловлен большим тиражом, что показывает их популярность среди населения. Так «Информ Полис» имеет тираж 33000 экземпляров, «Номер один» – 22600 экз., «Новая Бурятия» – 12000 экземпляров. Данные газеты выходят каждую неделю и охватывают различные аспекты жизни общества: культура, экономика, политика и т.д., поднимая актуальные общественные вопросы, с одновременным их анализом. В качестве единиц анализа (ЕА) были выбраны публикации, посвященные проблеме миграции молодежи (статьи о молодежи и её проблемах, материалы о законопроектах, касающихся улучшения положения молодежи в современном обществе, и другие материалы по данному вопросу). Временной период исследования составил промежуток времени с января 2009 г. по январь 2014 г. В ходе исследования было изучено 564 номеров из них по 204 номера газеты «Информ полис» и «Номер один», и 156 номеров газеты «Новая Бурятия».

Согласно данным, представленным в табл. 1 проблеме миграции за последние 4 года (2009-2014 г.) в данных печатных изданиях было посвящено 734 статей. Из них Миграция в целом – **236 статей**, Миграция населения – **145**, Миграция молодежи – **56**, Миграционная политика – **65**, Безработица молодежи – **62**, Жилищные условия молодежи – **170**.

В изучаемых нами СМИ было выявлено 3 информационных всплеска: октябрь-ноябрь 2009 года, март-апрель 2010 г. и январь-февраль, июль-август 2011 г. Всплески обусловлены принятием государственной программы по возвратной миграции молодежи и обсуждении ее результатов. В этот период проводились мероприятия по данной проблематике: форумы, открытые столы, в которых обсуждались причины миграции молодежи и проблемы возврата их на малую родину: «Мы провели круглые столы в Иркутске, Новосибирске, Томске, Красноярске, – говорит ЭрдэниДымчиков. – Разговаривали с нашими земляками, пытались разобраться, почему молодежь Бурятии уезжает, что необходимо, чтобы она вернулась. И первое, что мы почувствовали, – это огромное желание вернуться на родину. Люди сейчас ждут улучшений условий в республике.» СМИ дают всесторонний анализ данной проблеме:

«В 2009 году комитет по молодежной политике Министерства образования и науки Бурятии провел социологическое исследование и выяснил, что 81% молодежи уезжает из республики для продолжения образования, 14% ищут постоянную работу, 3% отправляется путешествовать, 1% молодежи едет лечиться и столько же покидает республику для устройства на сезонные работы (1%).

– Причин, по которым выходцы из Бурятии едут в Москву, много, и все они взаимосвязаны, – рассказал «Информ Полису» Григорий Ердомаев, начальник юридического управления компании WBL distributions, руководитель московского представительства Ассоциации молодежи Бурятии. – Первая причина, безусловно, невозможность устроиться на хорошую работу в Бурятии без «связей». Вторая, не менее важная – зачастую неутешительные перспективы карьерного и личностного роста, что в целом характерно для трудоизбыточных регионов с уничтоженной промышленностью и слаборазвитым крупным бизнесом. Третья – образование, качество которого в Москве все еще на порядок выше. Четвертая – размер оплаты труда. Пятая – развитая инфраструктура и насыщенная культурная жизнь большого мегаполиса»

Для выявления удельного веса анализируемого материала, был разбит на смысловые категории: миграция, миграция населения, миграция молодежи, молодежь, миграционная политика, безработица молодежи, жилищные условия молодежи.

Соотношение смысловых категорий в печатных СМИ Республики Бурятия за 2009-2014 гг. составило таким образом:

Таблица 1.

Результаты анализа СМИ в регионе в 2009-2014 гг.

	«Информ Полис»		«Номер один»		«Новая Бурятия» (2010-2014)		Итого	
Количество номеров за 2009-2013 г.	204		204		156		564	
Тематическая направленность статей	Ч.е.а.	Удел. Вес (%)	Ч.е.а.	Удел. Вес (%)	Ч.е.а.	Удел. Вес (%)	Ч.е.а.	Удел. Вес (%)
Миграция в целом	100	27	82	34	54	44	236	32
Миграция населения	70	19	46	19	29	16	145	20
Миграция молодежи	30	8	19	8	7	6	56	8
Миграционная политика	42	11	14	6	9	8	65	9
Безработица молодежи	37	10	18	7	7	6	62	8
Жилищные условия молодежи	95	25	63	26	12	10	170	23
Общее число единиц анализа	374	100,0	242	100,0	118	100,0	734	100,0

Таким образом, подаваемая через СМИ информация носит характер прежде всего умеренный, нежели негативный. В основном теме миграции молодежи уделяется 1/3 числа от всех упоминаний о миграции. Это говорит даже не о недостаточном внимании, а недооценке данной проблемы на государственном уровне. Несмотря на многочисленные заявления государственных органов: « – В настоящее время наша республика нуждается в молодых людях, которые имеют современные знания и мышление, желание и энергию, чтобы работать на крупных промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании, в других отраслях экономики. И республика крайне заинтересована в том, чтобы те молодые люди, которые уехали на учебу в другие города, возвращались и работали на благо Бурятии, на благо родной земли, – отметил Баир Ангуров председатель Комитета по молодежной политике Министерства образования и науки РБ». [1]

Программа, посвященная возвратной миграции молодежи, оказалась не эффективной, по сути провальной: не были приняты комплексные меры по возвращению молодых специалистов, в итоге молодежь, вернувшаяся на родину, не получила ничего из того, что ей было обещано в рамках программы. «Чтобы молодежь возвращалась, нужно создавать конкретные условия. Мы можем приносить республике победы, но это никак не оценивается. Чувствую, на одной инициативе я долго не протяну, – отметила Ольга Жигмитова бурятская артистка Санкт-Петербургского театра оперы и балета имени Римского-Корсакова.» [2]

Безработица и жилищный вопрос молодежи в СМИ упоминается так же часто, как и миграция населения, тем самым становясь основной причиной в миграции молодых специалистов. Государственные программы по решению данных проблем проводятся в недостаточном объеме, чтобы полностью охватить всех нуждающихся.

«Проект дачного некоммерческого партнерства был разработан администрацией Улан-Удэ с целью решения жилищных проблем молодых улан-удэнцев. Идея его строительства действительно замечательная, ведь, решая жилищные проблемы молодежи, мы решаем и проблему "возвратной миграции", то есть закрепляем в городе молодые грамотные кадры. [3]

Тем самым гипотеза, которую мы выдвигали, в начале исследования была, подтверждена в процессе исследовательской работы

Список литературы и источников

1. Официальный сайт Республиканской газеты «Информ Полис» <http://www.infpol.ru/>
2. Официальный сайт Республиканской независимой газеты «Новая Бурятия» <http://www.newbur.ru/>
3. Официальный сайт Республиканской газеты «Номер Один» <http://gazetan1.ru/>

Бубликов В. В.
(Белгород, Россия)
Кузнецов Н.Г.
(Москва, Россия)

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

(Исследование проведено при поддержке
гранта РФФИ № 14-06-00409 и гранта РГНФ № 13-33-01204)

Кризис социально-экономического развития Российской Федерации, снижение реального уровня жизни населения, актуализирует вопрос эмиграционных устремлений россиян. Величину потенциальных эмигрантов в миграционной социологии чаще всего определяют, как «миграционный потенциал». Так, например, О.Д. Воробьева под миграционным потенциалом понимает «возможную на данный момент численность населения, которая может в качестве эмигрантов выехать из страны проживания при условии сохранения значимости и структуры выталкивающих и привлекающих факторов» [1, С. 341].

Большой приток трудовых мигрантов, наблюдавшийся в России последние 10-15 лет, стимулировал отечественных исследователей к попыткам оценки миграционного потенциала постсоветских стран для России. В то же время, миграционный потенциал российского населения мало изучен, а исследований, направленных на выявление различий в миграционном потенциале разных этнических групп – практически нет. Изучение миграционного потенциала разных этнических сообществ имеет и ещё одно важное значение – выявление уровня интеграции разных этносов в том или ином регионе, или в стране в целом. Оседлость населения или, напротив, его стремление покинуть регион/страну своего проживания – безусловно может являться одним из критериев оценки степени удовлетворённости своим положением представителями этнических меньшинств.

В настоящей работе кратко проанализированы основные результаты исследования десяти крупнейших этнических меньшинств Белгородской области (азербайджанцев, армян, белорусов, молдаван, немцев, татар, турок и турок-месхетинцев, узбеков, украинцев, цыган), по вопросу их миграционных настроений, степени осознанности и готовности реализовать эти настроения¹. В данном случае, мы исходим из предположения, что люди, интегрированные в социальную среду (как в культурном, так и в экономическом смыслах), не имеют желания уехать за пределы региона. Если же у представителя этнического меньшинства есть намерение выехать из страны или региона, то важным показателем, является степень осознанности и готовности реализовать такое

¹ Социологическое исследование «Уровень интеграции этнических меньшинств в региональном социуме» проведено в 2014 г. (N=2037).

намерение (для этого предложена следующая градация вариантов ответа на вопрос о желании уехать: «очень редко», «иногда» и «хочу уехать как можно скорее» – таблица 1).

Таблица 1

**Миграционные настроения представителей
этнических меньшинств в Белгородской области
(ранжированный ряд по доле не имеющих желания уехать), %**

№	Националь- ность (этнос)	ВОПРОС: «Возникает ли у Вас желание уехать на постоянное место жительства в другой регион России или в другую страну?»			
		нет, никогда	очень редко	иногда возникает	хочу уехать как можно скорее
1	Белорусы	85,37	9,76	4,27	0,61
2	Украинцы	81,86	11,22	5,73	1,19
3	Немцы	80,00	9,63	7,41	2,96
4	Татары	77,78	12,96	7,41	1,85
5	Молдаване	75,52	12,59	9,09	2,80
6	Турки и турки- месхетинцы	70,00	17,92	9,58	2,50
7	Азербайджанцы	64,50	19,05	12,55	3,90
8	Цыгане	63,31	18,71	13,67	4,32
9	Армяне	61,84	19,74	15,13	3,29
10	Узбеки	59,00	19,00	17,00	5,00

Вопрос о миграционных настроениях является одним из тех показателей, в котором межэтнические расхождения, существенно меньше межпоколенческих. Другими словами, миграционные установки людей одного возраста у разных народов, как правило ближе, чем в одной этнической группе – у разных поколений. Учитывая, что соотношение возрастных групп у исследуемых этнических меньшинств сильно отличается (например, доля респондентов старше 50 лет среди белорусов составила 66%, а среди турок – 18%), то в данном вопросе целесообразно сразу перейти к оценке миграционных настроений в отдельных поколениях. Это позволит сформировать значительно более объективную картину, нежели распределение мнений респондентов всех возрастных групп в совокупности, которое приведено в таблице 1.

Молодёжь традиционно более активная и мобильная, в том числе и в смысле территориальной мобильности, демонстрирует большую распространённость миграционных настроений во всех этнических группах. Меньше всего потенциальных мигрантов в возрастной группе от 14 до 34 лет фиксируется среди молдаван и турок: 68,1% и 64,1% которых никогда не хотели уехать из региона (таблица 2). Такое распределение, скорее всего, обусловлено тем, что подавляющее большинство представителей этих народов в Белго-

родской области живёт в сельской местности, жители которой, как правило, если и ориентируются на изменение места жительства, то по направлению – из села в город (т.е. внутри региона).

Таблица 2

**Миграционные настроения представителей этнических меньшинств
в Белгородской области, в разных возрастных группах
(ранжированный ряд по доле не имеющих желания уехать), %**

№	Национальность (этнос):	Возрастная группа	ВОПРОС: «Возникает ли у Вас желание уехать на постоянное место жительства в другой регион России или в другую страну?»			
			нет, никогда	очень редко	иногда возникает	хочу уехать как можно скорее
1	Белорусы	до 35 лет	62,50	25,00	6,25	6,25
		35-49 лет	82,50	10,00	7,50	-
		50 лет и ст.	89,81	7,41	2,78	-
2	Украинцы	до 35 лет	59,68	24,19	12,90	3,23
		35-49 лет	77,88	13,27	7,08	1,77
		50 лет и ст.	89,34	6,97	3,28	0,41
3	Немцы	до 35 лет	65,00	17,50	12,50	5,00
		35-49 лет	78,12	9,38	9,38	3,13
		50 лет и ст.	90,48	4,76	3,17	1,59
4	Татары	до 35 лет	63,64	18,18	12,12	6,06
		35-49 лет	72,09	16,28	9,30	2,33
		50 лет и ст.	86,05	9,30	4,65	-
5	Молдаване	до 35 лет	68,09	14,89	12,77	4,26
		35-49 лет	72,55	13,73	9,80	3,92
		50 лет и ст.	86,67	8,89	4,44	-
6	Турки и турки-месхетинцы	до 35 лет	64,06	20,31	11,72	3,91
		35-49 лет	72,06	17,65	8,82	1,47
		50 лет и ст.	84,09	11,36	4,55	-
7	Азербайджанцы	до 35 лет	50,50	25,74	17,82	5,94
		35-49 лет	71,76	15,29	9,41	3,53
		50 лет и ст.	82,22	11,11	6,67	-
8	Цыгане	до 35 лет	54,88	19,51	19,51	6,10
		35-49 лет	70,00	20,00	6,67	3,33
		50 лет и ст.	81,48	14,81	3,70	-
9	Армяне	до 35 лет	49,19	25,00	20,97	4,84
		35-49 лет	66,30	17,39	13,04	3,26
		50 лет и ст.	75,00	14,77	9,09	1,14
10	Узбеки	до 35 лет	46,51	23,26	20,93	9,30
		35-49 лет	57,58	21,21	18,18	3,03
		50 лет и ст.	83,33	8,33	8,33	-

Более старшие возрастные группы молдаван и турок хотя и демонстрируют меньшую миграционную мобильность в абсолютных цифрах, однако в относительном рейтинге среди народов, они уже не занимают лидирующих позиций по степени оседлости. Так, турки в поколении людей среднего возраста находятся на 4-м месте, а среди лиц старше 50 лет – на 6-м; молдаване соответственно на 8-м и 4-м местах.

Таким образом, если проводить сопоставление не между разными поколениями одного народа, а между разными этносами одного возраста, то можно сделать вывод, что молдаване и турки (особенно их молодёжь) в целом одни из самых низко мобильных этнических групп, ориентированных на дальнейшее проживание в регионе.

Зафиксированные нами результаты миграционных настроений белгородских турок, входят в диссонанс с выводами некоторых других исследователей месхетинской общины. Так, например, И.В. Кузнецов в работе, опубликованной в 2007 г., отмечал, что «большая часть турок-месхетинцев России не может считать и не считает её местом своего окончательного пристанища... Даже те, кто чувствует себя в России хорошо, кому здесь нравится, нацелены на отъезд – если не сами, то их дети» [2, С. 166]. По всей видимости, этот тезис более справедлив для российских регионов, где турки менее интегрированы и порой подвергаются открытой или скрытой дискриминации (Краснодарский край и некоторые другие субъекты РФ).

Стабильно низкий уровень миграционных настроений во всех поколениях демонстрируют белорусы (в рейтинге степени оседлости среди молодёжи 3-е место, в средней и старшей возрастной группе – 1-е место), немцы (соответственно, 4-е место среди молодёжи, и 3-е – в поколении среднего возраста и в старшей возрастной группе) и украинцы (5-е; и 2-е места). В целом свыше 80% респондентов в этих группах никогда не испытывали желания выехать за пределы области на постоянное место жительства (таблица 1).

Число представителей этих народов, которые хотят как можно скорее уехать из региона составляет лишь 0,6% среди белорусов и 1,2% – среди украинцев. Среди немцев число таких респондентов существенно выше – 3,0%, что, по всей видимости, обусловлено возможностью их репатриации на историческую родину, в Германию, имеющую высокую привлекательность для потенциальных мигрантов не только немецкой национальности.

Средние показатели (в сравнении с другими народами) миграционных настроений имеют в Белгородской области татары. В ранжированном ряду по числу людей, не испытывающих желания покинуть регион, они занимают 6-е место в поколении молодёжи и 5-е места в более старших возрастных группах.

Большое число потенциальных мигрантов – среди белгородских цыган и азербайджанцев: в разных поколениях они занимают 6-8 места в рейтинге оседлости. Особенно велик разрыв в количестве желающих уехать в другой регион или страну – среди азербайджанцев. Так, если среди лиц старше 50 лет о такой возможности заявляют только 17,8%, то среди молодёжи – 49,5% (таблица 2). И это при том, что азербайджанцы – преимущественно

жители сельской местности; тем не менее, значительная их часть стремится искать лучших условий жизни не в границах региона (например, переехав в областной центр), а за его пределами.

Однако самое большое число людей, испытывающих желание уехать из Белгородской области, отмечается среди армян и узбеков (9-10-е места в рейтинге оседлости по трём основным поколениям). В этих группах более половины респондентов в возрасте от 14 до 34 лет заявляют о возможности сменить место жительства (50,8% – среди армян и 53,5% – среди узбеков). Причём почти каждый десятый молодой узбек (9,3%), хочет «уехать как можно скорее». Узбекская община сильно разделена по этому признаку: в поколении старше 50 лет, лишь 16,7% респондентов не исключают возможности миграции из региона (это число находится примерно на том же уровне, что и среди старшего поколения турок) – таблица 2.

У армян, напротив, старшая возрастная группа, демонстрирует хотя и меньшую распространённость желания уехать из Белгородской области, чем их более молодые соотечественники, но для этого поколения 25,0% респондентов, не исключающих такой возможности – безусловный рекорд. Для сравнения, среди немцев старше 50 лет – это число составляет всего 9,5%.

Большое число армян и узбеков, рассматривающих возможность покинуть регион (38,2% и 41,0%, соответственно), свидетельствует о некоторой степени неудовлетворённости своим положением в обществе. Однако причины этой неудовлетворённости, на наш взгляд, разные. Крупная армянская диаспора проживает в области уже много десятилетий и по основным социокультурным признакам (например, знание языка, уровень взаимодействия с основным этносом и т.д.) в целом хорошо интегрирована. Узбеки, напротив, массово стали селиться в регионе относительно недавно – в 2000-е гг. и имеют одни из самых низких показателей социокультурной адаптации.

Таким образом, возникает вопрос: почему две такие разные общины, демонстрируют близкие показатели миграционных настроений? Ответ на него содержится в распределении желаемых направлений миграции. Среди узбеков доминируют два направления потенциальной миграции из Белгородской области: другие регионы России – 46,3% (прежде всего Московская агломерация) и возвращение на историческую родину – 41,5% (таблица 3). По всей видимости, узбеки, желающие переехать в другие регионы России, имеют прежде всего экономическую мотивацию (более высокие доходы, занятость и т.д.), а, стремящиеся вернуться обратно в Центральную Азию, напротив – нематериальную (возвращение к семье, в привычную среду и т.д.).

Армяне, не исключая возможности покинуть Белгородскую область также, прежде всего, ориентируются на переезд в другие регионы России (таковых 40,5%), однако следующее по популярности направление – другие страны (27,6% – скорее всего это развитые государства Европы и Америки). Репатриацию в Армению считают возможной только 23,3% респондентов-армян (в основном в старших возрастных группах).

**Направления потенциальной миграции представителей
этнических меньшинств в Белгородской области
(от числа указавших на желание уехать), %**

№	Националь- ность (этнос)	ВОПРОС: «Если да, то куда?»			
		на истори- ческую Родину	в другой Регион России	в другую страну	затрудня- юсь отве- тить
1	Цыгане	7,84	64,71	15,69	11,76
2	Молдаване	20,00	60,00	8,57	11,43
3	Армяне	23,28	40,52	27,59	8,62
4	Турки и турки- месхетинцы	31,94	33,33	22,22	12,50
5	Украинцы	34,21	43,42	5,26	17,11
6	Узбеки	41,46	46,34	4,88	7,32
7	Татары	41,67	36,11	8,33	13,89
8	Белорусы	45,83	33,33	4,17	16,67
9	Азербайджанцы	50,00	24,39	10,98	14,63
10	Немцы	51,85	22,22	7,41	18,52

Следовательно, армяне и узбеки хотя и имеют высокий уровень миграционных настроений, однако причины их существенно отличаются. Среди армян преобладают экономические мотивы, они больше ориентированы на переезд в развитые страны, чему способствует наличие обширных родственно-диаспоральных связей по всему миру. Среди узбеков, напротив, почти половина от числа желающих уехать – имеют не экономическую мотивацию, а желание вернуться в привычные условия, к своим семьям и пр.

В завершении следует также отметить, что миграционный потенциал рассмотренных этнических групп в Белгородской области, скорее всего, в целом соответствует и миграционным настроениям этнических меньшинств в других регионах Центральной России. Во всяком случае, состав этнических меньшинств, сферы их деятельности и социально-экономическое положение практически идентично во всех регионах ЦФО.

Список литературы и источников

1. Миграция населения: теория и практика [Текст] / Под ред. О.Д. Воробьёвой, А.В. Топилина. – М.: Экономическое образование, 2012. – 365 с.
2. Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция [Текст] / Ред. Том Триер и Андрей Ханжин. СПб.: Алетейя, 2007. 460 с.

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

На рассвете 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия, без объявления войны, внезапно напала на территорию СССР. В ответ на вероломное нападение советский народ поднялся на защиту своего Отечества. Началась Великая Отечественная война, которая продлилась 1418 дней. Для того чтобы разгромить фашистских агрессоров, советские войска и народ непрерывно уходили на западный фронт. Одновременно в восточном направлении двигались огромные контингенты эвакуированных. Из угрожаемой зоны удалось переместить на Восток различными видами транспорта в 1941–1942 гг. около 17 млн. человек². Подобных масштабов и сроков переброски человеческих сил мировая история не знала.

На третий день войны решением Совета народных комиссаров СССР был создан Совет по эвакуации, в задачу которого входило определение сроков и очередности вывоза людей, материальных ценностей и предприятия, а так же выбор пунктов их размещения в восточных районах страны. Через пять дней после начала войны, ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества».

Во имя сохранения промышленных сил, обеспечения фронта военными продуктами, Советское правительство приняло решение эвакуировать вместе крупными предприятиями (преимущественно оборонными заводами) рабочих и служащих в восточные районы страны. Вместе с оборудованием предприятий в Новосибирск перемещались рабочие, инженеры, техники и их семьи. Данные на 1 июля 1943 г. показывают, что в Новосибирскую область эвакуировалось 301 457 человек. Всего в июле – ноябре 1941 г. из прифронтовых и угрожаемых районов на Восток было переброшено 2593 промышленных предприятия, в том числе 1523 крупных (на Урал – 667, в Западную Сибирь – 244, в Восточную Сибирь – 78, в Среднюю Азию и Казахстан – 308 и в Поволжье – 226 предприятий)³. Число эвакуированных крупных предприятия – столько же, сколько было построено в СССР за всю первую пятилетку. Кроме рабочих, инженеров и техников, перемещению на Восток в первую очередь подлежали женщины, дети и престарелые. Массовая эвакуация проводилась почти одновременно с Украины, из Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Северо-Западного, а позднее и Центральных промышленных

² Сахаров А.Н. Сеньявский А.С. Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М. 2010. С.88.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945, т. 2. –М., 1961, с. 147.

районов. Всего же по железным и шоссейным дорогам, а также водным и воздушным путям с начала войны до конца 1941 г. было переправлено в тыловые районы более 12 млн. человек.⁴ То есть, примерно население средней величины европейского государства того времени. В Сибирь за этот период ежемесячно мигрировало в среднем 50 тыс. чел. Большинство людей перемещались на поезде, автомобиле, пароходе, а многие шли пешком. В 1942 г. в Сибирь примерно прибыло 406 тыс. чел. В январе 1943 г. численность эвакуированного населения в Сибири достигла максимальной цифры, лишь в западной Сибири составило 798 тыс. чел., в том числе 440 тыс. чел. было размещено в поселках городского типа⁵. К весне 1943 г., в течение меньше двух лет всего в Сибирь было эвакуировано около миллиона человек. В истории Сибири никогда не было столь огромной волны переселения.

Эвакуированное население разместились в основном в Западной Сибири, самая близко расположенная к Европейской части Советского Союза, небольшая часть – в относительно далекой Восточной Сибири. На 1 января 1943 г. в Западной Сибири проживало 87.9% эвакуированных в край, тогда как в Восточной Сибири – 12%, а в Якутии – менее 0.1%.⁶

В Западной Сибири основная часть эвакуированного населения разместилась в Новосибирске и Кузбассе. Новосибирск, как крупнейший политический, экономический, культурный центр и узловой центр транспорта на Востоке России, оказался одним из удобнейших пунктов для развёртывания новых предприятий. С конца 1941 г. до начала 1942 г. сюда были перебазированы крупные предприятия авиационной, снарядной, цветной металлургической промышленности и других крупные заводы. По данным на 1 июня 1943 г., в Новосибирск с заводами (в основном это были предприятия оборонной промышленности) и другими организациями прибыло 48367 рабочих, служащих и членов их семей⁷. Они были трудоустроены, как правило, на предприятиях, эвакуированных из их родного города. В этот период Новосибирская область приняла более 300 тыс. эвакуированных. Кузбасс расположен на территории современной Кемеровской области Сибирского федерального округа, которая совпадает с большей частью территории Кузбасса– Кузнецкого угольного бассейна. На 1 июля 1944 г. в Кемеровской области проживало 129 тыс. эвакуированного населения.

В Восточной Сибири основная часть эвакуированного населения разместилась в Красноярском крае–68.4%, в Иркутской области–24%, небольшая масса эвакуированного населения разместилась в Бурятии (6%), в Читинской области (1.6%).⁸

⁴ Сахаров А.Н., Сеньянский А.С. Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 2010. С.83.

⁵ Гушин Н.Я., Исупов В.А. Население западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С.98.

⁶ Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С.148.

⁷ Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). Новосибирск, 2004. С.6.

⁸ См. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С.148.

Размещение эвакуированного населения шло с большими сложностями. Труднейшей была жилищная проблема. Примером этому служит Новосибирск. Накануне войны в среднем на одного жителя Новосибирска приходилось лишь 3,5 кв. метров жилой площади. Согласно постановлению Государственного Комитета Обороны, необходимо расселить рабочих и служащих с семьями из эвакуированных военно-промышленных заводов. Местные власти вынуждены были пойти на экстренные меры. Так, например, были переселены эвакуированные предприятия и следовавший с ними персонал с семьями из города в сельскую местность, или уплотнить жильцов многих организаций и учреждений для освобождения части жилых помещений. Кроме того, местные власти строили новые дома, главным образом бараки, полуподвальные общежития, землянки и приспособленные жить помещения. 13 сентября 1941 г. СНК СССР принял постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения». В нем говорилось: обязать наркоматы и ведомства, наряду с индивидуальным жилищным строительством, проводимым рабочими и служащими эвакуированных предприятий, развернуть из местных стройматериалов строительство жилых помещений упрощенного типа – общежитий, барачных, казарм, полуземлянок – за счет средств, ассигнованных на жилищное строительство по плану 1941 г. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа того же года, Цескомбанку предоставить рабочим и служащим эвакуированных предприятий долгосрочный кредит на индивидуальное жилищное строительство в размере 50% стоимости жилья, а остальную часть стоимости жилищ принять за счет государственного бюджета. К 1 декабря 1941 г. в Сибири было размещено 503 тыс. чел. из западных районов и с Дальнего Востока Советского Союза.

Еще в начале 1942 г. проводилась частичная реэвакуация. Некоторые работники предприятия вернулись в Москву. Потом плановые реэвакуации развернулись в больших масштабах. Со второй половины 1943 г., по мере освобождения территории Советского Союза от немецко-фашистских оккупантов, проходил массовый поток граждан, возвращающихся на постоянные места жительства. На 1 января 1944 г. в Сибирском регионе насчитывалось почти 900 тыс. эвакуантов, сократилось на 100 тыс. чел. по сравнению с 1943 г. На 1 июля того же года, общая численность эвакуантов в Сибири уменьшилась на 34,3%. (308 тыс. чел.), в том числе в Западной Сибири – на 271,2 тыс. чел., в Восточной Сибири – на 36,7 тыс. чел., в Якутии – 0,2 тыс. чел.⁹

К концу Великой Отечественной войны большая часть эвакуантов из европейской части Советского Союза покинула Сибирь. К началу 1949 г. процесс реэвакуации по стране в целом завершился.

По мнению Маршала Советского Союза Г.К. Жуков, эвакуация по своей значимости оказалась равной «величайшим битвам Второй мировой войны»¹⁰. Американские историки Николай Рязановский и Марк Стейнберг писали, «Необычным организационным искусством поистине являются массовые пере-

⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945, т. 2. – М., 1961, с.150.

¹⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С.278.

мещения на Восток заводов и рабочих, которое сыграло решающую роль в процессе спасения от фашистской Германии военной промышленности Советского Союза.”¹¹ Говоря о огромном значении, которое приобретала эвакуация населения для Сибири, необходимо указать на следующие аспекты:

Во-первых, промышленность Сибири развивается быстрыми темпами. Во время войны крупнейшим центром оборонной промышленности на востоке Советского Союза стал город Новосибирск. Город превратился в мощный арсенал советской армии, откуда отправили на фронт многие оружия, боеприпасы и боевой техники. Кроме того, в городе появились и стремительно развивались радио- и электротехническая и другие отрасли промышленности. В Алтайском крае сформировались машиностроительная промышленность, преимущественно тракторные заводы, трансформаторное и энергетическое машиностроение. Знаменитый Рубцовский тракторный завод был основан на базе эвакуированного Харьковского тракторного завода. Эвакуированные из западных районов приборостроительный, котельный и спичечный заводы создали прочную основу для промышленного развития Алтайского края. Некоторые среди них, через техническую перестройку, на сегодняшний день являются ведущими промышленными предприятиями данного края. После временной потери Донбасса, основным угольным бассейном и самой топливной базой Советского Союза стал Кузбасс. 1942 г. удельный вес Кузбасса в общей угледобычи в Советском Союзе достиг высшего показателя—27.8% , 1943 г. —26.8%. В условиях возросшей роли Кузбасс превратился в первую угольную и вторую металлургическую базу, главным экономическим центром и военно-промышленной базой Советского Союза.

Во-вторых, научно-технический потенциал Сибири значительно наращивает. В условиях военного времени далекая Сибирь объективно превратилась в глубинный тыл СССР. Ее военно-стратегическое значение возрастало. Из прифронтовых районов были эвакуированы десятки научных учреждений. Советское правительство создавало в Новосибирске крупный научно-исследовательский центр авиационной военной промышленности. В течение октябрь-ноября 1941 г. большинство ученых института ЦАГИ (Центральный Аэрогидродинамическом Институт) с многими оборудованием прибыли в Новосибирск. Вскоре в Новосибирске сконцентрировались во главе с академиком Академии наук СССР С. Чаплыгиным лучшие ученые, хорошо знавшие состояние мировой авиационной техники. Кроме того, в 1943 г. был создан первый академический центр Сибири—Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР. Безусловно, все это послужило основой для создания новосибирского Академгородка и быстрого развития науки в Сибири.

В-третьих, культура и просвещение Сибири значительно оживляется. Во время войны Сибирь приняла многие культурные ценности и ведущие культурные учреждений, в то числе Третьяковскую галерею, Эрмитаж, Государственную библиотеку имени В.И. Ленина, институты Академии наук СССР,. В Тюмень, являющаяся старейшим Сибирским городом, перевезено

¹¹ Riasanovsky N.V., Steinberg M.D. A History of Russia. Shanghai, 2007. С.506-507.

из мавзолея тело Ленина. Часть экспонатов пригородных дворцов-музеев Ленинграда вывезли в город Горький (Нижний Новгород), затем переправили в Новосибирск. Крупнейшей базой по организации фронтовых агитбригад стал эвакуированный в Новосибирск Театр кукол С.В. Образцова. Из прифронтовых районов были эвакуированы и другие театры, музеи, архивы, библиотеки, 17 вузов. В 1942 г. был организован Омский машиностроительный институт (ныне Омский государственный технический университет) путём реорганизации Ворошиловградского вечернего машиностроительного института, который был эвакуирован в Омск. Первыми студентами ОмСИ были молодые люди, эвакуированные из Москвы, Ленинграда, Киева и других городов. Кроме того, во время войны в Сибири были образованы Алтайский институт сельскохозяйственного машиностроения, Красноярский медицинский институт, Хакасский педагогический институт. Быстро росла сеть учебных заведений в Сибири.

В заключение следует сказать, что эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны спасла от фашистских захватчиков миллионы советских граждан и сохранила производительные силы Советского Союза. К тому же, эвакуация населения оказала глубокое влияние на научно-техническое и культурно-просветительское развитие Сибири. С тех пор, быстро повышается место и роль Сибири в общей системе народного хозяйства СССР. Несомненно, эвакуация населения стала важной предпосылкой победы советского народа в войне против фашистской Германии. Сибирь, ставшая в условиях военного времени глубоким тылом, внес неопределимый вклад в достижение победы над фашизмом во Второй мировой войне.

*Гончарова Н.П.
(Барнаул, Россия)*

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В приграничных регионах России участие трудовых ресурсов из стран ближнего и дальнего зарубежья и трудоизбыточных регионов России становится условием воспроизводства их экономик. Помимо включенности в экономическую сферу мигрантские сообщества в определенной степени помогают преодолеть проблему существенного сокращения населения трудоспособного возраста [5]. При этом как временные трудовые мигранты, так и мигранты, приезжающие на постоянное место жительства, имеют разные поведенческие стратегии, что предопределяет дифференцированный подход к процессу их социальной адаптации в принимающем сообществе.

В зарубежной литературе рассмотрен ряд моделей социальной адаптации индивидов и групп в иноэтнической среде. В частности, К. Додд [1] выделяет четыре основные стратегии поведения в межэтническом взаимодействии, четыре линии поведения человека, оказавшегося в чужой для него стране, четыре модели «F»:

Первая модель поведения – «Flight» (создание своего микромира, попытка избежать прямых контактов с чужой культурой). Реализация этой модели межэтнического взаимодействия трудовыми мигрантами (особенно с низким образовательным уровнем, плохим знанием русского языка, выпадением из правового поля) зачастую приводит к коммуникативной изоляции от принимающего общества и, как следствие, к взаимной дистанцированности и даже неприятию друг друга.

Вторая модель – «Fight» (активное проявление этноцентризма, желание перенести свои этнические стереотипы и модели поведения в новую среду). Новая реальность воспринимается мигрантами неадекватно, новая культура критикуется. Проявление этноцентризма возможно лишь в общностях, сформировавшихся в ходе военных конфликтов, вооруженных столкновений.

Третья модель – «Filter» (диалог культур или разнонаправленная стратегия: сохранение собственной культуры, идентификации со своей этнической группой; высокая активность, коммуникабельность в новой среде). Данная модель поведения представляет собой одновременное нахождение в двух культурных средах. Она характерна для экономических инонациональных мигрантов, которые, с одной стороны, стремятся сохранить свою национальную и культурную идентичность, с другой стороны, хотят быстро осваивать язык страны пребывания, устанавливать контакты, связи с нужными людьми, ориентироваться в новых быстро меняющихся обстоятельствах принимающего общества, демонстрируя при этом высокую и быструю приспособляемость в иноэтнической среде.

Четвертая модель – «Flex» (изменение культурной идентичности, как на уровне внешнего поведения, так и на уровне социального восприятия). Эта модель поведения изменяет культурную идентичность человека и, следовательно, являет собой органичную часть ассимиляционного процесса. Мигрант полностью принимает новое и следует новому этническому фрейму (язык, жесты, нормы, привычки), у него формируются новые установки, взгляды, оценки, ценности. Темпы ассимиляции зависят от близости языка, культуры иноэтнических мигрантов и местного населения, от характера их расселения, от институциональных факторов (миграционной и национальной политики государства) [3].

Информационную базу исследования поведенческих стратегий адаптации иностранных трудовых мигрантов в Алтайском крае составили данные экспертного опроса 20 руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, общественных организаций, научных деятелей, представителей работодателей и материалы 35 глубинных интервью с трудовыми мигрантами (2012–2013 гг., проект РГНФ №12-13-22007а/р), а также данные экспертного опроса 63 руководителей органов местного само-

управления и материалы нарративных интервью с мигрантами, занятыми в сельском хозяйстве (2014–2015 гг., проект РГНФ №14-03-00033а).

В ходе региональных исследований подтвердились три из пяти типичных поведенческих стратегий адаптации иностранных трудовых мигрантов, выделенных в исследованиях С. Абашина, Е. Чикадзе [2]: **пассивная краткосрочная** стратегия, нацеленная только на заработок для обеспечения семьи (женитьба детей, постройка/ремонт дома и т.п.). Для этой стратегии характерно отсутствие у мигранта стремления к интеграции в местное сообщество принимающего региона, интенсивный график работы, ограниченные закрытой сетью социальные связи и минимальное взаимодействие с «внешним» миром, компенсируемое посредником (как правило, бригадиром), на которого возлагаются все действия по налаживанию контактов с работодателем, обсуждение условий оплаты и проживания, отправкой заработанных денег домой и т.д. По окончании работы или сезона мигрант возвращается домой и если поездка была вызвана необходимостью обеспечить какое-либо предприятие (свадьбу, покупку или ремонт дома, например), и позволила его осуществить, то следующая поездка может и не планироваться; **активная долгосрочная** стратегия, нацеленная не только на обеспечение семьи, но и на образование детей, возможность открыть какое-либо дело на родине. Для этой стратегии характерны активное освоение мигрантом социального пространства и культуры, приобретение новых профессиональных навыков, наличие широких (открытых) социальных сетей. По возвращении на родину такие мигранты могут использовать приобретенный опыт для трудоустройства, пересматривать и подвергать критике некоторые обычаи традиционного общества; **активная долгосрочная** стратегия, нацеленная на открытие бизнеса или выстраивание карьеры за пределами родины. Эта стратегия обязательно предполагает и открытые широкие сети, и активный процесс интеграции в местное сообщество (между тем как предыдущая может все же осуществляться и в узких или относительно узких сетях и при слабой интеграции). Семейные мигранты могут выезжать сначала в одиночку, и позже перевозить семью.

Помимо этого была выявлена еще одна поведенческая стратегия, которую можно определить как «**долгосрочную молодежную стратегию**, нацеленную на получение образования с последующим трудоустройством в регионе вселения». Для этой стратегии характерны активное освоение молодым мигрантом социального пространства и культуры принимающего общества, наличие широких (открытых) социальных сетей, получение образования, трудоустройство и активный процесс интеграции в местное сообщество без возвращения на Родину с последующим созданием семьи в стране въезда.

Ключевыми факторами, сформировавшими выбор страны пребывания, оказались диаспоральные или родственные связи мигрантов. Тенденция к консолидации с соплеменниками отличает, прежде всего, выходцев из Средней Азии и республик Северного Кавказа. Со «своими» «отношения легче, и помогают они, а россияне – нет». При этом практически все мигранты указали, что если не Алтайский край, выбор пал бы на какой-нибудь другой регион Российской Федерации, где есть знакомые или родственники. Однако пре-

дысторией мигрантской жизни у каждого стали либо положительные отзывы о жизни и работе в крае друзей и родных, либо ознакомительная поездка к ним. Наличие знакомых и родственников в регионе вселения еще больше увеличивает адаптационные возможности мигранта.

Нельзя сказать, что жизнь «на чужбине» трудового мигранта полностью удовлетворяет или вызывает, безусловно, положительные эмоции опрошенных. Оценочные характеристики всех информантов носят преимущественно нейтральный характер. Трудовые мигранты указывают на то, что удовлетворенность предложенными условиями – не главное, регион, дающий им работу, нужен только в качестве донора рабочего места и гарантии стабильности спроса на труд мигрантов. Если эти два условия выполняются – трудового мигранта все устраивает, и интеграция в принимающее сообщество происходит успешнее. Место временного проживания чаще всего не вызывает эмоциональной привязанности, это просто временные условия, дающие возможность обеспечивать себе и своей семье минимальные гарантии материальной обеспеченности.

Оценивая свои взаимоотношения с местным населением, опрошенные мигранты дают неоднозначные характеристики: в целом отношения нормальные, со стороны мигрантов есть стремление не взаимодействовать с местными без особой на то нужды, не провоцировать конфликтов, а при их возникновении – избегать. Основной принцип межличностных контактов с местным населением: «я ни с кем не ссорюсь, ссориться не буду, пойду на свою дорожку, никому не мешаю, а мне не мешают люди».

Со стороны местных отмечается настороженное отношение, которое зачастую выливается в открытое неприятие под воздействием алкоголя. Практически все опрошенные отметили, что состояние алкогольного опьянения усиливает недоброжелательное отношение местных жителей по отношению к приезжим, особенно – из государств Средней Азии. «Местные» могут позволить себе «не уступить... быть грубыми по отношению к тебе..., замечания различные делать», но подобное поведение мигранты оправдывают естественным положением вещей и чаще готовы его терпеть: «конкретной дискриминации я не наблюдал, но, думаю, что как и везде, она... практикуется, и, в принципе, это есть... Ну, а вообще, любой человек больше любит свою нацию». При этом характерно, что негатив во взаимоотношениях опрошенными не связывается исключительно с их мигрантским статусом или этнической принадлежностью. Как отмечают опрошенные трудовые мигранты, националистические высказывания спровоцированы конкуренцией за рабочее место, тем, что мигрант «работу отбирает», а не его национально-этническими признаками («мне кажется, местные думают, что я ем их хлеб»).

В бытовых взаимодействиях с местным населением – арендодателями жилых помещений, соседями, коллегами – чаще всего взаимоотношения носят адекватный ситуации характер («хозяйка очень хороший человек, я очень доволен,... потому что бывает, что, например, у меня работы нет, долги у меня собираются к ней, ...потом я отрабатываю и отдаю долг»). При этом, чем длительнее период пребывания в России, тем положительнее оценки взаимодей-

ствий с местным населением. Несмотря на практически полное прекращение общения со своим этносом в силу разных обстоятельств, у мигрантов сохраняется уважение к своей культуре, языку, традициям [4].

Проблемы адаптации различных категорий трудовых мигрантов в сельской местности. В жизнедеятельности как сезонных, так и постоянных мигрантов встречается немало фактов отклонения от правовых и моральных норм, столкновения локальной и этнической культур стран выхода и принимающей стороны. Наибольшие проблемы адаптации к местным условиям, по мнению половины экспертов, испытывают сезонные мигранты (около половины экспертных оценок). На втором месте – категория трудовых мигрантов, ориентированных на длительное проживание (так считает каждый пятый эксперт). Третью позицию по сложностям адаптации к условиям жизнедеятельности принимающей стороны занимают транзитные мигранты, приезжающие на очень короткий срок, по пути, «проездом» к месту окончательного вселения (13%). И меньше всех испытывают проблемы адаптации к местным условиям челноки, приезжающие с целью купли-продажи товаров (около 8%), а также маятниковые мигранты, осуществляющие регулярные ежедневные поездки от своего постоянного места жительства в другие населенные пункты края на работу или учебу и обратно (менее 5%).

Несмотря на существующие сложности адаптации отдельных категорий трудовых мигрантов к местным условиям, подавляющее большинство экспертов характеризуют отношения между ними и местным сельским населением как достаточно доброжелательные, доверительные. Если конфликты и возникают, то они довольно редки (так считают эксперты из 7 районов), как правило, «на бытовой почве» (например, «молодежь иногда выясняет отношения из-за девушек»).

Несовпадение интересов мигрантов и местного населения наблюдается, по оценкам экспертов, в области религии, сельского хозяйства, строительства и торговли. В сфере АПК разногласия чаще всего касаются уровня оплаты труда, качества выполняемых работ, а также обусловленных культурными различиями вопросов использования сельскохозяйственных угодий и обработки почвы, содержания мелкого и крупного рогатого скота. Однако, случаи несовпадения интересов мигрантов и местного населения единичны, поскольку, считают эксперты, их интересы, как правило, не пересекаются.

Таким образом, выбор трудовым мигрантом определенной поведенческой стратегии адаптации определяется разноплановыми факторами. Результаты представленных исследований показывают, что большинство иностранных работников Алтайского края – это временные трудовые мигранты, которые стремятся к реализации пассивной краткосрочной стратегии, нацеленной только на заработок для обеспечения семьи. Несмотря на наличие родственных и диаспоральных связей, на удовлетворенность рабочими условиями и отношениями с местным населением, многие иностранные работники не заинтересованы в адаптации в принимающем обществе, поэтому при достижении поставленной до переезда цели они сразу возвращаются на родину.

Значительным препятствием в межкультурном общении, барьером на пути к ассимиляции культурных образцов становится для мигранта язык, на котором разговаривают в принимающем сообществе. Однако существует ряд и других факторов, затрудняющих межэтнические взаимодействия, таких как различия в культуре, традициях и обычаях; необычная внешность мигрантов; нарушения приезжими принятых норм поведения; ценностные и поведенческие особенности мигрантов; способ проживания (групповой, компактный) и др. Вместе с тем, от успешной адаптации мигрантов к новым условиям жизни зависит не только экономическая и интеллектуальная отдача человеческих ресурсов для развития регионов, но и социальные настроения в обществе, формирование продуктивного межкультурного диалога.

Список литературы и источников

1. Dodd, C.H. Dynamics of intercultural communication [Текст] / C.H. Dodd. – Boston. – MS: McGraw Hill, 1998.
2. Абашин, С. Экономические мигранты из Центральной Азии: Исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей [Электронный ресурс] / С. Абашин, Е. Чикадзе // http://www.cisr.ru/files/otchet_econom_migranty.pdf
3. Вишневская, Н.Г. Теоретические и методологические основы изучения трудовой миграции населения [Текст] / Н.Г. Вишневская // Перепись населения как инструмент прогнозирования социально-экономических и демографических процессов: Сборник трудов Всероссийской научно-практической Интернет-конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. – 2011. – Ч.1. – С. 7–19.
4. Гончарова, Н.П. Трудовая миграция в Алтайском крае: основные результаты исследования [Текст] / Н.П. Гончарова, Е.В. Тарасова, О.Е. Ноянзина, С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко, Г.С. Авдеева // Вестник Алтайской науки. – 2014. – №1 (19). – С. 96–101.
5. Сергиенко, А.М. Трудовые мигранты в сельском хозяйстве: практики взаимодействия с местными сельскими жителями приграничного аграрного региона [Текст] / А.М. Сергиенко, Н.П. Гончарова // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – №3/1(87). – С. 190–194.

ЭФФЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Миграционный отток населения из регионов Сибири и Дальнего Востока, в том числе и Байкальского региона (БР), естественная его убыль и высокая смертность в трудоспособном возрасте привели к дисбалансу трудовых ресурсов. В структуре населения региона наблюдается снижение удельного веса трудоспособного возраста и рост численности граждан пенсионного возраста. Отмечается эмиграция специалистов вследствие отсутствия ниш занятости, закрытия ряда промышленных предприятий и др., а также их перепроизводства, особенно гуманитарной направленности. В последние годы в регионе отмечается отрицательное сальдо миграции, преимущественно трудоспособного молодого возраста (Таблица 1). Ежегодно выбывает из региона от 11 тыс. до 21 тыс. человек.

Таблица 1

Отрицательное сальдо миграции в Байкальском регионе

Байкальский регион	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Республика Бурятия (РБ)	2038	3235	4355	4523	3579	1276
Иркутская область	6061	5541	6799	7245	8553	7164
Забайкальский край	2617	4882	9280	7606	8554	6742
Итого	10716	13658	20434	19374	20686	15182

Источник: Федеральная миграционная служба РФ

В то же время в регионе ощущается необходимость в дополнительной рабочей силе. С годами растет потребность в работниках, заявленная организациями и предприятиями в государственные учреждения службы занятости населения. За период 2009-2014 гг. численность вакантных рабочих мест в РБ ежегодно составляла от 4 до 6 тыс., в основном рабочих и технических специальностей. (Диаграмма 1). В 2015 г. в Забайкальском крае число вакантных рабочих мест было 8446, в Иркутской области - 40 тыс. [7]

Трудовой потенциал региона отчасти пополняется за счет международной трудовой миграции. По данным УФМС в отдельные годы численность иностранной рабочей силы (ИРС) в регионе составляла более 60 тыс. человек, без учета прибывших по патенту. За последние годы в целях обеспечения приоритетного трудоустройства российских граждан проводится целенаправленная политика сокращения трудовых иммигрантов. Иностранцы составляют в среднем 0,5 % до 2,2% в общей численности занятых в эко-

номике региона, в то время как пороговое значение внешней трудовой миграции составляет 15-20% (мировой показатель).

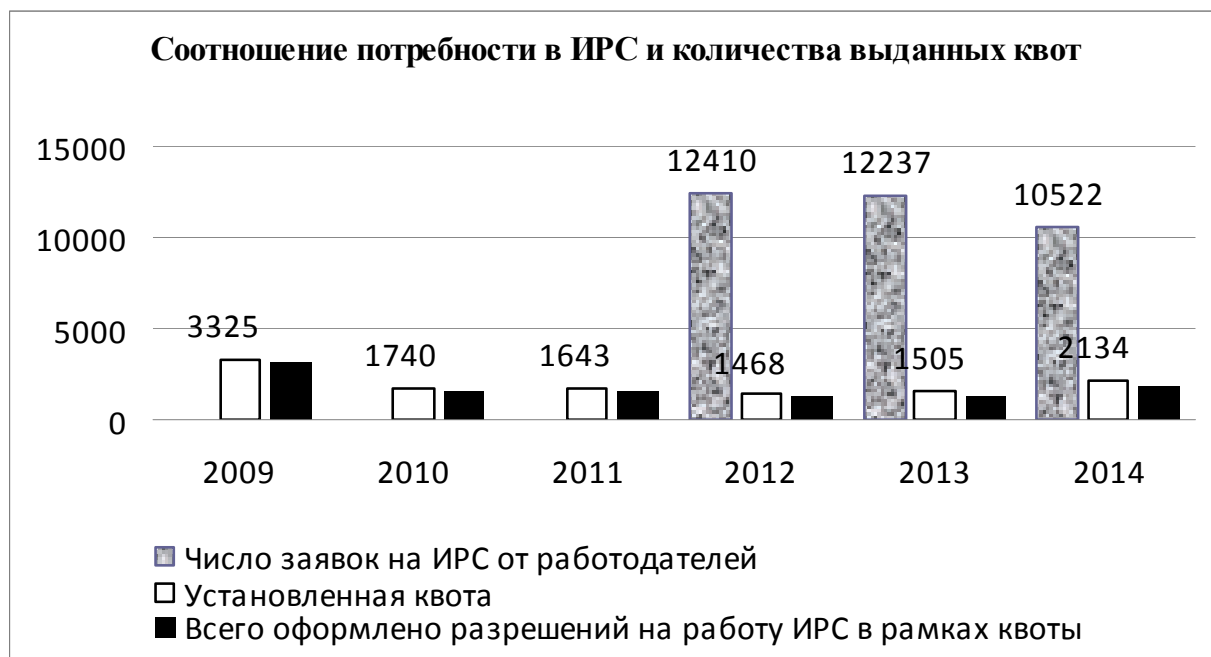
Диаграмма 1



* Источник: [2; 5, с.6]

Политика регулирования ИРС, направленная на резкое сокращение числа квалифицированных трудовых иммигрантов, работающих *по квоте*, на наш взгляд, не совсем правильная, поскольку, *во-первых*, они преимущественно занимают ниши занятости квалифицированного и малоквалифицированного, но тяжелого физического труда, где работать местные жители не согласны, либо не имеют соответствующую квалификацию. В центрах занятости населения вакансии на эти работы закрываются преимущественно иностранными рабочими. В 2012 г. более 40,0% иностранных граждан, имевших разрешение на работу, составляли рабочие, занятые на горных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах [2, с.343]. *Во-вторых*, по заявкам работодателей и экспертов потребность в ИРС довольно высокая. Соотношение числа заявок от работодателей на ИРС и получивших разрешение на работу иностранных граждан составляет по РБ от 11,8 до 20,2 %. (Диаграмма 2). Особенно не удовлетворяется потребность в ИРС в строительстве, обрабатывающих производствах и сельском хозяйстве. *В-третьих*, резкого сокращения квот на ИРС, как в Бурятии, не произошло в целом по стране и в соседних регионах: численность ИРС в отдельные годы была даже увеличена. В Иркутской области в 2014 г. были выданы разрешения на работу 21,5 тыс. иностранным гражданам. Прежними они остались и в Забайкальском крае. В целом по стране квоты на ИРС в 2012 г. были снижены всего на 16,4 %, в то время как в РБ по сравнению с 2008 г. – в 13,1 раз.

Диаграмма 2



* Источник: [3,4]

В результате рост численности ИРС происходит главным образом за счет неквалифицированной, стихийно прибывающей рабочей силы из стран СНГ, работающей по патенту у частных лиц (Диаграмма 3). Сложившаяся ситуация обуславливает низкое качество выполняемых работ иммигрантами, снижение средней заработной платы в регионе.

Диаграмма 3



* Источник: [3,4]

Вместе с тем, в регионе отмечается наглядный эффект от использования труда иностранных граждан.

Позитивные эффекты от привлечения ИРС

1. Вклад трудовых иммигрантов в экономику региона. Наибольший вклад трудовых иммигрантов в производство товаров и услуг отмечен в середине и конце 2000-х гг., главным образом в строительном секторе экономики. Отмечена высокая положительная *корреляционная зависимость* (линейный коэффициент корреляции Пирсона) между ростом числа трудовых иммигрантов и сданных строительных площадей в эксплуатацию. В 2012-2014 гг. по нашим расчетам она составляла 0,980.

В 2010 г. введена патентная система для иностранных рабочих, работающих у физических лиц, благодаря которой также пополняется бюджет региона. Например, в 2013 г. иностранными гражданами внесено в бюджет Бурятии налоговых отчислений за работу по патенту более 40 млн. руб.; в 2014 г. – 47,0 млн. руб. [3]

2. Регулирование структуры трудовых иммигрантов.

Если ранее привлекались преимущественно иностранные работники без какой-либо квалификации, то в современных условиях политика регулирования направлена на специалистов, имеющих начальное и среднее профессиональное образование. По данным агентств занятости населения в 2015 г. заявки на привлечение этих специалистов в регионе составляли 93,1%. В дальнейшем миграционная политика должна быть направлена и на привлечение иностранных специалистов высокой квалификации (ВКС). Сегодня регион не может предложить им высокую заработную плату, поэтому специалисты этой категории мало представлены в общем объеме трудовых мигрантов.

3. Пополнение рынка труда за счет ИРС. Развитие трудовой, учебной миграции приводит к диффузии иммигрантов в структуру принимающего общества. Небольшая часть мигрантов переходит в категорию постоянно проживающих в регионе, появляется дополнительная рабочая сила, в основном трудоспособного молодого возраста.

Негативные эффекты от привлечения ИРС

1. Снижение средней заработной платы в регионе. При использовании иностранного труда, отмечается снижение средней заработной платы в регионе. Многие мигранты готовы работать за более низкую оплату труда, чем коренное население. Соотношение среднемесячной заработной платы иностранного и регионального работника в 2015 г. составляла 50-60%. Если оплата труда иностранных граждан, имеющих начальное и среднее профессиональное образование (бетонщик, каменщик, маляр, наладчик оборудования и др.) несколько ниже, а порою и выше, чем у местных рабочих за аналогичную работу, то мигранты, не имеющие специальности, получают мизерную заработную плату.

2. Вытеснение местного населения из отдельных сегментов рынка труда.

Наибольшее замещение местных рабочих иностранными гражданами происходит в сферах строительства, особенно жилых домов, оказания услуг по ремонту, а также сельскохозяйственных, лесозаготовительных и др. работ.

3. Отмечается ухудшение *качества производимой продукции* из-за низкой квалификации мигрантов, работающих преимущественно в частном секторе, у физических лиц по патенту.

Отдельные негативные проявления, связанные с трудовыми иммигрантами, как рост преступности, нарушение политической и межнациональной стабильности и др. фактически в регионе не наблюдаются.

Таким образом, в современных условиях необходима защита национального рынка труда от избыточной иностранной рабочей силы, обеспечение приоритетного трудоустройства на вакантные места российских граждан. Вместе с тем, необходимо рационально использовать и иммиграционный потенциал квалифицированных иностранных граждан, рабочий труд ИРС, конкурентные преимущества которого, по сравнению с местными работниками, пока очевидны. Привлечение и использование иностранной рабочей силы является одним из вариантов снижения дефицита в трудовых ресурсах на региональном рынке труда.

Несмотря на то, что ощущается потребность в иностранной рабочей силе, недостаточно учитываются интересы работодателей, регион не дополучает необходимые трудовые ресурсы. Существующие риски использования ИРС несколько нивелируются позитивным эффектом от его привлечения. От того, как именно будет осуществляться миграционная политика, зависит: станет ли миграция ресурсом развития страны и конкретного региона или превратится в угрозу его безопасности.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. – М.: Росстат, 2015.
2. Труд и занятость в России. М: Росстат.- 2013.
3. Материалы Республиканского Агентства занятости. [http:// www.burzan.ru](http://www.burzan.ru)
4. Управление Федеральной миграционной службы по Республике Бурятия (УФМС по РБ). Аналитический доклад об итогах деятельности за 2014 г.
5. Миграция населения Республики Бурятия. –Улан-Удэ: Бурятстат, 2015.
6. Материалы Министерства экономики РБ. <http://www.economy.govrb.ru>
7. Материалы Министерства труда и занятости Иркутской области, Государственной службы занятости населения Забайкальского края. [http:// www.zabzan.ru/](http://www.zabzan.ru/); [http:// www.irkzan.ru](http://www.irkzan.ru)

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В ЧУКОТСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

(Исследование проведено при поддержке гранта
РГНФ № 15-03-00740)

Социально-экономические последствия распада Советского Союза были более сильными на северо-востоке страны, чем в других регионах России. Политические и экономические реформы принесли резкие изменения в демографической ситуации. В отличие от других демографических процессов, миграции оперативно отреагировали на изменения, происходящие в обществе. Резкий миграционный отток был вызван многими причинами, в том числе сокращением армии и закрытием многих промышленных предприятий на основе использования природных ресурсов из-за их нерентабельности в условиях рыночной экономики. Ориентация на рынок обнажила относительную перенаселенность северных регионах, которые люди в спешке покидали.

Чукотка, самый северо-восточный регион России, столкнулась с серьезным экономическим спадом и значительным сокращением численности населения в 1990-е годы. В отличие от 1990-х годов, период с 2001 года характеризовался оживлением в отраслях традиционного природопользования и появлением новых видов экономической деятельности, связанных с освоением минеральных ресурсов.

В работе исследуется динамика населения Чукотского автономного округа (далее – ЧАО) Российской Федерации в постсоветский период. Социально-демографические особенности развития региона были частично исследованы российскими учеными [1–4]. Наша статья дополняет их исследованиями взаимосвязи миграции населения и расселения в Чукотке на локальном уровне. Материалами исследований послужили как данные официальной статистики, так и материалы экспедиционных исследований в Иультинском и Анадырском районах округа.

В советский период основная часть промышленных предприятий, электростанций, поселков, объектов промышленной и социальной инфраструктуры была создана на Чукотке в 1960-х годах. Экстенсивное промышленное освоение региона продолжалось в 1970–80-е годы. Для привлечения в регион трудовых ресурсов, особенно квалифицированных кадров, в советский период действовала программа по материальному стимулированию труда в районах Крайнего Севера. Ввиду миграционного притока и естественного прироста (более высокого, чем в других регионах из-за более молодой возрастной

структуры населения) в советский период население Чукотки увеличивалось, достигнув максимального показателя – 158 тыс. чел. в 1990 г. (рис.1).

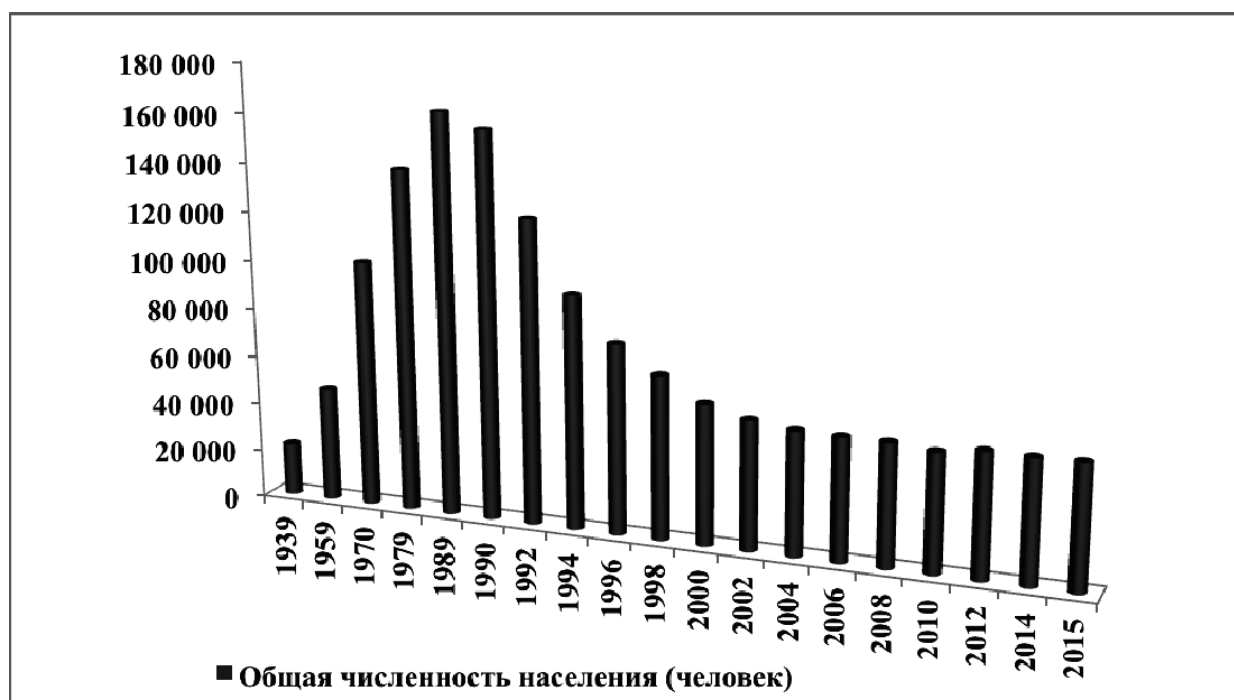


Рис.1. Общая численность населения Чукотки (1939-2015)

Источник: данные официальной статистики

Динамика населения в постсоветский период

Переход к рыночной экономике оказался болезненным для ЧАО, ситуация в этом регионе напрямую зависела от общего положения в стране. Общий кризис в регионе был усугублен спадом в таких определяющих отраслях, как добыча золота и олова, которые стали нерентабельными с приходом рыночных отношений. В итоге крупнейшие горно-обогатительные комбинаты (Певекский и Иультинский) прекратили работу в 1990-х гг., а большинство золотодобывающих предприятий были закрыты.

Кризис, охвативший ЧАО в 1990-е гг., и отсутствие государственной поддержки привело к массовой возвратной миграции, преимущественно в Европейскую часть РФ и страны СНГ. Из фактора увеличения численности населения, миграционные потоки превратились в фактор ее снижения. С 1991 г. численность населения стала стабильно сокращаться, прежде всего за счет миграции (рис. 1, рис. 2). Наиболее массовым миграционный отток был в период экономического кризиса 1990-х гг., особенно в 1997-2000 гг. (рис. 2). Численности населения округа уменьшилась в более чем в 2 раза (со 158 до 67 тыс. чел.) в 1990-1998 гг. (рис.1).

Несмотря на социально-экономические успехи Чукотки в 2000-х гг., миграционный отток продолжался, но его темпы были значительно ниже, чем в 1990-х гг. (рис.2). В период 1998–2010 гг. население округа сократилось на 27.5%, что более чем в 2 раза меньше, чем в 1990–1998 гг. (рис.1).

После 2010 г. демографическая ситуация стабилизировалась (рис. 1). Несмотря на продолжающийся миграционный отток, стабилизации численности населения способствовал естественный прирост и приток населения из других регионов из-за возможности трудоустройства, главным образом, в золотодобывающей отрасли в связи с освоением новых месторождений с 2008 года. Итого за период 1990-2015 гг. общая численность населения сократилась в более чем 3 раза (табл.1), а доля коренного населения в общей численности населения увеличилась.

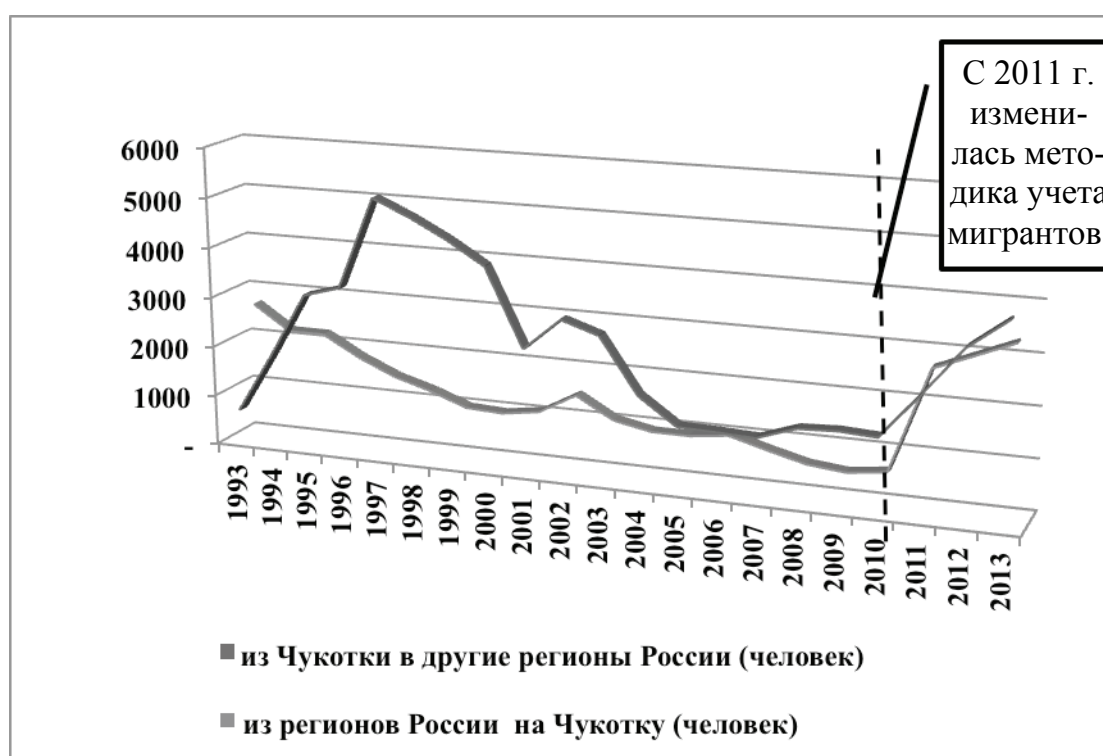


Рис.2. Внутренняя миграция населения в Чукотском автономном округе в постсоветский период.

Источник: данные официальной статистики

Трансформация населенных пунктов и ее связь с миграцией

Миграция населения, ставшая следствием политических и экономически трансформаций, оказала значительное воздействие на развитие локальных территорий и населенных пунктов. Нами выделено несколько типов трансформации населенных пунктов выявленных в ходе экспедиционных исследований. Трансформация населенных пунктов трактуется как процесс изменения (преобразования, превращения, видоизменения) населенных пунктов, проявляющийся, главным образом, в динамике населения и видоизменении внешнего облика поселений. Первый подтип – это сохранившиеся с советского периода села, с преимущественно коренным населением, людность которых изменилась (уменьшилась), но значительно меньше, чем в населенных пунктах с преимущественно русским населением. Это объясняется традиционно

более высокими показателями рождаемости среди коренного населения, но главным образом – отсутствием (или слабой выраженности) миграционного оттока. Население национальных сел в постсоветское время, как и в советский период, занято в отраслях традиционного природопользования, использующих возобновляемые биологические ресурсы. Примером являются национальные села Амгуэма, Ванкарем, Нутепельмен, Конергино и Уэлькаль в Иультинском районе, где доля представителей коренных народов составляет 74-96% [1]). Например, общая численность населения с. Амгуэма из-за миграционного оттока немногочисленного некоренного населения и незначительного миграционного оттока коренного (главным образом молодежи) в районный и окружной центры уменьшилась на 34% в 1990–2013 гг., но это в 1,9 раза меньше, чем районный показатель за этот период.

Второй тип – сохранившиеся с советского времени, но значительно уменьшившие людность, населенные пункты с преимущественно русским населением, имеющие статус центра муниципального района. Их общая численность населения значительно уменьшилась из-за миграционного оттока, особенно в период 1990-х гг.. Например, за 1990-1998 гг. численность населения п. Эгвикино, центра Иультинского района, сократилась на 56%, а в целом за 1990-2013 гг. уменьшилась на 49%. Положительную роль в сохранении этого населенного пункта и других районных центров сыграл приток населения из близрасположенных поселков и сел, привлеченного возможностями трудоустройства в бюджетных организациях, строительстве и предприятиях, использующих минеральные ресурсы для местных нужд.

Третий тип – значительно уменьшившие людность населенные пункты, с преимущественно русским населением, где сосуществуют заброшенные и сохранившиеся микрорайоны. Примером является п. Угольные Копи (доля коренного населения всего около 4%), где заброшенная часть – бывшее место проживания семей военнослужащих и занятых в обслуживании воинской части. Несмотря на сильный миграционный отток населения в 1990-х гг. из-за ликвидации воинской части, поселку удалось выжить благодаря статусу центра Анадырского района в 1992-2008 гг., давшего рабочие места в бюджетных организациях, а также занятости в градообразующем предприятии по добычи бурого угля для местных потребностей и обслуживанию аэропорта.

Четвертый тип – ликвидированные и нежилые населенные пункты, где ранее проживало пришлое население, преимущественно занятое в отраслях по добыче полезных ископаемых. После ликвидации в 1990-х гг. градообразующих предприятий, слабо укоренённое население мигрировало, а поселки были официально ликвидированы постановлениями правительства РФ. Наибольшее количество ликвидированных населенных пунктов находится в Чаунском и Билибинском районах, где в советский период были расположены монопрофильные поселки, связанные с добычей олова и золота.

К пятому типу отнесены возникшие в постсоветский период вахтовые поселки, временные поселения (на период добычи природного ресурса) трудовых мигрантов. В Чукотке они расположены возле новых проектов по добычи рудного золота. Количество временных рабочих поселений увеличивается из-за

расширения действующих и возникновения новых проектов. Примером этого типа является вахтовый поселок из современных канадских модулей на 600 человек (2012 г.) возле золото-серебряного месторождения «Купол».

Исследования миграции населения в ЧАО подтвердили ранее сделанные выводы о нестабильности демографических систем арктических регионов [4]. Установлено, что наиболее нестабильными поселениями из-за большой вероятности миграционного оттока являются монопрофильные населенные пункты без статуса административного центра, с градообразующим предприятием использующим исчерпаемые природные ресурсы, с преимущественно пришедшим и слабо укорененным населением.

Список литературы и источников

1. Литвиненко Т.В. Постсоветская трансформация ресурсопользования и ее влияние на динамику населения в Чукотском автономном округе // Известия РАН. Сер. геогр. – 2013. – № 2.
2. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Отв. ред. П.А. Минакир. Российская Академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. – Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2006. – 224с.
3. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. – 2009. – № 2.
4. Сидоркина З.И. Территориальная организация и социальная самоорганизация населения в слабозаселенном регионе. – Владивосток: Дальнаука, 2014. – 240 с.
5. Petrov A. Post-staple bust: modeling economic effects of mine closures and post-mine demographic shifts in an arctic economy (Yukon), *Polar Geography*, Vol. 33, Nos. 1–2, March–June 2010, 39–61.

Лукьянец А.С.
(Москва, Россия)

ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В НЕКОТОРЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ СУБЪЕКТАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

(Исследование проведено в рамках гранта
РФФИ № 15-36-20930 мол –а-вед)

Дальний Восток является стратегически важной частью страны с точки зрения экономического и геополитического потенциала. Кроме ресурсного потенциала, возможно более важное значение имеет геополитическое положение этих территорий. Сегодня Дальний Восток является форпостом на восточных границах России. Геополитические процессы, выраженные противостоянием Японии, Китая и Тайвани, по поводу спорных островов сотрясают и без того накаленную обстановку в регионе. Наличие протяженной границы с самой гус-

тонаселенной страной – Китаем, неурегулированный спор с Японией по поводу Южных Курил, требуют от российских властей повышенной готовности к возможным геополитическим вызовам и угрозам [1 С. 75-76].

Еще одной геополитической угрозой можно рассматривать растущую экономическую и военную мощь Китая. Мировая экспансия Китая в первую очередь проявляется в экспорте капиталов, товаров, а также своего населения. Общая площадь Дальневосточного Федерального округа составляет 6,2 млн. км² или 34,6% площади всей России, что делает этот округ самым большим по территории. Так, по данным Росстата, по состоянию на 01 января 2015 г. население ДФО составляет 6,211 млн. человек, что составляет 4,3% от всего населения России [2].

Распад Советского союза негативным образом сказалось на демографических тенденциях России в целом, а в еще большей степени в ее восточной части. В период с 2000-2015 гг. население Дальневосточного федерального округа на 702 тыс. человек, что почти 10,2%. Приграничные субъекты федерального округа, наиболее важные с геополитической точки зрения, по настоящее время имеют отрицательную динамику численности населения, несмотря на то, что в некоторых субъектах в 2014 г. был зафиксирован положительный естественный прирост.



Рис. 1. Динамика численности населения (на 1-е января)

Данные по естественному движению представлены в таблице 1. В последние годы из-за изменения возрастной структуры населения, а также в результате реализуемых мер по поддержке рождаемости и снижению смертности, в части приграничных субъектов ДФО в 2014 г. был зафиксирован положительный естественный прирост.

Изменение коэффициента естественного прироста в 2000-2014 г.

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Дальневосточный ФО	-3,46	-3,78	-0,58	-0,21	0,89	1,31	1,47
Камчатский край	-1,67	-1,53	-0,58	0,40	1,41	1,62	1,65
Приморский край	-5,19	-5,72	-2,45	-2,12	-1,08	-0,83	-0,65
Хабаровский край	-5,66	-5,40	-1,63	-1,68	0,10	0,60	0,69
Амурская область	-4,38	-4,85	-1,51	-1,21	-0,41	0,16	-0,17
Сахалинская область	-4,11	-6,02	-2,81	-2,33	-1,18	-0,17	0,56
Еврейская автономная область	-4,79	-6,31	-1,84	-1,30	-1,10	-0,89	-1,04
Чукотский АО	1,90	3,88	0,94	2,51	2,57	2,53	2,73

Однако на фоне динамики естественного прироста населения более негативное воздействие оказывает миграция населения. Единственно, необходимо сразу отметить, что речь идет о внутренней миграции. Основной тенденцией современной миграционной ситуации в России можно считать расширение зоны оттока населения, сокращение зоны его притока и постепенное усиление поляризации территории страны по результативности миграционных потоков.

Внутренняя миграция или, правильнее сказать, отток населения в другие регионы страны стал определяющим фактором сокращения численности населения субъектов ДФО. В 2014 г. только за счет внутренней миграции округ потерял 35,6 тыс. человек. Все без исключения субъекты, включая приграничные, имели отрицательный прирост во внутрироссийских перемещениях. Дальневосточный федеральный округ имеет отрицательное сальдо со всеми федеральными округами России.

В то же время международная миграция за последние годы является компенсирующим фактором сокращения численности населения в результате внутренней миграции. В 2014 г. международная миграция дала немногим менее 11 тысяч человек, которые преимущественно пришлось на три субъекта: Приморский край, Хабаровский край, Амурская область. Несмотря на то, что миграционная привлекательность Дальнего Востока в миграционном обмене с зарубежными странами растет, приходится констатировать, что миграция, в целом, остается основным фактором сокращения численности населения ДФО.

Согласно демографическим прогнозам, при сохранении современных тенденций, численность населения Дальнего Востока продолжит сокращаться, обостряя и без того сложную геополитическую обстановку. На сегодняшний день единственным реальным инструментом является четко продуманная миграционная политика, которая отвечала бы и интересам восточных регионов и страны в целом.

Обеспеченность Дальнего Востока значительными запасами природных ресурсов должно явиться тем фундаментом, на котором будет базироваться комплексная федеральная программа по развитию восточных территорий. Накопленный советский опыт показал и доказал всю значимость экономиче-

ских инструментов миграционной политики. В то же время для эффективного их использования необходимо создание соответствующих условий в принимающих территориях, которые возможно создать совместными усилиями государства и бизнеса [3 С. 85].

Список литературы и источников

1. Лукьянец А.С., Максимова А.С., Чухнин В.С., Смирнов А.В. Миграционная компонента в социально-демографическом развитии приграничных территорий Сибири и Дальнего востока [Текст]. // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки, 2014, № 4-5. С. 74-77.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ <http://gks.ru>
3. Рязанцев С.В. Миграция и миграционная политика Российской Федерации. Научный доклад. Выпуск I / под. Ред. д.э.н. проф. С.В. Рязанцева. – М., Издательство Евразийского научно-исследовательского института проблем права, 2011 г., 116 стр.

С.Н. Мищук,
ИКАРП ДВО РАН, г. Биробиджан

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ

Одним из приоритетных направлений развития международного сотрудничества на Дальнем Востоке является сельское хозяйство, визитной карточкой которого стало привлечение иностранной рабочей силы, в первую очередь, китайцев.

Использование китайских методов ведения земледелия приводит к различным проблемам, уровень которых заставил органы исполнительной власти Амурской и Иркутской областей с 2013-2014 гг. ввести нулевую квоту на китайских мигрантов в сельском хозяйстве [1, 2]. В 2015 г. соответствующее решение принято в Челябинской области [3].

Отметим, что введение запрета на привлечение китайских мигрантов в сельское хозяйство не исключило их дальнейшего участия в данной отрасли российских регионов. Китайцы работают в связке с российскими фермерами, которые берут землю как бы себе, а на самом деле работают на ней все те же китайцы.

В Амурской области в 200 сельхозпредприятиях проверяющие органы обнаружили 400 нарушений трудового законодательства! Большинство нарушений – с азиатским прищуром [4].

В настоящее время крайне актуальным является вопрос оценки эффективности иностранной рабочей силы. После отмены в 2014 г. Приказа Минздравсоцразвития РФ от 17.09.2007 N 604 «Об утверждении Методики оценки эффективности использования иностранной рабочей силы» субъекты Федерации самостоятельно разрабатывают показатели оценки эффективности ИРС. На наш взгляд, в рамках данного направления необходимо давать оценку ИРС не просто в целом по субъекту, а по отдельному виду деятельности, где используют труд иностранцев. С одной стороны, показатели эффективности отдельных видов экономической деятельности региона имеют свои особенности. С другой стороны, положительные и отрицательные эффекты использования иностранцев имеют отраслевую специфику.

С целью изучения эффектов от использования китайских мигрантов в сельском хозяйстве ЕАО мы выделили несколько направлений: экономические показатели сельского хозяйства региона и место китайского капитала и трудовых мигрантов в нем, экологическое состояние земель, конкуренция между продукцией местных и иностранных сельскохозяйственных производителей, деградация сельской местности в российских регионах.

Обозначим кратко полученные результаты оценки роли китайских мигрантов (как в качестве наемной силы у российских землепользователей, так и в форме предприятий с иностранным капиталом) в сельском хозяйстве ЕАО.

1. Экономические показатели сельского хозяйства области.

Активное привлечение трудовых ресурсов из Китая, ввоз импортной сельскохозяйственной техники и оборудования сыграло роль в поддержке сельского хозяйства ЕАО, однако не оказало решающей роли: за последние шесть лет индексы производства продукции сельского хозяйства области снижаются.

Развитие внешнеэкономических связей в сельском хозяйстве области не компенсирует существующие проблемы с высоким уровнем износа сельскохозяйственной техники (70-89%), снижение плодородия почв и уровня семеноводства, использование семян, имеющих низкие репродукционные свойства, а также отсутствие налаженной системы перерабатывающих производств сельскохозяйственной продукции в области.

2. Использование земель.

Китайские сельхозпроизводители возделывают свободные земли, внося туда удобрения в больших объемах, чем российскими организациями и хозяйствами.

Преобладание сои в структуре посевных площадей области (в 2013 г. 80,2% во всех хозяйствах области, 97,8% – на предприятиях с иностранным капиталом) приводит к негативным явлениям: происходит обеднение почвы, засорение сорняками. Применение несертифицированных семян или рассады, неудовлетворительное выполнение сельскохозяйственными предприятиями правил землепользования и борьбы с сорняками может оказать негативное влияние на почву, происходит занос и распространение карантинных объектов на территории РФ.

3. Конкуренция с иностранными товаропроизводителями

Отмечена проблема снижения конкурентоспособности продукции растениеводства местного производства в сравнении с импортными овощами из Китая, которые завозят в область круглогодично. Это повлияло на снижение посевных площадей под овощи и увеличение их под сою как у местных, так и китайских землепользователей. Китайские фермеры преимущественно выращивают овощи лишь для собственного потребления, для продажи – сою.

Иностранные инвесторы из стран АТР лишь привозят свою рабочую силу, выращивают те сельскохозяйственные культуры, которые интересны им с точки зрения их реализации (в том числе в Китай). За более чем 10 лет они не внедряют передовые технологии производства или переработки сельскохозяйственной продукции

4. Деграция сельской местности.

Существует устойчивая точка зрения о том, что китайская рабочая сила забирает рабочие места у местного населения, что приводит к ухудшению их уровня жизни сельского населения, его деграции и т.п.

На наш взгляд, нехватка рабочей силы обусловлена в первую очередь общим сокращением численности населения в сельской местности, что связано со снижением качества жизни в сельской местности (ухудшение ситуации в здравоохранении, образовании, культуре и досуге). Из-за нехватки трудовых ресурсов в селах на период посадочных работ или сбора урожая местные сельхозпроизводители привлекают на работу жителей города. Крупные предприятия или фермеры подают заявки на разрешения на привлечение иностранной рабочей силы. Использование иностранной рабочей силы не требует от администраций развития социальной инфраструктуры, усиления образовательной или культурной составляющей территории. Исходя из этого, можно говорить, что привлечение трудовых мигрантов лишь косвенно ухудшает качество жизни в сельской местности.

Таким образом, влияние китайских трудовых мигрантов на сельское хозяйство региона связано не только с показателями его экономического развития, но и с социальной, экологической составляющей. При разработке показателей для оценки эффективности привлекаемых иностранных рабочих важно оценивать не только прямой эффект, но и косвенные показатели (например, слабое развитие социальной инфраструктуры в сельской местности, ухудшение экологического состояния территории, прилегающей к используемым сельскохозяйственным угодьям). Для каждого показателя может быть разработано по несколько критериев, имеющих количественную или качественную характеристику.

Список литературы

1. Китайцам тут не место [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mngz.ru/russia-world-sensation/345495-kitaycam-tut-ne-mesto.html> (дата обращения: 25.11.2014).
2. Сельское хозяйство Амурской области отказалось от китайских гастарбайтеров [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/economics/2012/09/19/rynok->

truda-i-bezrobotitsa-v-rossii/692599-selskoe-khozyaistvo-amurskoi-oblasti (дата обращения: 25.10.2013).

3. Китайцам не дали квоты на работу в сельском хозяйстве Челябинской области. И в регионе ожидают дефицит овощей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otr-online.ru/programmi/kitaitsam-ne-dali-41557.html> (дата обращения: 25.11.2014).

4. Как и почему китайцы захватили Дальний Восток [Электронный ресурс]. URL: <http://sobesednik.ru/incident/20130907-kak-i-pochemu-kitaitsy-zakhvatili-dalnii-vostok> (дата обращения: 15.02.2014).

Michigami M.
(Niigata, Japan)

THE CURRENT STATE OF THE COMPANY HOUSING IN RUSSIA: A CASE STUDY ON MIGRANT WORKERS IN MAGDAGACHI AND BIROBIDZHAN, FAR-EASTERN RUSSIA

1. Introduction

This paper consists of the following two parts: the first, questionnaire survey of employee benefits (for employees, company housing, medical insurance, traffic expenses, and food expenses subsidized by company) in Russian companies held in 2009, and the second, fieldwork research of employee's benefits, especially company housing, in small towns of Far-Eastern Russia 2014.

The first, we did a questionnaire about management for the managers of 430 Russian companies all around Russian Federation in Oct.-Dec. 2009. Their question items covered a broad range of management topics. Some of them were also organized to ask of the current situation of employee benefits provided by Russian company. The results of our questionnaire showed that Russian companies consider, even now, some good effects and meanings to manage their own human resource and hire good workers.

The second, we did fieldwork research of employee benefits in Russian companies in 2013-2014. It is intended to provide supportive evidence for the facts which found in our questionnaire survey. We did, especially, the real situation of company housing (employee housing). Our fieldwork areas are Zhireken GOK (molybdenum mining company), in Chita, Zabaykalsky krai, one timber factory in Magdagachi, Amursky Oblast, and Kimukano-Sutarsky mining company in Birobidzhan, Jewish Autonomus Oblast. In this paper we would like to introduce one of case study that showed the current situation of company housing for their employee: Russian and foreign migrant labor. The result shows that they purchase back from local authority or they newly build and provide their employee housing. Some of them are built for foreign migrant labor by migrant labor themselves. Mi-

grant labor and Russian labor coexist without conflict and discrimination in which company provides employee housing race by race: Russian, Chinese and others (North Korean, etc.).

Finally, the solution of housing problems has some aspects depending on the price level, housing policy and company housing provision, too. This problem is also relevant to labor mobility, labor productivity and labor productivity. The housing problems of workers had been solved by the public housing supplication from the government and company in USSR era. However, now those problems have not yet been solved fully by purchasing through housing market. They confront on the housing problems of not only acquisition, but also quality. Under the housing price increase, it causes the difficulties of housing acquisition and quality improvement. Even in the low GDP growth after 2014, Russian housing difficulties has been still continued. Foreign migrant workers and internal migrant workers also confront on these difficulties. Therefore, the company housing as an employee benefit have still played a certain role to solve worker's housing problem and manage company's human resource.

2. Employee benefit in Russian companies: questionnaire survey

The current situation of employee benefits in Russian companies is one of indicators, whether soviet inheritance still exists or not, that is, whether general welfare and social securities are commercialized from inside to outside of company. In the USSR era, as Ohtsu [1, pp.279-281] said, the options of wage premium, such as a raise in wage and special remuneration, was quite a few. Soviet companies had taken the strategy to improve labor productivity and catch excellent labor that had provided benefits for employees as they can: especially company housing. The most shortage good was housing in the soviet era. Therefore, it was the most important strategy of company housing provision for soviet companies to get the excellent workers.

After the collapse of soviet socialist economy, the ownership of their company housing has been transferred to the local authorities, and then increasingly has been privatized to the residents. The share of company housing in Russian companies are the followings: 45 % in 1990, 18% in 1998 and 7.8% in 2000. [2, p.196, and 3, p.618] In the previous research, they conclude as Russian companies don't have such strategy as the company housing and employee benefit to get the excellent workforce. The benefits and housing have been commercialized outside from company human resource management. Hence, the strategy of labor management has been shifted into wage and the wage premium, that is, corporate management has been developed like the manner of advanced economy. However, our results from questionnaire survey shows not only decreasing of employee benefits, but also newly provision of employee benefits.

2-1. Results from our questionnaire

All the following results are by our own questionnaire survey for the managers of 430 Russian companies all around Russian Federation in Oct.-Dec. 2009.

Table1.

Does Company consider that employee benefit has an effect?

Вы согласны или не согласны с мнением, что финансирование за счет средств предприятия различных социальных программ для работников идет на пользу предприятию?

	%
Absolute agree Полностью согласен	35.6
Agree Скорее согласен	42.6
Not so agree Скорее не согласен	11.3
Disagree Полностью не согласен	3.7
Difficult to answer затрудняется ответить	6.7
Total Итоги	100.0

Table2.

What profit does the cost of employee benefit bear (multiple answers allowed)?

Какую пользу, по Вашему мнению, в первую очередь приносит финансирование социальных программ?

Выберите не более 2-х наиболее подходящих ответов.

	%
To ensure employees and new employees Помогает удерживать персонал, привлекать новых работников	31.3
To stimulate more efficient working Стимулирует более эффективную работу коллектива	31.3
To ease the employee's burden of social securities and formulate the positive opinion for managers Способствует снятию социальной напряженности в коллективе, формированию положительного мнения о руководстве предприятия	19.5
To formulate the positive opinion for company Способствует формированию положительного общественного мнения о предприятии	10.0
To formulate the positive business image Способствует формированию положительного бизнес-имиджа компании (например, среди компаний отрасли, у зарубежных бизнес-партнеров)	3.8

	%
To build the good relationship with local authorities Способствует установлению отношений с местной администрацией, получению поддержки у региональной или местной власти	3.8
Others другое (что именно?)	0.0
Difficult to answer затрудняется ответить	0.3
Total Итоги	100.0

Table3.

Does company hold the housing for employee?

**Есть ли у Вашего предприятия в собственности («на балансе»)
жилой фонд («ведомственное» или «служебное» жилье, общежития)?**

Если да, то кто в нем живет?

	%
No нет, у предприятия нет в собственности жилого фонда	81.2
Yes, for their own employees Да в основном работники Вашего предприятия, члены их семей	13.0
Yes, for their own employees and others Да и работники Вашего предприятия (члены их семей), и люди, не являющиеся работниками предприятия	4.2
Yes, for non employees Да в основном люди, которые не являются работниками Вашего пред- приятия	1.6
Total Итоги	100.0

Table4.

Does your company borrow the housing for employees?

**Арендует ли Ваше предприятие (полностью или частично
за счет средств предприятия) жилье для своих работников?**

	%
No нет, предприятие не арендует жилье для своих работников	85.0
Yes, with company own money да, предприятие арендует жилье для своих работников полностью за счет средств предприятия	7.9
Yes, with a portion of expenses paid by company money да, предприятие арендует жилье для своих работников частично за счет средств предприятия	7.2
Total Итоги	100.0

Table 5.

Does your company subsidize housing rent, housing utility cost for residents which live in your company housing?

Предоставляет ли Ваше предприятие людям, проживающим в жилом фонде предприятия, какие-либо льготы или субсидии (материальную помощь), по оплате жилья, коммунальных услуг?

	%
No Нет, предприятие не предоставляет льготы или субсидии по оплате жилья, коммунальных услуг людям, проживающим в жилом фонде предприятия	67.9
Yes, for all residents Да, предприятие предоставляет льготы или субсидии по оплате жилья, коммунальных услуг всем, проживающим в жилом фонде предприятия	9.9
Yes, for only own employees Да, предприятие предоставляет льготы или субсидии по оплате жилья, коммунальных услуг только работникам (части работников, некоторым категориям работников) предприятия, проживающим в жилом фонде предприятия	22.2
Total Итоги	100.0

Table 6.

Предоставляет ли Ваше предприятие своим работникам следующие виды услуг?

%	Medicare insurance Медицинское обслуживание по договорам добровольного медицинского страхования и/ или в медицинском учреждении Вашего предприятия	Food expense Компенсацию затрат на питание, и/ или бесплатное питание	Transportation expense Компенсацию затрат на транспорт и/или бесплатный проезд к месту работы
For all employees Предоставляет всем работникам	53.7	24.3	19.7
For only some part of employees Предоставляет некоторым категориям работников	16.9	31.5	30.8
None Не предоставляет	29.4	44.2	49.5
Total Итоги (%)	100.0	100.0	100.0

78.2% companies of all respondents consider the employee benefits as a good effect for their managements. 70.6% companies provide medical insurance, 55.8%- food expenses, 50.5%- transportation expenses, and 18.8%- housing. These figures are new fact which is much higher level of provision employee benefits than that one in the previous researches. 31.3% companies regard some effects of employee benefits as ensuring employees and improvement of labor productivity.

The relationship with and pressure from local authorities don't exist, based on the outcome of t-test between providing company and non-providing company for employee benefits. Russian company may provide employee benefits for their own profits. Of course, they partly cover the cost of maintenance fee on transferred building of ex-employee housing. But company located even in the urban area, provides employee benefits and finds the positive meaning of them, hence, such high share of providing employee benefits by company are shown in our questionnaire survey.

In addition, not only ex-state owned companies, but also newly established companies since 1992 have provided employee benefits more than the previous research one, such result are found. Beside it, only 2% companies located in company town (Monogorod) which were registrated by Russian government. Not only the companies located in rural and company town, have continued to provide employee benefits. These results are newly discovered by our original questionnaire. During decreasing population and the shortage of labor force in Russia, Russian companies may newly re-consider the effect of provision employee benefits.

3. Fieldwork research for companies in Far Eastern Russia in 2013-2014

3-1. Zhireken GOK in Chita, Zabaykalsky krai (as in 2013)

Zhireken is registrated as company town (Monogorod) and urban type town by Russian federal government. It was born in 1954 and has been developed as Molybdenum mining has developed since 1972. The number of population in the town is 4647 in 2013: the number of population is decreasing – 566 in 1979, 5,493 in 1981, 3,937 in 2002, and 4,565 in 2010. After the privatization of Molybdenum mining company Zhireken GOK, a falling in Molybdenum price in the world market had closed its factory during 1996-1998. Again, a re-increasing in Molybdenum price in the world market has revived its factory since 2000. But again since 2014, the company has confronted to be closed for the sake of low level in Molybdenum price.

In this town, Zhireken GOK held all housing, utility facilities, public transportation and others (kindergarden, shops, park, recreation, cafeterias, etc.) in the USSR era. In 1992, such all facilities except for factory own using one, were transferred to local authorities and then, were privatized. But due to falling in Molybdenum price and closing factory in 1996-1999, utility service fell into stop. The stop of heating, especially, made all residents' life serious difficult. As a consequence, the people left into other region to get the job and utility service and the population was decreasing drastically. After re-increasing in Molybdenum price in 2000, the

company repurchased housing for their own employees from local authorities and continued to supply utility service and transportation (from town to factory) again for residents i.e. employees. The third part of all housings in the town was repurchased by Zhireken GOK. It is the typical case that Zhireken GOK's employee benefits are crucially important to sustain the rural declining town.



[Photos: taken by author, in Zhireken 2013]



[Photo by [5] website]

3-2. one timber factory in Magdagachi, Amur Oblast and Kimkano-Sutarsky mining company in Birobidzhan, Jewish Autonomous Oblast (as in 2014)

Magdagachi was opened up in 1905 and the town has developed well as a refuel and checking point for railway train, as the Trans Siberia Railway has enlarged since 1918. The third part of all residents had worked at the job of relevant to the Trans Siberia Railway. However, thanks to modernization of railway train, it became non-necessary for train to stop at Magdagachi for refuel and checking. Accordingly, people left this town and the number of population was decreasing: 12,977 in 1959, 14,438 in 1979, 15,578 in 1989, 12,208 in 2002, 10,897 in 2010, and 10,271 in 2014.

In a timber factory in Magdagachi, it opened in 1999 in the old site of local airport. It borrows forest section from local authorities, cuts and processes timbers, and exports them to China. It hires Russian and foreign migrant labor (Chinese and North Korean) as shiftwork of cutting timber in the forest, processing timbers,

fixing machine, transporting products in the factory ,and trading and exporting to China. The employee housing for Russian shift workers, for Chinese workers and North Korean workers for every one year contract are provided by this factory. But the real quality of employee housing has very variety as the following photos show. Russian labor live their employee housing newly built by the factory. Chinese labor uses old building as their employee building. North Korean labor is building employee housing for them by themselves. Until the completion of their employee housing, they live in old train wagon. Though this factory's employee housing are very various, migrant labor and Russian workers coexist side by side without any confliction.



[Photos: taken by author, timber factory in Magdagachi, 2014]

In the suburb of Magdagachi, there are some mining industries. Some in the rest of population in this town, changed their job into shiftwork in mining industries in the suburb. It is, in our fieldwork research, the just case of this shiftwork in Kimkano-Sutaruny GOK Birobidzhan. For shiftwork (for example, working in two weeks and then holidays in two weeks), the company must provide employee housing in the site of factory. Our interviewed company has hired a certain degree migrant foreign labor (Chinese), not only Russian and accordingly, formed new residential areas for migrant labor. In addition, this mining company also provides the managers of factory new deluxe apartment in the center of city (Blagoveshchensk) as the wage premium. Beside it, bus and cafeteria, it provides as employee benefits.



[photos: taken by author, Kimukano-Sutarsky GOK, 2014]

4. Conclusion

This paper finds that the fact, a certain degree high share of company providing employee benefit in our questionnaire survey, has various characters about reality in our fieldwork research. Especially in Far Eastern Russia region, the co-existence between Russian and migrant labor are emerged as employee housing to manage human resource in Russian companies today. The housing acquisition for migrant labor is eased by provision of employee housing. It is provided for the needs of business. However, the current status is not enough solved with the respect to housing quality like the case of living in the train wagon. The company's stance of provision employee benefits is not national origin discrimination but business like or soviet legacy for human resource management; the company or government should support the housing and basic right of residence. In addition, the company has controlled their own migrant labor in their own employee housing in the coexistence between Russian and migrant labor.

Finally, Russian housing difficulties has been still continued. Therefore, the company housing as an employee benefit have still played a certain role to solve worker's housing problem and manage company's human resource, especially in the undeveloped area of Russia.

References

1. Ohtsu, Sadayoshi, Labour Market in the Contemporary Soviet Union, Nihon-Hyoronsha, 1988, Japan. (in Japanese)
2. Struyk ,Raymond J., " Housing Privatization in the Former Soviet Bloc to 1995", Andrusz, G.,M. Harloe, and I. Szelenyi, eds., Cities after Socialism: Urban and Regional Change and Conflict in Post-soviet Societies, Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 1996, pp.192-213

3. Starodubrovskaya, Irina, "Reform in Housing and Public Utilities", ed.by Egor, Gaidar, *The Economics of Transition*, MIT Press, 2003, pp.617-636
4. Michigami, Mayu, "Roshia Kigyo no Fukurikosei Senryaku no Aratana Igi (New Significance of Employee Benefit Strategy in Russian Companies)", *Keizaigaku Zasshi*, Vol.114, no.3, Osaka-city University, 20 December 2013, pp.94-121 (in Japanese).
5. <http://www.smrbase.ru/ru/about/about/>

Ростовская Т.К.
(Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ МОЛОДЕЖНОЙ МИГРАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Регулирование молодежной миграции в восточной Сибири является важнейшим направлением государственной миграционной и молодежной политики.

Наибольший интерес и беспокойство вызывает существенная миграция молодежи из Республики Тыва. Регион ощущает острую необходимость в создании условий и возможностей для сохранения и привлечения молодых специалистов, молодых семей в качестве основного и фундаментального субъекта социально-демографической, этнографической структуры тувинского общества, а это значит и всей России.

Для выявления особенностей, причин и обстоятельств молодежной миграции в восточной Сибири в 2014-2015 годах на кафедре социальных технологий и организации работы с молодежью Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова было проведено межрегиональное социологическое исследование на тему «Молодежный аспект миграции Республики Тыва» (руководитель – профессор, д.с.н., Ростовская Т.К.).

Всего в исследовании приняли участие 480 респондентов из числа студентов и работающей молодежи, проживающих в 17 субъектах Российской Федерации (Алтайский, Забайкальский, Приморский, Краснодарский и Красноярский края, Республики Алтай, Бурятия, Тыва и Хакасия, Москва, Амурская, Воронежская, Ленинградская, Московская, Новосибирская, Омская и Томская области).

Из анализа исследования следует, что из республики в основном выезжает молодежь в возрасте от 18-25 лет, находящаяся в активном детородном, трудоспособном возрасте. При чем доминируют респонденты женского пола – более 79%, что свидетельствует о повышенной социальной и миграционной активности по сравнению с противоположным полом, респондентов мужского пола всего 21%. Также необходимо отметить высокий уровень образованности респондентов. Из анализа рис. видно, что более 50% респондентов имеют высшее образование и свой переезд они связывают в основном с профессиональным и личностным ростом, самореализацией.

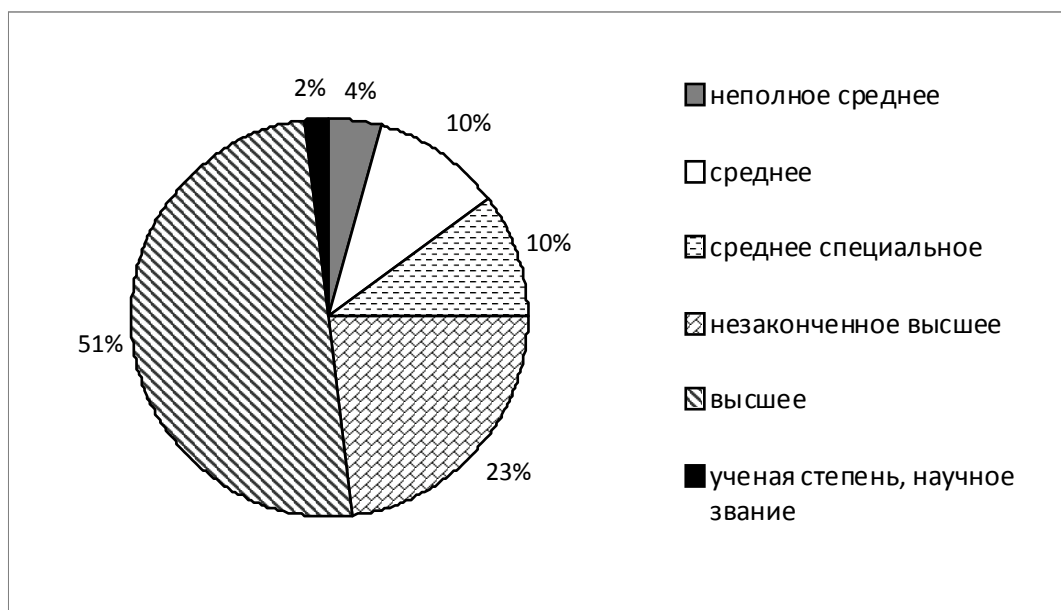


Рис. Показатель уровня образования участников исследования

Главными причинами отъезда из малой Родины является то, что молодые люди сталкиваются с низкими шансами трудоустроиться и получения качественного высшего образования. Молодые люди уезжают с целью самореализации, повышения по карьерной лестнице, получить новый жизненный опыт, обновить круг общения.

Как показали результаты исследования, регионами-реципиентами, принимающими самое большое количество молодежи из Республики Тыва являются города Сибирского Федерального округа – 40%, Центрального федерального округа – 35% и Дальневосточного федерального округа – 19%. При этом в ходе обсуждения стратегии исследования был выявлен высокий уровень патриотизма тывинской молодежи – более 75% респондентов ответили, что они являются патриотами и предпринимают различные возможности в улучшении условий жизни.

Утешительным фактом является то, что по республике доминирует внутренняя миграция по направлениям "село-село", "село-город".. Внутренняя миграция молодежи из сельской местности в другую сельскую местность характеризует о том, что принимаются всяческие попытки улучшения социально-экономического статуса. Все больше и больше молодых людей стали переезжать из города в село. Данное течение обусловлено тем, что в рамках федеральной целевой программы и республиканской программы, молодые специалисты могут получить значительную поддержку со стороны государства в трудоустройстве и получении денежных средств на строительство жилищной площади для молодой семьи.

Тем не менее, несмотря на все положительные показатели, внутриреспубликанская миграция имеет ряд существенных проблем для социально-экономического и демографического развития республики. Когда процесс переселения от одной точки в другую активизируется, появляется проблема старе-

ния населения в местности, откуда идет отток молодежи. Население теряет молодежь, от которой во-первых зависит репродуктивное развитие населения, активизация трудовой деятельности, а также социально-экономическая ситуация. Поэтому вопрос о регулировании миграционных потоков молодежи внутри республики на сегодняшний день является одной из наиболее актуальных тем и требует особого внимания со стороны органов государственной власти Республики Тыва. Также в рамках проводимой региональной государственной молодежной политики особое значение необходимо уделять поддержке статуса молодого специалиста как особой категории трудовых ресурсов (1).

Таким образом, главным результатом реализации государственной молодежной политики в ближайшее десятилетие должно стать улучшение социально-экономического положения молодежи Российской Федерации и увеличение степени ее вовлеченности в социально-экономическую жизнь страны в целом и региона в частности, что безусловно будет способствовать регулированию внутренних миграционных процессов в молодежной среде (2, с. 133-139).

Список литературы и источников

1. Ростовская Т.К. О привлечении в Россию молодых специалистов – высококвалифицированных мигрантов. Вестник УМО, № 4, 2015.
2. Ростовская Т.К. Повышение человеческого капитала российской молодежи стратегическая цель государственной молодежной политики. Фотинские чтения 2015. Сборник материалов второй ежегодной международной научно-практической конференции 23-25 марта 2015 г., Ижевск (весеннее собрание). 2015. Ижевск: Изд-во «Проект». -311 с.

Рубинская Э.Д.
(Ростов-на-Дону, Россия)

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК ЭКСПОРТЕР ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ)

Образовательная иммиграция – это один из самых желательных миграционных потоков для страны, обеспечивающий совокупность различных демографических, социально-экономических и геополитических эффектов. Задача экспорта образовательных услуг крайне важна для нашей страны и напрямую увязана с переходом российской экономики к инновационному типу развития и использования возможностей глобализации для привлечения высококвалифицированных специалистов [1].

Образовательную миграцию в России необходимо исследовать на региональном уровне, поскольку огромные различия субъектов РФ – этнокуль-

турные, демографические, географические, социально-экономические – оказывают непосредственное влияние на миграционную привлекательность региона, в том числе в образовательной сфере.

Ростовская область – это динамично развивающийся регион, занимающий в масштабах Южного федерального округа (ЮФО), наряду с Краснодарским краем, лидирующие позиции. В 2014 году в Ростовской области отмечался рост объемов в большинстве видов деятельности материального производства и сферы потребления. По многим из них показатели были выше среднероссийских значений. Однако развитие отраслей экономики Ростовской области зависит от конъюнктуры рынка труда, которая, в ближайшее время может стать фактором значительного сдерживания развития региона. По рабочим профессиям и специальностям в Ростовской области уже сейчас наблюдается кадровый дефицит. Одна из причин – сокращение трудоспособного населения, доля которого в общей численности населения в 2013 году составила 59,6%. Более того, коэффициенты основных демографических показателей в Ростовской области на протяжении ряда лет хуже и ниже среднероссийского уровня. С 2000 по 2013 год население Ростовской области сократилось на 4,5%, в то время как население РФ за этот период уменьшилось на 2,4%.

Ученые и специалисты-практики признают, что дефицит трудовых ресурсов не может быть сглажен мерами демографической политики, а рост производительности труда не компенсирует недостаток трудовых ресурсов. Таким образом, источником их компенсации на ближайшие десятилетия может быть только миграция. В Концепции демографической политики Ростовской области на период до 2025 года одной из ключевых задач является привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития области, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции [2].

Иностранные студенты, становящиеся впоследствии квалифицированными специалистами, являются именно тем миграционным потоком, который, при определенных условиях и грамотной миграционной политике, способен благоприятно повлиять как на демографические показатели, так и на состояние регионального рынка труда в соответствии с требованиями модернизации экономики.

В связи с этим, автор статьи разделяет точку зрения Выхованец О. Д. относительно предпочтительности для регионов России той части образовательного потока, в отношении которого запущен механизм аллокации, то есть смены статуса временного мигранта (каковым является иностранный студент) на иммигранта, то есть иностранца, обосновавшегося в России на постоянное место жительства [3].

Ростовская область играет ключевую роль в Южном федеральном округе в сфере высшего образования, поскольку по сравнению с другими субъектами ЮФО она обладает сравнительно высоким научно-техническим потенциалом. Так, из 234 организаций, выполняющих в 2013 году научные исследования и разработки в Южном федеральном округе – 98 (или 42%) приходилось на Ростовскую область; численность персонала, занятого науч-

ными исследованиями и разработками в ЮФО, составила 24 263 человека, в том числе в РО – 12 231 или 50,4%; объем инновационных товаров (работ, услуг), произведенных в Округе в 2013 году – 70 281,9 млн рублей, из которых 56 215,6 (или 80% !!!) пришлось на Ростовскую область [4].

По итогам приёмной кампании 2013 года Ростовская область вошла в десятку самых привлекательных регионов для абитуриентов из других областей, республик и стран, в которой обучалось 37% всех студентов ЮФО. Ростовская область находится на 14 месте в России по численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры на 10 000 человек. Это лучший показатель среди всех субъектов Южного федерального округа. По данным Министерства образования и науки РФ, в Ростовской области число зачисленных иногородних студентов составило 27,1%, что позволило ей занять пятое место в стране по образовательной миграции. Следует отметить, что по данным ФМС, в 2014 году из 16 826 человек, въехавших в Южный федеральный округ с целью образования, 46,6% или 7 833 направились на Ростовскую область (в основном в Южный федеральный университет, Донской государственный технический университет, Ростовский медицинский университет). Однако после получения образования лишь единицы остаются жить и работать в Ростове. Каковы же причины этого?

Получение ответа на данный вопрос было одной из целей социологического обследования, проведенного автором в январе-марте 2015 года среди иностранных студентов из стран дальнего зарубежья, обучающихся в Южном федеральном университете¹² [5]. Целевая выборка составила 104 чел., то есть практически каждый четвертый иностранный студент из стран дальнего зарубежья. Основные страны, из которых приезжают иностранные граждане на учебу в ЮФУ (за исключением стран СНГ): Китай – 33,6%, Ирак – 25%, Колумбия – 13,4%, Гана – 6,7%, Вьетнам – 4,8% и Нигерия – 1,9%.

Проанализированные данные анкет подтвердили в целом миграционную привлекательность Ростовской области и толерантность местного населения, которая традиционно связана с исторической многонациональностью региона. Именно в этом нам видятся результаты ответов на вопрос «Какие главные мотивы лежали в основе решения обучаться в Ростове?». Так, 24% иностранных студентов ответили «здесь учились мои родители/родственники», 24% – «слышал, что жители города более толерантны к приезжим, чем в других городах». Немаловажное значение для выбора региона обучения имел мягкий климат Ростовской области, об этом указали 36% респондентов. 85% иностранных студентов оценили отношение к ним окружающих, как в целом положительное, остальные опрошенные признались, что «чувствуют негатив». 55% иностранных студентов имеет друзей среди местного населения (особенно, это характерно для старших курсов), 15% – не испытывают сложностей в общении с местным населением, но друзей нет, 2% – ответили «есть девушка/парень», 27% респондентов заявили, что общаются в основном с соотече-

¹² Автор выражает благодарность Центру международного образования Южного федерального университета за помощь при проведении анкетирования иностранных студентов.

ственниками. Таким образом, можно сделать вывод, что в большей или меньшей степени успешно коммуницируют с местным населением более 70% иностранных студентов.

Следует отметить, что в Ростове лояльность по отношению к иностранным студентам наблюдается не только со стороны местного населения, но и со стороны правоохранительных органов. Так, 74% респондентов за время нахождения в Ростове не имели контактов с правоохранительными органами, 19% – были остановлены полицейскими на предмет проверки документов и лишь 6% заявили, что, в процессе проверки документов, полицейские вели себя агрессивно.

Большинство иностранных студентов (88%) в целом довольны своей жизнью в Ростове, что коррелируется с анализом ответов на вопрос: «Если бы вы знали раньше все, что знаете сейчас о жизни и учебе в Ростове, вы бы приехали сюда снова?», 80% ответили, что ничего бы не поменялось, и они бы приехали учиться в Ростов, лишь 11% – выбрали бы другой город для обучения, 8% ответили, что выбрали бы другую страну для обучения.

Однако не все так радужно, как кажется на первый взгляд. Среди каждодневных проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты, в анкете были указаны, такие как «плохие бытовые условия в общежитии», «плохая организация досуга», «недоброжелательный персонал в общежитии», «чрезмерная загруженность учебной программы», «отсутствие магазинов рядом с общежитием», «периодическое отсутствие горячей воды» и др. Думается, что с подобными проблемами сталкиваются большинство иностранных студентов, приезжающих на учебу в регионы России.

Следует отметить, что со стороны студенческого сообщества все-таки проявляются элементы дискриминации по отношению к иностранным студентам. Несмотря на то, что в ЮФУ нет отдельных общежитий для иностранных студентов и предполагается, что они будут проживать совместно с российскими студентами, фактически совместное проживание, в лучшем случае, сводится к проживанию на одном этаже. Основной причиной является нежелание российских студентов жить с иностранными, в то время, как иностранные студенты, наоборот, просят расселять их с местными учащимися, такое желание высказали 11% опрошенных. Проживание иностранных студентов отдельно введет к их капсулированию, замедляет процесс изучения русского языка и не содействует интеграции.

Несмотря на то, что администрация вуза в рамках социокультурной адаптации иностранных студентов всячески приветствует мероприятия, направленные на организацию совместного досуга иностранных и местных студентов, к сожалению, российские студенты не проявляют к ним должного интереса.

На взгляд автора статьи, борьба с ксенофобией и воспитание толерантности должны быть стратегической целью не только региональной молодежной политики, но и политики ВУЗа, внутри которого необходима четкая стратегия, направленная на постоянную работу со студентами, как иностранными, там и российскими по различным направлениям (проживание, обучение, досуг) в контексте их взаимоинтеграции.

Еще одна проблема, выявленная в процессе проведенного социологического опроса – это сложность иностранных студентов в трудоустройстве, что, безусловно, также препятствуют их адаптации в местное сообщество. Несмотря на возможность работать, предоставленную иностранным студентам поправками в ФЗ №115 «О правовом положении иностранных граждан в РФ», вступившими в силу с 1 января 2014 года, лишь 12% респондентов на вопрос «Совмещаете ли Вы работу с учебой?» ответили, «да, иногда», а 87% – «нет». При этом в личной беседе большинство иностранных студентов говорили, что они очень бы хотели подрабатывать, однако, даже, несмотря на изменения в законодательстве, легально оформиться на работу крайне сложно.

Так, для того, чтобы получить разрешение на работу необходимо, кроме сбора различных справок и уплаты пошлины, предоставить трудовой или гражданско-правовой договор с работодателем, поскольку разрешение на работу иностранному студенту выдается на срок действия заключенного с ним трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг). Именно в этом заключается основная проблема – работодатели не хотят сразу связывать себя договорными обязательствами.

Несмотря на все сложности, с которыми сталкиваются иностранные студенты, 38% опрошенных заявили, что, если бы им предложили хорошую работу в регионе, они остались бы в России, 2% намерены остаться в Ростове при любых обстоятельствах. Таким образом, 40% опрошенных могут стать потенциальными квалифицированными работниками для региональной экономики.

Однако возникает вопрос, нужны ли эти специалисты региональной экономике, если даже российские студенты после завершения образования не всегда могут найти работу по специальности? Ответ кроется в механизме квотирования для иностранных студентов бюджетных мест в ВУЗах. Отметим, что более 60% иностранных студентов, участвовавших в нашем опросе, обучаются в Южном федеральном университете на бюджетной основе. Так, количество бюджетных мест в ВУЗах никак не связано с потребностями национальной экономики. На сегодняшний день квота на предоставление бюджетных мест в ВУЗах распределена по странам и ориентирована в основном на геополитические интересы России. Иностранные студенты учатся на тех специальностях, в которых есть потребность в их странах и даже, если часть этих студентов захочет остаться в России на работу, далеко не факт, что специалисты по этим специальностям необходимы региональной экономике. Крайне важно привязать расчет количества бюджетных мест в ВУЗах к потребности регионального рынка труда. Важно создать условия для того, чтобы стимулировать талантливую молодежь, получающую образование по дефицитным на рынке труда специальностям оставаться в регионах. Необходимо разработать механизм, способствующий, путем предоставления различных социальных гарантий, привлечению специалистов в приоритетные для региона отрасли.

Таким образом, Ростовская область, как экспортер образовательных услуг обладает рядом конкурентных преимуществ, связанных с климатическими условиями, сравнительно высоким научно-техническим потенциалом, многонациональностью региона, а значит в целом более терпимым отношением ме-

стного населения к мигрантам. В то же время, есть определенные факторы тормозящие развитие экспорта образовательных услуг. Способствовать решению выявленных в ходе проведенного обследования проблем (сложность в трудоустройстве, недостатки в механизме квотирования бюджетных мест в ВУЗах, проявления ксенофобии, неудовлетворительные бытовые условия, плохая организация досуга и др.) будет применение системы мер, прежде всего, правовых, финансовых, административно-хозяйственных, реализуемых на уровне государства, регионов, ВУЗов и бизнеса.

Список литературы и источников

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) [Электронный ресурс] <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>
2. Концепция демографической политики Ростовской области на период до 2025 года. Утв. постановлением Администрации Ростовской области от 16.12.2009 № 672 [Электронный ресурс] <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=89880>
3. Выхованец О. Д. Образовательная миграция как часть миграционной политики России. [Электронный ресурс] http://www.fms.gov.ru/about/science/science_session/forth/vih.pdf
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. Статистический сборник. Москва 2014
5. Рубинская Э. Д., Савченкова И. Н. Иностранные студенты как ресурс квалифицированной рабочей силы региона (на материалах социологического обследования)// Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2015. №3 (в печати)

Фокина Е.К.

(Владивосток, Россия)

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЯХ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Одним из приоритетных направлений налоговой политики России является подготовка особых условий для создания территорий опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке с целью привлечения и поддержки инвестиций, ускоренного развития экономики, повышения предпринимательской активности и комфортных условий жизни населения. Выбор дальневосточного региона неслучаен, так как он является связующим звеном России и Азиатско-Тихоокеанского региона, который по темпам развития опережает западные регионы. Кроме того территория Дальневосточно-

го федерального округа богата природными ресурсами, что дает возможность развитию крупного и среднего бизнеса.

Создание территорий опережающего развития в России нельзя считать нововведением: в мире действует около 1 500 особых экономических зон разного типа (200 из них в Китае).

Впервые, в 1991 году в России принят закон « Об иностранных инвестициях в РСФСР», введивший термин «свободная экономическая зона», в которой иностранные инвесторы получали ряд льгот в виде упрощенной регистрации, пониженного налогообложения, долгосрочной аренды, безвизового режима. Однако данный закон реализован не был.

С 1996 года в России начали создаваться «особые экономические зоны», а в 2011 году принят Федеральный закон « О зонах территориального развития в РФ» для ускоренного социально-экономического развития отдельных регионов, предоставления благоприятных условий для инвесторов путем предоставления господдержки. В настоящее время такие зоны созданы на территориях 20 регионов России.

Введение территорий опережающего развития не отменяет уже существующие или готовящиеся к введению экономические зоны, являясь лишь более широким понятием. Они в отличие от особых экономических зон не подразделяются на типы и предлагаемая к использованию система налоговых льгот и преференций, на наш взгляд, более выгодна. Территория опережающего социально-экономического развития – это район Дальневосточного федерального округа, на котором установлены специальные правовые режимы для осуществления предпринимательской и прочей деятельности. Формирование этой зоны выполняется за счет федерального и местного бюджетов, а также прочих внебюджетных источников. Так предполагается из федерального бюджета выделить на эти цели 42 млрд. рублей.

Федеральным законом от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ установлен особый порядок образования территорий опережающего развития, определено юридическое положение резидентов этих территорий, а Приморский край приобретает особый статус. Резидентами территории опережающего развития являются индивидуальные предприниматели или коммерческие организации, которые зарегистрированы на ней согласно законодательству Российской Федерации. Для резидентов появились новые возможности ведения предпринимательской деятельности, а именно: создание особого режима землепользования, государственного и муниципального контроля (надзора), в установлении пониженной ставки арендной платы, льгот по налоговым и страховым платежам, таможенной процедуры свободной таможенной зоны, технических и санитарных регламентов наиболее развитых стран, а также упрощенного порядка привлечения квалифицированного иностранного персонала.

Деятельность резидентов на территории опережающего развития предполагает значительные льготные условия в сфере налогообложения. Например, льготы предусмотрены по исчислению и уплате следующих налогов, взимаемых на территории РФ:

1. От обязанностей плательщика налога на добавленную стоимость (НДС) освобождается хозяйствующий субъект в течение десяти лет со дня присвоения статуса резидента территории опережающего развития. Право на освобождение будет применяться также в связи с ввозом товаров на территорию РФ;

2. Установление нулевой ставки НДС в отношении товаров (работ, услуг), ввозимых на территорию для использования в деятельности резидентов;

3. Возмещение сумм НДС в заявительном порядке на основе договора поручительства управляющей компании;

4. Использование ускоренной амортизации (с коэффициентом 2) по объектам амортизируемого имущества, принадлежащим резидентам;

5. Применение пониженной ставки по налогу на прибыль организаций:

- нулевая ставка налога, подлежащая зачислению в федеральный бюджет (2 процентных пункта из 20) в течение пяти лет с первого налогового периода после приобретения статуса резидента;

- пониженная ставка налога, подлежащая зачислению в региональный бюджет – не выше 5 процентов в течение первых пяти лет, и не менее 10 процентов в течение следующих пяти лет. В действующем законодательстве налоговая ставка соответствует 18 процентам. Резидент сможет применять эти ставки, если доходы от его деятельности на территории опережающего развития будут составлять не менее 90 процентов от всех доходов, учитываемых при определении налоговой базы по налогу на прибыль организаций;

- право на применение пониженных ставок налога на прибыль после утраты статуса резидента теряется. Использование пониженных ставок предполагает ведение отдельного учета доходов для целей налогообложения;

6. Освобождение от уплаты налога на имущество организаций в течение десяти лет с месяца, следующего за месяцем постановки на учет имущества, созданного или приобретенного для целей ведения бизнеса резидентами на территории опережающего развития;

7. Применение понижающего коэффициента к ставке по налогу на добычу полезных ископаемых на десять лет вплоть до обнуления налога;

8. Применение пониженных тарифов страховых взносов для работодателей – резидентов. Общая сумма взносов сокращена до 7,6 процентов вместо 30 процентов, в том числе 6 процентов в Пенсионный фонд РФ, 1,5 процентов в фонд социального страхования и 0,1 процент в фонд обязательного медицинского страхования.

В результате применения налоговых льгот предполагается сокращение совокупной налоговой нагрузки на 12,2 процента.

Исходя из особенностей осуществления деятельности на территории опережающего развития, для целей налогообложения, резиденты должны соответствовать следующим условиям: государственная регистрация юридического лица осуществляется только на территории опережающего развития без создания обособленных подразделений за ее пределами; не применять специальные налоговые режимы, не являться участником консолидированной группы налогоплательщиков, а также некоммерческой организацией,

банком, страховой организацией, негосударственным пенсионным фондом и резидентом особых экономических зон.

Первой территорией опережающего развития в Приморском крае станет «Надеждинская», где планируется создание инвестиционной площадки общей площадью 806 гектаров, обеспеченной необходимой дорожной и инженерной инфраструктурой для размещения не менее 30 резидентов, объем бюджетных инвестиций – 3,2 млрд. рублей, объем частных инвестиций – 6,73 млрд. рублей.

При создании федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития» правительство РФ опиралось на опыт стран АТР, где территории опережающего развития хорошо зарекомендовали себя. Показателен пример Китая, который создавал особые зоны под конкретные проекты, например, зона Шэньчжэнь была предназначена для производства ноутбуков. Из нее впоследствии вышла компания «Lenovo». Такие территории смогут привлечь порядка 2,5 трлн. рублей частных инвестиций, а также предоставят более 37 тыс. новых рабочих мест.

Для стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов РФ, Налоговым кодексом РФ с 2014 года введена новая категория налогоплательщиков – участник регионального инвестиционного проекта и определены особенности налогообложения. Установлено, что налоговые льготы для вышеуказанных налогоплательщиков с объемами инвестиций не менее 50 млн. рублей будут действовать до 01.01.2027 года, а для участников с объемом инвестиций не менее 500 млн. рублей – до 01.01.2029 года.

Целью инвестиционного проекта является производство товаров в рамках единого технологического процесса и, который, одновременно удовлетворяет требованиям, установленным налоговым законодательством РФ. В частности, определены территории, осуществления инвестиционных проектов, в том числе – Приморский край, а также объем капитальных вложений, который будет оцениваться в размерах, не превышающих рыночные цены, определяемые по правилам ст. 105.3 Налогового кодекса РФ.

Каждый региональный проект должен реализовываться единственным участником – российской организацией при одновременном выполнении следующих условий: организация должна быть зарегистрирована на территории субъекта РФ и не иметь обособленных подразделений за пределами этого субъекта. Кроме того, организация должна иметь в собственности (в аренде на срок не менее чем до 1 января 2024года) земельный участок на котором планируется реализация регионального инвестиционного проекта. Если для реализации проекта необходимо осуществление строительства, то для этого требуется соответствующее разрешение.

В перечень инвестиционных проектов, имеющих региональное и межрегиональное значение, реализуемых и планируемых к реализации на территории Приморского края входят 75 объектов.

В целом стоимость проектов с 2013 по 2025 год составит 1,3трлн. рублей, в том числе: нефтегазовый комплекс; промышленность; энергетика; вы-

сокотехнологические производства. Значительный вклад поступлений в бюджет края в 2014 году от таких действующих проектов как ООО «Спецнефтепорт «Козьмино», кластер по транспортировке и переработке углеводородного сырья (ОАО «Газпром»), ООО «Соллерс».

С 2014 года в Приморском крае действует льготное налогообложение по налогу на прибыль и налогу на имущество организаций, осуществляющих инвестиционные проекты на его территории.

Так по налогу на прибыль организаций льготы распространяются на две категории налогоплательщиков:

К первой категории относятся инвесторы, осуществляющие проекты с объемом капитальных вложений не менее 150 млн. рублей в течение трех лет или 500 млн. рублей в течение пяти лет и создающие высокопроизводительные рабочие места по производству товаров в таких видах деятельности как сельское хозяйство, рыболовство, добыча полезных ископаемых и прочее. Такие налогоплательщики освобождены от налога на прибыль в течение первых пяти лет с налогового периода, в котором были признаны первые доходы от реализации товаров, произведенных в результате начала нового производства. Далее в течение следующих пяти лет налог на прибыль организаций в краевой бюджет должен взиматься по ставке 10 процентов.

Ко второй категории налогоплательщиков относятся инвесторы с аналогичным объемом инвестиций, которые, начиная с 1 января 2013 года, осуществляют вложения в таких областях деятельности как транспорт, связь, гостиницы и рестораны, производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Для этой категории налогоплательщиков предусмотрено понижение ставки налога на прибыль, перечисляемого в краевой бюджет, до 13,5 процентов вместо действующей ставки 18 процентов.

Вышеуказанные категории налогоплательщиков в первые пять лет не уплачивают налог на имущество организаций по введенному в эксплуатацию имуществу, возведенному в рамках инвестиционного проекта, а в течение последующих пяти лет уплачивают налог по ставке 0,5 процентов.

Для того чтобы воспользоваться налоговыми льготами организации необходимо получить статус участника регионального инвестиционного проекта и быть включенным в реестр, который ведется налоговыми органами. Решение о включении организации в реестр принимает Департамент экономики Приморского края, на основании представляемой инвестором специальной инвестиционной декларации.

Использование налоговых льгот позволит инвесторам увеличить чистую прибыль, остающуюся в их распоряжении, это приведет к новому реинвестированию или к увеличению фондов материального стимулирования.

В результате воплощения новых проектов будут созданы новые рабочие места, а это улучшит социальную жизнь населения, увеличит доходы местных бюджетов. При выделении и закреплении земельных участков под новое строительство увеличатся отчисления по земельному налогу.

Таким образом, на территориях опережающего развития будут созданы самые благоприятные условия для бизнеса. Предоставление налоговых льгот

и преференций позволит улучшить условия ведения предпринимательской деятельности по отношению к аналогичным территориям, функционирующим в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Список литературы и источников

1. Горский И.В. Налоговая политика России: проблемы и перспективы // И.В. Горский – М: Финансы и статистика, 2013. – 288с.
2. Лыкова Л.Н. Налоги и налогообложение: Учебник – М.: Юрайт, 2015. – 353с.
3. Черник Д.Г., Шмелев Ю.Д. Налоги и налогообложение: Учебник – М.: Юрайт, 2015. – 495с.
4. Шаталов С.Д. Развитие налоговой системы России: проблемы, пути решения и перспективы. – М.: МЦФЭР, 2010. – 176 с.
5. Юткина Т.Ф. Налоговедение: от реформы к реформе. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 293 с.

Horie N.
(Toyama, Japan)

RUSSIAN FAR EASTERN BORDERLANDS AND THEIR POSITIONALITY IN MIGRATION

National political borders are taken as exogenous to economic theory, and nation states are commonly presumed to be natural territorial units or natural social and political form of the modern world. This presumed position of research is criticized as a “national territorial trap” (Sheppard, 2011, 54), “state-centrism” (Brenner, 1999) or “methodological nationalism” (Wimmer and Schiller, 2002). This position can be called as a universal approach. I focus on the local model with peculiar local institutional settings that have made their local contexts. The interests and preferences of economic actors in a local are shaped by their socio-spatial position (Plummer and Sheppard, 2006, 622). It does not mean they are shaped only by local conditions, but also connections with elsewhere crossing borders. The local “assemblage” emerges at the intersection of agency of a variety of actors (Sheppard, 2013, 268). Local models, I try to elaborate in this paper, are “sensitive to the context to which they are applied” (Barnes and Hayter, 2005, 454). In my view, therefore, local-specific and changing contexts matter.

In borderland studies, Kortelainen and Rannikk focused on the concept of positionality switch to explore shifting the positionality of two Russian local communities in Russian-Finnish borderland. The positionality switch “refers to the abrupt closure, opening, or redirection of important connections that radically change the positionality of local economies (Kortelainen and Rannikko, 2014).” The positionality switch can reshape landscapes of locals, and often shape new economic development paths,

even if these switches are shaped by contingent events or decisions of any actors and cause sudden ruptures in economic connections.

The periphery region we focus on consists of two districts on Russian-Sino border region; Jewish Autonomous Oblast and Amur Oblast. These districts are remote ones from the core. It is not only because it is far from Moscow as a center of Russian political regime and economic hierarchy, but also remote from the exit to the Pacific Ocean which should be a door to international (multinational) communications in economy and in people's mobility.

The Eastward Policy of President Vladimir Putin is said to be derived from his visit in July 2000 to the city of Blagoveshchensk along the Amur River, which borders China (Trenin 2001, 144). The Eastward Policy, therefore, can be said it was motivated by the stark contrast between the decline of Blagoveshchensk and the prosperity of the Chinese city of Heihe across the river, which in the Soviet time had been only a small village but was now thriving with high-rise buildings standing side by side. The state-led development of the Russian Far East is regarded as an important policy designed to prevent Russia from "losing its Far Eastern provinces because of failures on the part of the state or foreign expansion or domination" (Trenin 2001, 29) and allow the country to play an active role in the prosperity of the Asia-Pacific region through the Russian Far East with such territorial integrity. Blyakher also mentioned that the regional authorities can attract the attention of the central government so as to protect Russia's Far Eastern political governance from the Chinese "monster" (Бляхер 2013, 74). Russia's ambivalence toward China (always viewing China as a strategic partner in developing economic and political "soft alliance" and at the same time as a menace to Russia's territorial integrity) provides a unique context to this region. Therefore these two districts can be called as a contested space.

Regional geographic context gives great impact on agriculture in the border region. Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast are remote districts from the core of the state and international exit door like Vladivostok, and have only an exit door to China through the land border in international connections. Let me divide Russian Far East into two regions: The northern region, which does not face the border with China and the southern region, which faces the border with China. Not only the southern region of Russian Far East, but also the northern region has expanded their trade with China in recent years. The trade dependency of the southern region on China, however, is more intensive than the northern region (Table 1). Especially Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast seriously depend on Chinese economy in trade. It comes from the fact that these two oblasts have checkpoints only for China, and, contrary to these two oblasts, Primorsky Krai and Khabarovsk Krai have their own checkpoints to the ocean, that enable them to trade not only with China but also with the other Asian countries.

These two oblasts have rich agriculture land and forestry, and their major export goods are soybeans and sawn logs. It is reasonable to estimate almost all these products in Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast are exported to China. The land for agriculture called "selo" in Russia used to locate in suburbs or remote area apart from the city. The area does not have enough dense population.

For example, Leninsky district (raion) in Jewish Autonomous Oblast has 24 local settlements populated only 19,496 locals for 6 thousand km². Their land facing with the Chinese border is mainly used for agriculture, 132 km apart from Biro-bidzhan by highway. Nizhneleninskoye in Leninsky district is their gateway to Tongjiang city in China. In this situation their scare supply of domestic seasonal agriculture workers causes introduction of Chinese workers. The gateway city to China in Amur Oblast, Blagoveshchensk city, also cannot provide enough agricultural workers to their agriculture, whose land vastly located behind the city. Geographical proximity between the gateway and the land for agriculture gives much impact on their way to use foreign workers.

Table 1

Trade dependency on China in 2009

Southern region	Primorsky	55.8%
	Khabarovsk	50.2%
	Amur	83.8%
	Jewish	98.0%
Northern region	Sakha	1.7%
	Kamchatka	33.7%
	Magadan	5.7%
	Sakhalin	9.9%

Source: Compiled by the author from Амуроблкомстат.

Table 2

Export from Jewish Autonomous Oblast in 2013 and 2014

Goods	Value (thousand USD)		Share of value (%)	
	2013	2014	2013	2014
Soybeans (not for sowing)	2,136.4	5,109.4	12.0	21.7
Wood and articles of wood	14,364.0	16,303.1	80.4	69.1
The others	1,376	2,166	7.6	9.2
Total	17,875.9	23,578.2	100.0	100.0

Amur Oblast took a bold step when it imposed a zero quota for work permits for Chinese farmworkers in 2013. The Amur Oblast government sharply condemns illegal Chinese workers in the agricultural sector. It is not my aim to elaborate whether “Chinese demographic expansion” or “Chinese threat” is myth or not. It is not strange that there are many illegal or undocumented workers in the borderland. The official statistics of the number of foreign workers in Russia is always said to be unreliable. In the case of Amur Oblast, it is also the same as in general in Russia. An inspection figure out 15 percentages of the local firms did not inform the authorities that they introduced foreign workers, and therefore the official statistics understated the actual number of employment of Chinese nationals (Ryzhova and Ioffe, 2009, 354).

Rather I focus on this zero quota policy against Chinese agricultural workers as a key event for the positionality switch factor of Amur Oblast. The system of work permit quotas for foreign workers itself is not vigorous instrument to control Chinese migrant workers. The Federal Migration Service is unable to accurately assess the realities of illegal migrants in rural areas and city suburbs, as the FMS relies heavily on its visual judgment and intuition (Григоричев 2013, 90). The geographical proximity of Amur Oblast to the Chinese territory only with 700 meters of the open water allows Chinese workers to commute across the border in every day practices. The inability to meet the local demand for labor, especially the difficulty in securing seasonal workers flexibly always brings undocumented Chinese workers to Amur Oblast with more casual approach to applying their visa like a tourist visa. It comes from the same reason that the geographical positioning of the “twin-cities” derived contiguous settlement of agglomeration, which stimulate border tourism and shuttle trade (Mikhailova, 2015).

Even in 2011, when it was before the zero quota policy against Chinese agricultural migrant workers, Amur Oblast did not issue many work permit for agricultural workers. Work permit is an instrument to show the demand of foreign workers for local economic actors, and an instrument to regulate the flow of foreign workers. Therefore it shows the economic needs of local economic agents and the attitude of the authorities in the region. I examined the allocation of labor permits by occupation in agriculture in Amur Oblast, Jewish Autonomous Oblast and Primorsky Krai. The results showed that in 2011 not only were no permits granted to unskilled workers, work permits were issued to just 111 workers in the agricultural sector excluding forestry. This is an extremely small number, considering that a total of 6,630 work permits were issued that year for foreign workers in the agricultural sector in Primorsky Krai.

I identified enterprises managing agriculture by using Russian Economic Activities Classification (OKVED) and all occupational titles are translated into International Standard Classification of Occupations (ISCO-88) while the occupational titles in table 3 are modified into more familiar titles. Examining occupations in which Chinese workers were to be employed, the result shows 1) high demand on skilled workers in crop and vegetable productions in all districts, 2) high demand on skilled workers in dairy and livestock producers in inner border region than the outer border region, 3) very high demand on tractor drivers in inner border region than the outer border region. Contrary to Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast, Primorsky Krai did not have hesitation for economic agents to apply for unskilled agricultural workers from China. These results suggest that only for authorities but also for enterprises in Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast have serious hesitation not to demand or introduce unskilled Chinese workers. And at the same time, even in such contested districts, local firms strongly demand skilled workers in crop and vegetable productions and dairy and livestock sector, whose deficit are serious in the inner border region.

Table 3

Occupations and Foreign Agricultural Workers in the borderlands

Occupation	Amur Oblast		Jewish A. Oblast		Primorsky Krai	
	Number of workers	Share (%)	Number of workers	Share (%)	Number of workers	Share (%)
Senior managers	1	0.9	15	1.1	50	0.8
Engineers and technicians	0	0.0	46	3.3	264	4.0
Interpreters	0	0.0	56	4.0	40	0.6
Cooks and Sales persons	0	0.0	41	2.9	66	1.0
Skilled crop and vegetable producers	45	40.5	442	31.5	4330	65.3
Skilled dairy and livestock producers	35	31.5	117	8.3	352	5.3
Builders and assemblers	0	0.0	66	4.7	308	4.6
Mobile operators	30	27.0	620	44.2	108	1.6
Unskilled workers	0	0.0	0	0.0	1112	16.8
Total	111	100.0	1403	100.0	6630	100.0

Geographic, economic, political and societal, and environmental contexts are woven in the border space, and maintain deeply “contested spaces” (Hayter, et al. 2003). Economic actors heavily depend on their trade with China. Economic actors know they cannot manage their farming without Chinese skilled workers and know they cannot survive without Chinese capital and trade. At the same time, they are sensitive to introduce unskilled Chinese workers in consideration with their political and social local contexts. Geographical proximity keeps Chinese flexible workers out of sight and raised security issues for local authorities. Local leader’s geo-political appeals do not come from the regional economic needs, but they have to keep their local spaces as “contested spaces” to attract Moscow’s attention to their region. Therefore local political leadership gives much affects on Chinese activities without attention to the local economic needs.

Mutual local communications and exchanges in the Sino-Russian border regions have sublimated to those at the daily life level (Зайончковская 2005, 85). Until 2007, China topped the list of the destination countries for Russian international travelers. During 2013, some 2,060,000 Russians traveled to China, of which 1,070,000 were for sightseeing and 260,000 for business. During the same period, 1,070,000 Chinese visited Russia, of which 370,000 were for sightseeing and 300,000 for business. Contrary to conventional image that the Chinese are flocking to Russia, more Russians travel to China than vice versa. Mutual exchanges between the two countries have so deepened in the borderlands that Russian residents are now experiencing more than just seeing the Chinese and buying daily necessities from them. Such deepened exchanges are reflected in the facts

that half of the university students in their second-half of the course in Blagoveshchensk, Amur Oblast have experience in working part-time for and/or with the Chinese, and one in every three residents in the Primorsky Krai has been to China (Зайончковская 2005, 85). Under such a circumstance Russian Far East are adapting to China in the cultural aspect as well, acquiring hybrid cultural patterns (Бляхер et al. 2013, 210). These local people's contacts with China in daily life have possibility to reshape the locality of the borderlands from below in future. These remapping the local communities from below should be consider as an important factor to reshape their positionality in migration.

References

Barnes, T. and R. Hayter, 2005, No "Greek-Letter Writing": Local Models of Resource Economies, Growth and Change, Vol. 36, No. 4, pp. 453-470.

Hyter, R., T. Barnes, and M. Bradshaw, 2003, Relocating Resource Peripheries to the Core of Economic Geography's Theorizing: Rationale and Agenda, Area, Vol. 35, No. 1, pp. 15-23.

Kortelainen, J. and P. Rannikko, 2014, Positionality Switch: Remapping Resource Communities in Russian borderlands, Economic Geography, Vol. 91, No. 1, pp. 59-82.

Mikhailova, E., 2015, Border Tourism on the Russian-Chinese Border, Journal of Siberian Federal University: Humanities & Social Sciences, Vol. 3, pp. 437-451.

Ryzhova, N. and G. Ioffe, 2009, Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe, Eurasian Geography and Economics, Vol. 50, No. 3, pp. 348-364.

Trenin, D., 2001, The End of Eurasia, Carnegie Moscow Center.

Wimmer, A. and N. Schiller, 2003, Methodological Nationalism, the Social Sciences, and the Study of Migration: An Essay in Historical Epistemology, International Migration Review, Vol. 37, No. 3, pp. 576-610.

Бляхер, Л.Е., 2013, Восточный поворот России: Возникновение и выживание естественного порядка в малых городах Дальнего Востока России, Иркутск: Оттиск.

Бляхер, Л.Е., Т.Н. Журавская, Е.О. Скрипник, И.О. Пешков, 2013, Дальневосточное трансграничье, ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев, Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества, Иркутск: «Оттиск», pp. 36-210.

Григоричев, К. В., 2013, В тени большого города: социальное пространство пригорода, Иркутск: Оттиск.

Зайончковская, Ж., 2005, Перед лицом иммиграции, ProetContra, No. 3, pp. 72-87.

РОЛЬ МИГРАЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

Современная концепция демографической политики РФ направлена на улучшение демографической ситуации в стране посредством сокращения уровня смертности, увеличения уровня рождаемости, а также регулирования внутренней и внешней миграции. Одной из ключевых задач государства для достижения намеченных целей является сохранение и увеличение численности населения в Дальневосточном федеральном округе (ДФО). Того демографического потенциала, которым характеризуются сейчас регионы ДФО, уже недостаточно для устойчивого развития, роста экономики, внедрения инновационных технологий. Демографическая ситуация, таким образом, становится одним из ключевых факторов национальной безопасности страны в целом.

Одним из важнейших компонентов формирования численности населения регионов Дальнего Востока была и остается миграция. За последние два десятилетия численность населения Дальнего Востока сократилась более чем на 20%, и существенную часть этой убыли составила миграция населения (более полутора миллионов человек или около 85% от общей убыли). К началу 2010-х гг. скорость сокращения численности населения дальневосточных территорий снизилась, но сальдо миграции по-прежнему показывает негативную динамику.

Приморский край, который наряду с Хабаровским, занимает одно из лидирующих в ДФО мест по уровню социально-экономического развития, характеризуется теми же тенденциями развития демографических процессов, что и остальные регионы Дальневосточного федерального округа.

Для Приморья, как и в целом для Дальнего Востока России, миграционная составляющая прироста населения исторически играла существенную роль. Вплоть до начала 1990-х гг. численность населения края росла и достигла максимума 2312 тыс. чел. к 1992 году. С началом радикальных экономических реформ направление миграционных потоков сменилось на противоположное. В результате Приморский край примкнул к тем регионам РФ, в которых уменьшение численности населения происходит как за счет естественной убыли, так и за счет миграционного оттока населения. По данным официальной статистики [3, 4, 5], с 1992 по 2014 гг. демографические потери Приморья составили более 350 тысяч человек. Около трети от этой цифры приходится на миграционную убыль. Динамика сальдо миграции населения Приморского края представлена на рисунке 1.

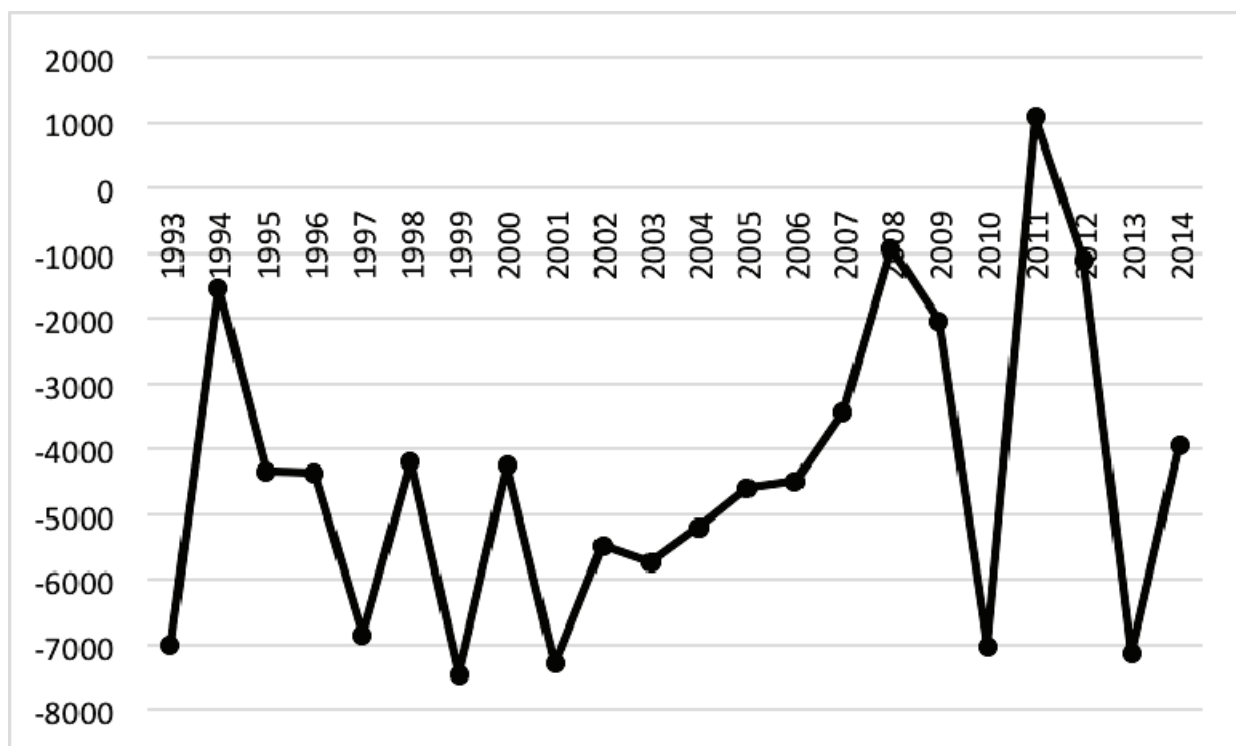


Рис. 1. Сальдо миграции населения Приморского края (чел.).

Источник: [3, 4, 5]

Пик миграционной подвижности населения края пришелся на середину – конец 1990-х гг. Основными причинами оттока населения явилась крайне неблагоприятная социально-экономическая ситуация в регионе: многомесячные задолженности по выплате заработной платы; уровень цен, существенно выше среднего по стране; систематическое отключение воды и света, неудовлетворительная работа системы ЖКХ; неразвитость инфраструктуры и транспортная изоляция края от центральной части России [2, 7].

В начале 2000-х гг. мобильность населения края существенно снизилась. Это было обусловлено рядом объективных обстоятельств. Во-первых, большая часть тех, кто хотел уехать, уже уехали. Во-вторых, социально-экономическая ситуация в регионе стабилизировалась, начали работать многочисленные региональные и федеральные программы, направленные на поддержку населения. В-третьих, определенная часть населения, в частности, в сельской местности, желающая покинуть край или, по крайней мере, переехать в один из крупных городов Приморья, просто не имеет на это достаточно средств (возникли так называемые «ловушки бедности»).

Центрами притяжения для мигрантов из Приморского края и других регионов ДФО являются регионы Центрального и Сибирского федерального округов. На долю этих округов приходится около 60% всех межрегиональных перемещений [7]. Особенно выделяются Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Белгородская область. Подавляющее большинство районов и городов края теряет население как на межрегиональном уровне, так и в миграционном обмене с другими районами края. Положительное сальдо мигра-

ции сохраняют с 2011 г. лишь несколько наиболее крупных городов Приморья: Владивосток, Артем и Уссурийск [5, 6]. Причем, если Владивосток и Уссурийск показывают снижение миграционного прироста, то для Артема характерна обратная ситуация. Цены на недвижимость пока сохраняются на более низком уровне, чем во Владивостоке, а развитость инфраструктуры и близость к Владивостоку делают Артем весьма привлекательным для мигрантов.

Одной из острейших проблем социально-демографического и экономического развития края является отток квалифицированного населения в трудоспособных возрастах. С 2006 по 2013 гг. в миграционном обмене с другими регионами РФ край потерял более 15 тысяч специалистов с высшим образованием. Уже сейчас в экономике Приморья чувствуется нехватка высококвалифицированных кадров. Некоторые компоненты распределения мигрантов в Приморском крае по уровню образования представлены в таблице 1. Положительный миграционный прирост специалистов со средним профессиональным образованием в 2011 и 2012 гг. может быть объяснен созданием большого количества рабочих мест для реализации масштабныхстроек при подготовке к саммиту АТЭС.

Таблица 1.

**Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше
по уровню образования в Приморском крае в 2006 – 2013 гг.**

Годы	Миграционный прирост, чел.	в том числе имеют образование:	
		высшее профессиональное	среднее профессиональное
2006	-3678	-1350	-827
2007	-2813	-1409	-753
2008	-368	-814	-18
2009	-1428	-993	-397
2010	-5891	-2708	-1373
2011	1970	-1807	815
2012	-501	-1781	1029
2013	-6094	-2205	-1760

Источник: [5, 8]

Единственным источником частичной компенсации потерь населения вследствие естественной убыли и миграционного оттока населения в центральные регионы страны была и остается для Приморья международная миграция. При этом за два десятилетия произошла существенная трансформация потоков международной миграции как по объемам, так и по направлениям.

Абсолютные объемы международной миграции за период с 1993 по 2013 гг. снизились в среднем в 6–10 раз. В то же время в относительном выражении выросла доля обмена со странами СНГ, фактически полностью вытеснив миграцию из стран дальнего зарубежья. Более того, если до 2010 г. лидирующие позиции в миграционном обмене с Приморским краем занимал

Китай, то с 2011–2012 гг. в этот процесс начал активнее включаться Вьетнам. А в 2013 г. сальдо миграции с Китаем и вовсе стало отрицательным [8]. Уже-стечение российского миграционного законодательства с одной стороны, и стремительный рост экономики Поднебесной – с другой, привели к существенному снижению объемов и переориентированию китайской миграции на другие направления.

Миграция из стран СНГ в Приморье играет доминирующую роль. В Приморский край приезжают мигранты из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Армении, Украины и Азербайджана. За период 2005–2013 гг. сальдо миграции с бывшими республиками СССР остается положительным, следовательно, при сохранении сложившихся тенденций с течением времени это может привести к значимому изменению этнического состава населения Приморья. Учитывая же общее отрицательное сальдо миграции, легко прийти к выводу, что край покидает преимущественно русское население, о чем свидетельствуют также и итоги переписи населения 2010 г.

Мигранты из стран СНГ предпочитают расселяться в крупных городах края с развитой инфраструктурой. Большая часть из них задействована в строительстве, торговле, транспорте, ЖКХ.

Сейчас уже существуют целые отрасли, в которых очень велика доля труда мигрантов [1]. С одной стороны, это имеет положительный эффект, связанный с тем, что за счет привлечения мигрантов регион может решать в краткосрочной перспективе проблемы, связанные с уже существующим дефицитом рабочих рук. С другой стороны, замещение коренного населения трудовыми мигрантами в ряде стратегически важных отраслей (торговле, транспорте) может при изменении экономической и политической конъюнктуры нанести значимый урон национальной безопасности страны.

Подводя итоги, отметим, что несмотря на улучшение социально-экономических показателей, миграционный отток трудоспособного населения в центральные регионы страны по-прежнему является существенной составляющей снижения абсолютной численности населения края, представляя серьезный барьер для развития экономики Приморья. Для того, чтобы переломить сложившуюся ситуацию региональная политика должна быть направлена, в первую очередь, на создание благоприятных условий для местного населения, а также на привлечение в край квалифицированных специалистов.

Список литературы и источников

1. Вострецова Л.Г., Гнездилов Е.А. Влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие Дальневосточных регионов // *Фундаментальные исследования. Экономические науки*. 2014. № 11. С. 383 – 387.
2. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Изд-во ДВО РАН, Владивосток-Хабаровск, 2006. – 224 с.
3. Приморский край. Социально-экономические показатели. Статистический ежегодник. Владивосток, Примстат, 2010. – 318 с.
4. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. М., Росстат, 2010. – 396 с.

5. Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю www.primstat.ru. Дата обращения: 11.09.2015 г.
6. Социально-экономические показатели Приморского края в 2013 г. Статистический ежегодник. Электронная версия. Режим доступа: <http://82.194.162.114:81/bgd/everyyear/Main.htm>. Дата обращения 11.09.2015 г.
7. Храмова М.Н. Миграционные процессы в Приморском крае: факторы и закономерности // Региональные проблемы. 2015. Т. 18, № 3. С. 59 – 64
8. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013 году. Статистический бюллетень. – М.: Росстат, 2014. – 146 с.

Хуснутдинова Л.Г.
(Уфа, Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОТАН, ПЕРМСКОГО КРАЯ, ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

(Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ
и Правительства Республики Башкортостан № 15-11-02004)

Сегодня многие страны мира столкнулись с проблемой приема миллионов мигрантов. Если на Западе это связано с расширением международных связей и укреплением Европейского экономического союза, то на территории бывшего Советского Союза ситуация иная. Мощный стихийный поток, составляющий основу миграции, прибывает из стран ближнего зарубежья и оседает в России, сливаясь с менее мощным потоком из стран классического зарубежья. Причины, вынуждающие людей переселяться в Россию, различны. Правовая незащищенность мигрантов заставляет задуматься над тем, как упорядочить миграционные потоки и помочь мигрантам адаптироваться в новых для них условиях.

Решение интеграционных задач, связанных с нормативно-правовой и семейно-бытовой сферой, невозможно без участия региональных и муниципальных органов власти, роль которых резко возросла с массовым притоком мигрантов с Украины в 2014–2015 гг. УФМС России по регионам, областные, городские и районные администрации – это те органы, через которые в обязательном порядке проходит каждый легально въехавший в Россию мигрант. Деятельность названных органов власти способна гарантировать исполнение законодательных решений в сфере миграционной политики. Большую роль в процессе адаптации мигрантов на новом месте могут играть такие общественные институты, как национально-культурные центры, общественные организации и другие объединения граждан.

В подтверждении или опровержении данных определений могут служить результаты научно-исследовательских проектов при финансовой поддержке РГНФ 2014–2015 гг., которые были направлены на решение комплексной проблемы интеграции мигрантов в местное сообщество на примере некоторых регионов Поволжья.

В Республике Башкортостан проживает – 4061,5 тыс. чел. [10, С. 48; 12], среди которых 130 этносов и этнических групп. В связи с событиями, которые прошли в Республике Башкортостан (международные саммиты ШОС и БРИКС) поток трудовых мигрантов в регион в 2014–2015 гг. значительно вырос. Ежегодно в Республику Башкортостан прибывает более 75 тыс. иностранных граждан. [3, С. 66] Трудовые мигранты приезжают в республику из 41 государства с визовым режимом въезда и стран ближнего зарубежья. Основной поток приезжих – из стран СНГ.

Для мигрантов привлекательно и социально-экономическое положение Башкортостана: наличие земельных ресурсов, относительно низкая плотность населения. Кроме того, республика расположена вблизи новых государственных границ и активно взаимодействует с новым зарубежьем, откуда идет основной поток мигрантов [11, С. 161]. Одним из основополагающих факторов миграции в Республику Башкортостан является и мирное сосуществование представителей разных национальностей и вероисповеданий.

Органами УФМС России по РБ ведется целенаправленная работа по оформлению и выдачи иностранным гражданам патентов для осуществления трудовой деятельности по найму у физических лиц. Наибольшее количество патентов оформляются в весенне-летние месяцы, поскольку основная часть иностранных граждан осуществляют сезонную трудовую деятельность в сфере строительства частных домов, надворных построек и дач, ведения подсобного хозяйства и т.д. По состоянию на 1 января 2015 г. в Республике Башкортостан 13096 иностранных работников имеют действующее разрешение на работу [4].

В Башкортостан приезжают иностранные граждане и для получения образования. Так, в 2013 г. на территорию республики с целью учебы въехало 2109 иностранных граждан, в том числе граждан Казахстана – 648 чел., Узбекистана – 262 чел., Китая – 171 чел., Таджикистана – 157 чел., Вьетнама – 134 чел., Туркменистана – 130 чел., Турции – 80 чел. и др. [10, С. 51]

В 2014 г. из-за военных конфликтов на Украине сотни тысяч беженцев нашли приют в России, в том числе и в Республике Башкортостан. В регионе при Правительстве РБ была создана рабочая группа по вопросам обустройства беженцев, которая взяла на особый контроль вопросы размещения, трудоустройства, медицинского обеспечения, а также социальной поддержки тех, кто вынужден покинуть территорию Украины.

В судьбе беженцев принимают участие не только органы власти, но и местные жители – несут в пункты по приему гуманитарной помощи одежду, продукты, бытовую технику, медикаменты. А общественные, негосударственные организации, организуют сбор и доставку гуманитарной помощи населению юго-востока Украины.

По информации УФМС по Пермскому краю в 2014 г. на миграционный учет поставлено 100047 иностранцев. Большую часть из них составляют граждане Республик Азербайджана, Армении, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

В регионе многое делается по интеграции мигрантов в местное сообщество. Так, в Постановлении Правительства Пермского края «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение взаимодействия общества и власти» имеется перечень мероприятий Государственной подпрограммы «Реализация государственной национальной политики в Пермском крае» по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России и содействие социальной адаптации этнических мигрантов: 1) Мероприятия с новыми этническими диаспорами; 2) Организация постоянно действующей приемной для мигрантов; 3) Издание брошюр, справочников, памяток и других изданий для мигрантов и пр.

Что касается мероприятий, то в июне 2014 г. на базе выставочного центра «Пермская ярмарка» в рамках 2-го международного гуманитарного форума «Русский язык в диалоге культур» состоялась презентация учебного пособия «Аудиокурс русского языка». Курс «Русский язык как иностранный» рассчитан на 22 часа и представляет собой систему занятий, расширяющих содержание разделов русского языка: фонетики и лексики.

При поддержке Администрации губернатора и Правительства Пермского края с сентября 2012 г. начал функционировать АНО «Пермский миграционный центр». За время работы организация обработала более 35 тыс. обращений иностранных граждан и работодателей региона [5]. На базе центра реализуется ряд совместных с Администрацией губернатора Пермского края проектов с общим объемом финансирования 750 тыс. рублей в год: «Общественная приёмная для мигрантов»; «Памятка мигранту»; «Школа русского языка для мигрантов». Центр также активно сотрудничает с Агентством по занятости населения Пермского края и работодателями региона, привлекающими на работу иностранную рабочую силу, предоставляя для них комплекс услуг.

В настоящее время Центр является единственной региональной площадкой, осуществляющей комплексное обслуживание иностранных граждан по принципу «одного окна». Это дает уникальную возможность иностранным гражданам получать государственные услуги в установленные законодательством сроки по принципу «одного окна», не теряя время на перемещения по разным районам города с целью получения услуг в организациях, оказывающих узкоспециализированные услуги в сфере трудовой миграции. Комплексное предоставление услуг особенно актуально для пребывающих иностранных граждан, не владеющих русским языком и плохо ориентирующимися на территории Пермского края.

«С мая 2015 г. в г. Перми начали работу общественные приемные по оказанию консультационных услуг мигрантам и членам их семей, – делится начальник отдела межнациональных отношений Департамента внутренней политики Администрации губернатора Пермского края А. Субботина, – Не-

обходимая правовая помощь иностранным гражданам, прибывающим в Пермь, оказывается бесплатно» [6].

Оренбургская область один из самых крупных регионов Российской Федерации, территория которого составляет – 124 тыс. км², расположена в двух частях света – Европы и Азии. На севере область граничит с Республикой Башкортостан, на северо-западе – с Республикой Татарстан, на западе – с Самарской областью, на северо-востоке – с Челябинской областью, на юге и востоке – с Республикой Казахстан. Численность населения Оренбургской области на 1 января 2015 г. составило 2001110 чел. Плотность населения – 16,2 жителей на 1 км² [8, С. 39].

Оренбургская область является многонациональным регионом, объединяющим 126 национальностей (из них – 27 малочисленные с населением 1–3 чел.). [7]

В области получила широкое распространение практика разработки программ по реализации региональной национальной политики, включающих в себя сохранение и развитие национальных культур. С 1993 г. в Оренбуржье действуют пять целевых комплексных программ поддержки развития национальных культур народов Оренбуржья. [1, С. 39.]

В Оренбургской области действует 126 национальных центров. Свои национальные организации имеют представители 21 этнической группы населения. Официально зарегистрированы в органах юстиции 57 объединений. В соответствии с Законом «Об общественных объединениях» действует без регистрации 69 объединений [2, С. 42.] В регионе налажено тесное взаимодействие и координация деятельности властных структур и национальных организаций.

В сентябре 2013 г. в г. Оренбурге состоялось открытие «Центра социальной адаптации трудовых мигрантов» – одного из пилотных проектов по перепрофилированию центров временного размещения вынужденных переселенцев в Тамбовской и Оренбургской областях в Центры социальной адаптации иностранных мигрантов к социально-экономическим и культурным условиям России. Центр предназначен для временных трудовых мигрантов с целью их адаптацией к российским условиям. Основными задачами Центра являются – предоставление трудовым мигрантам жилого помещения для временного проживания; оказание содействия в социальной адаптации; профилактика незаконной миграции, путем информационного консультирования; разъяснение преимуществ законного пребывания и труда в РФ; нормализация взаимоотношения мигрантов и местного населения [9]. Для реализации задач Центр организует: проживание (для проживающих оборудованы комнаты на двух или трех человек, в которых есть душ, санузел, необходимая бытовая техника); обучение; проводит тестирование и выдачу сертификата о владении русским языком, знаниями истории России и основ законодательства Российской Федерации; культурно-просветительские мероприятия с участием национальных и религиозных объединений и общественных организаций, сбор документов для поставки на учет трудовых мигрантов, контроль за соблюдением порядка и условиями проживания.

В целом условия социальной адаптации мигрантов в приведенных регионах можно оценивать благоприятными. Большинство приехавших мигрантов – люди энергичные, активные, образованные. Они почти не надеются на помощь государства и властных структур, готовы работать, строить жилье, воспитывать своих детей, но ситуация с оформлением своего полноценного положения в республике (регистрацией и гражданством) создает им сложности при устройстве на работу, покупке жилья. Наиболее сложной для большинства мигрантов является жилищная проблема. В некоторых регионах до сих пор не имеются помещения для временного проживания мигрантов.

Полноценное решение проблем, связанных с адаптацией мигрантов, возможно только при наличии эффективного миграционного законодательства как на центральном, так и на региональном уровнях и осуществлении действенных мер по его реализации. Задача Российской Федерации – разработать правильную миграционную политику по приему и обустройству мигрантов, которая будет направлена на максимальное благоприятствование их адаптации в стране.

Список литературы и источников

1. Амелин В.В. Этнокультурная политика в полиэтническом приграничном регионе России (позитивные практики) [Текст]/ В.В. Амелин // Этнопанорама. – 2009. – № 1–4.
2. Амелин В.В., Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Гражданские инициативы и миротворческий потенциал институтов гражданского общества Оренбургской области в предупреждении межэтнических конфликтов и обеспечении гражданского согласия // Этнопанорама. № 1-2, 2014. С. 42.
3. Давыдов А.Г. Учет региональных особенностей в проведении государственной миграционной политики [Текст]/ А.Г. Давыдов // Социальные и экономические проблемы трудовой миграции в Республике Башкортостан / Под ред. Р.А. Галина. – Уфа: Печатный домъ, 2012. – С. 211-138.
4. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности УФМС по Республике Башкортостан на 2014 год и плановый период 2015-2017 гг. // [Электронный ресурс]. – <http://www.fmsrb.ru/material.aspx?m=140>.
5. Информационная справка АНО «Пермский миграционный центр» от 1 июня 2015 г. // Данные текущего архива АНО «Пермский миграционный центр» г. Пермь.
6. Интервью было проведено Л.Г. Хуснутдиновой 17.06.2015 г. (г. Пермь).
7. Мартынов А.П. Национальный состав Оренбургской области [Текст]/ А.П. Мартынов // Этнопанорама. – 2012. – № 1-2.
8. Оренбургская область в цифрах. 2015: Крат. стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области – Оренбург, 2015.
9. Положение о «Центре социальной адаптации трудовых мигрантов г. Оренбурга ФГУП «ПВС» ФМС России» // Данные текущего «Центра социальной адаптации трудовых мигрантов г. Оренбурга ФГУП «ПВС» ФМС России»
10. Хуснутдинова Л.Г., Габдрафиков И.М., Вильданов Х.С., Андреева Л.М. Роль национально-культурных объединений в интеграции мигрантов в местное общество в регионах Поволжья (на примере Республики Башкортостан, Республи-

ки Татарстан, Самарской области) [Текст]/ Л. Г. Хуснутдинова и др. // Под ред. Л.Г. Хуснутдиновой. – СПб.: ООО «Свое издательство», 2014.

11. Хуснутдинова Л.Г., Ильясова Р.Х. Миграционные процессы в Республике Башкортостан на рубеже XX – XXI веков [Текст]/ Л.Г. Хуснутдинова, Р.Х. Ильясова // Современное общество, образование и наука: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 марта 2015 г.: в 16 частях. Часть 14. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», – 2015.

12. Gabdrafiqov I.M., Karabulatova I.S., Khusnutdinova L.G., Vildanov Kh., S. Ethnoconfessional Factor in Social Adaptation of Migrant Workers in the Muslim Regions of Russia // Mediterranean Journal of Social Science. – 2015. – Vol 6, № 3. – Supplement 4, May 2015. – pp.: 213-222. (<http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6731/6445>)

Шафранов-Куцев Г.Ф.

(Тюмень, Россия)

Кучерявая Е.Р.

(Тюмень, Москва)

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В сфере межкультурного взаимодействия населения девиации в полной мере проявляются в форме этнорелигиозного экстремизма. В данном случае, это пропаганда и возбуждение расовой и религиозной розни, публичное оправдание терроризма или его осуществление, нарушение прав, свобод и законных интересов человека в зависимости от его национальной, религиозной или языковой принадлежности и пр. [1]. Существует устойчивая корреляция между подъемом экстремистских настроений и кризисным состоянием общества.

Национальное и религиозное, всегда являвшиеся своеобразной базой, на которой строилось общество, постепенно размываются и теснятся под напором унифицированных стандартов. Ущемленная этнорелигиозная идентификация усиливается, вызывая всплеск религиозного самосознания, этнонациональных ориентаций, интересов, национально-культурное обособление, многочисленные этнорелигиозные столкновения [10].

Исходя из теории Г. Зиммеля, социальная гармония означает не полное отсутствие конфликтов, иначе общество лишилось бы движения и структуры, а скорее их грамотное разрешение [8]. Данный тезис имеет свое отражение в сфере межкультурного взаимодействия населения, в котором полное преодоление разногласий в принципе невозможно. Это объясняется таким явлением как ксенофобия, которая, по мнению многих социологов и антропологов, имеет биологическую природу, так как именно инстинкт, лежащий в ее основе, обусловил принципы организации родоплеменных формирований. Это не-

приятие всего чужого, непривычного, незнакомого. Более того, в обществе существует тенденция судить о чужих культурах с позиции превосходства своей собственной. Это явление называется этноцентризмом. Американские психологи М. Бруэр и Д. Кэмпбелл выделили его основные показатели: а) восприятие элементов своей культуры (норм, ролей и ценностей) как естественных и правильных, а элементов других культур как неестественных и неправильных; б) рассмотрение своих обычаев в качестве универсальных; в) представление о том, что для человека естественно сотрудничать с членами своей группы, оказывать им помощь, предпочитать свою группу, гордиться ею и не доверять и даже враждовать с другими.

Выделяется два типа этноцентризма: 1) благожелательный (гибкий), когда предпринимаются попытки понять иную культуру, и когда он не распространяется на все сферы жизнедеятельности общества; 2) воинственный (негибкий), когда о другой культуре судят не только исходя из собственных ценностей, но и пытаются навязать их другим [12]. Такие социальные явления как ксенофобия и воинствующий этноцентризм нередко становятся инструментом достижения политических целей и являются предпосылками возникновения экстремистских проявлений в межкультурном взаимодействии населения. На современном этапе в научном сообществе наблюдается высокий интерес к проблеме этнорелигиозного экстремизма, но, несмотря на это, в социологической науке до сих пор не существует единой систематизированной теории, которая может служить основанием для преодоления практических проблем в межкультурном взаимодействии населения.

Наряду с этим, в правовой и научной литературе также отсутствует общепринятое определение понятия «этнорелигиозный экстремизм». Чаще всего в социологических и философских работах разработке подвергаются термины «религиозный экстремизм» (А.В. Журавский, В.А. Бурковская, З.С. Арухов, А.А. Нуруллаев, А.М. Верховский, М.Я. Яхьяев и др.) и «этнический экстремизм» (М.П. Клейменов, В.П. Бабинцев, Л.В. Баева, А.А. Бурков, А.М. Верховский и др.). Проблеме этнорелигиозного экстремизма посвящены труды таких авторов как О.А. Русанова, Ю.М. Антонян, Д.В. Новиков и др. Содержания данных понятий нередко крайне размыты, затрагивают частные стороны явления, а не интегрируют все его свойства. По мнению автора статьи, представляется обоснованным использование понятия «этнорелигиозный экстремизм» по причине глубокой взаимосвязи этнического и религиозного факторов, которое прослеживается с начала человеческой истории и периода формирования этнических общностей [6]. В связи с этим приведем авторскую концептуализацию данного термина.

Экстремизм на этнорелигиозной почве является одним из элементов в структуре экстремальности. Социальная экстремальность есть вынужденная или спонтанная социальная активность, форма интенсивной деятельности – пребывание на грани исчерпания ресурсов жизнедеятельности социума и человека. Экстремальность, как носитель нового культурно-ценностного содержания и форма интенсивной деятельности востребована в условиях неопределенности и социальной нестабильности [5, с.2]

Очевидно, социальная экстремальность содержательно близка к радикализму. Радикализм – это стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не идя ни на какие компромиссы [3, с. 14]. Радикализм следует интерпретировать как реакцию тех или иных социальных субъектов на критические, тупиковые или экстремальные ситуации, с которыми они сталкиваются в ходе исторического процесса [13]. Также как и радикализм, экстремальность может быть конструктивной и деструктивной.

Конструктивные экстремальные проявления в межкультурном взаимодействии имеют свою внутреннюю логику, вызываются необходимостью и подчиняются закономерностям. Они направлены на качественное, прогрессивное преобразование существующей социальной системы. К таким экстремальным проявлением можно отнести борьбу этносов за выживание в периоды дискриминации и геноцида. Их высшим проявлением является социальная революция [7]. Деструктивная экстремальность всегда отмечена эгоцентризмом и своеволием. Ей всегда сопутствуют агрессия и агрессивность, при этом – агрессия – это действие человека, направленное на нанесение вреда другому, а агрессивность – скорее готовность к таким действиям [5, с.1]. Разновидностями деструктивной экстремальности являются фундаментализм, фанатизм и экстремизм.

Суть идеологии фундаментализма состоит в том, чтобы вернуться к старому социальному порядку или законсервировать существующие социальные порядки, заморозив, остановив процесс прогрессивных изменений. Фундаментализм возникает в условиях кризиса какого-либо движения и, как правило, противостоит, в том числе насильственными средствами, процессу перемен, обновлению. Фанатизм нацелен на радикальное преобразование существующего общества в соответствии со своей утопической идеологической программой.

Фанатизм и фундаментализм – это два способа реакции субъектов на экстремальные социальные ситуации. Они могут переходить один в другой и сливаться друг с другом, выступать вместе. В своих крайних формах фанатизм и фундаментализм вырождаются в экстремизм [13].

Учитывая природу экстремизма как социального отклонения, можно сделать вывод о том, что этнорелигиозный экстремизм – особый тип социальной девиации, характеризующийся приверженностью к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства существующего уклада общества в сочетании с фанатическими и фундаменталистскими религиозными, националистическими и политическими взглядами. Последствия такого социального явления как этнорелигиозный экстремизм однозначно негативны, так как несут ярко выраженный антисистемный характер. Примером может служить современный кризис на Украине, спровоцированный обширными националистическими экстремистскими выступлениями, которые в итоге привели к развитию сепаратистских настроений. Грамотное разрешение этнических и религиозных конфликтов требует глубокого анализа социально-политических, социально-экономических и социально-культурных причин их возникновения.

Руководствуясь типологией девиаций, приведенной Менделевичем В.И. [11], автором были определены основные виды проявлений этнорелигиозного экстремизма в общественной структуре.

1) Индивидуальные и групповые экстремистские проявления. Индивидуальный вид экстремизма не зависит от влияния окружающих. Он особенно свойственен представителям молодежи, которые часто нарушают нормы права и морали с целью противопоставить себя обществу, конфронтируя «со всеми и вся», желая утвердить свою индивидуальность. В основе группового типа экстремизма лежит принцип группового давления и толерантности к этому давлению, при котором всецелое принятие групповых взглядов сочетается с подавлением собственных сомнений в правильности, нормативности своего поведения;

2) Устойчивые и спланированные, и неустойчивые и стихийные экстремистские проявления. Первый тип отличается малой длительностью существования отклоняющегося поведения, часто он связан с групповым давлением и невозможностью быть вне группы. К ним можно отнести такие акты этнорелигиозного экстремизма как спонтанные избиения представителей других национальностей на улицах, межкультурные конфликты на бытовой почве. К постоянным экстремистским проявлениям относятся такие формы отклоняющегося поведения, которые имеют тенденцию к длительному существованию и слабую зависимость от внешних воздействий. Они обладают такими характеристиками, как регламентированность, заданность и строгая очерченность;

3) Структурированные и неструктурированные экстремистские проявления. Под структурированными (организованными) экстремистскими проявлениями понимается групповая форма отклоняющегося поведения, в рамках которой четко расписаны роли всех ее участников. К примеру, сектантство, членство в террористической группировке подразумевают сплоченность и структурированность. Для неструктурированной (слабо организованной) разновидности экстремистских проявлений характерно отсутствие иерархических взаимоотношений, регламентации поступков;

4) Латентные и открытые экстремистские проявления. Экстремизм в его открытой форме заключается в конкретных агрессивных действиях и насилии над представителями других культур. Для реализации своих целей его приверженцы обращаются к использованию чрезвычайных, насильственных и разрушительных действий, то есть к террористическим методам. Латентный экстремизм существует на додеятельном уровне в виде взглядов, убеждений и установок. В обществе он распространен гораздо шире, чем открытые проявления агрессии и ненависти и является маркером скрытой интолерантности и фактором социальной напряженности.

При этом, критериями экстремизма в этноконфессиональном взаимодействии можно назвать: 1) нарушения прав и свобод других членов социума; 2) дестабилизация существующей социальной системы (или ее провокация); 3) внутриличностный конфликт, вызванный неспособностью и нежеланием принять традиции и нормы представителей другого этноса и конфессии.

В феврале-апреле 2014 года автором статьи было проведено социологическое исследование, направленное на изучение мнения населения Тюменской области о состоянии межкультурных отношений и проявлениях этнорелигиозного экстремизма в регионе. В рамках исследования было опрошено 600 жителей области в возрасте от 18 до 65 лет, им было предложено ответить на 36 вопросов.

По мнению респондентов, проблема этнорелигиозного экстремизма является актуальной для Тюменской области, что обусловлено реальным нарастанием этнической и религиозной нетерпимости в России и во всем мире. Оценивая состояние межкультурного взаимодействия в области, большинство опрошенных выбрали вариант ответа «Внешне всё спокойно, но чувствуется напряженность на бытовом уровне» (рис.1). При этом, заметны значительные расхождения ответов представителей русской национальности и национальных меньшинств. Последние дают более негативную оценку состоянию межкультурного взаимодействия в Тюменской области (варианты ответа «Существует явная напряженность, есть предпосылки для возникновения конфликтов» и «Имеют место межкультурные конфликты» выбрали 6,7% и 18,6% респондентов русской национальности, и 12,5% и 20,3% представителей национальных меньшинств).



Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете состояние межкультурных отношений в Тюменской области?».

На вопрос об отношении к представителям иных религий и национальностей «Какова Ваша обычная реакция, в случаях, когда Вы сталкиваетесь с представителями иной религии или национальности?» (рис.2) 60,7% респондентов ответило «Не обращаю на их особенности никакого внимания; отношусь к ним спокойно», 16,6% респондентов выбрало вариант «Проявляю интерес». При этом 20,4% респондентов выбрали вариант «Отношусь с опасением, но стараюсь скрыть свои чувства». Ответы на эти вопросы подтверждают гипотезу о том, что большая часть населения толерантно относится к представителям других культур, но также распределение ответов демонстрирует наличие скрытой интолерантности в обществе Тюменской области, которая является предпосылкой возникновения этнорелигиозного экстремизма.

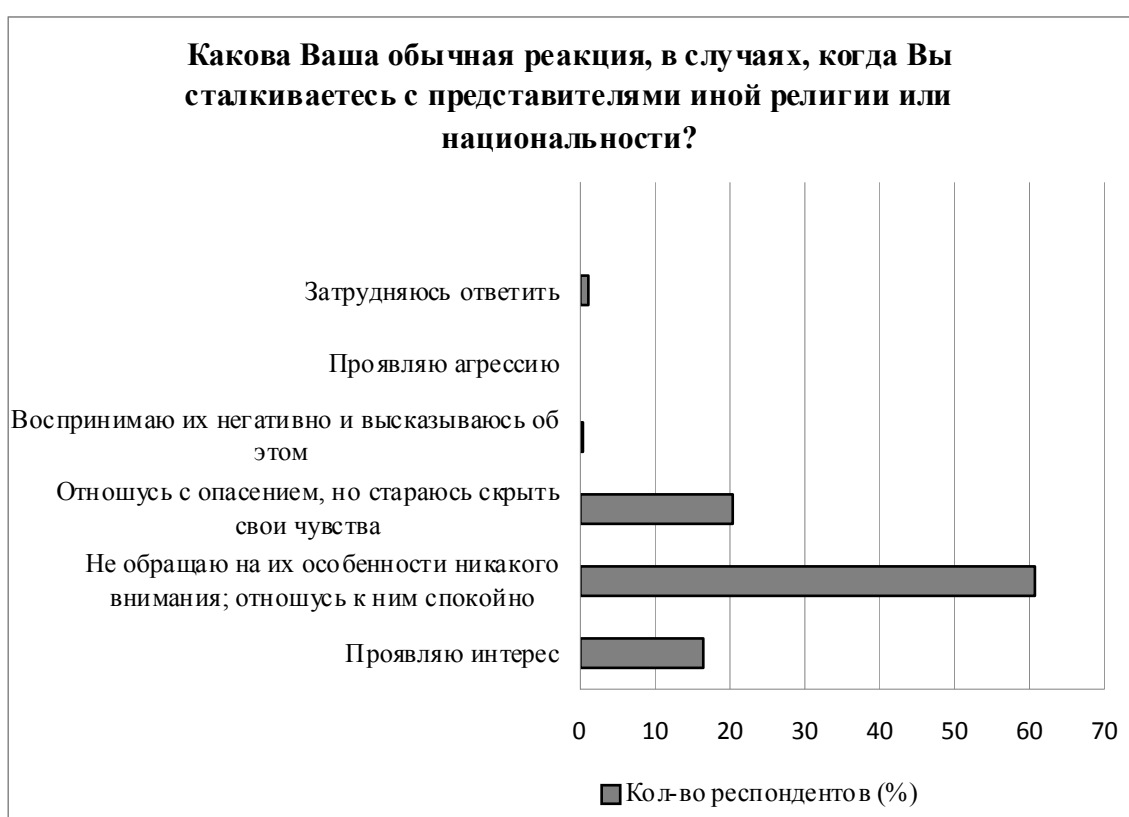


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какова Ваша обычная реакция, в случаях, когда Вы сталкиваетесь с представителями иной религии или национальности?».

Большинство опрошенных сталкивалось с проявлениями национальной неприязни по отношению к другим людям (64% ответивших), и только 9% респондентов — по отношению к себе. При этом представители национальных меньшинств лично сталкиваются с проявлениями этнорелигиозной неприязни намного чаще (среди ответивших «Да, сталкивался по отношению к себе» — 6,7% русских и 20,8% представителей национальных меньшинств).

Среди респондентов, так или иначе сталкивавшихся с проявлениями этнорелигиозной неприязни, абсолютное большинство на вопрос «Если да,

то в чем заключались эти проявления (укажите все подходящие варианты ответа)» (рис.3) ответили «Грубость и оскорбления в общественных местах» (76,8%), «Неуважительное отношение одноклассников, одноклассников, коллег по работе (обидные клички, шутки и др.)» (42,6%) и «Хулиганские действия, акты вандализма (надписи на заборах, лозунги на машинах и т.п.)» (45%). Таким образом, специфика этнорелигиозного экстремизма в Тюменской области заключается в том, что он протекает в латентной форме, существует в виде идей и настроений. Опасность латентного экстремизма состоит в том, что он имеет свойство транслироваться из поколения в поколение, подготавливая почву для возникновения явного экстремизма. При этом этнорелигиозные конфликты в Тюменской области происходят постоянно, но так как имеют место на бытовом уровне и протекают не явно, создается впечатление о стабильности межкультурного взаимодействия в Тюменской области. Также спецификой этнорелигиозного экстремизма в области является его исламистский и салафитский характер, а также многоаспектность из-за территориальной специфики и сложного состава населения.



Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о проявлениях этнорелигиозной неприязни.

Приток мигрантов в Тюменскую область оценивается населением негативно (рис.4), особенно в отношении мигрантов таких национальностей как таджики и азербайджанцы. Большая часть населения выступает за ограничение их въезда в область. Среди респондентов распространены стереотипы об опасности мигрантов и их враждебности к местному населению, а также иррациональная неприязнь к их языку, манерам и внешнему виду (что определяется биологической природой ксенофобии).



Рис.4. Распределение ответов на вопрос об отношении к потоку мигрантов в Тюменскую область.

Мусульманские экстремистские организации оценены населением и экспертами как наиболее социально опасные, хотя большинство респондентов не видят связи между исламом и экстремизмом (рис. 5). Это объясняется тем, что именно об исламских группировках чаще всего говорится СМИ, и именно они совершили наибольшее количество громких террористических актов за последние десятилетия. При этом, приверженцы ислама наименее склонны считать свою религию предрасположенной к экстремизму. Этот результат демонстрирует экзотичность данного понятия. Как правило, оно употребляется индивидами и группами для характеристики других, но не самих себя.

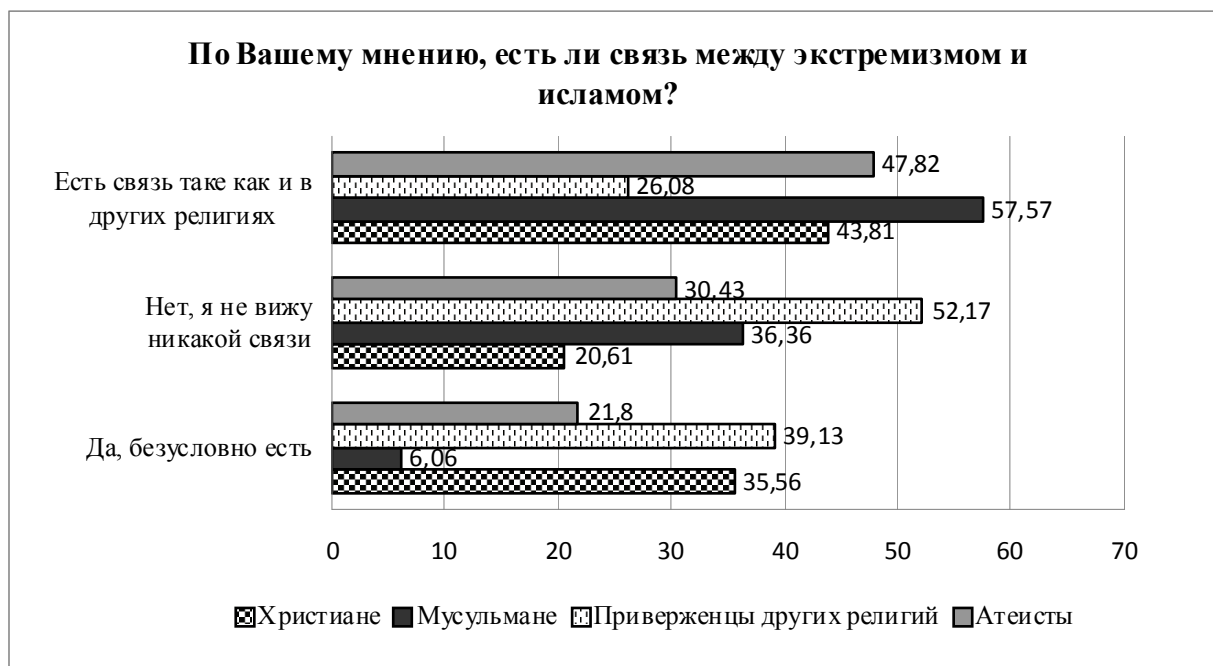


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос о связи между религиозным экстремизмом и исламом в зависимости от религиозной принадлежности респондента.

Респондентам также было предложено ответить на вопросы, связанные со стратегией управления межкультурным взаимодействием в РФ и регионе (рис. 6). Большинство ответивших считает, что национальная политика РФ должна представлять собой «Толерантное отношение к представителям культурных меньшинств как к гражданам РФ, но без предоставления им особых прав, выделяющих на фоне других национальностей». Абсолютное большинство респондентов (81%) понимают принцип «равноправия народов в Российской Федерации» как «равные права для представителей всех национальностей» (среди них 81% русских и 85,4% представителей национальных меньшинств); 12% респондентов считают, что данный принцип означает «Ущемление прав представителей русской национальности как ведущего этноса» (12% русских и 2% представителей национальных меньшинств).



Рис. 6. Распределение ответов на вопрос о национальной политике РФ в зависимости от национальности респондента.

Таким образом, распределение ответов на данные вопросы подтверждает гипотезу о том, что большая часть населения поддерживает стратегию мягкого мультикультурализма в управлении межкультурными отношениями в России. Как и предполагалось, для абсолютного большинства респондентов (74%) основным источником информации о состоянии межкультурного взаимодействия и мерах его укрепления, предпринимаемых в Тюменской области являются Интернет (74%), телевидение (53,5%), а также друзья и зна-

комые (46,7%). Также был сделан вывод о том, что для просвещения населения в вопросах этнорелигиозной толерантности и патриотизма, необходимо использовать различные средства информирования, в зависимости от желаемой аудитории. Для работы с молодежью, в первую очередь, необходим контроль за сетью Интернет и проведение в ней пропагандистской работы. Старшие поколения почерпнут необходимую информацию из газет, журналов и телевиденья.

Меры по стабилизации межкультурных отношений и противодействию экстремизму в Тюменской области нельзя определить как эффективные, поскольку большинство населения оценивает их как «удовлетворительные» или совсем о них не осведомлено. Среди мероприятий по профилактике этнорелигиозного экстремизма и воспитанию патриотизма респонденты выделяют такие как «выставки и экспозиции в музеях» и «молодежные фестивали», именно они являются наиболее посещаемыми.

По мнению населения, в ближайшее время в Тюменской области могут иметь место акты этнорелигиозного экстремизма (На вопрос анкеты «Возможны ли в ближайшее время столкновения на этнорелигиозной почве, акты экстремизма в Тюменской области?» варианты «Возможны» и «Возможны, но маловероятны» выбрали 30% и 39,7% респондентов соответственно). При этом представители национальных меньшинств дают более негативную оценку состояния этноконфессиональных отношений.

Результаты исследования говорит о достаточно напряженном межкультурном взаимодействии в Тюменской области. В условиях гармоничного межкультурного взаимодействия в мировоззренческих установках личности преобладает не тенденции этноцентризма и ксенофобии, а толерантность, взаимоуважение и правовое сознание. Наиболее эффективными направлениями деятельности по предупреждению этнорелигиозного экстремизма являются постановка грамотного этнорелигиозного просвещения и использование средств информирования населения, отвечающих запросам желаемой аудитории. Особую важность имеет мониторинг СМИ и Интернета на предмет выявления данных о нарушении законодательства об экстремизме, публичность наказаний за эти нарушения, а также проведение социологических исследований этноконфессиональной обстановки в области.

Список литературы и источников:

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 27 июня 2002 года №114-ФЗ. Одобрен Советом Федерации. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148972> (дата обращения: 01.02.2014).
2. Аристова А.В. Религиозный терроризм в информационную эпоху // Интернет-газета «Протестант». URL: www.gazetaprotestant.ru (дата обращения: 11.08.2013).
3. Бобров И.В., Доценко Е.Л., Селиванова О.А., Фальков В.Н., Халин И.Н., Юсупов М.М., Ярков А.П. Профилактика интолерантности и экстремизма в молодежной среде: коллективная монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 2014. 260с.
4. Вехов И.В. Экстремизм как объект социологического исследования // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 284-289.

5. Волкова Н.Г. Экстремальность в обществе риска: автореф. дис. ... канд. филос.наук. Саратов, 2011. 17 с.
6. Григоренко Ю.А. Национальное и религиозное: проблема взаимоотношений // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. №2. С. 260-267.
7. Диль В.А. Современный экстремизм и формы его преодоления: социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск. 2013. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/sovremennyy-jekstremizm-i-formy-ego-preodolenija-sociokulturnyj-aspekt.html> (дата обращения: 30.05.2014).
8. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: «Идея-Пресс», 2000. URL: http://www.e-college.ru/xbooks/xbook058/files/course/coser_pravo.pdf (дата обращения: 07.03.2014).
9. Ксенофобия. Большая актуальная политическая энциклопедия / Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/839/word/ksenofobija> (дата обращения: 07.03.2014).
10. Манапова В.Э. Влияние глобализации на рост этнического экстремизма. 2010. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/etnicheskiy-ekstremizm/item/534-vliyanie-globalizacii-na-rost-etnicheskogo-ekstremizma> (дата обращения: 24.01.2014).
11. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. СПб.: Речь. 2005. 445 с.
12. Этноцентризм. Психология общения. Энциклопедический словарь под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во «Когито-Центр». 2011. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1095/word/yetnocentrizm> (дата обращения: 06.03.2014).
13. Яхьяев М.Я. Методологические проблемы исследования экстремизма. 2011. URL: <http://www.ekstremizm.ru> (дата обращения: 13.10.2013).

Раздел 2

ТРУДОВАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИИ В И ИЗ РОССИИ: ТРЕНДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Акрамов Ш.Ю.

(Москва, Россия)

Акрамов Ф.Ш.

(Москва, Россия)

Гафурова Ш.Ш.

(Москва, Россия)

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Большинство таджикских мигрантов—это сезонные работники. Их поток возрастает весной и летом. Большинство трудовые мигранты из Таджикистана приезжают к родственникам или к знакомым которые раньше приезжали на заработки об этом свидетельствует то, что на вопрос «**источники информации**» 81,9 % респондентов получили от них, а остальные получили информацию в газете, по телевидению, наглядная реклама (плакаты, листовки). Это показывает, что безусловна при выборе страну и регион миграции учитывают присутствия родственников, знакомых в этих странах и регионах. Есть и такой подход мигрантов из Таджикистана при выборе (получение информации) место отправления прислушаются к разговорам своих знакомых (друзей, случайных знакомых) где, в каком регионе хорошо можно заработать.

Причины первой поездки на заработки за границу (было возможно несколько вариантов ответ), 57,8% респондентов выбрали вариант мало платили за работу, а 53% респондентов не находили работу на родине, а 10,8 % респондентов не находили перспектив для продвижения по службе, 7,8 % респондентов увидят другие страны охарактеризовали свою первую поездку за границу, а 2,4 повысить квалификацию получить профессиональный опыт. Факторами, «выталкивающими» рабочую силу Таджикистана на рынки труда России и СНГ в целом, является, разрыв в размерах зарплат, высокий уровень безработицы, особенно среди молодёжи бедность, развал прежней заня-

тости в результате структурных изменений экономики, социальная стратификация, которая протекает в виде поляризации бедных и богатых. (социологический опрос 166 чел. Таджикистан-Россия 2005-2006 гг.)

По мнению многих ученых, миграция как водный поток может стать, как живительной силой, так и разрушительным фактором. Кроме экономического фактора миграции граждан из Таджикистана, по мнению ряд ученых и исследователей влияет еще другие факторы как: исторический ничтожный срок период раздельного политического существования двух государств; географическая близость; наличия диаспор из Центральной Азии. Кроме того можно перечислят ряд факторов, которые мало изучены, но требующие глубокого изучения как: появился профессия- мигрант; молодые люди призывного возраста находятся зачастую находятся проста для того чтобы не идти служит в армию; имеет тренд место быть такой фактор как- подражание, населения не имеющий опыт трудовой миграции имеющий постоянный доход, занимающимся частным предпринимательством, имеющий земельные участки для видением фермерским хозяйством уезжают на заработки другие страны.

Российские эксперты приводили следующие оценки со ссылкой на российское посольство в Душанбе: в России живут и работают около 700 тысяч этнических таджиков, а также более 400 тысяч этнических русских, бежавших из Таджикистана в 1989-1995 годах. Согласно данным переписи населения 2010 года в Российской Федерации находилось более 87 тысяч граждан Таджикистана. По данным ФМС России в 2013 году таджикским гражданам было выдано 252 тысяч патентов и 163 тысяч разрешений на работу. Согласно официальным данным 2010 года таджикские трудовые мигранты в России были заняты в строительстве (44%), торговле (14%), промышленности (11%), обслуживании (5%), сельском хозяйстве (4%), на транспорте (3%)

Таджикском обществе сложилась такой тренд, когда дети мигрантов с детства психологический готовятся к миграции, как это проявляется, дети видя, что их отец, дедушки находятся в иммиграции на вопрос кем ты хочешь быть, отвечают я хочу быть «Тюменьщик», газа-электросварщиком и работать в России и.т.п.

На вопрос причины, по котором для поездки было выбрано Россия (было возможно несколько вариантов ответа) 56,6 % респондентов выбрали Россию потому, что здесь можно больше зарабатывать, а 32,5 % респондентов приезжали в Россию потому, что здесь легко найти работу, 20,4 % респондентов считают, что удобно добираться в Россию, 13,8 % респондентов приехали в Россию потому, что близко расположена, а 4,8 респондентов выбрали вариант легкость попасть в Россию чем в страны Запада. Ответы респондентов еще раз доказывают теорию выдвигаемой своей работе Ивахнюк И.В. определяя постсоветские страны как единую Евразийскую миграционную систему, автор на основе такого подхода выявляет наиболее существенные характеристики установившихся прочных миграционных взаимосвязей между странами приводит структуризацию факторов, формирующих эти взаимосвязей. Доказывается, что миграционные процессы, происходящие в регионе, имеют

очевидные системообразующие признаки и объективно играют интеграционную роль в процессе взаимодействия экономии стран СНГ, придавая их отношениям характер миграционной взаимозависимости, а также по мнению многих других ученых это географическая близость, коммуникационная связь этих стран.

49,3 % респондентов приехали по заработки в Россию поездом, 31,3 % самолётом, 27,7 % респондентов прибыли на заработки на автобусе, 7 % автомобилям. В основном за последние годы увеличился железнодорожные сообщения между Россией и Таджикистаном, а также авиационных сообщений, но это особо не повлияло на понижения цен и имеет свои сезонные и не зависящих от сезона факторов. К примеру, средняя цена авиабилета в Таджикистан стоит туда и обратно 20 тыс. рублей. Есть и хорошо налаженный сообщений между регионами России и Таджикистаном автомобильные сообщения особенно автобусное сообщения (но это сообщения не регламентирована.)

Трудовые мигранты в основном находили работу по прибытию по места в Россию. 54% респондентов находили работу по прибытию в Россию, это говорит о том, что основные трудовые мигранты на слепую прибывают на заработки, надеясь на удачу судьбу и это естественно сопровождается психологическими нагрузками 28,9% нашли работу в России до отъезда из РТ и 10,2 % во время поездки. В поиске работы в России в основном (80%) содействовали родственники и земляки это говорит о том, что в основном трудятся мигранты из РТ живут и работают в РФ по принципу родственники и земляки.

Для мигрантов прибывающих из традиционной обществ опора на институты посылающего сообщества становятся основной стратегией выживания. На всех стадиях – при принятии решение о выезде, подготовке переезда, в пути, поиске работы, обустройства на новом месте, возвращении, переводе заработанных средств – выходы из Средней Азии, например, вынуждены опираться на традиционные структуры общества; многопоколенную семью, родовую, соседскую общину, земляческую.

По мнению В. Мукомелья роль эмигрантских сетей в процессе адаптации мигрантов велика, но ее не стоит преувеличивать. Взаимная помощь в быту и работа у своих земляков, вопреки распространенному мнению, не занимают существенного места в системе связей этнического анклава судя по результатам обследования Института социологии РАН. (Приведется результаты исследований, проведенных в Москве в 2004 году, а также в Москве, Самаре и Астрахани в 2005 году.)¹

Я разделяю мнение В. Мукомелья том, что не всегда земляки, родственники, знакомые друзья могут помочь. По причине в том, что часто могут помочь деньгами или советами чем конкретно найти работу, жильё и т.п.

Такое большое количество трудовых мигрантов из Таджикистана в строительных и других сферах по нашему мнению, связана в потребностях на этих сферах в иностранной рабочей силе, во вторых это связано с низкой

¹ В. Мукомель. Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства. Москва 2007.

квалификации трудовых мигрантов или потребность с низкой квалификацией рабочей силы на стройках. Трудовые мигранты особенно в Москве работают в сфере торговли и услуг это тоже связано с потребностями при диверсификации экономики России. Много трудовых мигрантов можно встретить в универсамах, магазинах и различных лавках. В сфере фасфута в Москве из ЦА республик частности из Таджикистана работают, они иногда выступают в одном лице качестве работника и качестве работодателя. Я согласна с высказыванием, что эти фасфуди помогает интеграцию принимающей и мигрантов, местные привыкают к другим фасфутам тем самым проявляют интерес к другой кухни, к другой культуры. В своих работа Мукомель В.И. отмечает, что сферы которые выбирают ТМ за частую изходя из безысходности, а также следствия дискриминации в рыке труда. Трудовые мигранты вынуждены выбрать этот работать на рынках, на переходах в метро, на стройках рискуя здоровьем, свободой и.т.п. Тем самым Российская общества загоняет их к тупик и это отрицательно влияет на адаптацию трудовых мигрантов и ставя барьеры тем самой увеличивает дистанции между принимающей обществом

Мы так же разделяем мнение Л.Л. Рыбаковского, что большинство трудовых мигранты работают в малом и среднем бизнесе, где широко используются трудовые мигранты неквалифицированных работах. Предпринимателям более выгодно использовать дешевую рабочую силу, лишенную к тому же каких-либо прав, чем вкладывать средства в инновационные проекты. Это объяснима один из причина я думаю, многие государственные и бюджетные организации вынуждены проводит тендеры (конкурсе, аукционы) на приобретение товаров и услуг. Естественно выигрывает тендер организация который предлагает минимальный цену за свою товары и услуги. Предприятия который выиграл тендер вынужден будет экономит в том числе на рабочем силе.

Работодатель, который использует труд мигранта находится полулегальном состоянии, здесь можно привести много причин – это коррупция, конкуренция, желания быстро обогатит, не эффективные законы.

Мы знаем, что есть сферы где работают не только иностранные граждане нужна уменьшит налоговую бремени с уменьшением налог с дохода с физического лица (НДФЛ) для того, что бы малые предприятия работающие с упрощенной системой налогообложением легализовали бы своих сотрудников, а также в сфере ЖКХ, как а полагаю ЖКХ это не коммерческая структура и их деятельность не связана с получением прибыли от своей деятельности, если это так, нужна легализовать много тысячных армии мигрантов путем уменьшения НДФЛ. Эти меры должны легализовать трудовых мигрантов, работающих этих сферах, а также эти доходи пойдут к тем жильцам которых обслуживают трудовые мигранты. В общем эти меры можно использовать и на бюджетные организации потому, что их обеспечивает государства из своей казны.

В неофициальной форме (черным налом) получали з/п 62% респондентов, а официальной форме с выплатой налоги и отчислений з/п получали 22,8% респондентов только 6% респондентов получали или з/п частично в

официальном и частично в неофициальной форме, а 9% респондентов воздержались от ответа.

Важным компонентом жизни ТМ в зарубежье является питание. Люди стремятся сэкономить на собственном питании, привезти как можно больше денег домой, своей семье. Питаются в основном всухомятку, некачественно и не систематически. Неудивительно, что после нескольких лет такой работы на выезде в комплексе с ограниченным доступом к медицинской помощи многие мигранты теряют здоровье и становятся инвалидами. При этом получить страховки или выплаты по инвалидности порой невозможно из-за описанных выше проблем.

По данным пресс-секретаря департамента здравоохранения столицы Любови Жомовой. В Москве находятся 256 рабочих-строителей отравившихся некачественной пищей, среди них и 14 таджикских мигрантов. «Один пациент остается в тяжелом состоянии, 228 – в состоянии средней тяжести, ещё 27-в удовлетворительном». В числе госпитализированных в московских больницах 179 граждан Турции, 20-Узбекистана, 14-Таджикистана, 13-Киргизистана, 5-Молдавии, 3-России, 2-Азербайджана.

Другой важным компонентом жизни трудовых мигрантов является жилищные условия, в котором они находятся и проводят определённую часть жизни в зарубежье.

По данным нашего социологического наследования 39,1 % респондентов место своего проживания указали где работают, 42,7 % респондентов снимали квартиру, 11,4 % респондентов жили в общежитье, остальные жили у родственников, земляков и т. п. (социологический опрос 166чел. Таджикистан-Россия 2005-2006 гг.)

Например: нередко строители живут в вагончиках, подвалах и комнатах строящегося многоэтажного дома; сельскохозяйственные рабочие – в палатках и шалашах, которые сооружаются непосредственно в поле, спят на тележке в рынках, контейнерах, которые не мало жертв среди тех, кто жил таких ночлегах.

Потенциальные мигранты из Таджикистана собирающиеся отправиться за рубеж на заработки слабо знают язык страны выезда, что существенно облегчает деятельность торговцев людьми. Следует отметить, что в отношении знания языков существует большая разница между людьми старшего возраста и молодёжью, а также между опытными мигрантами, неоднократно ездившими на заработки, и не опытными новичками, которые отправились за рубеж в первый раз, языковая подготовка опытных трудовых мигрантов достаточно высока. Так, 78,4% опрошенных таджикских трудовых мигрантов, вернувшихся в Таджикистан владеют кроме родного (таджикского или узбекского языка) русским языком, 74,6 % знают узбекский язык. Чем моложе трудовые мигранты и чем меньше их эмигрантский опыт, там ниже уровень владения другими языками более половины трудовых мигрантов, впервые выезжающих за рубеж практически не владеет русским языком. (Торговля людьми в Таджикистане МОМ в сотрудничестве с НИЦ «Шарк» стр. 24)

Есть ли желания жить в России постоянно со своей семьей.

47,8 респондентов хотят жить в Россию со своей семьей, 33,1 не хотят жить в России со своей семьей, 14,4 % не задумывались о постоянно жить со своей семьей в России, 4,8 % респондентов нет ответа. необходимые условия для переезда на постоянное жительство в Россию. 56,6 % респондентов считают, что можно жить на постоянном основе при получении гражданство РФ, 15% респондентов не переедут жить на постоянно ни при каких обстоятельствах, 4,8 % респондентов приедут жить на постоянно при получении официального регистрации по месту пребывания в России, 3% респондентов при возможности снимать жильё, 17,4 % респондентов нет ответа.

В интервью начальник Департамента по организации работы с иностранными гражданами С.В. Темряковича радиостанции "Русская служба новостей" о нововведение заявил- действительно, этот документ ждали очень давно. Многие его называют революционным. И здесь как принято говорить, основная фишка, что для граждан, прибывших в безвизовом порядке для осуществления трудовой деятельности, отменяется такой институт квотировать с 1 января 2015 года, а вводятся патенты, которые уже существуют для работ физических лиц, а теперь на основании этих патентов, иностранные граждане, получив этот патент, имеют право работать как у юридического лица, легального предпринимателя, так и у физического лица, не меняя патент. Здесь в зависимости от зарплаты сам субъект определяет средний уровень заработной платы, и им будет определяться на уровне закона субъекта эту стоимость. Здесь Высшая школа экономики активное участие принимала, и уполномоченный по правам предпринимателей, бизнес-сообщество. То есть, все очень ждали, потому что страдал малый и средний бизнес, они не могли спрогнозировать, и пригласить иностранных специалистов для работы. Но здесь не так, что кто захотел, тот и приехал. Здесь необходимо будет, если человек решил работать, в течение месяца, когда он приехал, он должен обратиться к нам. Если в течение месяца он не обратился, у него будет возможность обратиться – законно находящегося гражданина – ещё, но он будет должен заплатить штраф от 10 до 15 тысяч рублей. При обращении к нам они обязательно должны будут предоставлять документ, удостоверяющий личность, миграционную карту, с целью въезда работа. Если не будет указана эта цель, мы не сможем выдать эти документы. Так же медицинский полис или договор о медицинском страховании, что немаловажно, раньше этого не требовалось. Так же справку об отсутствии инфекционных заболеваний. То есть, не получит человек, который имеет больной либо ВИЧ, либо другими инфекционными заболеваниями, туберкулёз, который опасен для окружающих, он такого разрешения не получит. Так же они обязаны будут предъявить сертификат о владении русским языком, знании истории и законодательства. Так же документ, подтверждающий поставку на миграционный учёт. Когда у людей появляется возможность официально работать и не уходить в теневой сектор, при этом платить ту сумму, которая определена сегодня, и будет определена субъектами, конечно, им лучше работать официально, не прятаться. Но работа противодействую нелегальной миграции, я вас могу заверить, так

же не останавливается ни на секунду. Работает институт по закрытию въезда. Тот, кто два и более совершил административных правонарушения, даже правило дорожного движения может быть одно из них, а так же нарушение сроков пребывания, в тех случаях закрывается въезд иностранному гражданину на три года. И таких на сегодняшний день с января 2013 года больше миллиона человек.

Пока рано судить по эффективности данного нововведение, это чуть запоздалая решения, что для граждан, прибывших в безвизовом порядке для осуществления трудовой деятельности, отменяется такой институт квотировать, но вполне объяснима. Во-первых повлияла цена на нефть и анти Российские санкции, что федеральный бюджет нуждается в источнике финансирования. Во-вторых закрыть каналы коррупции связаны с торговли с квотами и наконец-то государства начал заработать сам от миграции. В-третьих при нынешнем историческом ситуации не возможно приравнивать права иностранного граждан к своим гражданам. Это не потому, что возможно социальный взрыв, когда судьба 30% граждан России трудоспособного возраста не известно государству, естественно государства не хочет, что бы и мигранты ушли в тень. И то, что я выше указал средний и малый бизнес не готов легализовать своих сотрудников. Меня больше беспокоит то, что всякое нововведения приводят к удорожание получения статуса иностранному гражданину, и это не всегда оправдывают наши ожидания.

Список литературы и источников

1. Мукомель.В. Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства. Москва 2007.
2. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование, Москва 2007
3. Доступ к информации и информированность трудовых мигрантов о своих правах. Развитие легальных способов трудовой миграции ОО «Центр по правам человека» г. Худжанд 2008г.
4. Торговля людьми в Таджикистане, МОМ в сотрудничестве с научно-исследовательским центром «Шарк» июль, 2006.
5. Интервью начальника Департамента по организации работы с иностранными гражданами С.В. Темряковича радиостанции "Русская служба новостей"

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЮ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И МЕХАНИЗМЫ

В современных условиях наряду с интернационализацией важной задачей стоящей перед отечественной системой образования является увеличение контингента иностранных студентов, как одного из важных показателей, отражающего международное признание и конкурентоспособность на мировом рынке.

Сегодня международный рынок образовательных услуг активно развивается. Между развитыми странами усиливается конкурентная борьба за лидерство в мировой системе образования, что в современном обществе является одним из наиболее эффективных инструментов влияния на международные события [1].

Согласно докладу Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) только с 2000 по 2010 годы количество иностранцев, поступающих в вузы за пределами своей страны, увеличилось на 99% (с 2,1 до 4,1 млн. человек) [2].

В настоящее время наша страна имеет свой реальный потенциал, позволяющий занимать достойное место в мировом образовательном сообществе.

По данным ЮНЕСКО, Россия находится на шестом месте в мире по количеству студентов-иностранцев, обучающихся в университетах, уступая США, Великобритании, Франции, Австралии и Германии.

Согласно статистике в 2014 г. в российских вузах обучалось 186 606 иностранных студента [3]. Больше всего обучалось студентов из Белоруссии, Казахстана, Украины и Узбекистана, Китая, Индии, Малайзии и Вьетнама.

Обучение иностранных студентов в российских вузах означает: получение дополнительных денежных средств отечественной системой образования, подготовку интеллектуальной элиты, дающую возможность нашей стране устанавливать прочные взаимовыгодные политические и экономические связи с развивающимися странами. Студенты-иностранцы способствует распространению российской культуры и русского языка, усиливают международное влияние нашей страны в мировом сообществе и могут рассматриваться как будущие граждане России и как источник высококвалифицированных специалистов.

Для привлечения иностранных студентов отечественные вузы стараются использовать все свои преимущества. Одной из сильных сторон являются сложившиеся научные школы по естественным, точным и инженерным наукам. Российские инженеры, физики, химики и математики, давно уже смогли себя зарекомендовать за пределами нашей страны, поэтому многие выпускники легко трудоустраиваются за рубежом. Хуже дело обстоит с общественными науками. Их положение носит неустойчивый характер, не смотря на имею-

щиеся сильные вузы в этом направлении, такие как МГУ имени М.В. Ломоносова, Высшая школа экономики и другие. Сегодня таких вузов в России мало, да и высокую конкуренцию им составляют вузы из-за рубежа. В этой связи, привлечь в отечественные вузы студентов из другой страны для получения российского гуманитарного образования является делом непростым.

Сегодня на привлечение иностранных студентов оказывает влияние действующая во всем мире международная аккредитация образовательных программ общепризнанными агентствами по аккредитации, которые подтверждают соответствие образовательных программ установленному международному стандарту. По сравнению с другими странами, в России по инженерным специальностям аккредитацию ABET (Accreditation Board for Engineering and Technology) имеют всего лишь две программы. Это программы Южного федерального университета и Томского государственного университета. В то время как в Турции аккредитовано 42 инженерные программы [4]. Это говорит о том, что сегодня российские университеты должны включиться в работу по подготовке своих программ к международной аккредитации, с целью повышения своей конкурентоспособности на международном рынке образовательных услуг.

Не маловажную роль на современном этапе играют международные рейтинги вузов. Высокая позиция вуза в рейтингах служит хорошим средством для привлечения иностранных студентов. Но существует и другое мнение о том, что позиция вуза в рейтинге все же носит субъективный характер и не может гарантировать качественную подготовку обучающимся студентам. Отечественные вузы в таком международном рейтинге занимают не плохое положение, но пока не входят в первую сотню в мире.

Главным ориентиром во всем мире для студентов-иностранцев является качество подготовки студентов в вузе и репутация образовательной программы. Лучшим доказательством качественной подготовки могут служить выдающиеся выпускники учебного заведения и их изобретения.

Пrestиж вуза на рынке образовательных услуг особенно международном, формируется в течение многих лет и даже десятилетий, и его основными индикаторами является востребованность выпускников как зарубежными, так и отечественными работодателями [5].

Для повышения конкурентоспособности отечественных вузов в России действует государственная программа «5 топ-100», согласно которой пять вузов должны будут попасть в 100 лучших университетов мира к 2020 г.

Важным сегодня является, активное участие отечественных вузов в международных образовательных выставках, выездных презентациях, днях открытых дверей, устных и онлайн-консультациях с абитуриентами, организации международных летних школ.

Большое влияние на привлечения иностранных студентов в Россию оказывает миграционная политика нашей страны. Одной из ее мер является установленная постановлением правительства Российской Федерации с 2013 г. ежегодная квота для 15000 иностранных студентов, обучение которых предусмотрено за счет средств федерального бюджета.

Привлекательным условием для обучения иностранных граждан в России являются внесенные поправки в миграционное законодательство в 2014 году, дающие возможность студентам-иностранцам легально подрабатывать.

Федеральной миграционной службой России также подготовлены поправки в федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которые позволят упростить порядок получения иностранными студентами разрешения на временное проживание. Действующий в настоящее время порядок, обязывает студентов-иностранцев ежегодно продлевать регистрацию на один учебный год. Новый порядок предусматривает разовую регистрацию на весь срок обучения студента.

Включиться в борьбу за иностранных студентов на мировом рынке образовательных услуг отечественным вузам способствовал ежегодный мониторинг эффективности вузов в России. Одним из важных его показателей является процентное содержание иностранных студентов к приведенному контингенту обучающихся в вузе. "Среднее медианное" значение для прохождения мониторинга Минобрнауки составляет сегодня 4% от общего числа обучающихся [6].

Привлечению иностранных студентов для обучения в России может способствовать работа с рекрутинговыми агентствами, на договорной основе за вознаграждение (как правило, около 15 % от стоимости первого года обучения студента-иностранца и, возможно в последующие годы в пределах 1-2 ежегодно) [7]. Работа с такими агентствами является выгодным, особенно при работе с миграционно опасными странами.

Положительный результат по привлечению иностранных студентов может приносить размещенная реклама на специализированных сайтах с информацией о реализуемых образовательных программах в вузе. Такая реклама рассчитана на определенный уровень обучения, регион и страну.

Эффективным механизмом привлечения иностранных студентов является внедрение грантовой системы обучения иностранных граждан по программам магистратуры, специалитета и аспирантуры.

Сегодня для большинства отечественных вузов, не смотря на проводимую ими работу по привлечению иностранных студентов, по-прежнему основными проблемами остаются недостаточный опыт привлечения студентов-иностранцев в быстроменяющемся мире, слабое понимание рынка образовательных услуг, дефицит средств, для прохождения международной аккредитации и проведения исследований рынка.

Увеличить количество обучающихся иностранных студентов в России возможно лишь при условии согласованности действий образовательных организаций, местных и федеральных властей; внедрение передового зарубежного и отечественного опыта в образовательную деятельность вуза; проведение обучения студентов-иностранцев на английском языке.

Только правильно подобранные методы и подходы в работе отечественных вузов по увеличению контингента иностранных студентов позволят им занять достойное место на международном рынке образовательных услуг.

Список литературы и источников

1. Основные положения Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях (одобрена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 18 октября 2002 г.) // [Электронный ресурс]: <http://www.ed.gov.ru/int-coop/tema/pol.doc>
2. Источник: <http://oncampus.ru/publicacii/kolichestvo-inostrannyh-studentov-v-mire-vyroslo-v-dva-raza#ixzz3kapRNhvf>
3. Газета Ведомости № 3774 от 18.02.2015 [Электронный ресурс]: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/02/18/student-stupenka-k-reitingu>
4. Ю.П. Похолков, А.И. Чучалин, О.В. Боев . Гарантии качества подготовки инженеров: аккредитация образовательных программ и сертификация специалистов. // [Электронный ресурс]: http://www.dgu.ru/otdel_akkr/ACCreditation&Certification_EngProgr.pdf .
5. Огнев Д.В. Тулаева И. Обучение иностранных граждан как один из приоритетных показателей конкурентоспособности вуза: состояние, проблемы и перспективы развития.// Актуальные вопросы экономических наук: материалы III междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). – Уфа: Лето, 2014. – С. 19-22.
6. Российские вузы намерены повышать количество иностранных студентов. [Электронный ресурс]: <http://www.nakanune.ru/news/2015/9/1/22413176/>
7. Краснова Г.А. Рекрутинг иностранных студентов в российские вузы //Электронный журнал об образовании.21.01.2014. [Электронный ресурс]: http://www.akvobr.ru/rekruting_inostrannyh_studentov.html

Вершинина Е.В.

*Кандидат технических наук,
Московский государственный университет
тонких химических технологий им. М.В.Ломоносова*

РЫНКИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Расширение экспорта образовательных услуг остается одной из приоритетных задач российской системы образования на предстоящее десятилетие. Показатели численности иностранных студентов от общего контингента обучающихся входят в число основных индикаторов мониторинга деятельности образовательных организаций [1, 2].

По данным Центра социологических исследований при Министерстве образования и науки Российской Федерации, опубликованным в 2014 году [3], общая численность иностранных граждан, обучавшихся в российских образовательных организациях высшего образования по программам бака-

лавриата, специалитета и магистратуры по очной и заочной формам обучения в 2011-2012 уч.году составляла 198 030 тыс. человек (из них – по очной форме обучения – 126 482 тыс. чел. и 71 548 тыс. чел по заочной форме обучения) или 3,05 % от общего количества (6490,0 тыс. человек) обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры.

Используя данные [3], были составлены таблицы распределения иностранных граждан, обучавшихся в 2011-2012 уч. году в российских образовательных организациях высшего образования по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, в зависимости от региона происхождения, гражданства, формы обучения.

В таблице 1 содержатся сведения об иностранных студентах, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры по всем формам обучения в зависимости от региона происхождения.

Таблица 1.

**Распределение по регионам иностранных студентов,
обучавшихся по программам бакалавриата, специалитета,
магистратуры по очной, очно-заочной и заочной формам обучения**

№ п/п	Название региона	Количество иностраннх студентов (тыс. чел)	Доля от общего числа ино- странных сту- дентов (%%)
1	Государства СНГ, Грузия, Абхазия, Южная Осетия, Балтии	130973	66,1
2	Восточноевропейские и балканский страны	2374	1,3
3	Страны Северной Европы	672	0,3
4	Страны Западной Европы	4 918	2,5
5	Страны Азии	38876	19,6
5	Страны Ближнего Востока и Северной Африки	7 879	4,0
7	Страны Африки к югу от Сахары	8161	4,1
8	Страны Латинской Америки	2 000	1,0
9	Страны Северной Америки и Океании	2 177	1,1
	Всего	198030	100

Для последующего сравнения все государства были разделены на 2 группы: первая группа – государства СНГ, Балтии, Южная Осети и Абхазия и 2 группа – все остальные государства.

В таблицах 2 и 3 содержатся сведения об иностранных обучающихся из первой группы государств. В таблице 4 приводятся данные по иностранным студентам из второй группы государств.

Таблица 2.

Распределение по гражданству студентов из государств СНГ, Балтии, Южной Осетии и Абхазии, обучавшихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры по очной, очно-заочной, заочной формам обучения (приводятся сведения по первым десяти государствам в порядке убывания)

№ п/п	Государство	Количество иностранных студентов (тыс.чел)	Доля от общего числа иностранных студентов (%%)
1	Казахстан	34 746	17,5
2	Белоруссия	28846	14,6
3	Туркменистан	12 279	6,2
4	Узбекистан	10869	5,5
5	Украина	9827	5,0
6	Азербайджан	9348	4,7
7	Таджикистан	6852	3,5
8	Молдова	5668	2,9
9	Армения	3909	2,0
10	Киргизия	3796	1,9

Таблица 3.

Распределение по гражданству студентов из государств СНГ, Балтии, Южной Осетии и Абхазии, обучавшихся в 2011-2012 уч. году в российских образовательных организациях по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры по очной (приводятся сведения по первым десяти государствам в порядке убывания)

№ п/п	Государство	Количество иностранных студентов (тыс.чел)	Доля от общего числа иностранных студентов (%%)
1	Казахстан	19 189	15,2
2	Туркменистан	7 661	6,1
3	Таджикистан	4 835	3,8
4	Украина	4 714	3,7
5	Белоруссия	4 480	3,5
6	Азербайджан	4 411	3,5
7	Узбекистан	3 996	3,2
8	Молдова	2889	2,3
9	Киргизия	2564	2,0
10	Армения	2278	1,8

Таблица 4.

Распределение по гражданству студентов не из государств СНГ, Балтии, Южной Осетии и Абхазии, обучавшихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры по очной, очно-заочной, заочной формам обучения (приводятся сведения по первым семи государствам в порядке убывания, а также сведения по некоторым другим государствам для последующего сравнения)

№ п/п	Государство	Количество иностраннх студентов, (тыс.чел)	Доля от общего числа иностранных студентов (%%)
1	Китай	15 892	8,0
2	Индия	4 174	2,1
3	Вьетнам	4 144	2,1
4	Малайзия	3 083	1,6
5	Монголия	3 212	1,6
6	США	2021	1,0
7	Республика Корея	1685	0,9
.....			
	Япония	824	0,4
	Бразилия	558	0,3
	Тайвань	151	0,07
	Саудовская Аравия	56	0,03

Анализ представленных данных показывает, что традиционно основная доля иностранных обучающихся в России приходится на государства СНГ. Лидерами при подсчете по всем формам обучения являются Казахстан, Белоруссия, Туркменистан, тогда как при составлении рейтинга по очной форме обучения первые места занимают Казахстан, Туркменистан и Таджикистан. При сравнении таблиц 2 и 3 интересно отметить неоднородность распределения иностранных граждан из этих государств по формам обучения. Наиболее ярким примером является Белоруссия: студентов – очников из этого государства почти в 6 раз меньше, чем обучающихся по очно-заочной и заочной формам обучения. Сделать какие-либо достоверные выводы о предпочтительности «неочных» форм обучения в данном случае не представляется возможным, т.к. необходимо изучить все причины, вызывающие такой «перекос» в формах обучения.

Как видно из представленных данных основной поток иностранных студентов в российские образовательные организации из государств второй группы приходится на КНР, Индию, Вьетнам. На государства СНГ, Балтии, Абхазии и Южной Осетии приходится 66,1% от общего числа всех иностранных обучающихся, а на все остальные государства – 33,9 %. При этом распределение населения по этим двум группам государств составляет 2% по первой группе (146 823,7 тыс чел. (2015) – совокупно по всем государствам

СНГ, Балтии, Абхазии и Южной Осетии за исключением России) и 98 % по второй группе [4], что говорит о локальности и узкой региональности российского экспорта образовательных услуг.

Представляется интересным сравнить показатели российской академической мобильности с аналогичными показателями ведущей мировой державы в области экспорта образовательных услуг – Соединенными Штатами Америки [5].

Для сравнения взяты показатели за 2011-2012 уч. год. Количество иностранных граждан, обучавшихся в 2011-2012 уч. году во всех колледжах и университетах США, составляло 764495 человек. В данный показатель включены студенты, обучающиеся по следующим образовательным программам (в российской терминологии): программам среднего профессионального образования подготовки специалистов среднего звена (далее программы СПО), программам бакалавриата (далее – программы Б), магистратуры (далее – программы М), подготовки кадров высшей квалификации (далее – программы ПКВК), программам, не относящимся к программам третичного образования (например, программы изучения языка или программы дополнительного образования/обучения). Также учитываются иностранные студенты, находящиеся в США на основании студенческой визы F-1 и осуществляющие практику/стажировку в США в течение 1 года в рамках осваиваемой или освоенной образовательной программы.

Перечень лидирующих государств – доноров американского рынка образовательных услуг в 2011-2012 уч. году представлен в таблице 5.

Таблица 5.

Лидирующие государства – доноры американского рынка образовательных услуг в 2011-2012 уч. году

№ п/п	Название государства	Общее количество иностранных студентов (тыс.чел)	Доля от общего числа иностранных студентов (%%)
	Всего (по всем государствам)	764495	100
1	Китай	194 029	25,4
2	Индия	100 270	13,1
3	Республика Корея	72 295	9,5
4	Саудовская Аравия	34 139	4,5
5	Канада	26 821	3,5
6	Тайвань	23 250	3,0
7	Япония	19 966	2,6
8	Вьетнам	15 572	2,0
9	Мексика	13 893	1,8
10	Турция	11 973	1,6

За последние годы США сделали значительный «рывок» в части привлечения иностранных студентов. Данные из таблицы 6 указывают на 15, 5 % рост иностранных студентов за период с 2011 по 2013 гг.

Таблица 6.

**Лидирующие государства – доноры американского рынка
образовательных услуг в 2013-2014 уч. году**

№ п/п	Название государства	Общее количество иностранных студентов (тыс.чел)	Доля от общего числа иностранных студентов (%%)
	Всего (по всем государствам)	886 052	100
1	Китай	274 439	31,0
2	Индия	102 673	11,6
3	Республика Корея	68 047	7,7
4	Саудовская Аравия	53 919	6,1
5	Канада	28 304	3,5
6	Тайвань	21 266	2,4
7	Япония	19 334	2,2
8	Вьетнам	16 579	1,9
9	Мексика	14 779	1,7
10	Бразилия	13 296	1,5

Сравнение показателей академической мобильности в России и США обнаруживает существенное отставание российского рынка от американского. Так, по количеству студентов из КНР Россия в 2011-2012 уч. году уступала в 12 раз, по студентам из Индии – в 24 раза, из Южной Кореи в 42 раза, из Вьетнама – в 3,5 и т.д. Погрешность вычислений, связанная с тем, что в российских показателях не учитываются студенты, обучающиеся по программам СПО и ПКВК, составляет не более 3-5 %.

Приведенная выше статистика не является неожиданной. Усилия, предпринятые Соединенными Штатами Америки за почти вековой период развития системы экспорта образовательных услуг [5], и связанные с лидирующим экономическим положением, высоким качеством образования, грамотной государственной политикой, утверждением английского языка как мирового коммуникационного инструмента оказались не напрасными и позволяют США уверенно возглавлять рейтинг мировых центров образования.

В этой ситуации России не просто конкурировать на мировом рынке образования. Совершенно очевидно, что вопрос привлечения иностранных студентов не решается одномоментно. Эта задача связана с геополитической обстановкой, экономическим развитием, качеством обучения, государственной политикой, включая миграционную составляющую, привлечения иностранных студентов. Большим недостатком является отсутствие полноценных исследований и системной информации о сложившихся и нарождающихся центрах при-

тяжения иностранных студентов, их опыте, стратегии определения потенциальных государств-доноров, анализа побудительных стимулов и причин. До тех пор пока вопросы экспорта образования будут оставаться в теоретической плоскости и на государственном уровне не будут сделаны шаги в направлении создания действующей отрасли экономики «международное образование» Россия будет оставаться в арьергарде мировой академической мобильности.

Список литературы

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.12.2013 №1324 «Об утверждении показателей деятельности образовательной организации, подлежащей самообследованию»: [Электронный ресурс]// Министерство образования и науки Российской Федерации. URL:[http:// www.mon.gov.ru](http://www.mon.gov.ru). (Дата обращения: 01.09.2015)

2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 15 01.2014 №14 «Об утверждении показателей мониторинга системы образования»: [Электронный ресурс]// Министерство образования и науки Российской Федерации. URL:[http:// www.mon.gov.ru](http://www.mon.gov.ru). (Дата обращения: 01.09.2015).

3. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 4 / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2014. – 360 с.

4 Countrymeters:[Электронный ресурс]// URL:<http://> Используя данные [3], были составлены таблицы распределения иностранных граждан, обучавшихся в 2011-2012 уч. году в российских образовательных организациях высшего образования по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, в зависимости от региона происхождения, гражданства, формы обучения. Institute of International Education: :[Электронный ресурс]// URL:[http:// http://iie.org/](http://http://iie.org/). (Дата обращения: 10.09.2015).

Власова Н.И.
(Москва, Россия)

ЗАКОН О ПАТЕНТАХ – РЕВОЛЮЦИЯ В МИГРАЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Среди последних принятых законов, оказывающих наибольшее влияние на миграционную политику России и миграционную ситуацию, безусловно является закон о введении патентной системы осуществления трудовой деятельности для мигрантов из государств с безвизовым порядком въезда.

Данный закон кардинально изменил существующий порядок привлечения и использования трудовых мигрантов из государств СНГ.

Большим плюсом данного закона явилась возможность оформления разрешительного документа – патента – для работы не только у физических, но и юридических лиц. При этом весьма существенным является отмена квотирова-

ния для трудовых мигрантов из государств СНГ, въезжающих в Россию в безвизовом порядке. Если трудовой мигрант намеривается продолжить свою трудовую деятельность в России, то он должен не позднее чем за десять рабочих дней до истечения двенадцати месяцев со дня выдачи патента обратиться в территориальный орган федеральной миграционной службы, выдавший патент, за переоформлением патента без выезда из России. При этом число обращений за переоформлением патента не может превышать одного раза.

Новый закон о патентах, по сути, кардинальным образом поменял принципы управления миграционными потоками. Впервые предпринята попытка регулировать внешнюю трудовую миграцию не только административными, но и экономическими методами, суть которых состоит в том, что величина стоимости патента теперь устанавливается субъектом Российской Федерации исходя из необходимости поощрения притока трудовых мигрантов или его ограничения. На сегодняшний день 52 субъекта Российской Федерации установили новую стоимость патента:

В большинстве из них стоимость патента возросла от 2 до 6,6 раза.

В остальных субъектах Российской Федерации, где объемы привлечения иностранной рабочей силы незначительны, стоимость патента осталась на уровне 2014 года – 1 216 рублей.

На наш взгляд, при установлении размера стоимости патента в подавляющем большинстве субъектов РФ главенствующую роль сыграло желание пополнить региональные бюджеты, поскольку с 2015 года все поступления от стоимости патентов перечисляются в региональный бюджет.

Кроме того, в случае необходимости ограничения привлечения иностранных работников субъект Федерации может вводить запрет на Главным в этом законе, поистине революционным, является передача ряда полномочий по оформлению мигрантам разрешительных документов на региональный уровень, что наконец-то делает регионы полноправным участником процесса регулирования миграции.

Впервые функциями по приему и обработки документов для оформления патентов наряду с ФМС наделены уполномоченные организации, определяемые региональными властями. При этом свою деятельность такие организации осуществляют без привлечения средств федерального бюджета.

Кроме того, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) наделяется правом принятия решения об указании в патенте, выдаваемом на территории данного субъекта Российской Федерации, профессии (специальности, должности, вида трудовой деятельности) иностранного гражданина.

Все эти новеллы должны позволить более полно как в количественном, так и качественном аспектах удовлетворить потребности региональных рынков труда, соблюдая при этом интересы местной рабочей силы, а также безусловно будут способствовать снижению коррупции в органах МВД и ФМС, повысят защищенность самих трудовых мигрантов, уменьшению численности нелегальных трудовых мигрантов. Кроме того, наконец-то позволят резко

повысить поступления в региональные бюджеты финансовых средств за счет собираемости налогов с заработной платы трудовых мигрантов.

Вместе с тем, анализ результатов реализации патентной системы пока не вселяет оптимизма.

Количество оформленных патентов по России в целом за 8 месяцев 2015 г. оказалось в 1,3 раза меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

Казалось бы пресловутые квоты, затруднявшие привлечение иностранной рабочей силы из государств СНГ отменены, трудовой мигрант может трудоустроиться к любому работодателю. Почему это произошло?

На наш взгляд, это связано с рядом причин.

– ужесточением требований к представляемому мигрантом пакету документов для оформления патента. Помимо паспорта, миграционной карты, заявления и квитанции об уплате госпошлины за оформление патента, мигрант теперь должен представить сертификат о знании русского языка, истории и культуры России и основ законодательства, полис добровольного медицинского страхования, медицинскую справку об отсутствии противопоказаний по состоянию здоровья для осуществления трудовой деятельности, нотариально заверенный перевод его паспорта при отсутствии этого документа на русском языке. Также каждому мигранту необходимо пройти дактилоскопию. При этом часть новых требований, предъявляемых к мигрантам, является малообоснованными;

– существенным удорожанием стоимости оформления патента. Так, оформление патента на работу в Москве обходится мигранту в 14 тыс. рублей, в Московской области – порядка 30 тыс. рублей. Для мигранта, который еще ничего не заработал, такая сумма весьма существенна. А на период оформления патента ему нужно еще платить за аренду жилья, тратить деньги на питание.

Многие мигранты, испытывающие финансовые затруднения, покупают сертификаты на знание русского языка, истории и основ законодательства, медицинские справки и полисы добровольного медицинского страхования. В результате чего не достигаются предусмотренные законом о патентах цели.

Отсутствие денег вынуждает мигрантов трудиться нелегально, оплачивая ежемесячно участковому по 1-2 тыс. рублей. Таким образом, численность недокументированных мигрантов в Российской Федерации растет, что подтверждается сопоставлением данных о численности мигрантов, находящихся на территории России, вставших на миграционный учет и получивших патенты.

Кроме того, в первые два месяца реализации новой патентной системы не было ясности с продлением патентов, оформленных в 2014 году. В результате часть трудовых мигрантов, имеющих такие патенты из-за боязни депортации, вынуждена была выехать из России.

На уменьшение количества оформленных патентов сказался и экономический кризис, сопровождаемый резким подорожанием курса доллара. Мигрантам стало менее выгодно работать в России.

В целях повышения эффективности патентной системы, целесообразно внести в нее некоторые коррективы по повышению привлекательности патента для мигрантов.

Прежде всего, отменить сдачу экзамена для временных трудовых мигрантов по истории России, сохранив его для тех мигрантов, которые оформляют вид на жительство.

Экзамен по русскому языку оставить для мигрантов, работающих непосредственно с населением, т.е. в сфере торговли, услуг, ЖКХ, т.е. вернуться к законодательству 2012 года.

Использование трудовых мигрантов в таких сферах как строительство и сельское хозяйство в подавляющем большинстве случаев не требует знания русского языка, поскольку зачастую мигранты трудятся обособленно и для взаимодействия с работодателем у них есть бригадир, который может выполнять эту функцию.

Основы миграционного законодательства, обычаи и традиции населения России мигранты должны изучать у себя на родине в рамках предвыездной подготовки для работы в России. Такую работу могут организовать местные НКО, соответствующие госструктуры государств, откуда приезжают мигранты. Они должны выдавать им соответствующий документ о прохождении такого обучения. Это мигрантам обойдется дешевле и у них будет больше возможностей глубже изучить эти вопросы. Также целесообразно организовать на родине мигрантов и курсы по изучению русского языка.

Это предполагает усиление взаимодействия соответствующих госструктур государств постоянного проживания и трудоустройства мигрантов. Одновременно с этим необходимо усилить в странах СНГ соответствующую кампанию на необходимость изучения русского языка.

Сокращение количества сдаваемых экзаменов позволит, с одной стороны, уменьшить стоимость оформления патента, а с другой стороны, сдавать экзамен по русскому языку будут те мигранты, которым он действительно будет нужен и у которых будет мотивация к его изучению.

Было бы целесообразным рассмотреть вопрос и о необходимости предоставления мигрантами, оформляющими патенты, медсправок., поскольку обязательность их предоставления не касается всех мигрантов.

В настоящее время медсправки не должны представлять трудовые мигранты из государств Евразийского союза, а также мигранты, приезжающие в качестве туристов, с деловыми и частными целями и др. В связи с этим смысл предоставления медсправок трудовыми мигрантами из Молдовы, Таджикистана, Узбекистана и Украины теряется. Если они будут работать у физических лиц, то их работодатели могут заставить их пройти медобследование, чтобы убедиться в состоянии их здоровья.

При этом следует иметь ввиду, что подавляющее большинство мигрантов приезжают к нам здоровыми, а уже в России приобретают различные заболевания ввиду неблагоприятных условий проживания и работы, неудовлетворительного питания.

Отказ от оформления медсправок также позволит снизить расходы на оформление патента.

Правоприменительная практика реализации Закона о патентах свидетельствует и о нерешенности проблемы администрирования платежей НДФЛ, на основании которых осуществляется продление патентов.

В этой связи ФМС России приняло в нарушение действующего закона внутреннее решение об изменении порядка продления миграционного учета. Если ранее он автоматически продлевался при оплате ежемесячного НДФЛ, то теперь приглашающая сторона (работодатель, владелец жилого помещения) должна каждый раз обращаться в органы ФМС России за продлением миграционного учета для трудового мигранта.

Вызывает сомнение и правомерность нормы закона, запрещающей иностранцу, прибывшему на территорию России осуществлять трудовую деятельность, если в графе «цель приезда» миграционной карты не указана «работа». Эта норма в определенной степени приравнивает миграционную карту к визе, что безусловно противоречит назначению миграционной карты как несущей, прежде всего, учетную функцию. Требования к визе определены в Венской консульской конвенции и смешение функции визы и миграционной карты, на наш взгляд, неправомерно. Более того, это требование не несет какой-либо смысловой нагрузки и лишь путает мигрантов. В результате около 40% отказов в выдаче патентов происходит именно по причине неправильного заполнения этой графы.

Практика показывает, что установленный законом тридцатидневный срок со дня въезда мигранта в Российскую Федерацию, в течение которого он должен обратиться с заявлением об оформлении патента, явно недостаточен. Подавляющее большинство мигрантов получает сертификат о сдаче экзамена на знание русского языка, истории и культуры России, основ законодательства только через 2-3 недели. А еще нужно сдать анализы для получения медицинской справки на отсутствие противопоказаний к осуществлению трудовой деятельности в России, приобрести полис добровольного медицинского страхования. Все эти организации, как правило, расположены в разных частях города, а то и в областном центре, куда также требуется время, чтобы добраться, а порой и не один раз.

Недостаточно проработана и такая хорошая идея, заложенная в законе, как регулирование объемов привлечения иностранных работников экономическими методами на основе определения стоимости патента. Вместе с тем, она не предусматривает преференции для привлечения иностранных работников из государств с безвизовым порядком въезда в отдельные сферы экономической деятельности, отдельные территории внутри субъекта РФ, испытывающие наибольшую потребность в рабочей силе при отсутствии возможности ее восполнения за счет местных кадров. Это можно было бы сделать, в частности, на основе уменьшения стоимости патента и ежемесячного НДФЛ для продления срока его действия.

ТРУДОВАЯ ИММИГРАЦИЯ В РОССИЮ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВНЕШНИЙ ВЫЗОВ

(Исследование проведено при поддержке
гранта РГНФ № 13-32-01284)

Современные подходы к изучению угроз национальной безопасности, формируемых миграционными процессами, в первую очередь, направлены на изучение межэтнической напряженности, этнической преступности, ненаблюдаемой и теневой экономики, нелегальной занятости, возможных процессов замещения населения, проблем наркотрафика т.д. внутри стран-реципиентов. Также, как правило, миграция трактуется в широком смысле, без учета особенностей различных миграционных потоков. В этой связи в рамках данной работы хотелось бы сфокусироваться на трудовой иммиграции и обратить внимание на те глубинные процессы, которые остаются «за скобками», лежат в плоскости геополитики и долгосрочных перспектив развития экономики.

В первую очередь необходимо остановиться на угрозах, которые формируются за пределами Российской Федерации и вызваны масштабными трудовыми потоками. Фундамент этих вызовов создается сейчас и основан на значительных потерях человеческого капитала в странах-донорах рабочих рук для нашей страны.

В настоящее время Россия является одним из крупнейших глобальных центров притяжения трудовых мигрантов. Так по данным ФМС РФ в стране на законных основаниях пребывают около 10 млн. иностранных трудовых мигрантов, что эквивалентно примерно 14% занятых в экономике россиян [1]. Особенно крупные потоки формируются в странах – бывших советских республиках. Языковая и культурная близость, наличие развитой транспортной инфраструктуры, диаспоральные сети делают процесс трудоустройства в России простым и доступным практически для всех социальных групп стран-выезда.

В краткосрочной перспективе такая ситуация является весьма благоприятной для стран-доноров, так как приносит значительные социально-экономические и политические дивиденды. Во-первых, это значительный приток денежных средств в виде переводов, работающих за рубежом. Экономика такого экспортера рабочих рук как Таджикистан критически зависима от денежных переводов мигрантов. Так, соотношение переводов к ВВП страны в 2013 году составляло около 50% (таблица 1.). С помощью средств мигрантов в стране обеспечивается определенная социальная стабильность, на эти деньги функционирует малый бизнес, рынок недвижимости и т.д.

Таблица 1.

Денежные переводы в экономике Таджикистана

Год	2011	2012	2013	2014
Денежные переводы мигрантов, млн. долларов	3059	3625	4218	3853
ВВП, млн. долларов	6522	7633	8506	9241
Соотношение денежных переводов мигрантов и ВВП, %	47	47	50	42

Источник: Всемирный банк, расчеты автора.

Во-вторых, снижается давление на внутренний рынок труда. Выезжающие значительно снижают безработицу внутри страны, что позволяет снизить напряженность на рынке руда, а также сократить расходы на социальное обеспечение ищущих работу.

В третьих, сохраняется политическая стабильность. Снижение безработицы, особенно среди молодежи, и полученные доходы из-за рубежа конкретными домохозяйствами снижают протестные настроения в обществе. Этим самым поддерживает определенная политическая стабильность.

Можно привести еще ряд позитивных эффектов трудовой миграции для посылающих мигрантов стран, однако, если эти эффекты подвергнуть анализу в долгосрочной перспективе все выглядит не столь однозначным. Более того, те дивиденды, которые присутствуют сейчас, в будущем могут обернуться глубоким экономическим, социальным и политическим кризисом.

Миллиарды денежных переводов мигрантов, рассматриваемые на микроуровне как позитивное явление, на макроуровне и при долгосрочном прогнозировании не могут оказывать значительное воздействие на устойчивое поступательное развитие. Распределяясь по домохозяйствам деньги, по сути «проедаются». Они не участвуют в инвестициях в крупные проекты, не обновляют инфраструктуру стран, не идут на развитие здравоохранения, образования и всей социальной сферы. Эти средства не могут быть использованы в рамках бюджетного маневра для определения и поддержки макроэкономических приоритетов. Также зависимость от денежных переводов пагубно воздействует на внутренний рынок труда, сокращает предпринимательскую активность, инициативу, формирует иждивенческие настроения в обществе [2].

Стимулируя эмиграцию и снижая давление на рынке труда, государства несут значительные потери в человеческом капитале. Пример государств Средней Азии показывает, что потеряв в 90-е годы львиную долю управленческих, образовательных, военных, научных, медицинских и др. элит, государства лишили себя необходимого кадрового фундамента устойчивого развития. Например, в Киргизии дефицит высококвалифицированных кадров наблюдается практически во всех отраслях экономики, некоторые направления перестали функционировать, т.к. специалистов в стране нет. Экономическое развитие России конца нулевых годов сгенерировало новые волны трудовой иммиграции, что нанесло и продолжает наносить значительный удар по чело-

веческому капиталу стран-доноров. При этом нужно понимать, что потенциал превращения временной трудовой эмиграции в миграцию на постоянное место жительства огромен. Большинство потерь человеческого капитала для отдающих стран носит характер невосполнимых. Сюда нужно отнести и образовательный поток, т.к. уезжают учиться наиболее подготовленные, талантливые, целеустремленные и зачастую остаются жить за рубежом на постоянной основе.

Даже если предположить, что трудовой мигрант через определенное время планирует вернуться, то не стоит забывать, что полученные им компетенции в процессе трудовой деятельности за рубежом не будут представлять какой-либо ценности. Как правило, трудовые мигранты из развивающихся стран занимают ниши «макджоб» (временная, плохо оплачиваемая работа без каких-либо шансов на повышение, как правило, в ресторанах «быстрого питания») и «фриДжобс» ((3D jobs – **d**angerous, **d**ifficult, **d**irty) грязная, тяжелая и/или опасная работа, не требующая квалификации, включая труд повышенной интенсивности (конвейер, строительные работы, добыча природного сырья, обработка пищевых продуктов и т.д.)) и т.д. Полученные в данных сферах компетенции не обладают уникальными особенностями, не могут значительно сказаться на развитии человеческого капитала индивида. Даже если мигрант вернется, он в большинстве случаев не будет представлять интерес для местного рынка труда. Это в свою очередь приводит к сокращению прямых инвестиций, т.к. в настоящее время практически все отрасли экономики становятся высокотехнологичными и требовательными к качеству персонала.

Следует также учитывать и значительные социальные, культурные и психологические деформации отдающего общества, что также сказывается на человеческом капитале. В Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, по сути, произошли процессы девиантного характера в институте семьи и в воспитании детей. Растут поколения детей без отцов, которые годами не бывают дома, распадаются семьи и т.д.

Решая оперативные проблемы уровня жизни, страны-доноры трудовых ресурсов подрывают собственный человеческий капитал, делают практически невозможным сокращения отставания в уровне развития от передовых стран. Можно с уверенностью говорить о том, что, например, в государствах Средней Азии закладывается фундамент негативного социально-экономического развития на ближайшие десятилетия.

Важным аспектом являются и политические процессы в странах-донорах. Сохраняя политическую стабильность во многом благодаря экспорту трудовых ресурсов, элиты теряют стимул к политическим реформам, решению насущных социальных проблем и т.д. Происходит консервация политической ситуации, в рамках которой полученная стабильность лишь только оттягивает социальный взрыв в обществе, делает его в перспективе более мощным и разрушительным.

Какие угрозы национальной безопасности России формируют эти процессы? В первую очередь следует остановиться на наших миграционных донорах в Средней Азии. Все перечисленные проблемы характерны для этих стран в

наибольшей степени. Формирование нестабильной политической и социально-экономической ситуации может стать основой для создания управляемого извне кризиса в геополитически значимом для России регионе. Возможность государственных переворотов, кровавых военных конфликтов, в условиях наличия российских военных баз, интересов и собственности отечественного бизнеса может быть использована против России. Ситуация усложняется исламским фактором, нестабильной ситуацией в Афганистане, растущей активностью ИГИЛ, вероятностью притока вооружённых боевиков из зоны сирийского конфликта и т.д. В результате Россия получит локальный вооруженный конфликт у своих границ с неясными перспективами и путями выхода.

Указанные выше внешние и внутренние вызовы должны быть учтены в рамках реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности России. В рамках проведенного анализа предлагается ряд мер по предотвращению негативных последствий существующих миграционных процессов:

1. Выработка приоритетов миграционной политики в соответствии с требованиями обеспечения национальной безопасности. В настоящее время в России наблюдается глубокий кризис управления трудовой миграцией, основанный на несоответствии проводимой миграционной политики целям и задачам развития государства. В полной мере это проявляется в игнорировании последствий для национальной безопасности. Трудовая миграция используется для сиюминутного удовлетворения потребностей экономики в рабочих руках, без какого-либо стратегического планирования.

По ряду направлений существующие механизмы и практики управления миграционными потоками практически противопоставлены стратегическим задачам развития государства, игнорируют негативные социально-политические последствия. Все это требует выработки новых приоритетов миграционного развития во взаимосвязи с экономическим и геополитическим развитием Российской Федерации.

2. Стимулирование притока прямых российских инвестиций в страны-доноры трудовых ресурсов. Несмотря на кризисные явления в отечественной экономике, российский бизнес необходимо стимулировать вкладываться в эти страны, что позволит не только сформировать спрос на рабочие руки, но и даст возможность к оздоровлению социально-экономической сферы. Развитие экономики позволит расширить налогооблагаемую базу стран-доноров, что в перспективе сможет минимизировать зависимость от денежных переводов из-за рубежа.

3. Содействие в реализации инфраструктурных проектов в странах-донорах рабочей силы. После развала Советского Союза в большинстве новых независимых государств практически не реализовывались крупные инфраструктурные проекты в энергетике, транспорте, социальной сфере. Реализация таких проектов позволит не только получить новые рабочие места, но и создаст основу для привлечения инвестиций в различные отрасли экономики. Крупные инфраструктурные проекты большинству бывших советских республик «не по плечу» без внешнего кредитования. Работа по со-

действию в получении финансирования и лоббированию должна стать одним из приоритетов российской внешнеполитической деятельности, в особенности в отношении среднеазиатских стран.

Российские усилия должны быть направлены на активизацию работы с международными финансовыми институтами. Приоритет должен быть отдан новообразованным финансовым организациям на площадках БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества. Откладывание вложений в инфраструктуру сказывается на всей экономике и, как следствие, может привести к обострению внутривнутриполитической ситуации. Яркий пример тому – народные волнения июля 2015 года в Армении.

4. Возвращение российского образования в страны-доноры рабочих рук. Деструктивные явления на постсоветском пространстве не могли не затронуть и сферу образования. Именно негативные процессы там во многом объясняют снижения качества человеческого капитала. В конечном счете это сказывается на экономике и уровне жизни. Министерство образования РФ, Министерство иностранных дел РФ должны стимулировать открытие филиалов среднепрофессиональных и высших учебных заведений в этих странах. Особенно это касается негосударственных вузов, для которых это возможность повысить доходность в условиях снижения набора внутри страны.

Данное направление позволит решить сразу несколько задач. Во-первых, это прямая поддержка развитию человеческого капитала стран и росту уровня жизни. Во-вторых, это позитивно скажется и на качестве миграционного потока в Россию. В-третьих, это содействие развитию негосударственных учебных заведений, переживающих трудный период негативной демографической динамики.

5. Усиление позиций русского языка на постсоветском пространстве. Российские власти должны лоббировать расширение использования русского языка и обучения на русском. В данном контексте речь должна идти не только о качестве миграционного потока в Россию. В первую очередь необходимо говорить о знании русского языка как коммуникативного инструмента, позволяющего получить доступ к большому массиву учебной, научной, экспертной, социокультурной и другой информации. В конечном счете, расширение использования русского языка вместе с ростом количества российских учебных заведений позволит дать новый толчок развитию сфер науки и образования, что скажется на качестве человеческого капитала стран-доноров.

Перечисленные мероприятия должны лечь на плечи, прежде всего, России. К сожалению, без финансового участия российских налогоплательщиков перебороть негативные тенденции вряд ли получится. Но следует четко понимать, что необходимые вложения в страны-доноры рабочей силы значительно меньше тех, которые потребуются в случае реализации негативных сценариев у наших границ. В этой связи минимизация воздействия отрицательных эффектов внешней трудовой иммиграции на этот процесс – приоритетная задача ближайших лет.

Список литературы и источников

1. «Российский статистический ежегодник», Росстат, 2014г.
2. Денежные переводы мигрантов мешают экономике расти. / Экспертный сайт Высшей школы экономики [Электронный ресурс]. <http://opec.ru/1818840.html>.

Гришанова А. Г.
(Москва, Россия)

МИГРАЦИЯ И РЫНОК ТРУДА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

(Исследование проведено при поддержке гранта
РФФИ № 15-06-05817 и гранта РГНФ № 15-02-00122)

Фиксируемый (на смену потокам переселяющихся на постоянное место жительства) рост численности трудовых мигрантов в условиях кризисной экономики в Российской Федерации, на фоне еще более масштабного роста численности нелегальных трудовых мигрантов отражает рост не только числа, но и глубины и остроты проблем рынка рабочей силы. И все прогнозы, которые свидетельствуют о неизбежности этой тенденции и на ближайшее, и на отдаленное будущее, убедительно это подтверждают. Факторами, которые будут формировать вышеназванную тенденцию являются, с одной стороны, разница в оплате труда, уровне и условиях жизни в Российской Федерации и в посылающих странах, и особенно безработица в последних. Это свидетельствует о необходимости тщательного анализа потоков мигрантов, направляющихся в Российскую Федерацию в поиске мест приложения труда как в целом, так и в разрезе отдельных субъектов, поскольку на фоне фактически повсеместного масштабного сокращения трудоспособного населения все это создаёт принципиально новую ситуацию на локальных рынках труда России. Уже не надо доказывать и жарко обсуждать проблему возможности сглаживания дефицита трудовых ресурсов только мерами демографической политики, ведь результат их, даже при самых благоприятных условиях, могут сказаться лишь через 10 лет как минимум. А возможность существенной компенсации дефицита рабочей силы за счет повышения производительности труда на фоне невыполнения задач по удвоению ВВП совсем в недавнее время не рассматривается как серьезная. Поэтому миграция в условиях кризисного развития российской экономики становится важнейшим механизмом урегулирования проблем на региональных и локальных рынках труда. При этом важно, что если дефицит рабочих рук представляет одну сторону данной проблемы, то снижение численности населения Российской Федерации, другую, еще более острую сторону данной проблемы. А если эту проблему мы будем рассматривать в рамках Таможенного Союза, то здесь от простого,

механического объединения демографического и трудового потенциала его участников не стоит ждать многого.

На наш взгляд, это приведет и уже фактически приводит не столько к сглаживанию этой проблемы в каждом отдельном государстве Таможенного Союза, сколько к разрастанию трудноразрешимых внутригосударственных и межгосударственных аспектов этой проблемы. Объясняется это тем, что если дефицит трудовых ресурсов может быть, в той или иной степени, но восполнен притоком временных трудовых мигрантов, то депопуляция может быть нивелирована только притоком иммигрантов, которые переселяются на постоянное жительство в Россию.

Если трудовая миграция в рамках Таможенного союза служит источником сглаживания региональных внутригосударственных и межгосударственных диспропорций в численности и использовании рабочей силы, трудового потенциала, то только иммиграция становится важнейшим элементом поддержания демографического потенциала, что так важно для экономического развития как вообще, так и в условиях кризисного развития экономики. В частности, и для Российской Федерации, и для других государств Таможенного союза для устойчивого развития, сохранения стабильности как в целом, так и на региональном уровне, и обеспечения национальной безопасности в рамках Таможенного союза только постоянная миграция будет полностью отвечать интересам как каждого его члена, так и всего союза в целом. Все это не может не усложнить проблемы взаимосвязей в рамках Таможенного союза на ближайшую и отдаленную перспективу. Но это отнюдь не должно препятствовать его дальнейшему развитию, которое должно быть, в свете всего вышесказанного, очень четко заранее спланировано как в целом, так и для каждого входящего в него государства. Судя по прогнозам, следует ожидать роста не только трудовой миграции, но и миграции на постоянное место жительства. А поскольку для Российской Федерации как в рамках стран-других членов Таможенного союза, так и в ЕврАзЭС в целом, вследствие сокращения миграционного потенциала в них российских соотечественников, следует ждать наплыв иноэтничных и трудовых мигрантов, и мигрантов на постоянное место жительства. Поэтому следует четко осознать плюсы и минусы этого наплыва и принять меры по снижению остроты вызываемых им негативных сторон жизни российского общества, и, по мере возможности, усиления их позитивных сторон.

Недавно принятая «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» хотя и провозглашает селективный подход к разным контингентам мигрантов, в частности «дифференцированный подход к регулированию миграционных потоков в зависимости от целей и сроков пребывания, социально-демографических и профессионально-квалификационных характеристик мигрантов», но на деле он еще не принес реальных позитивных результатов ни российскому государству в целом, ни отдельным мигрантам, в частности. Скорее можно говорить о дальнейшем усилении неблагоприятных последствий проводимой на сегодняшний день миграционной политики Российского государства.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ КИТАЯ КАК РЕСУРС ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

(Исследование проведено при финансовой поддержке
гранта РГНФ № 13-22-21001 и гранта РФФИ № 15-06-05817)

В миграционном взаимодействии мировых держав России и Китая важное место занимает трудовая миграция, значение которой возрастает в перспективном развитии Российской Федерации и тесно переплетается с решением насущных региональных проблем демографии, рынка труда, занятости и роста экономики.

При попытке определить масштабы китайской трансграничной трудовой миграции, ее социально-экономические, демографические и геополитические последствия складывается неопределенная картина, что во многом объясняется наличием противоречивых данных о реальных процессах в сфере трудового обмена России и КНР, получаемых из различных источников – переписей населения, ведомственной статистики, экспертных заключений и российских средств массовой информации. Официальная статистика не отражает всего многообразия трудовых перемещений граждан из соседнего государства и не раскрывает их истинные масштабы, тенденции, виды и направления. Более того, она трактует их довольно поверхностно, искажая реальную картину китайской трудовой миграции в России.

Результаты диагностики демографических, экономических и социально-политических последствий использования китайской рабочей силы, а также политика в отношении трудовой иммиграции граждан КНР периодически становятся предметом острых дискуссий представителей научного и экспертного сообществ. Относительно масштабов китайской миграции и перспективных тенденций ее развития существует множество оценок, нередко полярных. Согласно одним, происходит массированная иммиграция китайцев, теневые стороны которой представляют опасности и реальную угрозу экономической и национальной безопасности страны. Отечественный рынок труда наполняется китайской неквалифицированной рабочей силой, что приводит к снижению качества трудового потенциала в целом ряде российских регионов.

Утверждается, что благодаря «липовым турпоездам» на российской территории незаконно оседают сотни тысяч «опасных китайцев». Усиливается процесс замещения коренного постоянного населения приграничных территорий непритязательными к условиям проживания и уровню заработной платы иммигрантами из Китая. В результате их экономической активности происходит хищническая эксплуатация природных ресурсов на Востоке страны. В перспективе интенсивное проникновение китайцев в отдельные

российские регионы, прежде всего в приграничные территории Дальнего Востока и Сибири, рано или поздно может привести к утрате этих территорий. Аргументируется, что значительную часть прогрессирующего притока китайского населения составляют незаконные мигранты, закрепление и обустройство которых в России не отвечают ее политическим и экономическим интересам.

Другие признают расширение китайской иммиграции, однако видят в ней больше плюсов, чем минусов, рассматривая ее как некоторую необходимость, способную смягчить напряженность баланса трудовых ресурсов в отдельных регионах и сферах занятости, содействовать решению острых проблем на потребительском рынке страны. Утверждается при этом, что в перспективе в складывающейся демографической ситуации Россия может и должна прирастать китайцами.

Несмотря на то, что дискуссии по проблемам китайской миграции продолжают уже несколько лет, надежных данных о реальных масштабах миграции рабочей силы из КНР и ее социально-экономических последствиях крайне недостаточно.

Как показывают официальные статистические данные, развитие экономических отношений Российской Федерации с КНР способствовало быстрому росту китайской трудовой миграции. Определить общие масштабы и фактическую динамику китайских работников довольно трудно, так как их значительная часть носит скрытый» от статистического наблюдения характер и происходит под прикрытием въезда со служебными, частными и туристическими целями.

Можно утверждать, что в последние годы среди стран дальнего зарубежья, направляющих в нашу страну рабочих и специалистов, КНР уверенно занимала первое место. С начала 2000-х годов в период экономического прогресса наблюдался сверхактивный рост использования китайской рабочей силы как в Российской Федерации в целом, так и особенно на территории Дальневосточного региона. По нашим оценкам, в период 2000-2008 гг. число зарегистрированных на российской территории китайских трудовых мигрантов возросло в 11 раз.

В период мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. под воздействием антикризисных мероприятий на отечественном рынке труда на общем фоне сокращения использования иностранного труда произошло снижение зарегистрированной численности привлекаемых в российскую экономику трудовых мигрантов из Китая. Сначала корректировка была незначительной. Так, по данным Росстата, в 2009 г. по сравнению с 2008 г. официальное количество трудовых мигрантов из КНР сократилось едва заметно – с 281,7 тыс. человек до 269,9 тыс. человек, то есть всего на 11,8 тыс. человек, или на 4,2 %. Однако затем в условиях торможения экономической динамики под воздействием сокращения совокупного спроса и усиления ограничительных мер по допуску иностранной рабочей силы на национальный рынок труда падение масштабов привлекаемых в российскую экономику китайских мигрантов оказалось более существенным – в 2010 г. на 83,4 тыс.

человек, то есть почти на треть (30,9%) в сравнении с предшествующим годом. В дальнейший период неустойчивого развития отечественной экономики и затухающих темпов экономического роста численность зарегистрированных китайских трудовых мигрантов снизилась в еще больших масштабах – до 72 тыс. человек к 2014 году.

Несмотря на серьезное уменьшение в последние пять лет (2010-2014) регистрируемого количества китайских трудовых мигрантов, Китай сохранил лидерство среди основных стран дальнего зарубежья, экспортирующих свою рабочую силу в Россию.

Основные сферы занятости граждан КНР – строительство и торговля, где в настоящее время в российских регионах работает большинство китайских мигрантов. Кроме коммерции и мелкого бизнеса, значительная их часть сосредоточена в сельском хозяйстве. Анализ ответов опрошенных нами экспертов в Амурской области показал, что важнейшие сферы занятости китайских граждан – это строительный комплекс и торговля. На вопрос о том, «В каких сферах занятости в основном сосредоточены трудовые мигранты из Китая?» было получено следующее распределение ответов: на первом месте было строительство – (93,3 %), на втором торговля (86,7%), на третьем месте – сельское хозяйство (46,7%). На последующих местах – лесозаготовки, общественное питание и производство строительных материалов.

Другой спецификой занятости китайцев на территории Российской Федерации является крайне низкая доля лиц, работающих в государственном секторе (до 10% от числа трудовых мигрантов). Как показали наши исследования, три четверти китайских мигрантов заняты в частном секторе, на совместных предприятиях, а также на предприятиях со смешанной собственностью или принадлежащих иностранным юридическим или физическим лицам. Большую часть мигрантов притягивает сфера неформальной экономики, где хозяйственная деятельность часто протекает вне правового поля.

К числу важных пропорций занятости китайских трудовых мигрантов в России следует отнести соотношение таких ее статусных характеристик, как работающие по найму и самозанятые. По нашим оценкам, среди прибывших китайцев около половины работают по найму на предприятиях и в организациях, 15% заняты по найму у физических лиц, главным образом у индивидуальных предпринимателей.

Привлечение китайской рабочей силы к развитию отечественной экономики имеет ярко выраженный региональный и локальный характер. Главные центры ее использования находятся на Востоке, куда направлен наиболее динамичный поток миграции из КНР. Около 70% общей численности китайцев, работающих на российской территории, заняты в экономике регионов Дальнего Востока и Сибири.

Миграция из Китая – объективный процесс, который приводит к неоднозначным последствиям. Он позитивен потому, что китайские работники вносят свой определенный вклад в развитие российской экономики. Наша страна заинтересована в совместной работе с китайским бизнесом, прежде всего в деле освоения природных богатств восточных территорий.

В результате привлечения и использования трудовых мигрантов из КНР решаются хозяйственные проблемы многих российских регионов. Китайская миграция на пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона представляет собой практически неисчерпаемый источник дешевой рабочей силы и является ценным экономическим ресурсом развития России. Одно из важнейших положительных последствий китайской миграции – ее влияние на сферу занятости российского населения, покрытие дефицита рабочей силы, заполнение "ниш" на рынке труда. Потоки мигрантов из КНР обеспечивают большую сбалансированность на региональных рынках труда. Непосредственным работодателям использовать труд китайцев экономически выгодно. Социальные затраты на них, по сравнению с затратами для местных кадров, несравнимо ниже. Даже бытовая неприхотливость китайцев оборачивается снижением издержек на их обустройство. Для населения позитивные экономические последствия иммиграции и занятости граждан КНР в России связаны с насыщением рынка дешевыми и нужными товарами и услугами.

Поскольку большая часть китайской миграции направлена в труднедостаточные районы России, такой приток дополнительной рабочей силы становится фактором роста производительности общественного труда и увеличения национального дохода. Рабочая сила из Китая характеризуется высокой производительностью труда, ее использование сопровождается притоком дополнительного капитала для инвестирования в экономику, развитием отдельных сфер производства, прежде всего строительства и сельского хозяйства, поступлением от предприятий налогов и пошлин в местный и федеральный бюджеты (за право использования иностранной рабочей силы). Китайская миграция может стать важным элементом решения долгосрочных проблем социально-экономического развития регионов Российской Федерации, особенно в условиях резкого сокращения трудового потенциала страны.

С другой стороны, особого внимания заслуживают и негативные стороны трудовой миграции из Китая. В экономической сфере наиболее важными из них является преимущественное привлечение и использование малоквалифицированной рабочей силы, что тормозит модернизацию и повышение эффективности российской экономики. Во многом отрицательные эффекты являются следствием нелегального пребывания и незаконной занятости китайских граждан. Латентная составляющая китайской трудовой миграции содействует развитию теневой экономики. В результате нелегальной миграции большее число граждан КНР оказывается в теневой сфере занятости. Растут потери для бюджета из-за недополучения платы за использование иностранной рабочей силы, уклонения от уплаты налогов и отчислений в социальные фонды. Китайская нелегальная иммиграция способствует расширению незаконного оборота денежных средств, сокрытию доходов, криминализации структуры капитала. Теневые стороны миграционных потоков представляют реальную угрозу экономической и национальной безопасности страны.

Под воздействием целого ряда факторов (как внутренних, так и внешних) численность китайских трудовых мигрантов и их занятость в обозримой перспективе будут возрастать. В будущем в условиях конструктивного взаи-

модействия и сближения с Китаем увеличение трудовой миграция из соседней страны и усиление ее влияния на рынок труда российских регионов, прежде всего восточных районов, неизбежно. Долговременная необходимость расширения этого притока обусловлена резким сокращением предложения труда в России, связанного с вступлением страны в длительную демографическую «яму» и старением населения, приоритетным социально-экономическим развитием районов Дальнего Востока и Сибири, активизацией энергетических, торгово-экономических и социокультурных связей с КНР, а также стимулированием сотрудничества приграничных территорий двух стран. Поэтому перспективные тенденции привлечения и использования китайской рабочей силы, особенно в связи с формированием полюсов роста в восточных регионах страны, реализацией крупных проектов в сфере энергетики, разработкой и транспортировкой региональных энергоресурсов, решением территориальных и пограничных социально-экономических проблем, должны быть объектом пристального внимания государственной иммиграционной политики России, согласованной с экономической, социальной, демографической, образовательной политикой и политикой в сфере занятости и на рынке труда.

Важным шагом в развитии многостороннего международного сотрудничества двух соседних государств в регулировании миграционных процессов стало подписание 3 ноября 2000 г. Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации, а также Соглашения о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией от 22 марта 2013 г., в том числе в рамках реадмиссии. В перспективе в контексте большей ориентации России на Восток существует потребность дальнейшей активизации общих усилий и более активного вмешательства государственных структур в управление процессами миграционного взаимодействия между соседними странами.

В России в мероприятиях, связанных с реализацией Концепции государственной миграционной политики на период до 2025 года, потребуется принятие гибких и комплексных решений, направленных, с одной стороны, на реализацию максимальных выгод от китайской трудовой миграции, а с другой, – на минимизацию ее неблагоприятных последствий. В частности, это прежде всего касается целевой подготовки к работе китайских граждан перед их трудоустройством в России, а также совершенствования системы иммиграционного контроля и противодействия организации каналов незаконной миграции и латентной занятости китайских трудовых мигрантов. В условиях отсутствия возможности восполнить дефицит рабочей силы в восточных регионах страны, особенно в строительном комплексе, одной из важнейших задач должно стать снижение требований по подтверждению владения русским языком для востребованных временных китайских работников, прибывающих в организованном порядке на Дальний Восток для осуществления трудовой деятельности.

Для регулирования процессов вхождения китайских работников на региональные рынки труда необходимо расширить информационно-аналитическую базу обеспечения миграционной политики. Большое практическое значение имело бы развитие системы статистического наблюдения за миграционными потоками из КНР, введение внятной статистики китайской трудовой иммиграции. Существует реальная потребность проведения в российских регионах, особенно на территории Дальнего Востока и Сибири, выборочных обследований по проблемам привлечения и использования иностранной рабочей силы, включающих вопросы трудовой миграции из Китая.

Кулагина Я.А.
(Серпухов, Россия)

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ЭМИГРАЦИИ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ КАДРОВ ЗА РУБЕЖ В XX-XXI вв.

Всем известен и очевиден тот факт, что развитие страны во всех ее направлениях, а особенно ее экономическое развитие зависит от состояния научной деятельности в этой стране. Причем здесь не обязательно должна идти речь о науке прикладного характера. Фундаментальные открытия – это в перспективе прорывы в производственной сфере, в уровне жизни. Поэтому государству так необходимо поддерживать фундаментальную, в первую очередь, и прикладную науку, способствовать притоку молодых кадров, как отечественных, так и зарубежных, создавать и обеспечивать условия для успешной научной деятельности.

Особенно важно удержать в отечественной науке уже имеющиеся опытные кадры. По тем или иным причинам они уезжают за рубеж со своими идеями, со своими умами и талантами. И все это реализуется «там», помогает развиваться не нашему государству.

Это похоже на ситуацию в микроэкономике, когда компания вкладывает в сотрудника, он обучается, обретает знания, навыки, опыт, а потом переходит работать в другую фирму. И в результате – все выгоды достаются конкуренту.

Если говорить об эмиграции отечественных ученых за рубеж в XX – XXI вв., то здесь можно выделить два основных периода: советский и постсоветский. Сравнить масштабы двух этих периодов и их влияние на экономику достаточно сложно, так как исследуемые статистические совокупности по составу и величине не сопоставимы, а влияние миграции на экономическое развитие страны скорее косвенное, и проявляется далеко не сразу.

Эмиграцию советского периода принято делить на 3 волны.

Первая волна – 1918–1923 гг. В этот период по разным оценкам страну покинули от 1,5 до 3-х млн. человек. Основные причины эмиграции религиозно-политические. Посчитать, сколько среди них было ученых непросто, так как регистрация эмигрантов в то время не велась. Есть неточная цифра, зафиксированная Русским научным институтом в Белграде за период 1920–1940 гг. – это 472 действующих, издающих свои труды ученых, преподавателей, университетов и высших технических школ, эмигрировавших за рубеж.

Вторая волна – 1941–1944 гг. Здесь помимо погибших, речь идет о т.н. «невозвращенцах». Всего приблизительно полмиллиона человек, как и в третьей волне – 1948–1989 гг. Но среди них ученых в процентном соотношении не так много.

Весь указанный выше отток из науки, компенсировался, если здесь уместно употребить такое слово, большим вкладом государства в развитие науки, стимулированием образования. высочайшим достижением Советов является доступность образования любого уровня и признания заслуг образованного человека, когда, например, мальчик из шахтерской семьи рабочих мог поступить в любой университет и стать ученым с мировым именем. Кроме того, после окончания войны, на нашу страну работали многие видные немецкие ученые.

Имеются цифры, показывающие динамику количества ученых в СССР, которые говорят сами за себя:

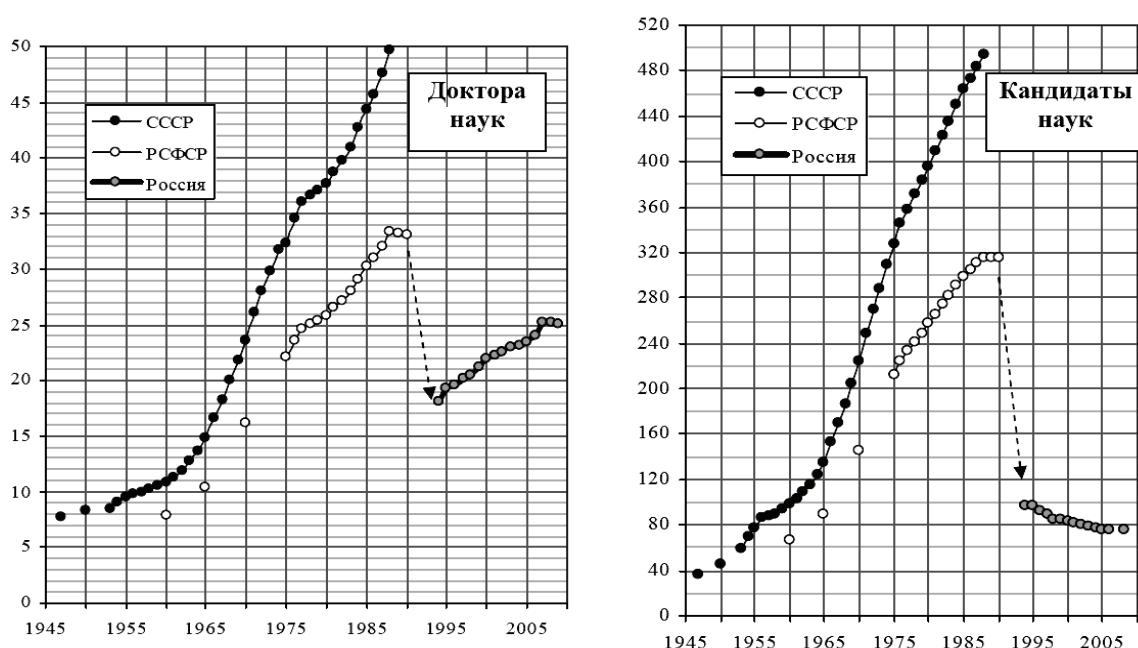


Рис. 1. Численность докторов и кандидатов наук в СССР и РСФСР, численность докторов и кандидатов наук, занятых исследованиями в России, тыс. чел. (на конец года). [6].

На этих же графиках видно, как дело обстоит в перестроечный и постперестроечный периоды. Очевидно, что число людей, занятых в науке на территории России, сократилось более, чем втрое. Если говорить о

причинах, то основными в этот период являются экономико-социальные. Согласно заявлению Д.Ливанова по данным министерства образования за период 1989 -2004 гг. из России уехало порядка 25 тыс. ученых, а 30 тыс. работают за границей по временным контрактам. Иные неофициальные источники на просторах интернет указывают цифры порядка 80 тысяч человек. Кроме того, страну в этот период и позднее покидают большое количество молодых потенциальных ученых. По данным фонда «Открытая экономика» страна теряет более 4000 молодых студентов и аспирантов в год. В основном они стремятся в Германию и США, где успешно защищаются и получают ученые степени. Там для их развития и деятельности созданы все условия, в то время как на Родине науке в те года, да и в настоящее время частично, пришлось перейти на самоокупаемость или жить на средства, вырученные при управлении и/или продаже имущества. По тем же причинам многие менее преданные науке личности уходили и уходят в бизнес. Точную цифру назвать сложно, но путем вычисления из имеющихся данных получается более 100 тыс. человек.

Последняя волна миграции ученых за рубеж прошла недавно из-за нашумевшей реформы РАН. За два последних года страну покинули по данным Госкомстата 604 представителей науки. И сколько их еще будет на фоне того, что реформа РАН еще не завершена и ее дальнейшее осуществление может привести к сокращению ученых и исследователей в 3-4? Куда они уйдут? И даже оставаясь в России и работая в научной сфере исследователи зачастую работают не на нашу науку. Это происходит из-за современной системы финансирования науки, особенно из-за иностранных грантов, при участии в которых отечественные идеи уходят за рубеж и реализуются там.

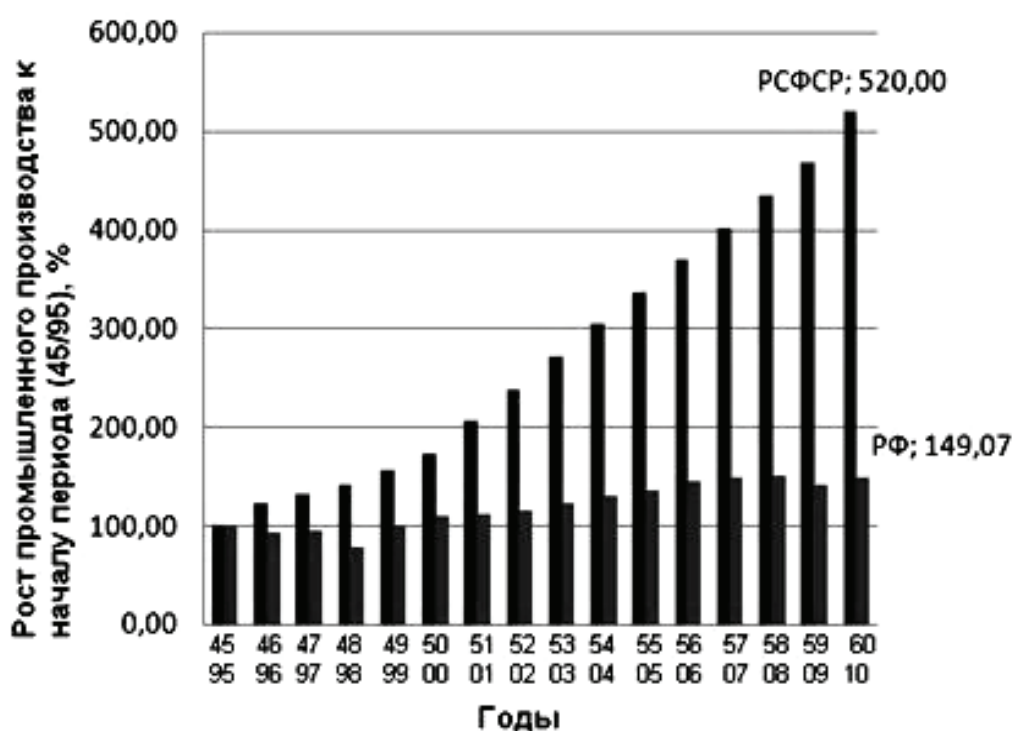


Рис. 2. Рост объёмов промышленного производства [10].

На рисунке представлен сравнительный график роста промышленного производства в СССР и России.

В 60-70-х гг. годах СССР занимал первое место в мире по многим отраслям промышленности. Сейчас это далеко не так. А все потому, что на просвещение в этот период отводилось в среднем 20% от бюджетных расходов, а сейчас около 5%, и есть тенденция к снижению. Существует надежда на бизнес, но бизнес не будет вкладываться туда, где не выгодно. А система грантов тоже работает не так эффективно, как бы того хотелось, в силу многих объективных и субъективных причин.

Поэтому люди самого продуктивного возраста покидают науку. Поэтому у нас в науке нет преемственности поколений. Поэтому мы не можем поднять свою промышленность на должный уровень. Необходимо поднимать отечественную науку. В ней наша сила и успешное будущее нашей Великой Страны!

Список литературы и источников

1. Полян П. «Россия и ее регионы в XX в.: территория – расселение – миграция»/ Под ред. О. Глезер и П.Поляна. М.: ОГИ, 2005г. с. 493 – 519.
2. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014г.», – Федеральная служба государственной статистики – 2015г.
3. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013г.», – Федеральная служба государственной статистики – 2014г.
4. Бялый Ю. «Проблемы постсоветской науки: истоки и факторы кризиса», // «Суть времени», №49 от 09.10.2013г.
5. Ежегодный мониторинг средств, выделяемых из федерального бюджета на финансирование НИОКР (в т.ч. по приоритетным направлениям инновационного развития России). Аналитический отчет. // <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4889.pdf>
6. Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах // <http://su90.ru>
7. Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: к определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье»// Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010г// <http://www.rp-net.ru/book/articles/ezhegodnik/2010/04-Sorokina.php>
8. Структура расходов государственного бюджета СССР// http://www.great-country.ru/content/sssр_stat/xoz_1922-1972/xoz_50-378.php
9. ТАСС Информационное агентство России // tass.ru/nauka
10. Шунков А. « Российская федерация до и после распада ССР. Сравнение результатов развития за периоды 1945-1960 (РСФСР) и 1995-2010 (РФ)»// Война и мир, 07.04.2011// <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/57006/>

ВЕДУЩИЕ ФАКТОРЫ И СТИМУЛЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Чтобы разобраться в специфике современной миграции научных кадров, необходимо проанализировать и учесть сложное сочетание причин и мотивов миграции, а также спроса на ученых и специалистов на международных рынках интеллектуального труда. Рассмотрим эти вопросы.

В понимании мотивов и стимулов интеллектуальной миграции важное значение имеют механизмы поведения интеллектуальных мигрантов, т.е. социальная среда и социальные нормы, которые в основном и способствуют процессу принятия индивидуального решения на переезд в другую страну. Как известно, по мнению ученых, изучающих миграцию как социальное явление, основной причиной эмиграции выступают, как правило, противоречия между существующими потребностями личности с одной стороны, и возможностями и условиями их удовлетворения – с другой.

В понимании мотивов интеллектуальной эмиграции существуют два подхода. В первом, основным мотивом эмиграции считается возможность реализовать свои профессиональные интересы, а сам переезд является лишь средством для осуществления этих интересов. То есть можно сказать, что на первый план выдвинута потребность в реализации своих профессиональных качеств. Каждый ученый, понимая, что его научный потенциал не востребован, будет стремиться найти те условия и возможности, которые будут способствовать развитию ученого как профессионала и личности.

При втором подходе мотив эмиграции – стремление к более безопасным и комфортным условиям жизни для себя и своей семьи. Гражданин, который думает об эмиграции в другую страну, в первую очередь, оценивает различия в уровне и качестве жизни обоих государств: выбытия и прибытия. Для эмигранта главной целью является сам переезд в другую, более безопасную и благополучную страну, новая работа – это только средство для проживания в этой стране.

Эти мотивы взаимосвязаны и поэтому нельзя четко сказать, какой из них будет определяющим при принятии решения об эмиграции, все зависит от конкретного человека и условий. Например, по данным социологических исследований, проведенных в России в 90-х годах, среди тех, кто хотел бы выехать за границу, 39% были заняты в науке, культуре и здравоохранении. Немаловажным фактором, влияющим на решение покинуть страну, являлись зачастую причины политического характера.

Согласно официальной статистике, если в 2010 году цифры эмиграции составляли 33 578 человек, то в 2011-м они увеличились до 36 774, в 2012-м – до 122 751, а в 2013-м – до 186 382 человек [1]. Эмигрируют мелкие и средние

предприниматели, владельцы компаний, экономисты и ученые, которые боятся усиления ограничений в российском обществе. Люди также уезжают из-за опасений за своих детей или своего профессионального будущего, высокого уровня коррупции и бюрократии в стране. Бизнесмены называют причиной отъезда нечестность российских судов, несоблюдение законов, отсутствие прав, желание выйти на международный рынок. Существует такое мнение: «Люди, у которых в России все отлично, начинают готовиться к эмиграции». Последняя «утечка мозгов» из России, по оценкам зарубежных экспертов, началась в 2013 году.

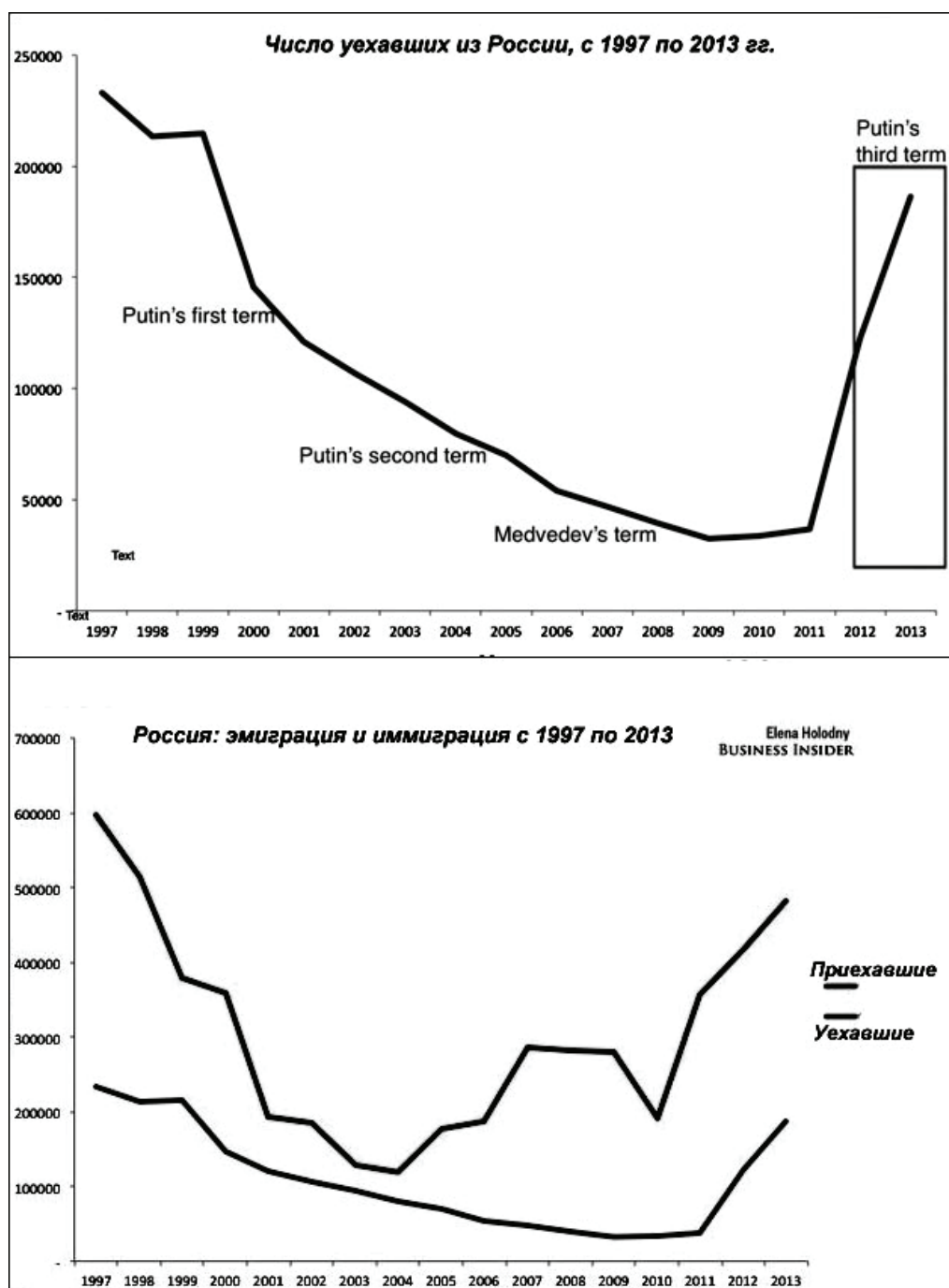


Рисунок 7 – Показатели по миграции и эмиграции с 1997 по 2013
 Источник: <http://totmir.com/poleznaya-informatsiya/utechka-umov-iz-rossii-2013>

В последние годы на структуру мировых потоков интеллектуальной эмиграции существенное влияние оказывают международные рынки интеллектуального труда, формирующие спрос и предложения на ученых и специалистов. Спрос на такого вида работников во многом обусловлен вектором технологического и технического развития цивилизации. Сегодня наибольшим спросом на рынке пользуются специалисты, профессиональная деятельность которых способствует развитию основных тенденции развития современной науки и технологии (математика, вычислительная техника, биология, медицина, космические исследования, физика, химия). Соответственно потребности рынка взаимосвязаны со спросом, тем самым определяется структура интеллектуальной эмиграции.

В последнее время страны иммиграции ужесточают требования к интеллектуальным иммигрантам на мировом рынке труда. Лидер в этом начинании – США. Государство предъявляет повышенный спрос на некоторые специальности, что отражается на соотношении «своей» и «чужой» трудовой силы в некоторых отраслях занятости.

Во многих странах Западной Европы ужесточены правила иммиграционной политики, в частности, требование наряду с научными исследованиями преподавать студентам, что предполагает свободное владение языком страны пребывания. Все эти меры создали объективные трудности адаптации иммигрантов к условиям труда. Высокий уровень конкуренции усложнил приток научных кадров в европейский регион. Тем не менее, пока притягательными интеллектуальных мигрантов в Европе остаются Германия, Великобритания, Франция и Скандинавские страны.

Усложнение процедур адаптации интеллектуальных мигрантов в странах Запада изменило вектор мировых интеллектуальных миграционных потоков. По данным статистики потоки интеллектуальной миграции фиксируются из Европы в Австралию, Юго-Восточную Азию, Северную Америку, Южную Африку [2, С.88].

Государства, поставляющие интеллектуальных мигрантов, также имеют определенное влияние на рынок высококвалифицированного труда. Например, рынок труда программистов в США во многом сложился благодаря потокам эмиграции из бывшего Советского Союза. Такая же ситуация складывается и на локальных рынках труда. Можно по географической направленности определить те или иные научные центры. В частности, центры Бостона и Калифорнии отличаются повышенной долей Российских граждан; Скандинавские страны – притоком интеллектуальных мигрантов эмигрантов из стран Балтии; Турции – представителей Азербайджана и Армении.

В результате исследований было доказано, что существует прямая зависимость от уровня научной квалификации и желанием эмигрировать. Как и в любой эмиграции, наряду с профессиональными навыками, важную роль играют социокультурные и языковые ограничения.

По мнению специалистов, сегодня называются четыре основных проблемы российской науки. Первая – ее существенное отставание показателей мировых научных достижений. Вторая – отсутствие какой-либо стратегии

развития и планирования научного потенциала страны, ориентация на достижение определенных ясных целей. Третья – катастрофически низкая заработная плата работников научной сферы, да и сферы образования – несколько лучше, однако явно недостаточно. Падение материального достатка научных кадров в 90-е годы до сих пор не прекращено, что не способствует повышению престижа научных профессий и кадровый дефицит. Четвертой проблемой считается более низкое качество преподавания естественнонаучных дисциплин, что в целом приводит к низкому уровню подготовки студентов.

Отдельным фактором можно назвать высокий уровень бюрократизации в научной сфере, который способствует значительному снижению оптимизма в планировании научной деятельности, определении перспектив развития и сотрудничества с деятелями науки. Система подачи заявок на конкурсы и выполнение научно-исследовательских разработок зачастую настолько забюрократизированы, что многие ученые отказываются от выполнения какой-либо научной работы. Проще оформить заявку за рубежом, где не требуется массы документов, заявка более краткая и четкая.

В целом, совместные проекты российских научных кадров и высокотехнических западных научных центров способствуют тому, что в результате исследований можно получать значимые научные результаты. Такой же эффект возможен, когда эмигрант использует в своих разработках научные знания своей страны и страны пребывания. Неоспорим тот факт, что эмигранты являются авторами почти 90% всех новых технологий и разработок, осуществляемых в США за последние 60 лет. В значительной степени это относится и к ученым из стран Восточной Европы и СНГ, которые имели самобытные научные школы во многих областях науки. Многие российские ученые соответствуют тем критериям научного отбора, которые существуют сегодня на мировом рынке интеллектуальных услуг: современные интеллектуальные мигранты из России молоды, владеют дефицитными профессиями, обладают высокой квалификацией и готовы к соединению разных научных подходов и стилей работы.

В структуре интеллектуальной миграции немаловажное значение занимает возвратный процесс. На наш взгляд, сложившиеся представления о возвратном интеллектуальном потенциале достаточно условны.

По данным Национального научного фонда США, в последнее время происходит постоянный рост количества научных кадров, инженеров и студентов, которые временно поработав или поучившись в американских университетах, желают оставаться здесь и дальше, на постоянное место жительства. Так, например, в 70-х годах около 38% работавших по контракту или учившихся в американских университетах, оставались в США, в 80-х таких было уже 56% [3, С.45]. Очень часто бывает так, что специалист, вернувшись домой после нескольких месяцев работы за рубежом, не удовлетворен условиями и организацией научного труда, условиями жизни на родине, и пытается любыми способами вернуться обратно за границу. Формально его нельзя считать эмигрантом, но по факту его научная карьера в основном проходит за пределами его страны. Такие процессы в миграциологии называют-

ся «маятниковой» миграцией. Осмысление мировых процессов интеллектуальной миграции позволяет сделать вывод о том, что рынки интеллектуального труда в последние годы становятся важным регулятором современных миграционных процессов, во многом определяют структуру интеллектуальной миграции в мире и характеризуются рядом особенностей:

- ростом потоков интеллектуальных мигрантов из развивающихся стран в развитые государства;

- переориентацией вектора миграции от стран западной Европы в сторону Австралии, Юго-Восточной Азии, Северной Америки, Южной Африки;

- «обратной утечкой умов». Этот феномен сопутствует миграции капиталов, когда крупные компании переносят производство товаров и услуг в страны с более выгодными условиями производства и дешевой рабочей силой. «Обратная утечка умов» может стать дополнительным фактором в политике глобального распределения и перераспределения интеллектуальных ресурсов в пользу развивающихся государств и оказывать существенное влияние на развитие международных отношений;

- временной трудовой интеллектуальной миграцией, когда «высококвалифицированные специалисты, не меняя гражданства, работают по контракту в промышленно развитых странах». Мигранты этой категории имеют доступ к современным зарубежным техническим средствам, получают богатый опыт научных исследований в развитых странах, вносят вклад в мировую науку, образование и культуру, а по возвращении в страну передают опыт отечественным центрам науки, образования и культуры, внося тем самым вклад в развитие национальной экономики. В последние годы на рынке интеллектуального труда наблюдается существенный рост потоков временной трудовой интеллектуальной миграции.

В условиях интернационализации мировых хозяйственных связей получают развитие новые виды интеллектуальной миграции, например, система “транзитной” миграции, а также такая неклассическая форма использования “чужих мозгов”, как контрактная помощь российским исследователям “на месте”. Это наиболее мягкая форма “утечки умов”, которая способствует развитию межгосударственного научно-производственного сотрудничества. Еще одна форма “утечки умов” – внутренняя “утечка”, т.е. массовый уход ученых из науки в другие сферы деятельности. Есть и такая специфическая форма “утечки”: ученые, не эмигрируя и не увольняясь из своего института, фактически прекращают научную деятельность. Прямые и косвенные потери России от всех видов “утечки умов” могут ежегодно составлять 60 млрд. долл. В РФ может произойти снижение “критической массы”, необходимой для воспроизводства научных кадров и сбалансированного развития научного потенциала.

Список литературы и источников

[1] Bowen A. Russia's Next Crisis: A Brain Drain? // A. Bowen [Электронный ресурс] – <http://nationalinterest.org/feature/russias-next-crisis-brain-drain-10961>

[2] Кузьминов В. Отчет о международном совещании. "Утечка умов" в условиях современной России: внутренние и международные аспекты. [Текст]: / В. Кузьминов //ЮНЕСКО-РОСТЕ.- М., 2012.- С. 88.

[3] Иконников О.А. Эмиграция научных кадров из России [Текст]: О.А. Иконников// – М., 1993. – С. 45.

Максакова Л.П.
(Ташкент, Узбекистан)

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В АСПЕКТАХ СЕМЬИ

Миграционные процессы охватывают огромные массы людей и оказывают достаточно сильное воздействие на многие стороны жизнедеятельности человека и общества. Она обусловлена переплетением множества социально – экономических и демографических факторов, определяющих миграционное поведение и миграционные намерения населения. Будучи сложным социально-экономическим явлением, миграция может вносить существенные коррективы и в экономические, и в политические стратегии развития государств, о чем свидетельствуют современные практики европейских стран, оказавшихся под напором миграционных процессов.

Современная миграция приобрела такие масштабы, что на 12-й Европейской Конференции по народонаселению (Будапешт, июнь 2014 г.) период, начиная с последней четверти XX века, назван эрой миграции, и впервые появились такие термины, как «нация мигрантов», «новые кочевники» и т.д. Наплыв трудовых мигрантов в европейские страны рассматривался на этой конференции как демографический налог на страны Европейского Союза за падение рождаемости, сокращение численности трудоспособного населения и депопуляцию.

Миграционные процессы оказывает определённое воздействие на состояние и развитие семьи, семейно – брачных отношений и семейной структуры населения, что можно проследить на примере Узбекистана.

Материалы исследований показывают, что и количественное, и качественное воздействие на формирование и развитие семьи влияют все виды миграции. За счет миграционного оттока населения за пределы республики на постоянное место жительства уменьшается число семей и изменяется семейная структура. Тем более, что в последние десятилетия внешние миграционные процессы в большей мере стали носить семейный характер. Об этом свидетельствуют сдвиги в возрастном составе населения, выезжающего за пределы республики навсегда. В прошлые периоды большое место занимала учебная миграция, около половины этого миграционного потока составляла молодежь, доля населения трудоспособного возраста доходила до 85%. По данным статистики, в современной эмиграции она снизилась до 70–75% одновременно с

ростом удельного веса детей и лиц пенсионного возраста. В результате миграционных процессов в республике происходит уменьшение малочисленных семей, т.к. во внешние миграционные потоки в значительной мере вовлекаются малочисленные семьи и одиночки.

Аналогичное воздействие на семейную структуру оказывают и внутренние миграции населения с переменой постоянного места жительства. На этой основе происходит перелив семей из села в город, из малых городов в большие, между регионами, в результате в республике меняется территориальное размещение семей, что также несет определенные последствия для их социально – экономического и демографического развития.

Немалое воздействие на развитие семьи оказывают трудовые миграции, которые в настоящее время приняли значительные масштабы. В обобщенном виде ускоряющими факторами их выступают трансформационные процессы в экономике, переход на рыночные принципы формирования занятости, развитие транспортных и коммуникационных технологий, быстрый рост трудовых ресурсов и напряженность рынков труда в развивающихся странах, одновременно с растущим спросом на неквалифицированный труд мигрантов в развитых странах, наличием в них рабочих мест и возможностями трудоустройства. Для посылающих стран большое значение имеют также дифференциации в оплате труда, а также потенциальные перспективы зарабатывания первоначального капитала для лиц, ориентированных на предпринимательскую деятельность.

Следует отметить, что в миграционные процессы вовлекается значительно больше населения, чем численность самих трудовых мигрантов. Нередко решение о выезде на работу рассматривается как способ выживания в сложных условиях трансформации, оно, как правило, принимается коллективно: семьей, родственниками. Вследствие миграции происходит перераспределение семейных функций, домашних обязанностей и участия членов семей в экономике, все это непосредственно оказывает большое влияние на состояние семьи.

Немало мигрантов выезжает семьями. По данным обследования, проведенного в 2011 г. в Санкт – Петербурге (Безрукова О.Н., Ивашкина Ю.Ю.), треть мигрантов из стран СНГ в северную столицу России приезжают с семьями, из них 35% с супругой и 16% с детьми, причем, в основном это молодые семьи. Большинство прибывших – мигранты из Узбекистана (120,9 тыс. человек)

По материалам обследования, проведенного Центром «Оила» («Семья») в 2015 г., доля семейной миграции была невысокой. Причем, на долю старшего поколения (отцы семейства) приходится 31,4%, а более половины работающих за пределами своего постоянного места жительства – это взрослые дети (50,9%). В опрошенных семьях более половины мигрантов работали вне дома от одного до пяти лет, а 11,9% – шесть –десять и более лет.

По-прежнему большое место занимают выезды на работу за пределы республики. Часть мигрантов работали в Ташкенте (9,3%) и других регионах Узбекистана (9,3%), а основная часть – в России (62,7%) и Казахстане

(11,0%). Демократизация системы трудоустройства иностранной рабочей силы в России, где работает большая часть мигрантов из Узбекистана, значительно расширила возможности легального трудоустройства. По данным обследования 2015 года, 45,8% мигрантов работали на предприятиях, фирмах и на рынках с получением официального разрешения, 20,3% – по патентам. В основном они были заняты в сфере услуг. Сертификаты о получении новой профессии получает лишь небольшое число мигрантов (по данному обследованию – всего 3 человека или 2,5% от общего числа).

Трудовая миграция осуществляется главным образом из материальных соображений. Имея одного трудового мигранта за границей, семья имеет возможность поддерживать свой уровень жизни. В развивающихся странах денежные переводы трудовых мигрантов способствуют снижению уровня бедности и малообеспеченности. Денежные переводы играют существенную роль для экономики стран – поставщиков рабочей силы, а для мигрантских семей выездные заработки помогают решать насущные финансовые проблемы. По материалам обследования 2015 года, половина семей за счет их улучшили жилищные условия, 17,8% – произвели ремонт жилья. Немалая часть была полученных денежных переводов была потрачена на текущее потребление, но в некоторых семьях – на покупку автомобиля и ценных вещей (5,9%), проведение свадебных мероприятий (2,5%). К сожалению, инвестиционная активность денежных переводов очень низка. Лишь 3,4% семей использовали их для открытия или поддержания собственного бизнеса.

Во внутренних трудовых миграциях позитивные экономические последствия выражаются главным образом в получении работы и заработка, позволяющего улучшить благосостояние семей. По данным обследований, временные разовые работы способствуют повышению уровня жизни (43,5% опрошенных), за счет миграции люди смогли решить целый ряд насущных проблем (17,0%). Экономические аспекты внутренней трудовой миграции очень важны, так как на иждивении мигрантов находятся члены семьи и родственники, не имеющие самостоятельных доходов и нуждающиеся в помощи. Большая часть их имеет по несколько иждивенцев, в том числе несовершеннолетних детей.

Несмотря на несомненно значимые экономические эффекты, с точки зрения семьи трудовые миграции несут немалые издержки социально-демографического плана. В трудовой миграции участвует в основном население молодых и средних возрастов. Уезжающие на заработки за границу покидают свои семьи на год или два, а то и на большее время. В странах приема трудовые мигранты – мужчины нередко заводят новые семьи («гостевой» или «параллельный» брак {1,с.5}, что реально создает риски развода. По данным обследований, проведенных Центром «Оила» в 2011 году, 4,6% женщин, подавших иски о разводе, указали причиной развода длительное отсутствие мужа – трудового мигранта, утратившего связи и общение с оставленной в республике семьей.

Длительное отсутствие одного или нескольких членов семьи в определенной мере нарушает сложившиеся образ жизни и семейные отношения. Про-

исходит Упадок традиционных ценностей в узбекских семьях. Опрос семей в 2015 году показал, что некоторые мигранты редко общаются со своими семьями, оставшимися дома. Миграционные процессы создают риски упадка традиционных ценностей в узбекских семьях. Длительная разлука с семьей создает семейные проблемы, разрушая прежние хорошие отношения. Это в свою очередь пагубно влияет на воспитание детей. Когда мигранты выезжают с семьей, то возникает немало проблем с обучением и образованием детей {2, с. 21-23}. В местах трудоустройства мигранты зачастую сталкиваются с ущемлением своих прав, особенно женщины {3}. За счёт миграции происходит трансформация ценностей у молодёжи. Причем, негативные последствия социально – демографического плана становятся все более очевидными.

Кроме того, в процессе трудовых миграций республика имеет реальный риск утратить часть своего трудового потенциала навсегда. По данным обследования Е. Тюрюкановой, среди тех, кто приезжает с детьми, больше трети (36%) хотели бы навсегда, получив гражданство, остаться в России {4, с.184}.

Таким образом, массовые внешние и внутренние трудовые миграции влияют на устойчивость семейно – брачного состояния населения, семейный состав населения, его половозрастную структуру, социально – психологическое состояние семьи, в определенной мере и на режим воспроизводства населения.

В последние годы усиливается взаимодействие посылающих и принимающих стран в вопросах цивилизации миграционных процессов, но оно все еще недостаточно эффективно. Целесообразно расширять организационно – правовое сотрудничество с Россией и другими принимающими странами в вопросах защиты своего населения, включившегося во внешнюю занятость, вырабатывать новые подходы к управлению миграционными процессами, включающие профессиональную подготовку, обучение русскому языку, медицинское освидетельствование, предоставление рабочих мест на контрактных основах, а также вводить в практику получения мигрантами сертификатов новых профессий, что поможет им адаптироваться на национальных рынках труда.

Список литературы и источников

1. Здоровье трудовых мигрантов. Бюллетень МИРПАЛ, сентябрь 2012
2. Полетаев Д. Дети тез детства. Журнал «Миграция XXI век
3. Малышева М., Тюрюканова Е. Женщина. Миграция. Государство. М.: Academia, 2001.4
4. Женщины-мигранты из стран СНГ в России. Под ред. Е.В. Тюрюкановой. М., МАКС Пресс, 2011

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

В настоящее время приоритетным направлением государственной экономической политики является инновационное развитие российской экономики. Для формирования конкурентоспособной инновационной системы необходимо не только увеличить спрос на инновации наиболее важных, системообразующих отраслей, но и повысить эффективность фундаментальной и прикладной науки. Такой подход связан в первую очередь с главенствующей ролью человеческого капитала в функционировании современной социально ориентированной рыночной экономики.

Проблемы иммиграции профессиональных кадров являются достаточно актуальными для России. Основные направления миграционной политики требуют первоочередного внимания органов государственной власти и органов местного самоуправления. Рекомендуемые для их практической реализации виды миграционных программ для разных групп иммигрантов целесообразно разрабатывать на различных уровнях управления: федеральном, региональном и муниципальном [1, С. 503-508]. Важное значение имеют квалификационные характеристики как дипломированных специалистов, так и обучающихся, которые определяются уровнем полученного (либо получаемого) образования и требованиями к качеству образовательных программ. Рынок образовательных услуг в РФ переживает период активной структурной модернизации. В связи со сложными трансформационными изменениями, происходящими в российской экономике, в его функционировании прослеживаются определённые разнонаправленные тенденции. Первая: несмотря на то, что в перечне проблем государственного управления одно из важнейших мест занимает отрасль «Образование», наблюдается тенденция к снижению объемов государственного финансирования образовательных учреждений. Вторая: конкуренция между вузами обостряется не только за участие в формировании государственного (муниципального) заказа, но и за получение бюджетных и инвестиционных ресурсов, что проявляется в борьбе за потенциальных абитуриентов.

Обстоятельного внимания заслуживает проблема, связанная с демографическими особенностями воспроизводства населения России и влиянием на него миграционных процессов. По данным Росстата, в течение ряда лет численность выпускников, имеющих общее среднее образование [общеобразовательных организаций] и, соответственно, абитуриентов вузов, сокращается. Одним из дополнительных источников, обеспечивающих приток студентов на первые курсы, становятся образовательные мигранты, преимущественно из стран ближнего зарубежья. Доля иностранных студентов в российских вузах является важным показателем мониторинга их эффективности, проводимым

ежегодно Министерством образования и науки РФ. В этой связи актуальность инновационной деятельности образовательных организаций существенно возрастает, и поэтому им необходимо находить новые, прогрессивные решения при обосновании путей своего развития, основанные на маркетинговых подходах и инновациях.

Некоторые исследователи вполне обоснованно полагают, что отечественная система образования переживает глубокий кризис [2, С. 4-6]. В определённой мере это связано с тем, что современное образование, в том числе подготовка кадров различных профессий и квалификаций, в ряде случаев ориентированы на устоявшиеся традиционные подходы к обучению, что оказывает негативное влияние на тенденции и динамику развития национального хозяйства. Между тем, в обществе назрела потребность в формировании инновационной системы образования, которая характеризуется внедрением новшеств, способных сформировать у обучающихся необходимые компетенции, активизировать их стремление к самообразованию и новому проектному мышлению, воспитывать уверенность в своих профессиональных навыках и силах, а также уверенность в том, что полученных знаний будет достаточно для того, чтобы эффективно работать и перманентно повышать уровень квалификации и образования в течение всей жизни.

Важнейшие проблемы, связанные с внедрением инноваций в образовательный процесс, в условиях современного, подверженного динамичным изменениям рынка труда, до настоящего времени остаются недостаточно изученными. В связи с этим, в условиях структурной модернизации отечественной экономики необходимо теоретическое и методологическое обоснование инновационной составляющей образовательной деятельности.

В общем виде под инновациями следует понимать прибыльное использование новшеств в виде новых, прогрессивных технологий, видов продукции и услуг, а также организационно-технических и социально-экономических решений производственного, финансового, коммерческого и иного характера. Как научная категория, инновация представляет собой экономические отношения, которые возникают между домохозяйствами, частным капиталом и государством по поводу создания и внедрения новых, прогрессивных технологий, новой продукции в условиях становления экономики знаний за счет привлечения государственного и частного капитала. Важно отметить, что конечным результатом внедрения инноваций, в первую очередь, является развитие образовательного потенциала [3, С. 407-408]. Можно выделить две составляющие прогрессивных изменений в сфере инноваций: во-первых, это инновационное поведение функционирующих в рыночных условиях организаций и предприятий; во-вторых, это полномасштабное задействование в практике хозяйствования инструментария инновационной политики, как одной из форм экономической политики государства. Для обеих названных компонентов принципиальным, значимым аспектом является обоснование выбора приоритетных направлений для инвестиций в новации, что становится возможным посредством активизации проведения маркетинговых исследований.

Развитие маркетинговой деятельности в образовательной сфере наиболее актуально применительно к высшему образованию. Это обусловлено тем, что в нашей стране общедоступное и бесплатное дошкольное, начальное общее, основное общее и среднее общее образование является гарантией государства. Именно поэтому достаточно сложно говорить о конкуренции и маркетинге среди средних школ. В высшей школе существует высокая конкуренция, соперничество вузов и факультетов, – самостоятельно разрабатывающих образовательные программы для бакалавриата и магистратуры по различным направлениям и профилям подготовки, – за абитуриентов, обладающих правом выбора.

Одним из существенных недостатков, препятствующих внедрению инновационной составляющей в учебный процесс, является довольно низкая инвестиционная привлекательность современной высшей школы, вследствие которой наблюдается недостаточный для совершенствования учебного процесса приток инвестиций, что приводит к падению конкурентоспособности российского высшего образования на мировом рынке и создаёт препятствия для притока в страну потенциальных абитуриентов из сопредельных государств и развития образовательной иммиграции. В этой связи политика, отражающая инновационную направленность в развитии образовательной деятельности, должна учитывать целевые установки, соответствующие выбранным критериям оценки процесса обучения. В первую очередь, это относится к упорядочению законодательных основ и инструментов финансовой поддержки востребованных на рынке труда направлений подготовки обучающихся, то есть к совершенствованию нормативной правовой базы инноваций. Принят Федеральный закон «Об инновационном центре Сколково», разработан проект Федерального закона «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», внесены изменения в Налоговый и Гражданский кодексы по вопросам регулирования инноваций в сфере науки и образования. Однако, возможности для нормативно-правового улучшения экономических основ образовательной деятельности объективно сохраняются.

Интеграция науки, образования и рынка труда, обеспечение конкурентоспособности и устойчивого развития национальной инновационной системы страны на практике реализуются посредством развития научно-образовательных структур как передовых центров науки, создания инноваций в процессе подготовки высококвалифицированных специалистов, функционирования современного мобильного международного рынка вузовских преподавателей и исследователей. Можно выделить три уровня интеграция науки и образования: уровень вуза; уровень министерства как субъекта бюджетного планирования; уровень Российской Федерации. В целом, внедрение инноваций в образовательную сферу основано на тесной взаимосвязи науки и образования.

Вхождение России в мировое образовательное пространство связывают с Болонским процессом, который предполагает обширное поле деятельности для международного сотрудничества, в том числе – интеграцию национальных информационных пространств в единое мировое информационное пространство; глобализацию в финансово-экономической сфере, а также регио-

нальную экономическую и социальную интеграцию. Особо важным представляется процесс интернационализации образования. Он подразумевает взаимный миграционный обмен не только студентами, но преподавателями, научными кадрами, способствует обмену опытом и повышению конкурентоспособности страны на мировом рынке. Формирование в России обширного рынка образовательных услуг и продуктов поставило перед их производителями и поставщиками задачу разработки нового, научно-обоснованного методологического подхода, направленного на совершенствование управления образованием. В условиях высокой конкуренции все образовательные учреждения, в том числе и вузы, нуждаются в активном, целенаправленном внедрении маркетинговых мероприятий в свою деятельность.

Современный период характеризуется закономерным возрастанием роли маркетинга в образовательной сфере. Это обусловлено, во-первых, особым значением образования в развитии современной экономики, поскольку распространение инноваций тесно связано с общим уровнем образованности населения и, следовательно, маркетинг способствует распространению новых идей в образовании; во-вторых, развитием образовательной сферы в целом и каждого учреждения в отдельности, поскольку расширение ассортимента образовательных услуг и продуктов, повышение их качества и доступности повышают уровень жизни населения и, таким образом, развитие системы образования напрямую зависит от применяемых инструментов маркетинга; в-третьих, финансированием образовательных учреждений за счет бюджетных и внебюджетных источников, в том числе средств, получаемых путем взимания платы за образовательные услуги, и в этой связи ограниченные возможности привлечения бюджетных ресурсов в условиях кризисного состояния современной российской экономики, определяют развитие как маркетинга платных образовательных услуг, так и маркетинга, направленного на повышение инвестиционной привлекательности.

В современной научной литературе выделяются два основных формата маркетинга образования: маркетинг, направленный непосредственно на образовательную услугу, когда деятельность учебного заведения нацелена на создание новых образовательных продуктов или усовершенствование уже существующих; маркетинг, ориентированный на потребителя, при котором деятельность образовательного учреждения нацелена на удовлетворение потребностей, исходящих от рынка и обуславливает изучение и завоевание новых рыночных «ниш» [4, С.55-65].

Инновационный маркетинг рассматривается в научной литературе как одна из прогрессивных экономических концепций, согласно которой организация должна непрерывно совершенствовать продукты и методы маркетинга. Использование синтетических маркетинговых процедур и комплексного подхода к обобщению полученных результатов, позволяет сформировать систему мероприятий по привлечению инвестиций и применению инноваций в сфере образования и науки, а также выделить следующие направления маркетинговой деятельности, которые способствуют повышению инвестиционной привлекательности организаций профессионального образования.

1. Модернизация образовательных программ. Система образования призвана отслеживать прогрессивные изменения, которые происходят в условиях глобализации. Образовательные программы должны быть гибкими и отвечать запросам социально ориентированного рыночного хозяйства, задачам интеграции вузов в национальную экономику (с учётом особенностей регионов – субъектов РФ) [3, С. 409].

2. Развитие современной материально-технической базы. Наличие материального, технического и технологического обеспечения, включая современное оборудование, приборы и материалы, совершенствование инфраструктуры функционирования научных организаций необходимо для поддержания и развития вещественной базы фундаментальной и прикладной науки.

3. Формирование инновационных площадок. Создание бизнес-инкубаторов, технопарков, наукоградов является одним из важнейших инструментов повышения привлекательности образовательных организаций для абитуриентов, инвесторов и работодателей. Подобные инновационные площадки позволяют студентам не только овладевать знаниями и заниматься наукой, но и получать практические навыки принятия решений, развития собственного дела, а также нести полную ответственность за реализуемые проекты. Такой подход приемлем также для сотрудничества с выпускниками вуза, а также для преподавателей-практиков. Помимо этого, инновационные площадки создают репутацию вуза у предпринимателей.

4. Развитие взаимодействия с бизнес-сообществом. Совместная деятельность образовательных организаций и бизнеса реализуется посредством сотрудничества по программам стажировок, а также организации специальных тематических курсов, проводимых различными компаниями и корпорациями в университетах. Это позволяет студентам получать практические навыки, укреплять свои фундаментальные знания. У работодателей расширяются возможности для участия в подготовке и подборе квалифицированных кадров.

5. Международное сотрудничество. Здесь подразумевается взаимодействие с различными зарубежными университетами по программам обмена студентами, обмена опытом преподавания и проведения научных исследований; практикуется организация международных научно-практических конференций.

В свете изложенного можно рекомендовать рассмотрение вопросов финансового обеспечения инноваций в контексте разработки новых механизмов и подходов к финансированию общего и профессионального образования. С одной стороны, возможности образовательной деятельности по формированию фонда финансовой поддержки образовательных новаций напрямую зависят от эффективности применения организационных и экономических новшеств. С другой стороны, необходимо принимать во внимание рекомендуемые наукой и практикой, приемлемые для эффективного осуществления инновационной деятельности, финансовые инструменты и актуальные источники финансирования (например, венчурный капитал), и объективно оценивать возможности их практического применения.

Для повышения инвестиционной привлекательности образовательным организациям необходимо обеспечить: информационную открытость; регулярное участие в международных сопоставительных исследованиях; активный поиск и внедрение ключевых международных разработок в области технологий и содержания образования; организацию специальных подразделений (например, бизнес-инкубаторов); создание стимулов и инфраструктуры импорта и экспорта образовательных услуг; привлечение высокопрофессиональных специалистов из других стран; активизацию участия российских ученых в деятельности университетов-партнеров за рубежом.

В сфере образования привлечение инвестиций тесно связано с развитием инноваций, которые направлены на совершенствование образовательного процесса, применение новейших технологий обучения в целях повышения качества образования, повсеместного внедрения современных средств информации и коммуникации. Достижение заявленных приоритетов закономерно приведет к повышению инвестиционной привлекательности сферы российского образования.

Список литературы и источников

1. Молчанов, И.Н. Рынок труда, профессиональное образование и миграционная политика: современное триединство [Текст] /И.Н. Молчанов //Миграционные мосты в Евразии: сборник докладов и материалов II международной научно-практической конференции «Регулирование миграции – реальный путь сотрудничества между Россией и Вьетнамом в XXI веке» и IV международной научно-практической конференции «Миграционный мост между Россией и странами Центральной Азии: актуальные вопросы социально-экономического развития и безопасности» (6-7 ноября 2012 г.) /Под ред. член-корр. РАН Рязанцева С.В. – М.: Эконинформ, 2012. – С. 503-509.
2. Жильцов, Е.Н., Молчанов, И.Н. Модернизация профессионального образования в рамках приоритетного национально проекта «Образование» [Текст]/ Е.Н. Жильцов, И.Н. Молчанов //Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 10. – С. 3-16.
3. Молчанов, И.Н. Формирование и оценка потенциала сферы образования в современной России [Текст] /И.Н. Молчанов //Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 406-410.
4. Проблемы современного маркетинга в экономике России: теория и практика /Коллектив авторов: Аникина Н.А., Мидлер Е.А., Молчанов И.Н и др., монография /Ростов-на-Дону, 2014. – 193 с.

МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕАЭС В РОССИЮ: ШАНС РАЗВИТИЯ ИЛИ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ?

По оценке экспертов, Евразийский экономический союз успешно преодолел стартовую «турбулентность» [1]. Теперь предстоит повседневная, последовательная, системная работа по реализации приоритетных целей Договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) по обеспечению четырех свобод: движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. [2]. Формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов предполагает активизацию миграционных процессов в пределах нового интеграционного пространства и сегодня в значительной мере осложняется давлением санкций и ценовой неопределенностью на рынках углеводородов.

Как свидетельствуют статистические данные и данные социологических исследований, вектор миграции, связанной, как с переездом на постоянное место жительства, так и трудовой миграции, направлен и, по прогнозам экспертов, несмотря на экономические сложности, будет и в будущем направлен из всех государств-членов ЕАЭС в Россию. Начиная с посткризисного 2010 года, миграционный обмен со всеми государствами – членами ЕАЭС активизировался только у России. Те же тенденции демонстрирует миграционный прирост этих государств.

Российские эксперты фиксируют низкий потенциал пространственной мобильности россиян, выстраиваемой в рамках стратегии поэтапных урбанизационных перемещений Э. Равенстейна и логики «ступенчатой миграции». По результатам репрезентативного опроса россиян, проведенного ИСПИ РАН в ноябре 2014 года. На вопрос «Хотели бы Вы воспользоваться возможностью, предоставляемой договором между Россией, Беларусью и Казахстаном о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого обеспечивается свобода движения рабочей силы, и выехать в поисках постоянной или временной работы за пределы своего места жительства?» Выразили желание переехать в другой регион России – 14%, в республику Беларусь – 5%, в республику Казахстан – 3%. Условиям такого переезда названы (вопрос множественный): обеспечение достойной заработной платы – 58%; предоставление служебного жилья – 35%; содействие в приобретении жилья в собственность – 30%; наличие государственных программ, содействующих переезду – 21%; гарантии карьерного роста – 15% и профессиональной самореализации (работа по специальности) – 14%. Относительное большинство (30% от числа респондентов), допускающих возможность своего переезда в другой регион или республику в качестве предпочтительной, назвали заработную плату от 70 до 100 тыс. рублей.

Миграционный потенциал остальных стран оценивается национальными экспертами как более высокий

Как показывает практика, мигранты из стран ЕАЭС, чаще всего, выбирают города, обладающие наибольшими шансами на ускоренное развитие, крупные городские агломерации, где интегрируются рынки труда и капитала регионального центра, малых и средних городов, сельской местности. Это объясняется тем, что по мере приближения к центру крупной агломерации в городах растут зарплаты, цена недвижимости и инвестиционная привлекательность. Таких крупнейших агломераций в нашей стране насчитывается 12–15 – среди них Владивосток, Воронеж Краснодар, Красноярск, Нижний Новгород, Омск, Пермь, Ростов, Самара, Тольятти, Уфа. По – прежнему, в центре внимания будет Ханты-Мансийск, который стал лидером по приросту населения и является административным центром крупнейшего российского нефтегазоносного региона. [3] Заманчивыми городами для миграции, остаются Москва, Санкт-Петербург, города, расположенные вблизи крупных агломераций (города-«спутники» Москвы, «нефтяник» Губкинский, ЯНАО, чеченский город Шали, а также «спутник» Петербурга – Всеволожск, где в 2000-х годах было размещено сразу несколько крупных производств иностранных инвесторов (Ford, Nokian Tyres, Merloni), ресурсные города Томск, Новосибирск, Екатеринбург, Сургут и Альметьевск – центры нефтедобычи в ХМАО и Татарстане, Верхняя Салда – центр титанового производства в Свердловской области, а также некоторые индустриальные региональные центры (Белгород, Липецк и другие). Так, по данным Белгородстата, в 2014 году миграционный прирост населения составил 7591 человек, это на 15% больше, чем в 2013-м. Удобное географическое положение, относительно высокий уровень социально-экономического развития делают Белгород привлекательной территорией страны. Большая часть приезжих – это выходцы из стран СНГ. В прошлом году количество мигрантов из Казахстана – страны члена ЕАЭС – выросло – в 1,4 раза. [12]

Однако, заметная часть россиян – 32,0% респондентов (февраль 2015 г.), не поддерживают или скорее не поддерживают трудовую миграцию внутри Евразийского союза. Практически треть оценивает межэтнические отношения, сложившиеся в районе их проживания, между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза как напряженные или враждебные. Респонденты полагают, что привлечение значительного числа трудовых мигрантов ведет к усложнению этнокультурной и этносоциальной дисперсности, создает угрозу безопасности регионов и миграция является причиной роста преступности в стране, межнациональной напряженности. Они опасаются вытеснения местных жителей с престижных рабочих мест, роста социальной напряженности.

Отметим, что ответы на эти вопросы имеют больший негативизм среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Учитывая это, летом 2015 года было проведено дополнительное исследование в столичном мегаполисе. Как показал опрос москвичей, несмотря на то, что большинство из них имеет свою миграционную историю, они все чаще высказываются против увеличиваю-

щегося количества иностранных работников, за сохранение их низкого статуса. По сравнению с началом года выросло число тех, кто не поддерживает ни трудовую миграцию, ни переселение мигрантов из стран ЕАЭС на постоянное место жительства в Москве. Оценивая отношения в Москве к выходцам из стран- членов ЕАЭС, наибольшее число респондентов назвало дружескими, теплыми и мирными отношения между русскими и белорусами, далее – между русскими и казахами, русскими и армянами и в последнюю очередь между русскими и киргизами. И хотя, относительное большинство полагает, что мигрантам необходимо помогать, признавая их этническую самобытность, мнения о том вырос или снизился уровень толерантности населения Москвы к людям другой этнической группы разделились примерно поровну.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопросы (в % от опрошенных)

	Всего	Москва	Санкт-Петербург
Поддерживаете ли Вы трудовую миграцию в рамках ЕАЭС?			
Да + Скорее Да	53%	50%	33%
Нет + Скорее Нет	32%	43%	46%
Затрудняюсь ответить	14%	7%	21%
Как Вы можете охарактеризовать межэтнические отношения, сложившиеся в районе Вашего постоянного проживания, между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза?			
Дружеские + Мирные	61%	46%	44%
Напряженные + враждебные	29%	47%	45%
Затрудняюсь ответить	10%	7%	11%

Москвичи ориентированы на односторонность аккультурации, ожидают «подстраивания» мигрантов к культуре принимающего мегаполиса. При этом далеко не всегда в этих рассуждениях делается акцент на этничности. Речь идет о несовпадении норм поведения старых и новых москвичей, их желании навязать мигрантам свои социокультурные практики, включая ношение одежды, использование слэнга, питание, организацию досуга, нравственные нормы. Отклонения от нормативного поведения воспринимаются как угроза личной безопасности, становятся маркером деления людей на своих и чужих.

Безусловно, формирование единого рынка труда ЕАЭС открывает для человека возможность на более широком профессиональном пространстве найти работу, создает условия для профессиональной самореализации, обеспечения достойного уровня жизни в соответствии с его квалификацией и притязаниями; обеспечивает гарантии более благоприятных условий труда, больший доступ к медицинскому и социальному обслуживанию; упрочивает позиции работника на рынке труда. Некоторые выгоды свобода перемещения рабочей силы в ЕАЭС может принести и работодателям. Например, увеличение гибкости рынка труда; возможность более оптимально управлять трудовыми ресурсами; снижение производственных издержек.

Для государства и принимающего общества, преимущества этого положения договора могут быть связаны с увеличением возможностей рынка труда; более эффективным удовлетворением спроса на рабочую силу; выводом из тени трудовой миграции за счет легализации временных трудовых мигрантов, занятых в неформальном секторе; с возможностью за счет регулирования уровня оплаты труда наращивать потенциал там, где будет особенно нужно; с более эффективным распределением рабочей силы в регионе; обеспечением прозрачности трудовых отношений; ростом доходов в бюджет за счет повышения сбора налогов; легализации миграции, что поможет разгрузить пенсионные и медицинские фонды; с возможностью контроля условий труда, соблюдения технологических стандартов и повышения качества производимых товаров; с более эффективным решением демографических проблем в принимающем регионе (приток молодых на рынок труда будет способствовать улучшению возрастной структуры населения принимающего общества).

Но есть риски, возможны негативные последствия. При всей общности исторических корней, население стран – членов ЕАЭС обладает значительными особенностями в культуре, повседневных практиках, менталите. Перемещение мигрантов в пределах нового интеграционного сообщества связано с преодолением ими состояния культурного шока, восстановлением разрушенных устойчивых бессознательных сценариев поведения и реагирования, формированием новой идентичности, приемлемой как них, так и принимающего общества. Риски принимающего общества могут быть связаны с ростом спроса на рабочие места; увеличением конкуренции рабочей силы в отдельных регионах; появлением социальной напряженности в борьбе за рабочие места в наиболее благоприятных (с позиции оплаты труда) регионах; увеличением социальной нагрузки на бюджеты принимающих регионов; ростом ксенофобии, этнокультурных противоречий, межэтнических противостояний; националистических проявлений; правонарушений; с усилением давления на власть противников либерализации миграционных процессов и противников интеграционных процессов.

Учитывая социально-экономическую и политическую значимость евразийского проекта необходимо не допустить перерастание рисков в угрозы. Для этого на уровне ЕЭК и Правительства России представляется важной гармонизация законодательств по проблемам иммиграции, вопросам занятости, социальной защиты государств-членов союза. Координация действий в этих направлениях обуславливается тем, что границы между государствами-членами евразийского союза перестают эффективно выполнять роль барьера проникновению нелегальных мигрантов, преступных элементов, наркотиков, а также необходимостью создания условий для социально-политической стабильности в странах – членах ЕАЭС, соблюдения прав человека, формирования сплоченности, солидарности, основанной на принципах социальной справедливости, обеспечения и социальной ориентации конкурентоспособной экономики, построения единого социального пространства, обеспечения равных прав на: трудоустройство; оплату труда; социальную защиту; других

социально-правовых гарантий всем участникам этого процесса, эффективно-го решения целого комплекса реальных социальных проблем.

Необходимо создание системы информирования населения, формирования позитивного мнения вокруг идеи интеграции, этнокомплементарных отношений в российском социуме, поскольку от этого также зависит социально-экономическое развитие ЕАЭС и России в частности. Очень важно, чтобы «евразийство» стало не только идеей элит, но и идеей общества. Конечно, это достигается не общей риторикой о значимости интеграции, а доверием к власти, социальными гарантиями. Люди должны быть уверены, что их интересы в процессе интеграции будут соблюдены. Необходима единая для всех стран программа медийной поддержки проекта, которая может включать информацию о преимуществах интеграции для людей, подкрепленную реальными действиями; позитивную информацию о соседях по союзу, на основе использования современных методов и инструментов информационного продвижения идей: социальных сетей, экспертного сообщества, образования и т.п. Учитывая новые возможности движения рабочей силы в ЕАЭС важно в рамках социальной политики провести дополнительные мероприятия с целью улучшения знания языка, необходимо усилить внимание к билингвальной языковой подготовке

На региональном уровне предстоит решать задачи развития социальной инфраструктуры: системы арендного жилья, доступных социальных услуг, сети детских садов, развивать механизмы саморегулирования в области трудовой миграции.

Список литературы и источников

1. Второй рейтинг событий, влияющий на становление евразийского пространства [Электронный ресурс]. <http://www.mkrmedia.ru/news/view/1363.html>
2. Договор о Евразийском экономическом союзе" (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) (29 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264
3. Исследование РБК: как вымирают российские города [Электронный ресурс]. <http://daily.rbc.ru/special/society/22/01/2015/54c0fc9a7947a8f1dc4a7f>
4. Миграционный прирост населения Белгородской области. Официальная статистика [Электронный ресурс]. http://belg.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/belg/ru/statistics/population/ php

Письменная Е.Е.
(Москва, Россия)
Рязанцев С.В.
(Москва, Россия)
Скоробогатова В.И.
(Москва, Россия)

ИНОСТРАННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ И ИХ ДОСТУП НА РЫНОК ТРУДА

Образовательная миграция является одним из самых желательных миграционных потоков для Российской Федерации. Она имеет несколько положительных социально-экономических последствий: пополняет численность трудоспособного населения, “омолаживает” возрастную структуру населения, увеличивает численность высококвалифицированных специалистов, стимулирует культурный обмен и развитие системы образования. На протяжении последних лет приток иностранных образовательных мигрантов в Российскую Федерацию стабильно увеличивался. Данный поток включает иностранных студентов, аспирантов, докторантов, стажеров, приезжающих на обучение и прохождение стажировок в Российскую Федерацию. Согласно официальным данным Министерства образования и науки России, которые основаны на отчетности университетов в 2010-2011 учебном году в стране обучались около 119 тысяч иностранных студентов, аспирантов, докторантов, стажеров. На протяжении 2000-2010-х годов отмечался постоянный рост численности иностранных образовательных мигрантов в Российскую Федерацию (рис. 1).

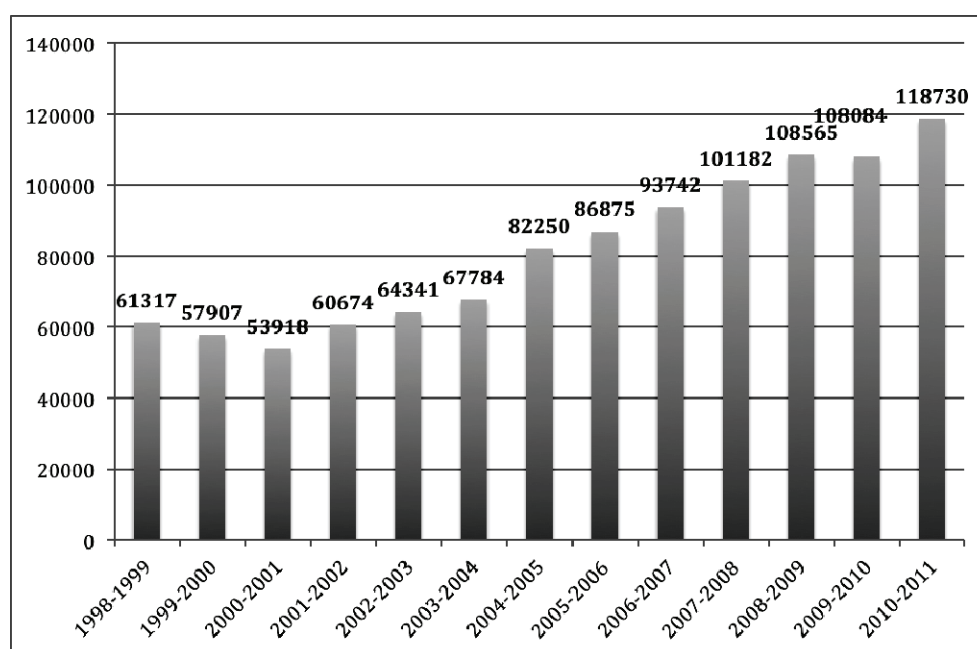


**Рис. 1. Динамика численности иностранных студентов
в Российской Федерации в 1998-2011 гг. (1, с. 76)**

Основными странами, обеспечивающими Российскую Федерацию образовательными мигрантами являются Казахстан (16,6 тысяч), Китай (16,5 тысяч), Туркменистан (5,3 тысячи), Украина (4,9 тысячи), Индия (4,5 тысячи), Беларусь и Азербайджан (по 4,2 тысячи), Вьетнам и Таджикистан (по 3,6 тысячи человек) (рис. 2). Около 40% иностранных образовательных мигрантов в Российской Федерации – граждане стран бывшего СССР. Однако, исследования показывают, что в последнее время поток учебных мигрантов из стран СНГ постепенно переориентируется на другие государства, которым Россия проигрывает в конкурентной борьбе на рынке образовательных услуг (2, с. 5).

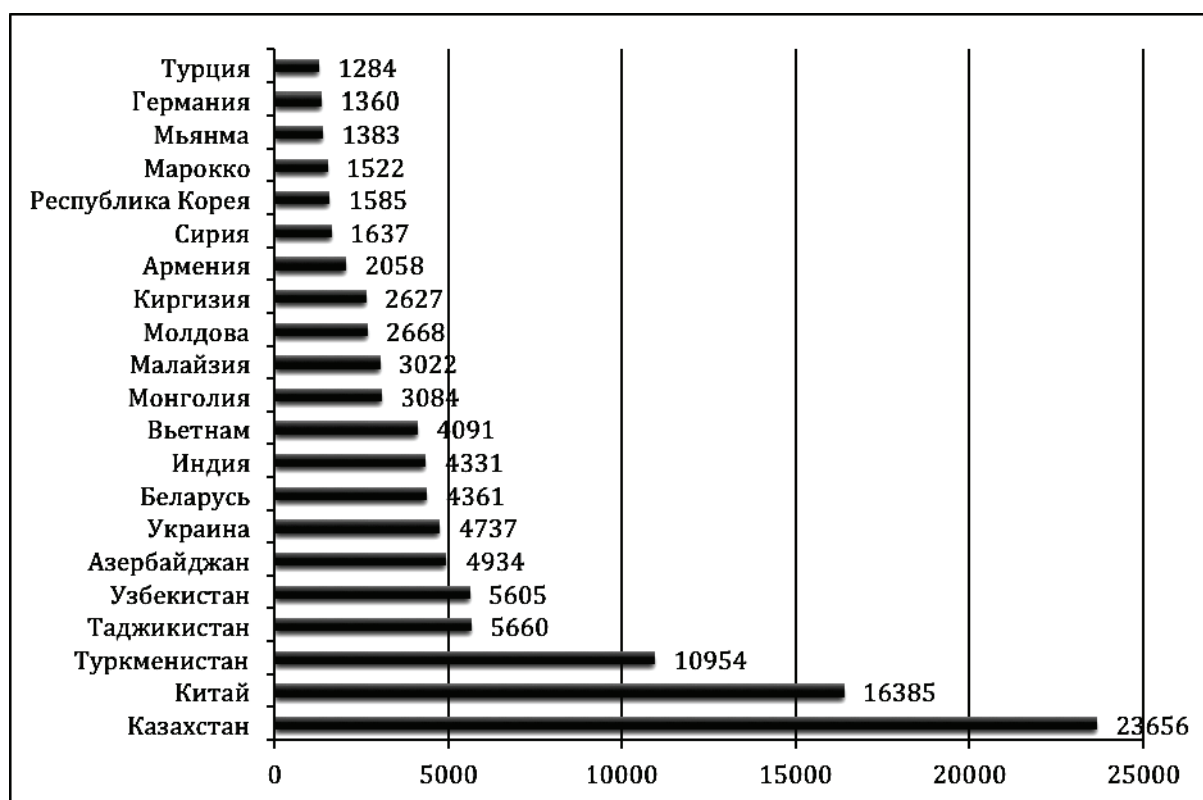


Рис. 2. Количество образовательных мигрантов в Российской Федерации по странам происхождения в 2012-2013 учебном году, человек (Данные Минобрнауки РФ)

В настоящее время иностранные образовательные мигранты обучаются более чем в 600 российских вузах и распределяются неравномерно по территории страны. Около 49% иностраннных мигрантов обучается в Центральном федеральном округе, 17% – в Северо-Западном, 12% – в Сибирском, 8% – в Приволжском, 6% – в Южном федеральном округах (рис. 3).

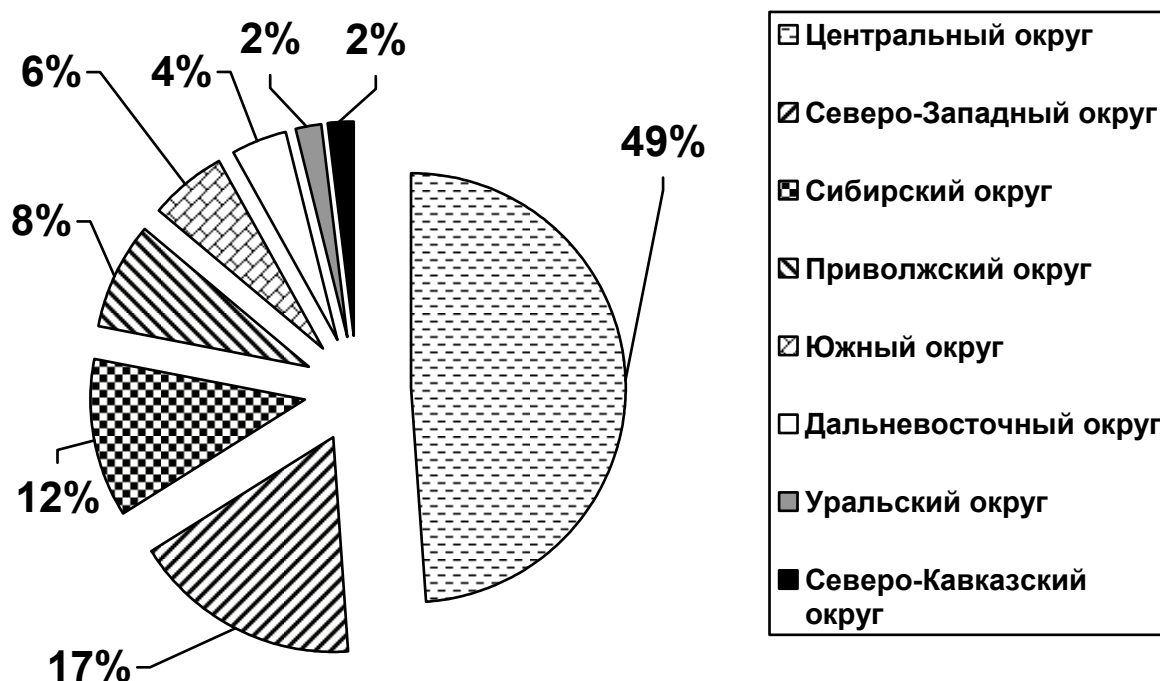


Рис. 3. Распределение иностранных студентов по федеральным округам Российской Федерации в 2010-2011 годах, % (1, с. 23)

Неравномерность территориального распределения иностранных образовательных мигрантов обусловлена несколькими факторами. Во-первых, **“столичность” положения городов**. Большинство иностранных студентов (более 58%) обучаются в Москве и Санкт-Петербурге, а также в столицах республик, областных и краевых центрах России. Например, около 54% студентов из Узбекистана обучались в Москве и Санкт-Петербурге. Также значительные контингенты узбекских студентов учились в Томске, Новосибирске и Самаре. Около 77% студентов из Украины, получающих образование в России, обучается в Центральной России, включая Москву.² Во-вторых, **численность населения городов**. Чем больше численность населения города, тем больше численность обучающихся в них иностранных студентов и аспирантов. В списке 30 российских городов с максимальной численностью иностранных учебных мигрантов находится 12 городов-“миллионеров”, 10 городов с численностью населения от 500 тысяч до 1 миллиона человек, 7 городов с численностью населения от 300 до 500 тысяч человек. Например, Москва, как крупнейший город страны, аккумулирует более 42% иностранных студентов и аспирантов.³ В-третьих, **приграничность положения регионов**, принимающих иностранных студентов и аспирантов. Например,

² Арефьев А.Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. – М.: Центр социального прогнозирования, 2007. – С. 67.

³ Письменная Е.Е. Социальные эффекты учебной миграции и политика в сфере привлечения иностранных студентов в России и за рубежом. – М.: Изд-во «Экономическое образование», 2009. – С. 45.

16 городов с максимальной численностью иностранных студентов, располагаются в приграничных регионах. Так, более половины студентов из Казахстана обучаются в вузах Сибири и Урала (56%), в то время как в Москве и Санкт-Петербурге учатся всего около 30% студентов из Казахстана (4, с. 85). Например, большинство казахстанских студентов в вузах Новосибирской, Омской и Челябинской областей приехали из приграничных регионов северовосточного Казахстана (Актюбинской, Кокчетавской, Кустанайской, Павлодарской, Петропавловской, Карагандинской и других областей). В-четвертых, **наличие учебных заведений специального профиля, устойчивая репутация этих учебных заведений и особые формы набора.** В-пятых, повышенная численность иностранных студентов в некоторых городах и регионах объясняется **специализацией отдельных вузов в преподавании русского языка на подготовительных отделениях.** Например, в Томске, Белгороде, Краснодаре, Москве, Санкт-Петербурге, некоторые вузы специализируются на подготовке иностранных студентов для обучения в России. Например, в Санкт-Петербургском государственном университете слушатели подготовительного отделения составляют 46% всего контингента иностранных студентов этого университета (4, с. 34).

Долгое время неразрешенной проблемой была невозможность легального трудоустройства иностранных образовательных мигрантов в Российской Федерации. Российское миграционное и трудовое право достаточно жестко регламентировало данный вопрос. Трудоустройство было возможно только внутри университетов, в которых учились студенты и аспиранты. За пределами университетов работать официально иностранные образовательные мигранты не имели права. Однако, как показывали социологические исследования около трети иностранных студентов и примерно половина аспирантов делали это неофициально, на основе устной договоренности с работодателями, что существенно понижает степень их социальной защищенности (рис. 4). Спектр отраслей трудоустройства иностранных студентов в России достаточно широк. Однако, в большинстве случаев, их работа не совпадает с будущей профессией.

Трудовая мотивация иностранных студентов обусловлена низким уровнем стипендий, ограниченными возможностями обучения на бюджетной основе, высокими затратами на продукты питания и жизнь в крупных российских городах. Работая, многие молодые люди, пытаются получить хотя бы относительную независимость от родителей и средства на собственные “карманные” расходы. Кроме того, часть студентов, таким образом, обеспечивает себе поиски будущего рабочего места, считая, что лучше попробовать раньше разные профессии и сферы, чтобы после окончания университета остановиться на конкретном, наиболее подходящем для них виде деятельности. Доля работающих иностранных учебных мигрантов повышается к старшим курсам и достигает своего максимума в аспирантуре. Уровень заработной платы иностранных студентов невысокий, поскольку занятость многих из них частичная, они трудятся неполный рабочий день. Согласно исследованиям 2009 года размер заработной платы большинства иностранных студентов

составлял от 10 до 25 тысяч рублей в месяц. В регионах уровень заработной платы иностранных студентов составляет от 7 до 12 тысяч рублей. Многие сознательно идут на компромисс между частичной занятостью и относительно невысокой оплатой труда для того, чтобы совмещать работу с учебой. Небольшому числу студентов удастся найти работу по профилю своей профессии (2, с. 35).

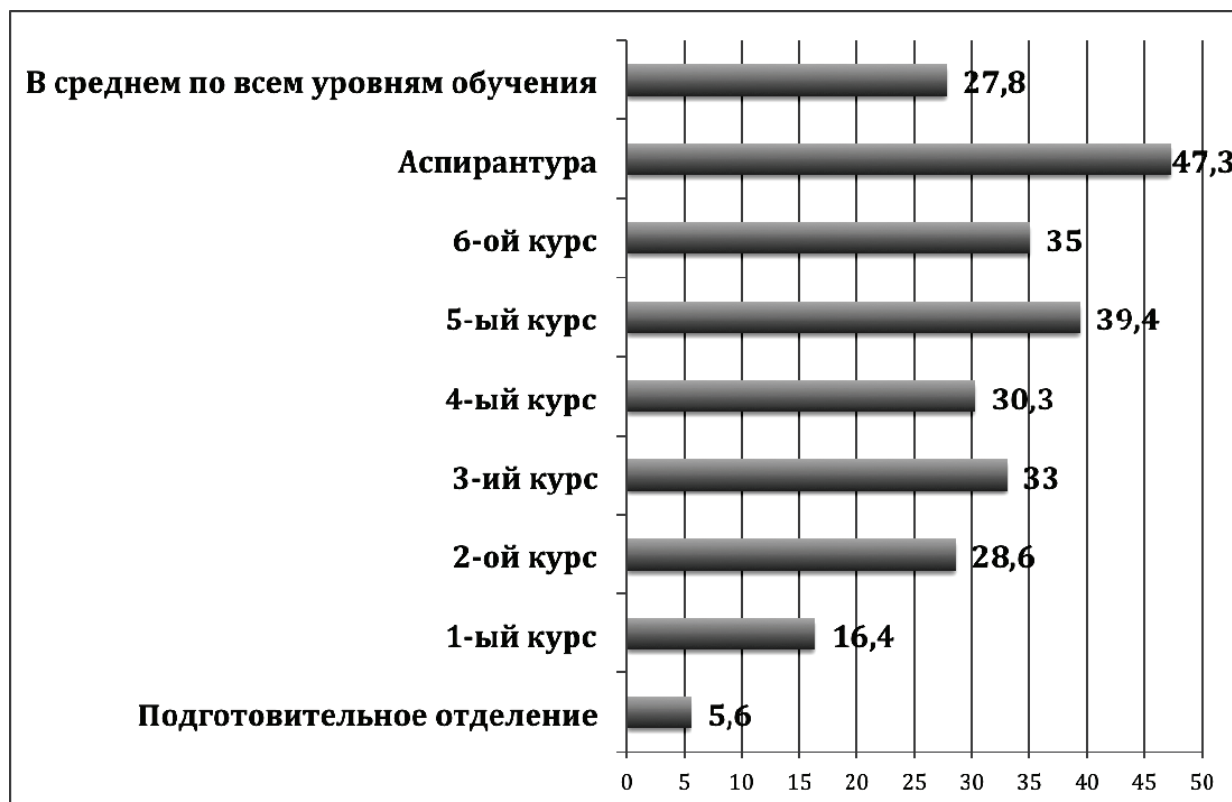


Рис. 4. Доля иностранных студентов, работавших в Российской Федерации во время обучения, % опрошенных (результаты социологического опроса) (2, с. 35)

Многие компании, фирмы и организации, готовые принять иностранных образовательных мигрантов, не могли оформить с ними трудовые отношения официально. Эта проблема существовала также в период студенческой практики. На старших курсах многие студенты самостоятельно ищут места для прохождения практики, которые потенциально могли бы стать местом их постоянной работы. Некоторые компании и организации готовы принять студентов старших курсов на время практики на оплачиваемую работу, но российским законодательством, такая возможность долгое время не предусматривалась. Между тем, исследования показывают, что многие студенты могли бы и желали бы работать в Российской Федерации. В отношении возможности доступа на рынок труда иностранных образовательных мигрантов в России сложились противоречия между желанием работодателей и мигрантов с одной стороны, и миграционным и трудовым законодательством с другой стороны.

Хотя со стороны экспертов неоднократно высказывались предложения о либерализации российского законодательства в отношении трудоустройства иностранных студентов. До 2014 г. в соответствии с законом “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”, иностранные студенты, обучающиеся в российских вузах, были освобождены от получения для них разрешения на работу только в двух случаях: если они работали в течение каникул или в свободное от учебы время в вузах, в которых они обучались. Во всех остальных случаях иностранные студенты должны были получать разрешения на работу в рамках стандартной процедуры в течение трех-четырех месяцев, при условии наличия квоты у предприятия-работодателя. Учитывая, что в России система квотирования крайне несовершенна, многие иностранные студенты не имели возможности получить разрешение на работу, а, следовательно, были лишены возможности легально работать. Ограниченный доступ иностранных образовательных мигрантов на российский рынок труда приводил к следующим негативным последствиям. Во-первых, это вносило свой вклад в консервацию неформальных практик и теневых отношений в российской экономике. Во-вторых, многие иностранные студенты были лишены возможности заработать дополнительные средства на обучение и жизнь, применить свои знания на практике во время учебы в университете. В-третьих, неформально работающие иностранные студенты воспринимали свою работу как временную, не связывая с ней особых перспектив. Компании, не могли оформлять иностранных студентов, и в итоге получали хотя и дешевых, но временных и, в конечном итоге, неэффективных работников.

С 1 января 2014 г. вступили в силу поправки в закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” (статья 13.4 закона), которые существенно упростили труд иностранных студентов в России в упрощенном режиме. Теперь иностранный студент, обучающийся по очной форме в российском вузе, может самостоятельно обратиться в органы ФМС за получением ему разрешения на работу. Для этого необходимо предоставить следующие документы: заявление, миграционную карту, трудовой договор, справку из вуза, где он проходит обучение, а также квитанцию об уплате госпошлины. Квота в отношении таких работников не распространяется. Кроме того, работодателю не требуется и получение разрешения на привлечение иностранной рабочей силы. В случае подобного обращения в органы ФМС, иностранный студент уже через десять рабочих дней должен получить разрешение на работу сроком до одного года. На практике такие изменения могут способствовать существенной активизации найма на работу студентов, а также оперативному привлечению к работе практикантов на более длительные сроки (конечно, если практиканты зачислены в российский вуз). Эти изменения, безусловно, можно считать положительными как для миграционной политики России, так и для положения иностранных студентов.

Если рассматривать образовательную миграцию в контексте государственной миграционной политики Российской Федерации, то можно выделить два явных противоречия. С одной стороны, во многих государственных документах декларирована важность привлечения иностранных студентов в

страну. Например, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период 2025 года (утверждена Указом Президента от 13 июня 2012 года) было декларировано, что *“слабо используется миграционный потенциал российской системы образования. Образовательная (учебная) миграция – источник квалифицированных и интегрированных в стране иностранных граждан”* (пункт 16, раздел III). В Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года (была принята в 2007 году), отмечается: *“Необходимость привлечения квалифицированных иностранных специалистов, в том числе выпускников российских высших учебных заведений, на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, молодежи из иностранных государств для обучения и стажировки в Россию с возможным предоставлением преимуществ в получении российского гражданства по окончании учебы”*. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года (была принята в 2008 году) в качестве прочих целевых ориентиров прописано: *“Необходимость увеличения доли иностранных студентов, обучающихся в России, до 5% общего числа студентов, создание условий для подготовки в образовательных учреждениях, обучающихся из государств – участников СНГ”*.

С другой стороны, к сожалению, идея привлечения учебных мигрантов пока не получила практического развития в государственных документах и практике регулирования трудовых отношений. Например, была изначально четко прописана в Государственной программе стимулирования переселения в России соотечественников. Только в новой программе с 2013 года и на уровне согласования региональных программ содействия переселению данный аспект был усилен, но он снова входил в противоречие с ситуацией невозможности работы иностранных студентов в России за пределами своих образовательных учреждений. Хотя российские вузы самостоятельно пытаются выходить на образовательные рынки зарубежных стран, в России отсутствует единая государственная политика привлечения иностранных студентов. Зачастую шаги вузов разобщены, часто они конкурируют между собой или сталкиваются с активной конкуренцией вузов из других стран. Кроме того, отсутствует инфраструктура государственной поддержки образовательной миграции: русский язык не продвигается за рубежом, нет государственных программ стажировок и обменов студентами, аспирантами, преподавателями и учеными, не финансируются научно-образовательные проекты, нет политики формирования контингентов абитуриентов за границей. К сожалению, пока привлечение иностранных образовательных мигрантов не стало реально работающим направлением государственной миграционной политики России, скорее оно носит декларативный и инерционный характер.

Список литературы и источников

1. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 9/ Авторы-составители А.Л. Арефьев, Ф.Э.Шереги. – М.: Министерство образования и науки РФ, РУДН, 2012.

2. Письменная Е.Е. Социальные эффекты учебной миграции и политика в сфере привлечения иностранных студентов в России и за рубежом. – М.: Изд-во «Экономическое образование», 2009.

3. Арефьев А.Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. – М.: Центр социального прогнозирования, 2007.

4. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник/ Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: ЦСП, 2007.

Рязанцев С.В.
(Москва, Россия)

ОЦЕНКИ ВКЛАДА ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(Исследование проведено при поддержке проекта ЭСКАТО
и гранта РФФИ № 15-36-50204 мол_нр)

Трудовая миграция для Российской Федерации имеет существенные экономические последствия. Благодаря трудящимся-мигрантам развиваются такие отрасли экономики как строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера обслуживания, сельское хозяйство, транспорт и др. Несмотря на значительную роль трудовых мигрантов для российской экономики, точные оценки их экономического вклада отсутствуют. В 2008 году директор Федеральной миграционной службы России К.О.Ромодановский впервые публично отметил, что трудом рабочих-мигрантов создается от 6% до 8% ВВП России.⁴ Методика данных расчетов не была озвучена, но цифра стала активно “циркулировать” в российских средствах массовой информации и политическом дискурсе.

В исследовании использовались два метода оценок вклада трудовых мигрантов в экономику России. ***Первый метод – оценка экономических последствий трудовой миграции через занятость и ВВП.*** На основе методики, предложенной в 2007 году американским ученым Ф.Мартиним из Университета Калифорнии – Дэвис для оценки вклада трудовых мигрантов в экономику страны (на примере Таиланда),⁵ мы произвели расчеты для экономики Российской Федерации. Согласно расчетам в 2010 году трудящиеся-мигранты в России произвели ВВП на сумму около 3 триллионов рублей. Наиболее весомым вклад трудящихся-мигрантов был в следующих отраслях российской экономики: в строительстве – 946,7, в торговле и бытовом обслуживании –

⁴ Ромодановский К.О. Дорогу в будущее мостить делами: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=26698 [Дата обращения: 1 декабря 2014 г.]

⁵ Martin P., The Economic Contribution of Migrant Workers to Thailand: Towards Policy Development, Bangkok, ILO, 2007, P. 9.

432,9, в промышленности – 435,2, в домашней экономике – 304,1, в сельском хозяйстве – на 148,3, в промышленности – на 131,5 миллионов рублей.

Вклад трудящихся-мигрантов в экономику Российской Федерации весьма значителен. Даже если принять во внимание тот факт, что потери российского бюджета от неуплаты налогов составляют не менее 200 миллиардов рублей, то по нашим расчетам “чистая прибыль” российской экономики от деятельности трудящихся-мигрантов в 2010 году составила не менее 2714,1 миллиардов рублей. Таким образом, издержки недокументированной трудовой миграции на порядок ниже положительных социально-экономических эффектов, которые приносит документированная трудовая миграция Российской Федерации.

Второй метод – оценка экономических последствий трудовой миграции через потребление. Трудовые мигранты являются не только производителями, но и потребителями товаров и услуг в экономике принимающей страны. Трудящиеся-мигранты, зарабатывая деньги в Российской Федерации, большую часть средств тратят в стране пребывания на текущее потребление и меньшую часть средств переводят на родину. Данное соотношение также оказывает существенное влияние на экономику Российской Федерации. Эксперты свидетельствуют о том, что стоимостью товаров и услуг, производимых трудовыми мигрантами в России, многократно превосходит сумму получаемой ими заработной платы и сумму пересылаемых или перевозимых ими на родину сбережений (денежных переводов).⁶ Значительная роль трудовых мигрантов в российском потреблении также была признана и официальными властями Российской Федерации. В частности, в 2010 году директор ФМС России К.О. Ромодановский заявил: “На каждый заработанный гастарбайтером доллар в бюджет России поступает до 6 долларов”.⁷

Официальным источником информации могут служить данные о личных переводах, которые собирает Центральный банк России. Информационной базой для формирования статистических данных служат отчеты о трансграничных операциях физических лиц, поступающие от систем денежных переводов и банков. Учитывая, что страны СНГ являются основными поставщиками трудящихся-мигрантов в Россию, основной поток личных переводов направляется в эти страны. В 2013 году максимальные объемы личных переводов были направлены трудовыми мигрантами из России в Узбекистан – 7,9, Украину – 4,1 и Таджикистан – 3,9 миллиардов долларов США. Личные переводы включают две основные части: 1) чистую оплату труда; 2) личные трансферты. **Чистая оплата труда** представляет собой часть заработка членов семьи за рубежом, которую они передают домашнему хозяйству на территорию своей экономики (то есть является переводом между резидентами одной экономики). Она равна разнице между оплатой труда, по-

⁶ Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. Роль международной трудовой миграции для экономического развития России: Научно-исследовательский отчет КАРИМ-Восток RR 2012/28. – Флоренция: Центр миграционной политики, 2012. – С. 21.

⁷ Ромодановский К.О. Эксперт Online (<http://www.expert.ru/news/2007/07/10/migranti/>)

лученной работниками от временного трудоустройства за границей, и их расходами, понесенными в стране пребывания: проживание, питание, уплата налогов, а также затраты на покупку обратного билета. Опросы рабочих-мигрантов в России показывают, что они вынуждены сильно экономить, прежде всего, на питании, для того, чтобы послать деньги домой. Они питаются по минимуму, покупают самые дешевые продукты (хлеб, молоко, макароны, рис и т.д.), очень редко покупают мясо, фрукты и овощи, готовят сами, часто питаются вскладчину на несколько человек, практически не тратятся на развлечения, не покупают одежду и обувь.⁸ По официальным оценкам чистая оплата труда трудящихся-мигрантов в Российской Федерации после уплаты налогов и расходов на поездку составила в 2013 году 10,5 миллиардов долларов США. Если предположить, что доля затрат трудовых мигрантов на текущее потребление в России составляет 15% от чистой заработной платы, то доходы российской экономики в этом случае равнялись 8,9 миллиардов долларов США. В случае же если расходы составляли половину чистой заработной платы, то доходы российской экономики могли составить не менее 5,2 миллиардов долларов США.

Личные трансферты включают как безвозмездные перечисления от домашних хозяйств за границей в пользу домашних хозяйств, находящихся на территории отчитывающейся страны, так и аналогичные трансферты от домашних хозяйств-резидентов – за границу. Этот компонент личных переводов представлен операциями между домашними хозяйствами-резидентами и домашними хозяйствами-нерезидентами. В 2013 году объем личных трансфертов трудовых мигрантов в Российской Федерации составил 19,8 миллиардов долларов США.

По данным Центрального банка России денежные переводы через системы денежных переводов (Anelik, BLIZKO, Coinstar Money Transfer, Contact, InterExpress, Migom, MoneyGram, PrivatMoney, UNIStream, Western Union, АзияЭкспресс, АЛЛЮР, Колибри, Быстрая Почта, Золотая Корона, ЛИДЕР, Почта России, Faster, Caspian Money Transfer) в 2013 году составили 40% совокупного объема переводов физических лиц за рубеж. Оборот денежных переводов через системы денежных переводов в 2013 году достиг максимума за весь период наблюдений – 27,6 миллиардов долларов США. В страны СНГ из России было переведено 20,8 миллиардов долларов США (88% от совокупного объема исходящих денежных переводов через системы денежных переводов).⁹ Основными странами – реципиентами являлись Узбекистан (28%), Таджикистан (18%), Украина (13%), Киргизия (9%) и Армения (7%).

⁸ Рязанцев С.В. Работники из стран Центральной Азии в жилищно-коммунальном секторе Москвы (рабочий доклад). Рабочий доклад, МОТ: Субрегиональное бюро для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – М.: МОТ, 2010 – С. 12 (www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/projects/migration.htm)

⁹ Данные Центрального банка России (http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=CrossBorder/Rem_countries_11.htm&pid=svs&sid=TGO_sp_post) [Дата обращения: 25 января 2015 г.]

В настоящее время трудовая миграция из стран Центральной Азии продолжается в стихийном режиме и является в значительной мере недокументированной. Многие трудовые мигранты в Российской Федерации и Республике Казахстане, не имеют полностью легального статуса и разрешительных документов, вследствие чего подвергаются эксплуатации со стороны работодателей. Отсутствие легального статуса и нахождение трудовых мигрантов в “серой” и “черной” экономике приводит к нескольким негативным последствиям с точки зрения социально-экономического развития стран Центральной Азии.

Во-первых, стихийный характер миграции обуславливает и цели трудовой миграции и денежных переводов – повышение исключительно уровня текущего потребления. Мигранты не особо думают о сбережениях и долгосрочных инвестициях за пределами удовлетворения ежедневных потребностей (продукты питания, одежда), расходов на лечение, образование, обустройство дома, проведения свадеб, праздников и т.п.

Во-вторых, нахождение большей части мигрантов в теневой экономике снижает возможности для их заработка, а следовательно и денежных переводов на родину. Но что более важно – делают их заработки крайне нерегулярными, нестабильными, создавая риски для денежных переводов и потребления дома.

В-третьих, когда мигранты накапливают определённые денежные средства, то возникает проблема отсутствия возможностей для инвестиций. Банки не пользуются доверием и не всегда справляются с задачей концентрирования небольших, разбросанных сумм мигрантов (средний размер перевода составляет около 200-300 долларов США, а в течение года происходят миллионы переводов) и их инвестирования в производительные отрасли. Таким образом, покупка недвижимости (или строительство дома) и покупка дорогого автомобиля оказываются практически единственными вариантами для “инвестиций”.

Кроме того, стоит отметить, что правительства большинства стран Центральной Азии (за исключением Кыргызстана) довольно настороженно относятся к местным инициативам (как минимум настаивают на соблюдении множества процедур и согласований), что делает перспективы инвестиций в инфраструктуру ещё более призрачными (учитывая большой объём требуемых инвестиций и необходимость концентрации средств).

Рязанцев С.В.

(Москва, Россия)

Боженко В.В.

(Москва, Россия)

Пажневски Ш.З.

(Бирмингем, Великобритания)

ФАКТОРЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

(Исследование проведено при поддержке гранта
РФФИ № 15-36-50204 мол_нр)

Российская Федерация является страной, которая принимает значительное количество временных трудящихся-мигрантов. Прежде всего, из соседних стран, которые до 1991 года входили в состав Советского Союза. Формирование потоков трудовой миграции, ориентированных на Россию обусловлено совокупным действием нескольких факторов.

Экономический фактор. С одной стороны, в странах происхождения трудящихся-мигрантов выезд значительного количества трудоспособного населения стимулировали типичные “выталкивающие” факторы: спад производства, низкий уровень заработной платы, высокий уровень безработицы, отсутствие рабочих мест, распространение бедности, избыток трудовых ресурсов. С другой стороны, в России, как принимающей стране, действуют “притягивающие” экономические факторы: объемный рынок труда, диверсифицированная экономика, потребность в рабочих во многих отраслях экономики и регионах, более высокий уровень заработной платы, лучшее качество жизни. В результате, в Северо-Восточной Азии сложилась крупная миграционная подсистема центром которой является Российская Федерация и Республика Казахстан, привлекающие трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, Закавказья, Китая, Вьетнама, КНДР, а также некоторых стран Восточной Европы. Наиболее наглядно иллюстрирует ситуацию разница в уровне заработной платы, сложившаяся в странах данной миграционной подсистемы. В абсолютном выражении максимальный уровень оплаты труда сложился в Российской Федерации и Казахстане (689 и 526 долларов США соответственно). Минимальным уровнем зарплаты характеризовался рынок труда Таджикистана – всего 81 доллар США. Незначительной зарплата была в Кыргызстане – 155 долларов США. Армения, Украина и Беларусь имели средний уровень заработной платы – 292, 282 и 414 долларов США соответственно (1, с. 411).

Необходимо отметить, что максимальный рост зарплаты в 1993-2010 годы был отмечен в Армении, которая имела ее средний абсолютный уровень. В Армении зарплата выросла в 49 раз в долларовом эквиваленте за указанный период! В то же самое время рост зарплаты в России и Казахстане в долларо-

вом исчислении составил 11 раз. В Кыргызстане зарплата возросла в 9 раз, а в Таджикистане только 5 раз. Данная дифференциация уровня и динамики заработной платы обуславливает потоки трудовых мигрантов в Российскую Федерацию и в последнее время также в Республику Казахстан. Дифференциация показателей безработицы также во многом объясняет тенденции трудовой миграции в регионе. В 2013 году минимальный уровень безработицы имели Узбекистан (4,9%), Азербайджан (5%), Казахстан (5,2%), Россия (5,5%). Средний уровень безработицы отмечался в Кыргызстане (8,4%), а высокий – в Таджикистане (11,6%) и Армении (16,8%). Однако, оценки по некоторым странам нерегулярный характер (2, с. 35).

Хотя экономический кризис 2009 года повысил уровень безработицы в Российской Федерации и сократил численность привлекаемых трудящихся-мигрантов, это не стало долгосрочной тенденцией в российской экономике – уровень безработицы в России стал достаточно быстро сокращаться, а численность трудящихся-мигрантов стала увеличиваться. Например, если в 2009 году в России насчитывалось 6,3 миллионов безработных, то к 2013 году их количество сократилось до 4,1 миллионов. В странах – основных миграционных донорах было следующее количество безработных: в Узбекистане – 640 тысяч, в Казахстане – 471 тысяча, в Таджикистане – 241 тысяча, в Азербайджане – 237 тысяч, в Армении – 225 тысяч, в Кыргызстане – 206 тысяч человек. Причем если в странах Закавказья их численность, как правило сокращалась, то в странах Центральной Азии – увеличивалась.

Проблема безработицы во многих странах СНГ касается, прежде всего, населения в сельской местности. Даже потеряв работу, люди могут обеспечить себя продуктами питания благодаря натуральной экономике в виде подсобного сельского хозяйства (выращивание овощей и фруктов, разведение домашних животных). Многие люди в сельской местности не регистрируются в службах занятости по причине значительной территориальной удаленности и отсутствия транспортного сообщения между их населенными пунктами и центрами занятости. Отсутствие работы в месте постоянного проживания подталкивает многих жителей искать ее сначала в ближайшем окружении и за границей. Страны Центральной Азии являются крупными донорами трудовых мигрантов в Евразийском регионе. Миграционная активность населения в странах Центральной Азии в 2000-2010-е годы существенно выросла.

Новый экономический кризис в Российской Федерации в 2014 году снова имел негативные последствия для занятости: сократилась занятость, увеличилось количество безработных и начался отток трудящихся-мигрантов в страны Центральной Азии из России. Однако, насколько эта тенденция станет долгосрочной пока непонятно, поскольку кризис совпал с сезонной миграцией временных трудящихся-мигрантов на родину из России в зимний период времени. Хотя некоторые эксперты полагают, что экономический кризис 2014 года в совокупности с усиливающейся социально-культурной дистанцией между молодыми трудящимися-мигрантами из Центральной Азии и российским населением, а также жесткая миграционная политика Российской Федерации могут существенно снизить приток и даже переориентировать трудящихся-

мигрантов из государств Центральной Азии на мусульманские страны Ближнего Востока, Персидского залива, Восточной Азии (Турцию, Катар, Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Корею и другие). Однако, более очевидным представляется сценарий, по которому спад трудовой миграции из стран Центральной Азии продолжится в ближайшее время из-за экономических проблем в Российской Федерации, но по мере стабилизации экономической ситуации поток трудовых мигрантов, скорее всего, восстановится.

Социально-демографический фактор. В Российской Федерации на протяжении 1990-2010-х годов сокращается численность трудоспособного населения и отмечается постарение населения. Это обостряет дефицит трудовых ресурсов на российском рынке труда, усиливает конкуренцию за трудовые ресурсы, активизирует трудовую миграцию из посылающих стран. Демографическая ситуация в странах Центральной Азии – основных донорах трудовых мигрантов для России выглядит кардинально противоположной. Прогнозы свидетельствуют, что к 2050 году численность населения трудоспособного возраста увеличится в Узбекистане – на 6,4 миллионов, в Таджикистане – на 2,8 миллионов, в Туркменистане – на 900 тысяч, в Кыргызстане – на 600 тысяч человек. Даже при ускоренном развитии экономики этих государств все трудоспособное население в них не сможет быть трудоустроено. Миграционная активность населения в странах бывшего СССР в 2000-2010-е годы возросла и трансформировалась. В массовом сознании населения многих стран бывшего СССР сформировались стереотипы поведения, ориентированные на стратегию жизненного успеха исключительно через трудовую миграцию в Российскую Федерацию. Многие молодые и среднего возраста люди в Таджикистане, Узбекистане, Кыргызстане, Армении и других странах предпочитают поехать на работу за границу, предпочитая это дальнейшему обучению. Дополнительными стимулирующими миграцию факторами являются примеры успешности их родственников, соседей и знакомых, которые работали за границей и смогли купить дом, машину, необходимые вещи и прочее. Также расширилась социальная база трудовой миграции – в миграционные потоки включились новые социально-демографические группы населения (жители сельских районов, небольших населенных пунктов, женщины, молодежь).

Культурно-исторический фактор. В настоящее время в Северо-Восточной Азии сформировалась Евразийская миграционная подсистема, которая основана на социально-экономических связях между странами бывшего СССР и широком распространении русского языка как основного средства общения между людьми. При выборе направления миграции за границу жители многих посылающих стран ориентируются на Российскую Федерацию, потому что знание русского языка и понимание менталитета российского населения существенно повышает их шансы на трудоустройство именно в России. Большинство трудовых мигрантов в Российской Федерации устраиваются на работу через социальные сети, родственные контакты, частных посредников и пр. К сожалению, роль государственных структур и частных агентств занятости в трудоустройстве мигрантов остается крайне низкой.

Инфраструктурно-географический фактор. Государства Центральной Азии и Закавказья, как ключевые миграционные доноры России, несмотря на свое географическое расположение в “сердце” Евразии, в транспортном отношении значительно плотнее связаны с Российской Федерацией и Казахстаном, чем с Китаем, Ближним Востоком и Западной Европой. На территорию Российской Федерации из стран Закавказья и Центральной Азии можно добраться различными видами транспорта: железнодорожным, автомобильным, морским, авиационным. В последние годы получили развитие воздушные перевозки, которые способствуют развитию трудовой миграции в Россию. Многие национальные и российские авиакомпании открыли прямые рейсы не только в Москву, но и другие крупные города России, сравнительно недорого стоят билеты на перелеты, развивается система кредитования поездок в Россию (например, в странах Центральной Азии). Транспортный фактор в сочетании с географическим положением стимулирует трудовую миграцию из стран Центральной Азии и Закавказья в Российскую Федерацию.

Политический фактор. С одной стороны, в 1990-2010 годы в посылающих странах трудовую миграцию в Россию определяла целая группа этно-политических факторов, предопределяющих эмиграцию в Россию русского и русскоязычного населения из стран Центральной Азии и Закавказья. Причинами стали гражданские войны, межнациональные конфликты, бытовой национализм в 1990-е годы, а также сокращение сферы использования русского языка, невозможность карьерного роста, отсутствие перспектив в 2000-2010-е годы. Во некоторых странах люди могут преследоваться за несогласие с курсом официальных властей, за политические убеждения, сексуальную ориентацию. Политические конфликты, революции и войны в Киргизстане, Грузии, Узбекистане и Украине стимулировали миграцию в Россию, прежде всего, этнических русских.

С другой стороны, достаточно активно на бывшем постсоветском пространстве происходит политическая и экономическая интеграция между странами. 29 мая 2014 года был подписан договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который вступил в силу 1 января 2015 года. В настоящее время в состав ЕАЭС входят пять стран – Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика и Российская Федерация. Кроме того, 29 мая 2015 года было подписано соглашение с Вьетнамом о зоне свободной торговли. Президент Таджикистана Э. Рахмон в 2014 году заявил о необходимости изучения экономической базы и правовых документов ЕАЭС с целью возможного вхождения в это интеграционное объединение.

ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, а также услуг, капитала и рабочей силы, и проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Общая численность населения в ЕАЭС составляет 183 миллиона человек. Гражда-

нам Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизстана, России не только не требуются визы для пересечения границ между своими странами, но и не нужны разрешительные документы на работу внутри ЕАЭС.

Также сохраняется безвизовый режим въезда в Российскую Федерацию и для граждан Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Украины, Молдовы. Приехав в Россию они могут в течение 30 дней искать работодателя и получить патент для работы в стране. Рабочая виза и разрешение на работу в России из стран бывшего СССР необходимы гражданам Грузии, Туркменистана, Латвии, Литвы и Эстонии.

Благодаря этим факторам в Северной и Центральной Азии миграционная подсистема, которая характеризуется масштабными потоками и их устойчивой географической направленностью из стран Центральной Азии и Закавказья в Российскую Федерацию и Республику Казахстан. Прежде всего, она представлена крупными потоками трудящихся-мигрантов. Также трудовая миграция “переплетается” и трансформируется в другие формы (миграцию на постоянное место жительства, брачную миграцию, учебную миграцию). Все чаще временные трудовые мигранты из стран Центральной Азии и Закавказья получают российское гражданство, остаются на постоянное место жительства в Российской Федерации и Республике Казахстан. Очевидно, что и в ближайшей перспективе государства Центральной Азии останутся вероятными донорами трудящихся-мигрантов для России и Казахстана.

Список литературы и источников

1. 20 лет Содружеству Независимых Государств 1991-2010 гг.: Статистический сборник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2011 (<http://www.cisstat.org>).
2. Мониторинг национальных рынков труда стран Содружества независимых государств 2010-2013.– М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2014 (<http://www.cisstat.org>).

Рязанцев С.В.
(Москва, Россия)
Маньшин Р.В.
(Москва, Россия)

МАСШТАБЫ МИГРАЦИИ ИЗ КИТАЯ, СЕВЕРНОЙ КОРЕИ И ВЬЕТНАМА В РОССИЮ

Для оценки масштабов миграции населения в России необходимо пользоваться разными источниками информации, характеризующими различные виды потоков. Это связано с несовершенством миграционной статистики нашей страны, что приводит к отсутствию единого источника информации по данной проблеме.

Первый источник информации – данные пограничной службы ФСБ России – фиксируется количество пересечений границы России иностранцами на основе заполнения миграционных карт.

При въезде в Россию граждане всех стран декларируют в основном следующие цели – частную и служебную. Причем, если у вьетнамских граждан преобладает частная цель въезда, то у граждан из Северной Кореи – служебная, а у китайских граждан преобладают туристские цели. Причем у последних фиксируется значительное превышение туристической цели въезда не только по сравнению с гражданами Вьетнама и КНДР, но с другими зарубежными странами (более чем в 4,5 раза). Данное обстоятельство показывает, что значительная часть мигрантов из Китая указывая туристическую цель въезда, иммигрируют с коммерческими и трудовыми целями. Мигранты из КНДР пересекают российскую границу со служебными целями (более 2/3) и как обслуживающий персонал (1/5), что свидетельствует о жестко организованном характере их въезда с трудовыми целями (таблица 1). [1, С.91].

Таблица 1

**Структура потока прибывших мигрантов в Россию
по целям въезда в 2014 г. по данным пограничной службы, %**

Цель въезда в Россию	Мигранты, прибывшие в Россию из Вьетнама	Мигранты, прибывшие в Россию из КНДР	Мигранты, прибывшие в Россию из Китая	Мигранты, прибывшие из всех зарубеж- ных стран в 2014 г.
Служебная	28,4	68,0	26,9	19,3
Туризм	8,5	0,4	36,4	0,4
Частная	49,4	10,5	23,1	10,5
Постоянное место жительства	0,0	-	0,0	0,0
Транзит	0,6	0,6	0,8	1,1
Обслуживающий персонал	13,1	20,5	12,8	6,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Такая разница по туристическим целям въезда граждан Китая, объясняется тем, что 80% китайских граждан попадают на территорию России через пограничные переходы Дальневосточного федерального округа, а половина из них через переходы в Приморском крае, обладающим безвизовым туристским режимом, в отличие от вьетнамских граждан, в большем объеме направляющихся в регионы Европейской части России. [6, С.48]. Количество граждан Северной Кореи въехавших с туристскими целями в 2014 г. – всего 103 человека.

Частично, это можно доказать данными переписей населения России. Так, по данным переписи населения 2010 г., география расселения этниче-

ских вьетнамцев и китайцев в Российской Федерации имеет существенные различия. Если большая часть этнических вьетнамцев проживала в Центральном федеральном округе (45%) и Приволжском федеральном округе (21%), то почти две трети этнических китайцев проживали в Дальневосточном федеральном округе (31%) и Сибирском федеральном округе (31%), а в Центральном федеральном округе – всего 16%. Больше трети корейцев проживало в Дальневосточном федеральном округе (Сахалинская область, Приморский и Хабаровский края), а также более одной пятой в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах.

Из 153 тысяч корейцев, зафиксированных переписью 2010 г., являются этническими корейцами, проживающими с советских времен, а география привлечения рабочей силы из КНДР в Россию полностью направлена на субъекты Дальневосточного федерального округа.

Точных цифр о количестве вьетнамцев и китайцев в России и странах СНГ нет. По примерным оценкам во всех республиках бывшего СССР этнических китайцев не менее 350-400 тыс. человек. По данным переписи населения 2002 г. в России проживало 26 тыс. вьетнамцев, а по итогам переписи 2010 г. их численность сократилась до 14 тыс. человек. Хотя реально эта цифра гораздо выше, и по нашим оценкам достигает 100-150 тыс. человек. В настоящее время большая часть вьетнамцев, живет и работает в Москве, Ставропольском крае, Башкортостане, Волгоградской, Свердловской областях, Хабаровском крае и ряде других регионов России. В столице выходят газеты и журналы на вьетнамском языке, существует спутниковый канал вьетнамского телевидения, транслирующий программы для граждан Вьетнама, проживающих в России. В основном вьетнамцы учатся, работают в торговле, сельском хозяйстве, ресторанном бизнесе, растёт занятость в производственной сфере. По большей части в России живут и работают выходцы из северного Вьетнама.

Перепись населения 2002 г. зафиксировала всего 35 тыс. этнических китайцев и 31 тыс. граждан КНР, которые живут в России. Кроме того, более 59 тыс. человек, живущих в России, владеют китайским языком. Эти цифры не следует суммировать, они отражают различные аспекты китайской диаспоры. А по данным переписи 2010 г. в России проживало всего около 29 тыс. китайцев. Мы считаем, что данные цифры можно считать явно заниженными, как минимум, по трем причинам. Во-первых, официально переписывалось только постоянное население, т.е. люди, которые проживали на территории России более 1 года, при этом многие мигранты из КНР находятся в России временно. Во-вторых, в ходе переписи населения был существенный недоучет, вызванный невозможностью сбора информации в некоторых местах (например, на рынках, строительных площадках и т.п.). В-третьих, не оформленные должным образом иностранные работники умышленно избегали переписи, так как боятся любого контакта с властями. Многими экспертами признано, что недоучет только в ходе переписи 2002 г. составил от 5% до 10% населения. Можно считать, что для такой сильно локализованной этнической группы как китайцы недоучет мог быть гораздо более существен-

ным – до 90%. Таким образом, по нашим оценкам численность китайцев в России может составлять не менее 350-400 тыс. человек. Это совпадает с оценками других авторов.

Второй источник информации – данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), основанные на фактах регистрации мигрантов по месту жительства в паспортных столах МВД России. Как известно, в России существует также регистрация по месту пребывания (временная регистрация), которой в основном пользуются иностранные граждане. Согласно данным статистики, численность прибывших на постоянное место жительства мигрантов из Китая и Вьетнама колеблется от нескольких десятков до сотен человек за год, причем можно наблюдать отрицательный миграционный прирост с Вьетнамом в 1997 и 1998 гг. и с Китаем в 2005 г. Максимального значения миграционный прирост между Россией и Китаем достиг в 2014 г. и составил 1,9 тыс. человек. В отношении миграционного прироста России с Вьетнамом следует сказать, что максимального значения он достигает в 2009 г. и составляет 929 человек, а уже в 2014 г. – 571 человек. Миграционный прирост граждан из Северной Кореи достиг максимума в 2012 г. – 2565 человек, а по итогам 2014 г. – составил 1519 человек. Надо отметить, что в статистику попадают, скорее всего, не только граждане Китая и Вьетнама, но и российские граждане, которые в настоящее время также ведут бизнес и живут в данных странах. Можно заключить, что данные Росстата о численности мигрантов, выбывших и прибывших на постоянное место жительства, не отражают адекватно реальных масштабов и структуры миграционных потоков, сложившихся сейчас между нашими странами и нуждаются в серьезной корректировке.

Третий источник – данные о численности иностранных трудовых мигрантов, точнее о количестве разрешений на работу в России, выданных работодателям и иностранным гражданам Федеральной миграционной службой России. На протяжении 1994-2010 гг. ФМС выдала более 12,8 млн. разрешений на право привлечения трудовых мигрантов в Россию из различных стран. Гражданам Китая было выдано более 1,5 млн. разрешений, что составляет 12% всех разрешений на работу в РФ. Если рассматривать долю китайцев на фоне стран дальнего зарубежья, то их удельный вес возрастает до 47,6% в 2010 г. В 2012 г. было выдано почти 77 тыс. разрешений на работу. Таким образом, почти каждый второй трудовой мигрант в России из стран дальнего зарубежья прибыл из КНР. Конечно, данный суммарный показатель отражает скорее не количество работников (человек), а число выданных разрешений, т.е. один и тот же человек мог получить разрешение в течение года не один раз. Тем не менее, факт того, что китайские трудовые мигранты имеют значительный вес на «мигрантском» рынке труда, очевиден. Хотя значения трудовой миграции из Вьетнама выглядят скромнее по сравнению с Китаем, но в последние годы Вьетнам занимал второе место после Китая по количеству привлеченной иностранной рабочей силы в России из-за рубежа. Так, в 2010 г. было выдано 46 тыс. разрешений вьетнамским гражданам на работу в Российской Федерации, что составляло 11,7% всей рабочей силы из стран дальнего зарубежья, но в 2012 г. было выдано разрешений на работу

всего 12,1 тыс., что позволило пропустить вперед Турцию – 27,7 тыс. разрешений и КНДР – 23,4 тыс. разрешений на работу. Следует также отметить, что после мирового экономического кризиса 2008 г. количество иностранной рабочей силы из Вьетнама и Китая сократилось (табл. 2). [3].

Таблица 2

Численность иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в России в 2000-2010 гг., тыс. человек

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего	213,3	702,5	1014,0	1717,1	2425,9	2223,6	1640,8
в том числе							
Из стран СНГ	106,4	343,7	537,7	1152,8	1780,0	1645,1	1246,9
Из стран дальнего зарубежья	106,9	358,7	476,1	563,8	545,0	577,3	392,0
из них							
Вьетнам	13,3	55,6	69,1	79,8	95,2	97,5	46,0
Китай	26,2	160,6	210,8	228,8	281,7	269,9	186,5
КНДР	8,7	20,1	27,7	32,6	34,9	37,7	36,5

Четвертый источник данных о миграции в Россию – данные Министерства образования и науки России о численности учебных мигрантов из-за границы, в том числе из Вьетнама, КНДР и Китая. В России данная информация собирается Минобрнауки на основе отчетности вузов страны. Согласно этим данным, китайские студенты являются самой многочисленной группой иностранных учебных мигрантов в России, а вьетнамские студенты занимают третье место после индийских студентов. В 2013-2014 гг. в стране обучались около 10 тыс. китайских студентов, что составляет более 26% от общей численности иностранных учебных мигрантов из стран дальнего зарубежья. Численность вьетнамских студентов в 2013-2014 гг. равнялась 2,9 тыс. человек, и составила около 6,5% иностранных студентов дальнего зарубежья. Численность студентов из Северной Кореи в России незначительна, и составила 0,2 тыс. человек [4].

Таблица 3

Численность иностранных студентов, обучавшиеся в образовательных учреждениях высшего профессионального образования России, на начало учебного года, тыс. человек.

	2009/2010	2010/2011	2012/2013	2013/2014
Иностранные студенты – всего	145,9	153,8	164,8	205,7
из них граждане стран:				
СНГ, Балтии и Грузии	107,8	116,7	127,5	156,3
Вьетнама	2,6	2,4	2,9	2,9
Индии	3,8	3,4	3,1	3,7
Китая	9,3	9,8	9,2	9,8
КНДР	0,2	0,2	0,1	0,2

Данные статистики говорят о том, что потоки учебных мигрантов из Китая в Россию будут увеличиваться, что нельзя сказать об аналогичных потоках из Вьетнама и КНДР, где без соответствующего продвижения российского образования, надеяться на увеличение студентов не приходится.

Таким образом, в настоящее время в миграции из Китая, КНДР и Вьетнама в Россию преобладают потоки трудовых и коммерческих мигрантов. Однако, китайская миграция по сравнению с вьетнамской, носит более «скрытый» от статистического наблюдения характер и происходит под прикрытием миграции с туристическими целями, а миграция из КНДР – с трудовыми целями и характеризуется наиболее организованными формами. В настоящее время статистика международной миграции в России носит раздробленный характер, что не позволяет иметь целостное представление о численности мигрантов в стране. Поэтому анализ миграционной ситуации возможен только с привлечением различных источников информации.

Список литературы и источников

1. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2015. – С. 91.
2. Рязанцев С.В., Ян Х. Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к регулированию. – М.: Экономическое образование, 2010. – С. 48.
3. Труд и занятость в России 2011. Статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2011. – С.302.
4. Российский статистический ежегодник. 2014: Стат. сб./Росстат. – М., 2014. – С.205.

Сейткалиев Р.М.
(Москва, Россия)

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУСУЛЬМАН МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ

Предпринимательская активность мигрантов в странах с отличающейся культурой тем более бросается в глаза, когда отличия между принимающей стороной и мигрантами достаточно существенны. В Германии, стране, до Второй мировой войны, населенной преимущественно немцами, появление большого количества людей, имеющих свои традиции ведения предпринимательской деятельности, вызвало и продолжает вызывать интерес многих исследователей. Больше всего данный интерес проявился к мигрантам из мусульманских стран, не только из-за их культурных и религиозных отличий, но и из-за их количества, которое возрастает вместе с их амбициями.

Предысторией развития бизнеса мусульманских мигрантов стало подписание западногерманским правительством трудового договора с Турцией в

1961 г., Марокко в 1963 г., Тунисом в 1965 г. и Югославией в 1968 г. Первые мусульманские мигранты трудились на тяжелом и низкооплачиваемом, по сравнению с коренным населением, производстве, и поначалу не задумывались о развитии бизнеса. Главными факторами, тормозящим развитие бизнес-инициатив стали временный характер пребывания в стране, считалось, что рабочие уедут из страны, как только у них закончится соглашение, а также нежелание рабочих терять постоянную заработную плату, от которой на родине зависели близкие.

Ситуация начала меняться после экономического кризиса 1965 г., когда многие предприятия вынуждены были пойти на сокращение. Сами рабочие не хотели возвращаться на родину, так как экономическая ситуация в их странах была еще хуже. Поэтому всеми силами они пытались остаться и закрепиться в Германии.

Первые бизнес-проекты стали возникать как ответ на большую безработицу среди мигрантов. Подтолкнуло мигрантов к samozанятости и то, что в моменту возросшей неопределенности на рынке труда, они уже прожили время, необходимое для получения вида на жительство и, следовательно, возможности открыть свое дело. Кроме того, в 1980-е гг. во многих секторах экономики требования к открытию бизнеса мигрантами смягчились, и предпринимательская активность мигрантов стала возрастать. К другим причинам роста предпринимательства мигрантов следует отнести решение правительства Германии разрешить воссоединение семей в 1975 г., из-за которого потребность в отправлении денег на родину в большинстве случаев отпала, и мигранты могли сосредоточить в своих руках большее количество средств, необходимых для открытия дела. Воспользовались программой воссоединения семей в большинстве своем граждане мусульманских стран, как наиболее неблагополучных в экономическом плане.

Практически все малые проекты, а именно с них начинали мигранты, были связаны с удовлетворением потребностей соотечественников в продуктах и услугах, связанных с их исторической родиной. Коренные немцы не смогли увидеть в растущем мусульманском населении перспективный рынок, что не удивительно, учитывая то, что немцы относились ко всем иностранным рабочим как к временному явлению. Кроме этого немцы не могли также хорошо удовлетворить спрос мусульман, как они сами, из-за того, что недостаточно знали их предпочтения и специфику мусульманских товаров. Вследствие этого забота об удовлетворении нужд мусульман мигрантов легла на их плечи. Первые предприятия, как и предприятия других этнических групп в разных странах, появились для удовлетворения потребностей мигрантов в родной кухне. Также быстрое распространение получили виды бизнеса, предоставлявшие мигрантам товары печатной продукции из родной страны – книги, журналы, и товары одежды и украшений. Бытовые трудности мигрантов, проблемы адаптации привели к тому, что в их среде стали возникать фирмы, предлагающие различные услуги: юридические, бухгалтерские, переводческие и так далее [2]. Часто данные фирмы оказывали намного больший спектр услуг, что характерно для более неформального общества на их родине.

Размер первых предприятий был небольшим, не требующих больших вложений. После того, как мигрантам разрешили воссоединять семьи в 1975 г., члены семей обеспечили дешевую рабочую силу, зачастую не соблюдающую трудовые нормы и работающую сверх положенного времени. Мигранты, специализировавшиеся в малом бизнесе, заняли нишу, в которой большие немецкие компании не могли экономить за счет масштаба, и поэтому достигли там успеха. Но рост предприятий мигрантов, акцентировавшихся на своих согражданах или на лицах с общим миграционным опытом, был ограничен их количеством, поэтому мигранты стали уделять больше внимания клиентам из числа коренного населения.

Нельзя сказать, что предпринимательская деятельность мусульманских мигрантов сильно отличается от той, которую ведут коренное население и мигранты из европейских стран – бизнес есть бизнес – однако, некоторые отличия все же есть, и в первую очередь они проявляются в том, что мусульманские мигранты, более неформально подходят ко многим вопросам: к ним относятся более продолжительный рабочий день; использование незарегистрированного труда (как правило родственников), начиная с самого юного возраста; гибкая система займов между представителями. Касаясь религиозного фактора, стоит отметить, что он не играет такой важной роли в их деятельности, как часто преподносят, хотя мусульмане стараются избегать сфер, связанных с прописанным в Коране недозволенным: свининой, алкоголем, азартными играми.

Среди мусульманских мигрантов, включенных в экономику страны, больший интерес вызывают прибывшие из Турции, в первую очередь благодаря их количеству и поэтому влиянию, оказываемому на экономику. Остальные мигранты из таких мусульманских стран как Марокко, Тунис, Сирия, Ливан меньше затронуты в исследованиях по причине их малочисленности, а также по причине меньшей включенности в экономику. По приблизительным подсчетам в Германии 1 из 10 турецких семей занимается предпринимательством [3].

Объяснение высокой предпринимательской активности мигрантов лежит в самом процессе иммиграции, так как решение уехать из родных мест, пусть и не навсегда, как поначалу думали мигранты, принимают более рискованные, более умелые люди. Это выгодно отличает их от мигрантов, прибывших в Германию по политическим причинам. Политических беженцев отличает более высокий уровень зависимых от социальной помощи государства. Другим объяснением высокой самозанятости мигрантов стало постоянное проживание в Германии, так как понимание того, что им некуда было возвращаться в случае неуспеха, подстегивало их вести себя более напористо. Показательно в этом плане соотношение поданных заявок на ведение предпринимательской деятельности между коренными жителями и турками. Турки лидируют в данном плане, хотя и намного чаще, чем местные жители, и мигранты из стран ЕС, терпят крах в первые годы жизни бизнеса.

Высокие показатели предпринимательской активности мигрантов в Германии зависели и зависят от развитого уровня малого бизнеса, так как в Германии, не в пример США и в Великобритании, не существовало прави-

тельствственной программы по содействию этнического предпринимательства. По данному вопросу у германских политиков существуют две полярные точки зрения. Согласно первой, позитивной, – этническое предпринимательство позволяет интегрироваться в принимающее общество и преодолеть социально-экономические трудности. Согласно второй, негативной, этнической предпринимательство ставит под угрозу позиции членов меньшинства на трудовом рынке и повышает их социально-экономическую самоизоляцию [1].

Список литературы и источников

1. Baycan T. Turkish Entrepreneurship in Europe. //European Review. 2013. №21. p 382 – 393
2. Constant A., Shachmurove Y., Zimmermann K. The Role of Turkish Immigrants in Entrepreneurial Activities in Germany. //PIER Working Paper 05-029. 2007
3. El-Cherkeh, Tanja, Tolciu, Andreia. Migrant entrepreneurs in Germany: Which role do they play? Hamburg. 2009
4. www.destatis.de (Бюро статистики Германии)

Соболева Т.М.

(Ставрополь, Россия)

Тахумова О.В.

(Ставрополь, Россия)

ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

На современном этапе развития международная миграция рабочей силы является важной формой международных экономических отношений. Процесс становления и развития миграции рабочей силы прошёл достаточно сложный и долгий эволюционный путь, непосредственно связанный с эволюцией развития человеческого общества. Появление первых централизованных государств и налаживание экономических, социальных и культурных отношений между данными государствами привело к миграции населения, которое связано с рядом экономических, политических и социальных проблем в тех или иных государствах. По мере развития мировой экономики и экономических отношений между странами миграция рабочей силы изменяла своё направление в разрезе государств и регионов мира, в зависимости от сложившейся социально-экономической обстановки, а также общей тенденции мировой экономики в целом и отдельных её звеньев в частности. Отметим что, крупные потоки миграционных процессов наблюдались во времена великих географических открытий, когда новые ещё неосвоенные материки

и регионы заманивало населения «Старого света» в результате чего и происходило освоение и колонизация этих новых земель.

Процесс миграции рабочей силы происходит и в наши дни в большей степени связанный с экономической составляющей, то есть дифференциация в уровне оплаты труда идентичной работы, а также существующей хронической безработицы в отдельных государствах. Существующие миграционные потоки в мировой экономике можно классифицировать в различные группы, исходя из уровня социально-экономического развития государств. При изучении мировой экономики страны мира согласно вышеуказанному критерию разделяют на три группы: промышленно развитые, развивающиеся и страны с переходной экономикой. Миграция рабочей силы происходит между этими группами стран. Следует отметить, что в современной мировой экономике – единой целостной экономической системе наблюдается неравное соотношение размещения рабочей силы и производственных мощностей, так в частности в странах или можно сказать даже в целых регионах, где высокий уровень естественного прироста населения – низкий уровень производства, выявляющий проблему безработицы в этих странах (например страны полуострова Индостан, юго-восточной Азии, Средней Азии, Африканского континента), и наоборот в странах с низким уровнем естественного прироста населения – высокий уровень производства, выявляющий проблему нехватки рабочей силы (например большинство стран западной Европы, северной Америки, Россия). Данное обстоятельство и является основополагающим фактором миграции рабочей силы в современной мировой экономике.

По уровню экономического развития наиболее высокими показателями обладают промышленно-развитые страны, именно это и явилось основной причиной миграции рабочей силы из развивающихся стран в промышленно-развитые. Тенденция миграции рабочей силы в 2013 году приведена в следующей таблице.

Таблица 1.

**Глобальное направление международной миграции рабочей силы
в 2013 году**

	Млн. человек	В процентах ко всему населению	Изменение в процентах	
			1990– 2000 гг.	2000– 2013 гг.
	2013 год			
Всего по миру	231,5	3,2	1,2	2,2
Промышленно-развитые страны	135,6	10,8	2,3	2,1
Развивающиеся страны	95,9	1,6	-0,1	2,3

Анализ данных таблицы показывает в 2013 году миграционный поток в мировой экономике составил 231,5 млн. человек, что составляет 3,2 % от общей

численности населения земного шара. За период 1990–2000 гг. этот показатель в процентном соотношении составлял в среднем 1,2 %, 2000–2013 гг. – 2,2 %, где наблюдается тенденция роста миграции рабочей силы в последние два десятилетия. Так, в частности, наблюдается значительный рост потока мигрантов в 2013 году, на наш взгляд связанный с негативными последствиями мирового финансово-экономического кризиса (застой производства и связанная с этим циклическая безработица). В разрезе стран в 2013 году наибольший поток наблюдался в промышленно-развитые страны 135,6 млн. человек (10,8 % от общей численности населения), в развивающиеся страны 95,6 млн. человек и 1,6% соответственно. Интерес вызывает тот факт, что ещё в середине 70-х годов XX века неравномерное распределение производства и трудовых ресурсов в мировой экономике активно исследовалось со стороны западных государств. Так например года 2–3 тому назад спецслужбами США был рассекречен документ (письмо одного из американских сенаторов правительству США в середине 70-х годов XX века), в котором приводятся итоги исследования неравномерного роста населения земли в разрезе стран. Содержание данного письма гласит следующее: «Высокие темпы естественного прироста населения в последние десятилетия в развивающихся странах в конечном итоге будут работать во благо США и западных стран, поэтому правительство США всеми способами должно катализировать данный процесс и содействовать его дальнейшему росту», отсюда вытекает начиная с 70-х годов XX века западные страны воспользовавшись низким уровнем образования, доходов и этико-культурных норм в развивающихся странах применили для собственных материальных интересов высокий естественный прирост населения – подготовка дешёвой армии рабочей силы для сферы производства и обслуживания западных экономик. Одним из инструментов поощрения роста населения было производство и распространение порнографии в этих государствах.

Следует отметить, в последние десятилетия наблюдается рост потока мигрантов из стран СНГ, которое на наш взгляд связано с социально-экономическими реформами по переходу и формированию рыночного механизма хозяйствования и вызванное этим структурная безработица в этих странах. В частности наблюдается огромные потоки мигрантов в Россию из Среднеазиатских, Закавказских республик и Приднестровья. Проведённый нами анализ миграции рабочей силы показывает: при выборе страны эмиграции население опирается на языковой фактор, то есть выбирают ту страну, язык и обычаи которых им более знаком, или же когда то в историческом прошлом культурные, этнические связи этих народов пересекались.

Миграция рабочей силы в какой-то степени сглаживает неравномерность распределения доход населения во всём мире, которое очень важно для мировой экономики, так как данное обстоятельство является залогом социальной и политической стабильности в государствах и регионах мира с хронически высоким уровнем безработицы. Именно денежные переводы мигрантов для отдельных государств являются залогом удовлетворения насущных потребностей и мирного сосуществования их родных в стране проживания. Для наглядности обратим внимание на данные следующей таблицы.

**Удельный вес денежных переводов в ВВП страны в 2013 году
(в % соотношении)**

№	Страна	В процентном соотношении к ВВП
1	Таджикистан	48
2	Кыргызстан	31
3	Лесото	25
4	Непал	25
5	Молдова	24
6	Самоа	21

Анализ данных таблицы показывает во всех шести рассмотренных государствах денежные переводы мигрантов превышают 20 % ВВП страны, а в отдельных государствах, таких как Таджикистан – 48 %, Кыргызстан – 31 % данный показатель составляет значительный удельный вес от их ВВП, что является основной статьей доходов их населения. Именно для этой группы стран и сформировалось понятие «Мигродолларов» как новый термин в мировой финансовой системе, в частности в промежутке 2010–2013 гг. в развивающихся странах удельный вес «мигродолларов» в ВВП в среднем составлял 2 %, в отдельных странах выше среднего, при этом наблюдается тенденция его роста из года в год. Так например в Таджикистане в 2013 году удельный вес «мигродолларов» в ВВП страны составил 48 % (в 2010 году 35 %), в Кыргызстане в 2013 году 31 % (в 2010 году 15,4 %), в Молдавии в 2013 году 24 % (в 2010 году 23,1 %) [1, с 177], что является важным аргументом платежеспособного спроса населения этих стран. Трудно даже представить социальную ситуацию в этих странах без этих денежных переводов, поэтому на наш взгляд правительство этих стран всячески поощряет и одобряет денежные переводы, несмотря на некоторые отрицательные аспекты (рост инфляции и. т.д.) данной операции, почему не воспользоваться возможностями за пределами своей страны когда в собственной их не имеется.

Проведённый нами анализ миграции рабочей силы предопределяет следующие выводы:

1) Миграция рабочей силы как форма МЭО является неотъемлемой частью современной мировой экономики и международных отношений между странами мира;

2) Процесс миграции рабочей силы в последние годы значительно активизировался, наблюдается тенденция её роста в мировой экономике, в связи с негативными последствиями мирового финансово-экономического кризиса 2008 года;

3) Западные страны ещё в середине прошлого столетия активно занимались исследованием этой формы МЭО, а также положительного и отрицательного влияния данного процесса мировой экономики для отдельных стран и регионов;

4) В условиях глобализации мировой экономики и роста конкуренции между производителями, наиболее слабым звеном в этой цепочке производителей оказываются слабые с экономической точки зрения развивающиеся страны, поэтому «мигродоллары» оказываются единственным стабильным источником доходов населения этих стран;

5) миграции рабочей силы сглаживает неравномерное распределение рабочей силы и производственных мощностей в мировой экономике, что является залогом политической, социальной, а в отдельных случаях и экономической стабильности в мире;

6) Глобализации мировой экономики исходя из характера и причин, сформировала следующие основные направления миграции рабочей силы в мире:

- из развивающихся и стран с переходной экономикой в промышленно развитые страны;
- между промышленно развитыми странами;
- между развивающимися странами;
- из промышленно развитых стран в развивающиеся страны.

Список литературы и источников

1. А. В. Вахабов, Ш. Х. Хажикабиев, Ш. И. Рахманов и др. «Мировая экономика международные экономические отношения» учебное пособие Ташкент.: 2014 год.
2. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года / АКДИ (агентство консультаций и деловой информации) «Экономика и жизнь». – М., 2008. – Режим доступа: – <http://www.akdi.ru/econom/program/demogr.htm/>, свободный.

Тер-Акопов А.А.
(Москва, Россия)

МЕСТО ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СИСТЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Важную роль в системе мирового хозяйства приобретают механизмы формирования разноразмерной (РЭИ) и дифференцированной экономической интеграции (ДЭИ).

Анализ научной отечественной и зарубежной литературы показывает, что на сегодняшний день нет четкого определения понятия «разноразмерная экономическая интеграция», которая является частью системы альтернативных теорий международной экономической интеграции.

РЭИ обладает двумя свойствами. С одной стороны РЭИ можно рассматривать с позиции институционального, нормативного подхода, в случае, когда национальные экономики имеют право самостоятельно определять, в каких из направлений развития интеграции или отдельных интеграционных мероприятиях им принимать участие и в каком объеме. Кроме того, можно выделить временной фактор присоединения и определить интеграцию как асинхронную, когда каждое государство самостоятельно определяет момент присоединения к тому или иному международному договору. С другой стороны выделяется фундаментальный, определяющий, экономический подход, с позиции которого, разноуровневая экономическая интеграция – это процесс разноскоростного, в некоторых случаях ассиметричного экономического сотрудничества в области международной торговли товарами и услугами, передвижения капитала и рабочей силы, трансфера технологий, разделения труда, а также сотрудничества в сфере развития инновационно-инвестиционной инфраструктуры. Говоря другими словами, это взаимодействие экономик стран-участниц интеграционных объединений на различных уровнях и в различных формах. Следовательно, систематизируя понятие «разноуровневая экономическая интеграция», можно сделать вывод, что субстанциональную роль в определении РЭИ играет экономический подход. Соответственно, РЭИ – это взаимодействие, кооперация стран-участниц с различным уровнем экономического развития, различным уровнем ВВП и национального богатства, интеграция стран, имеющих разный уровень конкурентоспособности. Таким образом, указанные подходы отражают различные грани одного и того же процесса. Однако в данном случае, разноуровневая экономическая интеграция является частью целой, большой системы, предпосылкой формирования дифференцированной экономической интеграции.

В свою очередь, ДЭИ является суммой подходов к разноуровневой экономической интеграции. Суть ДЭИ в том, что формы и глубина экономического сотрудничества избираются в зависимости от степени взаимной готовности и заинтересованности стран-участниц. Кроме того, автор работы придерживается позиции, что основной предпосылкой и обязательным условием формирования ДЭИ является умеренная дивергенция в экономическом развитии стран-участниц.

Особое значение в сфере интеграционных процессов приобретают вопросы регулирования международной трудовой миграции. Речь идет об объединении ресурсов и усилий стран в решении вопросов двустороннего сотрудничества в области регулирования миграционных потоков рабочей силы.

У миграции есть – среди прочих – исключительно важное свойство: она соединяет страны и народы, формирует устойчивые связи – социальные, психологические, экономические, политические – между теми государствами, откуда мигранты уезжают, и теми, куда приезжают. Диаспоры при этом выступают в роли связующего звена между ними. Так, в Мексику направлены почти четверть инвестиций США, а Германия является основным внешнеторговым партнером Турции. История миграционных взаимоотношений между этими странами, свидетельствует об устойчивых и многочисленных миграционных

потоках. На данный момент в США проживают порядка 9 млн. мексиканцев, а в Германии – 3 млн. турок, и это самые крупные иммигрантские сообщества в этих государствах.¹⁰

Первоочередной задачей в исследовании трудовой миграции в условиях интеграционных процессов является представление интеграции как системы элементов, что позволяет выявить системообразующие факторы и оценить степень связанности элементов. Представляя интеграционный процесс как систему, состоящую из множества элементов, среди которых торговля товарами и услугами, трансфер технологий, инвестиции, особое значение приобретает такой элемент как трудовая миграция (рисунок 1.).

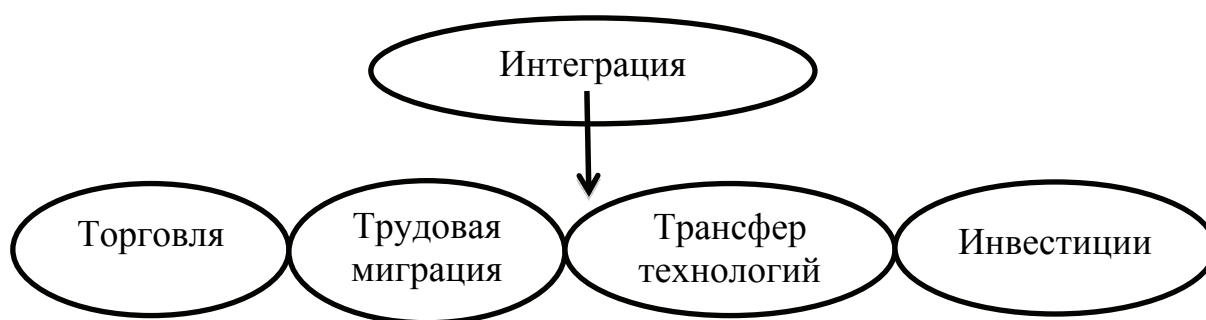


Рисунок 1. Интеграция как система

В процессе глобализации мирового хозяйства все более важным фактором социально-экономического развития многих стран становятся процессы трудовой миграции. Интернационализация экономики различных стран сопровождается интенсивным развитием международного рынка труда, оказывающим все более значительное влияние не только на экономики разных стран, но и на мировую экономику в целом.

В век глобализации стираются границы между государствами, открываются двери новым возможностям, в том числе для применения профессиональных навыков. Трудовая миграция существовала на протяжении всего периода жизни общества, и в настоящее время этот процесс усиливается в мировых масштабах.

Одним из тезисов, относящих трудовую миграцию к числу элементов системы под названием «интеграция», является принцип «четырех свобод» экономической интеграции, Единого экономического пространства: создание условий для свободного перемещения товаров, услуг, рабочей силы и капитала.

Во-вторых, исследуя предпосылки формирования ДЭИ можно сделать вывод, что основными факторами, определяющими дифференцированную экономическую интеграцию являются: фактор географической сопредельности, геополитический и геоэкономический факторы.

¹⁰ Центр Льва Гумилева «Современное Евразийство» Автор: Ивахнюк И.В., д.э.н., профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gumilev-center.ru/evrazijskaya-migracionnaya-sistema-ot-ehkonomicheskogo-pragmatizma-k-vozrozhdeniyu-civilizacionnogo-edinstva/> (дата обращения: 05.08.2015)

Кроме того, стоит отметить, что В.И. Ленин в работах рубежа XIX–XX вв. выдвинул ряд положений, воплотившихся в закон подвижности населения и закон роста миграционной подвижности.¹¹

В. Ленин отмечал, что «без создания подвижности населения не может быть и его развития». И далее, уточняя это положение, писал, что «крупная машинная индустрия необходимо создает подвижность населения; торговые отношения между отдельными районами громадно расширяются; железные дороги облегчают передвижение. Крупная машинная индустрия создает ряд новых индустриальных центров, которые с невиданной раньше быстротой возникают иногда в незаселенных местностях, – явление, которое было бы невозможно без массовых передвижений рабочих», что «капитализм необходимо создает подвижность населения, которая не требовалась прежними системами общественного хозяйства и была невозможна при них в скольконибудь широких размерах». Другими словами, НТП, концентрация капитала, а также активное экономическое развитие территорий приводят к росту миграционной подвижности. Мобильность населения возрастала по мере утверждения индустриального общества, связанного с прогрессом в области транспорта и средств коммуникации, расширением информационного пространства, формированием единых национальных, а затем и мировых рынков труда и капитала.

В-третьих, с углублением интеграционных процессов – основными направлениями интеграции становятся социально-политическая и экономическая сферы. Зачастую с помощью интеграции удастся осуществлять контроль миграционных потоков, путем заключения двусторонних соглашений и либерализации миграционного законодательства между странами. Кроме того, сильные акторы рассчитывают уменьшить миграционные потоки из стран-доноров путем увеличения объемов взаимной торговли, в большей степени, обеспечивая преференциальный экспорт товаров из стран-доноров рабочей силы. Таким образом, экономическая интеграция по некоторым оценкам способна улучшить экономическую ситуацию в менее развитых странах-участниках интеграционного объединения и сократить из последних поток мигрантов, как легальных, так и нелегальных. Другими словами, помощь в экспорте товаров будет способствовать сокращению экспорта людей, тем самым снижая миграционную нагрузку. Взаимная торговля и трудовая миграция заменяют друг друга, другими словами, растущая торговая интеграция должна вести к уменьшению дифференциации в уровнях доходов и заработной платы и тем самым уменьшать миграционные потоки.¹²

Однако, как показывает реальная практика, торговля и трудовая миграция дополняют друг друга, что не всегда приводит к снижению трудовой миграции, в особенности низкоквалифицированной рабочей силы.

¹¹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. – Полн. собр. соч., т.27, С. 387.

¹² Нешатаева Т.Н., Международные организации и право: Новые тенденции в международно-правовом регулировании. – М.: Delo, 1998. – С. 103.

С целью предотвращения нелегальной трудовой миграции и снижения потоков низкоквалифицированной рабочей силы целесообразно использовать инструменты «замещения». Реальным инструментом сокращения уровня нелегальной трудовой миграции может стать привлечение инвестиций и, соответственно, создание в этих странах рабочих мест. Примером могут быть так называемые «Макиладóра»- промышленные предприятия, создаваемые США в приграничных территориях с Мексикой.¹³

Таким образом, торговля и инвестиции могут стать реальной альтернативой международной миграции, если последствия этой деятельности позволят создавать новые рабочие места.

Список литературы и источников

1. Воронина Т.В., Эволюция теоретических подходов к анализу развития международной экономической интеграции / Terra Economicus, Том 8, № 3, часть 3, 2010. С. 212.
2. Ивахнюк И.В., д.э.н., профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Центр Льва Гумилева «Современное Евразийство» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gumilev-center.ru/evrazijskaya-migracionnaya-sistema-ot-ehkonomicheskogo-pragmatizma-k-vozrozhdeniyu-civilizacionnogo-edinstva/> (дата обращения: 05.08.2015)
3. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. – Полн. собр. соч., т.27, С. 387.
4. Нешатаева Т.Н., Международные организации и право: Новые тенденции в международно-правовом регулировании. – М.: Delo, 1998. С. 103.
5. Тер-Акопов А.А. Регулирование трудовой миграции в условиях разноразмерной экономической интеграции (на примере интеграционного объединения НАФТА) «Экономика и предпринимательство», № 10 (51), 2014. С. 174-178.

Paul Fryer
(Joensuu, Finland)

DEFINING HOME FOR CENTRAL ASIAN LABOUR MIGRANTS IN RUSSIA

Most migrants move abroad voluntarily to pursue better labour or economic opportunities, education, or for family reasons (reunification or chain migration), and so it can be said that migrant communities all over the globe maintain some aspect of transnationality, with regular contacts to families and communities of origin (when possible) and an aspiration to contribute to the economic, social and

¹³ Тер-Акопов А.А. Регулирование трудовой миграции в условиях разноразмерной экономической интеграции (на примере интеграционного объединения НАФТА) «Экономика и предпринимательство», № 10 (51), 2014. С. 174-178.

political life of the sending country while also building new lives in a host country. Ties are never fully cut and migrants are equally at home in both environments. While much research has examined labour migration, only a very few studies (i.e. Brednikova & Tkach 2010b; Al-Ali and Koser 2002; see also Vuorela 2002) have been devoted to migrants' notion of home and, particularly, to the ways that the fluid transnational settings influence their 'home' related practices. For such migrants, home is not just housing, a place of residence, or a place of origin (homeland), but also a transnational space for social ties (Brednikova & Tkach 2010a), an 'in-between' space (Tangseefa 2006) that lies outside a single state's authority, with great social, political and, even, emotional significance. This fluidity in the understanding of home has resulted in what can be referred to as the 'mobile homes' of migrants, a somewhat instrumental understanding of a traditional concept in which home is adaptable to changes in one's environment or for one's specific needs at a particular time or place. The *home* of a migrant is a signifier, an abstract metaphor and a material condition for living, the transnational character of which opens new questions about identity and space, on ways in which these affect peoples' conceptions and experiences of longing and belonging and, especially, what role new technologies have on migrants' transnational identity. It is self-evident that migration has both positive and negative impacts on societies – international monetary organisations such as the World Bank have emphasised how monetary remittances can be harnessed in the development process in communities of origin – but the less-addressed issues of social and cultural remittances, including ideas, practices, identities, and social capital, are also important development resources and both are a result of and contribute to a migrant's sense of longing or conceptualisation of home.

One case that exemplifies this issue is that of Central Asian labour migrants in Russia. Central Asian citizens – including Kyrgyz, Tajiks and Uzbeks – constitute some of the largest immigrant groups in Russia today. In the Central Asian states, ill-prepared for independence in 1991 and economically underdeveloped and suffering from corruption and poor governance, society has responded by moving abroad to find employment as irregular workers in the former hegemon Russia, using social networks in the construction, service or agricultural sectors (Fryer, Nasritdinov & Satybaldieva 2014; Fryer, Virkkunen & Usmonov 2015; Fryer & Virkkunen 2012; Nasritdinov et.al 2008). Kyrgyzstan and Tajikistan are two of the poorest post-Soviet states with about 50% and 35% of the working-age population working in Russia at any given time (see Riazantsev 2014), where they are subject to uneven working and living conditions. Many live in overcrowded dormitories or 'rubber flats' (10-30 persons in a small rented flat) and face the direct consequences of recent nationalist sentiments in the country: racist attacks, intimidation, arrests and deportation. Despite this, both the Central Asian and Russian governments recognise mutual benefits of migration – cheap labour in Russia and remittances for Central Asia – the latter especially promoted as contributing to national economic development (Marat 2009). Unsurprisingly, the waves of migrants have continued unabated for over 10 years. Initially seasonal or temporary in nature, this migration has developed into something more permanent,

as thousands of Central Asians have taken up Russian citizenship and have made their new residences in Russia. And yet most migrants would still refer to their former countries of residence as ‘home’, partially for cultural reasons, but also reflecting the continued family, economic and social links that they maintain with them. This somewhat strange arrangement is a rational expression of their life situations and not contradictory in their own understanding.

The migrant’s sense of home and the practice of transnationality have changed rapidly over the past few decades with changes in the global economy, new technologies and the way governments view and manage this migration. This presentation will address how this is developing by uncovering the main factors in this process for migrants in the city of Kazan, the capital of the semi-autonomous republic of Tatarstan. Kazan provides a unique opportunity to understand this phenomenon due to the cultural similarities between the migrants and the ethnic Tatar population of the city. It has been suggested that due to a common religion (Islam) and similar cultural heritage (Turkic-speaking), the integration of the mainly-Muslim Central Asian migrants has been easier in some respects in Kazan than in other cities of Russia (Nasritdinov, Kholmatova & Sheralieva 2011). The repercussions of such labour migrants maintaining links with their former homelands, while contributing to their new ‘homes’ in the host country, seem set to increase, affecting the future development of these countries involved. Consequently, understanding these transnational migrants’ conceptions and practices of home is vital to uncovering the somewhat hidden and not always straightforward lives of transnational migrants at the global level.

References:

- Al-Ali, Nadjé & Khalid Koser 2002. Transnationalism, international migration and home. In Nadjé Al-Ali & Khalid Koser eds., *New Approaches to Migration?: Transnational Communities and the Transformation of Home*. London: Routledge, 1-14.
- Brednikova, Olga & Olga Tkach 2010a. Reshaping Living Space – Concepts of Home Represented by Women Migrants Working in St. Petersburg. In Cordula Gdaniec ed. *Cultural Diversity in Russian Cities*. New York & Oxford: Bergham Books, 70-93.
- Brednikova, Olga & Olga Tkach 2010b. Dom dlia Nomady. *Laboratorium*, 3, 72-95.
- Fryer, Paul, Joni Virkkunen & Furughzod Usmonov 2015. What Kind of Choice?: Understanding Migration in Tajikistan. In Liikanen, Ilkka, Scott, James W. & Sotkasiira, Tiina (eds.). *Borders, Migration and Regional Stability in the EU’s Eastern Neighbourhood*. London: Routledge (forthcoming).
- Fryer, Paul and Joni Virkkunen 2012. Creeping Migration Along the Kyrgyz-Tajik Border: A Tale from Two Villages. In Sergey Ryazantsev ed. *Migratory Bridges in Eurasia*. Moscow: Econ-Inform, 122-129.
- Fryer, Paul, Emil Nasritdinov and Elmira Satybaldieva. 2013. Moving towards the brink? Migration in the Kyrgyz Republic. *Central Asian Affairs*, Vol.1, No.2, 171-198.
- Marat, Erica 2009: *Labor Migration in Central Asia: Implications of the Global Economic Crisis*. Silk Road Paper May 2009. Central Asia-Caucasus Institute and the Silk Road Studies Program, Johns Hopkins University, Washington.
- Nasritdinov, E., N. Kholmatova and A. Sheralieva 2011. *Breaking the Stereotypes: Kyrgyz and Tajik Labor Migrants in Kazan*. UNESCO

Nasritdinov, E. & AUCA Student Research Team 2008. *Discrimination of Internal Migrants in Bishkek*. Bishkek: Social Research Center, American University of Central Asia.

Tangseefa, Decha 2006. Taking flight in condemned grounds: Forcibly displaced Karen and the Thai-Burmese in-between spaces. *Alternatives*, 31, 405-429.

Vuorela, Ulla 2002. Transnational Families: Imagined and Real Communities. In D. Bryceson & U. Vuorela eds. *The Transnational Family*. Oxford & New York: Berg, 63-82.

Шаповалова И.А.
(Москва, Россия)

ПОДГОТОВКА ИНОСТРАНЦЕВ К ПОСТУПЛЕНИЮ В РОССИЙСКИЕ ВУЗЫ: ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ

Культурно-информационное поле Российской Федерации в сегодняшних геополитических и социально-экономических условиях, находясь под влиянием традиций и тенденций развития цивилизации XXI века, характеризуется усилением внимания к прогрессивным смыслам устройства мира – многополярного и многоукладного, ориентированного на справедливость признания ценностей достойной жизни людей, на базовые принципы международного сотрудничества. Исторический опыт многовекового сожития народов многонациональной России, опыт гуманной политики в сфере дипломатических отношений в современной ситуации хаотического перемещения миграционных потоков приобретает особую ценность, о чем еще в 2001 году прозорливо говорил Митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл – ныне Патриарх Московский и всея Руси: опыт России будет востребован «в мятущемся мире. ...Мы ... восприимчивы к истокам западной цивилизации. Но, с другой стороны, мы укоренены в восточной культуре с ее приверженностью к традиционным ценностям.... Востребует мир и российский опыт общежития разных культур и убеждений...» [1, с. 4]

Обострившаяся ситуация в сферах международных отношений сегодня создает прецеденты лавинообразных миграционных процессов в глобальных масштабах. Значительное изменение количественных и качественных характеристик миграции отмечаются и в России, что требует усиления ответственности за реализацию Концепции миграционной политики России на период до 2025 года. [2]:

– компетентного решения вопросов культурно-языковой и социальной адаптации и интеграции всех категорий мигрантов;

– психолого-педагогической поддержки освоения мигрантами знаний государственного языка РФ – русского, истории, правовых норм нашей страны;

- обеспечения политики в сфере защиты прав детей иммигрантов;
- профессионального социокультурного и лингводидактического сопровождения процессов обучения детей иммигрантов в образовательных организациях России;
- квалифицированной работы по формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом;
- создания благоприятных условий для повышения престижа российских вузов, имеющих легитимное право на обучение иностранных студентов, аспирантов, стажеров;
- проведения мониторинга влияния мигрантов на качество комплексной безопасности конкретных территорий (регионов России).

Для решения проблем трудовой, образовательной, учебной миграции, по справедливому мнению Е. В. Терентьевой, необходима целенаправленная языковая, этнокультурная политика, связанная с проблемами государственной безопасности – с учетом местной специфики российских регионов. [3] Опыт показывает, прибывающие в г. Москву мигранты при подготовке к процедурам тестирования по русскому языку обращаются за консультацией прежде всего по вопросам оформления документов (заявления, анкеты, резюме и т.д.), речевого репертуара общения в УФМС, в полиции, в организациях здравоохранения, образования. Для иммигрантов, находящихся в Москве с детьми, по-особому актуальны проблемы адаптации семьи в образовательной среде, проблемы интеграции детей в российскую среду взаимодействия детей и взрослых. [4] Значимость таких проблем убедительно подтверждается официальной статистикой [5]: в образовательных организациях, подведомственных Департаменту образования г.Москвы, в 2015 году количество обучающихся из числа иностранных граждан составило 25357 человек. Среди них граждан Украины – 4907, Киргизии – 3128, Азербайджана – 2912, Таджикистана – 2769, Молдавии – 2739, Армении – 2451, Узбекистана – 2186. При такой плотности обучающихся из указанных выше стран потребность в изучении русского языка на их территориях остается невысокой. В Киргизии выражают желание изучать русский язык 38% населения, в Молдавии – 23%, в Азербайджане – 6%, в Армении – 3%. [6,с. 36] Определенные выводы прозрачны при знакомстве со статистикой об учебной миграции. [7] В России в 2008 году учились студенты из Армении – 1900 человек, из Азербайджана – 1800. Тенденция к значительному сокращению представленности студентов в российских вузах из бывших республик СССР сохраняется. По данным исследования Е.Е. Письменной, в конце первого десятилетия XXI века иностранные студенты и аспиранты обучались в 600 российских вузах. [7, с. 25] Ученый, анализируя специфику вовлечения России в конкурентную борьбу за потенциал образовательных мигрантов, предупреждает: «Если Россия не включится в активную политику по продвижению своих образовательных услуг в СНГ, то потоки студентов могут переориентироваться еще в большей степени на другие государства. [там же]

Большая часть студентов-иностранцев находится в Москве: РУДН, МГУ, Институт русского языка им. А. С. Пушкина и др. С 2014-го года отмечается увеличение количества иностранных студентов в МПГУ. В целях ук-

репления этой позитивной тенденции приказом ректора МПГУ академика РАН А. Л. Семенова в августе 2015 года создан подготовительный факультет. В логике таких процессов очевидны исторические реалии: в отечественном образовании позитивно оценивается опыт подготовительных факультетов (курсов, отделений), оказавших положительное влияние на повышение качества деятельности вузов.

В новейшей истории модернизации подготовки иностранцев к обучению в российских вузах принимаются во внимание выводы ученых о необходимости:

- расширения штата преподавателей и сотрудников для работы с иностранными студентами;

- создания комфортных условий проживания иностранных студентов в общежитиях;

- поиска решения вопросов возможности совмещения обучения студентов с временным трудоустройством: «для всех очевидно, что многие студенты вынуждены работать по разным причинам. ... разумно ... четко регламентировать этот вопрос.» [7, с. 31];

- урегулирования взаимоотношений между российскими и иностранными студентами;

- обеспечения комплексной безопасности пребывания иностранных студентов на территории России;

- рассмотрения вопросов о признании аттестатов и дипломов, полученных за пределами нашего государства;

- использования интеллектуального и духовного потенциала учебных мигрантов для продвижения русского языка и культуры России.

Заслуживают особого внимания выводы экспертов о низком уровне владения русским языком иностранными студентами: «Слабое знание языка затрудняет адаптацию студентов в России, влечет многие проблемы и для студентов, и для вузов.» [7, с. 32]

Целенаправленная работа по совершенствованию методик и технологий обучения русскому языку на сегодняшний день определила высокую эффективность научно-педагогических практикоориентированных трудов ученых РУДН [8; 9; 12], опыт которых позволяет развивать новые подходы к организации процессов обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ). Например, в систему традиционной работы по лексике и грамматике, аудированию и говорению, чтению и письму включаются приемы этнолингвокультурологического анализа текста, технологии формирования и использования дидактического портфолио, организация целевых тематических экскурсий, совместная подготовка преподавателей и студентов к событиям, ценностно значимым в истории и культуре России.

Основания работы по этнолингвокультурологическому анализу текста определяются:

- концептуальной идеей «русский язык в диалоге культур»;

- коммуникативно-деятельностным подходом к усвоению русского слова не только как единицы языка и речи, но и как концепта культуры [8; 9; 10];

– принципами формирования диалогового пространства на учебных занятиях. Для этого, пишет Л. Г. Саяхова, «необходимо сформировать культурное поле» дидактических средств. [10]

Апробированные инновационные методики обучения РКИ свидетельствуют о целесообразности включения в учебную деятельность студентов работы по формированию индивидуального дидактического портфолио.

Дидактический портфолио по РКИ студентов подготовительного факультета представляет собой папку будущего специалиста, ориентированного на достижение первого уровня владения РКИ. Успешное прохождение тестирования по первому уровню (ТРКИ-1, или В1) «свидетельствует о среднем уровне коммуникативной компетенции, который позволяет претенденту удовлетворять свои основные коммуникативные потребности в социально-бытовой, социально-культурной и учебно-профессиональной сферах общения в соответствии с государственным стандартом РКИ. Получение данного Сертификата необходимо для поступления в вузы РФ». [12, с. 7]

Универсальность дидактического портфолио проявляется в его ресурсах «быть видом аутентичного оценивания, включающего в себя демонстрацию выполнения заданий.» В условиях изучения РКИ дидактический портфолио может стать инновационным инструментом, сопровождающим традиционную систему оценки и контроля знаний по РКИ. [13] Вслед за Л. С. Колодкиной мы рассматриваем дидактический портфолио как коллекцию работ студента, все-сторонне демонстрирующую не только учебные результаты, но и усилие по их достижению. Коллекция работ студента, собранная в портфолио, позволяет наблюдать прогресс в овладении студентом культурологическими, коммуникативными, языковыми, речевыми, лингвистическими компетенциями и делать сравнение с результатами стартового контроля. Портфолио, таким образом, становится антологией работ студента, которая предполагает «его непосредственное участие в их выборе, а также их анализ и самоанализ». [13, с. 136] Другими словами, дидактический портфолио студента может рассматриваться как инструмент «самооценки собственного познавательного творческого труда, рефлексии его собственной деятельности». [13, с. 138]

На завершающем этапе обучения дидактический портфолио является собой специфическую книжку студента, где должное место отводится отзывам преподавателей об успехах в изучении РКИ, об участии в культурных событиях кафедры, факультета, университета. Структурированная по блокам, эта книжка содержательно заполняется материалами в соответствии со сферами общения: социально-бытовой, социально-культурной, учебно-профессиональной. [12, с. 7] В данных разделах учебные материалы группируются по тематическому признаку:

- Давайте познакомимся (анкета, резюме, автобиография, беседа и др.);
- Россия – большая, красивая, богатая страна;
- Моя Родина;
- Моя семья;
- Жизнь и быт студента;
- Москва: история, современность, будущее;

- Я мечтаю о путешествии по России;
- МПГУ – мой университет. Моя группа. Мои друзья. Мои преподаватели;
- Что я знаю о своей профессии?;
- Праздники в России;
- Праздники в моей стране;
- Мое свободное время;
- Мои лучшие работы по русскому языку;
- Отзывы о моей работе.

В систему целевых экскурсий студентов включаются посещения музеев, образовательных организаций, административных учреждений, деятельность которых представляет интерес для развития культурологических и коммуникативных компетенций студентов. Студенты высоко оценивают посещения:

- музея А. С. Пушкина (на Пречистенке или на Арбате);
- школы №1409 (финал международного конкурса «Школьные театральные сезоны»);
- школы №1352 (концерт танцевальных коллективов детей, посвященный Дню Победы в Великой Отечественной войне);
- детского сада комбинированного типа №772 (семинар «Хлеб всему голова»);
- МГТУ им. Н. Э. Баумана (презентация проектов победителей Всероссийского конкурса «Открытые горизонты»);
- Московского дома национальностей (выставка «Москва. Историко-культурное пространство»);
- школы №1238 (музей «Великий и могучий русский язык»);
- Издательского дома «Истоки» (знакомство с печатной продукцией этнокультурного содержания);
- Международного конкурса высокой моды национального костюма «Этно-Эрато» (Совет по делам национальностей при Правительстве г. Москвы).

На кафедре довузовского преподавания РКИ МПГУ апробирован опыт соучастия преподавателей и студентов в событиях ценностно-смысловой значимости для понимания русского языка как первоэлемента культуры русского народа, Российского государства, культуры межнационального общения народов России, культуры общения России в сферах международного сотрудничества. Студенты-иностранцы тепло вспоминают о своем участии в таких событиях, как:

- Новый год в России;
- Широкая масленица;
- День родных языков;
- День Победы в Великой Отечественной войне.

Перспективность целевых ориентиров организации учебного процесса на кафедре РКИ очевидна. Обновление ценностно-смысловых установок методик и технологий обучения РКИ соответствует стратегии развития отечественного образования в современном пространстве международных отношений.

Список литературы и источников

1. VI Всемирный русский народный собор. Стенограмма и материалы. [Текст] М.: АНО РИД «Роман-газета XXI века». – 2001 г. – 96 с.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.)
3. Терентьева, Е.В. Деловой русский язык для мигрантов. Вестник ВолГУ. Серия 6. Вып. 14. [Текст] / Е.В.Терентьева // Волгоград: ВолГУ. – 2013. – С. 117-120.
4. Культура взаимодействия детей и взрослых // под ред. Е.А. Александровой и Н.Б. Крыловой. [Текст] / Е.А. Александрова, Н.Б.Крылова // М. – 2009. – 248 с.
5. Количество обучающихся, являющихся иностранными гражданами, в образовательных организациях, подведомственных Департаменту образования г. Москвы [Электронный ресурс] – <http://dobrososedstvo.com>
6. Москва – соотечественникам. Альманах-2013. [Текст] М.: МЦМС. – 2014. – 118 с.
7. Письменная Е.Е. Социальные последствия учебной иммиграции в России (вопросы теории и методики исследования). АДД. Спец. 22.00.03. Экономическая социология и демография. [Текст] / Е.Е.Письменная // М.: Институт социологии РАН. – 2009. – 65 с.
8. Балыхина Т.М. Избранные статьи по теории и практике обучения русскому языку и воспитания. [Текст] / Т.М. Балыхина // М.: РУДН. – 2012. – 121 с.
9. Хавронина С.А., Харламова, Л.А. Русский язык. Лексико-грамматический курс для начинающих. [Текст] / С.А. Хавронина, Л.А.Харламова // М.: Дрофа. – 2009. – 566 с.
10. Муллагалиева Л.К., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур. [Текст] / Л.К. Муллагалиева, Л.Г. Саяхова // Уфа: Китап. – 2008. – 204 с.
11. Шаповалова И.А., Шаповалов М.В. Ценностно-смысловое пространство текста в аспекте лингвокультурологического анализа художественного произведения. [Текст] / И.А. Шаповалова, М.В. Шаповалов // М.: «Социально-гуманитарные знания». – 2012г. – № 9, – С. 324-334.
12. Балыхина, Т.М., Ельникова, С.И., Костина, С.Г., Румянцева, Н.М., Царева, Н.Ю. Рыбочая тетрадь тестора. [Текст] / Т.М. Балыхина, С.И. Ельникова, С.Г. Костина, Н.М. Румянцева, Н.Ю. Царева // М.: РУДН. – 2012. – 146 стр.
13. Колодкина, Л. С. Дидактический портфолио как средство организации индивидуального маршрута будущих педагогов. [Текст] / Л.С.Колодкина // Ижевск: Удмуртский университет. – 2009. – 248 с.
14. Рязанцев, С.В., Гребенюк, А.А. «Наши» за границей. [Текст] / С.В. Рязанцев, А.А. Гребенюк // М.: ИСПИ РАН. – 2014. – 238 с.

ТЕНДЕНЦИИ И ОЦЕНКИ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

(Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 13-22-21001 и РФФИ, проект № 15-06-05817)

В современном мире среди проблем глобального развития большое внимание привлекает тема международной китайской миграции и ее геополитические, социально-экономические и демографические последствия. Сегодня практически не осталось стран, которые в той или иной степени не были бы затронуты миграционными потоками из Китая.

В развитии российско-китайского взаимодействия миграционный обмен между обеими странами – заметное, масштабное и динамичное явление. Китай является нашим ближайшим соседом, обладающим самым мощным в мире демографическим, трудовым и миграционным потенциалом. К началу 2015 года численность населения Китая достигла 1,4 млрд. человек [1]. Поэтому естественно, что в условиях углубления российско-китайского стратегического партнерства, тесного сотрудничества в политической, торгово-экономической, информационной, военной и гуманитарной сферах сотни тысяч граждан КНР оказались вовлечены в миграционные круговорот в/через Российскую Федерацию.

Геополитические, социально-экономические и демографические последствия увеличения числа выходцев из КНР на российской территории, возможные риски и вызовы, связанные с развитием китайской миграции и китайского бизнеса в стране, а также поиск эффективных механизмов регулирования миграционных потоков между двумя государствами уже длительное время являются предметом острых дискуссий.

Реальные тенденции современной китайской миграции в России, а также ее этнополитические и этносоциальные эффекты оцениваются неоднозначно, сопровождаются множеством слухов и домыслов, что создает почву для манипулирования общественным сознанием со стороны различных политических сил. Широкое распространение получила мифологизация всего того, что связано с «китайской миграционной проблемой». Искажение информации вокруг китайского присутствия в стране, возможной миграции китайцев в Россию может стать негативным фактором, препятствующим расширению и углублению полноценного сотрудничества двух государств в экономической и гуманитарной областях. Задачи выявления реальной картины в развитии миграции из КНР и поиска адекватных решений имеющихся проблем в данной сфере имеют не только огромный научный интерес, но и большое практическое значение для устойчивого социально-экономического развития страны и обеспечения ее геополитических интересов в отношениях с внешним миром.

Большинство специалистов, занимающихся проблемами миграции, сходятся во мнении, что население России в целом пока заметно не прирастает китайцами. Не подтверждает тезис о «китайской угрозе» и «демографической экспансии Китая» и официальная статистика. Согласно данным статистического учета, численность китайских мигрантов и количество граждан КНР, находящихся на российской территории, сравнительно невелики. По оценкам ФМС России, по состоянию на конец августа 2015 года на территории России находилось свыше 263 тыс. китайских граждан [2]. Это значительно меньше в сравнении с численностью китайцев во многих странах мира. Среди них можно назвать не только страны Юго-Восточной Азии – такие, например, как Индонезия, Малайзия, Таиланд, но и страны Америки – США и Канаду, а также Австралию, Японию и Южную Корею.

В настоящее время китайцы представляют собой относительно небольшую часть мигрантов, прибывающих в РФ, особенно в сравнении с притоком населения из стран СНГ. При этом необходимо учитывать, что подавляющая часть выходцев из Китая приезжает в Россию не на постоянное место жительства, а на время. Они находятся на российской территории в краткосрочном режиме – в служебных поездках, по временным трудовым контрактам, на учебе, в качестве туристов, крупных, средних и мелких бизнесменов или торговцев-челноков.

На протяжении последних пятнадцати лет численность китайских мигрантов испытывала значительные колебания, которые происходили на общем фоне тенденции к росту числа въезжающих в Россию граждан КНР. Одновременно развитие получили основные виды и типы китайской миграции, в том числе «коммерческая», трудовая, бизнес-миграция, миграция на постоянное место жительства, учебная, транзитная и др.

В 2000-е годы по мере расширения двустороннего сотрудничества миграция из Китая развивалась очень интенсивно и имела возрастающий тренд. Согласно данным официальной статистики, в течение 2000-2008 гг. общее число прибывших из КНР в РФ на постоянное место жительства, в служебную командировку, в качестве предпринимателей, туристов, по приглашениям, транзитом увеличилось с 493,8 тыс. человек до 815,5 тыс. человек, или в 1,7 раза [3]. Особенно был заметен рост въезжающих в Российскую Федерацию из КНР с частными целями. Так, по данным Федеральной пограничной службы России, отражающих количество пересечений границы, в период с 2000 по 2008 гг. число частных поездок в РФ из Китая возросло в 13 раз.

Мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. скорректировал сложившиеся в миграционном взаимодействии России и Китая тенденции. Сокращение производства, уменьшение числа рабочих мест, изменение поведенческих характеристик мигрантов в условиях кризиса не могли не повлиять на динамику потоков китайских граждан, прибывающих в Россию. По данным Федеральной пограничной службы, в 2009 г. в сравнении с 2008 г. общее число прибывших из Китая в Российскую Федерацию уменьшилось с 815,5 тыс. человек до 718,6 тыс. человек (на 11,9 %).

По мере выхода из экономического кризиса 2008-2009 гг. ситуация начала выравниваться, и количество прибывающих из Китая в Российскую Федерацию стало опять стабильно расти. Начиная с 2010 года происходит устойчивое, без перерывов, нарастание масштабов китайской миграции и увеличение китайского присутствия в России. Расширение миграционных потоков со стороны КНР сопровождается вовлечением китайских мигрантов в экономическое освоение Дальнего Востока, теряющего в результате внутренней миграции население, но обладающего значительным природным потенциалом.

Не особо заметил общий поток китайских мигрантов и резкого ухудшения положения дел в российской экономике в середине текущего десятилетия. В результате за последние пять лет (2010-2014) ежегодное количество прибывающих в РФ граждан КНР возросло до 1,1 млн. человек, или на 377,5 тыс. человек, т.е. в 1,5 раза. Данные пограничной статистики свидетельствуют, что в целом в течение 2000-2014 гг. въезд китайских граждан в Россию увеличился с 494 тыс. человек до 1,1 млн. человек, или в 2,3 раза [4]. Миграционный поток по линии туризма возрос в 2,4 раза. Почти в 9 раз за прошедшие пятнадцать лет увеличился приток китайских мигрантов, въезжающих на российскую территорию в личных целях.

Современные направления миграционных потоков из Китая в Россию в значительной мере связаны с географией китайских провинций. Большая часть китайских мигрантов приезжает в Россию из приграничных северо-восточных провинций – Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, а также Автономного района Внутренняя Монголия, которые характеризуются замедленным экономическим развитием. Именно эти территории являются основным источником китайской рабочей силы как для регионов европейской части России, так и для восточных районов страны. Как показывает анализ, в миграционных потоках из Китая выделяются также провинции центральной части КНР – Цзилин, Цзянсу, а также быстро развивающиеся города приморских территорий, в первую очередь Шанхай.

По данным проведенных нами обследований, среди китайских мигрантов, прибывающих в Россию, заметную роль играют лица, проживавшие в малых городах и сельской местности, поскольку здесь сосредоточена значительная часть демографического потенциала КНР, а масштабы безработицы и бедности получили наибольшее распространение.

Основные центры притяжения китайских мигрантов – Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (Забайкальский, Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская и Новосибирская области), а также Краснодарский край Южного федерального округа.

Говоря о демографической структуре китайских мигрантов, можно отметить, что их состав по полу во многом типичен для трудовых мигрантов, циркулирующих во всем мире. В их общей структуре преобладают мужчины, являющиеся основными кормильцами своих семей. Среди китайских мигрантов доля лиц мужского пола достигает 70 %, что в значительной мере отража-

ет специфику спроса на иностранную рабочую силу и характер ее занятости на территории Российской Федерации.

Следует учесть, что возрастной состав китайских мигрантов является благоприятным для развития российской экономики, ибо большинство прибывающих из КНР граждан находится в молодом, наиболее активном трудоспособном возрасте. По результатам наших обследований, трое из четырех мигрантов входят в возрастную группу 20-39 лет, при этом их наибольшее число сосредоточено в возрастах от 30 до 39 лет, а средний возраст составляет 31,3 года, что существенно ниже среднего возраста населения РФ.

Оценивая тенденции китайской миграции, ее социально-экономические, демографические и геополитические последствия, следует иметь в виду, что миграционное движение из Китая в Россию – это не столько проблема сегодняшнего дня, сколько масштабный миграционный феномен перспективного развития страны в XXI веке.

Несмотря на сложность и противоречивость китайской миграции, в России пока еще не выработана стратегия в отношении регулирования миграции из Китая. Противоречивость роли, которую играет китайская миграция, требует от российского государства дифференцированного регулирования в этой сфере. С одной стороны, необходима политика поддержания законной китайской трудовой иммиграции с учетом национальных и геополитических интересов страны, того положительного, что вносят китайские работники в ее экономическое развитие, а с другой, – политика, направленная на ограничение нелегальной миграции и незаконной занятости граждан КНР, снижение социокультурных, экономических и политических рисков, связанных с расширением притока китайских мигрантов.

Особое значение в противодействии нежелательной миграционной экспансии из Китая имеют и меры в области социальной политики по стабилизации населения и трудовых ресурсов России на Востоке страны. Важным представляется и решение и таких общих вопросов экономической и миграционной политики, как предоставление преференций для привлечения в территории опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока мигрантов из стран СНГ и других регионов России, сохранение квотирования в использовании китайских трудовых мигрантов на этих территориях, а также стимулирование миграции российского населения в приграничные с КНР районы.

Для регулирования миграционных потоков из Китая необходимо расширить информационную и аналитическую базу по данному направлению международной миграции в России, а также прогнозировать социально-экономические, демографические и геополитические последствия расширения китайского присутствия как для отдельных регионов, так и страны в целом. Важно располагать надежными данными, характеризующими масштабы, формы, виды и структуру китайской миграции. В этой связи целесообразно проведение мониторинговых исследований, отслеживающих основные параметры и итоги миграционного взаимодействия России и Китая.

Список литературы и источников

1. БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015; Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР/ Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. – http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/BRIKS_RUS.pdf.
2. Официальные статистические данные ФМС России. – <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/>
3. Численность и миграция населения Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. – <http://www.gks.ru/>
4. Там же.

Раздел 3

МИГРАЦИЯ И ЗДОРОВЬЕ МИГРАНТОВ: ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Васильева И.С.

(Москва, Россия)

Карабулатова И.С.

(Москва, Россия)

МНОГООБРАЗИЕ МОДЕЛЕЙ ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕПРОДУКТИВНО-БРАЧНОМ ПОВЕДЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Исследования процесса выбора брачного партнера и добрачных отношений, на наш взгляд, можно разделить на несколько типов, связанных с гендерным подходом (Архипова 2006; Ryazantsev et al 2014; Van Peer 2002). Модификация стереотипов добрачного и семейного поведения современной молодежи на этапе выбора брачного партнера актуализируется как социальный феномен в результате реального развития социальной, психологической и нравственной готовности современной молодежи к браку и семейной жизни, которое происходит под воздействием постоянных объективных факторов: родительской семьи, культурологических особенностей страны (региона), всей образовательной системы, индивидуальных особенностей характера индивидов (Höhn 2001; Ryazantsev et al 2015a; Казарина-Волшебная, Комиссарова, Турченко 2012; Карабулатова 2004). Сфера общения современных молодых людей становится более избирательной и дифференцированной. Ценностные ориентации юношей и девушек утрачивают матримониальную монополию: любовь, эмоциональные контакты и сексуальное удовлетворение представляют для них самостоятельные ценности, не всегда, связанные с образованием семьи. Являясь наиболее активной частью общества, молодежь через свое отношение к брачно-семейным ценностям определяет принципы добрачных отношений.

Первичный авторский материал сформирован в ходе проведения многокомпонентного комплексного интервьюирования с последующим анализом. Первичное социологическое исследование проведено на тему «Ценностные установки выбора брачного партнера». Выборочная совокупность включала

500 респондентов, проведено в 2012-2013 гг. авторским коллективом среди молодежи, обучающейся в старших классах школ, лицеев, колледжей, вузах Московского региона, а также работающей молодежи. Выборка квотная (по социальному статусу и гендерному составу, по возрасту и образованию). Был проведен социологический опрос в форме анкетирования с участием молодых респондентов из Московского региона в возрасте от 15 до 29 лет. **По опросу 366 человек** – квотная выборка, состоящие в добрачных отношениях, представители различных национальностей (см. Таблицу №1).

Таблица 1.

Национальный состав

Всего 366 чел. Всего 183 пары	18-22	23-26	27-30	м/ж/всего	Совпадение пар по нацио- нальности
русские м/ж	18/28	22/30	18/24	58/82/140	48
татары м/ж	18/10	14/7	4/4	36/21/57	20
евреи м/ж	9/4	4/9	8/6	21/19/40	18
украинцы, белорусы м/ж	11/5	2/7	5/5	18/17/35	11
азербайджанцы м/ж	2/2	2/3	1/2	5/7/11	5
армяне м/ж	1/1	1/1	2/3	4/5/9	3
таджики, узбеки м/ж	1/1	2/4	2/3	5/8/13	2
дагестанцы, адыги, ингу- ши, чеченцы м/ж	8/12	16/8	12/4	36/24/60	18
	68/63	63/69	52/51	183/183	125 совпаде- ний из 183 пар

Из-за довольно ограниченного количества опрошенных другие многочисленные национальности России оказались не представленными во всем их разнообразии в исследуемой нами совокупности.

Одним из социологических факторов брачного отбора является территориальная близость.

Более 90 % от всего числа опрошенных высказывают в целом положительное отношение к совместной жизни вне зарегистрированного брака. При этом следует отметить, что среди них преобладают женщины в возрасте от 27 до 30 лет. Совместное распределение мнений женихов и невест показало, что установки будущих супругов совпадают у 68% пар, в 68% из которых отношение к сожительству в целом положительное и в 2% отрицательное. Таким образом, мы можем говорить об изменении ценностных установок на факт девственности у девушек.

Также в ходе опроса были выяснены установки женихов и невест относительно добрачных сексуальных отношений. Из всех опрошенных отрицательно по поводу сексуальных отношений до брака высказали лишь 2% респондентов. Оставшиеся 98% считают добрачные сексуальные отношения в целом допустимыми. В числе их противников преобладают мужчины – 2% к 1%.

Заметим, что, по нашим данным, установки относительно совместной жизни вне зарегистрированного брака и добрачного сексуального поведения практически не зависят от образования, социального статуса, места жительства и характеристик родительской семьи.

С ростом числа разведенных людей вопрос о *брачном статусе* вступающих в брак является важным. Из всей совокупности опрошенных в первый брак вступают 81% респондентов. При этом 12 из 19% разведенных женихов и невест уже имеют детей от предыдущих браков. Вдов и вдовцов среди респондентов не встретилось.

Данные показывают, что доли женихов и невест, вступающих в повторный брак, равны – в среднем по 12% тех и других от всего контингента. Обращает на себя внимание разница между числом мужчин и женщин с детьми. Так, имеют детей от предыдущих браков 11% невест и лишь 1% женихов.

Одна из гипотез исследования гласила, что на брачный выбор оказывает влияние *факт миграции будущих супругов* (Ryazantsev et 2014; Ryazantsev et al 2015; Ryazantsev et al 2015 a). В связи с этим опрошенным предлагалось ответить на вопрос, сколько лет они проживают в Москве. Как выяснилось, факт миграции одного из будущих супругов не оказывает существенного влияния на брачный выбор женщин в возрастной группе от 27 до 30 лет.

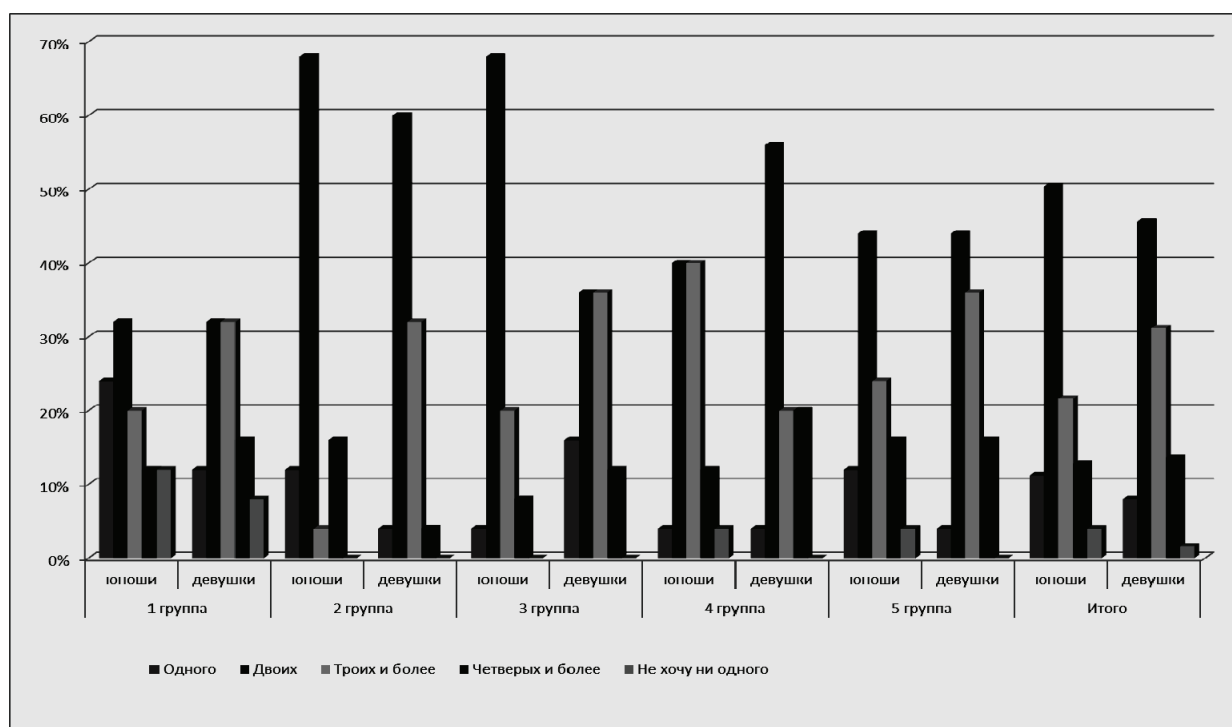
Полученные данные свидетельствуют, что на вероятность заключения брака мало влияет *совпадение религиозных установок* будущих супругов, за исключением татар и народностей, проживающих на Кавказе.

При этом наблюдается некоторая унификация установок на количество детей в браке.

Таблица 2.

**Сколько бы Вам хотелось иметь детей,
если бы для этого были созданы все необходимые условия?
(% от общего количества юношей и девушек по каждой из пяти групп)**

	1 группа		2 группа		3 группа		4 группа		5 группа		Итого	
	Юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Одного	24%	12%	12%	4%	4%	16%	4%	4%	12%	4%	11%	8%
Двоих	32%	32%	68%	60%	68%	36%	40%	56%	44%	44%	50%	46%
Троих и более	20%	32%	4%	32%	20%	36%	40%	20%	24%	36%	22%	31%
Четверых и более	12%	16%	16%	4%	8%	12%	12%	20%	16%	16%	13%	14%



Относительно возраста респондентов. Были представлены группы молодежи, начиная с 15 лет и заканчивая 30 годами. На наш взгляд, такая выборка дает сделать некоторые прогностические заявления не только относительно сексуально-матримониального поведения, но и репродуктивного также, что позволит выявить тенденции в демографической ситуации в России.

Следует отметить, что на сегодняшний день избирательность знакомств обусловила создание в интернете специализированных сайтов, направленных на знакомство людей с ориентацией: а) на национальность, страну; б) на конфессиональную принадлежность (знакомства с мусульманами и для мусульман, христианские знакомства, знакомства для кавказцев, знакомства для евреев и т.д.); в) на специфические особенности людей (знакомства для инвалидов и т.п.). Закрытость отдельных групп не позволяет провести более глубокое интервьюирование. Однако напряженность в обществе создает установки на поиск партнера в своей этнической группе. Определенное влияние оказывает современная литература на поиск «идеального партнера» (Karabulatova et al 2015).

Анализируя гендерные характеристики, можно выделить ряд параметров, прямо и косвенно способствующих либо препятствующих вступлению в добрые отношения. На первый план выходят те, которые повышают их самооценку, прежде всего, в глазах будущей супруги, а также окружающих. К ним относятся наличие квартиры, уровень зарплаты и образовательный ценз. Для женщин это также наличие детей и национальность. Отношение к уровню образования женщины может быть различным со стороны женщины и ее избранника (Дюргейм 1996).

Женщины, вступившие в добрые отношения, преимущественно русские. Группа женщин, не состоявших в браке, более многонациональна. Различия в национальности является существенным препятствием при вступлении в брак для женщин. Вероятно, от того, что мужчины прежде всего видят их в качестве будущих матерей для своих детей.

В целом национальность у мужчин не влияет на решение личных проблем, хотя группа «успешных» мужчин более многонациональна. Интернациональность среди вступивших в добрачные отношения гораздо больше представлена у мужчин, чем у женщин, которые преимущественно русской национальности.

Вместе с тем более высокий социальный и экономический статус приводит к поиску более привлекательного партнера по различным качествам (внешняя привлекательность, финансовая состоятельность, молодость, здоровье, уровень образования и т.д.), где уже этнический фактор перестает играть определяющую роль в выборе брачного партнера.

Список литературы и источников:

1. Архипова Е. Кризисы семейной жизни. – К.: изд. «Фарес», 2006. С.94-128.
2. Дюргейм Э. Социология образования: Пер. с фр. Т.Г. Астаховой. Науч. ред. В. С. Собкин, В. Я. Нечаев. – М.: ИНТОР, 1996. – 80 с.
3. Höhn, C. (ed.) (2001), Demographic and Cultural Specificity and Integration of Migrants. 1st Workshop organised by the Federal Institute for Population Research in Co-operation with the Network for Integrated European Population Studies (NIEPS), 10-12 November 2000, Bingen, Germany. Materialien zur Bevölkerungswissenschaft, Heft 103. Wiesbaden: Bundesinstitut für Bevölkerungsforschung.
4. Казарина-Волшебная Е.К., Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи. In the: Социс. 2012. № 6, С. 120-122.
5. Карабулатова И.С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. Тюмень: издательство «Академия», 2004. – 268 с.
6. Karabulatova et al (2015) – Karabulatova I.S., Khachmafova Z.R., Bricheva M.M., Nescheretova M.T. & Bersirova A.K. Linguopragmatic Aspect of "Search for the Ideal" in the Discourse of Female Fiction as a Reflection of Matrimonial-Demographic and Sexual Behavior in Contemporary Russian Society. Review of European Studies. 2015. Vol. 7. No 6 (2015). – pp.: 35-45. Received: February 28, 2015 Accepted: March 20, 2015 Online Published: April 24, 2015 doi:10.5539/res.v7n6p35 URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/article/view/47980/25754>
7. Ryazantsev et al (2014) – Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S. & Charif Y.Akramov. Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia. In the: Asian Social Science. Vol 10, No.20, 2014, ISSN 1911-2017; E-ISSN 1911-2025. Published by Canadian Center of Science and Education. Received: June 22, 2014 Accepted: July 15, 2014 Online Published: September 24, 2014. Received: June 20, 2014 Accepted: July 16, 2014 Online Published: September 24, 2014. doi:10.5539/ass.v10n20p1.
<http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40806/22527>
(date of access 22.02.2015).
8. Ryazantsev S.V. et al (2015) – Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Sivoplyasova S.Yu., Pismennaya E.E., Manshin R.V. Modern Aspects of Human Trafficking in the Context of Labor Exploitation and Irregular Labor Migration in the Russian Federation. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.2, May 2015. – pp.: 67-72. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s2p67

<http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6465/6195>(date of access 20.08.2015).

9. Ryazantsev S.V. et al (2015a) – Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Mashin R.V., Pismennaya E.E., Sivoplyasova S.Yu. Actual problems of human trafficking in Illegal immigration in the Russian Federation. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.1, May 2015 (a). – pp.: 621-626. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s1p621

<http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6451/6185>(date of access 12.08.2015).

10. Van Peer, C. (2002) – Van Peer Desired and Achieved Fertility. In: E. Klijzing and M. Corijn (eds.), Dynamics of Fertility and Partnership in Europe. Insights and Lessons from Comparative Research. Volume II. New York and Geneva: United Nations, pp. 117-142.

Иванова А.Е.
(Москва, Россия)

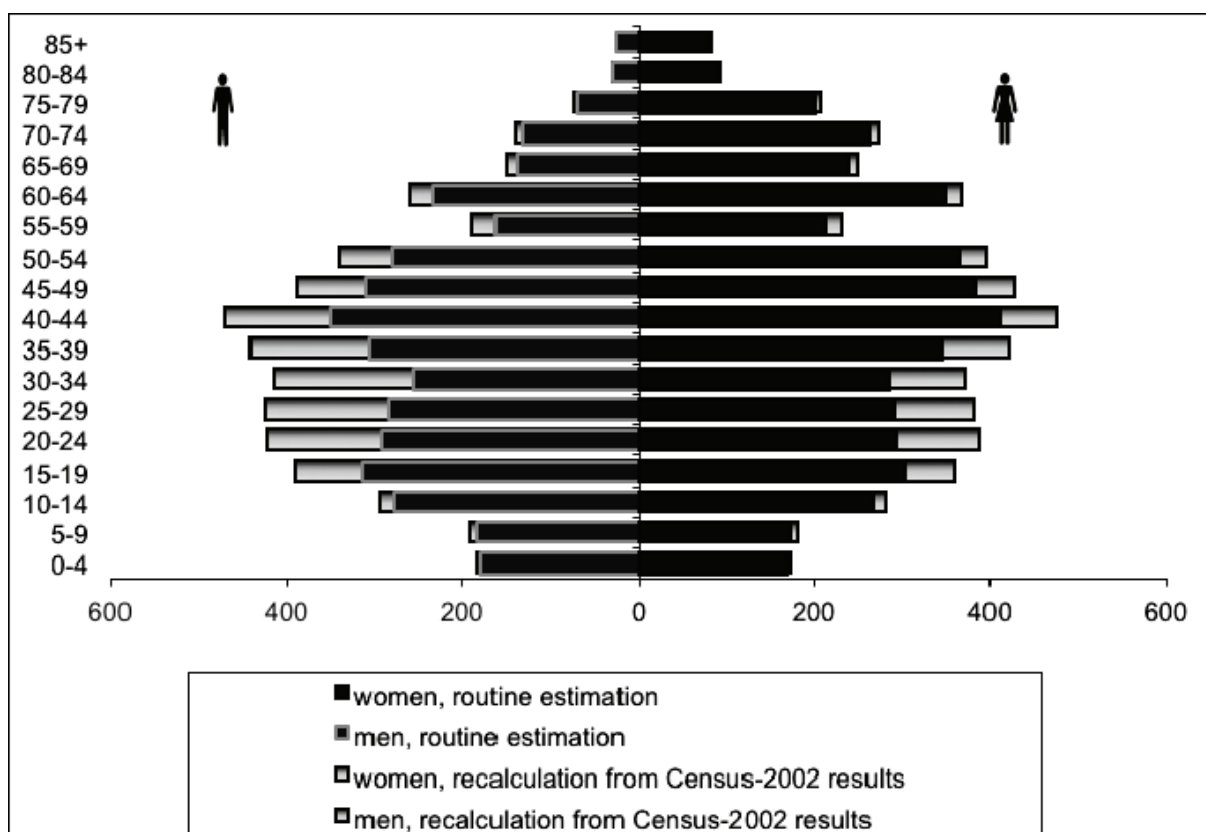
ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ОЦЕНКУ ЧИСЛЕННОСТИ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В МЕГАПОЛИСЕ

(Исследование проведено при поддержке
гранта РФФИ № 15-06-05410-а)

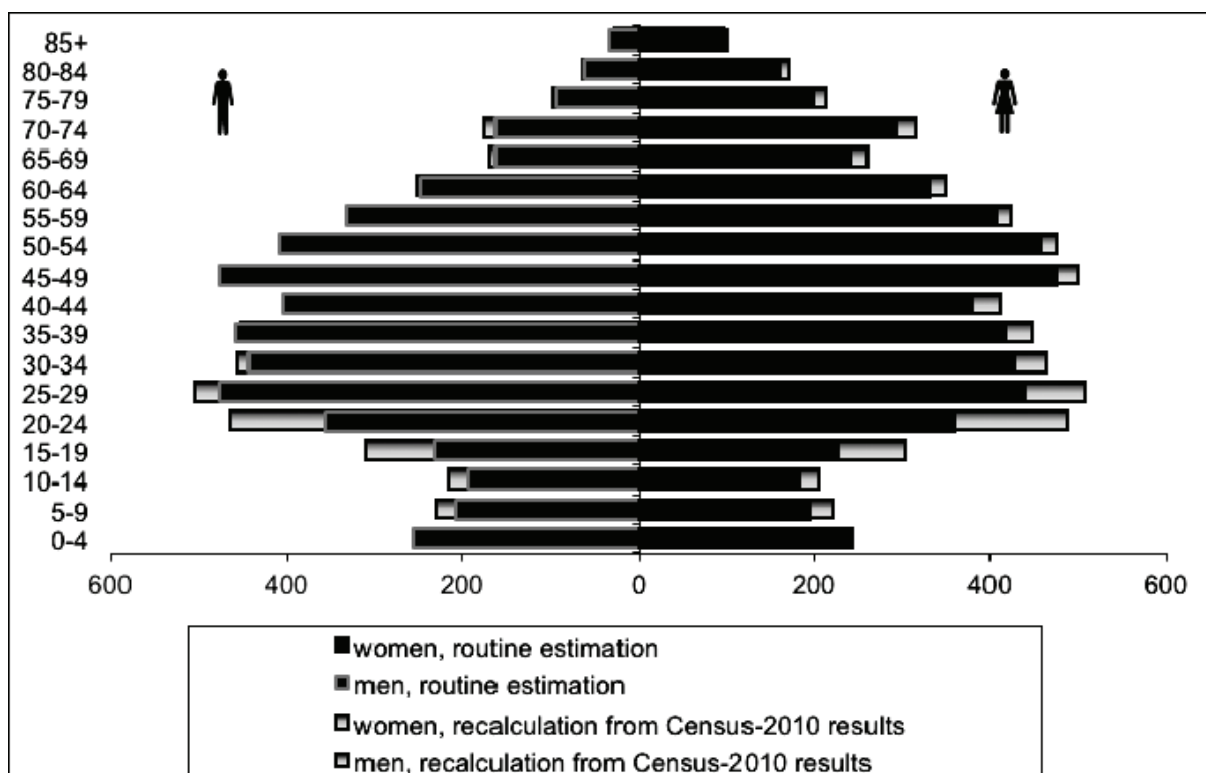
Актуальность.

Учет населения переписью считается более точной оценкой его в сравнении с данными, полученными на основании текущего учета естественного движения населения и миграции [1]. Вместе с тем, в условиях полного и достоверного текущего учета естественного и миграционного движения, между этими оценками не должно быть существенных отличий. В период социально-экономических трансформаций в России ситуация изменилась. Перепись и в 2002 г. и в 2010 г. показала большую численность населения страны, чем оценка ее по данным текущего учета. По мнению экспертов, главным источником расхождений явилась проблема неполного учета миграции.

При этом практически все превышение сконцентрировалось в Москве, которая является крупнейшим городом страны и центром притяжения миграционных потоков. Так, на 1.01.2002 г. численность населения Москвы по данным текущего учета составляла 8539 тыс. человек, а по переписи 2002 г. – 10383 тыс., т.е. на 1844 тыс. больше (более 20%). В 2010 г. различия данных текущего учета (10563 тыс. человек на 1.01.2010 г.) и переписи населения (11382 тыс.) оказались меньше – 819 тыс., но также очень существенными (около 8%). Существенно, что знаменатель при расчете демографических показателей изменился не только количественно, но и структура населения претерпела заметные сдвиги, которые характеризуются увеличением доли молодежи и соответственно сокращением удельного веса пожилых групп (рис. 1). Все это не могло не сказаться на уровнях и тенденциях демографических показателей.



*Численность населения Москвы в 2001 г. с учетом и без учета
итогов переписи 2002 г., тыс. человек*



*Численность населения Москвы в 2009 г. с учетом и без учета
итогов переписи 2010 г., тыс. человек*

**Рис. 1. Демографическая пирамида населения Москвы с учетом и без учета
итогов переписей населения в 2002 и 2010 г.**

Цель: выявить изменения в масштабах и трендах смертности населения на примере Москвы, связанные с влиянием миграции на численность и возрастную состав населения столицы.

Материалы и методы.

Вопросы принципов учета численности населения в переписях и по данным текущего учета демографических событий важны для оценки достоверности демографических индикаторов. Вплоть до 1989 г. в России в переписях учитывались категории наличного и постоянного населения. С 2002 г. Россия перешла на учет в переписи только постоянного населения. При этом текущий учет демографических событий предусматривает возможность регистрации события по месту жительства и по месту наступления события. Это породило проблему неполной сопоставимости числителя и знаменателя при расчете демографических индикаторов. Эта проблема значима и в целом для РФ, однако для отдельных территорий, особенно с высокой миграционной подвижностью, проблема представляется крайне актуальной.

Использованы материалы по Москве: Всероссийских переписей населения за 2002 и 2010 г.; данных текущего учета случаев смерти и оценки численности и половозрастной структуры населения за межпереписные периоды: 1989-2001 г., 2002-2009 г. и 2010-2013 г. Рассчитаны показатели продолжительности жизни населения, стандартизованные коэффициенты смертности и средний возраст умерших от основных причин: болезней системы кровообращения, новообразований, травм и отравлений, болезней органов дыхания, пищеварения, инфекций.

Результаты. Наибольшие расхождения с данными текущего учета дала перепись 2002 г., соответственно и показатели смертности, рассчитанные без ее учета и с ее учетом, различаются очень существенно. И если в начале периода 1989-2001 г. различия СПЖ по этим двум источникам данных составляли меньше 0,1 года, к 1995 г. они достигли величины более 1 года у мужчин и 0,3 года у женщин, то в 2001 г. они составляли 2,8 года у мужчин и 0,9 года у женщин. Перепись 2010 г. также откорректировала величину продолжительности жизни населения, но эта коррекция, во-первых, была существенно меньше, чем в 2002 г., и, во-вторых, она оказалась больше у женщин (0,6 года), чем у мужчин (0,1 года) (рис. 2).

Данные переписи изменили не только оценку продолжительности жизни, но и ее траекторию. При этом, пересчет СПЖ с учетом переписи 2002 г. принципиально изменил тренд показателя: в период после 1997 г. у мужчин СПЖ стабилизировалась, тогда как текущая оценка демонстрировала снижение, у женщин отмечен рост вместо стабилизации. Пересчет СПЖ с учетом итогов переписи 2010 г. подтвердил динамику роста СПЖ и у мужчин, и у женщин, но ускорил темпы роста, прежде всего, у женщин.

Изменение величины и траектории СПЖ с учетом данных переписей в различной степени обусловлено основными причинами смерти.

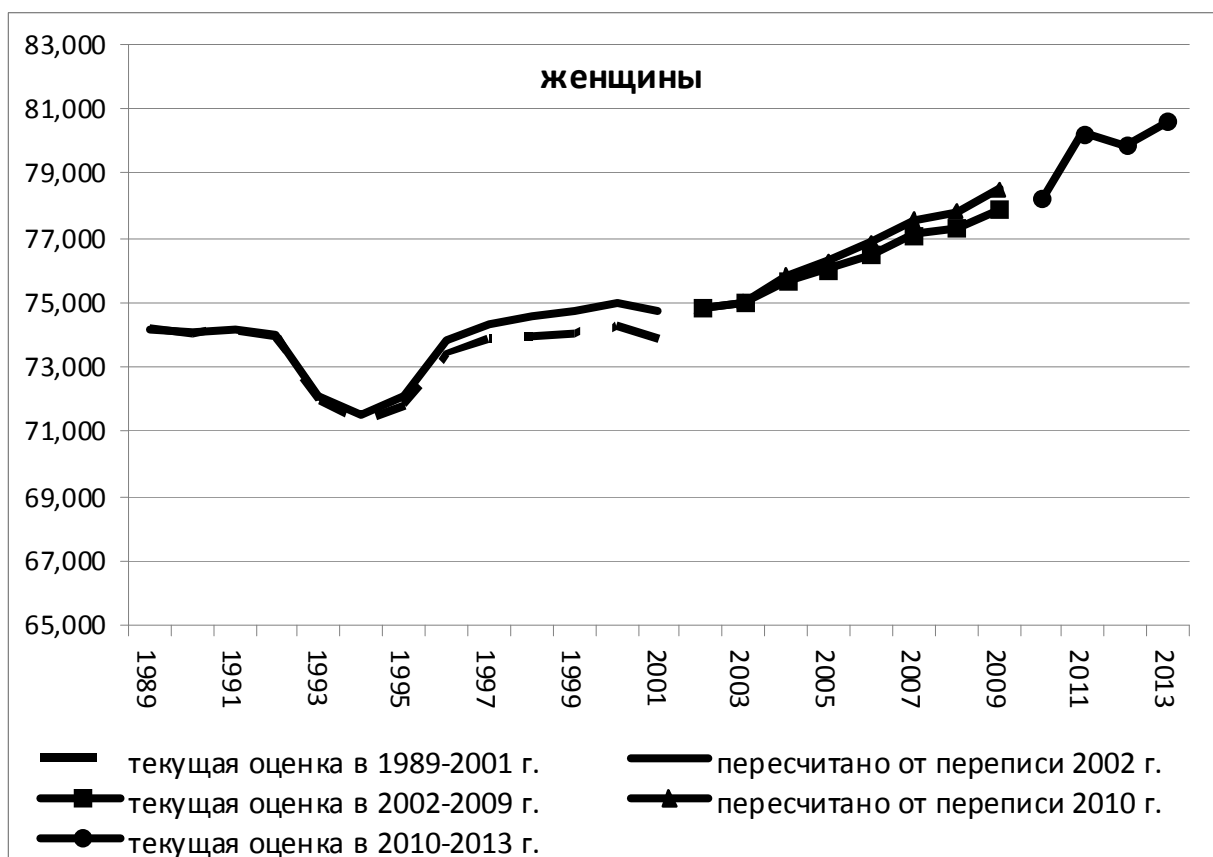
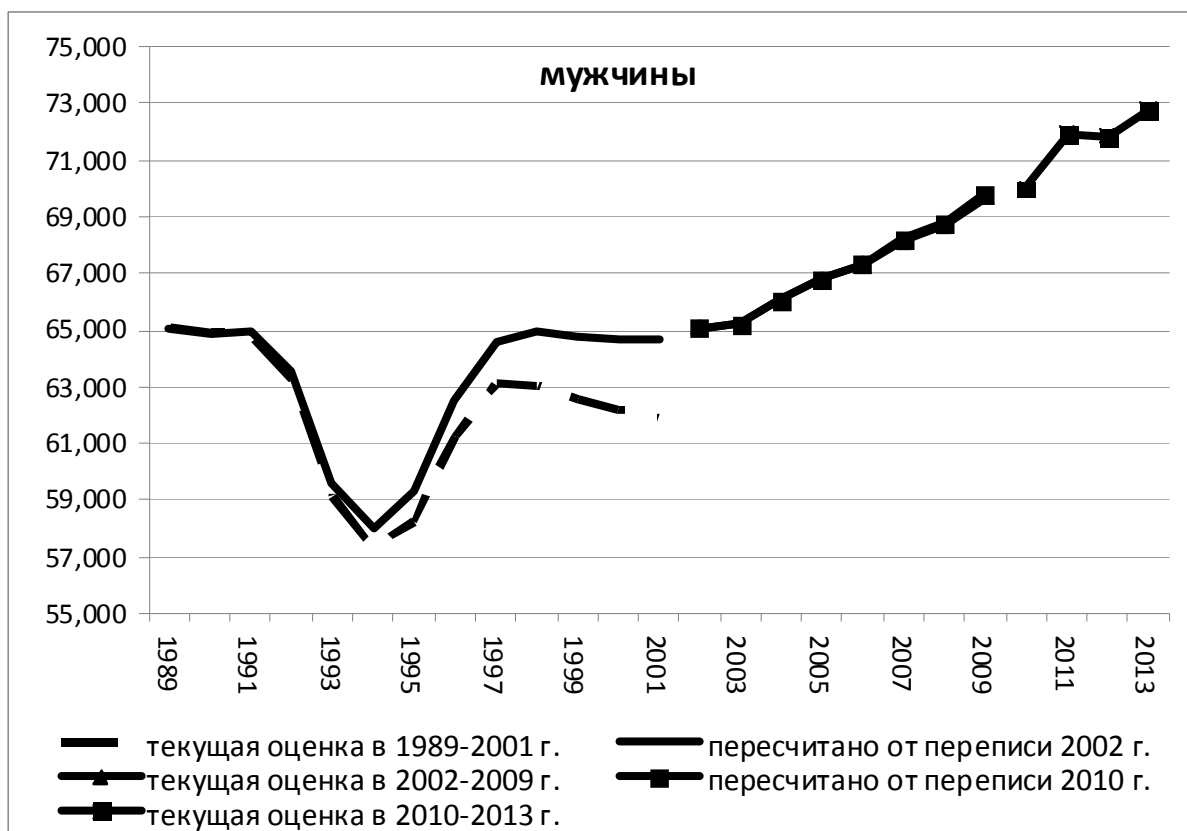
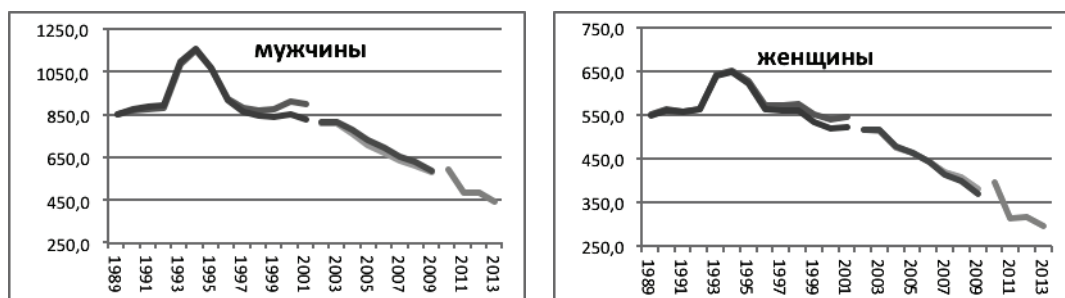
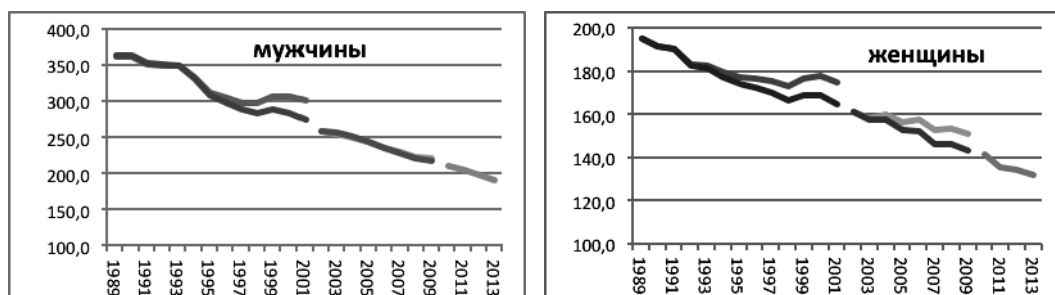


Рис. 2. Динамика продолжительности жизни населения Москвы по данным текущей оценки демографических событий и с учетом переписей населения, лет

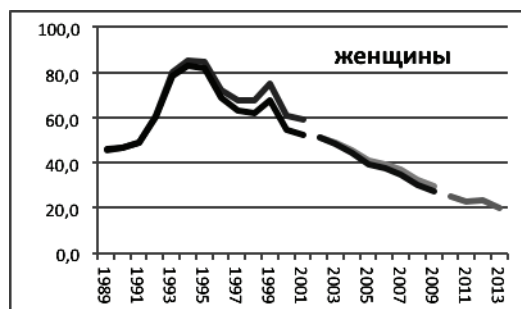
Учет данных переписи 2002 г. показал сокращение смертности от всех основных причин в сравнении с текущей оценкой. К 2001 г. расхождения достигли максимума: по болезням системы кровообращения – 7,8% для мужчин и 4,1% для женщин, по новообразованиям – 9,0% и 5,7% соответственно, по внешним причинам – 20,9% для мужчин и 11,3% для женщин. Аналогичные внешним причинам расхождения текущей оценки смертности и ее значений, пересчитанных с учетом данных переписи, отмечены и для класса причин «симптомы, признаки и неточно обозначенные состояния»: 20,5% для мужчин и 11,2% для женщин. Это совпадение отчасти может быть объяснено имеющимися данными о том, что существенная часть внешних причин смерти, прежде всего, насильственных, маскируется в неточно обозначенных состояниях [2]. Эти исследования подтверждаются также динамикой среднего возраста умерших от неточно обозначенных состояний, который к 2002 г. приблизился к среднему возрасту умерших от внешних причин (45,1 лет у мужчин и 55,2 года у женщин), сократившись в период 1989-2001 г. более чем на 10 лет для мужчин (с 56,3 до 46,2 лет) и на 14 лет для женщин (с 69,9 до 55,7 лет). Диапазон расхождений к 2001 г. между текущей оценкой смертности и ее значениями с учетом переписи 2002 г. для других значимых причин смерти составляет: по болезням органов дыхания 12,4% для мужчин и 6,3% для женщин; по болезням органов пищеварения 14,7% и 6,7% соответственно. Таким образом, учет данных переписи 2002 г. привел к пересмотру уровней смертности от всех основных причин, причем наибольшим он был для причин, характерных для средних возрастов.



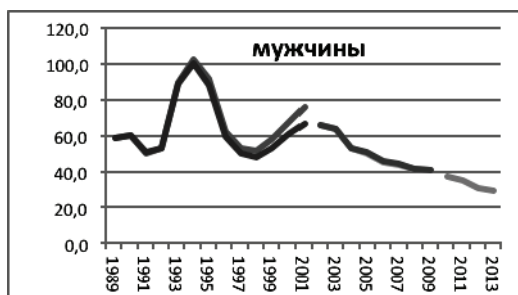
Болезни системы кровообращения



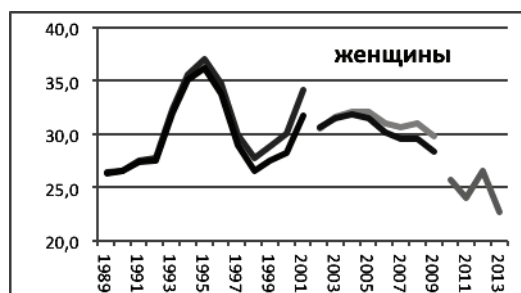
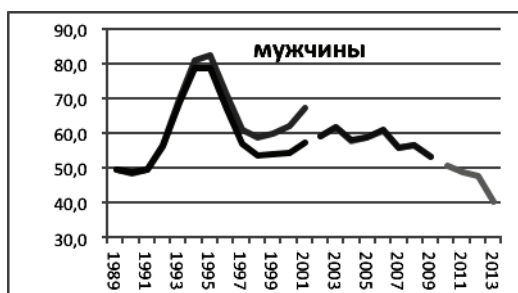
Новообразования



Внешние причины



Болезни органов дыхания



Болезни органов пищеварения



Симптомы, признаки и неточно обозначенные состояния

Рис. 3. Динамика смертности населения Москвы по данным текущей оценки демографических событий и с учетом переписей населения, лет

Учет данных переписи позволил изменить представления о траекториях изменения смертности от основных причин. Так, в период после 1997 г. данные текущего учета свидетельствовали об относительной стабилизации смертности и мужчин, и женщин от болезней системы кровообращения, новообразований и внешних причин, тогда как учет данных переписи показал сокращение смертности от данных причин. В случае болезней органов дыхания, пищеварения и неточно обозначенных состояний учет данных переписи не повлиял на принципиальную смену тенденций, однако темпы роста смертности в период после 1997 г. оказались ниже.

Что касается переписи 2010 г., то, как было показано выше, учет ее данных незначительно сказался на оценке смертности, и, прежде всего, у мужчин. Более того, именно у мужчин корректировка уровней смертности, хотя и незначительная, была не только в направлении снижения показателя (к 2009 г.: новообразования – 1,3%, внешние причины – 3,1%, неточно обозначенные состояния – 1,0%), но и его роста (к 2009 г.: болезни органов пищеварения + 0,5%, болезни органов дыхания +1,1%, болезни системы кровообращения +1,4%). У женщин корректировка уровня смертности во всех случаях была направлена на снижение показателей, наиболее существенно при внешних причинах – на 8,3%, в наименьшей степени – при болезнях системы кровообращения – на 3,2%. При этом ни в одном случае корректировка смертности не затронула траекторию ее изменения, повлияв лишь на темпы снижения показателя от всех причин.

Существенным представляется вопрос: почему перепись 2002 г. столь значительно повлияла на корректировку уровней и тенденций смертности, а влияние переписи 2010 г. оказалось практически не заметным. Дело не только в том, что количественная оценка численности населения в переписи 2002 г. была скорректирована значительно больше, чем в 2010 г., но и в том, что изменения возрастной структуры по переписи 2002 и 2010 г. различны. Перепись 2002 г. увеличила численность населения преимущественно в возрастах от 20 до 50 лет у мужчин и от 15 до 40 лет у женщин, тогда как перепись 2010 г. заметно повлияла на численность возрастных групп мужчин лишь от 15 до 25 лет, а женщин от 15 до 30 лет. Значимость этих возрастов при формировании смертности от хронических неинфекционных заболеваний крайне мала, она существенна лишь для смертности от внешних причин, что и было показано выше.

Резюме.

Существенные расхождения в оценке численности населения по данным текущей оценки естественного и миграционного движения, с одной стороны, и по данным переписей, с другой, оказывают принципиальное воздействие на оценку уровней, тенденций и нозологических особенностей изменения смертности населения.

Не только корректировка численности, но, прежде всего, возрастной структуры населения влияет на масштабы и направленность изменений смертности.

На примере Москвы показано, что учет итогов переписи 2010 г., и особенно 2002 г. принципиально улучшил оценку продолжительности жизни населения (до 2,8 лет у мужчин и 0,9 года у женщин), изменил представление о трендах (отсутствие негативной динамики СПЖ после 1997 г.) и нозологической структуре (наибольшим пересмотр оценок смертности был в отношении причин, характерных для средних возрастов, прежде всего, травм и отравлений).

Представляется целесообразным вернуться к учету в переписях двух категорий населения: наличного и постоянного. Это позволит разрабатывать статистику смертности и проводить анализ также для разных категорий населения. Для территорий с высокой миграционной подвижностью это даст возможность получить представление об особенностях смертности постоянного населения в сравнении с различными группами мигрантов.

Список литературы и источников:

1. Improving the quality and use of birth, death and cause-of-death information. Guidance for a standards-based review of country practices. Улучшение качества и использования информации о рождении, смерти и причинах смерти: руководство для стандартизованного анализа ситуации в странах. WHO Regional Office for Europe. Copenhagen. Европейское региональное бюро ВОЗ. Копенгаген 78 с.

2. A.E. Ivanova, T.P. Sabgayda, V.G. Semenova, V.G. Zaporozhchenko, E.V. Zemlyanova, S.Yu. Nikitina. Factors distorting structure of death causes in working population in Russia. //Электронный журнал. Социальные аспекты здоровья населения. № 4(32). 2013. <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30/lang,ru/>

Ким Л.И.

(Кокшетау, Казахстан)

Карабулатова И.С.

(Москва, Россия)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ИНКЛЮЗИИ СОЦИАЛЬНО-МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ ЧЕРЕЗ ОБЩЕСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Практическая реализация современной реабилитационной работы возможна лишь при решении ряда вопросов социально-экономического, организационно-управленческого, педагогического, социально-психологического, нормативно-правового и кадрового обеспечения. К сожалению, инвалид в ментальности народов СНГ – это увечный, требующий опеки страдалец. В связи с чем в постсоветском общественном сознании инвалидность явля-

ется синонимом нищеты и безнадежности. Однако в последнее время на постсоветском пространстве появились значительные изменения в социальной инклюзии на основе этнокультурных общностей, реализующих новые дискурсивные практики, направленные на реабилитацию и адаптацию лиц с ограниченными возможностями здоровья в повседневную жизнь социума.

Мировой опыт свидетельствует, что при соответствующем образовании и реальной помощи лица, имеющие ограничения по здоровью, могут стать полноценными членами общества, вне зависимости от системы социальной защиты, что в конечном итоге, свидетельствует о высоком гражданско-правовом статусе общества. Сегодня, по данным ООН, в мире насчитывается порядка 450 миллионов людей с теми или иными нарушениями психического и/или физического здоровья [Блинков 2005: 8].

В настоящем материале представлен уникальный опыт по социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья, реализующийся в рамках социального проекта Акмолинского областного общества немцев (Республика Казахстан). Реабилитационная работа, рассматриваемая как деятельность интегральных специалистов, направленная на восстановление, или компенсацию нарушенных или утраченных способностей человека к выполнению общественных, профессиональных и бытовых функций в соответствии со своими интересами, может быть представлена как направление социального сервиса в деле охраны, сохранения и развития здоровья населения, снижения социальной напряженности в обществе, улучшения качества жизни диаспоры. Поскольку, как правило, диаспоральные группы представляют собой возрастных членов общества, предлагаемый опыт казахстанского общества немецкой культуры может быть интересен как новая дискурсивная практика социализации и адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Анализ истории развития проблемы инвалидности свидетельствует о том, что, пройдя путь от идей физического уничтожения, изоляции «неполноценных» членов общества до концепций привлечения их к труду, человечество подошло к пониманию необходимости реинтеграции лиц с физическими дефектами, патофизиологическими синдромами, психосоциальными нарушениями. Под социальной реабилитацией мы понимаем комплекс мер, направленных на восстановление способности человека к жизнедеятельности в социальной среде, это программы и действия, направленные на восстановление личного и профессионального статуса человека для более полной интеграции в общество. Социальная реабилитация представляет собой взаимозависимый процесс, с одной стороны, направленный на восстановление способности человека к жизнедеятельности в социальной среде, с другой – на изменение характера самой среды, ограничивающей реализацию потребностей человека.

Социальная реабилитация реализуется посредством инклюзивных дискурсивных практик, направленных на: 1) социальную реабилитацию, 2) медико-социальную реабилитацию, 3) социально-правовую реабилитацию, 4) психолого-педагогическую реабилитацию, 5) социально-бытовую и 6) трудовую реабилитацию [Albrecht, 2005].

Неблагоприятное социально-экономическое положение инвалида нередко приводит к тому, что он остается без квалифицированной помощи; уровень их социализации – приспособление к сложившимся условиям [Miles, 2007]. Не случайно М. Майлис отмечает некоторую степень социальной глухоты, свойственную отдельным этнокультурным сообществам, прежде всего, стран Африки и Азии, где имеет место быть перенаселенность. Социально-психологическая ситуация, постепенно складывающаяся на постсоветском пространстве за последние 20 лет, привела к коренной ломке общественного сознания и жизненной ориентации миллионов людей. С наступлением инвалидности возникают реальные трудности как субъективного, так и объективного характера по адаптации к новым жизненным условиям. Инвалид как бы переносится в параллельный мир, обособленный от остального общества, где остается со своими собственными проблемами один на один. Преодолеть это состояние, помочь инвалиду приспособиться, к новой среде жизнеобитания и призвана социальная работа, и, в первую очередь, в области реабилитации.

Материалом для настоящего исследования послужили данные, полученные в ходе оказания специализированной помощи, ориентированной на социально уязвимые группы граждан, станции социальной медицинской помощи Акмолинского областного общества немцев «Видергебурт» г. Кокшетау (Казахстан). Организация такого рода инклюзий в социальную жизнь лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата позволяет сформировать дискурсивные практики таким образом, что человек испытывает более сильную мотивацию к адаптации в новых условиях и вырабатывает новые навыки в условиях инвалидизации.

Организация такого рода помощи при Акмолинского областного общества немцев «Видергебурт» г. Кокшетау обусловлена тем, что, в данное общество входят лица, как правило, пожилого возраста, которые вследствие своих возрастных особенностей имеют те или иные патологии опорно-двигательного аппарата, невротические и психические нарушения вследствие продолжительного стресса в условиях концлагерей в период второй мировой войны. Важную роль в формировании и развитии технологий социальной работы с инвалидами играет социальная диагностика. Она является методическим инструментом, дающим специалисту по социальной работе необходимые знания, на основании которых ставится социальный диагноз проблемы инвалида, выбираются технологии социальной работы, позволяющие разрешить имеющиеся трудности в жизнедеятельности человека с ограниченными возможностями. Особую категорию «объектов» обслуживания социальными работниками представляет семья, в которой имеется инвалид, нуждающийся в посторонней помощи. Семья такого рода является микросредой, в которой живет нуждающийся в социальной поддержке человек.

Общество немецкой культуры Акмолинской области (председатель – **Берг Игорь Вернерович**), имея ярко выраженные традиции патриархального уклада, внимания к пожилым членам сообщества, организовало такую форму инклюзивной работы, которая позволяет лицам с ограниченными возможно-

стями здоровья оставаться включенными в жизнь своей этнокультурной группы. Важная роль в Обществе немцев отведена сектору социальной защиты. Социальная помощь оказывается малоимущим пенсионерам, трудармейцам, инвалидам, одиноким с минимальной пенсией, многодетным семьям г. Астаны и Акмолинской области (Аккольский, Астраханский, Аршалынский, Ерейментausкий, Целиноградский, Кургальджинский, Шортандинский районы). Оно помогает людям немецкой национальности и определенному проценту представителей других этносов – жертвам политических репрессий, трудармейцам, инвалидам, многодетным семьям и одиноким. Предоставляет бесплатно горячие обеды, сухие пайки, продуктовые наборы, медуслуги. Благодаря сотрудничеству с одной из фармацевтических фирм, для остро нуждающихся всегда есть дорогостоящие и эффективные препараты, которые также предоставляются бесплатно этим категориям граждан. На учете в обществе состоит более 3 тысяч благополучателей, а в штате официально есть врачи основной практики, узкие специалисты и дополнительно координатор по социальной работе. Число обращений к Акмолинское областное общество немцев увеличивается каждый год, в основном, это пожилые, одинокие, больные, требующие постоянного внимания и ухода. Курирует данный уникальный проект врач-терапевт Валентина Ишалеева. Дифференцированную диагностику ведет врач Ким Леонид Иосифович. Для реабилитации используется физиотерапия и трудовая терапия также под наблюдением и непосредственным участием врача-специалиста.

Зачастую лица, имеющие те или иные ограничения по здоровью, имеют довольно низкий доход, поэтому силами общества организована для них так называемая «продуктовая помощь». Волонтеры немецкого общества не просто приносят продукты, но и ведут беседы на родном языке, что позволяет скрасить закатные дни человеческой «осени». Данный спектр помощи курирует врач Светлана Корнеева.

Геронтологический аспект в социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья реализуется в «Школе третьего возраста», где они посещают лекции врачей, занимаются в различных кружках по интересам. Данный проект в той или иной степени решает проблему одиночества, а также помогает реализовать творческий потенциал пожилых людей и инвалидов, вовлекая их в общественную жизнь. Кроме того, немецкий социальный фонд бесплатно обеспечивает адресатов очками, слуховыми аппаратами, инвалидными колясками, деньгами для различных операций. Данная новация ориентирована на поддержание инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья здоровыми членами своей этнокультурной группы. Следует отметить, что организация такой работы в рамках этнокультурного сообщества является в определенной степени новаторской и реализуется не за счет ресурсов общественных организаций инвалидов, а за счет членов единой этнокультурной общности и международных структур. Такой уровень организации помощи не является широко распространенным, хотя имеет высокий потенциал адаптации.

Этот новый вид инклюзии был начат благодаря Акмолинскому областному фонду содействия реабилитации, помощи жертвам сталинизма и тру-

дармейцам (Фонд им.Э.Айриха), который входит в структуру общества «Видергебурт» и действует на основе Устава. Главной задачей Фонда является защита социальных прав реабилитированных граждан – жертв политических репрессий, бывших трудармейцев и членов их семей. В апреле 1990 года в г. Акмоле состоялось первое собрание трудармейцев области, на котором был создан областной Фонд. Кроме работы по восстановлению исторической правды и справедливости, сохранению и увековечению памяти жертв террора, Фонд трудармейцев активно занимается благотворительной деятельностью, например, оказывает социальную поддержку малообеспеченным группам немецкого населения, организует посещения престарелых, инвалидов на дому, распределение и доставку нуждающимся посылок с гуманитарной помощью, лекарствами, одеждой и т.д. Еще в июне 1990 года по инициативе областного общества «Видергебурт» Целиноградский (Акмолинский) городской Совет народных депутатов принял решение об установлении льгот трудармейцам наравне с ветеранами Великой Отечественной войны. Большой группе трудармейцев были выданы соответствующие удостоверения, многим оказана помощь в поиске документов, подтверждающих их пребывание в трудармии. В феврале 1995 года в области состоялась 2-я областная конференция трудармейцев, на которой Фонд трудармейцев был преобразован в областной Фонд реабилитации репрессированных и трудармейцев им. Э.Айриха и избраны делегаты на 1-й республиканский съезд. В настоящее время областное отделение этого Фонда возглавляет Эльвира Адамовна Иванова. Фонд проводит большую работу по оказанию помощи трудармейцам и реабилитированным. В частности, этот Фонд добился того, что Красный Крест и правительство Германии присылают лекарства, которые выдаются бесплатно нуждающимся. Так, например, по этой линии осенью 1993 года в область было направлено 2 самолета медикаментов. Небольшая часть из них была передана областному обществу «Видергебурт». Через год общество дополнительно получило 1200 кг, а в октябре 1995 года – более 3000 кг лекарственных препаратов и медикаментов. Все они безвозмездно передаются трудармейцам, инвалидам и репрессированным. Восстановление здоровья бывшим трудармейцам и просто пожилым людям – это очень важный раздел в работе Фонда и совета немцев, но далеко не единственный. Областное общество «Видергебурт» оказывает трудармейцам посильную материальную помощь, добилось того, что поступают именные посылки от благотворительного общества Германии. Например, только в городе Акмоле в настоящее время проживает 350 бывших трудармейцев. Практически никто из них не забыт. Им регулярно, в особенности малообеспеченным, оказывается денежная помощь, выдаются по рецептам лекарства бесплатно, представители Фонда бывают на квартирах у престарелых, интересуются их нуждами. Областное отделение Фонда им. Э.Айриха также старается оказать трудармейцам моральную поддержку, совместно с культурным центром «Айнхайд» организуют вечера воспоминаний, встречи с молодежью, работу видеосалона, где можно посмотреть фильмы на немецком языке. Стало уже доброй традицией приглашать трудармейцев в немецкое кафе «Ганновер», устраивать для них бесплатные обеды, культурные программы, проводить вечера отдыха и другие мероприятия.

Целью реабилитации должна быть не только ликвидация болезненных проявлений, но и выработка у них качеств, помогающих более оптимально приспособиться к окружающей среде. Знакомство с людьми, выстоявшими в ситуации тяжелых патологий, реализовавшимися в социально-профессиональной жизни, помогает «новичкам», только попавшими в ситуацию инвалидизации. Такие проекты имеют большой психотерапевтический деятельностный потенциал, благотворно влияющий не только на лиц с ограниченными возможностями здоровья, но и на здоровых членов нашего общества, помогая осознать важную роль духовных человеческих качеств.

При проведении реабилитационных мероприятий необходимо учитывать психосоциальные факторы, приводящие в ряде случаев к эмоциональному стрессу, росту нервно-психической патологии и возникновению так называемых психосоматических заболеваний, а зачастую – проявлению девиантного поведения. Работа с последствиями этнотравмы, проводимая обществом немецкой культуры, нацелена на улучшение качества тех категорий граждан, которые получили различные стойкие нарушения физического и психического здоровья, с помощью созданной при обществе медико-социальной службы, в составе которой профессиональные врачи основных медицинских направлений, диагносты, оборудованные кабинеты с европейским диагностическим оборудованием. Следует отметить, что данные категории граждан получают помощь бесплатно за счет общества, которое, в свою очередь, получает различные формы поддержки со стороны Германии. В составе немецкой помощи может быть не только диагностика, лечение врачами, но и выделение медикаментов, средств реабилитации (трости, инвалидные коляски), которые общество получает из Германии на безвозмездной основе.

Одномоментно для вовлечения уязвимых категорий в активную жизнь социума в целом немецким обществом проводятся конкурсы социально значимых проектов, которые финансируются самим сообществом. Так, 60-70% финансирования проекта-победителя идет за счет финансовых средств GTZ, выделенных правительством ФРГ в рамках Программы по поддержке немецкой диаспоры за рубежом. В целом конкурсный фонд составляет 15000 евро. Среди направлений проектов приоритетными объявлены следующие: 1) менеджмент в сети центров встреч и молодежной работе; 2) гендерные технологии; 3) информационная работа и PR; 4) профориентация; 5) работа с детьми; 6) работа с волонтерами и волонтерскими организациями; 7) социальные технологии; 8) молодежная работа; 9) фандрайзинг; 10) культурно-досуговые технологии; 11) экология. Организаторы планируют привлечение широкого круга участников, т.е. эти проекты могут быть реализованы как международные, республиканские и межрегиональные, где ориентация идет на граждан Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана [Зейферт, 2007].

Сама реабилитация социально уязвимых групп населения, проводимая обществом немецкой культуры в Акмолинской области, становится действенным фактором смягчения социальных, медицинских, психологических проблем инвалидов и других категорий лиц, находящихся в зоне риска. На

современном этапе развития экономики остается актуальным предоставление комплексной социальной и медицинской помощи наименее социально защищенным группам населения в контексте привычного этносоциального мира, что повышает степень адаптации и реабилитации.

Список литературы и источников:

1. Albrecht G.L., editor. Encyclopaedia of Disability. Thousand Oaks (CA): Sage Publications, Inc. 2005.
2. Блинков Ю.А. Медико-социальная экспертиза лиц с ограниченными возможностями. Москва, 2005.
3. Дементьева Н.Ф., Шаталова Е.Ю., Соболев А.Я. Организационно-методические аспекты деятельности социального работника. В кн.: Социальная работа в учреждениях здравоохранения. – М.: Департамент проблем семьи, женщин и детей МСЗ РФ; Центр общечеловеческих ценностей, 1992.
4. Дементьева Н. Ф., Устинова Э.В. Роль и место социальных работников в обслуживании инвалидов и пожилых людей. М.: 1995.
5. Зейферт Е. Новый «лот» – международный семинар. Электронный ресурс. <http://www.ru.mdz-moskau.eu/novyj-lot-mezhdunarodnyj-seminar>. Дата обращения 20.08.2015.
6. Кучинский С.С. Центры немецкой культуры в России и за рубежом. Из опыта работы Акмолинского областного общества «Wiedergeburt», центра культуры «Einheit» и немецкого гуманитарно-образовательного комплекса (Казахстан). Методическое пособие в помощь руководителям обществ и центров немецкой культуры. Москва: Готика, 1996.
7. Miles M. Disability and Deafness, in the context of Religion, Spirituality, Belief and Morality, in Middle Eastern, South Asian and East Asian Histories and Cultures. Electronic resource. <http://www.independentliving.org/docs7/miles200707.html> (date of base 15.08.2015).
8. Miles M. Buddhism and responses to disability, mental disorders and deafness in Asia. West Midlands, UK. 2013.
9. Социально-бытовая и трудовая реабилитация инвалидов. М.: Редакционно-издательский центр Консорциума «Социальной здоровье России», ТЕИС, 2003.

Лукьянова А.Ю.
(Ставрополь, Россия)
Томайлы А.Е.
(Ставрополь, Россия)

ПРОБЛЕМА АЛКОГОЛИЗМА НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

(Исследование проведено при поддержке грантов
РФФИ № 15-06-02854-а, № 15-06-10207-к, № 15-36-50205)

Проблема алкоголизма в нашей стране – это явление, которое носит масштабный социальный характер, которая основательно подрывает социально-экономические и духовно-нравственные основы жизнедеятельности общества, является угрозой национальной безопасности России из-за высоких уровней заболеваемости, смертности, преступности, связанных с употреблением спиртных продуктов, подрывает психическое здоровье и нормальную жизнедеятельность более благополучного населения. По оценкам многих экспертов, алкоголизм в нашей стране, приобрел характер национального бедствия и имеет масштабы гуманитарной катастрофы, что в свою очередь негативно отражается на социальной и правовую защищенность населения.

Значительный рост алкоголизации общества в конце двадцатого века можно связать с произошедшим в ходе реформ резким ухудшением условий жизни многих десятков миллионов людей, с падением уровня жизни населения, с их социальной неустроенностью, с появившимся в массовой психологии устойчивым чувством незащищенности и неуверенности, которое объективно способствовало значительному повышению спроса населения на спиртное, употребление которого для многих служит своеобразным средством ухода от действительности, подавления дискомфорта и стрессов, ухода от трудностей и забот.

Злоупотребление алкоголем – это, прежде всего, фактор ухудшения демографической и социальной ситуации в стране, общенациональная угроза на уровне личности, семьи, общества, государства – и угроза национальной безопасности. Рост алкоголизма в стране влечет за собой разрушение семейных устоев, ведет к рождению детей с различными врожденными дефектами и аномалиями, к распаду семей. Алкоголизм – главный фактор катастрофического уменьшения населения России.

Пьянство и алкоголизм относятся к числу наиболее распространенных негативных социальных явлений общества. Злоупотребление алкоголем – одна из важнейших причин высокого уровня преступности в России, усиливающая криминогенное влияние пьянства на социальную сферу.

Угроза алкоголизации заключается в падении уровня культуры общества и отдельных граждан, выявлении социальной и психологической деградации, негативном влиянии на моральную атмосферу, трудовую дисциплину,

профессиональные качества работников, их здоровье и работоспособность. Помимо этого, пьянство сопровождает наркоманию, проституцию, а часто порождает эти социальные явления, а, в конечном счете, и преступность.

Массовое распространение пьянства и алкоголизма все более выступает как фактор, серьезно ограничивающий возможность реализации прав людей на жизнь и безопасность, получения ими соответствующего образования и необходимой для обеспеченной жизни профессии, защиты их от насилия и посягательств со стороны лиц, злоупотребляющих алкоголем.

Проблема, связанная с алкоголизмом, наносит колоссальный экономический ущерб: потери от снижения уровня производительности труда, ущерб от пожаров и другие экономические издержки, возникающих по вине лиц, находящихся в нетрезвом состоянии.

Статистические данные свидетельствуют о том, что в России около 500 000 человек ежегодно умирают от употребления алкоголя, 1/3 всех психических заболеваний связаны с алкоголизмом, почти 100% осужденных за хулиганство совершили проступки в пьяном виде, $\frac{3}{4}$ уголовных дел совершено под влиянием алкоголя.

Высокий уровень распространенности злоупотребления алкоголем имеет серьезные социальные последствия, оборачивается значимым экономическим ущербом, который может быть дифференцирован следующим образом:

- экономический ущерб, вызванный преждевременной смертностью населения (в том числе населения трудоспособного возраста) от злоупотребления алкоголем;
- экономический ущерб, вызванный недовыпуском продукции в результате вовлечения населения в алкоголизм;
- расходы на лечение больных наркологическими расстройствами;
- расходы на профилактические программы, реализуемые с целью противодействия распространению алкоголизма, наркомании и токсикомании.

Как отмечалось выше, одним из главных факторов в структуре российской смертности остается злоупотребление алкоголем, но к нему следует добавить целый ряд таких побочных эффектов как самоубийства, убийства, несчастные случаи, ДТП с участием нетрезвых водителей, смерть от сердечно-сосудистых заболеваний, онкологии и целого ряда других случаев алкогольного происхождения, не связанных непосредственно с алкогольными отравлениями. Вполне ожидаемо, что во время экономического кризиса употребление алкогольной продукции, выступающей в некоторой степени «антидепрессантом», может существенно увеличиться. Этому также способствует необоснованное снижение минимальной стоимости крепкого алкоголя.

Предпринимаемые государством меры, направленные на ослабление остроты алкогольной ситуации, не учитывают объективных обстоятельств и мотивов алкогольного поведения населения. Современная алкогольная политика должна ориентироваться не только на предотвращение негативных последствий злоупотребления алкоголем в экономическом, правоохранительном, медицинском аспекте, но и на изучение социальных практик обращения населения с алкоголем, учитывая особенности алкоголизации различных групп населения.

Социологический подход к проблемам алкоголизма должен учитывать стадии развития этого социального феномена, изменение его нормативной структуры. Если раньше проблема алкоголизации рассматривалась преимущественно в связи с проблемами преступности и маргинализации, то теперь, когда алкоголизация в той или иной степени свойственна всем половозрастным группам и социальным слоям населения, она изучается как тип социального поведения.

Для нынешней алкогольной ситуации характерно потребление различных психоактивных веществ (алкоголь, наркотики, курительные смеси, аптечные средства), позволяющих избежать острого социального осуждения и в то же время быть «своим» в референтной группе. Наблюдается так называемая «тихая» (скрытая) алкоголизация. Ей подвержены женщины-домохозяйки, исключенные из трудовых коллективов и освобожденные от требований дисциплины. Среди представителей «беловоротничкового» менеджмента распространены формы «развития командного духа» с использованием совместных застолий. Социальные установки на проявление корпоративной лояльности, коллективной сплоченности или демонстрацию маскулинности берут верх над индивидуальными предпочтениями. Количество потребляемого алкоголя «переходит в качество», что приводит успешных офисных работников в анонимные наркологические службы для лечения алкогольной зависимости или к психотерапевту.

В рабочей среде оправданием для злоупотребления алкоголем служат народные традиции и более современный миф о необходимости рекреации после трудовых нагрузок.

Острота алкогольной ситуации признана в Концепции государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020. В ней сформулирована цель снизить уровень душевого потребления с 18 литров чистого алкоголя на душу населения до 8 литров к 2020 году. Предусмотренные в ней профилактические меры, помимо просвещения преимущественно среди молодежи, ориентированы на постепенное ограничение доступности крепких спиртных напитков для всего населения. В результате роста цен замечено снижение продаж водки на треть, а также рост алкогольных отравлений суррогатами.

Представляется, что регулирование алкогольного поведения населения более успешно можно реализовать не средствами давления, а путем работы с причинами употребления алкоголя, которые во многом не осознаваемы. В этой связи значительное внимание исследователей было уделено выявлению новых тенденций алкогольного поведения в различных половозрастных и социальных группах.

Полагаем, что целью государственной политики в данной сфере должно быть снижение доступности крепких алкогольных напитков и содействие переходу населения на умеренное потребление вин и других слабоалкогольных напитков.

Список литературы и источников

1. <http://новости-россии.ru>
2. <http://www.litsoch.ru/referats/read/13230/>
3. <http://old.riss.ru/demography/famille/4505-prodolzhitelnost-zhizni-i-predotvratimaya-smertnost-naseleniya-rossii#.VfZvB9Ltmkp>

Маньшин Р.В.

(Москва, Россия)

Храмова М.Н.

(Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ

**(Исследование проведено при поддержке
гранта РФФИ № 13-06-00856)**

С начала 1990-х гг. Россия пережила уже четыре пенсионные реформы. Формирование института обязательного пенсионного страхования проходит с трудом, остается много нерешенных вопросов, связанных, в частности, с несовершенством законодательства, неполным охватом в системе пенсионного страхования некоторых категорий граждан, особенно среди самозанятого населения, отсутствием надежных прогнозных оценок объемов поступлений страховых взносов в Пенсионный фонд РФ. Надо также отметить непрозрачность и непоследовательность проводимых реформ. Поэтому вполне понятно, что в обществе тема, связанная с пенсионным обеспечением, имеет весьма широкий резонанс.

В настоящее время сумма страховых поступлений на обязательное пенсионное обеспечение формируется за счет перечисления работодателями 22% от фонда оплаты труда работника: 6% идет на формирование пенсионных накоплений и 16% – на формирование страховой пенсии. Граждане, рожденные в 1967 г. и позднее, могут выбрать один из вариантов пенсионного обеспечения: формировать только страховую или и страховую, и накопительную части. В начале 2000-х гг., когда формировалась концепция новой пенсионной реформы, предполагалось, что накопительная часть пенсионных накоплений будет расти довольно быстрыми темпами. На практике этого не случилось. Низкие темпы роста пенсионных накоплений обусловлены тремя основными причинами: снижением базовой ставки ЕСН; исключением в 2005 г. из числа участников накопительной системы возрастных групп с наи-

более высоким уровнем занятости (мужчин, родившихся в 1953–1966 гг. и женщин, родившихся в 1957–1966 гг.) [3], а также введением на 2014 и 2015 гг. моратория на перевод накопительной части пенсии из Пенсионного фонда РФ в негосударственные пенсионные фонды (НПФ).

С 1 января 2015 г. в системе обязательного пенсионного обеспечения вступили в силу изменения, определяющие права граждан при назначении страховой пенсии [4]. Теперь размер пенсии будет определяться исходя из пенсионных коэффициентов. Все ранее существовавшие права пересчитываются в пенсионные баллы. Стоимость пенсионного балла будет определяться каждый год. Для получения права на страховую пенсию необходимо набрать минимальную сумму пенсионных баллов и минимальный стаж. Надо отметить, что для простого обывателя разобраться в тонкостях новой пенсионной формулы и отслеживать динамику стоимости пенсионных баллов не так просто. Этот факт, а также часто изменяющиеся «правила игры», безусловно, не повышают доверия к проводимым государством преобразованиям в сфере пенсионного обеспечения.

Одной из основных предпосылок успешности той или иной реформы является реалистичность заложенных в ее основу параметров. В настоящее время известно несколько подходов к моделированию пенсионных систем. Так, в частности, известна программа анализа макроэкономической ситуации в целом с включением в нее блока пенсионной системы (модель PROST Всемирного Банка). Применяются также и более узкоспециализированные модели и программы, направленные исключительно на конкретный вид пенсионной системы в конкретной стране. В России получила известность модель пенсионной системы, разработанная Независимым актуарным информационно-аналитическим центром [2].

Несмотря на то, что перечисленные выше программы достаточно детализированы по многим показателям, допущения и ограничения, которые лежат в их основе, существенно снижают качество получаемых оценок. Так, например, практически весь демографический блок, являющийся, по сути, ключевым, задается экзогенно на данный год, на следующие годы используются прогнозные оценки, основанные на обычной линейной экстраполяции. Для макроэкономического блока задаются заведомо нереалистичные параметры. Так, прогноз МЭР, данный в 2012 г. и заложенный в основу Стратегии развития пенсионной системы, предусматривает ежегодный рост ВВП от 11,5% в 2014 г. до 7,2% к 2030 г., темпы инфляции – от 5,2% до 3,0% за тот же период времени, доходность 30-летних госбумаг закладывается на недостижимом уровне 8,5% [1]. Здесь уместно будет привести для сравнения инвестиционную доходность пенсионных накоплений по портфелю государственных ценных бумаг ВЭБа, которая в 2014 г. составила –2,05%, по расширенному портфелю доходность составила +2,68% [4]. Кроме того, как один из ключевых параметров модели задается существенный рост доли НПФ в общем объеме пенсионных накоплений. Введенный на 2014 – 2015 гг. мораторий на перевод накопительной части пенсии из Пенсионного Фонда в НПФ приведет, по оценкам экспертов, к явным потерям НПФ на уровне не ниже 200 – 250 млрд. руб. в год.

Приведенные в таблице 1 показатели пенсионной системы РФ в 2013 и 2014 гг. дают возможность сделать вывод о том, что страховые взносы обеспечивают не более 60% от доходов ПФ, остальная сумма финансируется государством из иных источников. В условиях падения цен на энергоносители, девальвации рубля, внешнего политического давления на РФ трудно ожидать, что к 2030 г. ситуация с обеспечением пенсионной системы кардинально изменится.

Таблица 1

Некоторые показатели пенсионной системы РФ в 2013 и 2014 гг.

	2013 г.	2014 г.
Доходы бюджета ПФР, млрд. руб.	6388	6159
в том числе страховые взносы на пенсионное обеспечение, млрд. руб.	3460	3690
Расходы бюджета ПФР, млрд. руб.	6379	6190
в том числе расходы на пенсионное обеспечение, млрд. руб.	5250	5400
Число лиц, у которых формируется пенсия по обязательному пенсионному страхованию, млн. чел.		80,2
Всего пенсионеров на 31 декабря, млн. чел.	41,03	41,46
среди них получателей трудовых пенсий, млн. чел.	37,66	38,00
Средний размер пенсии в РФ, руб.	10030	10889
Средний размер трудовой пенсии, руб.	10313	11151
Средний размер накопительной части трудовой пенсии, руб.		693

Источник: [4, 5]

В связи с этим власти все чаще обращаются к вопросу об увеличении пенсионного возраста. К увеличению пенсионного возраста уже вынуждены были прибегнуть многие европейские страны, США и др., характеризующиеся высокой долей пожилого населения. Для России проблема старения населения также стоит достаточно остро. Только за последние 15 лет доля населения в возрасте старше трудоспособного в общей численности увеличилась от 20% до 24% (рисунок 1) и, согласно, долгосрочному прогнозу до 2031 г. [5], вырастет еще, достигнув 28,7%. С другой стороны, происходит также увеличение ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ, динамика изменения этого показателя представлена на рисунке 2), обусловленное, главным образом, повышением ОПЖ детей, и, в меньшей мере, у населения трудоспособного возраста.

Именно этими двумя причинами, как правило, обосновывают необходимость повышения пенсионного возраста в России его сторонники. Так, например, в работе Баскакова и др. [2] показывается, что увеличение пенсионного возраста на 5 лет приведет к повышению коэффициента замещения накопительной пенсии на 40%, а при увеличении на 10 лет – в два раза. Здесь, однако,

надо учитывать, что в силу большого разрыва в ОПЖ значительная часть женщин (согласно оценкам Соловьева [6], 18%) и еще больше мужчин (до 44%) просто не доживут до пенсионного возраста, что фактически будет обозначать лишение права получения ими страхового возмещения. Увеличение пенсионного возраста может также привести к росту безработицы среди молодежи.

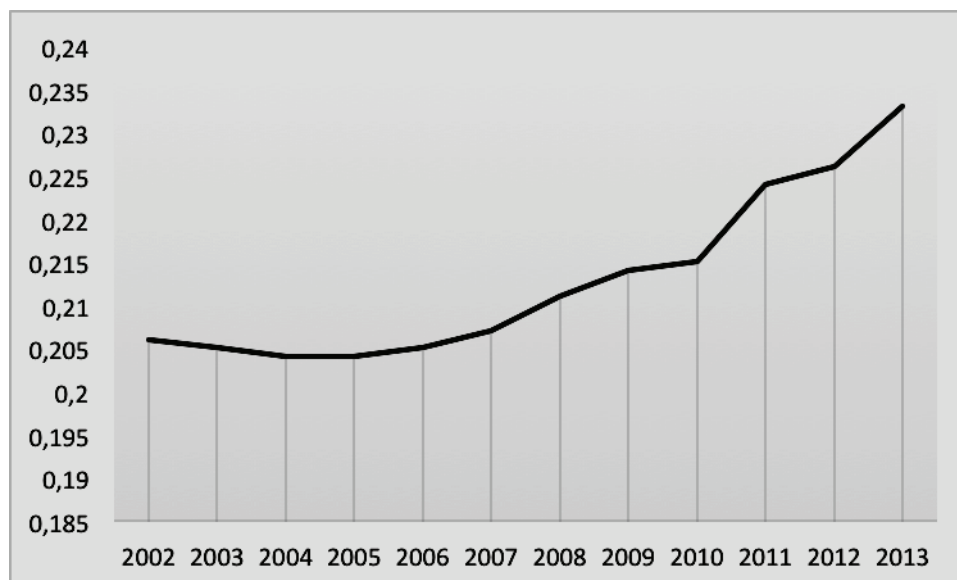


Рис. 1. Доля населения в возрасте старше трудоспособного в РФ.
Рассчитано по [5].

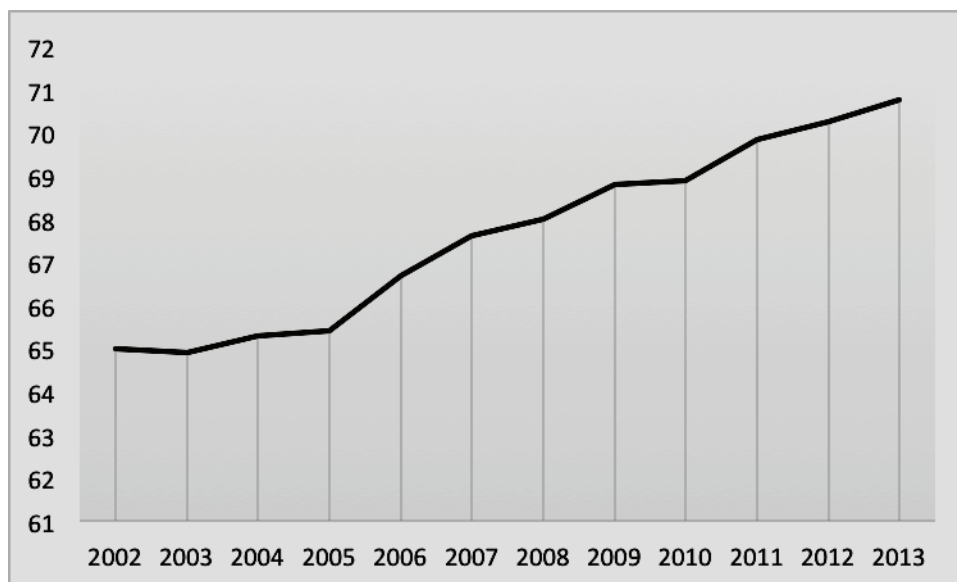


Рис. 2. Динамика ожидаемой продолжительности жизни (в годах).
Источник [5].

Несмотря на наметившиеся в последние годы положительные тенденции, все еще весьма существенным остается дифференциация показателей пенсионного обеспечения на региональном уровне. Так, в 2014 г. отношение среднего размера назначенных пенсий к величине прожиточного минимума

варьируется в широком диапазоне от 122,4% до 218,5% при среднем значении 166,7% (для сравнения в 2003 г. разброс составлял от 47,8% до 127,4% при среднем 101,2%, то есть фактически, средний размер пенсии равнялся величине прожиточного минимума). Весьма существенным колебаниям подвержены также доля работающих пенсионеров, уровень экономической активности населения, уровень безработицы и другие важные показатели. Поэтому естественно, что для построения наиболее полной модели пенсионной системы необходимо будет учитывать имеющиеся региональные различия.

Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что к настоящему моменту, когда вступили в силу новые правила расчета пенсий, Пенсионный фонд имеет хронический дефицит. Пенсионная система по-прежнему сильно зависит от финансирования из федерального бюджета. И эта ситуация со временем будет усугубляться из-за роста как доли пожилого населения, так и ожидаемой продолжительности жизни. На фоне увеличивающейся демографической нагрузки государству рано или поздно придется пойти на непопулярную меру, связанную с повышением пенсионного возраста. Однако подобное повышение должно осуществляться поэтапно, достаточно медленными темпами. Замаскированным повышением пенсионного возраста уже можно считать введение коэффициентов, повышающих размер пенсии, при условии выхода на пенсию в более поздние сроки. При формировании политики в области пенсионного обеспечения необходимо также учитывать региональную дифференциацию наиболее важных демографических и социально-экономических показателей.

Список литературы и источников

1. Аналитические материалы по результатам моделирования параметров Стратегии развития пенсионной системы РФ до 2030 г. М., 2012. – 40 с.
2. Баскаков В.Н., Лельчук А.Л., Помазкин Д.В. Пенсионная система: модель для России и зарубежный опыт // Издание АНО «Независимого актуарного информационно-аналитического центра». М., 2003. – 54 с.
3. Назаров В.С. Актуальные проблемы пенсионной реформы. М.: Дело, 2010. – 144 с.
4. Официальный сайт Пенсионного фонда Российской Федерации www.pfrf.ru (Дата обращения 01.08.2015 г.)
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ www.gks.ru (Дата обращения 01.08.2015 г.)
6. Соловьев А.К. Пенсионная реформа 2015: проблемы достижения целевых ориентиров // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – 2014. – № 24 (542). – С. 8 – 21.

Рязанцев С.В.
(Москва, Россия)
Карабулатова И.С.
(Москва, Россия)
Письменная Е.Е.
(Москва, Россия)
Томайлы А.Е.
(Ставрополь, Россия)

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗЕРВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: СНИЖЕНИЕ РИСКОВ И ПОТЕРЬ ОТ АЛКОГОЛЬНО-ДЕВИАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

(Исследование проведено при поддержке
грантов РФФИ № 15-06-02854-а, № 15-06-10207-к, № 15-36-50205-)

Социально-экономический кризис второго десятилетия XXI в. стал нестандартно тяжелым для населения России ввиду ужесточения экономических санкций Запада. Это привело, в свою очередь, с одной стороны, к усилению девиационных процессов в стране. А с другой стороны, оказывает мощное влияние на падение уровня жизни, снижение рождаемости, ухудшая качественно-количественные характеристики демографических процессов в стране. Экономическая ситуация в России зеркально отражается на качестве социальной жизни. В научной литературе достаточно распространенным является тезис о том, что социальный стресс и неудовлетворенность окружающей реальностью вносят решающий вклад в формирование негативных девиационных процессов, прежде всего, в алкоголизации российского общества, изменению ценностных установок (Рум 2010; Ryazantsev et al 2014; Ryazantsev et al 2015).

Мы понимаем под девиационными процессами динамику и развитие девиаций с их различным характером смены состояний отклоняющегося поведения. По нашему мнению, алкогольно-девиационные процессы есть девиационные процессы, реализующиеся в ходе алкоголизации и как следствие алкоголизации. К алкогольно-девиантным процессам относятся: бродяжничество, алкогольно обусловленная преступность, социальное сиротство, домашнее насилие, ухудшение качества рождаемости, многодетность с отсутствием родительской ответственности, втягивание детей и подростков в алкоголизм, проституция и т.д. Алкоголизация как девиантный процесс имеет свою историю в России и мире, который обладает определенной динамикой проявления.

В ситуации глобальных социально-экономических катаклизмов второго десятилетия XXI века алкоголизм и пьянство возглавляют верхние строчки рейтинга мировых проблем. Так, во Франции на душу населения приходится

55,4 литра вина в год, в Португалии – 52,6 литра, в Италии – 51,1 литра, в России – 6,1 литра вина (Мединский, 2008: 267). По данным Американской психиатрической ассоциации в США 13,8% взрослого населения злоупотребляет алкоголем или страдает алкоголизмом (Мединский, 2008: 271). Вместе с тем в России в 2004 г. больные алкоголизмом составляли 1,6% от всего населения, или 2 миллиона 369 тысяч человек, а в 2006 – 192 854 человека (Мединский 2008: 272). В связи с этим возникает вопрос: «Насколько обоснован стереотип о пьющей России?» Однако сам масштаб страны настолько велик, что эти небольшие проценты от общего количества населения сопоставимы с крупными населенными пунктами и городами Европы. Алкогольные девиации детерминируются противоречивой исходной социальной позицией каждого индивидуума, «включенного» в девиантные отношения, его диспозиционным поведением (Клейберг 2001). Например, в 1819 г. московский врач К М Бриль-Краммер в работе «О запое и лечении оного» отмечал социальные причины алкоголизма, указывая, что большинство известных ему алкоголиков заболели после Отечественной войны 1812 г., когда многие из них лишились имущества и родственников (Дудкина 2007). Несмотря на устойчивый международный штамп о русском пьянстве, неумеренное потребление крепких спиртных напитков не является «национальной спецификой» россиян, а обусловлено негативным влиянием трансформационных процессов на социальную структуру общества и давлением на психолого-нравственную сторону личности, в результате которых происходит деградация качественного потенциала населения страны. После второй мировой войны многие европейские страны столкнулись с проблемой демографического дефицита, в связи с чем правительства европейских государств выдвигали своеобразные программы, направленные на увеличение рождаемости. Однако алкоголизм местного населения привел к страшным последствиям, что на государственном уровне были приняты специальные программы по пропаганде трезвости. Так, в ходе реализации программы «Дадим Франции миллион крепышей» страна столкнулась с тем, что более 30% детей имели те или иные психические и физические отклонения, обусловленные пьяным зачатием. В результате девушек-подростков стали водить по специализированным клиникам и домам ребенка, чтобы они увидели результат «пьяных зачатий». Эти экскурсии шокировали, но дали свой результат: уровень злоупотребления алкоголем снизился значительно (Мединский 2008).

Изучение социально-структурных деформаций российского и советского обществ позволяет утверждать, что социально-структурными последствиями алкоголизации населения выступают маргинализация, люмпенизация ранее устойчивых социальных групп, деградация социальных структур, упрощение и примитивизация социальных связей и образа жизни. Основными особенностями современного этапа начала XXI века в контексте факторов роста алкоголизации населения относятся: а) снижение цен на алкогольную продукцию в условиях падения доходов и уровня жизни; б) превращение алкоголя в один из наиболее доступных для всех категорий населения пищевых продуктов; в) появление экономически и политически мощных социальных

групп, чьи доходы непосредственно зависят от доходов от реализации алкоголя, в отличие от государства, для которого продажа алкогольной продукции – одна из многих строк доходной части бюджета. В связи с чем появляются новые формы девиаций у молодого населения, прежде всего, что не может не вызывать серьезную обеспокоенность в связи демографической ситуацией в стране; г) появление доминирующего источника воздействия на потребительское поведение населения – рекламы и средств телекоммуникации. Средствами современной рекламы и телевидения воспроизводится базовый водочный миф о российской национальной специфике и происходит хабитуализация алкогольных практик (Немцов 2003; Глушкова 2009).

Для снижения рисков и потерь от алкогольно-девиационных процессов необходимо изменить характер рекламы алкогольной продукции, поскольку сама реклама алкогольной продукции выстроена с ярко выраженной директивностью либо экспрессивностью, мощно воздействуя на потенциального потребителя: «Virgin wines -just delicious? Full -flavoured wines at the best possible prices!» (журнал «Elle», 2009. №8. с 114); «Bravo -Неслабые коктейли!» (Журнал «Cosmopolitan», 2010, №5. с.37); «Ять (водка) Качество на пять!» (реклама водки – журнал «Men s Health», 2010. №11. с.86). Реклама алкогольной продукции подается дорого и красиво в дорогих изданиях.

Известный эксперт по вопросу алкоголизации российского общества А.В. Немцов оценивает прямые и непрямые алкогольные потери России в 30% годового количества смертей мужчин и 15% – женщин (2003). На связь аномально высокой российской смертности и пьянства указывают и другие авторы (Милле, Школьников 1999; Немцов 2003; МакКи 2010; Рум 2010). Социоструктурные различия в потреблении алкоголя обнаруживают следующие поля напряженности, где возможно снизить риски от алкогольных девиаций:

- 1) наличие генерационного сдвига: значительные отличия мотивов и характера потребления алкоголя молодежью от старших возрастных групп;
- 2) существенные различия характера потребления алкоголя внутри молодежной генерации, связанные с преобладанием процессов дифференциации, обусловленными изменением социально-стратификационной структуры российского общества.

Для демографического развития России первоочередную значимость имеет участие молодежи в алкогольно-девиационных процессах. Сама поколенческая специфика молодежи указывает на преобладание гедонистически чувственных, развлекательно-досуговых ценностных ориентаций и нормативных моделей поведения. Вследствие чего происходит формирование на основе моделей алкогольного поведения новых поведенческих стандартов молодого поколения миллениалов, с их ориентацией на чувственное наслаждение жизнью и эгоцентризм. Такие установки не могут положительно сыграть на брачно-демографическом поведении молодежи, где идеализируется образ «волка-одиночки», для которого неприемлемы установки на семью и детей. Внутрипоколенческая структура представлена сильно и слабонересурсными группами, модели алкогольного поведения которых диаметрально противоположны

(много пьют – мало, часто – редко, большие – небольшие разовые дозы, не обращают внимание на здоровье –заботятся о здоровье, ведут здоровый образ жизни, потребление по привычке, от скуки, с психотерапевтической целью – редкое престижное потребление дорогого алкоголя) Существенным образом на выбор модели алкогольного поведения сказывается зависимость от уровня образования и успешности начальной карьеры как молодого профессионала. Вовлечение молодых людей в алкогольно-девиантный процесс обуславливает применение производителями алкогольной продукции специфически ориентированной рекламы, где гедонистический аспект является преобладающим. Аппелляция к эмоциям предопределяет выбор языковых средств и в рекламе алкогольной продукции. Как в русском, так и в английском языке частотно употребление прилагательных, объединенных семой «приносящий удовольствие»: *delicious, full – flavoured, rich, wine, золотой вкус, вкусное пиво smooth, fun loving beer, fine wine, great tasting wine* – доброе вино, мягкий вкус.

Гендерное сравнение показывает, что, несмотря на одинаковый с мужчинами социальный фон, принадлежность большинства женщин к категории бедных и малообеспеченных и большую предрасположенность женского организма к формированию алкогольной зависимости, женщины социально более устойчивы к алкоголизации, чем мужчины (Ridlon 1998). Причиной выступает большая социальная и нравственная ответственность женщин за семью, добровольная готовность принять большой груз бедности по сравнению с другими членами семьи.

Существенной предпосылкой алкоголизации женщин в этих семьях могут стать затяжные депрессии как следствие гендерных различий депривации в семье (Ridlon 1998). Вместе с тем бесконечный «поиск идеального мужчины» как партнера и диаметрально ему противоположность реального российского мужчины формирует у российских женщин репродуктивного возраста феминистские стратегии сексуально-брачного и репродуктивного поведения (Karabulatova et al, 2015: 38), что также вступает в глубинный личностный конфликт, втягивая женщин в пьянство и алкоголизм на основе затяжных депрессий. Профилактикой алкоголизма среди девушек и молодых женщин может стать культивирование социальных моделей материнства и профессиональной самореализации.

Мы полагаем, что наиболее эффективными мерами алкогольной политики являются: а) сегрегация доступности алкоголя (особенно это касается крепких алкогольных напитков) по ценовым показателям, в пространстве, по возрасту возможного покупателя и во времени; б) борьба с производством и продажей «теневого» алкоголя (водочных суррогатов). Исследования наглядно иллюстрируют, что сама по себе современная пропаганда трезвости и умеренности слабо влияет на поведение людей в плане злоупотребления алкоголем. Однако мы считаем, что сама по себе такая пропаганда необходима, поскольку она способствует формированию общественной поддержки алкогольной политики государства. Вместе с тем эта работа должна вестись более ярко и планомерно, чем реклама алкогольной продукции.

Список литературы и источников

1. Глушкова Т.А. Стереотипы винопития в рекламе алкогольной продукции. В: Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. №1, 2009, сс.: 44-49.
2. Дудкина О.В. Алкоголизация населения в России: социально-демографические последствия: социально-демографические последствия: диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.03 Новочеркасск, 2007.
3. Karabulatova I.S., Khachmafova Z.R., Bricheva M.M., Nescheretova M.T. & Bersirova A.K. Linguopragmatic Aspect of "Search for the Ideal" in the Discourse of Female Fiction as a Reflection of Matrimonial-Demographic and Sexual Behavior in Contemporary Russian Society. Review of European Studies. 2015. Vol. 7. No 6 (2015). – pp.: 35-45.
4. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. М. 2001.
5. МакКи М. Здоровье россиян: что нужно предпринять, чтобы изменить, чтобы изменить ситуацию к лучшему. В: Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. Москва: УРСС, 2010, сс.: 138-151.
6. Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М., 2008.
7. Милле Ф., Школьников В.Ф. Смертность в России: затянувшееся отставание. В: Мир России. 1999. Т.VIII, №4(24), с.138-162
8. Немцов А.В. Алкогольный урон регионов России. М., 2003.
9. Ridlon F. V. A Fallen Angel: The Status Insularity of the Female Alcoholic. Ontario, 1988.
10. Рум Р. (Room R.). Алкогольная политика: положение дел и проблемы в Европе и Северной Азии. В.: Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. Москва: УРСС, 2010, сс.: 232-262.
11. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S. & Charif Y.Akramov. Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia. In the: Asian Social Science. Vol 10, No.20, 2014, pp: 174-183.

Рязанцев С.В.
(Москва, Россия)

АЛКОГОЛЬНАЯ ДЕВИАЦИЯ В РОССИИ: МАСШТАБЫ И ПУТИ СОКРАЩЕНИЯ (Исследование проведено при поддержке грантов РФФИ № 15-06-02854 и 15-06-10207)

Сегодня девиационные процессы являются актуальной поливекторной проблемой современного научного знания во всем мире. В ситуации глобальных социально-экономических катаклизмов второго десятилетия XXI века алкоголизм и пьянство возглавляют верхние строчки рейтинга мировых проблем. Так, во Франции на душу населения приходится 55,4 литра вина в год, в

Португалии – 52,6 литра, в Италии – 51,1 литра, в России – 6,1 литра вина (Мединский, 2008: 267). По данным Американской психиатрической ассоциации в США 13,8% взрослого населения злоупотребляет алкоголем или страдает алкоголизмом. Потери от алкоголизма ужасают: если в течение десяти лет во Вьетнаме погибло 56000 человек, то за тот же период в сами США погибли 250 000 человек по вине пьяных водителей (Мединский, 2008: 271). Вместе с тем в России в 2004 г. больные алкоголизмом составляли 1,6% от всего населения, или 2 миллиона 369 тысяч человек, а в 2006 – 192 854 человека (Мединский, 2008: 272). В связи с этим возникает вопрос об обоснованности стереотипа о пьющей России, но сам масштаб страны настолько велик, что эти небольшие проценты от общего количества населения сопоставимы с крупными населенными пунктами и городами Европы. Алкогольные девиации детерминируются противоречивой исходной социальной позицией каждого индивидуума, «включенного» в девиантные отношения, его диспозиционным поведением (Клейберг, 2001). Например, в 1819 г. московский врач К М Бриль-Краммер в работе «О запое и лечении оного» отмечал социальные причины алкоголизма, указывая, что большинство известных ему алкоголиков заболели после Отечественной войны 1812 г., когда многие из них лишились имущества и родственников (Дудкина 2007).

Детерминанты сложившейся алкоголизации в России производны как от исторических условий развития страны, внешних стереотипов восприятия страны в мире, так и от явлений и процессов, определяющих специфику нынешнего периода.

Предвестниками алкоголизации общества почти всегда бывают разновидности алкогольно-девиантного поведения членов социума, в частности делинквентное, в основе которого лежит особенность нарушения или блокирования процесса предвосхищения будущего результата своих действий, присущая индивиду, в крайних формах представляющее собой уголовно наказуемое деяние.

Исследования процессов алкоголизации населения демонстрируют влияние социо-структурных трансформаций на развитие и укрепление алкогольных практик и обратную зависимость – формирование социальных групп, на основе этих практик в условиях социально-экономического кризиса второго десятилетия XXI века. Изучение социально-структурных деформаций российского и советского обществ позволяет утверждать, что социально-структурными последствиями алкоголизации населения выступают маргинализация, люмпенизация ранее устойчивых социальных групп, деградация социальных структур, упрощение и примитивизация социальных связей и образа жизни. В ходе алкогольно-девиационных процессов происходит трансформация институциональной структуры, институционализируются теневые и криминальные практики, связанные с производством и продажей незаконного, фальсифицированного, «тедового» алкоголя.

Эксперты утверждают, что среднестатистический взрослый россиянин выпивает 14,5 литра спирта в год (Халтурина, Коротаев 2010). К основным особенностям современного этапа начала XXI века в контексте факторов рос-

та алкоголизации населения относятся: снижение цен на алкогольную продукцию в условиях падения доходов и уровня жизни; превращение алкоголя в один из наиболее доступных для всех категорий населения пищевых продуктов; появление экономически и политически мощных социальных групп, чьи доходы непосредственно зависят от доходов от реализации алкоголя, в отличие от государства, для которого продажа алкогольной продукции – одна из многих строк доходной части бюджета. В связи с чем появляются новые формы девиаций у молодого населения прежде всего (Türker et al, 1998; появление доминирующего источника воздействия на потребительское поведение населения – рекламы и средств телекоммуникации. Средствами современной рекламы и телевидения воспроизводится базовый водочный миф о российской национальной специфике и происходит хабиутализация алкогольных практик (Немцов 2003; Глушкова 2009; Стрижкова, 2012). При этом сама реклама алкогольной продукции выстроена с ярко выраженной директивностью либо экспрессивностью, мощно воздействуя на потенциального потребителя алкогольной продукции: «Virgin wines -just delicious? Full -flavoured wines at the best possible prices!» (журнал «Elle», 2009. №8. с 114); «Bravo -Неслабые коктейли!» (Журнал «Cosmopolitan», 2010, №5. с.37); «Ять (водка) Качество на пять!» (реклама водки – журнал «Men s Health», 2010. №11. с.86].

Известный эксперт по вопросу алкоголизации российского общества А.В. Немцов оценивает прямые и непрямые алкогольные потери России в 30% годового количества смертей мужчин и 15% – женщин (2003). На связь аномально высокой российской смертности и пьянства указывают и другие авторы (Милле, Школьников 1999; Коротаев, Малков, Халтурина. 2005; Karger A.G., Basel 2001, МакКи 2010; Room 2010).

Изучение социоструктурных различий потребления алкоголя обнаружило: наличие генерационного сдвига: значительные отличия мотивов и характера потребления алкоголя молодежью от старших возрастных групп; существенные различия характера потребления алкоголя внутри молодежной генерации, связанные с преобладанием процессов дифференциации, обусловленными изменением социально-стратификационной структуры российского общества.

Так, поколенческая специфика молодежи состоит в преобладании гедонистических, развлекательно-досуговых ценностных ориентации и нормативных моделей поведения, и формирование на их основе моделей алкогольного поведения, что обусловлено социокультурными характеристиками поколения миллениалов и их ориентацию на наслаждение жизнью. Внутрипоколенческая структура представлена сильно и слабобересурсными группами, модели алкогольного поведения которых диаметрально противоположны (много пьют – мало, часто – редко, большие – небольшие разовые дозы, не обращают внимание на здоровье -заботятся о здоровье, ведут здоровый образ жизни, потребление по привычке, от скуки, с психотерапевтической целью – редкое престижное потребление дорогого алкоголя) Существенным образом на выбор модели алкогольного поведения сказывается зависимость от уровня образования и успешности начальной карьеры как молодого профессионала. Вовлечение моло-

дых людей в алкогольно-девиантный процесс обуславливает применение производителями алкогольной продукции специфически ориентированной рекламы, где гедонистический аспект является преобладающим. Апелляция к эмоциям предопределяет выбор языковых средств и в рекламе алкогольной продукции. Как в русском, так и в английском языке частотно употребление прилагательных, объединенных семой «приносящий удовольствие»: *delicious, full – flavoured, rich, wine, золотой вкус, вкусное пиво smooth, fun loving beer, fine wine, great tasting wine, доброе вино, мягкий вкус.*

Гендерное сравнение показывает, что, несмотря на одинаковый с мужчинами социальный фон, принадлежность большинства женщин к категории бедных и малообеспеченных и большую предрасположенность женского организма к формированию алкогольной зависимости, женщины социально более устойчивы к алкоголизации, чем мужчины (Ridlon 1998). Причиной выступает большая социальная и нравственная ответственность женщин за семью, добровольная готовность принять большой груз бедности по сравнению с другими членами семьи.

Существенной предпосылкой алкоголизации женщин в этих семьях могут стать затяжные депрессии как следствие тендерных различий депривации в семье (Ridlon 1998). Профилактикой алкоголизма среди девушек и молодых женщин может стать культивирование социальных моделей материнства и профессиональной самореализации.

Алкоголь актуализирует работу центра удовольствия в головном мозге и поэтому вызывает приятные ощущения, требующие с каждым разом увеличения дозы и вызывающие зависимость у потребителя. В ряде стран благодаря тщательно продуманной поэтапной алкогольной политике происходит снижение потребления алкоголя, прежде всего, это в США, Франции, Швеции. Традиционно низкий уровень употребления алкоголя в странах, где приверженцы ислама составляют не менее 40% от общего числа населения (Рум 2010).

Надо признать, что алкогольно-девиантные процессы имеют прямую взаимосвязь с коррупцией, теневой экономикой, преступностью (в ее различных формах), проституцией. Кроме того, в России, как, впрочем, и в других странах мира, на протяжении всего XX века все более явно прослеживалась тенденция омоложения алкоголизма, и для экспертов становилось очевидно, что возрастает риск его возникновения на фоне растущего потребления спиртного. Особую тревогу вызывает тот факт, что заметно возросли признаки злоупотребления алкоголем среди подростков, как устойчиво потребляющих спиртное, так и впервые диагностированных. Вместе с тем отмечается и вовлечение этих молодых алкогольных девиантов в другие девиантные процессы.

Любое алкогольно-девиантное поведение предполагает не только стремление разрушить или сместить фрустрирующий блок в структуре личности девианта, но и концентрацию энергии, необходимой для осуществления этого замысла. Отсюда такие стереотипные представления, что «пьяному море по колено», «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», «если бы не был пьян, то умер бы» и т.д. Характер алкогольно-девиантного поведения, направленность энергетического потенциала человека зависят: во-первых, от того,

как он может отвечать на возникающие трудности: путем созидательных или разрушительных действий; во-вторых, от того, каким образом общество стимулирует социально-инновационные, созидательные действия личности. Вместе с тем надо отметить, что продолжающие фрустрации вследствие хронических стрессов, обусловленных затяжным социально-экономическим кризисом, способствуют бегству от суровой реальности в иллюзорный мир кратковременного благополучия и релакса, формирующийся под влиянием употребления алкоголя. Общественная нестабильность и массовая маргинализация населения в бурные 1990-е гг. заметно стимулировали обе эти негативные тенденции, актуализируя проблему в глазах всего общества, а не только специалистов здравоохранения, исследователей и политиков.

Алкоголизация России происходит по однотипному сценарию, который характерен и для других стран мира. Так, до революции 1917 г. потребление алкоголя было значительно ниже (более чем в три раза), чем в настоящее время (Немцов 2001: 5). Губительной для России стала характерная для северных стран ориентация на крепкие алкогольные напитки (прежде всего, водку), что и приводит к уменьшению продолжительности жизни и увеличению количества смертей вследствие убийств на фоне пьянства и алкоголизма, а также на фоне отравлений алкоголем.

Список литературы и источников

1. Глушкова Т.А. Стереотипы винопития в рекламе алкогольной продукции. В: Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. №1, 2009, сс.: 44-49.
2. Дудкина О.В. Алкоголизация населения в России: социально-демографические последствия: социально-демографические последствия: диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.03 Новочеркасск, 2007.
3. Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. – М.: РУСС, 2005.
4. Милле Ф., Школьников В.Ф. Смертность в России: затянувшееся отставание. В: Мир России. 1999. Т. VIII, №4(24), с.138-162
5. Немцов А.В. Алкогольный урон регионов России. М., 2003.
6. Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Введение. Алкогольная катастрофа: как остановить вымирание России. В: Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. Москва: УРСС, 2010, сс.: 5-58.
7. Türker T., Sodmann R., Goebel U., Jatzke S., Knapp M., Lesch K.P., Schuster R., Schütz H., Weiler G., Stöber G. High ethanol tolerance in young adults is associated with the low-activity variant of the promoter of the human serotonin transporter gene. In the: Neurosci Lett. 1998 Jun 5;248(3):147-50.
8. Стрижкова, О.В. Специфика реализации коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе : на материале англо- и русскоязычной рекламы продуктов питания : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Стрижкова Ольга Валерьевна; [Место защиты: Челяб. гос. пед. ун-т].- Челябинск, 2012

Семенкова О.А.
(Ставрополь, Россия)
Тахумова О.В.
(Ставрополь, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Отличительной чертой двадцать первого века является динамический рост мирового населения, что породило немало экономических, социальных, экологических и других глобальных проблем. Население мира всего за сто лет возросло почти в пять раз и достигло почти семи миллиардов.

Динамика населения, особенно сдвиги в его возрастной структуре, оказывает отрицательное влияние на экономическое развитие. В развитых и развивающихся странах ситуация складывается по-разному.

Основным демографическим показателем является – рождаемость, а так же динамика численности населения мира в целом.

В данных областях наблюдаются две противоположные тенденции:

- стабилизация или снижение их в развитых странах;
- резкий рост в развивающихся странах.

Данную ситуацию объясняет Концепция демографического перехода. Она говорит о том, что переходя к современному способу воспроизводства население проходит четыре этапа и в разных странах проходит в различные временные периоды.

Первый этап характеризуется снижением смертности при несущественном снижении рождаемости. В результате этого резко увеличивается естественный прирост населения, так называемый демографический взрыв. Уровень смертности снижается, что связано с улучшением уровня жизни в целом, в том числе качества питания, улучшение санитарно-гигиенических условий жизни людей.

На втором этапе смертность продолжает снижаться, но показатели рождаемости снижаются быстрее. В данной ситуации прирост населения имеет тенденцию к замедлению.

Третий этап характеризуется небольшим повышением смертности, при замедлении показателей рождаемости, что в некотором роде стабилизирует положение. Предположительно Россия в настоящий момент находится на завершении именно этого этапа.

На четвёртом этапе показатели рождаемости и смертности становятся примерно одинаковыми, и процесс демографической стабилизации завершается. Данный этап является важнейшим из всех, так как, страны, дошедшие до этого пункта, уже привели демографическую ситуацию в относительный порядок.

Переход к современному способу воспроизводства населения в Китае, странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки завершился в последней четверти двадцатого столетия, а в Европе же он был завершён уже к середине того же столетия.

Таблица 1

**Динамика роста населения по регионам в XX – начале XXI века
(в млн. человек)**

	1900 год	1950 год	1975 год	2000 год	2025 год
СССР, Россия	135	185	255	315	365
Азия	950	706	1259	2205	3651
Лат. Америка	68	169	322	609	965
Сев. Америка	84	166	238	291	336
Африка	130	219	406	828	1479
Европа	295	392	474	520	580
Австралия и Океания		13	21	30	40
Весь мир	1650	2510	4030	6190	9060

Таблица показывает динамику населения до 2000 года, а так предположительный прогноз на 2025 год. Так, за 1975-1990гг из 2,2 миллиарда прироста населения около 90%, то есть 2 миллиарда, приходится на развивающиеся страны. Увеличение населения с 1970г по 2000г составило: в Европе – 16,1%; в Северной Америке – 30,2 %; в Азии – 76,1 %, в Латинской Америке – 89,3 %, в Африке – 140,4 %.

В настоящий момент в развивающихся странах сложился тип воспроизводства населения, при котором снижение смертности не сопровождается соответствующим сокращением рождаемости, что создает немало сложностей. В итоге все это привело к обострению глобальной демографической проблемы.

По мере достижения страной более высокого уровня экономического развития прослеживается устойчивая тенденция к снижению рождаемости.

Значение демографической политики различно для развитых подсистем и стран. Это зависит от уровня их экономического развития а так же этапа демографического перехода. Для пятой части всех стран (26% населения мира) рост или естественное увеличение населения оказывает незначительное влияние на развитии страны и не требует добиваться особых целей в этой сфере.

Демографическая политика оказывает влияние на:

- Во-первых, на реализацию потребности населения в детях и на формирование потребности у личности и семьи в таком количестве детей, которое соответствует интересам общества.
- Во-вторых, первый пункт достигается по средством экономических, административно – юридических и социально-психологических мер, на которые непосредственное влияние оказывает демографическая политика .

Особенной чертой предпринимаемых мер заключается в том, что их содействие на динамику демографических процессов осуществляется не прямо, а косвенно через поведение человека. Это связано с тем, что каждому социальному слою свойственно своё индивидуальное поведение в данной области.

29-30 июня 2011 г. в Российском государственном социальном университете в Москве прошел международный Демографический саммит «Семья и будущее человечества». На данном саммите специалисты со всего мира обсуждали проблемы депопуляции, разрушения семьи, а так же кризиса семейных ценностей. По итогам работы саммита была принята Декларация.

Участники саммита выразили обеспокоенность перед угрозой наступающей общемировой депопуляции. Данные выводы были сделаны ведущими демографами России. Действительно, специалисты уже несколько десятилетий наблюдают процесс демографической деградации, хотя некоторые международные организации, а так же СМИ утверждают обратное, что имеет место перенаселение. В последние годы этот процесс характеризуется страшными масштабами, для всего мира. В настоящий момент 42% всего человечества живет в странах, где отсутствует замещение поколений. Это происходит вследствие снижения рождаемости, находящейся сейчас ниже границы требуемого воспроизводства.

Участниками саммита единогласно поддержано международное определение семьи, закреплённое в итогах Мирового общественного Форума «Диалог цивилизаций», прошедшего 7–11 октября 2010 г. в Греции, (о. Родос).

Международное определение семьи: «Семьей является базовая ячейка (первоэлемент) общества, характеризующаяся следующими неотъемлемыми признаками:

1. Союзом мужчины и женщины (согласно 16-й статье Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.);
2. Добровольностью вступления в брак;
3. Совместным проживанием супругов;
4. Ведением общего домашнего хозяйства;
5. Вступлением в брачные отношения с соблюдением процедуры общественного признания в виде государственной регистрации брака и/или соответствующего религиозного обряда;
6. Стремлением к рождению, социализации и воспитанию детей. Семья является незаменимым демографическим условием существования, воспроизводства и устойчивого развития цивилизаций.
7. Нерасторжимостью брака – изначальными обоюдными намерениями супругов пожизненно быть вместе, несмотря на любые жизненные трудности»

Таким образом, можно сделать вывод, что демографическая ситуация которая сложилась в мире на данный момент является наиболее острой из всех глобальных проблем. Существует огромное множество теоретических её решений, которые, к сожалению, на практике не всегда возможно приме-

нить. Демографическая проблема напрямую зависит от правовых норм каждой отдельно взятой страны, что в следствии приводит, по факту, к затруднениям её решения.

Список литературы и источников

1. Назаренко О.Б. Экология: учебное пособие / О.Б. Назаренко – Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 2007. – 100 с.
2. Спицына Н.Х. Демографический переход в России. Антропогенетический анализ / Н.Х. Спицына – М. : Наука, 2006. – 212 с.
3. Демографическая политика / Экономическая демография. – М., 2008. – Режим доступа: – <http://walw.ru/ekdem/index.php?61/>, свободный.
4. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года / АКДИ (агентство консультаций и деловой информации) «Экономика и жизнь». – М., 2008. – Режим доступа: – <http://www.akdi.ru/econom/program/demogr.htm/>, свободный.
5. Московский Демографический саммит: Скоро встанет проблема выживания всего человечества – Режим доступа: URL:<http://www.pravmir.ru/moskovskij-demograficheskij-sammit-v-osnove-sushhestvovaniya-chelovechestva-lezhit-semya/>

Сивоплясова С.Ю.
(Москва, Россия)

ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ РОССИИ: ГЕНДЕРНАЯ И ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРЫ

(Исследование проведено в рамках проекта
РФФИ № 15-36-20612 –мол_вед)

После распада Советского Союза масштабы внешней миграции Российской Федерации многократно увеличились. Это было вызвано, главным образом, двумя причинами. Во-первых, формирование рыночной экономики сопровождалось открытием национальных границ, в связи с чем большие потоки российских граждан «хлынули» за рубеж. Во-вторых, бывшие Республики СССР стали независимыми государствами, и миграционные потоки между ними и нашей страной получили статус международных.

О масштабах внешней миграции можно судить по числу прибывших в нашу страну и выбывших из неё. Так, в течение 25 лет с 1990 г. по 2014 г. число прибытий не снижалось ниже 100000 в год. В то же время число выездов хотя и было значительно ниже, однако не становилось менее 30000 в год. Максимальное число прибывших из зарубежных стран в истории современной России было зафиксировано в 1994 г. и составило 1191355 человек, минимальное значение отмечалось в 2004 г. – 119157 человек. На протяжении рассматриваемого периода число выбывших неуклонно снижалось

с 729467 человек в 1990 г. до 32458 человек в 2009 г., после чего начался рост. При этом, сальдо миграции на протяжении 25 лет оставалось положительным, то есть в страну приезжало больше, чем выезжало из неё (рисунок 1).

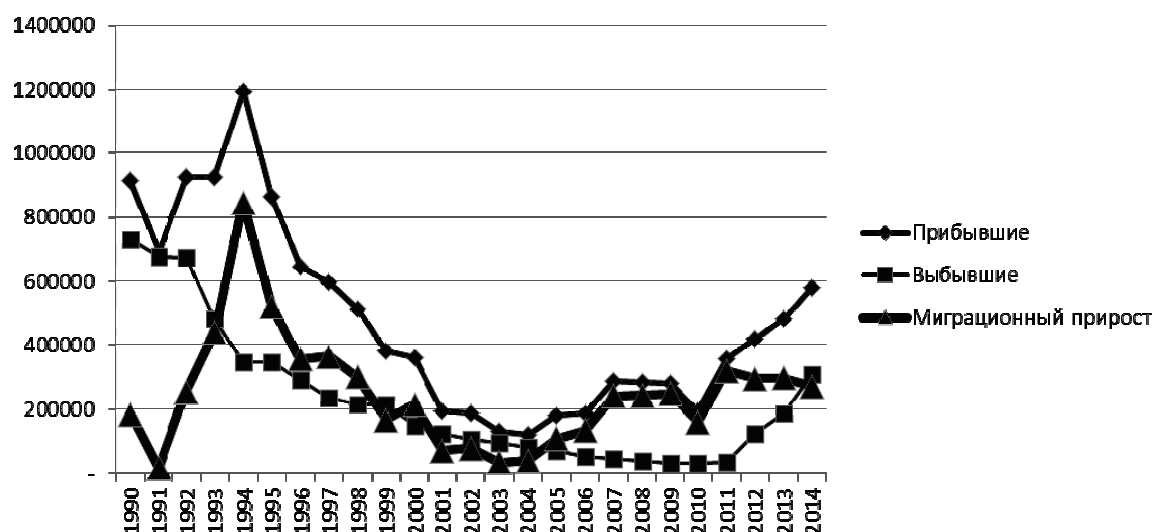


Рисунок 1 – Внешняя миграция России, человек

Рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики
// www.gks.ru

Гендерная структура внешней миграции в настоящее время не сбалансирована. В 2014 г. мужчины пересекали границу нашей страны почти в два раза чаще, чем женщины. Так среди прибывших 62,03 % составляли мужчины и 37,97 % женщины. Среди выехавших также преобладают мужчины (69,92 % мужчин против 30,08 % женщин). Однако, такая диспропорция существовала не всегда. С 2008 г. по 2011 г. половая структура внешней миграции была более сбалансирована. И мужчин, и женщин прибывало и выбывало примерно равное число. При этом, среди прибывающих преобладали мужчины, а среди выбывающих – женщины (Таблица 1).

Таблица 1

Половая структура внешней миграции, %

<i>Год</i>	<i>Прибыло</i>		<i>Выбыло</i>	
	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
2008	51,86	48,14	46,13	57,87
2009	53,61	46,39	46,60	53,40
2010	55,12	44,88	46,61	53,39
2011	61,16	38,84	50,18	49,82
2012	62,73	37,27	70,09	29,91
2013	63,74	36,26	71,86	28,14
2014	62,03	37,97	69,92	30,08

Рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики
// www.gks.ru

«Переломным» годом стал 2011 г. В этом году началось не только разбалансирование гендерной структуры внешней миграции, но и преобладание доли мужчин над женщинами среди лиц, покидающих страну (50,18 % и 49,82 % соответственно).

Важной особенностью половой структуры внешней миграции является то, что с 2012 г. доля выбывающих мужчин стала больше доли приезжающих. Женская же миграция имеет противоположные тенденции. Если с 2008 г. по 2011 г. доля женщин среди выезжающих превышала долю женщин среди приезжающих, то с 2012 г. по 2014 г. доля женщин среди приезжающих лиц стала на 7 процентных пунктов выше доли женщин среди выезжающих. Такая ситуация свидетельствует о том, что в стране происходит «накопление» женского населения, женщины, приезжающие в нашу страну, чаще остаются в ней на длительный срок или на постоянное место жительства.

Анализ возрастной структуры миграционных потоков показывает, что как среди приезжающих, так и выезжающих преобладают лица трудоспособного возраста. Однако, если среди приезжающих их доля с 2008 г. по 2014 г. существенно не менялась и составляла около 80 %, то среди выбывающих их доля с 2012 г. начала заметно возрастать и достигла в 2014 г. 90,04% (Рисунки 2, 3). Такое увеличение, вероятно, можно объяснить изменениями в миграционном законодательстве, произошедшими в 2012 г., когда была принята норма, согласно которой при смене работодателя иностранный работник вынужден выезжать из страны и ждать приглашения от нового работодателя для получения новой однократной визы.

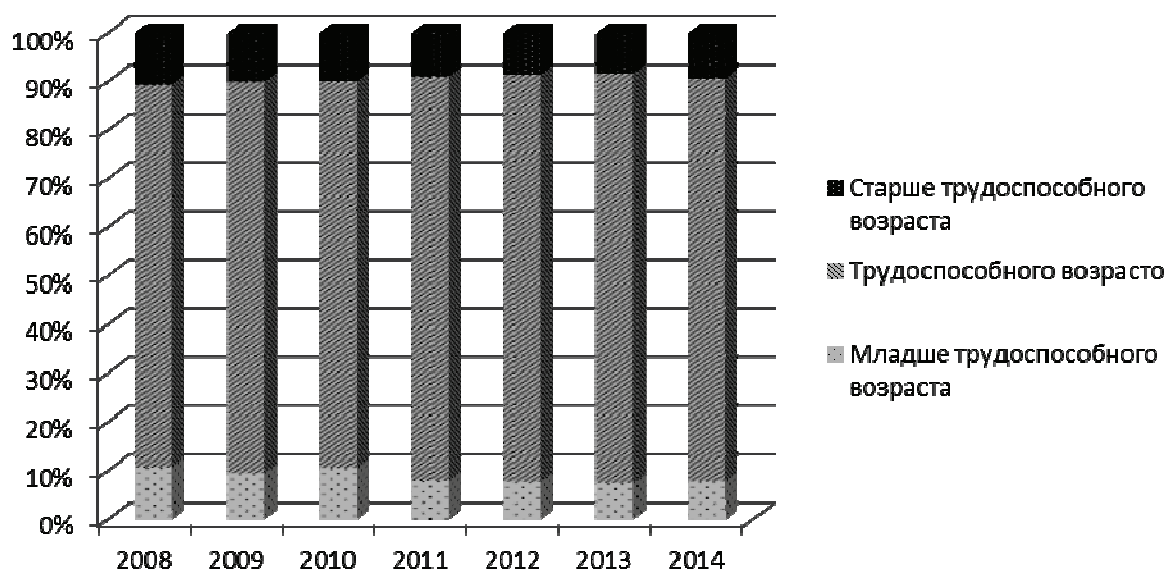


**Рисунок 2 – Возрастная структура
приезжающих в Россию из других стран, %**

Рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики
// www.gks.ru

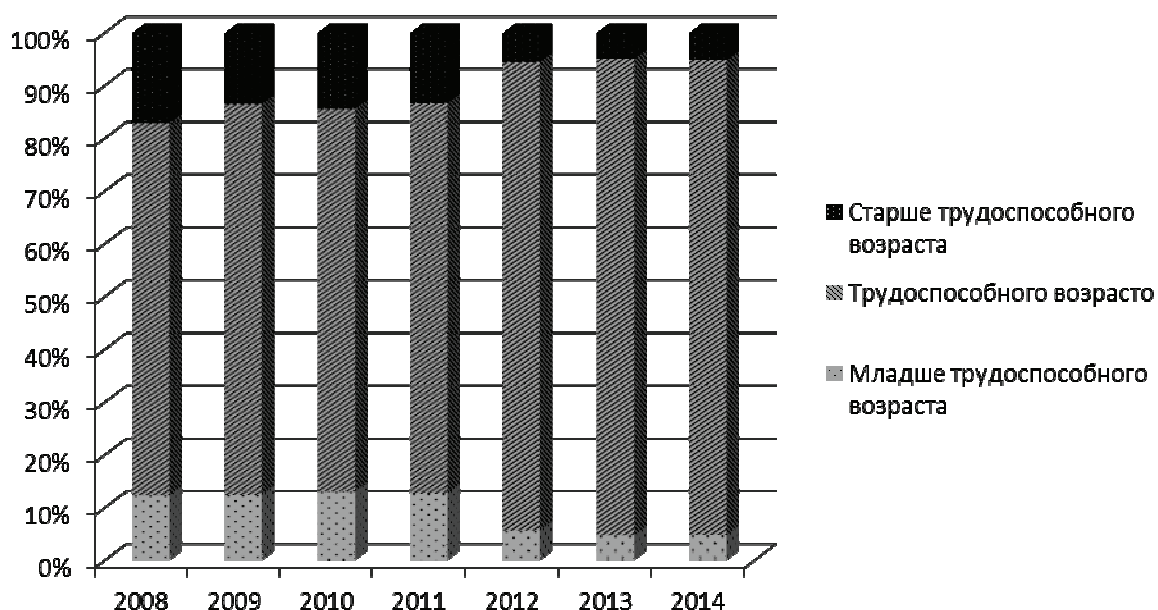


**Рисунок 3 – Возрастная структура
выезжающих из России в другие страны, %**

Рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики
// www.gks.ru

Анализ возрастной структуры мигрантов в разбивке по возрастным группам показывает, что чаще других приезжают в страну и выезжают из страны лица в возрасте 20-29 лет. Однако, в 2013 г. и 2014 г. максимальные числа прибытий были у женщин в возрасте 25-34 лет. То есть в последние два года более активно пересекать границу нашей страны стали женщины более старших возрастов.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что во внешней миграции в России происходят существенные изменения, которые повлияют на демографические возможности нашей страны.

Сигарева Е.П.
(Москва, Россия)
Сивоплясова С.Ю.
(Москва, Россия)

СПЕЦИФИКА БРАЧНОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ВЫСОКООБРАЗОВАННЫХ ГРУППАХ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Исследование базировалось на материалах статистики переписей населения и текущего учета, а также на всероссийском исследовании репродуктивного здоровья и авторском исследовании репродуктивного поведения молодежи с высшим образованием. Трансформация современного репродуктивного поведения в семьях России, обладающих высоким уровнем образования, происходят в значительной степени из-за двух трендов: более позднего вступления в брак и более позднего начала реализации репродуктивных планов. На рис. 1 представлена динамика возраста вступления в брачные отношения женщин России в период с 1960 г. по 2013 гг. Если в 1960-1970-х годах более 60-75 % невест вступали в брак до исполнения 25 лет, то в настоящее время 60 % невест вступают в брачные отношения после 25 лет.

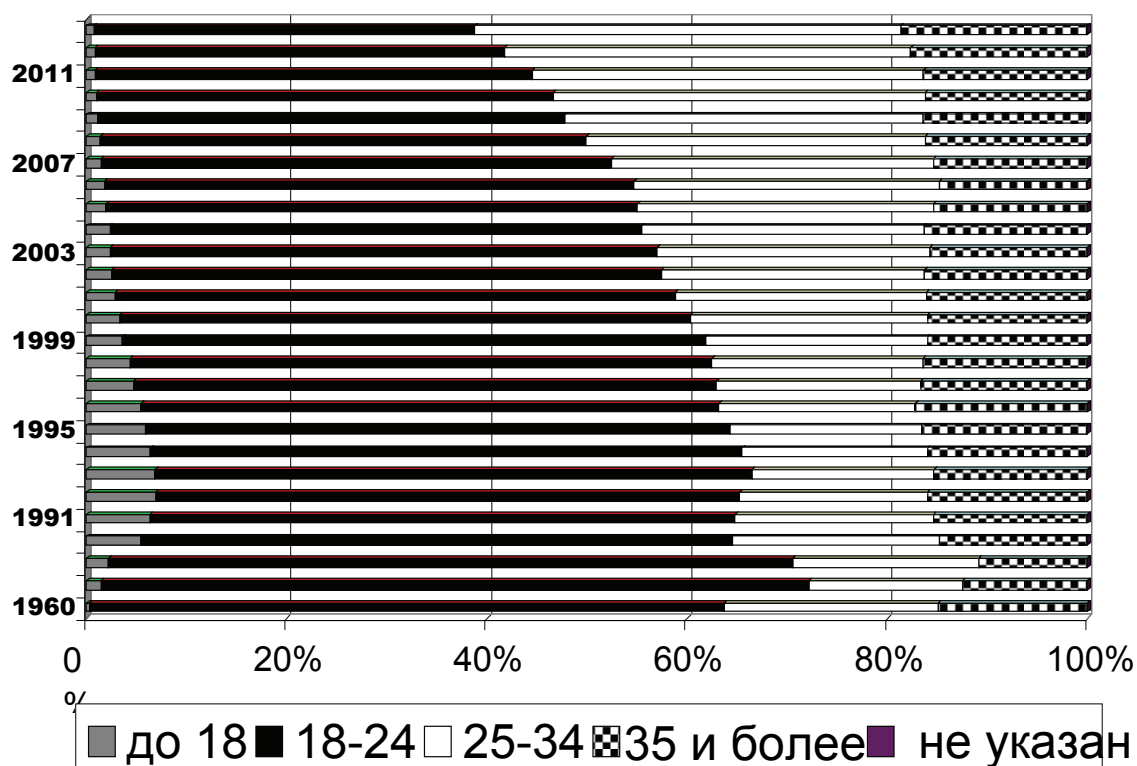


Рис. 1. Брак по возрасту невесты

Что касается мужчин, то отсрочка брачных отношений у них произошла более резко и значительно раньше, чем у женщин (рис.2).

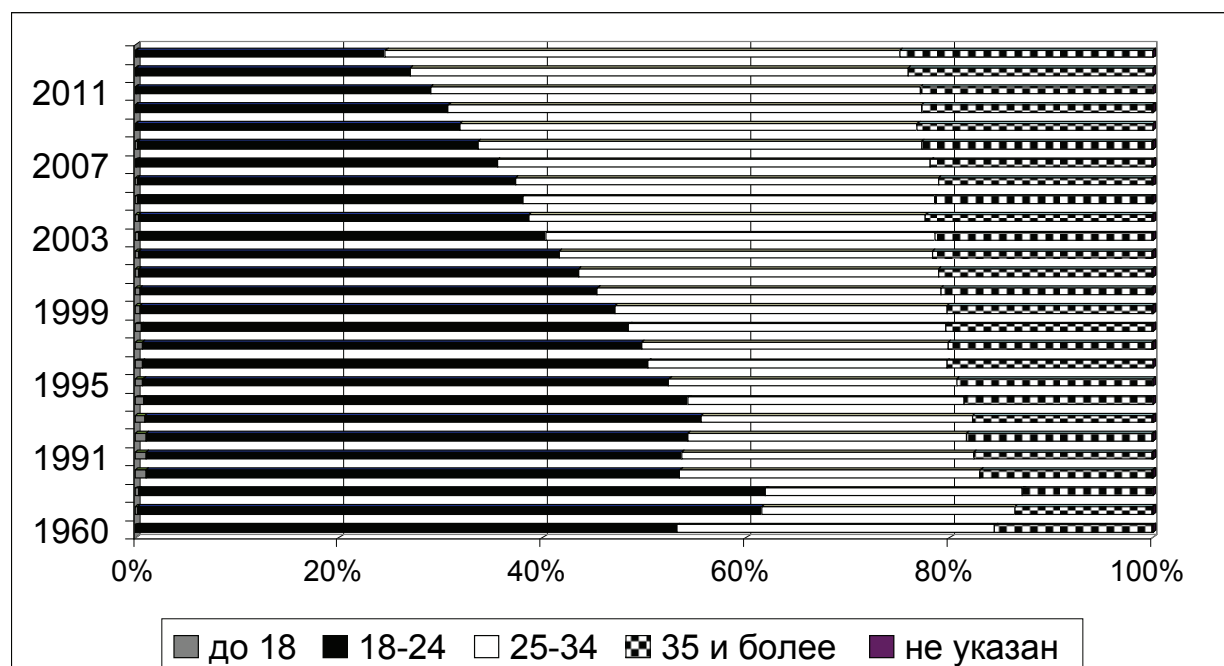


Рис. 2 Брак по возрасту жениха

Население России обладает высоким индексом образования, что становится конкурентным фактором для реализации репродуктивных планов. Средний возраст брачного союза у женщин репродуктивного возраста с высшим образованием на 2 года больше, чем у женщин со средним образованием, а средний возраст рождения 1-го ребенка у первых на 4 года больше, чем у вторых.

Авторское исследование показало, что 90 % женщин в семьях родителей высокообразованных респондентов вступили в брак в возрасте 19-30 лет. Поколение их детей, получающих высшее образование, в большей степени ориентируются на период 21-25 лет (рис.3).

В то же время в репродуктивных планах высокообразованной молодежи число детей превышает реальное число детей в поколении их родителей (рис. 4).

Это не означает, что эти планы будут реализованы полностью, но дает надежду на то, что в поколении современной высокообразованной молодежи репродуктивное поведение окажется более оптимистичным.

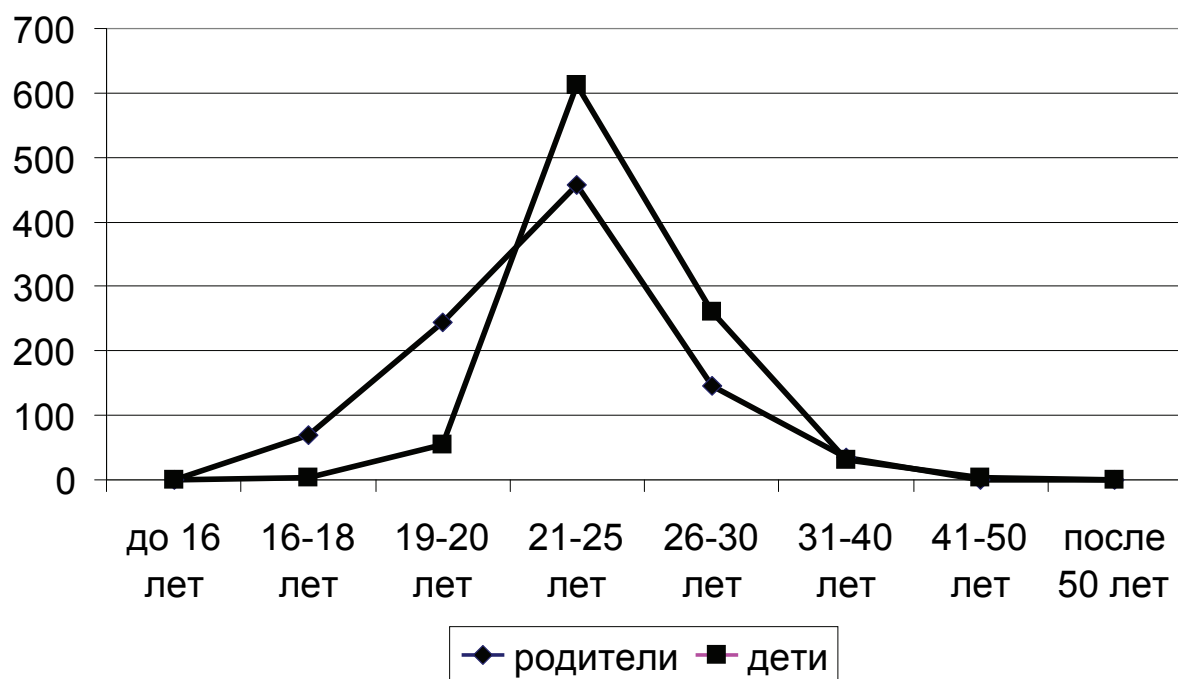


Рис. 3. Возраст вступления в брак родителей и респондентов с высшим образованием.

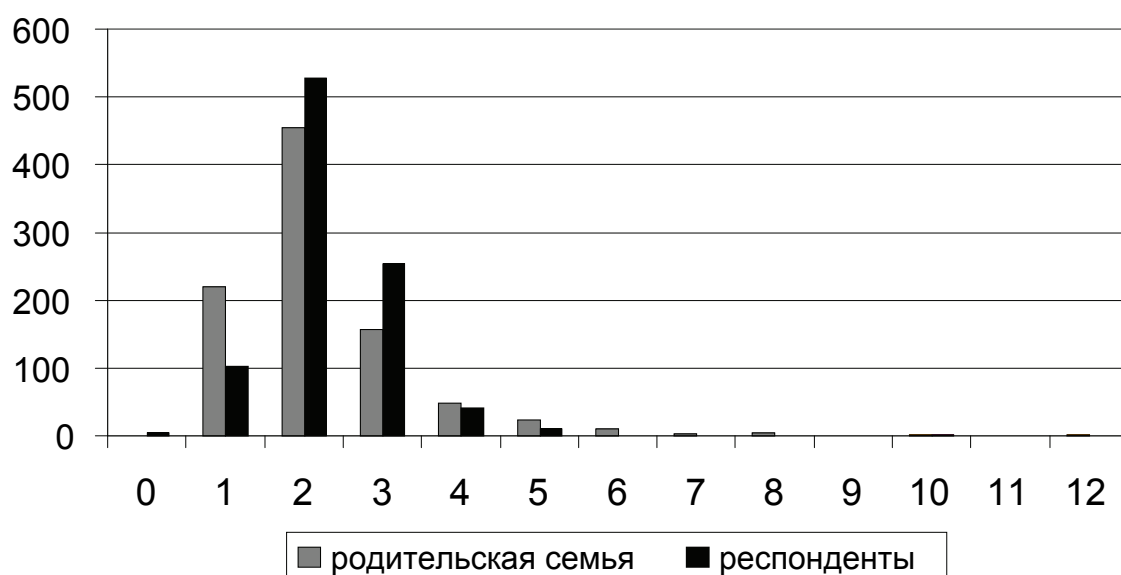


Рис. 4. Число детей у родителей и репродуктивные планы респондентов.

Томайлы А.Е.
(Ставрополь, Россия)
Письменная Е.Е.
(Москва, Россия)
Лукьянова А.Ю.
(Ставрополь, Россия)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АЛКОГОЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

(Исследование проведено при поддержке грантов
РФФИ № 15-06-02854-а, № 15-06-10207-к, № 15-36-50205-)

Начавшаяся в России в 90-е годы XX века либерализация алкогольной отрасли, повлекшая за собой высокую ценовую и территориальную доступность алкогольных изделий для всех социально-демографических групп населения, явилась одним из факторов, обусловивших высокие темпы роста потребления алкоголя в нашей стране. Провозглашение свободы слова и отмена цензуры в средствах массовой информации привели к бесконтрольному распространению рекламы алкоголя, что в сочетании с длительным отсутствием целенаправленной антиалкогольной политики еще более обострило алкогольную ситуацию в России. Все отчетливее стала проявляться первичная (в семье), вторичная (в молодежной среде) и третичная (среди взрослых, на работе, службе) алкоголизация населения.

В наиболее общем смысле, алкоголизация – всякое употребление алкоголя независимо от частоты, количества и вида алкогольных изделий. В отечественной справочной литературе алкоголизация определяется как «распространение алкоголизма». Также данным термином обозначают вид аддиктивного поведения. Вместе с тем важно отметить, что в науке, в том числе социологической, пока нет четкого определения алкоголизации как многогранного социально-негативного макропроцесса, угрожающего безопасности общества и государства. В то же время есть все основания утверждать, что, внедряясь во все социальные институты, алкоголизация вызывает качественные изменения в социальной структуре общества, нарушает сложившуюся систему ценностей, порождает коренные сдвиги в направлениях социальной мобильности, ведет к массовой маргинализации населения и подрывает интеллектуально-инновационный потенциал государства.

Сегодня масштабы алкоголизации населения таковы, что уровень потребления алкоголя в России составляет 15-18 литров чистого спирта в год на душу населения. Доля людей, употребляющих алкоголь, достигает 70%, а пик алкогольной активности приходится на трудоспособный возраст. Большинство россиян употребляет алкоголь в возрасте 24-39 лет. Между тем эксперты ВОЗ определили, что для возрастного периода в 25-59 лет, как самого продуктивного в жизни, потребление алкоголя является первостепенным фактором риска

нарушения здоровья и преждевременной смерти в мире, что, помимо всего прочего, указывает и на глобальный характер проблемы.

Согласно исследованиям Высшей школы экономики, на продолжительность жизни влияет и начальный возраст приобщения к алкоголю. В России все интенсивнее происходит омоложение возраста его первой пробы. Большинство подростков знакомится с алкогольными изделиями в 12–15 лет. Более того, если в 2004-м году среди старшеклассников опыт сильного опьянения имели 45% мальчиков и 36% девочек, то в 2013-м г. эти доли увеличились и сравнялись – сильное опьянение испытывали 57% мальчиков и 57% девочек.

Начиная с 2009-го года в России стали активно обсуждаться возможности изменения сложившейся ситуации. В дискуссию включились отдельные ученые, целые исследовательские коллективы и центры, общественные организации и движения, церковь и государственная власть. Важно также отметить, что за последние четыре года увеличилось число научных мероприятий, ориентированных на рассмотрение вопросов, связанных с процессом алкоголизации населения. С другой стороны, учеными признается недостаточная степень изученности алкогольного вопроса в современной России.

Понятие «алкоголизация» определяется как процесс массового воспроизводства алкогольных практик в обществе, который вследствие подрыва социально-демографических, экономических и духовно-нравственных основ развития общества ведет к ухудшению важнейших показателей его жизнеобеспечения и представляет угрозу национальной безопасности страны. Данное определение, преодолевая узкое социально-психологическое и медицинское понимание термина, раскрывает алкоголизацию населения не как вид девиантного поведения или распространение болезненных форм алкогольной зависимости, а как социальный макропроцесс, имеющий массовый характер и обусловленный мультисоциальной направленностью.

Процесс алкоголизации населения воспроизводится и поддерживается на следующих уровнях социальной структуры общества:

- на макроуровне (уровень глобальной структуры общества);
- на мезоуровне (структура отношений между различными подсистемами внутри общества);
- на микроуровне (структура отношений между социальными группами, слоями и другими общностями людей).

На макроуровне развитие процесса алкоголизации населения обуславливается объективными по отношению к российскому обществу глобальными факторами, а именно: распространением потребительской массовой культуры, усилением торгово-экономических отношений между странами по поводу импорта алкогольных изделий в Россию, разрастание транснациональных корпораций, занимающихся производством алкоголя на территории России. На мезо- и микроуровнях социальной системы оказывают свое воздействие субъективные факторы процесса алкоголизации населения, которые обусловлены противоречиями, возникающими между подсистемами общества и в процессе социально-группового взаимодействия, среди которых: длительное отсутствие антиалкогольной политики, недостаточная конкретность

современных ее мер, высокий уровень лоббирования интересов производителей алкоголя, слабый контроль за соблюдением антиалкогольного законодательства, изощренность латентной рекламы алкогольных изделий, сдерживание антиалкогольных общественных инициатив.

Субъективные факторы поддаются контролю со стороны государства, общества и личности и являются результатом их деятельности как субъектов алкогольной угрозы. На мезоструктурном уровне происходит регулирование алкогольной ситуации совокупностью подсистем политики, экономики, культуры (в том числе образования), правопорядка, здравоохранения, социально-группового взаимодействия. Микроструктурный уровень представлен влиянием отдельных личностей и социальных групп на отношение людей к алкоголю. Связи между системными уровнями наблюдаются как по вертикали, так и по горизонтали, отражая противоречия между подсистемами общества, заключающиеся в расхождении интересов между субъектами алкогольной угрозы и субъектами обеспечения безопасности и их поляризованном доступе к управлению алкогольной ситуацией.

Индикаторы алкогольной угрозы разработаны и классифицированы на основе теоретического, компаративного и эмпирико-статистического анализа.

Индикаторы алкогольной угрозы, разработанные на основе теоретического анализа по уровням влияния процесса алкоголизации населения, сопоставимы с индикаторами обеспечения национальной безопасности и проявляются одновременно по нескольким ее сферам. На макроуровне влияние процесса алкоголизации населения сказывается на политической, экономической, социальной и духовной безопасности, где определяются такие индикаторы алкогольной угрозы, как: уровень импортируемого алкоголя в Россию; число иностранных компаний, торгующих алкоголем на территории России; специфика информационно-психологического воздействия СМИ на российское население и др. На мезоуровне индикаторы алкогольной угрозы также проявляются на уровне политической, экономической, социальной и духовной безопасности (специфика законодательного регулирования алкогольной ситуации; специфика ведомственного регулирования алкогольной ситуации; динамика и уровень производства и продажи алкоголя; ценовая доступность алкогольных изделий; уровень потребления алкоголя населением; существование латентной рекламы алкоголя в СМИ; качество профилактических образовательных программ и др.).

На микроуровне влияние процесса алкоголизации населения сказывается в большинстве своем на социальной и духовной безопасности общества, где проявляются такие индикаторы алкогольной угрозы, как степень присутствия алкогольных обычаев в семье; допустимость потребления алкоголя в трудовом коллективе; качество воспитательных и профилактических мероприятий педагогическими коллективами и отдельными педагогами и др.

Индикаторы, разработанные на основе компаративного анализа, позволяют учесть характеристики процесса алкоголизации населения в сравнении с признанными в мире высокими европейскими показателями уровня потребления алкоголя.

Индикаторы, разработанные на основе эмпирико-статистического анализа, доступные для наблюдения и измерения в пределах России, отражают высокие показатели алкогольной заболеваемости, смертности, преступности, высокие доли ДТП, самоубийств, совершенных людьми в состоянии алкогольного опьянения, высокий уровень продажи, производства алкогольных изделий, раннее приобщение детей к алкоголю и др.

Результаты контент-анализа современных российских фильмов, указывают на высокий потенциал формирования стереотипов потребления алкоголя кинематографическим искусством и отражают уровень алкогольной стереотипизации российского общества, который является одним из индикаторов алкогольной угрозы. Характерным для современных российских фильмов является наличие следующих основных смысловых линий: употребление алкогольных изделий героями, образы которых подразумевают положительное отношение к ним (96% см. ед.); повседневное, будничное употребление алкогольных изделий (84,25 % см. ед.); приемлемость употребления алкоголя женщиной (50% см. ед.); употребление алкоголя мужчиной как необходимый элемент его повседневной жизни (74% см. ед.).

В заключении хотелось бы отметить, что на развитие процесса алкоголизации населения в современной России в наибольшей степени оказывают влияние такие факторы как слабоконтролируемая масс-культурная и экономическая алкогольная экспансия со стороны других государств (макроуровень); длительное отсутствие и противоречивость современной антиалкогольной политики, размытость механизмов реализации ее мер (мезоуровень); деформированные ценностные ориентации и недостаточная гражданская ответственность со стороны таких субъектов социализации как родители, педагоги, деятели культуры, врачи в вопросах профилактики потребления алкоголя (микроуровень).

Список литературы и источников

1. Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 15-36-50205 «Оценка демографических и социально-экономических последствий алкогольной девиации населения в России»
2. Балабанова Е.С. Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 47-57. 25. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности-неуспешности // Социологические исследования. 2008.7. С. 51-57.
3. Готлиб А.С., Запорожец О.Н., Хасаев Г.Р. Социально-экономическая адаптация а постсоветской России: публичные и приватные практики // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 56-62.
4. Громов А., Привалов А. Водочная эпидемия // Эксперт. 2011. № 42.13-19 ноября. С. 25-30.
5. Радаев В.В. Работающие бедные: велик ли запас прочности // Социологические исследования. 2009. №8. С. 28-37.
6. Резников ЛЛ, Мелентьев А. К обоснованию леводемократической реформационной альтернативы // РЭЖ. 2012. 37. С. 3-36.

Раздел 4

РОССИЙСКАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Барсуков П.В.

(Москва, Россия)

Карабулатова И.С.

(Москва, Россия)

Некрасов С.В.

(Москва, Россия)

Галиуллина С.Д.

(Уфа, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА «СЕТЕВЫХ ВОЙН»

Современный этап в развитии мирового сообщества ознаменовался стремительной глобализацией всех сфер жизни, поглотившей страны и целые континенты, в результате которой сложилась системная взаимозависимость происходящих в мировом пространстве событий. Данное обстоятельство обострило межгосударственные противоречия, связанные с неравномерностью развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран (Karepova et al 2015; Ryazantsev et al 2014; . Ryazantsev S.V. et al 2015; Ryazantsev S.V. et al 2015a). Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции (Gerber 2010; Gabdrafiqov et al 2015; Dixon et al 2015), а, следовательно, возникает обоснование для эволюции правовой базы в контексте глобальной конкуренции, что необходимо для осознания сил, которые влияют на закон о конкуренции на международном уровне. Стремительный научно-технический прогресс привел к изменению окружающей среды и повышению роли информации в повседневной жизни граждан, что приводит к изменению параметров социально-экономической безопасности (Zamaletdinov et al 2014; Bugeja 2015). Одновременно с позитивным влиянием на производственные и жизнедеятельные процессы, информация и информационные технологии создают огром-

ные возможности для манипулирования индивидуальным и массовым сознанием, овладения экономическими и материальными ресурсами, смены и за-
владения политической властью в регионах и целых странах.

Укрепление новых центров экономического роста и политического влияния создало качественно новую геополитическую ситуацию. Так, устранив в лице СССР геополитического конкурента, американцы приступили к упрочнению своих политических и экономических позиций в мире, при этом события конца XX-начала XXI века демонстрируют, что США стремятся к глобальному доминированию, определяя свои национальные интересы первостепенными по отношению к интересам остальных членов мирового сообщества.

Политика – это особая сфера деятельности. Смысл слова «политика» лучше всего выражает его этимология: греч. *politika* – искусство управления государством – сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти, участие в делах государства, определение форм, задач, содержания его деятельности (БСЭ, 1975: 217-219).

Следовательно, политика не существует вне человеческой деятельности, различных способов взаимодействия ее носителей, вне коммуникационных процессов, связывающих, направляющих и инновационных общественно – политическую жизнь. Политическая коммуникация выступает особым социально – информационным полем политики и представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение. В этом контексте этнополитический дискурс, реализуемый в глобальной сети «Интернет», является яркой иллюстрацией, как можно изменить доминанты и константы общественного сознания. В современной политической лингвистике используется предложенное У. Липпманом понятие «процесса установки повестки дня» (*agenda-setting process*), т.е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Другим значимым предшественником политической лингвистики был Пол Лазарсфельд, занимавшийся изучением пропаганды в Колумбийском университете. Вместе со своим коллегой Р. Мертоном П. Лазарсфельд разработал метод опроса «фокус группы» (*focus group interview*) – метод исследования, когда одновременно по специально созданному сценарию опрашиваются несколько человек, подобранных на основе сходных характеристик, иными словами, этот метод применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к правительственным призывам по радио разводить «огороды победы» (*victory gardens*) – домашние огороды американцев во время обеих мировых войн, к обзаведению, которыми активно призывало федеральное правительство или приобретать облигации военных займов. П. Лазарсфельду принадлежит также первенство в применении контент-анализа к исследованию зависимости электорального поведения от предвыборной агитации в СМИ. Наибольшую известность получило его исследование, проведенное в округе Эри (штат

Огайо). В течение полугода вплоть до президентских выборов 1940 г. П. Лазарсфельд и его коллеги проводили опрос фокус-группы в 600 человек с целью выявить эффективность агитационного воздействия политических текстов СМИ на американских граждан. Исследование показало, что только 54 участника эксперимента поменяли за полгода свои предпочтения в пользу другого кандидата в президенты, и еще меньшее количество респондентов сделало это под прямым воздействием газет, журналов и радиопередач. Впоследствии П. Лазарсфельд и другие исследователи разработали модель двухуровневой коммуникации, согласно которой в любом обществе существуют восприимчивые к воздействию политической пропаганды «лидеры общественного мнения» (opinion leaders), распространяющие политическую информацию по каналам межличностного общения. Методика П. Лазарсфельда получила значительное распространение и применяется вплоть до настоящего времени. Среди предшественников современной политической лингвистики называют также Гарольда Лассвелла, которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассвеллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в котором этот язык используется. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях политического языка власти.

Такие факторы как простота в решении своими специфическими средствами многих задач, умение обходить бюрократические и технологические препятствия и экономить время, а также главенствующая роль ЦРУ и других спецслужб США в оказании успешного деструктивного внешнего воздействия на СССР и страны социалистического лагеря привели к тому, что перед были поставлены задачи, ранее официально не выполнявшиеся спецслужбами: обеспечение приоритетных позиций американского бизнеса на международном и внутреннем рынках; обеспечение безопасности и стабильности финансовых потоков, идущих в страну; содействие установлению выгодных США правил в мировой торговле и бизнесе.

Реформы разведсообщества США 90-х-200-х гг. характеризовались частичной передачей его функций эффективным и экономически заинтересованным транснациональным корпорациям. Одним из результатов стало ведение бизнеса не традиционными методами, основанными на обычной конкуренции, а силами и средствами спецслужб, что привело американские корпорации к лидирующим позициям в мире, а глобальный характер их национальных интересов явился серьезным стимулом для осуществления взаимодействия частного сектора со спецслужбами.

В конечном итоге спецслужбы США (как и некоторых других стран) сегодня перестали являться только инструментом правительства и заняли положение самостоятельных игроков мировой политики и экономики (Сёмин 2011). Неоспорим тот факт, что Россия, Беларусь, до последнего времени Ук-

раина, а также иные отдельные государства, не присоединившиеся к НАТО и стремящиеся сохранить свой политический суверенитет, являются объектами геополитических амбиций США и их союзников.

Цели США в отношении таких стран предельно чётки: превращение в дистанционно управляемого партнера, обеспечение свободного доступа транснациональных корпораций к ресурсной базе, концентрация на их территории вредных производств и хранилищ производственных отходов.

Для достижения этих целей американцы нередко прибегают к использованию государственного вооруженного насилия (т.е. совершения акта вооруженной агрессии против суверенного государства и населения), примером чего являются военные действия НАТО в Югославии, Ираке и Афганистане, Ливии.

Одновременно с этим, события последних лет демонстрируют, что ключевым инструментом внешней политики Вашингтона по оказанию воздействия на внутривнутриполитическую обстановку в странах-объектах заинтересованности становится осуществление революционных сценариев без первоначального прямого использования вооруженных сил США и стран-членов НАТО (Сербия, Грузия, Украина, Киргизия, Алжир, Тунис, Марокко, Ливия, Сирия и т.д.).

Данная тактика совместно с оказанием разнородного (экономического, политического, социального, военного характера, вплоть до угроз прямого военного вмешательства) воздействия получила наименование «soft power» – мягкой силы, где за спинами протестующих народных масс стояли американские и европейские идеологи продвижения демократии.

Из ряда документов военно-политического руководства США 90-х–начала 2000-ых годов (например, плана по строительству вооруженных сил США «Joint Vision 2010») следует, что в тот период в недрах научного и политического истеблишмента США, придерживающегося агрессивного курса в национальной внешней политике, была разработана концепция «сетевых войн» – совокупность взглядов, принципов, подходов и методов реализации национальных интересов США в современном мире.

В частности, подразумевается, что в XXI веке основные угрозы национальной безопасности США будут исходить не столько от регулярных армий и специальных служб, структура и деятельность которых базируется на взглядах и принципах середины-конца XX века, а от государственных и негосударственных организаций других стран, террористических и иных криминальных организаций, организационно представляющих собой сетевые структуры. Для обозначения подобных структур появился специальный термин "сегментированная, полицентрическая, идеологизированная сеть" (Segmented, Polycentric, Ideologically integrated Network -SPIN). В качестве симметричного ответа перед американцами ставится задача создания собственно управляемых SPIN, что определяет такое понятие как «сетевая война» – противоборство между своими «сетями» и «сетями» противника.

В данной концепции «сетевая война» определяется как новый способ ведения конфликтов на социальном уровне, без традиционного использования военной силы, когда протагонисты используют сетевые формы органи-

зации и связанные с ней доктрины, стратегии и технологии, которые соответствуют эпохе электронно-информационного общества (Дугин 2006).

В целях осуществления операции «сетевой войны» американцы на первоначальном этапе:

1. Определяют целесообразность и возможность проведения «мягкого» и «силового» вариантов с задействованием вооруженных сил, полицейских и иррегулярных вооруженных формирований, а также момент подключения данных сил в сценарий операции, прорабатывают свои планы с союзниками.

2. Осуществляют постоянное и непрерывное информационное обеспечение, мониторинг и контроль политической обстановки в мире.

3. Увязывают планируемую операцию с намерениями решить действительные или же мнимые проблемы гражданского общества, придают своим планам гуманитарный статус, заявляют международному сообществу о стремлении улучшить ситуацию в стране-объекте воздействия с целью обеспечить легитимность внешнего вмешательства во внутривнутриполитическую жизнь страны¹.

В качестве субъектов («акторов») «сетевого» воздействия выступают:

1. Разведывательное сообщество США и другие государственные органы США, иные связанные с ними организации, национальные финансовые и промышленные корпорации и учреждения.

2. Межгосударственные и международные организации, союзы и т.д. (НАТО, ОБСЕ и т.д.).

3. Международные некоммерческие неправительственные организации.

4. Устойчивые группы лиц, политические партии, союзы, в т.ч. устойчивые преступные и террористические группы и т.д.

«Сетевая война», представляет собой, в конечном счете, определенное качественное состояние международной среды, в рамках которой взаимодействуют акторы, при этом их взаимодействие в глобальных рамках носит конфликтологический характер (Коровин, 2014: 59). На данном этапе большой интерес привлекают публикации, посвященные идиолектам ведущих политических лидеров. Лингвисты обращаются к «речевым портретам» ведущих политиков в сопоставлении с политическими портретами российских политических лидеров прежних эпох. Следует выделить исследования, посвященные взаимосвязи политической позиции и речевых средств ее выражения. Обнаружено, что политические экстремисты (как правые, так и левые) склонны использовать метафорические образы. Значительный интерес представляет сопоставление метафор в коммуникативной практике политиков из разных государств. В работах Дж. Чартериса-Блэка, изучающего риторику британских и американских политиков показано, как метафоры используются в выступлениях политических лидеров США и Великобритании для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Некоторые политики выбирают ту или иную понятийную область для описания политической действительности. Например,

¹ J. Garstka, B. Alberts. Network Centric Operations Conceptual Framework. Version 2.0, стр. 21

«железная леди» М. Тетчэр склонна к военной метафоре, Дж. Буш младший использует криминальные образы, а С. Берлускони отдает предпочтение футбольным метафорам. Выбор политиками понятийной области для описания своего видения ситуации имеет большое значение. Одну и ту же ситуацию можно представить как военный конфликт, в котором нужно разгромить противника, или как поломку транспортного средства, которую можно устранить при слаженной работе всех пассажиров. Метафоры политиков задают способ осмысления ситуаций, подталкивая слушателя к выбору определенного сценария для понимания и оценки этой ситуации.

Одной из консолидирующих целей воздействия США и Евросоюза явился Таможенный союз, в котором Запад увидел угрозу для своего центрального положения в системе мировой торговли. Возможно, это воздействие явилось предупреждением не только европейским и азиатским государствам, перед которыми появилась возможность интеграции в его рамках и ослабления роли европейского и американского лобби в своей экономике, но и латиноамериканским странам со сложными внутригосударственными социальными процессами (например, Аргентине), и всему мировому сообществу в целом. Сигнал о том, что США со всей решимостью собираются покрывать свои госдолги исключительно за счет мирового сообщества. Концепция «сетевых войн» как система взглядов и конкретных мер по реализации геополитических амбиций США доказала свою эффективность, и тактика проецирования «мягкой» и «жесткой» силы в отношении объектов внешнего воздействия будет использоваться в дальнейшем.

Вместе с тем, скрытая агрессия США и их союзников из Евросоюза в отношении Украины и попытка создания деструктивного социально-политического фона в нашей стране должны иметь и обратный эффект. Исторический процесс демонстрирует, что именно в периоды тяжелейших испытаний братские народы России, Украины и Белоруссии консолидировали свои усилия в их преодолении и проявляли лучшие национальные качества в совместной созидательной борьбе за будущее.

Список литературы и источников:

1. Bugeja M. Interpersonal Divide: The Search for Community in a Technological Age. Oxford, 2015, pp.: 240.

1. Большая советская энциклопедия./Под. ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М, «Советская энциклопедия», 1975, с. 217-219.

2. Gabdrafiqov et al 2015 – Gabdrafiqov I.M., Karabulatova I.S., Khusnutdinova L.G., Vildanov Kh., S. Ethnoconfessional Factor in Social Adaptation of Migrant Workers in the Muslim Regions of Russia. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, Supplement 4, May 2015 . – pp.: 213-223. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s4p213 <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6732/6446>

3. Garstka J, B. Alberts. Network Centric Operations Conceptual Framework. Version 2.0, стр. 21

4. Gerber D. Global competition: Law, Markets and Globalization. Oxford, 2010, pp.: 350.

5. Dixon et al 2015 – Dixon Jeffrey C., Singleton Royce A., and Bruce C. Straits. The Process of Social Research. Oxford, 2015, pp.: 512.

6. Дугин А.Г. Теория и практика сетевой войны и ее влияние на ситуацию в ЮФО. Центр системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН: Собрание трудов «Южнороссийское обозрение», выпуск 34 «Сетевые стратегии Запада на юге России», 2006г.

7. Karepova et al 2015 – Karepova et al (2015) – Karepova S. G., Karabulatova I. S., Novikov V. S., Klemovitsky S.V., Stratan D. I., Perova A. E. New Approaches to the Development of Methodology of Strategic Community Planning. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.6. – pp.357-364

<http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6831/6539>

8. Коровин В. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014.

9. Ryazantsev et al (2014) – Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S. & Charif Y.Akramov. Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia. In the: Asian Social Science. Vol 10, No.20, 2014, ISSN 1911-2017; E-ISSN 1911-2025. Published by Canadian Center of Science and Education. Received: June 22, 2014 Accepted: July 15, 2014 Online Published: September 24, 2014. Received: June 20, 2014 Accepted: July 16, 2014 Online Published: September 24, 2014. doi:10.5539/ass.v10n20p1.

<http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40806/22527>

(date of access 22.02.2015).

10. Ryazantsev S.V. et al (2015) – Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Sivoplyasova S.Yu., Pismennaya E.E., Manshin R.V. Modern Aspects of Human Trafficking in the Context of Labor Exploitation and Irregular Labor Migration in the Russian Federation. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.2, May 2015. – pp.: 67-72. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s2p67

<http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6465/6195>(date of access 20.08.2015).

11. Ryazantsev S.V. et al (2015a) – Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Mashin R.V., Pismennaya E.E., Sivoplyasova S.Yu. Actual problems of human trafficking in Illegal immigration in the Russian Federation. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.1, May 2015 (a). – pp.: 621-626. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s1p621

<http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6451/6185>(date of access 12.08.2015).

12. Сёмин Н.Л.. Спецслужбы и крупный бизнес США. Россия и Америка в XXI веке. №1, 2011г. <http://www.rusus.ru/?act=read&id=230>.

13. Zamaletdinov et al 2014 – Zamaletdinov R.R., Karabulatova I.S., Yarmakeev I.E., Ermakova E.N. LINGUO-PROPAEDEUTICS OF ETHNIC CONFLICTS AS A BASIS FOR STABILITY IN COMPLEX POLYETHNIC REGIONS. In the: Asian Social Science, 2014. Vol.10, No.20, 164-173. <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40805/22526>

**Белозеров В.С.,
Черкасов А.А.,
Панин А.Н.**
(Россия, Ставрополь)

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

(Исследование проведено в рамках гранта РФФИ № 13-06-00462)

Идеи разработки геоинформационного мониторинга миграционных процессов ставропольскими географами в Лаборатории народонаселения и ГИС-технологий СКФУ последовательно развиваются более 15 лет. Происходит критическое осмысление накопленного опыта создания ГИС-мониторинга и подготовки концептуальных схем различных социальных процессов (этнических процессов², этнодемографических процессов³, демографических процессов⁴, этнических аспектов урбанизации⁵). Данный исследовательский опыт позволяет предложить методологию построения системы геоинформационного мониторинга миграционных процессов, которая представлена в виде концептуальной схемы. Главная задача концептуальной схемы – возможность обобщённого представления поэтапного создания геоинформационной системы мониторинга миграционных процессов и реализация системы на практике.

Отметим, что под геоинформационным мониторингом миграционных процессов мы понимаем систему сбора и интеграции географической и атрибутивной информации о состоянии миграционной ситуации на исследуемой территории в едином хранилище данных, для визуализации, пространственно-временного анализа и моделирования миграционных процессов с последующей их оценкой и прогнозом развития в целях поддержки оперативного управления⁶. Фундаментальным условием функционирования ГИС являются полимасштабность, с четким соблюдением иерархичности территориальных уровней⁷. В рамках нашей исследовательской работы данные организовываются со-

² Белозеров, В.С. Черкасов А.А. Исследование этнических аспектов урбанизации в России с помощью ГИС технологий // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2012. – Вып. 80 (3). – С. 183 – 188.

³ Панин А.Н. Атласная информационная система «Этнодемографические процессы в Ставропольском крае»: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2005. 21 с.

⁴ Раужин И.Г. Полимасштабный мониторинг демографических процессов в России с использованием геоинформационных технологий: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2011. 20 с.

⁵ Черкасов А.А. Мониторинг этнических аспектов урбанизации на основе ГИС-технологий: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2013. 23 с.

⁶ Тикунов В.С., Белозеров В.С., Щитова Н.А., Панин А.Н., Черкасов А.А. // Геоинформационный мониторинг: инструмент пространственно-временного анализа миграции населения // Вестник Московского университета Серия 5 География №2 2015 г. с. 33-39.

⁷ Белозеров В.С. Черкасов А.А. ГИС-мониторинг этнических процессов в России // Современная наука и инновации. – Ставрополь. 2013 – №1 – С. 157 – 161.

гласно иерархии административно-территориального деления Российской Федерации (страна, субъект, муниципалитет, поселение).

На этапе разработки концептуальной схемы определяется структура, механизм, внешние и внутренние условия функционирования ГИС. Концептуальная схема геоинформационного мониторинга миграционных процессов состоит из трех основных блоков: 1 – организационный, 2 – моделирования и визуализации и 3 – экспертно-аналитического (рис.1).

Организационный блок концептуальной схемы отражает узловую структуру ГИС. Он включает модуль программного обеспечения, а так же проработку организации хранилища пространственной информации (база геоданных), в которой реализованы возможности использования различных типов данных. Эти функции и инструменты, основанные на программной платформе ArcGIS Spatial Analyst фирмы ESRI. В соответствии со структурой определяется наполнение базы геоданных, устанавливаются пространственные масштабы, формулируются задачи функционирования ГИС, прорабатываются возможные (варианты) методы моделирования миграционных процессов в соответствии с каждым масштабом. На этом же уровне прорабатывается формирование структуры базы геоданных. Геоданные – это наиболее важный компонент геоинформационного мониторинга миграционных процессов. Ее основой является официальная статистика Росстата, региональных статистических комитетов и т.д. Исключением является поселенческий уровень, где для формирования базы данных обрабатываются талоны прибытия/выбытия мигрантов с помощью программного комплекса «Миграция»⁸. Организационный блок включает непосредственно проработку концептуальной схемы геоинформационного мониторинга, т.к. наличие её на данном этапе позволяет облегчить работу исследователей и ГИС-специалистов.

Важным моментом является правильная постановка задач, которая должна выполнять система мониторинга. От этого этапа зависит в целом организация структуры ГИС. При разработки геоинформационной системы мониторинга миграционных процессов были учтены следующие основные задачи и возможности:

- возможность регулярно актуализировать информацию о миграционных процессах, осуществлять ее визуализацию для более качественного формирования отчетов и подготовки рекомендации для управляющих структур различного территориального уровня;
- определять долгосрочные тенденции по изменению миграционной ситуации;

⁸ Белозеров В.С., Раужин И.Г. Геоинформационная система полимасштабного мониторинга миграционных процессов в России // ИнтерКарто-ИнтерГИС-18: Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт / ред. кол.: С.П. Евдокимов. Смоленск, 2012. С. 280 – 283.

Белозеров, В.С. Черкасов А.А. Исследование этнических аспектов урбанизации в России с помощью ГИС технологий // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2012. – Вып. 80 (3). – С. 183 – 188.

Организационный блок



Блок моделирования и визуализации



Экспертно-аналитический блок

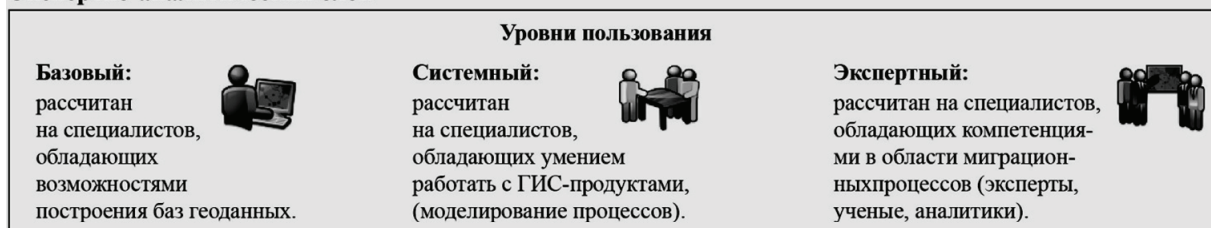


Рис.1. Концептуальная схема геоинформационного мониторинга миграционных процессов

- оценивать влияние миграционных процессов на межэтническую напряженность на конкретных территориях;
- отслеживать действие региональных организационно-правовых институтов и их влияние на адаптацию и интеграцию мигрантов;

- выявлять тенденции в динамике адаптационно-интеграционных моделей поведения мигрантов и их влиянии на социально-экономической ситуации в местах вселения;
- выявлять связи между изменениями социально-экономических факторов и с характером миграционных проблем⁹.

Блок моделирования и визуализации включает набор инструментов, с помощью которых осуществляется разработка и создание различных программных продуктов (тематических геоинформационных систем, атласных информационных систем, электронных атласов, экспертных систем, геопорталов и др.), подготавливаются визуальные модели (карты, схемы, графики и др.)¹⁰.

проводить сравнительный анализ различных территорий (как регионов, так и муниципалитетов), их группировка по характеру проблем и динамике изменения миграционной ситуации;

Для визуализации и моделирования миграционных процессов нами используется ряд методов и способов, в том числе: центрографический, типологический, метод картографических анаморфированных изображений, способ качественного и количественного фона, способы ареалов, картодиаграммы, диапазоны значений, способ движения стрелок и т.д.¹¹. Важно отметить что набор методов и способов используемых для визуализации миграционных процессов постоянно расширяется.

Достаточно активно нами применяется центрографический метод¹². Созданный на основе данного метода картографический материал дает возможность определять территориальный вектор миграционной активности населения, выявлять зоны миграционной привлекательности, демонстрировать динамику смещения региональных центров тяжести выбытия и прибытия мигрантов. Незаменим центрографический метод при исследовании этнических миграций¹³. Целесообразно применять данный метод на страновом, и региональном уровне. Применение типологического метода позволяет группировать территории по схожести протекания процессов, получать картографические

⁹ Тикунов В.С., Белозеров В.С., Щитова Н.А., Панин А.Н, Черкасов А.А. // Геоинформационный мониторинг: инструмент пространственно-временного анализа миграции населения // Вестник Московского университета Серия 5 География №2 2015 г. с. 33-39.

¹⁰ Белозеров В.С., Панин А.Н., Черкасов А.А. Моделирование миграционных процессов // Миграционные мосты в Евразии Сборник VI Международной научно-практической конференции «Роль миграции в социально-экономической и демографическом развитии посылающих и принимающих стран Евразии: регионы Восточной Европы и Центральной Азии» Москва-Ереван, 2014 г. с. 28-31.

¹¹ Белозеров В.С., Черкасов А.А., Чихичин В.В., Атлас расселения народов России: подходы особенности создания // Вестник Северо-Кавказского федерального университета: научный журнал. – 2013 – №6(39) – С. 31 – 36.

¹² Полян П.М., Тревиш А.И. Центрографический метод исследования территориальных структур: проблемы развития и применения // Изв. АН. 1990. № 2. С. 92-105.

¹³ Belozarov V.S., Tikunov V.S., Cherkasov A.A., Ibrahimov A., Caliskan V. Geoinformation technologies in the study of ethnic aspects of urbanization in Russia // Geography, environment, sustainability. 2013. №4 (6) – P. 19–30.

материалы, отражающие пространственные особенности миграционного поведения населения¹⁴. Наиболее эффективно применять на страновом, и региональном уровне.

Использование метода картографических анаморфированных изображений, для исследования миграционных процессов, представляется достаточно перспективным¹⁵. Данный метод позволяет достаточно наглядно, за счет пространственной трансформации площади территорий, увидеть основные регионы миграционного оттока населения и территории более активного миграционного прироста населения. Данный метод практически использовать как на страновом, региональном территориальном уровне так и на поселенческом.

Способ качественного и количественного фона для визуализации миграционных процессов является одним из основных и традиционных¹⁶. Выработанный диапазон значений – шкала миграционного прироста (убыли) населения дает возможность оперативно и качественно строить модели динамики миграционного прироста (убыли) населения на всех заявленных территориальных уровнях.

Способы ареалов достаточно практически использовать для выявления территорий по схожести протекания миграционных процессов в особенности опираясь на большое количество статистической и социологической информации, с учетом экспертных оценок¹⁷. Применяется преимущественно на страновом, и региональном уровне.

Способ картодиаграмм позволяет выразить пространственную специфику миграционных процессов в структурах изучаемых статистических совокупностей. Нами используются на картах столбчатые, круговые, диаграммы, диаграммы с накоплением. Чаще всего они применяются для отображения качественных характеристик, например величины (убыли) миграционного прироста, отображения миграционного прироста по возвратным группам и т.д. Наиболее эффективно использовать данный метод на поселенческом уровне, при этом он так же пригоден и для других территориальных масштабов.

Способ движения стрелок так же используется нами, для отображения межгосударственных и межрегиональных миграционных потоков¹⁸. Размер

¹⁴ Черкасов А.А. Мониторинг этнических аспектов урбанизации на основе ГИС-технологий: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2013. 23 с.

¹⁵ Тикунов В.С. Моделирование в картографии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 405 с.

¹⁶ Т Белозеров В.С., Щитова Н.А., Панин А.Н., Чихичин В.В., Фурщик М.А., Черкасов А.А., Гусаков Е.А. и др. Миграционные процессы в России: Атлас. Ставрополь: изд-во СГУ, 2011. 52 с.: ил.

Тикунов В.С., Белозеров В.С., Щитова Н.А., Панин А.Н., Черкасов А.А. // Геоинформационный мониторинг: инструмент пространственно-временного анализа миграции населения // Вестник Московского университета Серия 5 География №2 2015 г. с. 33-39.

¹⁷ Белозеров В.С., Панин А.Н., Приходько Р.А., Чихичин В.В., Черкасов А.А. Этнический атлас Ставропольского края. Ставрополь: изд-во ФОК-Юг, 2014. 314 с.

¹⁸ Белозеров В.С., Щитова Н.А., Панин А.Н., Чихичин В.В., Фурщик М.А., Черкасов А.А., Гусаков Е.А. и др. Миграционные процессы в России: Атлас. Ставрополь: изд-во СГУ, 2011. 52 с.: ил.

стрелки может отражать численность миграционного потока. Достаточно эффективно применять на страновом и региональном уровне.

Экспертно-аналитический блок концептуальной схемы дифференцирован в соответствии с уровнями пользователей и показывает возможности решения задачи, различающиеся по целевым установкам и степени сложности. Достаточно четко различаются пользователи трех уровней. Первый – базовый: рассчитан на специалистов, обладающих возможностями построения баз геоданных, второй – системный: рассчитан на специалистов, работающих с ГИС-продуктами (моделирование процессов). Третий – оперативный, рассчитан на специалистов – аналитиков, обладающих компетенциями в области миграционных процессов. В концептуальной схеме экспертными возможностями геоинформационной системы миграционных процессов.

Организация геоинформационной системы мониторинга миграционных процессов, согласно алгоритму представленному в концептуальной схеме, в дальнейшем позволит подготовить Интернет-атлас «Миграции – адаптация и интеграция мигрантов», а так же твердую копию варианта атласа. Технологическим завершением функционирования геоинформационного – мониторинга миграционных процессов является возможность развертывания картографического Веб-сервиса и организации геопортала на платформе ArcGIS Server.

Подготовка концептуальной схемы на этапе планирования геоинформационной системы, в том числе ориентированной на мониторинг миграционных процессов, позволяет значительно повысить эффективность и качество организуемой ГИС, учесть её специфические особенности, сформулировать задачи, решаемые с помощью ГИС, определить набор статистических показателей, проработать всевозможные варианты моделирования и визуализации процесса.

Dave B.
(London, United Kingdom)

MIGRATION CONTROLS, DEPORTATIONS AND ENTRY BANS: CAN RUSSIA REMAIN FREE OF THE 'LIBERAL PARADOX'?

Since late 2013, Russia has introduced more stringent laws and regulations to control the growing scale of what is described as 'illegal' migration and employment of people from the CIS visa-free system. Notable among these regulations are: restriction of CIS citizens' term of stay in Russia to 90 days within each 180 day period (which put an end to the widespread practice of circular or shuttle migration whereby migrants crossed the nearest border to return the next day with a new migration card with a fresh 90 day permit to stay); the requirement that migrants arriving in Russia to work declare the intention to work on the migration card, failing which they would be unable to obtain a patent; the introduction of laws whereby a migrant who had committed two or more 'administrative violations' would be liable for deportation and face a re-entry ban for a period of 3, 5 or 10 years, depending on the nature of violations.

As a result, within the last year and a half almost 1.2 million migrants – about two thirds of these are Central Asians – have been subjected to deportation and entry bans. The number of migrants who for variety of reasons find themselves in the 'black list' – deportable or ineligible to enter Russia for a specified period – is growing.

At the outset it appears that a state such as Russia faces few effective legal, normative or societal challenges to the stringent laws and practices which have come into force. The weakness of civil society and judicial system, along with the constraints on organizing effective migrants' associations, independent trade unions, religious and cultural institutions as discerned in Western European states suggest that there are few challenges to state's ability to impose a strict and coercive migration regulatory system. Numerous survey results, media commentaries and a general observation of public sentiments reveal considerable degree of antipathy and even hostility towards migrants, and overall public support to stringent anti-migration measures. However, there are virtually no serious analysis and deconstruction of what are assumed to be migrant-phobic attitudes and the context, policies and practices which fuel these sentiments. Thus the underlying causes remain unexamined as only the symptoms resulting in migrantphobic expressions are studied.

Russia thus appears to be immune from what James Hollifield (2004) refers to as the 'liberal paradox' which has progressively constrained the ability of Western European states to implement strict migration controls and subsequently led them to reform their immigration laws.

Yet in practice, Russia betrays all the characteristics of an emerging immigration state. The share of migrants is estimated at 5-10% and is on the rise, though the

available statistics fail to provide a reliable and comprehensive picture of the extent to which what was perceived as limited-term labour migration has become a systemic trait, progressively resulting in a long-term settlement. Therefore, can Russia thus avoid the 'liberal paradox' and limit the scale of labour migration and immigration? Is a strict migration regulatory regime, unhampered by civil society, better poised to control, limit and prevent 'illegal' migration? What is 'illegal' migration? These questions are too complex and require a detailed and in-depth analysis than what is possible in the space available in this volume. This article will offer some reflections on these questions and provide an overall assessment of Russia's recent migration regulation measures in a wider, comparative context.

The 'liberal paradox' and the shift to immigration reforms in the West

The 'liberal paradox' refers to liberalism's preference for an open economic system alongside with a closed or bounded political or national community. In order to meet the demand for labour in the post-World War II context, several Western states launched guestworker schemes, inviting foreign workers on short-term work contracts. They were initially granted only limited labour protection and fixed-term status without the option of long-term stay or settlement or access to civil rights and social protection available to citizens.

The initial perception of foreign migrant workers as 'necessary but undesirable' came to be contested from a normative, rights-based perspective. The Swiss writer Max Frisch has eloquently captured the dilemma the limits of treating migrants as labour force over a long period: 'we asked for workers but instead came human beings.' The obligations to respect human rights and provide civil liberties to all residents, irrespective of their citizenship status have made it difficult for Western liberal states to use guestworkers for solving labour problems over the longer run and impose limits on immigration. Leading migration scholars such as James Hollifield (2004), Joseph Carens (1987), Christian Joppke (1998) have pointed to the normative and legal obligation to extend membership of the national community to the migrants by offering settlement and citizenship rights which has resulted in a gradual transformation of Western states into migration states.

The liberal paradox captures the reluctance as well as inability to implement strict immigration controls, execute large deportations, and maintain a guest-worker type regime without granting the rights of settlement. Joppke (1998) points to the liberal state's 'self-limited sovereignty' resulting in a pragmatic approach, which is geared not at deporting migrants en masse, targeting instead employers, criminals, smugglers, and agents. There is a general agreement among these scholars on how strict controls, without accompanying reforms, have produced illegal migration, trafficking, and a growing black market for labour. The ineffectiveness of rigid immigration controls and their questionability in normative terms have led to a push for reforms of immigration policies in European states which did not traditionally see themselves as immigration-accepting states.

The 'liberal paradox' and Russia's migration regulatory regime

As noted above, as a non-liberal state, Russia seems immune from the 'liberal paradox'. At the same time, its migration regime is significantly different from the decidedly non-liberal migration regime prevalent in the Persian

Gulf states. The Gulf migration regime is based on maintaining a strict separation between foreign workers, whose numbers as well as contribution exceed by far that of the native ones who hold various strategic or sinecure positions. Foreign contract workers are allowed temporary work permits without any settlement rights and those in lower or medium skilled categories have very limited social guarantees and remain deportable at very short notice, without much legal protection.

In contrast to the Gulf migration regime, the Eurasian Migration System, with Russia as the central immigration-receiving destination, is characterised by the absence of a visa regime or strict border controls. It allows for unhindered travel within the Eurasian migration system and enables migrants from the CIS states to directly obtain a work permit or patent, without having to rely on the employer or agent who are part of the *kafila* system prevalent in the Gulf states. The complex laws and regulations for obtaining the *patent*, temporary residency and other relevant documents along with an ineffective mechanism of implementing the laws resulted in a proliferation of various intermediaries (*posredniki*) in aiding migrants' documentation and legalization. Thus notwithstanding stringent laws, the prevalent regime in Russia continues to offer plenty of opportunities for informal, unauthorised, and often 'illegal' or quasi-legal employment given the large share of informal or shadow economy. A shared Soviet and post-Soviet mentality, a common imperial framework, linguistic affinity, and shared ways of 'getting things done', i.e., the centrality of 'corruption', 'connections' facilitate the procurement of legal documents for employment, residency, settlement and even citizenship through informal or personal channels.

The actual practice: the role of *postredniki* and the costs of legalization

Critical in assessing the state's ability to exert migration control and limiting illegal migration is the role of the various intermediaries (*posredniki*) aiding migrants' documentation and legalization.

The 'intermediaries' come from a plethora of channels. They include private legal firms, individual lawyers, heads of various migrants' and diaspora associations, and diaspora, business corporations, former state officials running private firms, some officials connected with the embassies of the CIS states, and other private actors. The estimated number of major intermediary firms is difficult to establish. In addition, there are a large number of small, individual facilitators connected with the larger firms or some entity within the official establishment. Virtually every migrant can call upon an 'uncle' or fellow-villager to obtain help with matters related to documentation and stay in Russia.

The new legislation comprising of the annulment of work quotas for citizens of CIS states and reforms of the existing patent system has been geared to eliminate ('liquidate') the various intermediaries and enable the state organs to have a direct control over registration, legalization and regulation of migrants. The existing system in which migrants rely on intermediaries for procuring legal documentation has been described as completely corrupt and new facilities such as creation of several 'one stop' or multifunction migration centres, under the control of city administration, have been introduced in major cities to facilitate acquisition of all

necessary documents for registration.¹⁹ Moscow's mayor, Sergey Sobyenin welcomed the new rules saying increased price of patent brings more money into the city's budget.²⁰

The reforms have led to an increase in the price of a patent from 1216 rubles a month, which was uniform across the country until 2014, to a variegated scale from 3000-7000 rubles. Along with a steady drop in the value of rubles and the impending economic crisis, the costs of legal employment for both migrants as well as employers have continued to increase. The costs of the various documents needed to apply for a patent in Moscow, along with the monthly payment of 4,000 rubles is estimated to be around 58,000 rubles or \$900, almost equivalent of about 2 months' wages in Russia.²¹ The real cost of obtaining all the documentation for patent is about 2-3 times more now than until December 2014.²² There is considerable evidence that many of the intermediaries have established niches for themselves in the new state-established migration centres. This has not only resulted in the shifting of 'corruption' into several new niches though while increasing the costs of legal employment and thus spurring many migrants to risk by working without legal authorization while procuring protection through connections or payments to officials or intermediaries.

Deportations and entry bans: how effective are these in controlling 'illegal migration'?

The increase in the scale of deportations and entry bans does not mean that 'illegal' migrants have been expelled or effectively barred from re-entering. First, there are no reliable figures on how many who have been issued deportation orders, have actually been deported – a small percentage are detained, awaiting a court hearing or deportation. The few detention centres are already filled to capacity – the maximum capacity of these centres by Russian laws, to begin with, is much high than the numbers allowed in detention centres of several European countries.

Second, there are many others who are living in conditions of deportability for prolonged period – lacking patent, work permit, residency status but able to remain in the country and in earn wages by regularly paying off the various officials and also buying protection – *krysha* – from the local authorities. They offset the cost of the various bribes and payments against the ever rising costs of 'legal' employment through patent.

A large number of those who have been issued deportation order opt to remain in Russia as long as they are still able to earn a living and take the risk of facing the consequences of being found out. Some have also been able to devise various ways of working and earning a living without being detained, deported or even being caught. There is a widely shared view that for each ban (*zapret*) in Russia, there is an outlet (выход), if one is willing to take a certain risk and pay

¹⁹ <http://www.komitet2-16.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124051048051051.html>

²⁰ <http://lenta.ru/news/2015/02/02/moscow/>

²¹ "Patent na rabotu v Moskve oboydetsya v 58 tisyach rubley v god," 24Mir, January 22, 2015, <http://mir24.tv/news/society/11946371>.

²² <http://www.tpp-inform.ru/news/18722.html> 22 January 2015

the price. Many legal firms and intermediaries are offering an annulment of deportations and entry bans (отмена депортации, запрета на въезд) for a fee though it is hard yet to get statistics on the rate of success.

The wave of deportation orders and impositions of re-entry bans have the characteristics of a top-down campaign – компанейщина – with FMS and relevant agencies aiming to produce the desirable statistics in order to demonstrate their vital contribution to implementation of the state programme. Independent migrant rights lawyers have also reported the increasing practice of setting targets for deportations and also quotas for issuing patents. There are also reports of many instances of local courts upholding deportation orders without proper hearing, complying with political orders.

The symbolism of these stern measures enables the state to generate the desired effects and affirm its image as a state with an increased technocratic capacity to combat illegal migration. But in effect, the number of migrants with ‘illegal’ and deported status continues to swell, and these migrants fulfil the demand for cheap and necessary workforce, thus undermining the state’s capacity to actually carry out control through deportations, expulsions or entry bans.

What is ‘illegal’ migration?

All forms of undocumented migrations are a result of inadequacy or loopholes within the laws of the migrant receiving state, denoting a lack of correspondence between laws and the given reality (Hollifield 2004, Schuck 2000). As Nicholas de Genova (2002, 423) observes, a study of the various forms of undocumented or illegal migrations requires a “critical scrutiny of regimes of immigration law and so demands ‘an analytic account of the law as such, which is itself apprehensible only through a theory of the state.’” Therefore an in-depth understanding of Russia’s migration laws, and the phenomenon of “illegal migration” is closely connected to the analysis of the state and its institutions.

While migrants, particularly those from Central Asia have become the targets of the punitive thrust of the migration regime, the stringent rules and regulations reflect a struggle on the part of the state institutions to gain control over various private and quasi-autonomous actors serving as intermediaries between the state organs and migrants. The ‘state’ is far from a homogeneous unit and naturally comprises of a web of bureaucratic interests, formal and informal institutions and personalised networks.

At the heart of this apparent crackdown on ‘illegal migration’ is also a conflict and divide between the law-making bodies and the executive branches of the capital region on the one hand and the FMS authorities and their various informal affiliates, partners and clients (intermediaries, numerous legal firms, business interests, diaspora organisations and others). These institutional rivalries are mediated by personal networks and connections as shadow structures permeate across both bodies: migrants groups, leaders, activists as well as various immigration firms aiding legalisation also advance their interests and business by cultivating specific contacts and ties with specific agencies and have their ‘own’ person or a ‘go to’ person in each of these sections.

Moscow in particular, and other major cities in general, reflect a competition between bodies such as the Mayor's administration and the FMS, under the jurisdiction of the Ministry of Interior, with the security services such as FSB exerting further pressure to combat 'illegal' migration and 'liquidate' the role of intermediaries. It is also well known that *siloviki* exert a strong control over migration processes and that the presidential vertical (vertical) with the president at the top, wields a direct control on key issues pertaining to migration.

This control may appear to have been effective in the short-term but in the absence of a long-term strategy or a well-functioning, rule-based institutional framework, there is no effective long-term mechanism of regulation and management of these processes. Migration, by and large, has acquired its own dynamics: as an official within Moscow city administration told me – “protsess davno poshel na samotek” (процесс давно пошел на самотек) – implying that migration processes have become self-directed which are beyond any particular regulation.

Hollified (2004, 893) notes that “the absence of legal or institutional constraints on the behaviour of states vis-a-vis foreign labour force make summary deportations and mass expulsions viable and popular options for controlling immigration in nonliberal states.” But the practice in Russia so far suggests that the apparent success claimed by the officials in imposing deportation orders and re-entry bans is visible mainly at a declaratory levels, and has produced the required statistics without a proper capacity to regulate migration and generate viable legal channels for employment, settlement and citizenship. The policies geared at rigid controls, deportations, blacklisting and imposition of entry bans is symptomatic of short-lived, ineffective, but populist and legitimising aspirations of a state which is *de facto* turning into an immigration state, comparable to most states in Europe.

References

Carens, Joseph H. 1987. “Aliens and Citizens: The Case for Open Borders.” *The Review of Politics* 49, 2: 251-273.

Castles, Stephen and Mark J. Miller. 2009. *The Age of Migration*. 4th edition. London: Palgrave Macmillan.

De Genova, Nicholas. 2002. “Migrant ‘illegality’ and deportability in everyday life.” *Annual Review of Anthropology* 31 (October): 419-447.

Duevell, Franck and Bill Jordan, 2003. *Migration: Boundaries of Equality and Justice*. Cambridge: Polity.

Hollifield, James. 2004. “The Emerging Migration State.” *International Migration Review* 38, 3 (September): 885-912.

Joppke, Christian. 1998. “Why Liberal States Accept Unwanted Immigration,” *World Politics* 50, 2: 266-293.

Schuck, Peter. 2000 . “Law and the study of migration,” in Caroline B. Brettell and James F. Hollifield eds. *Migration Theory: Talking Across the Disciplines*. London: Routledge.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Проблема сохранения себя как представителя того или иного этноса на полиэтнической территории особо актуальна в наше время в ситуации социально-экономических кризисов. Когда мы говорим об этнодемографической и социокультурной безопасности, мы должны четко осознавать, что реальность современного мира бросает вызовы витальности различным лингвокультурам и самому человечеству в целом.

Как результат — появляются исследования полилингвокультурной языковой личности [Карабулатова 2011; Гультияев, Койше, Карабулатова 2013; Karabulatova, Polivara 2013; Карабулатова, Койше 2013; Карабулатова, Койше, Гультияев 2013], усвоения норм языка [Карабулатова, Поливарова 2011; Карабулатова, Хайретдинова, Смагулова, Абишева 2012; Карабулатова, Поливарова 2012; Karabulatova, Koyche, Gulytyaev 2013], характере этнопсихолингвистической нормы [Балаганова, 2006; Поливарова, Карабулатова 2013; Карабулатова, Поливарова, 2014; Карабулатова, 2014], специфике сохранения этнической идентичности в условиях диаспоры [Хуснутдинова, 2012] и т.д.

В современной культурно-исторической ситуации, в условиях системного кризиса «цивилизованного мира» информационно-психологические воздействия на психику человека лавинообразно нарастают, что, несомненно, представляет собой постоянный источник психического стресса и расстройств с реальной этнолингвокультурной средой.

В этой связи особое звучание приобретают языки и культуры мажоритарных и миноритарных этносов как региона, так и страны в целом. Прагматический подход к языку видоизменяет природу лингвистического анализа, арсенал методов и последовательность используемых процедур.

Мы предлагаем этносоциопропедевтику как новую методику, как комплекс мер, позволяющий сформировать и сохранить позитивную этническую идентичность в контексте глобализации и миграций. Общим смыслом этносоциопропедевтики у детей конфликтов на этнической или этноконфессиональной почве является сочетание в преподавании русской и региональной культуры на одной из самых ранних стадий этнофункционального психического развития (осуществляемой в общеобразовательных учреждениях). Как мы уже указывали ранее, «эти фазы являются обязательными для прохождения как отдельным индивидом, так и целым этносом» [Karabulatova 2013: 794]. Основной принцип социопропедевтики, как нам видится, это не поверхностная «поликультурность», но глубокая «бикультурность» и билин-

гвизм при обучении и воспитании в общеобразовательных и культурных учреждениях различного типа [Karabulatova 2013: 793].

Как отмечают этнопсихологи, при длительном проживании в иной природной среде у переселенцев наблюдается психическая переориентация со «старого» ландшафта на «новый», однако эта переориентация проходит крайне медленно и охватывает несколько поколений [Лебедева, Бушина 2011]. Исследователи показывают, в частности, что русские старожилы на Кавказе как минимум в течение 4 – 6 поколений сохраняют отношение к среднерусским равнинам как предпочитаемым для жизни ландшафтам [Лебедева, Бушина 2011]. Также мы отмечали ранее, что для первичной адаптации украинцев в тюменском регионе необходимо 4-8 лет [Карабулатова, Карелина, 2006], однако даже во 2-3 поколениях прослеживаются элементы неравномерного усвоения языков и культур, обусловленного стихийной бикультурой [Карабулатова, Поливара, 2014]. Приведенные данные и рассуждения подтверждают, в определенной мере, возможность влияния на отношение к ландшафтно-климатическим признакам (например, на предпочтение для жизни тех или иных природных условий) как врожденных психических факторов, так и условий внешней среды человека.

Если отношение к природе у русских и татар, русских и башкир в процессе образования воспитывается как дополнительное друг к другу, то в этике имеются определенные различия, в частности, в отношении к женщине (этнодифференцирующий элемент по отношению к православным народам). Другие положения мусульманства по отношению к православию и православным народам являются вполне этноинтегрирующими (например, отношение к воровству и др.). При этом главные ценности мусульманства вполне совместимы с этноинтегрирующей идеей государственного единства народов России [Карабулатова, 2014].

Общим смыслом психопрофилактики условий возникновения у детей конфликтов на этнической или этноконфессиональной почве является сочетание в преподавании русской и региональной культуры на одной из самых ранних стадий этнофункционального психического развития (осуществляемой в общеобразовательных учреждениях) – сказочно-мифологической и далее на религиозно-этической. Нам представляется основным принципом лингвопропедевтики не поверхностная «поликультурность», а глубокая «бикультурность» и билингвизм при обучении и воспитании в общеобразовательных учреждениях. При этом максимально снижается количество дезадаптирующих детскую, подростковую психику этнофункционально рассогласованных элементов (в условиях нарастающих процессов глобализации). В случае сходных вмещающих ландшафтно-климатических условий как у русских и башкир, важно воспитывать у детей различные культурно-языковые представления о родной природе. Если исторические ландшафты этногенеза народов существенно различаются – как у русских (преимущественно леса, степи, равнинные реки) и чеченцев (преимущественно горы), следует на всех стадиях этнофункционального психического развития воспитывать у детей отношения именно к этим двум типам ландшафтов. Вкратце смысл этнобезопасности в условиях

России можно сформулировать следующим образом: детей всех народов России помимо изучения русского языка, сказок, религии и природы следует с дошкольного возраста знакомить с региональной природой, сказками, культурой мажоритарных этносов и, разумеется, изучать языки, важные как для региона, так и для интеграции в мировое сообщество.

С естественнонаучных позиций здесь важно, чтобы степень организации, например, системы «русские-другие народы России» имела тенденцию к повышению, а не к снижению. Гуманитарным условием региональной этносоциальной стабильности является коллегиальное решение выборных культурных представителей всех слоев русского и регионального (например, татарского, башкирского, чеченского) суперэтносов о содержании преподавания основ русской и национальной культуры в системе регионального образования.

Например, в последние 10-15 лет южные границы Тюменской области (прежде всего Ишим, Казанское, Сладково) стали воротами для миграции из Казахстана и Средней Азии. Аналогичная ситуация в Саратовской области, чьи районы также граничат с Казахстаном. Кроме того, российские регионы принимают беженцев из юго-восточных регионов Украины. В этой связи остро стоит вопрос психологической, культурной лингвистической и адаптации лиц, приехавших из инонациональной среды, воспитанных в других традициях, что возможно только в специализированных центрах.

Сегодня мы видим, что среди российской молодежи сформировался слой так называемой мигрантской молодежи, которой присущ специфический набор проблем, отличающийся от проблем обычной российской молодежи. Масса деликатных тем и сюжетов, в том числе и проблемы взаимoadaptации и аккультурации, механизмы формирования стратегических решений и позиции государственных структур в отношении детей мигрантов, что называется, «остаются за кадром» и фактически находятся вне сферы научного интереса». Для детей мигрантов, на наш взгляд, необходимо создание специальных адаптированных учебников с интенсивными курсами русского языка, литературы, истории и культуры, позволяющими быстро войти в обычную школу жизни. Пока этот процесс регулируется стихийно, благодаря энтузиазму учителей.

Слабое знание детьми-мигрантами русского языка и литературы связаны с тем, что внутри России вследствие «парада суверенитетов» в отдельных субъектах Федерации возникли проблемы со статусом русского языка, что усилило миграционные процессы. Этот процесс особенно ярко проявляется в ЮФО, чьи российские районы граничат с кавказскими республиками внутри Федерации: происходит вытеснение русского населения в более северные и/или центральные районы России, а русское население замещается представителями народов Кавказа. В этом плане актуальной становится проблема легального/нелегального труда и рабства, социально-экономических вопросов миграции [Gabdrafikov и др. 2015; Ryazantsev et al 2014; Ryazantsev et al 2015; Ryazantsev et al 2015a]. Нельзя не согласиться с С.В.Рязанцевым, который подчеркивает, что национально-языковые вопросы по-разному представлены в различных государствах по отношению к титульным народам и

диаспорам. В связи с чем мы должны найти свой путь для решения этноязыковой политики в России [Рязанцев 2014].

Результаты исследования в русле этносоциопропедевтики могут стать базой для разработки теоретических понятий новой государственной «Концепции национальной политики РФ» для разработки комплекса мер в формировании единой целостной общероссийской гражданской идентичности.

Список литературы и источников

1. Балаганова Т.Б. Этнокультурные особенности психических расстройств у бурят. Дисс. канд.мед.н. Новосибирск: НГМУб 2006 – 104 с. (рукопись).
2. Карабулатова И.С. Региональная этнолингвистика: Современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области. – Тюмень, 2001 г.
3. Gabdrafiqov I.M., Karabulatova I.S., Khusnutdinova L.G., Vildanov Kh., S. Ethnoconfessional Factor in Social Adaptation of Migrant Workers in the Muslim Regions of Russia. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, Supplement 4, May 2015 . – pp.: 213-223. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s4p213 <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6732/6446>
4. Гультияев В.Н., Койше К.К., Карабулатова И.С. О проблемах формирования полилингвоментальной евразийской языковой личности в российско-казахстанском пограничье: языковые, социальные и экономические факторы // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – М. – 2013. – №1-2. – С.158-169.
5. Карабулатова И.С., Карелина Л.ф. Украинцы Тюменской области: история, язык, культура. Тюмень: Печатник, 2006. – 180 с.
6. Карабулатова И.С. Языковая личность в пространстве межкультурных коммуникаций// Вестник Кемеровского государственного университета искусств и культуры. – Кемерово, 2011. Вестник КГУКИ, №17 – с.77-85.
7. Карабулатова И.С. Лингвобезопасность современной России как мега-концептуальный феномен: полилингвокультурная языковая личность в условиях глобализации и миграций // // Человек и язык в коммуникативном пространстве. V Международные филологические чтения им.проф. Р.Т.Гриб /ответ. и науч. ред. Б.Я. Шарифуллин. – Сб.науч.ст. Красноярск-Лесосибирск: СФУ, 2014. Т.5. №5. С.216-220.
8. Карабулатова И.С., Поливара З.В. Этнопсихолингвокоррекционный подход к процессу усвоения лексико-грамматических категорий русского языка у татар-билингвов старшего дошкольного возраста, имеющих речевые дисфункции// Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, №17, 2011. – С. 95-100.
9. Карабулатова И.С., Поливара З.В. К понятию этнопсихолингвистической нормы у детей-билингвов// Екатеринбург. – Специальное образование № 1, 2012. – С. 22-29.
10. Карабулатова И.С., Поливара З.В. Современная специфика этноинтонологических характеристик в речи украинцев-билингвов в условиях иноэтничной среды России и Украины // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014, №5 (40). – С. 171-176.
11. Карабулатова И.С., Хайретдинова А.М., Смагулова Г.К., Абишева К.М. Национальная специфика сравнений в языковой картине мира (на материале рус-

ского, казахского и татарского языков). // М., Научное обозрение серия 2. Гуманитарные науки. Раздел «Лингвистика» №2-2012. – С38-48.

12. Карабулатова И.С., Койше К.К., Гультияев В.Н. Вариативность современной евразийской русскоязычной языковой личности: тюркская русскоязычная языковая личность на территории российско-казахстанского приграничья // Вестник Орловского государственного университета. – 2013. – № 2 (апрель). – С. 48-56.

13. Карабулатова И.С., Койше К.К. Трансформации современной евразийской языковой личности российско-казахстанского приграничья // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово. – 2013. – №22-2. – С. 10-18.

14. Karabulatova I.S., Koyche K.K., Gulytyaev V.N. 2013. The Dialogue of Kazakh Steppe and Russian Forest: About the Character of Turkic-Speaking Linguistic Personality on the Territory of Russian-Kazakhstani Border-Zone // Middle-East Journal of Scientific Research , 17 (7): 853-858.

15. Karabulatova I.S., Polivara Z.V. 2013. Turkic and Slavs: Bi-Polylinguism in Globalization and Migrations (On an Example of Tumen Region) // Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 832-836.

16. Karabulatova I.S. 2013. The Problems of Linguistic Modeling of New Eurasian Linguistic Personality in Multilingualistic and Mental Environment (By Example of Onomasphere) // Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 791-795.

17. Лебедева Н. М., Бушина Е. В. Взаимосвязь социокультурного контекста и мотивации личности с поведением и установками студентов по отношению к здоровью в России и Канаде // Альманах современной науки и образования. 2011. № 5. С. 97-106.

18. Рязанцев С.В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социс, №9, 2014. – С.25-29.

19. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S. & Charif Y.Akramov. Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia // Asian Social Science. Vol 10, No.20, 2014, pp: 174-183. ISSN 1911-2017; E-ISSN 1911-2025. Published by Canadian Center of Science and Education. Received: June 22, 2014 Accepted: July 15, 2014 Online Published: September 24, 2014. Received: June 20, 2014 Accepted: July 16, 2014 Online Published: September 24, 2014. doi:10.5539/ass.v10n20p1.

<http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40806/22527>

20. Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Ter-Akopov A.A., Pismennaya E.E., Bozhenko V.V. The specificity of the differential regulation of economic integration in the context of contemporary labor migration. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, May 2015. – pp.: 96-102. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3p96 <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6220/5964>

21. Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Mashin R.V., Pismennaya E.E., Sivoplyasova S.Yu. Actual problems of human trafficking in Illegal immigration in the Russian Federation. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015 (a). Vol 6, No3, S.1, May 2015. – pp.: 621-626. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s1p621

<http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6451/6185>

22. Хуснутдинова Л.Г. Этносоциальные аспекты адаптации беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Башкортостан (1992-2007). – Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. – 188 с.

Карпова С.Г.

(Москва, Россия)

Федулов А.М.

(Москва, Россия)

Коберси И.С.

(Таганрог, Россия)

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ КАК ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО – МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА

Модернизационные изменения, происходящие в России с начала 90-х гг. XX в. обозначили глубокое разделение общества и власти. Волна общественных выступлений, длящаяся с декабря 2011 г. и снизившаяся, но полностью не исчезнувшая в настоящее время в России обнаружила определенную степень непонимания и взаимного недоверия.

Изучение консерватизма проходило в основном в рамках истории и политологии. Социологический подход к анализу консерватизма содержится в работах зарубежных ученых: Альтюссера Л., Дюркгейма Э., Коллинза Р., Лукача Д., Манхейма К., Маркса К., Парсонса Т., Энгельса Ф.²³ Среди российских ученых можно назвать Андреева Э.М., Дмитриева А.В., Зиновьева А.А., Межуева В.М., Миронова А.В., Славина Б.Ф., Тощенко Ж.Т., Чупрова В.И.²⁴

Тема национальной идеи впервые прозвучала у представителей раннего славянофильства Аксаковых К.А. и И.С., Киреевских И.В. и П.В., Кошелева А.И., Самарина Ю.Ф., Хомякова А.С.²⁵ и др. В XX в. славянофильская парадигма проявилась у представителей веховского движения, определяющих духовное основание модернизационных процессов и адекватных российской

²³ Althusser L. For Marx. Hammondsworth, 1969; Durkheim E. The Rules of Sociological Method. New York Free Press New York. 1956; Lukacs G. History and Class-Consciousness. Cambridge, 1970; Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002; Манхейм К. Идеология и утопия// Диагноз нашего времени. – М., 1994; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. М.: Политическая литература. 1984 – 1988 г.;

²⁴ Громовик В.Г. «Идеология» и «идеологии» как предмет социологического анализа. М., 2004; Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М., 2003; Москвичев Л.Н. Идеология//Социологическая энциклопедия в 2 т. Т.1., М., 2003; Сорокин П.А. Современное состояние России//Безопасность Евразии. 2002. № 4//Социальная и культурная динамика. М.: «Астрель», 2006; Яновский Р.Г. Мировоззрение. М., 2007.

²⁵ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. – М., 1981; Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа (Критика европейской культуры у русских писателей). Париж, 1955; Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. – М. 1911. Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX вв. – М.: «Наследие», 2000; Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900.

почве социокультурных векторов государства (П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Г.В. Флоровский, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев²⁶). Веховская мысль, таким образом, представляла собой проект консервативного мышления.

Под консерватизмом, по сути, понимается идея «сохранения чего-либо в своем первоизданном состоянии».²⁷ Существует пять основных сформированных на основе русской и западной исторической мысли подходов к определению консерватизма, а именно: как *аристократической идеологии*; *прагматического политического мнения*; *ситуациональный подход*; *позиционный подход*; *идеологическая интерпретация*.

Также консерватизм рассматривают с *situational (ситуационной)* и *positional (позиционной)* точек зрения. В первом случае консерватизм не связан ни с каким-либо определенным историческим событием или особенностью сознания человека. Он не обладает какой-либо идеей или утопией, к которой нужно стремиться²⁸. Другими словами, консерватизм стремится лишь защищать любые политические доктрины, которые институализировались. Любые политические идеи, которые находятся за пределами устоявшихся институтов и которые могут привести к изменениям – являются естественными врагами консерватизма.

С точки зрения «позиционной» можно отметить, что консерватизм связан с интерпретацией человеческих привычек, ценностей, является частью повседневной жизни и называется "естественным консерватизмом". Существует несколько подходов к "аккумуляции" данных ценностей:

– *абсолютизм*, где для каждого общества есть свой уникальный и универсальный набор ценностей, но проблемой является "различия" в самих обществах, т.к. их "идеальность" может привести к столкновениям внутри самого общества;

– *релятивизм*, считается, что он менее склонен к догматизму и "ценностным" репрессиям;

– *плюрализм* понимается как промежуточный вариант между абсолютизмом и релятивизмом. В список могут входить: справедливость, свобода, верховенство закона, правопорядок, правовое и политическое равенство, процветание, мир, вежливость, счастье и т.д.²⁹.

И, наконец, *четвертый подход* или *идеологическая интерпретация*, в котором консерватизм представляет собой вполне четкую идеологию, кото-

²⁶ Булгаков С.Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. М.: Астрель, 2008; Ильин И.А. Пути России. М.: Вагриус, 2007; Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: URSS, 2009; Струве П.Б. Идеи и политика в современной России. М.: издание «Народное право», 1906; Флоровский Г.В. Вера и культура. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. Гуманитар. Ин-та, 2000.

²⁷ (<http://ru.scribd.com/doc/135735484/Ideologies> Vincent, Andrew (2009). "Conservatism". Modern political ideologies. Chichester, U.K. Malden, MA: Wiley-Blackwell. p.55.

²⁸ Huntington, S. P. 1957 «Conservatism as an Ideology», American Political Science Review, 51.

²⁹ <http://www.deepleafproductions.com/utopialibrary/text/kekes-conservatism.html> (дата обращения: 28.09.2013).

рая не является просто следствием исторических событий или определенным мировоззрением какого-либо класса, но цельную структуру идей.

Русский консерватизм в первой четверти XIX в. был сродни западноевропейскому консерватизму, хотя развивался скорее параллельно под воздействием сходных факторов, чем под его влиянием.

Факторы, повлиявшие на формирование консервативного течения отечественной социальной мысли связаны с историческим, географическим и национальным контекстом и в дальнейшем отразилось в культуре.

Интересно, что даже в масонстве существовали носители националистических умонастроений, которые осуждали петровские преобразования как разрушившие национальную идентичность (например, Рунич Д.П.).

Протестантское направление консервативной мысли проповедовало государственный космополитизм, где самодержавная власть понималась как политическая сила, защищающая Европу от революционных идеологий.

Русский националистический консерватизм ставил целью законсервировать традиционалистическое настоящее, апеллировал к этническим ценностям и реконструировал историческое прошлое Руси как опору национального самосознания, создавая мифологические фигуры светских святых (например, А.В. Суворова), помогавших пережить России самые тяжелые исторические катаклизмы.

К началу XX в. как реакция на сепаратизм усилились националистические тенденции в консервативной идеологии.

В современной общественно-исторической мысли «...вопрос о существовании единой консервативной модели остается дискуссионным»³⁰.

Кроме того, не существует единой общепринятой классификации направлений русского консерватизма. *Но на основе анализа основных взглядов теоретиков консерватизма можно предложить следующую классификацию его представителей.*

1) Консерваторы-православные церковники (митрополиты Иннокентий (Смирнов), Серафим (Глаголевский), Филарет (Дроздов), Феофан Затворник, старцы Козельской Оптиной пустыни: Амвросий, Леонид, Макарий; архимандриты Фотий, Магницкий М.Л., Станевич Е.И., Смирнов С.И.).

Митрополит Иннокентий (И.Д. Смирнов) провозглашал «... путь единения с Христом, полный трудов и подвигов, отрицал разделение церкви на толки, секты, расколы»³¹. Митрополит Серафим (С.В. Глаголевский) также выступал за «...охрану православной церкви России от тайных обществ, которые вредят не только церкви, но и обществу и царскому престолу»³².

«Оптина Пустынь стала духовным центром России, заслуга которого состояла в том, что в русской культуре, находившейся с петровских времен

³⁰ Русский консерватизм середины XVIII- начала XX века: энциклопедия/отв. ред. В.В. Шелохаев., М.: Российская политическая энциклопедия) РОССПЭН), 2010, с. 17.

³¹ Иннокентий (Смирнов), епископ. Начертание библейской истории от древнейших времен до XVIII в. Т. 1-2. СПб., 1817.

³² Слова и речи на разные случаи. Письма к митрополиту Филарету // Письма духовных и светских лиц к митрополиту московскому Филарету // Изд. А. Н. Львова., СПб., 1900.

под сильным западным влиянием, во второй половине XIX происходит постепенное возвращение к Православию. Старцы Амвросий, Леонид и Макарий оставили немало заветов духовным чадам своим, призывая к терпению, смирению и надежде на лучшее».³³

М.Л. Магницкий³⁴ – государственный деятель, публицист и поэт – предвосхищая известную формулу С.С. Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность», предлагал императору Александру I принять план «народного воспитания», построенный на началах православия и самодержавия. Предложил идею создать «уложение истинно русское», поскольку, по его убеждению, существовавшее в России законодательство являлось результатом заимствования западноевропейского юридического опыта. Будучи активным членом русской православной оппозиции, считал неприемлемым покровительство, оказываемое властью различным мистическим течениям, проникающим с Запада.

Политический и общественный деятель Г.А. Шечков свои взгляды сосредотачивал «... на православном вероучении, противостоящем восставшему языческому миру»³⁵.

2) *Консерваторы-масоны* (Лабзин А.Ф., Голенищев-Кутузов П.И., Поздеев И.А., Рунич Д.П., Шечков Г.А.). Московские представители розенкрейцерства Голенищев-Кутузов П.И. и Поздеев И.А. «...признавали господствующее положение православной церкви, поскольку она являлась государственным институтом, который лояльный подданный должен признавать, если он хочет стабильности и порядка, поддерживали жесткий контроль над общественной жизнью и умонастроениями»³⁶.

«Даже в масонстве встречались представители националистических настроений. Так, например, московский мемуарист и писатель Д.П. Рунич придерживался идеи самобытности России»³⁷, геополитически обреченной на противоборство с Западом и Востоком. Называл Россию единственной страной, сохранившей совершенную систему государственного устройства с древности и осуждал прозападную политику властей как разрушающую русский «национальный дух». Выступал за возвращение к нравственным нормам и традициям прошлого, за укрепление семьи как опоры общества, беспрекословное подчинение и служение обществу. Власть, по его мнению, должна быть твердой, не допускающей смуты. Реформы – единственное, что может быть допустимо, но не восстания и перевороты.

³³ Изречения старца Амвросия Оптинского, записанные преимущественно сестрами Шамординской общины // ДЧ. 1892. Ч. 1. с. 176–195, 383–385, 527–530; Ч. 2. с. 151–154; Ч. 3. с. 370–371; http://www.optina.ru/starets/makariy_life_full3/#4 (дата обращения 28.09.2013).

³⁴ Магницкий М.Л. Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного статского советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I-го Отделения С.Е.И.В.К. СПб., 1876, с. 369-374.

³⁵ Шечков Г.А. Наше знамя. Харьков, 1905, С.8

³⁶ Консерватизм в России// Русский консерватизм середины XVIII- начала XX века: энциклопедия/отв. ред. В.В. Шелохаев., М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2010, с. 8-9.

³⁷ Рунич Д.П. Россия от 1833 до 1854 г. Взгляд на древний и ее новый быт. Ярославль, 1909. с.25.

3) *Консерваторы-мистики-космополиты* (Александр I, Голицын А.Н.). На определенном этапе своего правления Александр I³⁸ и государственный и общественный деятель, князь А.Н. Голицын³⁹ исповедовали социальную утопию «евангельского» или «общехристианского» государства. Самодержавная власть мыслилась как орудие, призванное защитить Европу от распространяющихся там подрывных учений и революционных потрясений. В современной России эти идеи могут осмысливаться как сопротивление распространяющимся со стороны Запада сценариям «оранжевых»⁴⁰, «тюльпанных» и им подобных революций.

4) *Консерваторы-националисты* (Меньшиков М.О., Ковалевский П.И., Погодин М.П., Ростопчин Ф.В., Урусов А.П., Шишков А.С., Шульгин В.В.). В воззрениях представителей этого направления народ рассматривался как носитель традиционных нравственных ценностей, в отличие от подвергнувшейся западному влиянию элиты.

А.С. Шишков – военный и государственный общественный деятель впервые стал конструировать национально-консервативную традицию. По его убеждению народное образование должно быть национальным, а главная задача воспитания – «...вложить в душу ребенка гордость за свое Отечество и любовь к Родине»⁴¹. Формула С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» восходит к идеям Шишкова.

Государственный деятель и литератор Ф.В. Ростопчин основал свою концепцию консерватизма на самодостаточности России, ее независимости от Европы. Критиковал власть за увлечение идеями космополитизма и отсутствие порядка в государственной жизни.

Общественный деятель и публицист М.П. Погодин⁴² свою роль связывал с защитой «русской своенародности». В ряде работ подчеркивал ненависть Европы к России и утверждал, что для спасения своей самобытности все славяне должны объединиться в единое государственное целое под управлением русского царя.

5) *Консерваторы-либералы* (Витте С.Ю., Струве П.В. Чичерин Б.Н.). Консервативно-либеральное направление общественной мысли с одной стороны подчеркивало свой традиционализм, но при этом отрекалось от реакционных взглядов, которые расценивались как причина многих региональных и общегосударственных провалов.

³⁸ Грюнберг П.Н. Император Александр I Благословенный – ревнитель Православия или «экуменист» своего времени? Ежегодная богословская конференция. Правосл. Свято-Тихоновский богословский институт: Мат-лы. М., 1997.

³⁹ Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002.

⁴⁰ http://igion1.ucoz.ru/news/protoierej_maksim_obukhov_dana_komanda_v_2012_godu_organizovat_oranzhevuyu_revolyuciju_v_rossii/2011-12-24-2581 (дата обращения: 16.07.2012).

⁴¹ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802-1902 г. СПб., 1902, с. 177.

⁴² Погодин М.П. Сборник статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878.

Философ и общественный деятель Б.Н. Чичерин⁴³ уже в XIX в. обозначил основные направления либерализма, выраженные в общественном мнении. Низшую ступень занимает «уличный либерализм», который ничего не хочет знать, кроме собственного своеволия. Представители этого вида либерализма питают непримиримую ненависть к авторитету. Второй вид либерализма – оппозиционный, отрицательно критикует сложившееся положение вещей, ничего, не предлагая взамен. Его представители держатся отчужденно от власти, что не мешает занимать доходные места и чины. Третий вид либерализма – охранительный. Его представители знают историю страны, понимают условия власти и не враждуют с ней. Верховный нравственный закон – закон добра, личная свобода человека связана со свободой других. Власть – сильная, обеспечивающая свободу граждан и мысли, отстаивающая общественные интересы от анархических.

б) *Консерваторы-славянофилы* (Аксаковы И.С. и К.С., Беляев И.Д., Киреевский И.В., Кошелев А.И., Самарин Ю.Ф., Хомяков А.С.). Славянофильство – течение, отстаивавшее идею национальной самобытности и особого пути развития России в противовес их оппонентам-западникам. В целом славянофилы стремились преодолеть космополитизм и умственную апатию российского общества.

Родоначальником славянофильства считается философ А.С. Хомяков⁴⁴ придавал первостепенное значение самобытному развитию России по сравнению с основными европейскими цивилизациями. Общинность русского народа, терпимость, исповедание традиционных православных ценностей – основы для построения гуманного общества, основанного на братских связях и взаимной любви. Индивидуалистическое сознание западного человека есть следствие распада целостной жизни духа.

К.С. Аксаков⁴⁵ – один из идеологов славянофильства, создавший «теорию земли и государства», которая стала символом веры славянофилов. В своей теории Аксаков утверждал, что до IX в., до образования государства славяне жили своей общиной, своей землей, на основании нравственного закона человеческих отношений. Лишь внешние опасности вынудили славян создать государство, которое своими внешними нормами, а не нравственным голосом совести заставили людей выполнять обязательства.

7) *Консерваторы-почвенники* (Григорьев А.А., Достоевский Ф.М., Страхов Н.Н.). Почвенничество как направление русской общественно-политической мысли второй половины XIX века, было продолжением воззрений славянофилов, пытающееся сформировать общественное мнение в консервативном духе. Народ должен быть единым со своим руководителем (у Ф.М. Достоевского – монархом), духовно слиты все сословия, чуждые материальной выгоде. Правящая же элита должна покончить с подражательством Западу и забвением собственной цивилизации.

⁴³ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма. М., 1862.

⁴⁴ Хомяков А.С. Избранные статьи и письма. М., 2004.

⁴⁵ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981.

8) *Консерваторы-геополитики* (Вандам А.Е., Данилевский Н.Я., Дусинский И.И., Карцов Ю.С., Сыромятников С.Н., Ухтомский Э.З.). Это направление не содержало единой программы. Основным направлением их размышлений был поиск союзников в Европе, начиная от славян до французов, англичан и немцев. Славянский тип, центральное место которого занимает Россия, по мнению Данилевского, должен, преодолев враждебное отношение стран романо-германского культурно-исторического типа, занять первенствующее место на исторической сцене.

Геополитик и панславист Дусинский И.И.⁴⁶ полагал, что разумная внешняя политика должна носить двойственный характер: национальный (русский) и племенной (славянский). Территории Российского государства еще находятся в стадии формирования. Он поддерживал идеи Данилевского по поводу культурного и политического объединения славян всего мира под эгидой России. Самобытность славянских народов в пределах его территории сохранится. Речь не шла об обрусении славян, а лишь о мирном объединении.

Публицист Ю.С. Карцов также разделял взгляды славянофилов о самобытности Российского государства, образовавшегося из центра и развивающегося по направлению к периферии⁴⁷. Государственная власть – залог целостности и безопасности, как самого государя, так и всего культурного слоя. Причиной ожесточения народа против государства считал вырождение высшей аристократии, озабоченной выгодами своего положения.

Взгляды общественного деятеля С.Н. Сыромятникова⁴⁸ обращались к государственному устройству России, который он воспринимал скорее восточным, нежели западным, а русскую культуру ближе к китайской, корейской, тюркской, что обуславливает ее особое положение в евразийском пространстве. Оптимальной формой правления считал самодержавие, а царя – ответственным за всех подданных империи независимо от их социального положения. Государство должно развивать личность гражданина, поддерживать его стремление к саморазвитию.

9) *Консерваторы-государственники* (Ильин И.А., Катков К.П., Пазухин А.Д., Победоносцев К.П., Солоневич И.Л., Тихомиров Л.А., Толстой Д.А., Уваров С.С., Шевырев С.П.). Государственный деятель и ученый Сергей Семенович Уваров сделал лозунгом своей деятельности триаду: «Православие, Самодержавие, Народность». Выступая против бесконтрольной европеизации, призывал удержать Россию на началах, исконно ей присущих. Православная вера им понимается как вера предков, питающая творческие силы народа. Самодержавие видится как опора политического существования России, поползновение на державное бытие, по мнению, Уварова, приведет к снижению могущества и ослабления внутреннего спокойствия страны. Вопрос о народности

⁴⁶ Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003, с. 48-49.

⁴⁷ Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России) //Философская культура. Журнал русской интеллигенции. Январь-июнь, 2009. № 4, с. 175.

⁴⁸ Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли. СПб., 1900.

Уваров оставил открытым, адресуя его решение образованным российским мыслителям.

Историк Степан Петрович Шевырев стал выразителем официальной идеологической доктрины «Самодержавие. Православие. Народность». Он интерпретировал эту триаду в категории чувств, а не мыслей, подчеркивая ее врожденность русскому национальному бытию⁴⁹.

Государственный деятель Константин Петрович Победоносцев⁵⁰ критиковал безрассудное заимствование западных политических веяний, подчеркивал, что представительские учреждения напрямую связаны с историей своей страны. Критически относился и к процедуре выборов, поскольку она играет на эмоциях толпы и не всегда побеждает самый профессиональный политик. Он не считал, что парламентаризм помогает позитивно наладить жизнь российского общества, поскольку сторонниками этой идеи движет либо наивный утопизм, либо стремление к личной выгоде. Опыт показывает, что получив в руки власть, демократы становятся еще худшими бюрократами и распорядителями народной жизни. Быть государственным человеком – значит принести себя в жертву делу, которому служишь. В образовательных учреждениях необходимо воспитывать любовь к родине, семье, нравственные принципы. Семья – основа государства, в ней, как и в государстве нет места чрезмерному самолюбию и искусственным потребностям.

На основании вышеизложенного можно выделить универсальные основы русского консерватизма:

- сакрализация самодержавной власти. Власть является богоданной и имеет высокое предназначение;
- государство – высший приоритет и судья человеку. Отеческая забота государства о человеке и повиновение государству со стороны общества.
- единство народа и властвующей элиты;
- служение в свободе. Свобода личности связана с ее обязанностями по отношению к обществу, государству;
- идея самобытного российского пути. У России свой собственный исторический путь и перенесение иностранных моделей развития приводит к разрушительным последствиям для страны;
- революции противопоказаны российскому обществу, т.к. ведут к еще большим социальным противоречиям;
- Россия должна вести независимую внешнюю политику. Интересы страны превалируют над общеевропейскими и общемировыми;
- обеспечение экономической и политической безопасности страны. Сохранение неотчуждаемой территории;
- идея несовершенства человека, следовательно, подлинное спасение возможно только путем возвращения к национальным истокам.

⁴⁹ Шевырев С.П. Московитянин. 1841. №1, С. 292.

⁵⁰ Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996, С. 278.

Таким образом, исходя из анализа основных теоретических взглядов ученых на консерватизм, можно выделить его следующие базовые ценности: *духовность*, под которой понимается опора на нравственность и русские социокультурные традиции; *государственность*, подразумевающую сильную власть, защищающую национальный суверенитет России, обеспечивающую безопасность граждан и принимающую на себя ответственность за развитие страны и благополучие своих граждан); *народность*, заключающуюся в национальной самобытности); *семейные ценности* и др.⁵¹

Исходя из особенностей исторического процесса, можно сделать вывод о том, что консерватизм представляется собой идеи, не отрицающие все новое, в угоду традициям, а допускающие изменения, но с одним ключевым содержательным аспектом – они должны происходить ради пользы общества, а не только как процесс изменений ради изменений.

Список литературы и источников

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981;
2. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002;
3. Беленький И.Л. Роль географического фактора в отечественном историческом процессе. Аналитический обзор., М., 2000;
4. Бельков О.А. Русский вопрос в современной России. Полемические заметки о «Русском проекте» //Смысл Великой победы/ под общей ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2010;
5. Бердяев Н.А. Судьба России., М., 1990;
6. Булгаков С.Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. М.: Астрель, 2008;
7. Бурдые П. Начала. Choses Dites. М.: Sociologos, 1994;
8. Витте С.Ю. По поводу непреложных законов государственной жизни. СПб., 1913;
9. Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002;
10. Возьмитель А.А. Российская власть в представлениях массового сознания// Смысл Великой победы/под общей ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2010;
11. Гирц К. Идеология как культурная система//Гирц К. Интерпретация культур: Пер. с англ. М., 2004; Eagleton T. Ideology: An Introduction. L., 1996;
12. Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития, Тверь, 2001;
13. И.А. Ильин. Наши задачи. Т.1 Издание Русского Обще-воинского Союза, Париж, 1956;
14. Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010;

⁵¹ Karepova S. G., Karabulatova I. S., Novikov V. S., Klemovitsky S.V., Stratan D. I., Perova A. E. New Approaches to the Development of Methodology of Strategic Community Planning. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.6. – pp.357-364
<http://www.mcses.org/journal/index.php/mjss/article/view/6831/6539>

15. Каддафи М. «Зеленая книга», М., 2000;
16. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации., М.: 2000;
17. Манхейм К. Идеология и утопия// Диагноз нашего времени., М., 1994;
18. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010;
19. Флоровский Г.В. Вера и культура. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. Гуманитар. Ин-та, 2002;
20. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900;
21. Эфендиев А.Г. Идеология в современном обществе//Общая социология. М., 2000;

Список литературы на иностранном языке

1. Allison, L. 1984 Right Principles: A Conservative Philosophy of Politics. Oxford: Blackwell;
2. Althusser L. For Marx. Hammondsworth, 1969;
3. Beck U. Politics of risk society// The politics of risk society. Ed. By Jane Franklin. Polity Press, 1998;
4. Durkheim E. The Rules of Sociological Method. New York Free Press. 1964; Durkheim E. The Elementary Form of Religions. Life. Allen & Unwin, 1976;
5. Gehlen A. Studien zur Anthropologie und Soziologie., Neuwied U. Berlin: Luchterhand, 1963;
6. Giddens A. The Consequences of Modernity, Cambridge: polity Press, 1991;
7. Eagleton T. Ideology: An Introduction. L., 1996;
8. Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs (N.J.), 1961;
9. Eisenstadt S.N. Socialism and Tradition. Jerusalem, 1976;
10. Inside Right: A Study of Conservatism. London: Quartet Books;
11. Karepova S. G., Karabulatova I. S., Novikov V. S., Klemovitsky S.V., Stratan D. I., Perova A. E. New Approaches to the Development of Methodology of Strategic Community Planning. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.6. – pp.357-364
<http://www.mcseser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6831/6539>
12. Kekes, J. 1998 The Case for Conservatism. Ithaca, NY: Cornell University Press.
13. Lukaes G. History and Class-Consciousness. Cambridge, 1970;
14. Shils E. Tradition – Essays on Modernity: The Indian situation. The Hague. 1961.

Кожевникова Н.И.

(Москва, Россия)

Таюнова О.А.

(Самара, Россия)

ИТОГИ ПЕРВОГО ЭТАПА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2025 ГОДА

(Исследование выполнено при поддержке
гранта РГНФ № 15-22-01007)

В «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» предполагалась реализация демографической политики в три этапа. На I-м этапе (2007-2010 гг.) в отношении постоянной миграции населения предусматривалось: «повышение миграционной привлекательности важных в геополитическом отношении регионов Российской Федерации» [1]. В результате реализации мероприятий первого этапа предполагалось «обеспечить миграционный прирост» [1].

Задачи первого этапа реализации демографической политики в области постоянной миграции населения были не совсем конкретными и отчасти уже реализованными. Повысить миграционную привлекательность важных в геополитическом отношении регионов России в 2007-2010 гг. не удалось. Хотя винить в этом можно отчасти и мировой экономической кризис 2008-2009 гг. А для обеспечения необозначенного конкретными масштабами миграционного прироста, который в РФ и так со второй половины 1970-х годов был всё время положительным, никакого дополнительного воздействия и не требовалось. Даже во времена более острого для РФ кризиса 1998-1999 гг. приток иммиграции в страну не прекращался, и миграционный прирост был положительным.

Тем не менее, Росстат, тогда еще юридически и фактически подчинявшийся Министерству экономического развития РФ, после майского 2006 г. «Послания Президента РФ Федеральному Собранию» начал действовать, как говорится, «на опережение». В том знаменательном послании в отношении миграционной политики говорилось следующее: «Приоритетом здесь остается привлечение из-за рубежа наших соотечественников. При этом необходимо все больше стимулировать приток в страну квалифицированной миграции – людей образованных и законопослушных» [2].

С января 2007 г. Росстат начал включать в число постоянных иммигрантов и, следовательно, в состав постоянных жителей РФ – иностранных граждан и лиц без гражданства, впервые получивших разрешение на временное проживание. В результате в 2007 году в сравнение с 2006 годом миграционный прирост увеличился на 100 тыс. человек, или более чем в пол-

тора раза [3]. Резкое увеличение масштабов постоянной иммиграции таким «учётным» путем не привело к росту переселений из зарубежья прямых соотечественников (русских и других представителей коренных народов РФ) и лишь ускорило сокращение их доли в иммиграции. Если в 1994-2004 гг. эта доля в постоянных прибытиях из-за рубежа не опускалась ниже 60%, а в миграционном приросте – ниже 70%, то в 2007 году обе доли были уже менее 40% [3].

Так уж совпало, что в 2008 году Росстат был вынужден прекратить публикацию информации о национальности мигрантов, и важная качественная характеристика иммиграции стала недоступной в России. Ни в Казахстане, ни в Беларуси, к слову, – подобную практику не вводили.

В таких условиях и, к сожалению, лишь спустя 15 лет с момента образования независимого государства – власти РФ, наконец, обратили свой взор на проблему возвращения соотечественников. Для сравнения, в Казахстане данная проблема начала решаться еще с декабря 1997 года. Федеральная миграционная служба России сразу после майского Послания Президента РФ Федеральному Собранию, а именно, в июле 2006 года запустила «Государственную Программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (далее – Программу).

Несмотря на то, что данная Программа была разработана достаточно глубоко и тогда еще с привлечением представителей науки, отсутствие каких-либо мер по предоставлению предполагаемым переселенцам жилья лишало её эффективности. Неудивительно, что при таких условиях за шесть первых лет действия программы с июля 2006 г. по июнь 2012 г. в Россию прибыло всего 80 тыс. её участников с членами семей [3].

Очевидно, что для того, чтобы Программа заработала, требовались дополнительные меры и время, а её реализации отчасти препятствовал экономический кризис 2008-2009 годов. Поэтому, по всей видимости, объемы привлечённых соотечественников колебались вокруг символической и ничтожной по российским масштабам величины 10 тыс. человек в год в течение всего первого этапа реализации концепции демографической политики, т.е. вплоть до 2011 года [3].

Возможно, российские власти рассчитывали, что поток соотечественников в Россию не иссякнет без всяких программ и денежных вливаний. Но сокращение иммиграционного потока после принятия нового Закона о гражданстве РФ в 2002 г. обнажило проблему репатриации со всей ее остротой. В 2003-2005 гг. в сравнении с 2000-2002 гг. миграционный прирост населения РФ сократился в 2,5 раза, а вместе с ним и приток соотечественников [3].

Таким образом, можно констатировать, что первый этап реализации демографической политики России в области постоянной миграции населения прошел, к сожалению, бесследно и безрезультатно.

Список литературы и источников

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351)
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23577>
3. ФМС РФ, URL: <http://www.fms.gov.ru/>, Росстат, URL: <http://www.gks.ru/>.

Макимова А.С.
(Москва, Россия)

О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПО РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОБЛАСТИ ПОВЫШЕНИЯ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Принятая в 2012 и реализуемая в настоящее время Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. обозначила в качестве одной из приоритетных задач содействие развитию внутренней миграции. Однако, в Концепции даны лишь определения нескольких видов миграции, в частности, таких как: академическая мобильность, временная миграция, долгосрочная миграция, краткосрочная миграция, миграция на постоянное место жительства, незаконная миграция, образовательная (учебная) миграция, организованное привлечение иностранной рабочей силы (иностранцев работников), трудовая миграция, сезонная трудовая миграция. При этом, общее определение миграции отсутствует и может быть выведено лишь из совокупности понятий различных по виду миграционных движений. Тем не менее, указаны виды перемещений, которые не относятся к миграции - это поездки с рекреационными целями, на лечение или в краткосрочные командировки. Следует отметить, что подобные поездки имеют вероятность быть весьма длительными, в основном это касается поездок с целями лечения в другой регион, при этом происходит смена места жительства на некоторый срок. Денежные средства привлекаются, таким образом, в регион въезда (то есть прохождения лечения), что происходит и в случае туристических поездок. Однако, по мнению авторитетных в данной области ученых, а также согласно рекомендациям ООН [7] не относятся к миграции такие кратковременные (на срок не более 12 месяцев) перемещения как: туристические поездки, а также поездки, связанные с каникулами, отдыхом, посещением друзей и родственников, командировками, лечением или паломничеством. Эти категории лиц, если они переезжают на срок не более 3 месяцев, являются «визитерами». Кроме уже упомянутого отсутствующего определения мигра-

ции, на наш взгляд, также необходимо уточнить такие понятия, использованные в ключевых моментах Концепции, как внутренняя миграция и мобильность, поскольку именно на повышение мобильности направлен ряд принимаемых мер реализации указанной Концепции. Таким образом, по мнению автора, существуют некие терминологические недоработки рассматриваемого документа, которые, однако, не влияют на сущность предпринимаемых мер.

В рамках реализации Концепции государственной миграционной политики России, был принят План мероприятий по повышению мобильности граждан Российской Федерации на 2014-2018 годы, утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 24 апреля 2014 года №663-р. Однако и в этом документе отсутствует понятие «мобильность».

Представителями различных областей знаний «мобильность», в том числе «миграционная мобильность» понимается весьма различно. Миграционная мобильность в социологии определяется как «переход индивидов и социальных групп из одних слоев в другие в результате смены ими места жительства» [6], а «социальная мобильность» как «перемещения индивида внутри социального пространства» [5]. В демографических и экономических исследованиях под «мобильностью» чаще понимается способность населения к переселению, обусловленная чаще всего наличием миграционного опыта. К примеру «пространственная мобильность включает как собственно миграцию, которая предполагает смену индивидом постоянного места жительства, так и временные, эпизодические перемещения, роль которых возрастает» [2]. Для определения у индивидов сформированных установок на выезд, желания или предположения о возможном переселении в будущем различными авторами также используются термины «миграционные настроения», «намерения», «предпочтения», которые отражают вероятную миграционную мобильность. В п.10 Концепции констатируется, что территориальная мобильность населения России остается весьма низкой по сравнению с другими развитыми странами. Очевидно, что имеется в виду низкий уровень внутрироссийской миграции. Академическая мобильность трактуется как «международные перемещения ученых и преподавателей в целях осуществления научной и преподавательской деятельности, обмена опытом, представления результатов исследований, а также в других профессиональных целях», поэтому, следует полагать, что внутренней академической мобильности не существует, и перемещения ученых внутри страны с аналогичными целями не относятся к категории академической мобильности. Таким образом, под территориальной мобильностью будем понимать способность населения к краткосрочным (от 3 до 12 месяцев) и долгосрочным (более 12 месяцев) переселениям, обусловленную наличием миграционного опыта.

Для конкретизации континуальных рамок реализации мероприятий по повышению мобильности населения, обозначим наиболее явные проблемы внутренней миграции, присущие России. В первую очередь, межрегиональная внутрироссийская миграция имеет весьма низкую интенсивность в сравнении с другими развитыми странами. Таким образом, низкая подвижность населения не стимулирует естественное перераспределение трудовых ресур-

сов между трудоизбыточными и трудонедостаточными регионами. Это консервирует общую структуру занятости региона по отраслям, ограничивает возможность урегулирования баланса спроса и предложения на рынке рабочей силы. Кроме того, остаются низкими возможности эффективного использования человеческого капитала и развития человеческого потенциала (в Докладе по человеческому развитию ООН 2013 г., термин «развитие человеческого потенциала» был заменен «человеческим развитием»). В подобных условиях также остается не в полной мере использованной возможность снижения нагрузки безработными на занятое население в регионах, испытывающих дисбаланс рынка труда в виде избытка рабочей силы. Во-вторых, вектор направления межрегиональных миграционных потоков существенно смещен из восточных и северных районов в центральные, причем данная закономерность характерна как для краткосрочных, так и для долгосрочных мигрантов. Это усугубляет диспропорции в территориальном размещении населения, делает центральные регионы более насыщенными трудовыми ресурсами. По данным бюллетеня Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году, миграционный прирост за счет межрегиональной миграции, был характерен для трех федеральных округов: Центрального ФО (за счет большого положительного сальдо миграционного обмена Белгородской, Воронежской, Московской области и г. Москвы), Северо-Западного ФО (за счет Калининградской, Ленинградской областей и г. Санкт-Петербурга), а также Южного ФО (за счет Республики Адыгея и Краснодарский край). В прочих федеральных округах, наблюдались лишь отдельные регионы, в которые рост населения обеспечивался межрегиональной миграцией. Незначительный прирост населения также имел место в Томской, Новосибирской, Челябинской, Тюменской (без автономных округов), Свердловской областях, Республиках Татарстан, Ингушетия. Третья проблема заключается в существовании в настоящее время в России трех особо сильных центров притяжения внутренних мигрантов, обладающих наиболее высоким положительным сальдо миграционного обмена с остальными территориями, это: Москва и Московская область (сальдо миграционного обмена с другими субъектами РФ в 2014 г. составило соответственно + 57,9 тыс.чел. и +89,7 тыс.чел), Санкт-Петербург (сальдо миграции в 2014 г. +47,5 тыс.чел.) и Краснодарский край (миграционный прирост +32,7 тыс.чел. в 2014 г.).

Вышеуказанные проблемы неравномерности перераспределения населения обосновывают необходимость оптимизации внутривнутригосударственных миграционных потоков, как с точки зрения их интенсивности, так и с точки зрения направления. Благодаря чему можно в полноценной мере использовать не только перераспределительную (размещение производительных сил, распределение производственных мощностей и инвестиций между отдельными территориями страны, в том числе между природными зонами, районами, разными типами сельских и городских поселений), но и селективную (изменение качественного состава населения разных территорий за счет неравномерного участия в миграции различных социально-демографических групп), даже ускорительную (по мнению Т.И. Заславской, способствует изменению социаль-

но-психологических характеристик людей, повышению социальной активности, интеграции национальных культур) функции миграции. Следует отметить, что наиболее эффективно перераспределительная функция миграции будет использована при условии, что в состав миграционного потока войдет экономически активное население. При этом особую группу из числа потенциальных мигрантов составляют безработные и лица, ищущие работу, поскольку стимулирование переселения именно этой группы даст возможность не нарушать уровень и структуру занятости в регионе выхода возможных мигрантов. При эффективном использовании такого источника трудовых ресурсов, как безработные и лица, ищущие работу, существует возможность уравновесить спрос и предложение на рынке труда и региона выхода (за счет снижения предложения), и региона вселения (за счет увеличения предложения), а следовательно и снизить объем необходимой замещающей иностранной миграции [4]. Поэтому центральное место Плана занимает проблема повышения мобильности трудовых ресурсов.

Раздел I Плана содержит перечень мероприятий по совершенствованию трудовой и профессиональной мобильности населения. Сюда входит адаптация законодательной базы к потребностям пополнения региональных рынков труда трудовыми ресурсами из других субъектов. Основные изменения закона «О занятости населения в Российской Федерации» коснулись установления перечня субъектов, привлечение трудовых ресурсов в которые является приоритетным. Также была утверждена типовая региональная программа повышения мобильности трудовых ресурсов. В рамках данного раздела, п.6 предполагает проведение «ежегодных социологических опросов населения для определения факторов, влияющих на трудоустройство за пределами места постоянного проживания» и «подготовку на их основе предложений по повышению мобильности граждан», по итогам которых предполагается представление ежегодного доклада в Правительство Российской Федерации. Также, начиная с I квартала 2016г. предполагается мониторинг деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, содействующих повышению трудовой мобильности населения при трудоустройстве за пределами места постоянного проживания и получивших государственную поддержку. Таким образом, предполагается реализация некой контрольной функции Плана.

Раздел II Плана призван осуществлять информирование о возможностях трудоустройства за пределами места постоянного проживания, путем таких мер как: создание общероссийской базы вакансий, публикация в СМИ брошюр, буклетов, информационных материалов в сети «Интернет», а также организации работы «горячих линий», консультирующих по вопросам возможности трудоустройства граждан за пределами места постоянного проживания. Данные меры, как ожидается, будут способствовать переселению экономически активного населения в другой регион. Законодательно функционирование общероссийской базы вакансий закреплено в дополнении к закону «О занятости населения в Российской Федерации» от 22.12.2014г. в виде статьи 16.2. «Информационно-аналитическая система Общероссийская база вакансий «Ра-

бота в России». На сегодняшний день общероссийская база вакансий является общедоступной, и позволяет получить доступ к открытой информации бесплатно с любого, в том числе домашнего, канала доступа к сети Интернет. Информация, содержащаяся в базе вакансий регулярно обновляется. Так, если 3-го апреля 2015 года банк вакансий содержал 1 171 423 позиции, то к 18 августа 2015 года количество предложения рабочих мест увеличилось до 1 320 917. При этом, возможности портала и доступный интерфейс позволяет пользователям оценить экономическое и социальное положение каждого из регионов России. Поэтому каждый потенциальный переселенец может оперативно получить первостепенно важную информацию о стоимости квадратного метра арендуемой жилой площади, уровне цен и доступности детских садов в предполагаемом регионе вселения. Но, к сожалению, данные доступны лишь в агрегированном виде. Предполагается весьма продуктивной возможная оптимизация данной социально-значимой информации в виде возможности получения пользователем индивидуальных предложений арендного жилья по запросу. Либо, создание банка доступного жилья и синхронизация данной базы с банком вакансий. Данная мера, как предполагается, будет весьма продуктивной с точки зрения обеспечения потенциальных переселенцев не только информацией о стоимости аренды и покупки жилья, но и его реальным предложением.

Список литературы и источников

1. Демографическая энциклопедия./Редкол.: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., Денисенко М.Б. и др. – М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013.-944 с.
2. Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO.- 2009.-№ 11.-С.149-164.
3. Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. - М.: Экон-информ, 2014. 231с.
4. Рязанцев С.В., Зоидов К.Х. Демографическое будущее России// Международные процессы.-№1 (32).Т.11.-2013.-С 63-75.
5. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Согомонова. - М.: Политиздат, 1992. - С.297-307.
6. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов .Учебное пособие.- М.: Издательство РГСУ, Академический проект,2007.-472 с.
7. Recommendations on Statistics of International Migration. Rev.1, UN,1998

Мартыненко С.В.

(Москва, Россия)

Рыбаковский О.Л.

(Москва, Россия)

ПУТИ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

(Исследование выполнено при поддержке
гранта РГНФ № 15-02-00342)

В условиях глобализации стремительно и кардинально меняется социально-экономическая, демографическая и, как следствие, миграционная ситуация в мире. Активная фаза глобализации началась после распада мировых колониальных держав и многонациональных социалистических государств. Последнее сделало биполярный мир преимущественно капиталистическим, облегчив мировую экономическую интеграцию. Ускорению глобализации способствовал и продолжает способствовать научно-технический прогресс, революционный прорыв в средствах коммуникации и транспорта. Экономическая интеграция ведет к росту роли транснациональных корпораций и банков, перехвативших пальму первенства колониальных держав и сменив политическое господство экономическим. Усиливается мировое разделение труда, экономическая взаимозависимость стран и регионов мира, растёт свобода движения финансового капитала, производственных и людских ресурсов.

Мировая миграционная ситуация в условиях глобализации складывается при преимущественной детерминации миграции экономическими процессами интеграции и при активном непосредственном политическом участии правительств первых мировых реципиентов и спонсируемых ими международных организаций. Деятельность таких объективных механизмов и соподчинённых им политических органов ведет к трансформации структуры, характера и направленности глобальных миграционных потоков. Миграция населения становится необходимым условием, ощутимым последствием, весомым фактором и объективным индикатором глобализации экономических отношений, всего дальнейшего мирового развития.

Современные миграционные потоки устремлены не в неосвоенные и пустынные территории, но, напротив, в перенаселенные оазисы, в которых рыночные отношения создают в конкурентной среде почву для заработка и относительно безбедного существования всем тем, кто нуждается в деньгах и готов работать и только работать. Различия в уровнях развития народов земли остаются колоссальными. В одних странах до сих пор вымирают от голода и инфекций, в других – не хватает мест на набережных для яхт. В одних странах нет природных ресурсов и даже выходов в море или океан, в других – есть и то и другое, и они могут жить в достатке, лишь торгуя природными богатствами или занимаясь реэкспортом.

Жизнь стран земли исходно несправедлива, так как исходные позиции развития и запасы природных ресурсов у всех различны. Эта несправедливость усугубляется субъективными факторами, прежде всего, различными по эффективности правительствами, достающимися тем или иным народам.

Результат всего этого межгосударственного разнообразия – растущая дифференциация уровня и условий жизни регионов мира – способствует усилению интенсивности и безвозвратности экономически-мотивированных миграционных потоков, идущих из менее благополучных регионов земли – в наиболее обеспеченные.

Подобно международному разделению труда в мире сложилось международное разделение миграционного движения. Одни, преимущественно высокоразвитые страны притягивают мигрантов, фильтруют их, производят отбор по квалификации, возрасту, полу, национальности, семейному статусу. Другие страны – и в них сосредоточен основной потенциал мировой миграции – лишь воспроизводят новых мигрантов. В них идет быстрый рост населения за счет рождаемости, усиливающий эмиграционное давление.

Рост численности населения слаборазвитых стран – миграционных доноров за счет естественного прироста и с учетом эмиграции идет быстрее, чем рост численности населения развитых стран – миграционных реципиентов за счет естественного прироста (чаще убыли) и с учетом компенсаторной иммиграции извне. В частности, в том числе и из-за этого усиливается разрыв уровней жизни населения в двух полюсах миграционного движения земли.

Миграция населения мира, усилившаяся в период глобализации, ведёт к целому ряду положительных и к множеству негативных последствий, причем, и в странах исхода мигрантов (миграционных донорах), и в странах их входа (миграционных реципиентах). Можно бесконечно спорить, способствует ли миграция снижению или росту дифференциации уровня жизни в странах эмиграции и иммиграции, ускорению либо замедлению роста производительности труда, сближению либо разобщенности народов обменивающихся населением территорий. В конечном счете, миграция ускоряет процесс интеграции экономик, социальной и прочих сфер жизнедеятельности, усиливает международное разделение труда и градацию регионов земного шара на группы в зависимости от их роли в процессе производства и потребления мирового валового продукта.

В период глобализации миграция населения не только усиливается и усиливает процесс интеграции экономик различных, в первую очередь, смежных стран, но и претерпевает трансформацию своих основных форм. В предшествующий период развития человечества освоение новых земель шло посредством переселений титульных народов (либо их рабов как, например, в США) государств, расширявших свои границы, или захватывавших новые удалённые земли. Со вступлением человечества в период всеобщей интеграции основной формой экономически мотивированной миграции становятся не переселения как таковые, а трудовая миграция.

Переселения путём получения вида на жительство и гражданства часто становятся в современных условиях лишь следствием массовых трудо-

вых миграционных потоков, а в ряде развивающихся стран – их единственным статистически объективно обозримым индикатором. С другой стороны получению вида на жительство и гражданства через трудовую миграцию в большинстве развитых стран мира предшествует так называемый «квалификационный период», время нахождения в стране, иногда непрерывного, в течение которого потенциальный гражданин должен доказать своё соответствие требованиям принимающей страны. Из многомиллионной армии трудовых мигрантов ежегодно в странах реципиентах «образуются» и «оседают» тысячи, а порой десятки и сотни тысяч новых «граждан иностранного происхождения».

Тон в мировых интеграционных и миграционных процессах задают мировые и региональные (локальные) экономические лидеры – государства мира, создающие полюсы притяжения для мигрантов из менее развитых экономически, в первую очередь, рядом расположенных территорий. Эти мировые и региональные магниты (миграционные реципиенты) в зависимости от структурных особенностей их экономик можно условно разделить на следующие три группы.

Первая группа – страны с передовой экономикой, строящейся на преимущественно собственных достижениях научно-технического прогресса или передовых заимствованиях, с самой высокой производительностью труда, наивысшим уровнем жизни населения. Среди них: США; в Европе – Нидерланды, Германия, Швеция, Франция, Великобритания, Италия; в Азии – Япония, «Восточноазиатские тигры» – Южная Корея, автономия Китая Гонконг, Тайвань и Сингапур.

Эти государства, если и обладают какими-либо природными ресурсами (как США), то ими стараются не торговать, и даже импортируют.

Вторая группа – страны с ориентированной на экспорт сырья экономикой, импортеры конечного продукта либо его сборных компонент. Это – большая часть стран ОПЕК, в первую очередь Персидского Залива, а также Россия, Казахстан, Азербайджан и Туркмения. В странах ОПЕК Персидского Залива, к примеру, на нефть и газ приходится 85-95% стоимости экспорта. В России на нефть, газ, нефтепродукты, уголь, кокс и металлы в 2001-2005 гг. приходилось 77% от экспортной выручки, в 2006-2010 гг. – 81%.⁵²

Третья группа мировых и региональных миграционных реципиентов – страны со смешанной экономикой, имеющие как черты первой, так и второй групп. Мировые реципиенты – Канада, Австралия, Новая Зеландия, Норвегия. Эти страны на сегодняшний день находятся в лучшем положении по всем параметрам социально-экономического развития и уровню жизни в мире. Россия с её природными ресурсами и более чем 140-миллионным населением могла быть в их числе.

К основным мировым реципиентам первой группы примыкают смежные либо тесно связанные с ними страны, развивающиеся ускоренными темпами благодаря взаимному проникновению экономик, благоприятному инве-

⁵² Росстат, URL: <http://www.gks.ru/>

стиционному климату и т.п. В таких отношениях состоят, например: Чехия – к Германии; Мексика – к США; Таиланд и Малайзия к Японии и «Восточно-азиатским тиграм». Некоторые из этих территорий также привлекают мигрантов всего мира или из их региона, так как уровень и условия жизни в них стремительно приближается к уровню экономически развитых соседей.

Как в мире в целом, так и в любой группе стран, будь то СНГ, ЕС, или любой другой регион мира, – есть свои локальные реципиенты и доноры, экономические индикаторы которых разительно отличаются друг от друга. Чем ближе между собой находятся такие государства, тем уровень экономических различий между ними слабее, и наоборот. Смежные (имеющие общую границу) территории имеют тесные экономические и, как следствие, миграционные контакты. Теснота таких миграционных связей в разы превышает связи с прочими удалёнными территориями. По грубым оценкам ООН 40% миграций в мире происходит со смежными странами. При такой ситуации в худшем положении находятся регионы, отдаленные от основных миграционных реципиентов.

Вследствие такого экономического и миграционного развития в мире происходят два следующих процесса. Первый – разрастание «вширь» основных и локальных миграционных реципиентов за счет смежных и экономически связанных с ними территорий. Второй – экономическое отставание и «эмиграционное обезлюживание» отдаленных от реципиентов территорий, не имеющих спонсоров, природной и экономической базы для самостоятельного развития. За счет этого в мире усиливается дифференциация экономического развития взаимно удаленных реципиентов и доноров, и никакими денежными переводами кардинально ситуацию в последних, к сожалению, не исправить. Поддержка «на плаву» семей трудовых мигрантов из удаленных к реципиентам стран денежными переводами делает их разрыв с родиной перманентным и, в конечном счете, часто происходит разрыв с местом исхода мигранта.

В таких условиях России нужна приоритетно-протекционистская миграционная политика, включающая две взаимодополняющие составляющие – миграционный протекционизм (сдерживание и многофакторный отбор) и миграционную приоритетность (преимущество, поощрение, система льгот и преференций) по отвечающим интересам государства миграционным направлениям и стратам мигрантов.

Мартыненко С.В.

(Москва, Россия)

Таюнова О.А.

(Самара, Россия)

СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

(Исследование выполнено при поддержке
гранта РГНФ № 15-22-01007)

Капиталистическая конкуренция ведет к неравномерности экономического развития стран с рыночной экономикой, доля которых в мире резко возросла после распада социалистического лагеря. Это ведет к росту разрыва уровней социально-экономического, и, как следствие, демографического развития стран – лидеров и стран – аутсайдеров. Социально-экономический разрыв усиливается благодаря перетеканию и концентрации интеллектуального, технологического, финансового капиталов земли в наиболее развитые государства мира. Демографический разрыв растет, с одной стороны, вследствие значительного увеличения продолжительности жизни, ведущего к росту доли пенсионеров, и снижения рождаемости до уровня, недостаточного даже для простого воспроизводства, – в промышленно развитых и быстроразвивающихся странах мира с рыночной экономикой. С другой стороны, он растёт из-за низкой продолжительности жизни и высокой рождаемости, ведущей к массовой безработице, толкающей к эмиграции, – в экономически отсталых странах мира.

Экспансия транснациональных корпораций практически не способствует подъёму национальных экономик слаборазвитых стран мира, иллюзия оживления которых через вынос производств выдаётся за чистую монету. К примеру, рост зарплаты в многочисленных филиалах, где проводится окончательная сборка порою ранее разобранных машин с целью снижения таможенных пошлин, – лишь необходимое условие функционирования капиталистического производства, – расширение рынка сбыта. Более того, вред от продуктов деятельности некоторых транснациональных корпораций для здоровья населения земли, агрессивно навязываемых рекламой и умело прикрываемых спонсорской деятельностью, – очевиден. Разжигаемая и подпитываемая первыми капиталистическими державами в своих узких экономических интересах политическая нестабильность в странах третьего мира ведет к массовым потокам беженцев. Это порождает нищету, в первую очередь, нищих мигрантов, готовых перемещаться в любые места, где их жизни ничто не угрожает, и где есть хоть какие-то источники средств существования, будь-то низкоквалифицированная работа или материальная помощь. Такая ситуация

повышает конкуренцию на мировых рынках низкоквалифицированного труда, снижает трудовые издержки нанимателей.

Развитые страны мира одновременно выступают и в роли основных инициаторов в области улучшения управления глобальными миграционными процессами, спонсируют и, как следствие, ориентируют деятельность многочисленных международных организаций по миграции. Ориентиры эти имеют присущий любой капиталистической системе двойной стандарт, прикрывающий социальными программами голую жажду наживы. Суть этого двойного стандарта в области миграции населения сводится, с одной стороны, к всяческому поощрению и законодательной поддержке эмиграции из развивающихся стран в развитые страны-спонсоры, и, с другой стороны, ужесточению отбора всех типов переселенцев, в т.ч. беженцев, ограничению перемещений низкоквалифицированных мигрантов из стран третьего мира лишь «рамками» временной трудовой миграции.

Глобальное миграционное движение обусловлено не только текущими экономическими различиями территорий мира, но и сложившейся десятилетиями взаимосвязанной системой межгосударственного экономического сотрудничества и разделения труда.

Тем не менее, мировая миграционная ситуация в условиях глобализации складывается при преимущественной детерминации миграции объективными экономическими процессами интеграции при активном непосредственном политическом участии правительств первых мировых реципиентов и спонсируемых ими международных организаций. Деятельность таких объективных механизмов и соподчинённых им политических органов ведет трансформации структуры, характера и направленности глобальных миграционных потоков.

Прежде всего, меняется преимущественная форма перемещений, миграция претерпевает трансформацию своих основных форм. В предшествующий период развития человечества освоение новых земель шло посредством переселений титульных народов (либо их рабов как, например, в США) государств, расширявших свои границы, или захватывавших новые удалённые земли. Со вступлением человечества в период всеобщей интеграции основной формой экономически мотивированной миграции становятся не переселения как таковые, а трудовая миграция. Трансформация временных перемещений, трудовой, образовательной миграции либо не попадающих под Конвенцию ООН 1951 г. потоков беженцев в переселения после получения вида на жительство и гражданства часто становится в современных условиях следствием массовости временных миграционных потоков, а в ряде развивающихся стран – их единственным статистически объективно обозримым индикатором.

Развитые страны мира пытаются перекрывать и ограничивать потоки переселений, не удовлетворяющих критериям отбора иммигрантов, и последним ничего не остаётся, как достигать поставленной цели – переселения в ту или иную развитую страну их мечты, как говорится, «не мытьём, так катаньём». Получая разрешение на работу не состоявшиеся переселенцы, став трудовыми мигрантами, всеми возможными путями пытаются зацепиться за новое место, продлевают пребывание до тех пор, пока не получают заветный вид

на жительство и после – право на постоянное проживание. Получению вида на жительство и гражданства в большинстве развитых стран мира предшествует так называемый «квалификационный период», время нахождения в стране, иногда непрерывного, в течение которого потенциальный гражданин должен доказать своё соответствие требованиям принимающей страны. Если за этот период трудовые мигранты ассимилируют и интегрируются в принимающее общество, овладевают языком страны входа, не имеют правонарушений и имеют стабильный заработок, то из разряда трудовых мигрантов они переходят в разряд постоянного населения и позже получают разрешение на ПМЖ, либо принимают гражданство страны приёма.

Назаров А.Д.
(Москва, Россия)

Назарова Е.А.
(Москва, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭТНОМИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Традиционное многообразие национального (этнического) состава населения России, уходящее в глубь веков, исторический опыт межкультурного и межрегионального взаимодействия, сохранения и развития традиций проживающих на ее территории народов, несомненно, по праву являются общим достоянием российской нации, служат ключевым фактором укрепления российской государственности, во многом определяют характер современной национальной политики страны [1, С.3].

Среди острых социальных проблем особенно выделяются неурегулированность этномиграционных процессов, вопросов социокультурной адаптации и интеграции мигрантов, экспансия международного терроризма и религиозного экстремизма, а также носящие подрывной характер санкции, применяемые в последнее время к России отдельными странами Запада. С их преодолением связано возникновение качественно новых задач и приоритетов в национальной политике России, решать которые намечается в рамках Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года [1].

В этой связи остро встает вопрос совершенствования государственного управления этой сфере. Думается, что вполне закономерно, что здесь применен испытанный программно-целевой подход: своевременно была сформирована и утверждена федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» [2], разработана и планомерно внедряется модель региональной про-

граммы по гармонизации межнациональных отношений и укреплению единства российской нации [3], во всех субъектах Федерации образованы постоянно действующие межведомственные координационные рабочие группы и экспертно-консультативные органы по вопросам гармонизации межэтнических и этноконфессиональных отношений [4, С.3].

С участием этих общественных формирований начиная с 2014 г., проводится конкурсный отбор региональных целевых программ, утверждаемых в форме государственных программ или подпрограмм государственных программ субъектов Федерации, предусматривающих поддержку общественных инициатив и мероприятий, направленных на формирование и укрепление гражданского патриотизма и российской гражданской идентичности. Еще одно направление – это реализация мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов России и поддержку языкового многообразия на территории РФ, предоставление субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Федерации в рамках федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» (далее – ФЦП).

Всего в 2014 г. на конкурс поступила 61 заявка субъектов Федерации, из них до дальнейших конкурсных процедур было допущено 55. По итогам конкурса субсидии получили 39 субъектов Федерации, а в соответствии с заключенными соглашениями все они были профинансированы из федерального бюджета в сумме 361,0 млн рублей [4, С.1].

Этим органам исполнительной власти рекомендовано разработать и утвердить (а тем субъектам, где такие региональные стратегические документы уже приняты, откорректировать):

- региональные стратегии реализации государственной национальной политики, включающие общедоделательную часть (по вопросам укрепления гражданского единства, российской гражданской идентичности) и этнокультурную составляющую, посвященную анализу региональной специфики состояния межнациональных отношений;

- региональные планы, включающие реализацию федеральной Стратегии и реализацию региональных стратегий государственной национальной политики;

- региональные программы в сфере укрепления гражданского единства, гармонизации межнациональных отношений и этнокультурного развития [4, С.2].

Представляется, что весьма интересными и полезными могут стать меры по объединению и координации усилий государственных и муниципальных органов, институтов гражданского общества и культурно-массовых учреждений для укрепления единства русского народа, достижения межнационального мира и согласия, учета национально-культурных интересов народов страны и их удовлетворения. Весьма симптоматично, что работа в этом направлении была инициирована Минкультуры России и получила поддержку в Плане мероприятий по реализации в 2013-2015 гг. Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [5, С. 2].

В частности, речь идет о регулярном проведении семинаров-совещаний для работников органов и учреждений культуры (клубов, библиотек, музеев, национальных центров) по предупреждению межнациональных конфликтов. В этой связи в октябре 2014 г. в Ялте состоялся весьма представительный всероссийский семинар-конференция по вопросам сохранения, поддержки и развития национальных культур [4, С. 2-3].

Несомненно, что тема задействования интеллектуального и материального потенциала упомянутых учреждений культуры для нужд выстраивания новых подходов в гармонизации межнациональных отношений и укреплении гражданского мира важна на уровне не только субъектов Федерации. Не менее значима она и на муниципальном уровне, где следует, отойдя от ведомственных подходов, повсеместно подчинить учреждения культуры (видимо, через общественные советы при муниципальных органах власти) решению задач межнациональных отношений в каждом конкретном прилегающем к таким учреждениям микрорайоне.

Думается, что активная работа по месту жительства, возможность дойти до каждого способна решить целый комплекс проблем не только в сфере межнациональных отношений, но и в профилактике и предотвращении террористических акций, противодействии идеологии экстремизма, особенно в молодежной среде. Кстати, именно на это делается упор в недавно принятой Стратегии противодействия экстремизму в РФ [6].

В целях выработки концептуальных подходов к вопросу создания системы мониторинга в 2014 г. был проведен ряд совещаний с участием представителей заинтересованных федеральных и региональных органов исполнительной власти, в которых имеется положительный опыт создания системы мониторинга, экспертных и научных учреждений. В результате было решено, что федеральная система мониторинга будет охватывать все субъекты Федерации и, являясь вертикально интегрированной системой, включать три уровня: федеральный, региональный и муниципальный. Ключевыми задачами, выполняемыми системой мониторинга в перспективе, станут:

а) на федеральном уровне:

- среднесрочный и долгосрочный анализ развития межнациональных и государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации и в зоне внешнеполитических интересов страны, анализ и прогнозирование рисков и угроз в этих сферах;

- выработка управленческих предложений и решений на основе научно и экспертно-обоснованного анализа;

- создание диверсифицированной по источникам и вертикально интегрированной по управлению системы мониторинга и прогнозирования состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, обеспечивающей систему управления информацией муниципального, регионального и федерального уровней;

- подготовка регулярных докладов Правительству и Президенту РФ по ключевым проблемным полям с выработкой конкретных управленческих решений;

– формирование геоинформационной системы с различными слоями информации, в том числе конфликтологической картой;

б) на региональном и местном уровнях:

– формирование региональных центров мониторинга с круглосуточной «горячей линией» и отработанным регламентом реагирования на конфликтно-генные ситуации разной степени напряженности;

– организация системы эффективного взаимодействия между различными органами государственной власти, муниципальными образованиями и институтами гражданского общества на основе систематизированного алгоритма действий при выявлении угроз;

– анализ и мониторинг средств массовой информации электронных ресурсов (включая блогосферу), информации неправительственных организаций, научных организаций и экспертов.

Апробация системы мониторинга проходит в пилотных регионах (Республика Дагестан, Республика Крым и Республика Татарстан, Пермский и Ставропольский края, Волгоградская, Воронежская, Иркутская, Ленинградская, Нижегородская области и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), при этом охват системы мониторинга составляет 77 субъектов.

Упомянутый проект будет реализован в три этапа (2014-2016 гг.). В 2014 г., по данным Минкультуры России, окончена реализация первого этапа проекта [4, С. 12-13].

В соответствии с усложнившимися, во многом новыми задачами в сфере реализации государственной национальной политики РФ заметные изменения претерпевают подходы в подготовке, переподготовке и повышении квалификации государственных гражданских служащих федеральных, региональных органов власти и муниципальных служащих органов местного самоуправления.

Всего же в 2014 г. повышение квалификации прошли 2367 государственных гражданских служащих субъектов Федерации и 2966 муниципальных служащих, отвечающих за реализацию государственной национальной политики Российской Федерации. Также профессиональную переподготовку прошли 98 государственных гражданских служащих субъектов Федерации и 41 муниципальный служащий [4, С. 6-7].

Определенные меры предпринимались и по стимулированию потребностей в повышении профессионализма и квалификации среди журналистов, работающих в сфере развития межнациональных и межрегиональных культурных связей. В частности, оказана поддержка в проведении Всероссийского фестиваля национального вещания «Голос Евразии», способствующего обмену опытом создания телевизионных и радиопроектов на национальных языках, сохранению и развитию традиций и обычаев народов России, состоявшегося 28-30 июля 2014 г. в Хакасии при поддержке ВГТРК и правительства Республики [4, С. 49-50].

Большое методологическое и практическое значение имеет организация и ежегодное проведение под эгидой Минкультуры России Всероссийского конкурса журналистов «СМИротворец» на лучшее освещение вопросов

межнациональных и этноконфессиональных отношений (для печатных и электронных средств массовой информации). В 2014 г. в нем приняли участие 764 СМИ, представляющих 85 субъектов Федерации. В адрес оргкомитета конкурса поступило около девяти тысяч работ. Большая, интересная и сложная работа, проводится ныне по информационному обеспечению реализации государственной национальной политики РФ. В ее основу впервые в практике постсоветской России положена Комплексная информационная компания, предусматривающая, во-первых, формирование и совершенствование мер стимулирования государственных, муниципальных и негосударственных теле- и радиокompаний, печатных СМИ, журналистов, освещающих вопросы реализации государственной национальной политики РФ, включая поддержку проектов, направленных на реализацию целей и задач такой политики на период до 2025 г.

Во-вторых, предпочтение будет отдаваться распространению рекламной и на промышленной продукции, производство и размещение в теле и радиоэфире роликов социальной рекламы и иной видеопродукции, поддержке создания тематических радио и телепередач, газетных и журнальных рубрик, интернет-проектов, направленных на реализацию целей и задач государственной национальной политики России.

В-третьих, намечается организация и проведение конкурсов на лучшее освещение в СМИ вопросов межнационального, межконфессионального и межкультурного взаимодействия, и в-четвертых, – выступления в СМИ руководителей государственных и муниципальных органов, представителей институтов гражданского общества, общественных объединений, религиозных организаций по актуальным вопросам, связанным с реализацией государственной национальной политики РФ [5].

Проведенный анализ первых результатов реализации Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. в части, касающейся главного на начальном этапе – выстраивания современной системы управления этой стратегически важной сферой, показал очень многое. Так, усилиями органов власти всех уровней, институтов гражданского общества, экспертных сообществ в нарастающем темпе ведется большая и напряженная деятельность, которая уже приносит обнадеживающие перемены.

В частности, приняты основополагающие государственные документы, федеральная и многочисленные региональные целевые программы, в решающую стадию вступила работа по созданию мониторинга состояния межнациональных отношений и предупреждения конфликтов на этой почве, разворачивается перестройка системы подготовки и повышения квалификации гражданских и муниципальных служащих, растет мастерство журналистов, освещающих сферу национальной политики, по-новому развернуто информационное обеспечение Стратегии государственной политики на период до 2025 г. и многое другое.

В заключение следует подчеркнуть, что совсем недавно, 16 сентября 2015 г. глава Федерального агентства по делам национальностей Игорь Баринов представил на президиуме президентского Совета по межнациональ-

ным отношениям программу работы на 2016-2018 гг. Главной задачей этого ведомства его руководство видит прорыв именно в создании мониторинга межнациональных отношений в регионах, а также методическую и информационную работу с региональными и муниципальными чиновниками, ответственными за межнациональное согласие, эффективные мероприятия с экспертами, представителями гражданского общества, молодежью. В отличие от Минрегиона, больше занимавшегося вопросами жилкомхоза и Минкульта, делавшего упор на проведении зрелищных этнокультурных мероприятий, задачи нового ведомства в большей степени становятся методическими, которые следовало бы выполнять с опорой на академические институты, специализирующиеся на этих проблемах, широкий круг экспертной общественности. Кроме того, можно не сомневаться, что постепенно работа Агентства будет все теснее координироваться с ФМС России в вопросах регулирования этномиграционных процессов, социальной адаптации этнических мигрантов и членов их семей.

Список литературы и источников

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. – М., 2012.
2. Федеральная целевая программа «Укрепления единства российской науки и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)»: Утверждена постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718. С изменениями и дополнениями от 13 марта 2014 г. № 184. – М., 2014.
3. Приказ Минрегиона России от 11 октября 2013 г. № 440.
4. Доклад Минкультуры России о реализации в 2014 г. Плана мероприятий по реализации в 2013-2015 годах Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. – М., 2015.
5. План мероприятий по реализации в 2013-2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Утвержден распоряжением Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 1226-р. В редакции распоряжений Правительства РФ от 07.06.2014 г. № 985-р, от 17.12.2014 г. № 2581-р. – М., 2015.
6. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации: Утверждена поручением Президента РФ от 28 ноября 2014 г. № Пр-2753. – М., 2014.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Прошло практически три года с момента утверждения Президентом РФ Концепции государственной миграционной политики на период до 2025 года. Четверть пути уже пройдено, и это дает нам право подвести первые итоги реализации столь важного для России документа.

Увы, к сожалению, мы можем с горечью констатировать, что концепция не стала не только "дорожной картой" для повышения эффективности миграционной политики, но даже не стала "компасом", указывающим направление движения.

Более того, все принимаемые профильным ведомством решения имеют, как будто нарочно, прямо противоположный вектор. Достаточно вспомнить закон о резиновых квартирах, чрезмерно перегруженный трудноисполнимыми нормами закон о патентах, многочисленные и вобщем-то бессмысленные нормативные документы, призванные якобы улучшить положение украинских беженцев, закрытие въезда более 1млн 400тыс трудовых мигрантов (в половине случаев либо незаконно, либо по каким-то совершенно мелочным поводам). И словно в насмешку каждое из обоснований, принимаемых нормативных законов начиналось со слов: "В исполнение положений Концепции...".

То есть по – прежнему процветает бюрократический подход в управлении миграционными процессами, в котором превалирует бумаготворчество. На каждую возникающую проблему ФМС отвечает принятием какого-либо законодательного акта, в лучшем случае нейтрального, главным образом призванного снять с себя ответственность за разрешение той или иной ситуации. Складывается впечатление, что ФМС пытается защитить себя от миграционных проблем "бумажными барьерами".

Как и раньше миграция продолжает рассматриваться не как важнейший фактор экономического развития страны в условиях сложной демографической ситуации и экономического кризиса, а как источник лишь всевозможных проблем, но при этом дающая беспрецедентную возможность для коррупции. По оценкам экспертов коррупционные доходы в миграционной сфере составляют гигантскую сумму (порядка 30млрд долл. в год). Мало того, что эти деньги не попадают в бюджет страны, но существуют серьезные риски, что какая-то часть из них оказывается в распоряжении преступных и террористических организаций, а возможно даже служит для вербовки боевиков в ИГИЛ.

Провальная работа по интеграции и адаптации мигрантов, как внутренних, так и внешних привела к обострению межнациональных отношений и росту числа конфликтов на межнациональной почве.

Миграционные процессы носят по-прежнему хаотичный характер. Программы оргнабора, о которых говорят вот уже десять лет, так и не получили развития. В 2014 году по оргнабору привлечено лишь 64 трудовых мигранта.

Принятие Госпрограммы "Содействие добровольному..." в новой редакции не решило главной задачи создания условий для беспрепятственного получения соотечественниками российского гражданства и предания ей статуса репатриационной программы.

Рост неудовлетворенного спроса на рабочую силу в условиях очень большого объема иммиграции свидетельствует о том, что инструменты, адекватные миграционной ситуации, сложившейся на рынке труда, так и не найдены. Что естественно привело к значительному увеличению нелегальной занятости.

На фоне все ухудшающейся миграционной ситуации вызывает определенный оптимизм, поистине революционная инициатива московского правительства по созданию многофункционального миграционного центра, призванного упорядочить процессы привлечения иностранной рабочей силы, отрегулировать московский рынок труда и покончить наконец с ужасающей коррупцией, процветавшей в этой сфере в Москве и бесчеловечным отношением к мигрантам. Пожалуй с середины двухтысячных годов мы не видели такого цивилизованного, основанного на экономических и гуманитарных принципах подхода к решениям столь критической ситуации, которая сложилась в сфере миграции.

Безусловно позитивным и своевременным стало решение о создании Федерального агентства по делам национальности.

Эти важнейшие новации на наш взгляд закладывает законодательную основу для создания новой институциональной и инфраструктурной среды адекватной складывающейся миграционной ситуации и позволят перестроить миграционную политику в соответствии с принципами и положениями концепции.

Рыбаковский Л.Л.
(Москва, Россия)

О СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

С наступлением XXI столетия управление целым рядом социальных процессов в России стало осуществляться в соответствии с утвержденными на государственном уровне нормативами, включающими цели, задачи и другие характеристики, определяющие перспективные параметры этих процессов. Документом, в котором нашли свое место эти нормативы, явилась концепция.

Не говоря уже о 90-х годах даже в XXI столетии демографическая сфера дважды столкнулась с различными представлениями об этих понятиях. В 2001 г. направленный в Правительство России проект «Концепции демографической политики РФ на период до 2015 года», им был переименован в «Концепцию демографического развития...». В сентябре 2001 г. документ с таким названием был одобрен. В свою очередь, в 2006 г. в администрацию Президента был представлен проект «Концепции демографического развития...» Этот документ был утвержден Указом Президента в октябре 2007 г. как «Концепция демографической политики...». Замена в 2001 г. «политики» на «развитие», было ошибкой, в то время, как замена слов «развитие» на «политику» в 2006 г., — вполне оправданной мерой, т.к. «развитие» взаимодействует с понятием «стратегия», а «политика» — с понятием «концепция».

По нашему мнению, стратегия представляет собой замысел, односторонний вектор, ориентированный на достижение определенных результатов, рассчитанный на длительный исторический период, обусловленный не сиюминутными соображениями или временно возникающими ситуациями, а фундаментальными национальными интересами государства. В это же время концепция — это ситуационный замысел, обосновывающий необходимый комплекс способов реализации в данный отрезок времени общей стратегической цели. Рассматривая концепцию в русле понятия «стратегия», её можно определить как тактическую составляющую последней. Концепция — это тактика осуществления стратегии в определенный временной отрезок, она инструмент реализации стратегии и подчинена её основному замыслу. В свою очередь стратегия достигает основной цели через решение промежуточных тактических задач. По словам К. Клаузевица тактика нужна для того, чтобы выиграть битву, а стратегия нужна для того, чтобы выиграть войну.

В июне 2012 г. Президентом РФ утверждена «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Сразу заметим, что цели миграционной политики в этом документе сформулированы так, как будто, разработчики хотели придать этой Концепции, главенствующую роль в развитии России. Тут тебе и обеспечение национальной безопасности, и создание комфортности и благополучия населению России, и обеспечение модернизации и инновационного развития экономики и пр. В этом обилии потерялись настоящие цели миграционной политики.

Следует сразу подчеркнуть, что формулируемые Концепцией цели регулирования миграционных процессов не самостоятельны по определению. Они должны быть подчинены иным целям, решаемым в других областях деятельности, в частности демографической и трудовой. Одна из целей регулирования миграционных процессов, обусловлена «Концепцией демографической политики РФ на период до 2025 г.». Миграция в достижении цели, сформулированной в этой Концепции, выступает лишь в числе компонент стабилизации и последующего роста населения. Значение этой компоненты может быть различным (значимым и ничтожным) в зависимости, с одной стороны, от результативности естественного движения населения, а с другой

стороны, от концептуальных положений, определяющих интенсивность демографического развития страны.

Другая цель, определяющая количество и качественные характеристики временных трудовых иммиграций, всецело зависит от параметров перспективного баланса труда, текущего и прогнозного дефицита рабочей силы, учитывающего его территориальные и отраслевые разрезy. Исходя из прогнозов демографического развития и динамики, в том числе населения в трудоспособном возрасте, на весь перспективный период до 2025г. цель концепции регулирования миграционных процессов должна быть двудина. Мы еще до принятия Концепции предлагали такую её формулировку. *Цели миграционной политики России на период до 2025 года состоят в привлечении иммигрантов, в первую очередь из стран нового зарубежья, особенно соотечественников, для формирования из них граждан России, расселение которых должно соответствовать её геополитическим интересам, и в пополнении занятого в экономике населения временными трудовыми иммигрантами в соответствии с балансовыми потребностями отраслей и регионов страны.*

Лишь определив цели миграционной политики, можно обосновывать направления, приоритеты и меры её реализации. К сожалению, все 20 лет существования независимой России, необходимые решения в области регулирования миграции населения принимались без их концептуального обеспечения. Эти решения, будучи жестко привязаны к существовавшим правовым и другим нормативным актам, даже, несмотря на их непрерывный «ремонт», не имели целевой направленности, и потому миграционная практика часто противоречила национальным интересам России.

Другим недостатком Концепции является её перегрузка вопросами, не относящимися к документам такого рода. Так в ее втором разделе об условиях формирования и реализации миграционной политики приводится 15 пунктов обо всем: здесь и значение миграционной политики, и варианты прогнозов Росстата, и роль переселений в Россию, и очень подробно о привлечении высококвалифицированных иммигрантов, без которых России никуда, и о не высокой привлекательности нашей страны, и о негативных тенденциях внутренних миграций, и о миграционном законодательстве, и о несовершенстве системы управления миграционными процессами (все тут -незаконные иммигранты, теневая экономика, отношение к иммигрантам) и об отсутствии государственных программ кроме той, что по добровольному переселению соотечественников и пр. пр. Прокомментируем первый пункт этого перечня. В нем приводятся в качестве ориентиров данные прогнозов Росстата на 2025 г., тогда как страна живет в согласии с нормативом, установленным Концепцией демографической политики РФ на период до 2025 г. (утверждена Указом Президента). Миграция, наряду с воспроизводством населения должна обеспечить нормативную динамику. В Концепции демографической политики даже необходимый миграционный прирост установлен. Тогда причем здесь прогнозы Росстата, регулярно меняющиеся в зависимости от параметров рождаемости?

Над Концепцией миграционной политики работал широкий круг экспертов, по документу было получено положительное заключение Междуна-

родной организации по труду, Международной организации по миграции и Всемирного банка. Несмотря на авторитет этих организаций, едва ли, станет результативной политика, определяемая подобной концепцией. По словам одного из наиболее квалифицированных специалистов в области миграционной политики профессора О.Д. Воробьевой, нынешнюю миграционную практику, трудно оценить как успешную, соответствующую национальным интересам России, с чем автор тезисов полностью согласен.

Сахарова Л.А.

(Владивосток, Россия)

Лаврут Н.С.

(Владивосток, Россия)

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Вопросы миграционной политики входят в число наиболее значимых для обеспечения национальной безопасности, поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов, сохранения устойчивого экономического роста. В условиях стремительного сокращения численности населения Российской Федерации в целом и трудоспособного населения в частности, совершенствование миграционной политики приобретает особую актуальность.

В настоящее время миграционные потоки носят стихийный характер. В результате не учитываются реальные возможности социальной инфраструктуры, увеличиваются диспропорции региональных рынков труда, растет социальная напряженность, создаются условия для распространения среди населения Российской Федерации идей национальной нетерпимости.

Создание условий для привлечения в Российскую Федерацию квалифицированных легальных трудовых ресурсов, совершенствование миграционного учета иностранных граждан, противодействие нелегальной миграции, а также комплекс мер по поддержке внутренней трудовой миграции нельзя осуществить без сбора и анализа качественной и подробной информации о миграции. Источниками информации по миграции служит административная статистика, перепись и обследования населения. Однако все эти источники не в полной мере охватывают мигрантов, в первую очередь нелегальных, что затрудняет принятие взвешенных экономических и политических решений.

Одним из важнейших источников формирования населения в отдельных регионах мира и в России в частности, стала миграция населения.

В понятие “миграция населения” различные исследователи вкладывают самый разнообразный смысл. Современное значение термина чрезвычайно широко. Принципиальные различия в толковании этого понятия заключаются в следующем:

- учитывается ли при фиксировании факта территориального перемещения людей фактор расстояния;
- учитывается ли фактор времени пребывания на территории прибытия и регулярности перемещений в различных направлениях;
- рассматривается ли фактор пересечения каких-либо официально установленных рубежей [1].

Наиболее точными и полными, с нашей точки зрения, отвечающими решению задач разработки методологии миграционной политики, является следующее определение миграции населения – это любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учебы или трудовой деятельности.

Факторами миграции населения называют различные сочетания объективных и субъективных условий, взаимодействие которых вызывает его перемещение. Выявление этих факторов имеет важное значение для разработки эффективных мер миграционной политики. Основными факторами миграции являются экономические и социальные. Эти факторы тесно взаимосвязаны. Изменение образа жизни, социального статуса, создание семьи, получение образования, жилья и т.д., возможно лишь с получением высоких доходов, с выбором региона с более высоким уровнем экономического развития.

Выделяют также факторы: природно-климатические, демографические, этнические, политические, военные [1].

Миграционная ситуация в Российской Федерации после распада СССР имела преимущественно стрессовый характер. Структура и направления миграции обуславливались политическими, экономическими и культурными факторами и характеризовались вытеснением населения нетитульной национальности из той социальной ниши, которую оно занимало ранее; эмиграцией из перенаселенных районов и увеличением эмиграции в дальнее зарубежье за пределами государственно-правового регулирования данного процесса.

В настоящее время Россия переживает острый демографический кризис. Учитывая современные миграционные тенденции, население России, согласно оценкам, сократится к 2050 г. на 20% и составит 112-119 млн. человек. В ближайшем будущем Россия столкнется также с проблемой нехватки населения в трудоспособном возрасте, которая требует немедленного решения на государственном уровне. Привлечение квалифицированных работников из-за рубежа и эффективное перемещение рабочей силы внутри страны – наиболее очевидный выход из сложившейся ситуации [2].

Миграционная политика – это система общепринятых на уровне властных структур идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых, государство реализует направления развития общественных отношений в сфере миграции и норм миграционного законодательства. Политика должна проводиться в соответствии с теми принципами, которые составляют фундаментальные основы государства (Конституция, международные правовые акты и т.д.).

Миграционная политика включает в себя Концепцию, которая представляет собой фундамент миграционной политики, систему взглядов, определяющих границы правового, этического и идеологического пространства, в рамках которого могут формироваться программные документы по миграции населения и другим направлениям государственного регулирования демографических процессов. Основными элементами Концепции миграционной политики, помимо принципов, определяющих правовое и этическое пространство, в рамках которого допустимо воздействие на миграционные процессы, являются цель, обусловленные ею задачи по всем направлениям миграционной деятельности, приоритеты и механизмы осуществления политики.

Исходным при этом является обоснование цели миграционной политики. Для этого возможны разные подходы:

- с позиции обеспечения развивающейся экономики трудовыми ресурсами;
- с позиции характера демографического развития (миграция как компенсатор естественной убыли населения);
- с позиции геополитических интересов государства, его национальной безопасности. Эти и иные подходы могут использоваться либо самостоятельно, либо одновременно с другими.

Миграционная политика носит территориально-дифференцированный характер. Поэтому в разных местностях существуют разные миграционные проблемы, а, следовательно, цели миграционной политики и направления их достижения различны.

Можно выделить следующие цели миграционной политики:

- привлечение мигрантов на временное место жительства;
- создание постоянного состава населения;
- обеспечение рабочей силой промышленных объектов, создаваемых в районах нового освоения;
- стабилизация населения в тех или иных местностях;
- повышение миграционной активности коренных жителей ряда территорий;
- сдерживание притока мигрантов в некоторые населенные пункты и т.д.

В соответствии с целью демографического развития миграционная политика призвана решать три взаимосвязанные стратегические задачи:

- контролировать масштабы, географию выхода и состав иммигрантов, прибывающих в Россию;
- регулировать характер расселения мигрантов (внутренних и внешних), в наибольшей мере соответствующий геополитическим интересам государства;
- способствовать созданию условий для добрососедского взаимодействия между местным населением и мигрантами [3].

Задачи миграционной политики формулируются в русле концепции (цели) и ситуации, сложившейся в миграционной сфере. Острота миграци-

онных проблем определяет выбор приоритетов, очередность решения тех или иных задач.

Собственно, с этим связано и формирование миграционных программ – концептуально единой системы мер и механизмов регулирования различных видов миграции – это вторая часть миграционной политики. Меры эти могут быть стимулирующими и сдерживающими миграционную активность, могут оказывать воздействие на человека непосредственно (это относится в первую очередь к запретительным мерам) и могут быть направлены на создание таких условий, которые будут способствовать добровольному принятию людьми решений, соответствующих национальным интересам государства. Во втором случае регулирующие миграцию средства не ведут к нарушению прав человека, поскольку каждый принимает собственное решение.

Основными механизмами реализации такой политики должны быть:

- комплексное и универсальное миграционное законодательство;
- единая классификация категорий мигрантов;
- разграничение федеральной и региональной ответственности, а также ответственности предприятий различных форм собственности за решение возникающих проблем;
- система экономических и административных мер государственного регулирования миграционных потоков;
- система гарантированных форм государственной поддержки вынужденных категорий мигрантов;
- концентрация федеральных и региональных бюджетных средств, выделяемых на решение проблем отдельных категорий мигрантов, с целью более эффективного их использования; применение рыночных механизмов привлечения внебюджетных источников финансирования.

Правовые основы государственного вмешательства в региональное перераспределение населения и внешние миграционные процессы заложены в Конституции и специальных законах.

Федеральное законодательство, регламентирующее миграционную политику, можно условно разделить на законодательство по внутренней и внешней миграции. К первой группе следует отнести федеральные законы «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» и частично «О вынужденных переселенцах». Ко второй группе – федеральные законы «О гражданстве Российской Федерации», «О вынужденных переселенцах» в той части, где закон касается граждан Российской Федерации, прибывающих из стран так называемого нового зарубежья, а фактически – из бывших союзных республик, «О беженцах», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [4].

Очевидно, что каждая страна, исходя из национальных интересов, избирает адекватную своему геополитическому статусу миграционную политику. Отечественный и зарубежный опыт регулирования миграций при этом используется не для обоснования целей политики (они лежат вне этой поли-

тики), а для поиска приемлемых для избранной цели мер и механизмов воздействия на миграционные процессы. России в этом отношении повезло: она имеет собственный огромный опыт осуществления миграционной политики в XVII-XX вв., накопленный Российской империей и Советским Союзом.

Новая миграционная ситуация выдвинула новые задачи в сфере регулирования миграционных процессов. Современная миграционная политика имеет внешнюю и внутреннюю стороны.

Во внешней сфере на первый план вышли такие задачи, как:

- создание условий для привлечения в Россию иммигрантов – будущих граждан страны;
- обеспечение безопасности государства;
- соблюдение прав мигрантов при реализации разного рода межгосударственных соглашений;
- развитие сотрудничества с зарубежными и международными организациями в целях цивилизованного предотвращения незаконной миграции и т.д.

Во внутренней сфере важное значение придается:

- разработке эффективных механизмов перераспределения миграционных потоков, в том числе и иммиграционных, с учетом геополитических интересов страны и облегчения интеграции мигрантов в районах вселения;
- формированию условий для самообустройства вынужденных мигрантов, поддержке их адаптации на новых местах;
- созданию системы предупреждения ситуаций, ведущих к внезапным массовым недобровольным перемещениям населения, и др.

Миграционная политика Российской Федерации должна совершенствоваться, с тем, чтобы миграционные процессы в стране стали фактором, способствующим позитивному развитию российского общества, исходили из потребностей экономики, интересов национальной безопасности, охраны общественного порядка и здоровья населения при строгом соблюдении международных обязательств Российской Федерации.

Рыночные механизмы регулирования экономики предопределяют необходимость осуществления государственного управления миграционными процессами на основе обеспечения прав граждан на свободу передвижения и создания с этой целью системы экономических стимулов.

Использование положительного потенциала миграционных процессов в целях решения стратегических задач социально-экономической политики России путем формирования действенных регулирующих механизмов динамично меняющейся миграционной ситуации – насущная задача современного этапа развития страны.

Одним из важных направлений в решении проблем миграции является заключение международных договоров в области трудовой миграции, обеспечивающих в том числе защиту на территории России социальных и экономических прав трудящихся-мигрантов в соответствии с основополагающими документами ООН, Международной организации труда и легализацию процессов трудоустройства российских граждан в иностранных государствах.

Список литературы и источников:

1. Рыбаковский А.А. Демографический понятийный словарь [Текст] / А.А. Рыбаковский. М.: Центр социального прогнозирования, 2003. – С. 170-173.
2. Федотова М.Ф., Шойко И.С., Современная миграционная политика РФ [Текст] / М.Ф. Федотова // Право и безопасность. – 2010. – №2 (35)
3. О новой государственной системе миграционного и регистрационного учёта // Правительство России [Электронный ресурс]. – 2015. – http://government.ru/dep_news/19216/
4. Законы о миграции // Информационно-правовой портал ГАРАНТ [Электронный ресурс]. – 2015. – <http://base.garant.ru/>

Сибагатуллина Э.Т.
(Казань, Россия)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ

Активность миграционных процессов конца XX века в России, вызвала возросший интерес к миграции, как социально-политическому явлению специалистов различных отраслей знания: экономики, социологии, права и т.д. Однако, наблюдается некий «перекос» данного интереса в пользу внешней миграции, в том числе внешней трудовой миграции. Внутренняя трудовая миграция выпала из системы государственного управления. В тоже время, несмотря, на разнообразие определений термина «миграция» (в работе Т.Н. Юдиной «Миграция: словарь основных терминов» указывается, что в современной научной литературе существует порядка 40 определений термина «миграция») в корне определения данного термина лежит тот факт, что миграция населения – это его перемещение, переселение. «В российской традиции принято определение, согласно которому миграцией называется любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности.

Таким образом, на наш взгляд, и перемещение собственно россиян по территории России является одним из видов столь разнообразного явления как миграция населения и требует пристального внимания в изучении с целью необходимого правового регулирования и воздействия на данный процесс. Необходимость правовой регламентации внутренней миграции населения России обусловлена имеющимся дисбалансом в распределении населения по территории Российской Федерации, усиливающимся в последние десятилетия, как следствие диспропорции внутренних трудовых ресурсов, социальной и межнациональной напряженностью. Для преодоления указанных тенденций

актуальным становится исследование правовых аспектов внутренней миграции в России.

В соответствии с данными Центра миграционных исследований, после распада СССР произошло более чем 2-кратное свертывание внутренних миграций: если в 1989 г. – 4,7 млн. человек; 2001г. – 2 млн. человек, с 2002 года сокращение внутренних перемещений прекратилось, а результаты обследования населения по проблемам занятости в 2012г. демонстрируют цифру 2,3 млн. человек внутренних мигрантов в России. «В трудовую миграцию было вовлечено 1,4% российского населения в возрасте 15-72 года, или 2,2% занятого населения».

Взаимная обусловленность демографических задач государства, проблем занятости населения, эффективности развития отдельных регионов Российской Федерации, внешней миграции и социальной защищенности граждан, на наш взгляд, позволяют выдвинуть проблему правового регулирования внутренней миграции в России в качестве приоритетного направления миграционной политики России на современном этапе развития государства. Емко и точно в данном контексте звучит высказывание Т.Я. Хабриевой «...интересы сохранения единого экономического пространства и одновременно интеграции в мировое хозяйство требуют принятия многих законодательных мер».

Передвижение населения по территории Российской Федерации косвенно регулируется Гражданским Кодексом, Трудовым Кодексом, Жилищным Кодексом и иными нормативно-правовыми актами. Специальным же законом является закон «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», который базируется на обозначенное в Конституции Российской Федерации право граждан на свободу передвижения.

«Закон вводит регистрационную норму, но не как механизм управления, а как учетный механизм, фиксирующий передвижения граждан».

Виноградова П.А. принципиальным видит вопрос о необходимости установления прав и свобод граждан и корреспондирующих им обязанностей органов государственной власти Российской Федерации по регистрационному учету федеральными законами; правовое обеспечение предупреждения возникновения межнациональной и межконфессиональной напряженности.

Учитывая геополитические интересы и задачи Российской Федерации, социально-экономического развития страны необходимы эффективные правовые механизмы регулирования внутренней миграции, учитывающие приоритеты экономики государства в целях развития импортозамещения. Кроме того, необходимо создание обеспеченных правом механизмов реализации социальных прав граждан Российской Федерации, оказавшихся в условиях внутренней, как правило, трудовой миграции. На наш взгляд, представляется важным разработка правовой регламентации управления процессами внутренней миграции и здесь хотелось бы отметить государственную программу «Содействие занятости населения».

Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 298 утверждена государственная программа «Содействие занятости населения». Целями государственной программы обозначены: создание правовых, экономических и институциональных условий, обеспечивающих развитие гибкого эффективно функционирующего рынка труда, повышение мотивации к труду и трудовую мобильность. Одним из инструментов достижения данной цели должно стать создание условий для привлечения иностранной рабочей силы с учетом потребностей экономики, но на принципах приоритетного использования национальных кадров; информированность населения о возможности трудоустройства при переезде в другую местность, разработка и реализация мероприятий по содействию внутренней трудовой миграции, социальная помощь и поддержка семьям внутренним трудовым мигрантов. В этой связи становится важна деятельность субъектов Российской Федерации в части развития внутренней трудовой миграции. Она должна быть направлена на установление дифференцированной поддержки работников, решившихся на переезд, содействие местной внутренней миграции между региональными центрами, малыми городами и сельскими поселениями. Ожидаемым результатом реализации программы должно стать развитие трудовой мобильности населения, улучшение условий труда работников и как следствие поддержание социальной стабильности в обществе.

Органы государственной власти субъектов РФ с 1 января 2012 года осуществляют полномочия в области содействия занятости населения за счет бюджетов субъектов РФ. Постановлением Правительства от 2 июня 2015 г. № 530 утверждены Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов в рамках государственной программы «Содействие занятости населения». Условиями для предоставления субсидий являются: наличие региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов, включение субъекта Российской Федерации в перечень, утвержденный Правительством Российской Федерации; наличие в субъекте РФ работодателей, испытывающих потребность в трудовых ресурсах; наличие социальной инфраструктуры и жилищных условий для обустройства работников.

Появление и, надеемся успешная реализация государственной программы, станет позитивным началом в решении обозначенных проблем занятости населения, демографии, внутренней трудовой миграции.

Внутренняя миграция населения, связанная с постоянной или временной сменой места жительства, отраженная российской статистикой, обусловлена, прежде всего, целями поиска работы.

Основными центрами миграционного притяжения России, 1991-2012 гг. по данным Института демографии НИУ ВШЭ являются: Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Белгородская область, Республика Татарстан, Калининградская область, Нижегородская область, Ставропольский край, Самарская область и Новосибирская область

Специалисты называют самым малочисленным Дальневосточный федеральный округ (4,6% жителей). Это единственный округ, где почти все субъекты имеют отрицательное миграционное сальдо. «Север страны превратился в сплошную зону, теряющую население: Чукотский АО и Магаданская область потеряли почти половину населения, Камчатская область – 18%, Сахалинская – 14%, Мурманская – 13%, Республика Коми- 10%».

Данные факты исследователей нашли отражение в принимаемых властью нормативных актах. В частности, Перечень субъектов Российской Федерации, привлечение трудовых ресурсов в которые является приоритетным, включает в себя, прежде всего, субъекты Дальневосточного и Сибирского федеральных округов.

Миграционная политика России формировалась адекватно вызовам времени. В настоящее время вынужденные миграции, переселения на постоянное место жительства, сменились трудовыми миграциями, в том числе внутренней трудовой миграцией. Можно констатировать, что на сегодняшний день внутренняя трудовая миграция не является приоритетом государственного управления. Политика в данной области не разработана. Нет единой базы данных о емкости региональных и муниципальных рынков труда. Помимо экономических причин, вызванных необходимостью трудовых ресурсов на территориях традиционного оттока населения, внутренняя миграция приводит к колоссальным сдвигам в размещении населения, что может привести к неуправляемой деформации структуры населения. Проблема расселения и управления миграционными потоками оказывается за пределами государственного регулирования. Необходима эффективная структура, осуществляющая роль посредника между работником и работодателем, обладающая широкодоступными информационными ресурсами. Учитывая, имеющиеся проблемы, отвечая на сложившуюся миграционную ситуацию в России, видится необходимым принятие отдельного федерального закона «О миграции», который содержал бы цели и задачи государственной миграционной политики и определил бы орган государственной власти, ответственный за ее реализацию, а так же регламентировал внутреннюю миграцию с целью рационального распределения населения по территории страны.

Безусловно, без действенных мер социальной поддержки внутренних трудовых мигрантов, реализация поставленных задач будет невозможна.

Список литературы и источников:

1. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов. М.: Изд-во РГСУ. – 2007- с. 161
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз. 1981, – с. 332
3. Мукомель В. Миграция: миграционные процессы в России 1985-2015// last 30 [Электронный ресурс]
4. Внутренняя миграция в России: правовая практика. М., 2007. – с.7
5. Население России: демографические итоги 2013 года. Краткий доклад/Институт демографии НИУ ВШЭ //Демографическое обозрение. 2014 – Т.1.- № 3.с.- 17

6. Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России //Журнал российского права.- 2005.- №12
7. Закон РФ от 25 июня 1993 г. N 5242-I "О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации"// Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993.- N 32, ст.1227
8. Внутренняя миграция в России: правовая практика. М., 2007. – с. 18
9. Виноградова П.А. Условия реализации внутренней миграции: правовые аспекты//Журнал российского права. – 2015. – №2
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 298 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Содействие занятости населения"»//Собрание законодательства РФ.- 2014. N 18 (часть I) ст. 2147
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 июня 2015. № 530 «Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов в рамках подпрограммы "Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан" государственной программы Российской Федерации "Содействие занятости населения"»//Собрание законодательства РФ. – 2015. – №24, ст.3466;
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2015. № 696- р «Перечень субъектов Российской Федерации, привлечение трудовых ресурсов в которые является приоритетным»//Собрание законодательства РФ. – 2015. – №17(часть IV), ст. 2596
13. Население России: демографические итоги 2013 года. Краткий доклад// Демографическое обозрение. 2014. – Т.1. № 3. с. 5-32.
14. Мукомель В. Миграция: миграционные процессы в России 1985-2015// last 30 [Электронный ресурс]

Сигарева Е.П.
(Москва, Россия)

НЕРАВЕНСТВО И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ

Современные миграционные процессы определяются доминирующим влиянием двух мировых факторов – расширением неравенства и глобализацией. Неравенство (социальное, экономическое, политическое, демографическое) формирует необходимость миграции. Глобализация – создает возможность миграционного перемещения. И эти два развивающихся процесса определяют характер современной миграции. В докладе ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития – одна из ведущих экономических организаций ми-

ра, неформально нередко называемая Клубом богатых стран, которая объединяет более 30 стран) отмечено: «что касается уровня экономического неравенства в странах ОЭСР, то он достиг максимума за последние 30 лет. При этом средний доход 10% богатейших жителей стран ОЭСР в 9,6 раза выше доходов 10% беднейшего населения. Для сравнения, в 1980-х годах соотношение по доходам составляло 7:1, в 2000-х годах – 9:1.» [1] Неравенство расширяется как между государствами и наднациональными блоками, так и внутри государств. Например, в опубликованном исследовании «Анатомия экономического неравенства в Великобритании», еще в 2007 г. страна вернулась во времена Оруэлла: 10% самых состоятельных граждан в 100 раз богаче 10% самых бедных – таких показателей не было со времен Второй мировой. [2]. К середине прошлого десятилетия «состояние богатых людей мира выросло на 5 процентов и достигло 109,5 триллиона долларов. Общее число домохозяйств – долларовых миллионеров увеличилось на 11 процентов и достигло 10,7 миллиона. Такие данные приводит американская компания Boston Consulting Group (BCG). Рост числа миллионеров и их состояний, таким образом, наблюдается уже шестой год подряд. Стремительнее всего богачи появляется в развивающихся странах Азии и Латинской Америки. Только в прошлом году число богатых семей выросло здесь на 11 процентов. Первенствует по этому показателю Китай». В отчете BCG также говорится, что один процент домашних хозяйств на Земле обладает 35 процентам всех богатств мира. [3]

Это обуславливает растущую мотивацию человечества к миграции. Например, по сведениям Института европейского университета (European University Institute), в ЕС насчитывается до 43 миллионов мигрантов. Из них 20 миллионов составляют европейцы, проживающие не в том государстве, в котором родились, а остальные въехали на территорию ЕС из государств, не состоящих в союзе. Вместе с тем, развитие интеграции, которая является одной из форм глобализации, часто приводит к усилению неравенства и, впоследствии, к активизации миграционной мобильности. Например, при последнем расширении Евросоюза в середине 2000-х годов сформировалось существенное различие в заработных платах и социальной поддержки. В 2005 г. больше всех в Европе на зарплаты тратили в Бельгии, Швеции и Германии. Нанять работника здесь стоило, включая все необходимые надбавки, 50 тысяч евро в год (58 000 долларов). «Младоевропейцы» получали в качестве заработной платы значительно меньше: 4 752 евро в Латвии, 5 649 в Литве, 8 257 в Польше и 9 540 долларами в Чехии. Кроме того, объем социальных услуг в этих странах несравним с более богатыми.

Различия в европейских зарплатах все больше влияют на экономику Евросоюза. Так, европейские компании перемещают производственные мощности в Восточную Европу или нанимают дешевую рабочую силу из восточноевропейских стран, из-за чего сталкиваются с обвинениями в "социальном демпинге". Работникам из Западной Европы, особенно Германии, приходится работать дольше за ту же плату. [4]

Несомненно, для крупных богатых стран такая интеграция, опирающаяся на миграционный поток, определяет новый этап их экономического

развития. Она делает их более успешными и богатыми. Свидетельством этого может быть следующее. После расширения Евросоюза британский министр внутренних дел Дэвид Бланкетт опубликовал данные по трудовым мигрантам из стран Восточной Европы, прибывшим на остров. Как сообщается на сайте газеты Independent, всего лишь за пять месяцев они помогли увеличить национальный ВВП на 120 миллионов фунтов стерлингов и сократить нехватку рабочих мест в непрестижных сферах деятельности. Всего из восьми восточноевропейских стран, вошедших в ЕС 1 мая, в Британию прибыли более 90 тысяч человек. Речь идет о тех, кто официально зарегистрировался с целью получения разрешения на работу. Первоначально планировалось, что эта цифра составит не выше 13 тысяч человек в год, однако Бланкетт отмечает положительные стороны такого незапланированного увеличения, поскольку 96 процентов прибывших устроились на постоянную работу. [5] Более того по данным Pew Research, авторы которого проанализировали последствия расширения ЕС на восток в середине 2000-х годов, оказалось, что в период с 2004-го по 2007 год количество трудовых мигрантов в «старых» членах союза выросло с миллиона до двух миллионов человек. Благодаря повышению мобильности населения ВВП Евросоюза вырос на 0,3 процента, или 30 миллиардов евро.

Стимулирование миграционных потоков оправдывается процессом глобализации. "Мы живем в мире, в котором все сильнее чувствуются процесс глобализации и который больше не может рассчитывать на только на собственный рынок труда. Это реальность, с которой придется считаться", — говорит Брансон Маккинли (Brunson McKinley), глава Международной организации по миграции (МОМ). По данным МОМ, за последние тридцать лет количество мигрантов возросло с 82 до 192 миллионов человек. В поисках лучшей доли родину покинули около трех процентов населения земли. Самыми популярными среди мигрантов стран названы Соединенные Штаты, в которых проживает более 20 процентов иностранцев, и Россия (восемь процентов). [6]

Вместе с тем, глобализация, которая позволяет формироваться многочисленным миграционным потокам, в свою очередь, усиливает неравенство. Это связано с тем, что крупные богатые страны, принимая мигрантов, становятся еще крупнее и богаче, а небольшие страны, теряющие население становятся меньше в численном отношении и беднее. Мировой экономический кризис, санкционная политика обнажили эти процессы, а современный миграционный кризис в Европе, усиленный вынужденной миграцией из-за военных конфликтов, обострил последствия неравенства и глобализации. Миграция является противоречивым явлением в долгосрочной перспективе, как для принимающих, так и для отдающих население стран. Даже внутриевропейские миграции приводят к негативным последствиям в социально-экономическом благополучии и к демографической деградации небольших и бедных стран. По данным Департамента статистики Эстонии, опубликованным в 2013 г., демографическая ситуация в стране является неутешительной. «В стране население все больше убывает с каждым годом... На начало этого года численность составляла более

одного миллиона двести тысяч человек. Эстонию покинуло на шесть с половиной тысяч человек больше, чем въехало. Данный показатель является рекордным отрицательным за прошедшие десять лет». [7, С.174] Очевидно, что, прежде всего, страдают те страны, которые теряют свое население, и чей человеческий капитал из-за этого ухудшается. Но и для принимающих государств выгода от приезжих не всегда однозначна: хотя мигранты действительно способствуют росту ВВП в абсолютных показателях, подушевые показатели ВВП при этом могут и не увеличиваться, поскольку вместе с экономикой растет и население страны.

Глобализация кроме преимуществ имеет способность увеличивать взаимозависимость, которую в кризисные периоды приходится «разруливать поодиночке». Так, например, в связи с санкциями и ухудшением потенциала экономического развития России, которая является одним из лидеров стран-реципиентов мигрантов, возникла объективная необходимость значительного снижения миграционных потоков в страну. По данным ФМС РФ в начале 2015 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года количество въездов и выездов иностранцев снизилось почти на 70%. При этом в России становится меньше граждан среднеазиатских республик. [8] По оценкам аналитиков Renaissance Capital, от падения рубля в наибольшей степени страдают страны, чьи граждане зарабатывают в России. Это, прежде всего Узбекистан, Таджикистан, Украина и Киргизия (в 2013 г., по данным Центробанка, их граждане перечислили из России соответственно \$6,7 млрд., \$4,2 млрд., \$3,4 млрд. и \$2,1 млрд.). Для Таджикистана это примерно 50%, для Киргизии – 30% ВВП. В прошлом году эти объемы серьезно упали – в Таджикистане, по предварительным оценкам, на 30%. [9]

Россия, уже привыкшая к потокам дешевой рабочей силы, надеется заменить среднеазиатский поток мигрантов на китайских и вьетнамских работников, которые еще менее притязательны к предлагаемой оплате труда и условиям проживания. [10] В соседних же государствах, напротив, развиваются процессы роста занятости населения. Например, по данным отчета Национального статистического комитета Киргизии в 2014 г. было создано около 5400 новых рабочих мест, что увеличило их количество на 5%. [11] Прогноз аналитической компании Stratfor предсказывает в ближайшие 10 лет рост самостоятельности небольших государств на фоне ослабления прежних геополитических лидеров. Возможно, кризис в России – шанс для ее соседей мобилизовать собственные экономики.

Россия также вынуждена сконцентрироваться на процессе импортозамещения труда. Так, Правительство Российской Федерации издало постановление № 35 о формировании антикризисной программы по рынку труда. Данная программа будет финансироваться из федерального бюджета. И обязательным условием для участия в ней является наличие региональных программ замещения иностранной рабочей силы. [12]

Таким образом, современная миграционная ситуация, обусловленная неравенством и глобализацией, сама порождает усиление неравенства и сдерживает поступательное развитие глобализации. Человечество сейчас стоит на

пороге формирования новой философии экономических межстрановых отношений, которая возможно позволит сокращать неравенство, развивая более справедливые глобальные обмены: технологиями, культурой, достижениями медицины и, соответственно, человеческим капиталом. Возможно, тогда миграционные процессы станут более взаимовыгодными.

Список литературы и источников

1. ОЭСР: экономический рост тормозится социальным неравенством, достигшим максимума за 30 лет // [Электронный ресурс]. – <http://www.newsru.com/finance/21may2015/inequal.html>
2. Запад – кастовое общество // [Электронный ресурс]. – <http://slon.ru/articles/261868/>
3. Один процент семей владеет третью богатств планеты // [Электронный ресурс]. – <http://money.newsru.com/article/05sep2008/bcg>
4. Восточная Европа получает в четыре раза меньше Западной // [Электронный ресурс]. – <http://lenta.ru/news/2005/04/11/labour/>
5. Восточноевропейские мигранты поднимают британскую экономику // [Электронный ресурс]. – <http://lenta.ru/economy/2004/11/11/migrants/>
6. Статистика реабилитировала мигрантов перед лицом мировой экономики // [Электронный ресурс]. – <http://lenta.ru/news/2005/06/22/migrants/>
7. См. Сигарева Е.П. Некоторые демографические итоги перестройки // Наука. Культура. Общество – 2015. – № 2.
8. Исход гастарбайтеров // [Электронный ресурс]. – <http://www.profile.ru/rossiya/item/91107-iskhod-gastarbajterov>
9. Соседи вынужденно снижают зависимость от России // [Электронный ресурс]. – <https://news.mail.ru/economics/21288739/?idc=1>
10. Китайцы и вьетнамцы вместо киргизов и узбеков // [Электронный ресурс]. – <http://www.profile.ru/rossiya/item/90448-kitajtsy-i-vetnamtsy-vmesto-kirgizov-i-uzbekov>
11. В 2014 году число рабочих мест в Киргизии выросло на 5% // [Электронный ресурс]. – www.regnum.ru/news/economy/1902917.html
12. В Свердловской области местные рабочие заменят мигрантов // [Электронный ресурс]. – www.regnum.ru/news/economy/1897925.html

РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕТЬЕГО ЭТАПА КОНЦЕПЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РФ В ОБЛАСТИ ПОСТОЯННОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

На III-м этапе реализации демографической политики России (2016-2025 гг.) предусматривается «проводить мероприятия по упреждающему реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране... В целях замещения естественной убыли населения ... предстоит активизировать работу по привлечению на постоянное место жительства в Российскую Федерацию иммигрантов трудоспособного возраста.... К 2025 году предполагается:... обеспечить миграционный прирост на уровне более 300 тыс. человек ежегодно» [1].

Главный дополнительный резерв замещения предстоящей естественной убыли населения на третьем этапе – активизация «работы по привлечению на постоянное место жительства в РФ иммигрантов трудоспособного возраста». Другими словами, если соотечественников будет не хватать, то в качестве дополнительного потенциала постоянной иммиграции начнут рассматривать всех иммигрантов или хотя бы всех иммигрантов с постсоветского пространства.

Опыт 2014-2015 гг. и активно предлагаемый в Интернете налаженный сервис по «помощи в получении гражданства РФ за 7 месяцев» (например, [2]) в рамках Программы для всех выходцев из бывших республик СССР показывает, что в разряд «организованных соотечественников» стали записывать себя все выходцы из СНГ. При этом далеко не все из них являются соотечественниками. Не станет сюрпризом, если миграционный прирост из СНГ в 2015-2016 гг. на 80-95% будет состоять из участников Программы. Тем более что среди предлагаемых им «территорий вселения» остались привлекательные территории – локальные миграционные реципиенты России, без всяких Программ активно принимавшие весь постсоветский период иммигрантов из-за рубежа (например, Калининградская, Калужская, Воронежская, Липецкая, Нижегородская области). Так что одной Программой столь высокий миграционный прирост населения в предстоящем десятилетии не удержать.

Какие еще есть резервы для поддержания высокого миграционного прироста населения РФ в 2016-2025 гг.? Эти резервы условно можно разделить на наличные и зарубежные. Первые находятся уже в России, вторые – прежде всего, на постсоветском пространстве.

Попытаемся оценить вначале наличные резервы. По нашей оценке на основе последних данных ФМС РФ (на 27.08.2015) иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации 9 месяцев и более было

около 5 млн. человек, в том числе треть женщин и 2/3 – мужчин.⁵³ Это почти половина от среднегодовой численности находящихся на территории РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, и примерно 2/3 от всех поставленных на миграционный учет. Какая их часть включена в постоянное население России – известно лишь одним Росстату и ФМС. Но, судя по динамике, весь «учетный» резерв еще не исчерпан.

Порядка 0,4 млн. человек было добавлено к миграционному приросту населения РФ в 2007-2010 гг. за счет иностранных граждан и лиц без гражданства, впервые получивших разрешение на временное проживание. По переписи населения 2010 года страна получила еще около одного млн. человек «иммиграционного происхождения». Помимо них было учтено 0,5 млн. лиц, временно (до года) находившихся на территории Российской Федерации, но постоянно проживающих за рубежом (повторимся, с 2011 года такие иммигранты, находящиеся на территории РФ более 9 месяцев, становятся её постоянными жителями). Миграционный прирост РФ в 2011-2014 гг. составил 1,2 млн. человек, но 0,5 млн. человек за этот период стало гражданами России. Итого за 2007-2014 гг. к постоянному населению России могли добавить помимо текущего миграционного прироста за счет граждан страны и тех, кто получил вид на жительство (раздельную статистику по разрешениям на временное проживание и видам на жительство ФМС начал предоставлять лишь в 2015 году) «учетным» путем порядка двух млн. постоянных иммигрантов. Тогда резерв пополнения постоянного населения РФ, находившийся на ее территории в августе 2015 г., можно оценить в три млн. человек. Это те из пяти млн. иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации не менее 9 месяцев, кого еще не учли как постоянных жителей РФ. Это, так сказать, «оперативный резерв». Помимо них 5-6 млн. иммигрантов находились на конец августа 2015 г. в РФ менее 9 месяцев, но часть из них скоро пройдет этот временной барьер и также окажется в «оперативном резерве». Очевидно, что эта совокупность иммигрантов складывается из двух потоков, прибытий и убытий, и постоянно частично обновляется под воздействием рыночных законов отбора. Но их баланс достаточно устойчиво и с учетом сезонности поддерживается, немного убывая во времена стагнаций и возрастая после выходов страны из кризиса.

На момент проведения очередной переписи населения в 2020 году Росстат вновь может уточнить текущий учет постоянного населения в большую сторону, образно выражаясь, «зачерпнув в «оперативный резерв»». Либо в 2016 году этот наличный резерв с помощью нового «учетного» приема начнут добавлять к миграционному приросту населения страны, обеспечивая с запасом обещанные «300 тыс. человек ежегодно».

Что касается зарубежных резервов представителей титульных народов России и восточных славян, а точнее, зарубежной среды происхождения этой миграции в РФ, то её оценка была совсем недавно осуществлена на начало

⁵³ Все расчеты в тексте сделаны по официальной статистике, сайты: ФМС РФ, URL: <http://www.fms.gov.ru/>, Росстат, URL: <http://www.gks.ru/>.

2014 года [3]. Кратко она сводится к следующему. В семи тесно миграционно связанных с Россией странах СНГ и Юго-Восточной части Украины русских, представителей других коренных национальностей России, белорусов и русскоговорящих украинцев на начало 2014 года проживало порядка 24 млн. человек. Остальной (не титульный для России) иммиграционный потенциал населения России из этих стран сосредоточен в их титульном населении. Его на начало 2015 г. было около 50 млн. человек.

Список литературы и источников

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351)
2. URL: <http://оформись.рф/>
3. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук Судоплатовой В.С. на тему «Компоненты и потенциал демографической динамики современной России и её регионов», М., ФГБУН ИСЭПН РАН, 2015.,с.23.

Раздел 5

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Азимов А. Дж.
(Худжанд, Таджикистан)

Азимова З. А.
(Худжанд, Таджикистан)

Таджибаева М.Н.
(Худжанд, Таджикистан)

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ДИНАМИКА МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА

В Республике Таджикистан, как и в других странах СНГ, в настоящее время наиболее актуальной является проблема трудовой миграции и занятость населения. Таджикистан традиционно считается трудоизбыточной страной. Это обусловлено высоким уровнем рождаемости. С 2000 по 2013 гг. население Республики Таджикистан увеличилось на 2034,1 тыс. чел. т.е. с 6127,0 до 8161,1 тыс. человек¹.

Социальная ситуация в Таджикистане является классическим примером социальной напряженности в условиях перенаселенности и переизбытка трудовых ресурсов, в первую очередь в сельском местностях. Одной из наиболее важных проблем, характеризующих социальную ситуацию в Таджикистане, является безработица. Она связана резким снижением занятости в государственном секторе и медленным развитием частного сектора, остановкой производств, углублением диспропорции между увеличивающимся объемом рабочей силы и потребностью в ней.

¹ Источники: Таджикистан: 20 лет государственной независимости. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан – Душанбе, 2011 г.- С. 37. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан – Душанбе, 2014 г.- С. 25.

Согласно закону Оукена, если фактический уровень безработицы превышает естественный уровень на 1%, то потери ВВП составляют 2,5%. Применение закона Оукена относительно воздействия экономического роста на безработицу представляется проблематичным. Это связано с двумя причинами: во-первых, не имеются достаточные статистические данные об уровне безработицы в Таджикистане, во-вторых, вопрос об определении естественного уровня безработицы в нынешних условиях Таджикистана представляется трудной проблемой. Поэтому можно подсчитать влияние безработицы на потери ВВП с определенной долей условности. В 2013 г. количество занятых в экономике республики составляет 2,3 млн. чел. при общей численности трудовых ресурсов 4,8 млн. чел. Из них 500 тыс. чел. являются учащиеся, а примерно 300 тыс. чел. не хотят и не имеют желания работать. Остается 4 млн. чел. Если естественный уровень безработицы равен 6 %, то остаются фактические трудовые ресурсы в объеме 3 млн. 760 тыс. чел. Если прибавить к численности занятых в экономике республики мигрантов в объеме 1 млн. чел. то получается 3,3 млн. чел. Остается общее количество безработных 460 тыс. чел., что составляет 12 % занятых в народном хозяйстве и миграционном секторе экономики РТ. Это 30 % ВВП республики ($12\% \times 2,5\%$) или 2,4 млрд. долл. потери этого показателя.

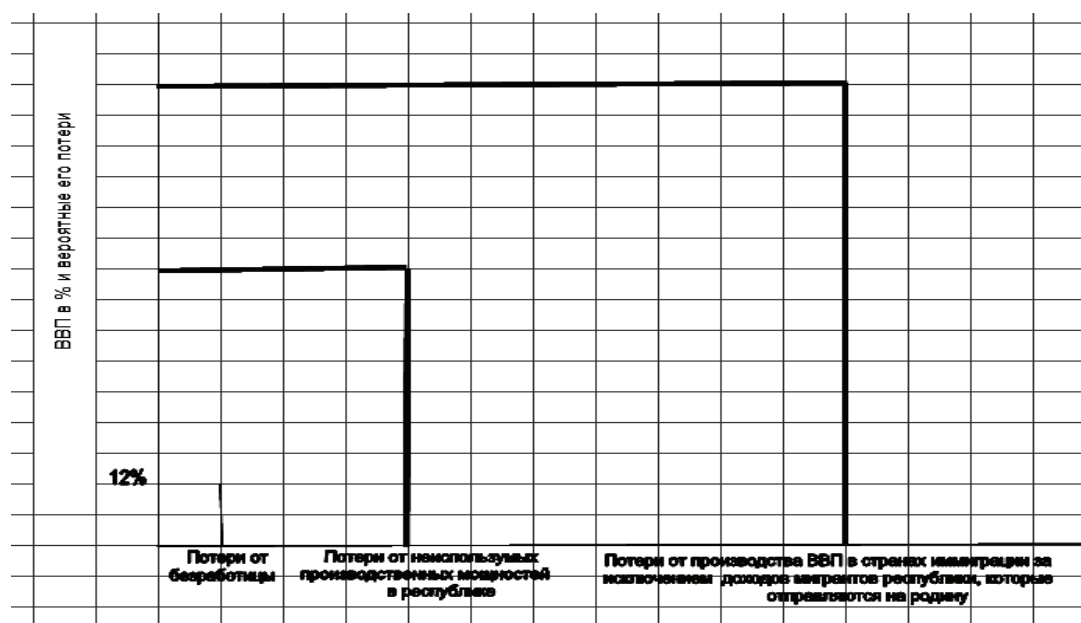


Рис. 1. Потери ВВП республики от безработицы, неиспользуемых производственных мощностей и производства продукции в странах иммиграции.

Рисунок 1 показывает, что потери ВВП республики весьма значительны в связи с неиспользуемыми производственными мощностями в экономике республики и объемом производства ВВП в странах иммиграции. Выбор поля трудовой деятельности в странах въезда, отвлекает рабочую силу страны от использования простаивающих производственных мощностей. Эта рабочая сила в этих государствах создает больше ВВП, чем в стране эмиграции. Эти потери не восполняются доходами мигрантов и их направлением в рес-

публику. В итоге проигрыш будет больше, чем выигрыш. Математически это можно выразить следующим образом:

$$П^o = ПБ + ПНПМ + ВВПМС$$

Где $П^o$ - общие потери от миграции.

Общие потери меньше, чем доходы мигрантов посылаемых в Республику Таджикистан:

$$ПБ+ПНПМ+ВВПМС > ДПМРТ$$

Где:

ПБ – потери от безработицы в РТ.

ПНПМ – потери от неиспользуемых производственных мощностей в РТ.

ВВПМС – потери ВВП от удельного веса созданного этого показателя в стране иммиграции.

ДПМРТ – денежные переводы мигрантов в Республику Таджикистан.

Поясним одну неточность, которая имеется в наших рассуждениях. Регион можно считать трудоизбыточным в том случае, если производственные мощности используются в соответствии с мировыми стандартами, который определяет их величину на уровне 80%. А поскольку эти мощности в нашей экономике используются примерно на 30%, то остальные 50% мощностей считаются потерей. Рабочая сила, не использующая эти мощности в своей стране, а работающая в другой стране в качестве мигрантов, также считается потерей для республики. Если сверх этого остается рабочая сила, то она является избыточной.

Представляет интерес динамика соотношения темпов роста занятости и ВВП, которая представлена в нижеследующей таблице 1:

Таблица 1.

**Соотношение динамики ВВП и роста занятости
в Республики Таджикистан, % ⁽²⁾**

Годы	Рост ВВП	Рост занятости
2003	11,0	1,5
2005	6,7	1,0
2007	7,8	0,6
2008	7,9	0,8

² **Расчеты авторов на основе:** Таджикистан: 20 лет государственной независимости. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан – Душанбе, 2011г.- С. 149, 357. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан – Душанбе, 2014г.- С. 83, 196.

Годы	Рост ВВП	Рост занятости
2009	3,9	2,3
2010	6,5	0,6
2011	7,4	0,7
2012	7,5	1,8
2013	7,4	0,6

Как видно из таблицы 1, несмотря на низкие темпы роста занятости в стране достигнуты относительно высокие темпы экономического роста. Графический анализ (рис. 2) показывает, что тренды роста ВВП и динамика роста занятости не соответствуют друг другу. Динамика их роста часто противоречить друг другу. Отрезки на этих двух кривых с 2007 г. по 2011г. являются противоположными друг другу. Это означает, что детерминантом роста занятости не является рост ВВП. А что касается роста занятости в 2009 г., то он объясняется реэмиграцией мигрантов и их работой в экономике Республики Таджикистан. Этот вывод приводит к тому общему заключению о том, что рост занятости в республике тесно не связано с ростом ВВП республики. Фонд накопления ВВП республики не имеет тесной связи с ростом занятости в республике. Этот фонд лишь частично направляется на увеличение количества рабочих мест в экономике Республики Таджикистан. Кроме того, надо учесть, что спрос на труд в республике превалирует над предложением в тех отраслях, где установлены низкие заработные платы, уровень которых ниже прожиточного минимума, и они отталкивают рабочую силу от этих рабочих мест. В этих случаях, работники мигрируют в страны ближнего зарубежья, где уровень заработной платы значительно выше. Имеется и другая альтернатива, которая в том, что работники занимаются неформальным трудом.

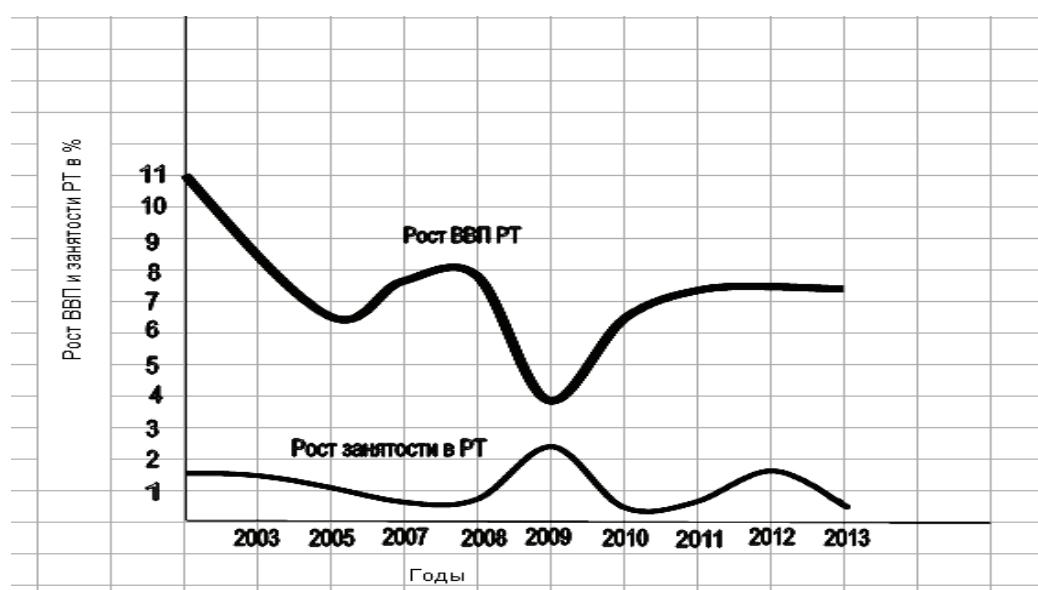


Рис. 2. Соотношение роста ВВП и роста занятости в Республике Таджикистан.

Факторами, влияющими на темпы экономического роста и сокращение миграционных процессов в Республике Таджикистан можно считать следующие:

- легализация неформальной экономики, масштабы которой для Таджикистана разные эксперты оценивают от 25 до 75%.
- повышение уровня энергообеспеченности реального сектора экономики, в особенности, промышленности;
- ожидаемый приток прямых иностранных инвестиций;
- снижение процентной ставки и повышения доступа к долгосрочным кредитам.
- устранение коррупции и быстрые темпы роста объемов внутренних накоплений;
- расширение масштабов инновационного развития;
- корректировка экономических реформ.

Назрела необходимость создания эффективного механизма управления этими сложным миграционным процессом, который включает в себя разработку государственной миграционной политики, совершенствование правового обеспечения миграционных процессов.

Список литературы и источников:

1. Таджикистан: 20 лет государственной независимости. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан – Душанбе, 2011.
2. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан – Душанбе, 2014.
3. Демографический ежегодник Республики Таджикистан Душанбе. Агентства по статистике при президенте Республики Таджикистан, 2013.
4. Азимов А.Дж. Взаимодействие рынков труда Таджикистана и России в условиях трансформации демографических процессов// Вестник ТГУПБП. – № 1, 2014.
5. Азимов А.Дж. Особенности миграционного поведения городского и сельского населения Таджикистана// Вестник Таджикского национального университета. Серия экономических наук. – № 2/10, 2014.
6. Азимов А.Дж. Трансформация миграционного поведения и процессов в трудоизбыточной стране, Душанбе: «Ирфон», 2014.
7. Азимов А.Дж. Социально-экономическая ситуация в Таджикистане как фактор миграционного поведения// Сегодня и завтра российской экономики. – № 66, 2014.
8. Азимов А.Дж. Некоторые пути совершенствования регулирования процессов миграции в Таджикистане// Вестник ТГУПБП. – №1, 2015.
9. Азимов А.Д. Региональные особенности рынка труда Таджикистана в миграционном процессе. Социально-экономическое развитие стран СНГ в контексте интеграции национальных экономик. –Душанбе: Ирфон, 2014.
10. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа. –М.: Экон-Информ, 2008.
11. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в России и странах СНГ: тенденции и управление. –М.: Экон-Информ, 2009.

Ахметова Б.З.
(Костанай, Казахстан)
Карабулатова И.С.
(Москва, Россия)

ХАРАКТЕР ЭТНИЧЕСКОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ У ПОТОМКОВ РУССКИХ КАЗАКОВ БЫВШЕЙ ГОРЬКОЙ ЛИНИИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Известно, Сибирь, к которой ранее относился и современный Северный Казахстан, первоначально заселялась русскими поселенцами из северных уездов европейской части Московской Руси – из Новгородской, Архангельской, Вологодской, Вятской губернии, из Перми Великой. Сибирские воеводы посылали в северные губернии специальных агентов – «садчиков» и «слободчиков», которые созывали охотников переселяться на новые места, обещая льготы и пособия – «кликали клич», в Сибирь «кликали гулящих и вольных людей, крестьян добрых и семьянистых и не беглых [Карабулатова, 2008: 28].

Несомненно, что старожильческое население сельской местности бывшей Горькой Линии неоднородно по своему происхождению. Сегодня на севере исследуемого региона сохранился аутентичный небольшой островок потомков казаков – представителей Сибирского Казачьего Войска, которые были первыми поселенцами в этих местах и построили в XVIII веке линию укреплений между Оренбургской и Омской областями, названной позже Горькой линией. В 1752 году началось строительство укреплений, которое было закончено в основном в 1755 г. Линия получила название Новоишимской, или Новой (официально), и Пресногорьковской (в быту) [Ахметова и др., 2013]. Уже в 1752 г. более 1000 крестьян Тобольского, Ишимского и Краснослободского дистриктов изъявили желание переселиться в примыкающий к укрепленной линии район.

Широкое переселение началось после завершения строительства, т.е. после 1755 г., хотя вольную крестьянскую колонизацию нового района тормозило то обстоятельство, что на переселение необходимо было получить разрешение, выдаваемое только с уплатой недоимок на старом месте Ахметова и др., 2013: 55]. Начало строительства укреплений Горькой линии, связанное с колонизацией юго – восточных земель окраины России, относится к 1752 году. Свое название эта линия получила из – за географического положения, так как располагалась вдоль горько – соленых озер [Карабулатова, 2002].

Материал исследования, в соответствии с поставленными задачами, носит гетерогенный характер, сочетающий как архивные материалы, так и записи современной речи. Всего собрано свыше двадцати пяти тысяч речевых отрезков живой спонтанной речи в российско-казахстанском приграничье, характеризующих речь носителей региона, извлечено из исследований

других авторов порядка четырех с половиной тысяч примеров взаимодействия языков, проведено три эксперимента, в которых участвовало более двухсот человек.

Русское население, оседаая по низовьям Тобола, соленых озер, пришло в весьма тесное соприкосновение с казахами – хозяйственное и культурное. Пограничные отношения между Россией и Казахстаном способствуют эволюции функционирования языков, находящей свое отражение в развитии евразийской языковой личности, реализующейся в векторе от тюркской языковой личности к тюркской русскоязычной языковой личности, от русской языковой личности до русской тюркскоязычной языковой личности в пространстве двусторонних отношений [Гультяев, Койше, Карабулатова, 2013; Карабулатова, Койше, Гультяев, 2013; Карабулатова, 2014], способствуя гармонизации межэтнических отношений в зоне российско-казахстанского приграничья [Karabulatova, 2013: 793].

В результате социолингвистических экспедиций собран уникальный материал по сохранности русского языка и культуры в населенных пунктах бывшей Горькой линии на территории нынешней Костанайской области. В результате выявлена динамика сохранности специфических реликтовых диалектных форм русского языка, которые постепенно вытесняются литературным русским языком [Karabulatova, Sayfulina, Ahmetova, 2013: 139]. Иными словами, для русских Северного Казахстана язык является мощной этноконсолидирующей силой, определяющей витальность русского этноса в иноэтническом окружении [Рязанцев, 2014].

Так, диалектные черты чистых материнских (орловских) говоров сохранены в речи старожилов деревень Курское (10 чел.), Грачевка (9 чел.) Федоровского района; Гренадерка (12чел.), Пресногорьковка (9 чел.), Сибирка (11 чел) Узункольского района; Белоглинка (15 чел.), Дальнее (10 чел.) Карабалыкского района. Следует отметить, что села Сибирка, Песчанка, Пресногорьковка, Есенколь, Кособа, Лесное значительно отдалены от областного и районного центров. Расстояние от Пресногорьковки до села Узунколь – районного центра – 74 км., до города Костаная – 239 км., от д.Есенколь до села Карабалык (районный центр) – 83 км., до г.Костаная – 200 км. Расстояния между этими селами невелико. Так, от Пресногорьковки до Песчанки приблизительно 18 км., от Песчанки до Сибирки – 5 км., от Есенколь до Кособы – 16 км., от Кособы до Лесного – 4 км. [Karabulatova, Sayfulina, Ahmetova, 2013: 138]. Жители этих населенных пунктов постоянно общаются между собой, многие находятся в родственных отношениях, поэтому при условии непрекращающихся контактов говор сохраняется как единство со всеми общими элементами языковой системы, а русская культура обеспечивает витальность этносу.

В условиях бывшей Горькой линии Северного Казахстана сформировалась среда, вырабатывающая удовлетворенность своей национальностью и гордость за принадлежность к своему народу в условиях смешанной этнической славяно-тюркской среды [Карабулатова, 2013: 343-344]. Данный вывод подтверждается ответами респондентов региона.

**Удовлетворенность своей национальной принадлежностью
(в % к общему числу респондентов)**

Ответ	Представители этносов		
	Русские	Татары	Казахи
Удовлетворен	55,1	77,7	79,4
Не удовлетворен	3,8	1,7	5,7
Трудно сказать	24,4	7,1	12,0
Не придаю значения	16,7	13,5	2,9

Детальный анализ ответов респондентов, проживающих в населенных пунктах бывшей Горькой линии на территории Северного Казахстана, в зависимости от полученного образования, возраста, пола и заключенного брака позволил нам выявить следующие тенденции:

1) более образованные респонденты чаще выражают удовлетворенность своей национальностью, чем респонденты, получившие начальное или неполное среднее образование;

2) неудовлетворенность своей национальной принадлежностью чаще высказывают респонденты, получившие неполное среднее и среднее образование и респонденты возрастной категории до 20 лет;

3) респонденты, состоящие в однонациональном браке, чаще выражают удовлетворенность своей национальностью, чем респонденты, состоящие в межэтнических браках;

4) мужчины чаще женщин высказывают удовлетворенность своей национальной принадлежностью.

**Удовлетворенность своей национальностью
по гендерной принадлежности (в % к общему числу респондентов)**

Ответ	Пол	
	Мужской	Женский
Удовлетворен	81,8	75,0
Не удовлетворен	4,1	15,0
Трудно сказать	10,7	5,0
Не придаю значения	3,3	5,0

По данным нашего авторского исследования, обнаружено превышение доли лиц, отдающих предпочтение этническим критериям идентификации над этнокультурными и психологическими.

**Критерии определения своей национальности
(в % к общему числу опрошенных)**

Критерии	Представители этносов		
	русские	татары	казахи
Желание самого человека	25,3	36,8	24,4
Родному язык	21,0	22,5	14,0
Национальность отца	23,1	25,9	51,2
Национальность матери	14,0	8,6	4,1
Гражданство	9,7	5,4	4,1
Анкетные данные	7,0	0,8	2,3

Мы видим две тенденции в поведении русского населения бывшей Горькой линии, которые определяются исследователями: а) нациостремительные и б) нациоцентрические [Карабулатова, Шаймерденова, Авакова, Ниязова, 2009: 237]. В результате либо происходит замыкание на себе и/или близкородственной культуре (украинцы, белорусы т.д.), либо «размыкание» этнических границ с последующей трансформацией русской языковой личности.

Исследования разных культурных общностей через сравнение их образов мира особенно актуальны в настоящее время, когда расширяющиеся межэтнические контакты обнажают различия в сопоставляемых культурах [Karabulatova, 2013; 2014; Карабулатова и др., 2013; Карабулатова и др., 2014; Ломакина, 2011; Мокиенко, Мелерович, 2006; Осипов, 2002; Ryazantsev et al, 2014]. В процессе эволюции территории происходит не механическое перемещение этносов, а сложные процессы этногенеза народов-контактеров, которые подразумевают совокупное формирование этносов с учетом заимствования отдельных элементов материально-духовной культуры и языка соответственно, что находит свое непосредственное отражение, прежде всего, в региональной ономастике [Karabulatova 2013: 793]. Постсоветская реальность вынудила многих на ассимилятивные процессы [Svargaman, 2011, интернет-источник; Карабулатова, Койше, 2013: 74], либо на миграцию в Россию [Karabulatova, Polivara 2013; Karabulatova, Akhmetova, 2015]. Однако некоторые исследователи считают, что исход русских из Казахстана негативно повлиять на будущее Казахстана [Гладилин, 2011]. И.Герасимов отмечает, что существующая проблема интенсивной миграции в Россию из Средней Азии создает социальную и национальную напряжённость в крупных российских городах, а проблема размывания русского культурного пространства превращается во всё большую долгосрочную угрозу для России и обесценивает многовековые усилия российского государства по вовлечению в свою орбиту всё новых и новых стран и народов [Герасимов 2011]. На наш взгляд, эти проблемы являются двумя сторонами одной медали и, соответственно, требуют взаимоувязанного решения. В результате мы можем сопоставить старые и новые тренды миграционных процессов в постсоветский период в евразийском пространстве [Карабулатова, Рязанцев, Гришанова 2015: 5].

Сосуществование этих двух проблем как нельзя лучше иллюстрирует противоречивость положения современной России, которая политически не вполне контролирует Среднюю Азию, но, как и раньше, является центром притяжения мощных миграционных потоков из региона и, следовательно, сталкивается с последствиями той политики, которую проводят местные элиты [Svargaman, 2011]. Это обязывает российское руководство либо полностью отгородиться от всё более проблемного региона, либо снова взять на себя ответственность за его настоящее и будущее, вспомнив о том, что Средняя Азия является одним из краеугольных камней, составляющих фундамент российской мировой державы. Радикальные изменения в жизни народа, кризисные ситуации, связанные с необходимостью адаптироваться к новым условиям, активизировали защитные механизмы – культурные архетипы (константы) этнической общности, опора на которые помогает преодолеть кризис самоопределения.

Список литературы и источников:

1. Ахметова Б.З., Жумагулова Н.С., Карабулатова И.С., Койше К.К., Поливарова З.В. Языковая личность в трансформирующемся обществе (на примере билингвов в полиэтническом окружении). – Тюмень: ВекторБук, 2013. – 191 с.
2. Герасимов И. Будущее русской культуры в Средней Азии. <http://www.gumilev-center.ru/budushhee-russkojj-kultury-v-srednejj-azii/>, от 21.11.2011, дата обращения 29.03.2015.
3. Гладили И. Русские, очнитесь! Нельзя уходить из Средней Азии. Интернет-ресурс, <http://www.km.ru/bsssr/2011/08/23/geopoliticheskaya-strategiya-respublik-byvshego-sssr/russkie-ochnites-nelzya-ukhodi>, от 28.08.2011 (дата обращения 29.03.2015).
4. Гультияев В.Н., Койше К.К., Карабулатова И.С. О проблемах формирования полилингвоментальной евразийской языковой личности в российско-казахстанском пограничье: языковые, социальные и экономические факторы // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – М. – 2013. – №1-2. – С.160-171.
5. Карабулатова И.С. Русская топонимия в этнопсихолингвистическом аспекте. Диссертация на соиск.уч.ст.д-ра филол.н. – Тверь: ТвГУ, 2002 – 501 с.
6. Карабулатова И.С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании современных носителей русского языка. – Тюмень: Печатник, 2008. – 254 с.
7. Карабулатова И.С., Шаймерденова Н.Ж., Авакова Р.А., Ниязова Г.М. Этнолингвистика евразийского континуума: теория и практика. М.: РУДН, 2009. – 376 с.
8. Карабулатова И.С. Евразийская языковая личность: характер взаимодействия славянских и тюркских языков в коммуникативном пространстве российско-казахстанского приграничья // Человек и язык в коммуникативном пространстве. – Сб.науч.ст. Красноярск: СФУ, 2013. Т.4. №4. С.343-348.
9. Карабулатова И.С., Койше К.К., Гультияев В.Н. Вариативность современной евразийской русскоязычной языковой личности: тюркская русскоязычная языковая личность на территории российско-казахстанского приграничья // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел. – 2013. – № 2 (31). – С. 148-151.

10. Карабулатова И.С., Койше К.К. Трансформации современной евразийской языковой личности российско-казахстанского приграничья// Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово. – 2013. – №22-2. – С. 10-18.

11. Karabulatova I.S. The Problems of Linguistic Modeling of New Eurasian Linguistic Personality in Multilingualistic and Mental Environment (By Example of Onomasphe). In the: Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 791-795, 2013.ISSN 1990-9233.© IDOSI Publications, 2013.DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12262

12. Karabulatova I.S., Sayfulina F.S., Ahmetova B.Z., Ethno-linguistic aspect of the functioning of the modern Russian dialects in northern Kazakhstan (for example Kostanai region). In the: World Applied Sciences Journal Issue 27 (Education, law, economics, language and communication): 137-140, 2013. ISSN 1818-4952 .© IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/ idosi.mejsr.2013.27.elelc28. [http://www.idosi.org/wasj/wasj27\(elelc\)13/28.pdf](http://www.idosi.org/wasj/wasj27(elelc)13/28.pdf).

13. Karabulatova I.S. and B.Z.Akhmetova. Characteristics of Social-Cultural Vitality of Modern Russian Settlements of the Former Gorky Line of Kazakhstan. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S4, May 2015. – pp.201-206. <http://www.mcses.org/journal/index.php/mjss/article/view/6730/6444>

14. Карабулатова И.С. Специфика русскоязычной языковой личности в условиях российско-казахстанского приграничья // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, 2014, №3. – С.115-116.

15. Карабулатова И.С., Рязанцев С.В., Гришанова А.Г. Миграционные мосты в Евразии: старые и новые тренды // Миграционное право, М., 2015, № 1. – с.5-8.

16. Ломакина О.В. Фразеологизмы и пословицы как смысловые доминанты художественного текста (на материале произведений Л.Н.Толстого) // Вопросы филологии, М., 2011, № 38. – С.67-72.

17. Мокиенко В.М., Мелерович А.М. Семантизация межъязыковых фразеологических коррелятов и языковая картина мира// Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (Лингвистический и лингводидактический аспекты). Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г. – М.: 000 «Издательство «Элпис», 2006. – С. 21-29.

18. Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА · М), 2002. – 656 с.

19. Рязанцев С.В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социс, 2014, №9. – С.25-29.

20. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S. & Charif Y.Akramov. Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia // Asian Social Science. Vol 10, No.20, 2014, pp: 174-183. ISSN 1911-2017; E-ISSN 1911-2025. Published by Canadian Center of Science and Education. Received: June 22, 2014 Accepted: July 15, 2014 Online Published: September 24, 2014. doi:10.5539/ass.v10n20p1.

<http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40806/22527>

21. Svargaman, 2011. Русские в Средней Азии. Интернет-источник, 21.12.2011. <http://voprosik.net/russkie-v-srednej-azii/>, дата обращения 29.03.2015.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

(Исследование проведено при поддержке
гранта РГНФ № № 13-32-01305-а2)

Введение

На сегодняшний день региональная интеграция является столь же неотъемлемой частью современных международных процессов как глобализация и интернационализация. В XXI веке уже сложно представить стабильно развивающуюся страну, не являющуюся при этом постоянным членом одной из международных интеграционных объединений и не имеющую устойчивых политических и социально-экономических связей с другими странами. В то же время достаточно дискуссионным остается вопрос – что же такое региональная интеграция и какие цели она преследует? По мнению ведущих российских ученых исследующих интеграционные процессы – *«региональная интеграция представляет собой модель сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира»* (Буторина, 2011, с. 18). В этой связи трудно переоценить роль демографических факторов, остающихся одними из наиболее ценных и конкурентных ресурсов в мировой экономике. На наш взгляд, именно численность и качество трудовых ресурсов в значительной степени определяет ключевое место страны и интеграционного объединения в современном глобальном мире. Поскольку важнейшей целью большинства современных интеграционных группировок является создание общего рынка, предполагающего достижения условий для свободного перемещения товаров, услуг, физических лиц и капиталов необходимо отдельно сказать и о значимости миграционной мобильности и международных миграционных связей. Миграция населения выступает одновременно как в качестве «связующего элемента», так и индикатора глубины интеграционных процессов, ведь объем и результативность миграционных связей между странами может свидетельствовать не только о наличии взаимовыгодной экономической основы, но и о длительных историко-культурных связях отдельных государств.

По мнению одного из крупнейших ученых в области интеграции и создателя теории коммуникации *Карла Дойча* – международная интеграция представляет собой процесс, основанный на укреплении солидарности, культурных связей и взаимного доверия между народами сближающихся государств. В этом отношении именно миграция населения является одним из ключевых аспектов культурной интеграции сопредельных стран и регионов мира.

В нашем примере большой интерес представляют исследования взаимосвязи интеграционных процессов именно с миграцией населения, поскольку

масштабы временной и постоянной миграции населения могут являться весомым индикатором глубины интеграции и социально-экономических взаимоотношений между государствами. В качестве одного из примеров взаимосвязи региональной интеграции и миграционных процессов был рассмотрен Европейский Союз – наиболее успешный и динамично развивающийся интеграционный проект в новейшей истории.

Данная проблематика получает особую актуальность в свете недавнего создания Евразийского экономического союза и стремления России придать этому интеграционному объединению стремительные темпы экономического развития.

В этой связи статья посвящена исследованию динамики и тенденций миграционных связей между странами Европейского союза в историческом аспекте, а также рассмотрению демографических факторов интеграционных процессов. В работе миграция между странами ЕС исследуется в тесной связи с процессами углубления европейской интеграции и создании единого внутреннего рынка, таможенного и экономического союза. Первой и основной гипотезой работы является предположение о том, что с историческим развитием и становлением Европейского союза существенно изменились масштабы, тенденции и результативность миграционного обмена между основными странами ЕС.

Демографические факторы интенсификации региональной интеграции

Последнее время многими экспертами и аналитиками (Вассерман, 2012; Хазин, 2013; Медведчук, 2013) высказывается гипотеза в соответствии с которой для создания конкурентоспособной экономики и достижения окупаемости научных разработок необходимо наличие рынка сбыта численностью минимум 250-300 млн человек. В этой связи численность населения скорее выступает важнейшим ресурсом, с одной стороны обеспечивающим интеграционные группировки необходимыми трудовыми ресурсами, с другой достаточной численностью потенциальных потребителей продукции на рынках сбыта. В тоже время численность населения определяет и политический статус государств, входящих в интеграционные объединения. Например, в Европейском союзе до 1 ноября 2014 года долго и успешно действовал принцип двойного большинства, применяемый во время голосования в Совете ЕС. В соответствии с этим правилом число голосов в Совете было распределено между государствами пропорционально численности их населения (от 29 голосов для многонаселенных стран до 3 у малонаселенных). Кроме того, каждое государство могло потребовать подтверждение – приходится ли на страны, принявшие решение не менее 62 % общего населения ЕС? Если нет, то решение в Совете не может быть принято.

Как можно увидеть из таблицы (Таблица 1) большинство крупнейших интеграционных объединений за исключением недавно созданного Евразийского экономического союза в среднем располагает численностью населения в размере 450 млн. человек, что подтверждает вышеприведенный тезис о

стремлении к формированию объемного рынка потребителей и трудовых ресурсов. В целом на 6 основных интеграционных объединения приходится практически 2,5 млрд. человек или 33% мирового населения.

Таблица 1.

**Социально-демографические показатели
основных международных интеграционных объединений**

Наименование	Численность населения (млн. человек)	Доля в мировом населении, в %	ВВП на душу населения (по ППС), в \$	Индекс развития человеческого потенциала (HDI)
Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)	620	8,6	\$ 5,930	0.669 (средний)
Европейский союз (ЕС)	507	7,0	\$ 35,849	0.876 (очень высокий)
Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА)	472,9	6,5	\$ 42,719	0.868 (очень высокий)
Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС)	334,9	4,6	\$ 3,888	0,443 (низкий)
Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР)	286	4,0	\$ 12,599	0.731 (высокий)
Евразийский экономический союз (ЕАЭС)	173,5	2,4	\$ 23,512	0,758 (высокий)

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Population Reference Bureau, the United Nations, International Monetary Fund

Конкурентная борьба за международные трудовые ресурсы, а также актуальность формирования общего рынка труда предопределяет необходимость постоянного демографического и территориального расширения международных интеграционных объединений для достижения их устойчивого социально-экономического развития. В этой связи стремление большинства интеграционных объединений к поиску ассоциированных членов и принятию новых стран видится абсолютно логичным, экономически оправданным решением.

Миграция населения как индикатор региональной интеграции

Как уже было сказано выше, на практике региональная интеграция направлена не только на содействие экономического и политического сближения стран, но и на создание условий для свободного перемещения капиталов, товаров, услуг и населения. Однако в условиях динамичного развития инте-

грационных процессов и образования новых межгосударственных группировок индикаторы и эффекты региональной интеграции по-прежнему остаются недостаточно изученными. Тогда же как вопрос о методах измерения и внедрения индикаторов интеграционных процессов по-прежнему является дискуссионным. Однако существует ряд методик, дающих начальные представления о возможностях измерения интеграционных процессов. Например, известным теоретиком измерения интеграции *Luk Van Langenhove* было предложено рассматривать индикаторы интеграции в рамках, следующих 6 измерений (*Assessment and Measurement of Regional Integration*, p. 48):

1) Политическое измерение (дипломатические отношения государств, расширение деятельности Министерств иностранных дел, развитие международного права, международные транзакции внутренних политических агентств и т.д.);

2) Экономическое измерение (международная торговля и прямые зарубежные инвестиции);

3) Культурное измерение (региональная идентичность и гражданское общество);

4) Измерение безопасности (соглашения о мире и безопасности, договоры о предотвращении природных катастроф);

5) Измерение кооперации (внешняя среда, сотрудничество в сфере поддержания правопорядка);

6) Измерение мобильности (транспорт, миграция, беженцы).

Таким образом шестое измерение интеграции рассматривает аспекты миграционной мобильности населения в качестве индикаторов глубины региональной интеграции, что позволяет исследовать взаимосвязи между развитием интеграционных процессов в Европе и динамикой миграционных тенденций в этом регионе.

История и эволюция миграционных тенденций в странах Европы

С начала эпохи Великих географических открытий Европа долгое время отличалась отрицательным миграционным сальдо и большим оттоком населения в другие страны. Только за период с 1815 по 1914 гг. общая эмиграция из Европы достигла 35-40 млн. человек. До Второй мировой войны Европа являлась постоянным поставщиком мигрантов для Америки, Австралии, Новой Зеландии и освоения собственных колоний. В то же время в западноевропейских странах существовала практика найма трудовых мигрантов из бывших колоний на самые непрестижные, низкооплачиваемые работы в метрополиях. Однако долгое время миграционный отток населения из Западной Европы в несколько раз превышал миграционный прирост.

С наступлением второй половины XX века векторы миграционных потоков в Европе стали кардинально меняться. Постепенно Европейские страны стали одними из главных центров притяжения иммигрантов, что было во многом обусловлено послевоенным экономическим подъемом и дефицитом трудовых ресурсов в странах Западной и Северной Европы.

После окончания Второй мировой войны Европа столкнулась с необходимостью тяжелого восстановления пошатнувшейся экономики, для чего требовался масштабный приток мигрантов из других стран. Однако, несмотря на сложившуюся ситуацию, большинство стран Европы смогли достичь положительного миграционного баланса лишь с конца 60-х годов. При этом страны Южной, Восточной и Северной Европы достигли нулевого миграционного сальдо значительно позже, чем страны Западной Европы (Рис. 1).

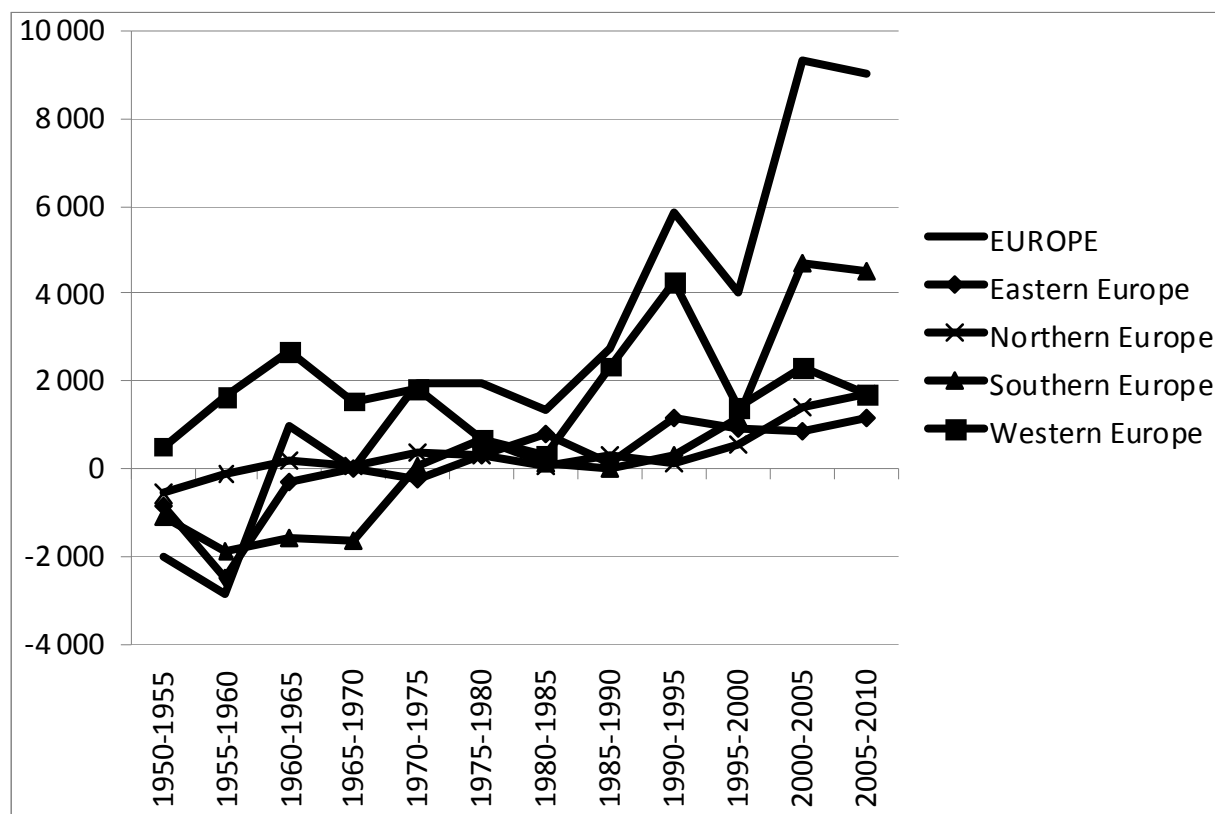


Рис. 1. Сальдо миграции в регионах Европы в 1950-2010 гг.

Источник: График построен на основе статистики United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision

Помимо этого, на положительную динамику сальдо миграции в Европе оказали влияния потоки, связанные с массовым вселением немцев и репатриации населения из бывших европейских колоний. Наиболее массовые перемещения населения в Европе были связаны с массовым возвращением немцев в Германию из других стран. В целом общее число репатриированных немцев в послевоенный период составило 11,7 млн. человек, из них примерно 7,4 млн. иммигрировали на территорию Западной Германии, около 4,3 млн. на территории Восточной Германии.

Кроме того, для стран Западной Европы была характерна тенденция массовой репатриации граждан из бывших колоний Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии, Германии. Например, из Алжира во Францию возвратилось около 1 млн. французов, из Индонезии в Нидерланды – 300 тыс. голланд-

цев. Тем не менее до середины 1950-х гг. Западная Европа по-прежнему характеризовалась отрицательным миграционным сальдо.

Определяющим фактором, оказавшим влияние на значительное повышение миграционного прироста в странах Европы, становится социально-экономическое благополучие, обусловленное высоким уровнем жизни в большинстве стран Европы, что способствовало интенсификации потоков иммиграции в данный регион. В результате этого, в 1950 году численность иностранных граждан в странах Западной Европы составила 5,1 млн. чел. (1,3% населения), в 1970 году она увеличилась до 10,2 млн. чел. (2,2%), а в 1980 – до 15 млн. чел. (3,1%) (Боженко, 2011). Таким образом, позитивные социально-экономические изменения и послевоенное восстановление европейских государств оказали определяющее влияние на существенное изменение миграционных тенденций и переходу к положительному сальдо миграционного обмена.

При рассмотрении факторов, повлиявших на достижение положительного сальдо миграции в странах ЕС нельзя не учитывать влияние интеграционных процессов и попыток создания единого внутреннего рынка и экономического союза на территории Европы. На примерах, указанных ранее мы убедились, что после вступления стран в ЕЭС и ЕС значительно менялась структура и масштабы их миграционного баланса. Однако остается неизученным вопрос о влиянии расширения европейской интеграции на результативность миграционных процессов в странах Европейского сообщества.

При более детальном изучении данного вопроса и рассмотрении последствий создания таможенного союза, единого внутреннего рынка, Европейского союза, Шенгенской зоны, экономического и валютного союза, а также вхождения в ЕС новых участников нами было выявлено ряд закономерностей подтверждающих первичную гипотезу. Так при анализе результативности миграционных процессов и их колебаний с 1960 по 2004 годы можно сказать, что расширение европейской интеграции положительно сказывалось на динамике миграционного баланса в странах ЕС-25, ЕС-15, Еврозоны и ЕЕА-28 (Рис. 2).

Как видно из графика процесс усиления интеграции и переход на новый этап интеграционного объединения (таможенный союз, внутренний рынок и т.д.) оказывал существенно влияние на повышение показателей миграционного баланса в странах Европейского союза. При этом миграционные процессы достаточно быстро реагировали на изменение внутренней ситуации в сообществе, «тайминг» реакции на расширение ЕС обычно не превышал 1-2 года.

Рассматривая конечные причины увеличения положительного сальдо миграции в странах ЕС можно говорить не только о постепенном повышении привлекательности стран Европы для международных мигрантов, но и об усилении миграционного взаимодействия стран в пределах Европы. С развитием и расширением европейской интеграции были не только переориентированы миграционные потоки в самой Европе, но и в связи с политикой сплочения и взаимной поддержки стабилизировались потоки эмиграции из Европы в США, Канаду, Израиль и другие страны.

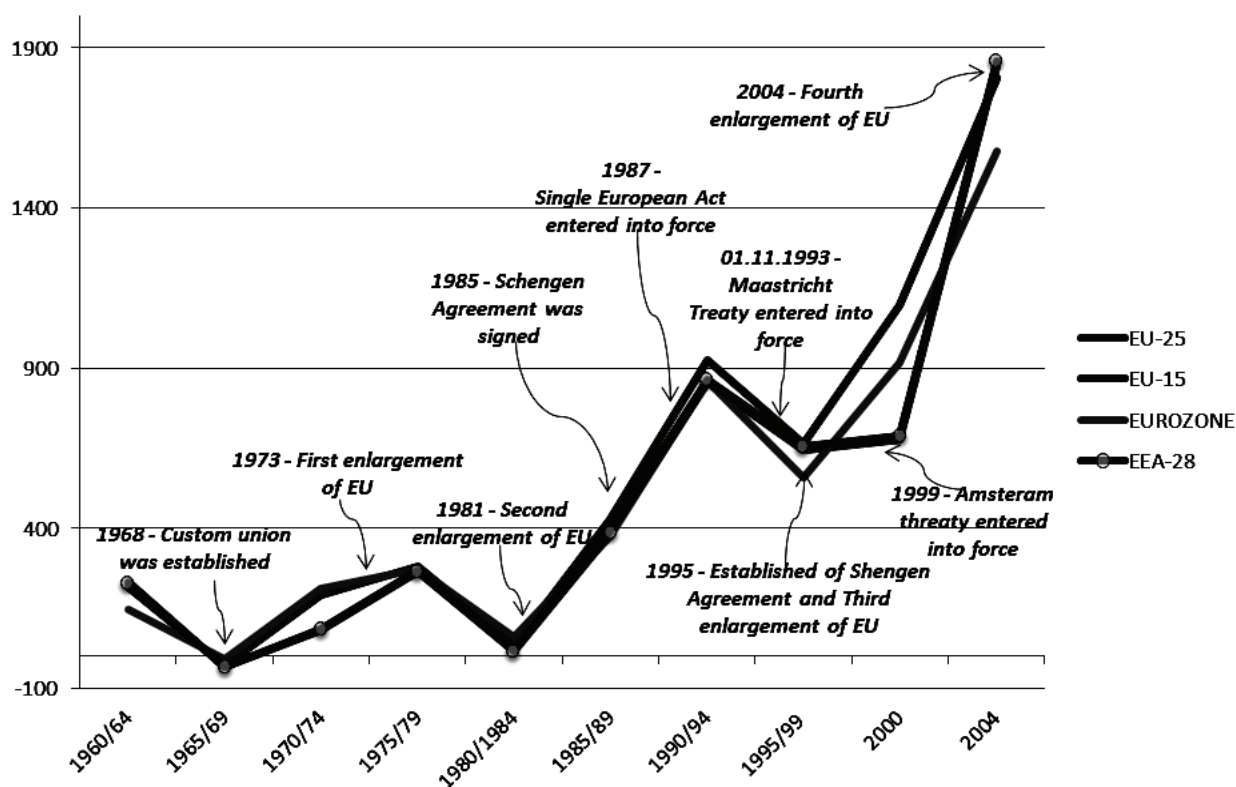


Рис. 2. Динамика сальдо международной миграции в странах, входящих в ЕС-15, ЕС-25, Еврозону и ЕЭЗ-28 в 1960-1999 гг. в контексте важнейших интеграционных событий ЕС

Источник: График построен на основе статистики The French National Institute for Demographic Studies (INED)

Следующим примером взаимосвязи миграции населения и интеграционных процессов можно считать Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана действующий с 1 Января 2010 года. После создания единой таможенной зоны и вступления в силу единого таможенного кодекса миграционный баланс России с Белоруссией в 2011 и 2012 году вырос на 279% и на 413% соответственно в сравнении с 2010 годом. В тот же период миграционный баланс России с Казахстаном увеличился на 47% и 78% по сравнению с 2010 годом.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило ранее выдвинутую гипотезу о наличии взаимосвязи между расширением Европейской интеграции и показателями миграционного оборота. Расширение европейской интеграции оказало положительное влияние на стабилизацию миграционного баланса в странах Европы и на сокращение эмиграции европейцев в другие регионы мира.

После вхождения новых стран в ЕС динамика и структура их миграционного оборота также существенно изменилась практически во всех вышеприведенных примерах. Страны, вошедшие в ЕС, повышали уровень миграционного обмена со странами, ранее входившими в ЕС, и понижали уровень миграционного взаимодействия с Азией, Африкой, Америкой и другими регионами.

Таким образом ряд таких демографических показателей как численность и качество населения, миграционная подвижность, миграционный оборот и сальдо миграции не только оказывают значительное влияние на интенсивность развития интеграционных процессов, но и позволяют оценить глубину интеграционных связей между странами.

Список литературы и источников

1. Боженко В.В. Демографический фактор расширения Европейского Союза. – М.: Экон-информ, 2011. – 151 с.
2. Европейская интеграция. Учебник /под ред. О.В. Буториной. – М.: «Деловая литература», 2011. – 720 с.
3. Рязанцев С. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Кн. изд-во, 2001. 542 с.
4. Assessment and Measurement of Regional Integration. Edited by Philippe De Lombaerde. Published by Routledge 270 Madison Ave, New York, NY 10016 – 260p.
5. Eurostat – <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/>
6. The French National Institute for Demographic Studies (INED) – www.ined.fr
7. United Nations Population Division – <http://www.un.org/esa/population/>
Demographic Yearbook 1954
Demographic Yearbook 1977
European social statistics: Migration 2002
European social statistics: Migration 2003
8. United Nations, DESA – Population Division, Migration Section – www.unmigration.org
9. <http://www.aif.ua/politic/ukraine/999168>
10. <http://www.odnako.org/blogs/likbez-teoriya-krizisa-v-tezisah/>
11. <http://www.nakanune.ru/articles/16186/>

Бражников А.Г.
(Москва, Россия)

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ И ПОСТОЯННОЙ МИГРАЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Несмотря на то, что правительство Великобритании принимает целый комплекс мер по сокращению миграционного прироста, страна остается весьма открытой для бизнеса. Правительством созданы все возможности для инвестирования и открытия стартапов, а существующим компаниям позволено нанимать работников из-за пределов ЕС, чтобы заполнить пробелы в рабочей силе. Кроме того, в Великобритании не установлены количественные ограничения на выдачу бизнес-виз. Лимит существует только для выдачи разреше-

ний на работу, но он настолько высок (20 700), что за 2014-ый год число выданных разрешений не превысило две трети этого показателя.

Правительство разработало ряд категорий виз, чтобы привлечь в Великобританию ценных сотрудников и талантливых людей. Далее более подробно их рассмотрим.

Виза для деятелей искусства (Tier 1 – Exceptional Talent) предназначена для людей, которые являются признанными мировыми или перспективными деятелями в области искусства, науки и техники. Правительство распределило 1 000 выделенных мест среди пяти компетентных органов, которые включают в себя Королевское общество (250 мест), Совет по делам искусств (250 мест), Британскую академию (150 мест), Королевскую академию инженерных наук (150 мест) и лондонский центр стартапов Tech City (200 мест). Каждая организация может разрешить заявителям въезд в страну на период трех лет и четырех месяцев. Чтобы гарантировать факт наличия свободных мест в течение года, выдача разрешения на работу проходит в два этапа.

Требований к минимальному доходу для получения такой визы нет. Виза может быть продлена еще на два года. После проживания в стране в течение пяти лет обладатель такой визы имеет право подать заявку на получение постоянного вида на жительство, если он продолжает работать в качестве эксперта в своей области и владеет английским языком на достаточном уровне. Заявители могут также привезти с собой членов своих семей в течение всего срока действия их визы.

Виза для предпринимателей (Tier 1 – Entrepreneur) предназначена для того, чтобы позволить людям приехать в Великобританию для покупки уже существующего или создания своего бизнеса. Такой путь приезда в страну возможен для предпринимателей, которые владеют:

- либо, по крайней мере, £50 000, полученными от зарегистрированной компании венчурного капитала, инвестиционного предпринимательского тендера или государственного ведомства,
- либо £200 000 личных средств, которые могут включать поддержку третьей стороны, и которые они готовы инвестировать в бизнес, в чьей деятельности они будут активно участвовать.

Виза для инвесторов (Tier 1 – Investor) предназначена для состоятельных частных лиц, желающих вложить значительное количество денежных средств в бизнес в Великобритании. Такой вариант приезда в страну доступен для людей, которые располагают суммой в размере £1 млн. Заявитель не обязан подтверждать уровень владения английским языком, а также предоставлять доказательства того, что у него достаточно средств на проживание в стране. Виза может быть выдана на срок три года и четыре месяца, и физические лица могут подать заявку на ее получение, уже находясь в Великобритании на законных основаниях. Виза может быть продлена, и заявитель имеет право на получение вида на жительство по истечении двух, трех или пяти лет, в зависимости от количества вложенных инвестиций, и при условии, что он не обращался за государственной материальной помощью. Опять же, для этой категории визы не установлено никаких количественных огра-

ничений, и заявители могут привезти с собой членов своих семей в качестве иждивенцев.

Виза для выпускников высших учебных заведений (Tier 1 – Graduate Entrepreneur) предназначена для выпускников Великобритании, чтобы они могли остаться в стране для развития своих бизнес-идей. Лицо должно быть определено и одобрено высшим учебным заведением либо Департаментом торговли и инвестиций Великобритании в качестве человека, обладающего оригинальной и убедительной идеей для бизнеса. На период 2014/15 годов установлен предел для выдачи таких виз в размере 2 000 мест для иностранных выпускников, из которых 1 900 выделено высшим учебным заведениям Великобритании, а 100 – Департаменту торговли и инвестиций. Визы первоначально выдаются сроком на один год и могут быть продлены еще на год. Обладатели визы этой категории могут участвовать в рабочих проектах за пределами страны. Кандидаты должны доказать, что они обладают средствами на проживание в размере, по крайней мере, £945. Иждивенцы могут также подавать заявку на выдачу такой визы наряду с основным заявителем. Данная виза не приведет к получению вида на жительство, и время, проведенное в Великобритании по этой визе, не будет засчитано для получения вида на жительство по другой категории виз. Обладатели такой визы могут переключиться на визу Tier 1 Investor в случае наличия у них финансирования в размере £50 000, либо на визы категории Tier 2.

Общая рабочая виза (Tier 2 – General) предназначена для квалифицированных мигрантов, которые получили предложение на работу в Великобритании в должности, на которую не удалось найти местного сотрудника. Минимальная заработная плата для получения визы такой категории составляет £20 500. По этой категории установлено количественное ограничение в размере 20 700 виз в год, но оно не распространяется на работников, чья годовая зарплата составляет свыше £153 500. Заявители могут продлить визу, но максимальный срок ее действия не может превышать шесть лет. Иждивенцы могут присоединиться к членам семьи, и они также имеют право на трудоустройство. Если работник зарабатывает £35 000 по истечении пяти лет пребывания в стране по данной визе, он имеет право на получение вида на жительство. Все уполномоченные работодатели могут нанимать сотрудников из-за пределов ЕС, если они не могут найти местного специалиста на эту должность.

Виза для сотрудников транснациональных компаний (Tier 2 – Intra Company Transfer) предназначена для квалифицированных работников транснациональных компаний, которые приезжают в Великобританию для работы в филиале своей компании. Опять же, сотрудник не может занять должность, на которую может претендовать местный работник, так как эта виза не предназначена для смещения с должности текущих работников. Виза ICT может быть выдана на период менее 12 месяцев либо на срок до пяти лет. Для получения краткосрочной визы ICT минимальный уровень заработной платы составляет £24 500, а для получения долгосрочной визы ICT зарплата не может быть ниже £41 000. Обладатели такой визы могут привезти с собой членов своих семей в качестве иждивенцев, но они не имеют права на получение

вида на жительство. Максимальный лимит для количества выдачи таких виз не установлен. Сотрудники, которые работали в стране по краткосрочной визе ICT, не могут вернуться в Великобританию в течение двенадцати месяцев.

Первоначально введение количественных ограничений для выдачи разрешений на работу в 2010 году вызвало негативный резонанс среди работодателей, но сейчас новая система успешно укоренилась. Первые протесты со стороны бизнес-сообщества совершенно определенно способствовали созданию негативного впечатления за рубежом. Сейчас ситуация изменилась, особенно когда правительство обратило внимание на проблемы бизнеса и подчеркнуло то важное значение, которое бизнес придает восстановлению экономики.

Wilson R.
(Arizona, United States)

THE DANGERS OF FAILED MIGRANT INTEGRATION: CONSECUTIVE CYCLES OF CENTRAL AMERICAN MIGRATION TO THE UNITED STATES

Introduction

As Russia institutes policies to regulate the influx of migrants, it is important to examine past examples of failed policies in other parts of the world. Of particular interest is the question of migrant integration, or lack thereof, and how poor policy choices can affect not just one generation of migrants but can fuel successive generations of migration patterns.

Beginning in 2009, the United States began to experience increased flows of asylum-seekers from the Northern Triangle of Central America: Guatemala, Honduras, and El Salvador. The number of migrants dramatically shot up from 2011 onwards, with the quantity doubling each year. (UNHCR 2013). In 2014, the situation resulted in such high numbers that the international media began to cover the story. (Dart 2014). The majority of these asylum-seekers were unaccompanied children.

Many interpreted this ‘surge’ of migrants as a somewhat random and unexpected occurrence. However, this crisis was entirely expected and thoroughly predictable. The roots of this current humanitarian crisis lie in failed U.S. policies that began in the late 1970s and early 1980s. The policies at issue in this paper, the failure to integrate Central American migrants into the United States economy during the 1980s and 1990s, set in motion a chain reaction that has had devastating consequences for the entire American continent.

In the 1970s and 1980s, migrants fled civil wars in El Salvador, Nicaragua, and Guatemala. Many of these migrants were never fully integrated into U.S. soci-

ety because they were unauthorized immigrants that lacked official documentation. A sizeable portion of the migrants were children. Those children grew up in the United States, learned to speak fluent English, and integrated into U.S. culture. However, despite their superficial integration, their lack of official documents prevented economic integration. These young people could not officially work, attend college, or in any way participate in the formal economy. This led a large number of the youths to join street gangs; these gangs engaged in drug trafficking, protection rackets, and retaliatory violence against other gangs.

As a result of their criminal behavior, numerous youths were deported to their countries of origin. Because they had emigrated from those countries at such a young age, they typically did not speak the local language or have any family ties that could assist them in re-integrating into society. As larger numbers were deported, gangs from the United States simply re-assembled themselves into the same gangs in Central America.

In time, these gangs gained more power than the official governments in the region. Violence and criminality became endemic. As the situation spiraled out of control, women and children left these countries and traveled north: to the United States, where the problem had first originated.

The roots of the original Central American Migration in the 1980s

It is undisputed that hundreds of thousands of Central Americans migrated to the United States beginning in 1980. In fact, this wave of migration reached its peak in the mid-1980s, before finally waning in the early 1990s. The migrants were fleeing the vicious civil wars in El Salvador, Guatemala, and Nicaragua; many of the migrants had seen their entire families slaughtered in the violence while others were themselves survivors of torture. (Gzesh 2006). Although the focus of this paper is failed U.S. migrant integration policy, it should also be noted that long-lasting U.S. interventions in Central America certainly exacerbated the violence perpetrated there. Declassified records show that U.S. aid to repressive governments in the region was used in a way that intensified the human rights crisis. (Schwarz 1998). At the time, the United States claimed that it was fighting the spread of Communism.

Regardless of the cause of the precipitating events, by 1991 nearly one million Central Americans had arrived in the United States. Because they were fleeing regional violence far from the borders of the United States, these were migrants that would not be expected to voluntarily return to their countries of origin.

Failed Migrant Integration

In the 1980s and 1990s, Central American migrants moved into population centers that were already dominated by Spanish-speaking Mexican immigrants such as Los Angeles. This immediately caused tension because of the pre-existing economic strain experienced by immigrant communities at the time. Indeed, the recession of the early 1980s affected the entire country but hit poor, immigrant

communities the hardest. While their parents often worked two or three jobs, Central American youths wandered the streets largely unsupervised. After-school programs had long vanished and parks in these neighborhoods were non-existent. Moreover, the vast majority of these Central American migrants had directly experienced shockingly violent wartime conditions in their home countries. While the older migrants were able to cope by burying themselves in hard work, young migrants bore the enduring psychological scars of having witnessed the torture and murder of close family members. Often disparate members of a family lived together because they were the only ones remaining. For example, a teenager that had lost both his parents would be sent to the U.S. to live with a distant aunt.

Even if close family members managed to survive, they were often separated for long periods of time while the US-based members saved enough money to bring the others. When the family members reunited, overly-bright expectations on both sides resulted in angry conflicts. Migrants that had just begun to adjust to the United States had to straddle themselves between their newly-arrived relatives and their current surrounding conditions.

English-language skills among the youth flourished, but most of the older generation found themselves unable to learn the language. Central American youth observed their elders toiling in agricultural jobs and housecleaning, often working over fourteen-hour days. Any saved money was sent home to Central America and not invested in the local economy.

However, in addition to all these struggles, Central American youth and their parents faced a problem that likely eclipsed all others in its seriousness: these migrants lacked legal permission to be in the United States. This exposed them to exploitation and fear, and, for the youth, gave them little incentive to attempt to improve their situation. Crucially, this was not the case for migrants from Nicaragua. Because of the United States' support for the anti-government rebels of Nicaragua (the Contras), those migrants were quickly classified as refugees and given legal permission to remain. In contrast, the U.S. government support of repressive governments in El Salvador and Guatemala meant that migrants fleeing those countries were not afforded the same legal protections. Over time, the legal framework concerning the classification of refugees changed in response to pressure from human rights groups, but Salvadorans and Guatemalans were long deprived of any way to regularize their presence in the country.

Growth of Maras in Los Angeles

These conditions led to the ideal breeding ground for gangs. Known as *maras* in El Salvador, Central American youths began to band together in Los Angeles for protection and financial and psychological support. Because many of these youths had either witnessed or participated in warfare in their home countries, violence as a means for fostering group identity began to grow. Central American youths came to the United States from deeply politicized cultures where each day brought new heroism and sacrifice in support of a cause. Life in the United States did not offer that unifying mission or purpose. Therefore, gang life

brought many benefits to displaced Central American youth: a) a means of financial support; b) protection from other crime in the area; c) a feeling of support that was absent from family members; d) identity; and e) a sense of shared purpose. The two main gangs that formed during this time were the *Mara Salvatrucha* (often abbreviated as MS-13) and the *Calle 18* gang, who are rivals.

Deportations in mid-90s

The wave of migration from Central America in the 1980s and early 1990s caused a backlash; in 1996 the United States enacted some of the harshest anti-immigration laws in history. For example, in many cases, a crime as small as shoplifting would lead to deportation. This backdrop gave United States officials an easy way to deal with the skyrocketing crime in Los Angeles. While it might have been difficult to prove a gang member guilty of murder, it was relatively easy to catch a gang member committing some minor crime. Therefore, because the police were actively targeting gang members, deportations soared. At the same time, anti-immigrant sentiment allowed immigration officials to deport Central Americans that had no criminal record, but simply lacked immigration status. This began a wave of deportations that rivaled the wave of migration itself. Over time, the deportations have reached staggering proportions. According to the U.S. Department of Homeland Security, annual criminal deportations to El Salvador, Honduras and Guatemala have increased from 1,987 in 1995 to 106,420 in 2013. (Paarlberg 2014).

Growth of gangs in the Northern Triangle

Beginning in the early 1990s, countries in the Northern Triangle began to experience significant repatriation of citizens that had been living in the United States. The numbers vary, but one U.S. official has estimated that one full jet of gang members is returned to El Salvador every week. (Arnson & Olson 2011). The United Nations has estimated that there are approximately 70,000 gang members in these countries and that the Northern Triangle is one of the most dangerous areas in the world. The gangs are the same gangs as in the United States: MS-13 and Calle 18. The original gang members, who did not speak Spanish and grew up in the United States, have gone on to recruit new local members so that their numbers increase exponentially.

In Honduras, violence has skyrocketed to such levels that Honduras currently leads the world with its homicide rate. Kidnapping and human trafficking are also significant problems in the country. The gangs are believed to operate mostly on a local level, but some sectors of the gang population cooperate with international drug-trafficking organizations. Political instability, including a presidential coup in 2009, has weakened the government's ability to fight the gangs.

The gang situation in Guatemala is centered on kidnapping, extortion and bank robbery. Recent estimates are that 40% of the country's homicides stem from gang violence. Currently, extortion is the most visible of their activity since one

gang has begun launching grenade attacks to scare people into paying protection money. Due to the high levels of political corruption and organized crime, much of it lingering from the country's decades-long civil war, the gangs operate with relative impunity.

In El Salvador, the gangs integrated easily with former combatants from the civil war and quickly became involved in transporting drugs northward. Political corruption allows for the situation to continue as officials seem unable to stop the skyrocketing murder rate, which, like Honduras, is among the highest in the world. The situation is particularly precarious for young men who face a no-win choice: join the gangs or be killed.

Crucially, Nicaragua does not have a significant gang problem. This is despite the fact that the country, much like Guatemala and El Salvador, underwent a brutal war in the 1980s. It also has one of the highest poverty levels in the region. However, there is one key thing that Nicaragua lacks: American deportees. When Nicaraguans arrived in the United States, it was easier for them to gain immigration status in comparison to other migrants from Central America. Nicaraguans joined fewer gangs and fewer of them are deported. Nicaragua, though poor, is a fairly safe country in 2015.

New wave of migration north

Beginning in 2009, migration from Guatemala, El Salvador, and Honduras began to increase precipitously. Each year the numbers have doubled, up until 2015. Moreover, the majority of migrants are women with children and unaccompanied minors. The problem went virtually unnoticed by major news media until 2014, when the sheer numbers of people were so large that everyone agreed the situation was a crisis. The Obama administration responded by opening new detention centers for the migrants, some of which housed women together with their children. Others housed only children. However, U.S. courts have recently declared that these detention centers inadequately care for prisoners' rights and that unaccompanied children are inadequately protected by the legal system because they are not granted lawyers. Worse still, courts have declared that many children were illegally returned to their countries of origin.

The women and children fleeing these countries face a variety of dangers at home. One of the most frequently-cited reasons for migration is domestic violence perpetrated by those with ties to powerful criminal gangs and the government. In these countries, when women find themselves the victims of household violence, they are frequently unable to turn to authorities for several reasons. First, the authorities regard domestic violence as a family problem, not a criminal one. Second, the perpetrators of the violence are often members of criminal gangs whose power structures ensure that women are unable to safely live anywhere in the country. What follows is an excerpt of an interview I recently conducted with a woman named "Ana,"³ a twenty-year old college student from Guatemala:

³ A pseudonym

I came because my parents were receiving death threats. My boyfriend was really, really abusive and he had friends in high places. My parents were really worried because he threatened everyone. I moved several times to get away from him, but it never worked, he was always able to find me.

My parents were really worried about me so they contracted with a coyote. He took me and a friend all the way to Sasabe, Arizona. He handed me off to other coyotes, but those other coyotes just left me in the desert. My friend and I wandered for five days in the desert. We had a little bit of water, but that ran out pretty fast. We drank water from cattle troughs when we could find them. Eventually, the Border Patrol caught us. I have been here in detention for about a year. My bond has been set at \$14,500. My parents back in Guatemala are trying to find someone to pay it. I just don't understand why the bonds are so high. Most of us have already had our interviews, so it's clear that we need help. But they put these bonds on us so that we will lose hope and allow ourselves to be deported.

Ana's story is a typical one. Although her boyfriend was a native Guatemalan, he was part of a gang that included former gang members who had been deported from the United States. As noted above, gangs operate with impunity in Guatemala due to political corruption and lingering violence from Guatemala's decades-long civil war.

For minors, the most common reason cited for leaving was fear of being forced into collaborations with the gangs. In the three countries of the Northern Triangle, boys aged 14-20 are at a high risk of coerced participation in gang activities, where the penalty for refusing is death or death of family members. Many mothers prefer to send their gang-aged boys on the treacherous journey to the United States rather than watch them die or become involved in violent crime.

Although the influx of migration from Central America has slowed in 2015, this is not an indication that fewer migrants are leaving their countries. Instead, the decrease is a function of the government of Mexico's crackdown on illegal immigration across its southern border. (Gonzalez-Barrera 2015). Recent statistics show that Mexican authorities have already deported a record number of unaccompanied minors this year. There are no statistics on the outcomes of youth deported to Guatemala, El Salvador, and Honduras.

Conclusion

As migrants fleeing violence in the 1980s were not granted legal immigration status, many young migrants turned to crime. When stricter immigration laws were put in place in the mid-1990s, this resulted in the exportation of criminal elements back to Central America. This policy not only did not solve any issues relating to Central American migration, it instead precipitated a new wave of migrants beginning in 2009.

This situation should serve as an important lesson for other countries, such as Russia, on how to handle inflows of migrants. Without ample opportunities for integration, migrants, and perhaps more importantly, children of migrants can choose

anti-social solutions to their daily living situations. Returning these migrants to their home countries is likewise not a solution, since the violence perpetrated at home can lead to new waves of migration. The best course is to ensure that migrants are able to achieve a regularized status and participate in a country's formal economy.

References

Arnson, C. and E. Olson (eds.), (2011). "Organized Crime in Central America: The Northern Triangle." Woodrow Wilson Center Reports on the Americas. No. 29, (November, 2011).

Dart, Tom. "Child migrant crisis at Texas border: an immigration crisis that's hardly new" The Guardian. July 9, 2014.

Gonzalez-Barrera, Ana and Jens Manuel Krogstad. (2015) "With help from Mexico, number of child migrants crossing U.S. border falls." Pew Research Center, April 28, 2015.

Gzesh, Susan. (2006). "Central Americans and Asylum Policy in the Reagan Era." Migration Information Source: Migration Policy Institute, April 1, 2006.

Paarlberg, Michael (2014). "Gangs, Guns, and Judas Priest: the secret history of a US-infected border crisis," The Guardian. July 23, 2014.

Regional Office United Nations High Commissioner for Refugees for the United States and the Caribbean (March 2014). "Children on the Run: unaccompanied children leaving Central America and Mexico and the need for international protection." Washington, D.C.

Rogers, Tim. (2015). "How a Guatemalan Gang Profits from Deadly Grenade Attacks." Fusion. March 24, 2015.

Schwarz, Benjamin. (1998). "Dirty Hands. The success of U.S. policy in El Salvador--preventing a guerrilla victory-- was based on 40,000 political murders." The Atlantic. (December, 1998).

Virkkunen J.
(Joensuu, Finland)

EUROPEAN REFUGEE CRISIS AND FINLAND: BORDERS, MEMORIES AND ACTION

Introduction. Migration from the Middle East and North Africa has become one of the greatest human, socio-ethical and political challenges to the European Union. During the last years, over a million migrants from different African and Asian countries, including conflict-torn Syria, Iraq, Somalia and Afghanistan, have decided to try their luck in Europe. Several hundred thousand of them have landed on the northern shores of the Mediterranean Sea and the islands of Greece. At the same time, over-crowded boats, unidentified migrant bodies, international rescue operations and the images of 'uncontrolled' flows of people across 'European' borders have become everyday news.

The rapid increase in the number of people crossing the EU's borders, as well as in the visibility and publicity of the phenomenon, has caused an extensive public discussion all over Europe. On one hand, the discussion concerns the moral obligation of the European Union and its member states, human rights and the dignity of third-country citizens entering 'fortress Europe', and European solidarity through sharing responsibility for the thousands of newcomers. The European Union has been passive in preventing and reconciling armed conflicts in its neighbourhood, and the situation is a direct result of the humanitarian crisis in the region. It has been argued that most people entering 'Europe' across the Mediterranean Sea and organising their journey through Europe are actually refugees who, according to the 1951 UN Refugee Convention, are legally fully entitled to seek asylum in the territory of the European Union.

On the other hand, the recent escalation of the 'migrant problem', as it is also often referred to, has become a contentious topic in domestic politics. The metaphors such as 'migration waves' or 'welfare surfers' characterise the critical standpoint that rests on nationalism and the rapidly increasing populist politics. Despite clear differences, parties such as the United Kingdom Independence Party UKIP (UK), National Front (France), Fidesz (Hungary), Sweden Democrats (Sweden) and The Finns Party (Finland), just to mention few, gain popularity from the reference to 'political betrayal' and the 'common man' (Acemogly, Egorov & Sonin 2013) and, in a European context, also from the rejection of further steps towards European integration and clear anti-immigrant, anti-Islamic and anti-multicultural rhetoric.

In times of economic crisis and social insecurity, like during the recession of the 2010s, and during the growing inequalities driven by globalisation and worldwide neo-liberal ideology, nationalistic remarks such as "*Finland belongs to the Finns, Somalia belongs to the Somalis*" (Hujanen, 2015) and "*You cannot control immigration while being a member of the EU*" (Somerville, 2015) are not uncommon. Such attitudes, combined with the upsetting news about human smuggling and the dozens of migrants who have been found drowned in the Mediterranean Sea or suffocated in locked trucks in Central Europe, have led to a discussion of what to do. In the following, I will discuss the nature and the main responses of the phenomenon. Particular attention will be paid to Finland. Despite its small number of foreign citizens (migrants and refugees), the Finnish example illustrates well the sensitive and contested character of migration and refugee policies in Europe. This also exemplifies some of the main arguments used when decisions on further actions are being made.

Refugee Crisis in Europe. The International Organisation for Migration estimates that up to 351,314 refugees have entered the territory of the European Union through the Eastern Mediterranean (Greece), Central Mediterranean (Italy, Malta) or Western Mediterranean / West Africa (Spain) routes from the Middle East and North Africa during the first eight months of 2015 (IOM 2015). the majority of migrants arrived in Greece (234,778; via Turkey) and in Italy (114,276; via Libya and Tunisia). This means that these two countries, and transit countries such as Macedonia and Hungary, have to bear and cope with the absolute majority

of the incoming migrants. The top countries of origin of people arriving in Italy were Eritrea (25,657) and Nigeria (11,899) and in Greece were Syria (88,204) and Afghanistan (32,414).

Even if the number of arrivals may seem high, it must be remembered (see e.g. Murphy 2015; Raivio 2015) that the majority of persons arriving in ‘Europe’ across the Mediterranean Sea comprises only a small share of the total number of persons on the move. Out of twelve million Syrian refugees fleeing the conflict (making over half of the total population of pre-conflict Syria), for example, about eight million people still reside in Syria as internally displaced persons and four million are in the neighbouring countries of Turkey, Lebanon and Jordan as refugees. This means that until now the European Union and its member states have taken only a small share of the fleeing Syrians. On the other hand, there are several million persons in countries of the EU’s immediate neighbourhood, including the Balkan countries, many of whom have clearly expressed a desire to move towards the North, mainly Germany and Sweden.

People are willing to take a chance and pay traffickers for an opportunity to travel further. This means that they are not aware of, or they are prepared to take, the risk of being trafficked. The powerful images of the victims of human traffickers – e.g. of a dead Syrian child washed up on a beach at one of Turkey’s main tourist resorts, or of the truck discovered on an Austrian highway containing bodies of 71 mainly Syrian men, women and children – circulating in international media have put a human face on the dangers that people take when seeking a new life in Europe.

The United Nations Refugee Agency UNHCR (2014) and the International Organisation for Migration (2015) report that in 2014 up to 3419, and from 1 January to 1 September 2015 already 2643, people have been found dead after a failed attempt to cross the Mediterranean Sea on the overcrowded boats organised by human traffickers. As many of the refugees have gone missing unnoticed, no-one actually knows the real number of lives lost in the area. The strong images of these perished refugees have opened the eyes of many Europeans to the matter. For some, this still is an ‘immigration problem’ that neither the European Union nor its member states should be engaged with.

The following examines the European refugee crisis by reflecting on Finnish discussions on the topic. This will highlight the way that immigration, border management and human suffering intersect with the prevailing (and changing) understanding of history and solidarity, on the one hand, and nationalism and domestic political realities, on the other hand.

Immigrants in Finland. Finland has never been a major destination for immigrants or refugees. According to Statistics Finland (2015), 219,675 foreign citizens lived in Finland at the end of 2014, which accounts for only about four per cent of the total population. About half, or 60 per cent of all foreign citizens (136,728) were European, 23.5 per cent (51,707) Asian, 9.7 per cent African (21,409) and 4.4 per cent (9831) of people possessed other or no citizenship. The largest group of foreigners living in Finland were Estonians (48,354), Russians (30,619), Swedes (8288), Chinese (7559), Somalis (7381), and Thais (6864).

In 2014, less than 24,000 foreign citizens moved to Finland; only 3651 applied for asylum, and 1030 arrived as quota refugees. According to the Finnish Immigration Service (2015), the majority of asylum seekers were from Iraq (826), Somalia (411), Ukraine (302), and Afghanistan (205), and quota refugees were Syrian (495), Sudanese (165), (Democratic Republic of) Congolese (146), and Afghans (130).

The above-described large-scale migration across the Mediterranean Sea to the European Union means that the figures of asylum seekers will rise this year in most European countries. It has been estimated that Finland will get up to 15,000-20,000 asylum seekers in 2015, which is several times more than last year. However, this is only a small share of the over million asylum seekers that are expected to be registered in other EU member states such as Germany (800,000) or Sweden (75,000) (Kirschbaum 2015; Migrationsverket 2015). These two countries take the biggest responsibility of the on-going refugee crisis that is the largest since the World War II.

Finland is located far from the Mediterranean and Balkan transit corridors, similar to Sweden that has received many times more immigrants than Finland. Even though Finland traditionally has had a very restrictive immigration and refugee policy and, as a result, it is not very well known among possible newcomers due to its small immigrant networks, Finland is one of the signatories of both the Dublin II Declaration and Schengen agreement that has established the principles for the movement of people and asylum seekers within the European Union. Finland still is a small dot in the mental map of African, Middle Eastern, or Asian persons in exile.

Dublin Declaration and Solidarity. Finland has been part of the European Union since 1995, signatory of the Dublin Declaration since 1998 and member of the Schengen area since March 2001. These make the structural setting for Finland's asylum policy and the EU-level ideology of the free movement of people. The Dublin Declaration sets out that an application for asylum is examined by only one EU member state (or Norway, Iceland, Switzerland, or Liechtenstein). The responsibility for examining an application belongs to a member state in which the asylum seeker has family members, that already has issued a residence permit or a visa, through which the asylum seeker has arrived in Finland, or where he or she has applied previously for asylum. This means that if an applicant already has formal connections to, or has travelled through or applied for asylum in another member state, then that state is responsible for processing the application; the Finnish authorities will return the asylum seeker to the member state responsible. The Eurodac fingerprint register is meant to speed up both the transfer-of-responsibility and asylum procedures. On the other hand, the abolishment of the internal border checks within the Schengen area also gives refugees and asylum seekers, in principle, a possibility to transit to another member state and (re)apply for asylum.

As Finland is almost completely surrounded by signatory states of the Dublin Declaration, in principle only very few asylum seekers can make their asylum applications in the country without being returned to another signatory country. Kukka Günger from the Finnish Immigration Service, however, suggests that up to 80% of asylum seekers are persons whose route to Finland cannot be verified and

whose application is therefore examined in Finland (Schönberg 2015). In other words, many applicants have been able to circumvent the Dublin regulations and avoid return to another signatory state. Also, the recent rise in the number of asylum seekers in Finland cannot be explained by the growing number of direct flights from, e.g. China and India, but also by changes immigration patterns in Europe.

Quite a few Finnish and European politicians consider the Dublin Declaration as the best, and perhaps the only way to prevent ‘asylum shopping’. According to Finnish Member of Parliament Wille Ryynänen from the Finnish Coalition Party, for example, a majority of migrants seeking their way to Europe are ‘healthy men and not really persons facing suffering and distress’ (Koski 2015). According to him, Finland ‘cannot resolve third-country problems by importing third-country citizens to Europe’. He calls the Mediterranean route of human trafficking as a ‘sea taxi service for illegal immigration’ and requests a direct return of migrant vessels to their port of departure.

Human rights, civil organisations and activists have criticised the Dublin regulation for making an inappropriate investigation of asylum applications legal and the expulsion of asylum seekers easier. They strongly support the recent proposals for increasing solidarity and EU-level co-ordination of the asylum process. Whereas German Chancellor Angela Merkel, along with leaders of other major receiver states, calls for all EU member states to take a greater share of the refugees – “*If Europe has solidarity and we have also shown solidarity towards others, then we need to show solidarity now*” (Carrel 2015) – more nationalist forces in Europe, such as the populist Finns Party, object to any European-level solution to the issue. They also demand a full application of the Dublin principles, which would mean that only a few countries in Europe would bear the full responsibility of the crisis.

The current political regime of Finland, with the populist Finns Party in the government, does not support European-level solidarity or the already proposed resettlement of 120,000 asylum seekers and refugees from Greece and Italy to other member states. According to the government, “*it has to be based on the willingness of member states*” and rapid asylum procedures should take place in the country in which the applicant arrives (Kansan uutiset 2015; Teivainen 2015). The solidarity and responsibility sharing will next be discussed at an extraordinary meeting of the Interior Ministers of member states on September 14 2015. With member states such as Hungary, Slovakia, the Czech Republic and Poland holding very opposite view to the matter, the meeting – and any EU-level immigration affairs summits in the future – will be extremely complex. Such meetings will, thus, be crucial to the ways in which the EU and its member states interpret and implement the basic principles of human rights on the one hand, the right for fair examination of asylum applications, and both external and internal border controls of the EU, on the other hand.

Border Control and Security. The abolishment of the EU’s internal borders through the Schengen agreement has meant that the emphasis of border management has been shifted to the external borders of the Union. Within this context, the overcrowded boats arriving in the European Union and, to be precise, control of its exter-

nal borders have become actual issues. The EU's member states continuously have strengthened the joint border management authority Frontex (its full name is the European Agency for the Management of Operational Co-operation at the External Borders of the Member States of the European Union) and its maritime operations in the Mediterranean. Due to the 'immigrant threat' in its immediate neighbourhood and to the growing awareness of trafficking related deaths, EU leaders tripled the funding of the two Mediterranean operations of Frontex in early 2015.

In Finland, the 'immigrant threat' argument is increasingly common within the populist Finns Party. In its election campaign it argued that border management is the central element of a citizen's security (e.g. The Finns Party 2014). With a massive increase in popularity and access to power, the new government of Finland strongly support both crime prevention and border management, including Frontex. In late 2014, the Finnish Border Guard participated in Operation Triton of Frontex covering the territorial waters of Italy and parts of the search and rescue (SAR) zones of Italy and Malta. It also contributed to an operation at the Greek-Turkish (maritime and land) borders with screening and debriefing experts, dog expert teams, travel document specialists and experts for special conditions at land borders. Even though the operations were 'border control and surveillance' by default, they turned into rescue operations when surveillance aircraft and patrol boats detected tens of overcrowded boats and rescued thousands of migrants. The costs of the Finnish participation were covered by Frontex (Ministry of the Interior 2015).

Even though Frontex has been successful in developing co-operation and co-ordination of border management in the European Union, saving many lives of migrants, its security approach to borders and migration has been widely criticised. A Finnish researcher at the Stockholm Peace Research Institute, former Member of the European Parliament, Tarja Cronberg (2013), for example, raises an important matter of price and rationality. Along with other activists such as Katja Bloigu (2014), she raises a question of the estimated 1.5 billion euro budget of the extensive 'intelligent' border surveillance and the information-exchange framework of the National Co-ordination Centres (EURISUR). They do not understand how investing in the technologies of surveillance and information databases – and military-like equipment in a civilian immigration context – helps to solve the problem in the long run. According to Cronberg (2013), *“the lack of joint asylum and immigration policy [in the European Union] is being replaced by technology”*.

The former Executive Director of Frontex, a Brigadier General of the Finnish Border Guard, Ilkka Laitinen, agrees with the researcher on the fact that neither border control nor technology can solve political matters such as immigration or asylum procedures (Tervonen 2015). He, however, stresses that *“the problems that Frontex tries to control and co-ordinate cannot be resolved by border management only.”*... *“The function of border control is to maintain surveillance at a level so we know who is coming here, and in which circumstances.”*... *“It is a totality. It begins from what the member states and the EU do in the countries of departure and transit, how they perform at the borders and within them”* (Tervonen 2015; Shauman 2013).

History and Compassion. The current refugee crisis with strong images in public media is often experienced through history. In Finland it relates to the extensive migration mainly from Finland to Sweden and the Americas, as well as to the large-scale migratory processes resulting from World War II. These experiences not only shaped memories and created compassion toward the incoming migrants but also formed a certain basis for civic commitment and action in the field.

During the last one hundred years, more than one million Finns have emigrated from Finland, nearly 500,000 of them before and about 730,000 after World War II. Before the war, the majority of these emigrants moved to North America and, after the war, about 75 per cent went to Sweden. Approximately half of them have returned. During the war, up to 56,000 adults left and between 70,000 and 80,000 Finnish children were sent by their parents to Sweden and other Nordic countries, mainly Denmark, for safety (Finnish Refugee Council 2015; Salminen 1998). In addition, about 420,000 persons, 11 per cent of the population of Finland at that time, were relocated from the areas of Karelia, Kuusamo, Petsamo and Salla, as well as the post-war military base Porkkala, after the war to the other parts of Finland after about 12 per cent of Finnish territory was ceded to the Soviet Union.

The Finnish emigration pattern has followed the economic development of home and target countries – increasing during booms and decreasing during recessions – and the need of asylum or resettlement during conflict. In other words, Finns have been taking the advantage of a possibility to relocate and it is clear that these experiences have had a clear impact on the way that the current refugee crisis at Europe's borders is being interpreted.

A young man from the Oulu region, Juha Levy, in an interview related his family's history to the current crisis: *"I understand the distress of refugees. The background of my family is in ceded Karelia and my grandpa and grandma got help then. So I am very positive with helping people in this way"* (Mainio 2015). Also the Prime Minister of Finland, Juha Sipilä, has related the current immigration discussion to history and urged people to take action: *"My own grandmother left Karelia as an evacuee once. And then Finland received refugees in greater masses. However, at the time people spoke the same language. Finns will surely manage this if we all make an effort to solve the question and take our own responsibility."* (Harju J. 2015). It seems that this is exactly what is happening.

Non-Governmental Support. The number of incomers to Finland is still small compared to countries like Germany where they expect more incoming refugees over a couple of days than what is expected in Finland during the entire year. Neither the government nor citizens agree on which role Finland and its population should take. The current public asylum system is functioning at its limits and the municipalities are not able to make decisions for the establishment of new asylum centres due to the sensitive and political character of the topic. Within this context, citizens and non-governmental actors are becoming active in providing help for asylum seekers. The autumn is already getting cold and the incomers need both shelter and necessary supplies, such as dishes, clothes, shoes and toys, both for starting their new life in Finland and, importantly, for preparing for the upcoming winter.

As many municipalities have made a decision not to open new shelters due to strong criticism and fear among citizens, the Finnish Red Cross has made the effort to open new asylum centres for newcomers. Significantly, the extensive publicity and the striking images of the deceased, trafficked or transported immigrants have raised awareness among ordinary citizens. Perhaps following the PM Sipilä's advice and personal decision to accommodate up to 20 asylum seekers in his house near Oulu, or maybe because of peoples' personal family histories, citizens are indeed becoming increasingly active in collecting supplies and providing temporary shelter for asylum seekers. Apart from Finland, this is particularly visible in Germany, which not only receives the main share of asylum seekers in Europe but that, despite some domestic resistance, has taken a proactive role in the matter.

Civil organisations and newspapers provide instructions on how citizens can assist newcomers in different ways. In Tampere, Laura Järviluoma and Jyri Piekäinen have already taken the initiative and accommodated an Iraqi family that will be staying in their house: *"The last straw was the fact that even refugee centres were full.[...] We did it as people do need a place to stay and because society was not able to provide that."* (Harju J. 2015). The Director of voluntary and youth activities of the Finnish Red Cross, Erja Reinikainen, believes that this form of voluntary activism is a clear riposte to the 'unpleasant discussion' in society about asylum seekers (Kantomaa 2015).

Reinikainen actually notes that the Finnish Red Cross has never experienced a similar will to help people. According to her, *"People want to help in droves, which is a 'positive problem', if I could say that. On Wednesday only our Helsinki-Uusimaa district office got 500 volunteers when we usually get 4000 per year"*. The Executive Director of the Red Cross in the Häme District office, Pentti Savolainen, calls these voluntary activities already a popular movement (Harju E. 2015). The two, however, welcome volunteers to assist asylum seekers and refugees in their integration process as well.

Concluding remarks. The political chaos and armed conflicts in Afghanistan and the Middle East has lead to large-scale immigration across the Mediterranean Sea to Europe. This is a politically very sensitive matter and, despite a clear need to act, both national governments and the European Union are divided and unable to act. The powerful images of the victims of human trafficking circulating in international media have given a human face to the situation and have changed the entire discourse.

As migration poses a 'security threat' for some political forces in the European Union, some member states have become strong supporters of efficient border control and speedy processing of asylum applications based on the Dublin principles. These more nationalistic notions not only include a reference to 'political betrayal' and the rejection of further steps towards European integration, but also include clear anti-immigrant, anti-Islamic and anti-multicultural rhetoric. On the other hand, the recent images have clearly increased awareness of the humanitarian situation both in conflict zones and among people being trafficked to and through Europe. Personal or family histories of migration and war have become crucial when generating compassion toward migrants. As a representative of the Finnish

Red Cross well expressed it, the situation and the uncomfortable immigrant related discourses have led to voluntary activism that have never been experienced in Finland before. People want to participate by providing refugees and asylum seekers with supplies but, also, with homestay accommodation.

In order to stop the humanitarian crisis and find a long-term solution to the 'problem', the European Union should take an active role in solving the armed conflicts in its neighbourhood. Prevention and reconciliation of conflicts, post-conflict reform and development should become integral elements of its foreign and security policy. This would, however, require a clear commitment from the governments of member states and the support of a range of international and non-governmental organisations.

References

1. Acemogly, D; Egorov, G. & Sonin, K. (2013). A Political Theory of Populism. *The Quarterly Journal of Economics*, 128 (2): 771-805.
2. Bloigu, K. (2014). Laittoman rajalla. Book on demand from the author.
3. Carrel, P. & Rinke, A. (2015). Merkel, facing refugee influx, presses EU peers to take more. Reuters, 30.8. Online: <http://www.reuters.com/article/2015/08/30/us-europe-migrants-germany-idUSKCN0QZ0IY20150830>
4. Cronberg, T. (2013). Korvaako rajavalvonta maahanmuuttopolitiikan? Online: <http://tarjacronberg.fi/mep-blogi.php?id=130123162629C046&archive=0>
5. Finnish Immigration Service (2015). Maahanmuuton tunnusluvut 2015. European Migration Network / Finnish Immigration Service. Online: http://emn.fi/files/1164/EMN_Maahanmuuton_tunnusluvut_2014.pdf
6. Finnish Refugee Council (2015). Suomi pakolaisten ja siirtolaisten kohde- maana. Online: <http://www.pakolaisapu.fi/fi/tietoa/tietoa-pakolaisuudesta/pakolaisuus-suomessa/suomi-kohde-ja-lahtomaana.html>
7. Harju, E. (2015). Näin voit tehdä "sipilät". Iltalehti, 7.9. Online: http://www.iltalehti.fi/uutiset/2015090620307225_uu.shtml
8. Harju, J. (2015). Perhe otti kotiinsa irakilaisperheen Tampereella – toimi näin, jos haluat majoittaa turvapaikanhakijoita. Helsingin Sanomat, 5.9. Online: <http://www.hs.fi/kotimaa/a1441340640565?jako=33f5c84a4173b10443077d0a6e030a13&ref=og-url>
9. Hujanen, M. (2015). Eduskuntavaaliehdokkaan lehtimainos herättää närää: ”Suomi kuuluu suomalaisille...” – julkaisija pyytää anteeksi. Iltasanomat, 13.4. Online: <http://www.iltasanomat.fi/kotimaa/art-1428901696013.html>
10. IOM (2015). Missing Migrant Project. Mediterranean Update, 1 September 2015. Online: <http://missingmigrants.iom.int/en/mediterranean-update-3-september-2015>
11. Kantomaa, R. (2015). SPR vastaa: Miten Suomeen saapuneita turvapaikanhakijoita voi auttaa? MTV, 6.9. Online: <http://www.mtv.fi/uutiset/kotimaa/artikkeli/srp-vastaa-miten-suomeen-saapuneita-turvapaikanhakijoita-voi-auttaa/5295240>
12. Kansan uutiset (2015). Soini keikuttaa hallitusvenettä: Perussuomalaiset eivät hyväksy turvapaikanhakijoiden saapumista Suomeen. 21.7. Online: <http://www.kansanuutiset.fi/uutiset/kotimaa/3404534/soini-keikuttaa-hallitusvenetta-perussuomalaiset-eivat-hyvaksy-turvapaikanhakijoiden-saapumista-suomeen>
13. Kirschbaum, E. (2015). Germany expects refugee numbers to quadruple to record 800,000. Reuters, 19.8. Online: <http://uk.reuters.com/article/2015/08/19/uk-europe-migrants-germany-idUKKCN0QO1QE20150819>

14. Koski, S. (2015). Turvapaikkapäätökselle rajua kritiikkiä: "Tällainen meritak-sipalvelu on käsittämätön". Iltalehti.fi, 20.8.2015. Online: http://www.iltalehti.fi/uutiset/2015082020209301_uu.shtml
15. Mainio, T. (2015). Pääministeri Sipilän ele turvapaikanhakijoille yllätti naapurit: "Järkyttävä tieto", "Juhalta jalo teko". Helsingin Sanomat, 5.9. Online: <http://www.hs.fi/kotimaa/a1441418196293>
16. Migrationsverket (2015). Fewer asylum seekers than predicted but sharp rise in unaccompanied minors. 18.8.2015. Online: <http://www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency.html>
17. Ministry of the Interior (2015). Frontex in the Mediterranean: Finland's role in Fron-tex-coordinated operations. Online: https://www.intermin.fi/en/eu_affairs/prime101_en.aspx
18. Murphy, T. (2015). Visualizing Europe's pathetic support for displaced Syri-ans. Humanosphere, 11.6. Online: <http://www.humanosphere.org/world-politics/2015/06/visualizing-europes-pathetic-support-for-displaced-syrians/>
19. Perussuomalaiset (2014). EU-vaaliohjelma. Online: <https://www.perussuomalaiset.fi/eu-vaaliohjelma/>
20. Raivio, P. (2015). Syyrialalaisten vaellus Eurooppaan lukuina. YLE 4.9. Online: http://yle.fi/uutiset/syyrialalaisten_vaellus_eurooppaan_lukuina_katso_video/8278697
21. Salminen, H. (1998). Tutkimus suomalaisten sotalasten historiasta. Siirtolai-suus-Migration 4/98, Siirtolaisuus-instituutti.
22. Schauman, S. (2013). Frontexin Laitinen tuohtui Cronbergille: "Rankkaa kritiik-kiä, jota en voi hyväksyä". Verkkouutiset 25.10. Online: <http://www.verkkouutiset.fi/koti-maa/frontexin%20laitinen-10535>
23. Schönberg, K. (2015). Schengenin ulkoraja vuotaa kuin seula – turvapaikanhaki-joista valtaosan reittiä Suomeen ei pystytä todentamaan. YLE uutiset, 26.8.2015. Online: http://yle.fi/uutiset/schengenin_ulkoraja_vuotaa_kuin_seula_turvapaikanhakijoista_val-taosan_reittiä_suomeen_ei_pystyta_todentamaan/8250440
24. Somerville, W. (2015). Assessing the Political Impact of Immigration as the United Kingdom Heads to the Polls. Migration Information Source, April 2. Online: <http://www.migrationpolicy.org/article/assessing-political-impact-immigration-united-kingdom-heads-polls>
25. Statistics Finland (2015). Kansalaisuus iän ja sukupuolen mukaan maakunnit-tain 1990-2014. Online: http://pxweb2.stat.fi/database/StatFin/vrm/vaerak/vaerak_fi.asp
26. Teivainen, A. (2015). Finland to oppose mandatory refugee re-settlement scheme. Helsinki Times, 15.5. Online: <http://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/domestic/13356-finland-to-oppose-mandatory-refugee-re-settlement-scheme.html>
27. Tervonen, T. (2015). Maailmojen rajalla. Image, 22.4. Online: <http://www.image.fi/image-lehti/maailmojen-rajalla>
28. The Finns Party (2014). EU-vaaliohjelma. Online: <https://www.perussuomalaiset.fi/eu-vaaliohjelma/>
29. Vaarakallio, S. (2015). Ruotsin ulkoministeri: Otimme 70 000 suomalaista so-talasta – Suomen kannattaisi muistaa historiansa. Yle, 4.9. Online: http://yle.fi/uutiset/ruot-sin_ulkoministeri_otimme_70000_suomalaista_sotalasta__suomen_kannattaisi_muistaa_historiansa/8281927

АНТИМИГРАНСТКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ЕВРОПЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Каждый день первые полосы газет и журналов сообщают нам об огромных потоках беженцев, мигрантов всеми правдами и неправдами пересекающих границы Евросоюза, пытающихся получить статус беженца, найти работу, а то и просто существовать на социальное пособие и осесть в одной из "благополучных", по их мнению, стран. В этом году в Европе наблюдается рекордный наплыв мигрантов. По данным ООН, с начала года границы ЕС пересекли более 300 тысяч беженцев, в основном из стран Африки и Ближнего Востока.

Они бегут со своим нехитрым скарбом целыми семьями, с маленькими детьми на руках. Они уверены, что их место в богатых странах ЕС, которые должны принять их, а не в лагерях размещения беженцев. Как заявила Еврокомиссия, нынешний кризис с беженцами является крупнейшим со времен Второй мировой войны. И это действительно так. То, что сегодня происходит на границах Евросоюза, сродни стихийному бедствию. Нелегальная переправка беженцев в Европу превратилась сегодня в прибыльный бизнес для контрабандистов разных мастей. Какова же реакция принимающих стран, есть ли границы толерантности, и как в этой ситуации работают так называемые "европейские ценности"? Сегодня этот вопрос вышел за границы одной или нескольких стран и является предметом обсуждения на уровне глав государств всего Евросоюза.

В связи с этим 14 сентября 2015 года министры внутренних дел и юстиции стран Евросоюза проведут в Брюсселе экстренное совещание по вопросам мигрантов и беженцев.

Большинство прибывающих на берега Италии и Греции, государств, которые приняли на себя основную часть миграционных потоков, прибывают из мусульманских стран. Причины очевидны: война в Сирии, Ираке, Афганистане, деятельность ИГ (запрещенного в России Исламского Государства), тяжелые условия жизни в странах Африки, межплеменные конфликты, страх за жизнь своих родных и близких. Если раньше основную часть мигрантов составляли политические беженцы и те люди, которые не согласны с политикой в собственных странах, имеющие хорошее образование и способные и готовые интегрировать в общество принимающих стран, то сегодня мы наблюдаем несколько иную картину. Основной поток мигрантов часто составляют люди без образования, плохо знающие законы, не владеющие языком принимающих стран и совершенно не готовые интегрировать в страну будущего проживания.

Надо отметить, что активное проникновение мигрантов, в том числе мусульман в Европу началось после Второй мировой войны, но то была так

называемая "производственная необходимость": нужно было восстанавливать разрушенную войной страну(пример Германии и Турции). Или это жители бывших колоний. Но сейчас совершенно противоположная ситуация: часто люди бегут с насиженных мест в поисках лучшей доли, спасаясь от войн, нищеты и голода.

То, что в Европе растут как антимигрантские (в общем), так и антиисламские (в частности) настроения, давно уже не новость.

Сегодня все громче звучат антиисламские лозунги, к которым присоединяются и люди, озабоченные ситуацией с мигрантами и мигрантскими мусульманами, в частности, и неонацисты всех мастей, и экстремисты, и откровенные фашисты. Эти движения превращаются в настоящую силу, на которую властям надо как-то реагировать, о чем-то с ними говорить, убеждать, соглашаться или наоборот.

Очень часто представители так называемой "низовой политики" выражают настроения большей части общества. Им очень сложно достучаться до своих "верхов"

Ярким примером может служить движение ПЕГИДА (аббревиатура с немецкого – «Патриотические европейцы против исламизации Запада»). Зародившись в Дрездене, движение распространилось на Мюнхен, Бонн, Лейпциг, Ганновер, Берлин, Кассель, Штутгарт, где получало свои названия (ЛЕГИДА, КАГИДА, БЕРГИДА – и так далее, по имени федеральной земли).

Требования у ПЕГИДА умеренные. Это: сократить приток беженцев, но не тех, кто действительно спасается от войн. Защитить страну от агрессивного ислама. Они всячески подчеркивают, что выступают в защиту христианских ценностей в Европе. Только за октябрь и декабрь прошлого года количество манифестантов, участвующих в акциях протеста, увеличилось с 500 человек до 17 тысяч.

Но заметного успеха на выборах добиваются партии гораздо более жесткие в своей риторике, чем ПЕГИДА. В толерантных Нидерландах есть Партия свободы Вилдерса, в социал-демократической Швеции – партия «Шведские демократы», во Франции – Национальный фронт Марин Ле Пен [1].

Тогда еще более странно, что против движения ПЕГИДА высказались практически все партии: либералы и консерваторы, правые и левые. В немецкой прессе происходит откровенное шельмование ПЕГИДА, и это признают многие сторонние наблюдатели, как симпатизирующие движению, так и критикующие его.

Есть ли этому объяснение? Думаю, да. Вследствие исторической памяти в Германии любые, даже косвенные призывы к дискриминации или депортации по принципу национальности, расы или веры воспринимаются крайне болезненно.

Именно ФРГ принимает у себя больше всего беженцев, большинство из которых мусульмане, и ожидается, что наступивший год не будет исключением. Госпожа Меркель уже ответила на все обвинения в свой адрес фразой, что «мусульмане являются частью германской нации», после чего появилось огромное количество карикатур, на которых канцлер была изображена в хиджабе.

ПЕГИДА же призывает ужесточить правила приема беженцев и справедливо разделить "ношу" между всеми странами Евросоюза. Лозунгами ПЕГИДА являются: " Против религиозных войн на немецкой земле», «За сохранение нашей культуры». Вполне понятны опасения немцев и жителей других стран Европы, связанные с проникновением радикального ислама, особенно в свете действий запрещенного в нашей стране так называемого Исламского государства. Кто даст гарантии, что под видом беженцев в страну не проникнут исламисты? А такая вероятность в сложившихся условиях слишком велика.

Вернемся к таким понятиям "европейских ценностей", как толерантность и мультикультурализм. Как они работают в условиях уже неконтролируемой миграции и усиливающихся антимигрантских и антиисламских настроений? Не уступает ли блестящая сторона европейской толерантности место ужасу местных жителей перед наплывом переселенцев, желающих лучшей жизни в «просвещенном» и сытом Старом Свете?

В интервью венгерскому телевидению глава венгерского правительства Виктор Орбан раскритиковал политику мультикультурализма и заявил, что не потерпит и малейшего намека на распространение идей мультикультурализма в своей стране. Орбан заявил также о нежелании соотечественников видеть в Венгрии «количественно значимое меньшинство», которое отличается от местных жителей «своими культурными свойствами и особенностями».

В октябре прошлого года министр обороны Великобритании Майкл Фэллон заявил, что британские города "забиты" мигрантами, а их жители – в осаде, и призвал пересмотреть отношения с Евросоюзом. А премьер Великобритании Дэвид Кэмерон высказался, что готовит план по ограничению прав мигрантов из других стран Евросоюза в Великобритании и приема выходцев из стран Африки и Ближнего Востока. Многие западные политики уже открыто признают, что для сохранения общеевропейских ценностей надо отказаться от либерального отношения к нелегальным мигрантам и избавиться от иллюзий насчет мультикультурализма.

С чем это связано? На мой взгляд, «новые мигранты», в отличие от своих предшественников, готовы принимать терпимость и толерантность вместе с материальной помощью, но сами часто бывают нетерпимы к инновациям и часто презрительны к мультикультурализму. Во многих европейских городах, особенно крупных, уже существуют целые анклавов, где переселенцы живут по законам своей веры, говорят на своем языке, отмечают свои праздники, проповедуют свою мораль, свои нормы поведения и в то же время не отказываются от социального пособия. Действовавшая ранее знаменитая модель интеграции иммигрантов в европейское (французское, немецкое, английское) общество: один народ, одна страна, один язык – сегодня практически не работает или существует с большими оговорками. Пищу для размышлений дают выводы французских социологов, которые утверждают, что полная интеграции африканцев или арабов в европейскую цивилизацию сегодня уже невозможна. А нынешнее нашествие мигрантов в Германию, Италию, Грецию, Францию, Великобританию и другие страны ЕС, по мне-

нию политического обозревателя В.Выжutowича, вполне может дезинтегрировать Европу [2], если срочно не будут приняты правильные и взвешенные решения. И с этим, наверное, трудно спорить.

Список литературы и источников

1. Газета "Взгляд" // – 2015. – 13 января.
- 2 В.Выжutowич, Российская газета – Федеральный выпуск // – 2015. – № 6775 (204). – 11 сентября.

Genov N.
(Lubliana, Slovenia)

THE EUROPEAN UNION AND ITS EASTERN PARTNERSHIP: EXPLANATION AND REGULATION OF MIGRATION FLOWS

The application of the neoclassical economic theory of international migration (Massey et al. 1993: 433-436) in explaining the migration flows between the EU and its current Eastern Partnership (Council of the European Union 2013) might seem to be an easy task. The average level of salaries and wages in the EU-28 is considerably higher than the average level of salaries and wages in each of the six countries of the Partnership – Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova and Ukraine. Therefore, the motivation of citizens from the six countries to migrate to EU member-states should be strong. The predictable outcome of this migration would be the reduction of the available labour force in the countries of the EU Eastern Partnership. Thus, the level of the salaries and wages there would be expected to rise. The result of this development could be the awareness that the continuing out-migration would be economically irrational. To the contrary, the increase of the available labour force in the EU countries hosting international migrants could reach the level which makes the reduction of salaries and wages there economically rational. In this way the balance of supply and demand of labour force would be balanced in the countries of the EU Eastern Partnership, in the EU member-states and in the cross-border labour market.

As plausible as the neoclassical economic interpretation of the trans-border migration might seem, its explanatory potential concerning cases like Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova and Ukraine is rather limited. First of all, each of them is differently situated in the geopolitical environment. Moldova, Ukraine and Georgia have Association Agreements with the EU, although with the postponement of its coming to force for Ukraine till the beginning of 2016. However, the Association Agreement itself does not automatically mean either visa-free border-crossing for the citizens from the Partnership countries to the EU or their

free access to the labour markets of the EU member states. Belarus and Armenia are members of the Customs Union dominated by the Russian Federation. In a long-term perspective the liberalization of the visa regimes and the access of their citizens to the EU labour markets would depend on agreements between the EU and the Customs Union. Azerbaijan is not a member of any of both supranational organizations. However, the citizens of the country have choices for cross-border migration to Turkey or to Arab countries. These choices are practically not given to citizens of other countries from the Eastern Partnership. Therefore, contrary to the assumptions of the neoclassical economic theory for universal liberal cross-border movement as well as of liberal regimes for receiving work permits, in practice the citizens of all six countries are currently legally isolated from the labour markets of the EU member states. The rules of the transnational European Union do not apply to the countries under scrutiny. Their citizens do not enjoy the freedoms and liberties concerning trans-border migration in the European Union. To the contrary, they are confronted with the limitations of the freedom of movement and freedom to choose the work place due to the European integration (DeBardleben and Hurrelmann 2011).

The make the picture more complicated, the potentials for out-migration from the six countries in direction to the European Union are not determined by cleavages of salaries and wages alone. No less relevant factors are the socio-economic developments in each of the six countries as well. They still go through post-socialist transformations or are still coping with their effects. The transformations included changes of the political and economic regime, rapid de-industrialization and rise of the cultural uncertainty and intolerance. One of the major but often neglected parameter of the changes is the commodification of the labour force in the post-socialist countries (Genov 2009). As a result of these processes, all countries of the Eastern Partnership of the EU have accumulated a substantial potential for emigration. The processes forced and are currently forcing large segments of the population of the six countries to search for income, for economic, political and cultural stability abroad. According to the statistics of the United Nations, three of the EU Eastern Partnership countries are marked by an extraordinary level of mass out-migration (United Nations 2014):

Table 1:

Net migration by country (1 per 1 000 of the population)

Country	1990-1995	1995-2000	2000-2005	2005-2010
Armenia	-29	-14	-9	-9
Azerbaijan	-3	-3	0	1
Belarus	-1	1	0	1
Georgia	-21	-16	-13	-7
Moldova	-6	-12	-16	-9
Ukraine	0	-2	-1	1

Given this historical situation it is obvious that the task to deal with the migration potentials and with the regulatory regimes of cross-border migration from the six countries of the EU Eastern Partnership to the EU is of first rate scientific and practical relevance. However, the task is rather complicated not because of specifics of the migration processes in each of the six countries under scrutiny alone. The difficulties in the study of the out-migration from the countries of the EU Eastern Partnership to the EU are substantial due to the specifics of the content of the available information as well. The national migration profiles prepared by the Migration Policy Centre at the European University Institute in Florence might exemplify the issue. The migration profile of Belarus prepared by the Centre is based on the standardized European statistical information. There the immigrants are predominantly registered according to their country of birth. The data which are collected according to this statistical definition are easily available from the municipalities where the residence of the local population is registered. But this information is very much misleading. The point becomes immediately transparent after considering the information provided by the Russian statistic and included in the Table 2 by the authors of the migration profile of Belarus. The data borrowed from the statistics of the Russian Federation register both the country of birth and the citizenship of the migrants from Belarus in the Russian Federation (Migration Policy Centre 2013a:1):

Table 2:

**Major concentrations of people born in Belarus
or are Belarusian citizens abroad**

Country	Born in Belarus	Citizens of Belarus
Poland	83,620 (2012)	NA
Lithuania	57,867 (2011)	NA
Latvia	56,170 (2008)	NA
Russia	935,782 (2002)	27,668 (2010)

The data obtained from the Russian statistics inform about the country of birth and the country of citizenship of persons of Belorussian descent living in the Russian Federation. The data show a striking difference between the two types of data and perfectly exemplify the fundamental problem about meaningful and misleading statistical information. The 935,782 persons living in Russia in 2002 but born in Belarus belong to the millions born in one Soviet republic but who have moved to another Soviet Republic during the times of the Soviet Union or to another post-Soviet Republic after the dissolution of the Soviet Union. Many of the persons born in Belarus during the Soviet times were not Belarusians by ethnic identification at all. This means that only the citizens of Belarus who are currently registered in the Russian Federation are really relevant for the studies on migrants from Belarus to the Federation nowadays. The same logic of differentiation should apply in the search for the relevant number of Belarusians in Poland, Lithuania and Latvia. The implication is that the information in Table 2 about the persons

born in Belarus but living in these three countries is practically of no relevance for the studies on migration nowadays and directly misleading regarding the migration of citizens of Belarus to the three countries. The people born in Belarus but living in the three countries might be ethnic Poles, Lithuanians or Latvians just born in Belarus in the previous times or ethnic Belarusians who have moved (or their parents have moved) to Poland, Lithuania and Latvia decades ago. The vast majority of them currently have only Polish, Latvian or Lithuanian citizenship. It makes no sense indeed to study them as present day migrants from Belarus in Latvia, Lithuania and Poland.

The reasonable solution of this basic statistical problem is to focus on the current citizenship of the migrants from the six countries from the EU Eastern Partnership in the EU28 countries. This information might be extracted from the national statistics of the EU member states as well as from Eurostat data. For instance, the German statistics provides precise information in this respect (Statista 2014):

Table 3:

**Number of citizens of the EU Eastern Partnership countries
in the Federal Republic of Germany as of 31. December 2013**

Country	Number of the citizens of the country in the FRG
Armenia	13,773
Azerbaijan	15,637
Belarus	19,981
Georgia	17,002
Moldova	11,665
Ukraine	122,355

Germany will be one of the three host countries from the EU which will be subject of detailed analysis in the project herewith suggested. The other two will be Italy and Poland. Germany and Italy belong to the major destinations of labour migrants from the countries of the Eastern Partnership. Poland is particularly interesting because of its increasing attraction as destination for migration but also as country of transit migration towards Western Europe. The limitation of the number of EU host countries will allow detailed studies on the issues and patterns of temporary or permanent integration of immigrants from the six countries of the Eastern Partnership in the three selected societies. However, before focusing on these issues one more warning concerning the information sources should be mentioned. The data about immigrants in Germany and in the EU indeed should be dealt with some general reservation. The data refer only to the regular migrants. Experts estimate the number of irregular (unauthorized) migrants in the EU countries to be between 1.9 and 3.8 million (Morehouse and Blomfield 2011: 6).

Given these problems with the statistical information sources and the predictable organizational difficulties facing the research on cross-border migration

from the Post-Soviet space to the EU, the objectives of the envisaged project can be tentatively formulated as follows:

- To collect systematic information about the most recent situation of the legal and institutional frameworks of out-migration from each of the six countries of the EU Eastern Partnership to Germany, Italy and Poland as well as the legal and institutional regulations for return migration to the six countries;

- To establish the potentials for labour out-migration from the six countries of the EU Eastern Partnership in the direction to the EU and more specifically to Germany, Italy and Poland;

- To establish the ways and effects of the adaptation of the labour migrants from the six countries in Germany, Italy and Poland;

- To establish the patterns, causes and effects of the repeated (circular) or final return migration;

- To establish the economic, political and cultural consequences of the out-migration from the six countries of the EU Eastern Partnership to Germany, Italy and Poland with a view to each of the six countries sending labour migrants;

- To establish the economic, political and cultural consequences of the labour migration (temporary, circular or permanent) of citizens from the six EU Eastern Partnership countries in Germany, Italy and Poland with a view to the host countries;

- To prepare recommendations for upgrading the legal and institutional arrangements in the six EU Eastern Partnership countries as well as in Germany, Italy and Poland, in the bilateral relations of Germany, Italy and Poland to each of the six EU Eastern Partnership countries, and finally of the six countries with the EU concerning the management of the migration flows from the six countries to the EU and back.

The resolution of the above outlined descriptive, explanatory, prognostic and social-technological tasks will be closely related to the intended effects of bringing about sustainable economic growth, job creation and democracy in the countries of the EU Eastern Partnership as indicated in the documents of the European Commission. These documents envisage well organized and managed cross-border migration as one of the most important instruments for achieving the desirable outcomes of the Partnership. The Mobility Partnerships has to be introduced and further developed in the relationships of the EU with each of the six countries of the Eastern Partnership. It might be expected that this process will advance together with visa liberalizations. The arguments in favour of these policies consider the ageing of the population in the EU and the current and future labour shortages in some branches of Union's economy. The countries from the Eastern Neighbourhood (European Commission 2011) are regarded as rich in young, well-educated and talented labour force which is fit to fill in the gaps in the EU labour markets. By passing the document mentions the risks of brain-drain and of the inflow of irregular migrants. In order to cope with these and other potential problems the strategy of EU's migration policy concerning its Eastern Neighbourhood is clearly defined: "better organising legal migration, maximising the positive impact of migration on development, enhancing capacity-building in border and migration

management” (European Commission 2011: 12). The practical measures for migration management include selection and recruitment of labour migrants, their vocational and language training in the sending countries, recognition of their education and skills obtained in the country of origin later in the host country, return and reintegration of migrants in their countries of origin. The so presented vision of migration management is basically the model of a well-organized circular migration.

The basic condition for achieving the positive effects of circular migration is the decision of governments sending and receiving international migrants to rationalize the conditions for movement of labour force. In 2011 the EU had Mobility Partnership agreements signed with Moldova and Georgia. The governments of both countries did what they could in order to support the potential migrants to the EU and to guarantee their readmission. This regulation secured the option for EU countries to invite vocationally trained migrants for seasonal work and for meeting the requirements for additional labour force in times of economic boom. The legal and institutional system in the countries receiving migrants is supposed to be prepared to send the migrants back in periods of economic recession by using elaborated mechanisms of flexible labour contracts. They have to include provisions concerning salaries and wages, taxation, portable welfare benefits, etc. adapted to the requirements of the cross-border circular migration. The most ambitious policies have to focus on linking migration and development by improving the productive and service infrastructure in the countries sending migrants and by stimulating the efficient use of their remittances. The re-migrants would be expected to return back from the EU to the countries of the Eastern Partnership together with the accumulated financial capital, with new experience in the work and beyond the sphere of work (human capital) and with the established networks in the country of migration (social capital). These types of capital could be efficiently used in the countries of origin of migrants provided the local legislation and the local institutional practices there would be prepared to absorb the various forms of capital brought to the country due to the return migration. In this way the brain-drain and its negative effects might be reduced if not totally compensated (EMN 2011).

As transparent and promising the circular migration and the related policies might seem, the fact should not be underestimated that the rationalization measures have to cope with high complexities of structures, processes, interests and motivations. There is already accumulated European experience which informs that some strategies of this type have been already applied and failed. The major reason for the failure was the decision of numerous migrants not to return back to their countries of origin as this happened in Germany. Recent examples along this line are provided by new EU member states like Bulgaria and Romania. Their experience in out-migration after 1989 is rather sobering and indicative for the expected additional emigration from the countries of the Eastern Partnership. Both countries have lost and continue losing their most important resource for economic, political and cultural development – the young, best educated and most entrepreneurial part of their population. As seen from the opposite point of view, the EU-15 member states Germany and Italy have increased or balanced their popula-

tion despite the low level of fertility of their native population mostly due the inflow of migrants from Eastern Europe.

In 2011 nobody could be sure if Georgia and Moldova would later sign an Association Agreement with the EU as this happened in November 2013. Even less predictable were the events which lead to the signing of Association Agreement by Ukraine in 2014. These developments changed the relationships between the three countries and the EU member states in terms of cross-border migration substantially. Whatever the expected or possible political and economic turbulences hindering the closer cooperation of these countries with the European Union, the process will be most probably accompanied by a step-by-step liberalization of the regulations for access of the citizens from the three countries to the labour markets of the member countries of the European Union. This process will repeatedly raise the issues of the desirable and really possible circular migration on various occasions. The conditions for labour migration from Armenia, Azerbaijan and Belarus to the European Union changed differently in the meantime. The prospects are less predictable. However, it might be taken for granted that the migration potentials of labour from Armenia and Belarus will not disappear. One may probably expect a strengthening of the migration potentials of labour from Azerbaijan to the European Union.

Against the background of the different experience and expectations one key factor concerning the policies of circular migration should be permanently taken into account: These policies are an attractive target for political interpretations. Even the best organized immigration which is profitable for all involved actors could be presented as problematic in short or long terms. This immediately raises political concerns. The Western European democratic politics is focused on the effects of policies in the short electoral cycle. The politicians from the opposition parties tend to stress the problems related to immigration in short-term time perspective. Their typical argument is that the remittances sent to the countries of origin are settling the bill of the desirable win-win-win situation in the migration process. This political argumentation and the connected policies keep provoking uncertainties among researchers and administrators alike. Objective researchers and experienced administrators tend to stress the long-term potential advantages of the well-organized circular migration for all parties involved in the process. However, in order to think and act in accordance with the ethics of objective science and the ethics of rational administration, researchers and rational administrators have to underline the related complexities of the processes and the threats of failure of the policies of circular migration as well (Schneider and Wiesbrock 2011; Wickramasekara 2011; Constant, Nottmeyer and Zimmermann 2012; Triandafyllidou 2013).

Thus, referring to the experience of researchers and well-trained administrators, it would be unrealistic to expect a clear predominance of the circular migration from the countries of the EU Eastern Partnership to the EU countries. A substantial part of the cross-border migrants in this migration corridor will probably continue to search for a permanent settlement in the host countries of the EU. Indeed, circular migration cannot be well organized everywhere and any time. The

substantial investments in the vocational training of migrants and the related offers of permanent jobs to them make the universal application of the scheme of circular migration unrealistic. Given this controversial situation the argument might be carefully considered that the constructive options for managing mass labour out-migration from the Eastern Partnership of the EU to the EU member-states are limited. Nevertheless, these options have to be carefully considered since the consequences of the unregulated migration are well known in the countries sending migrants as well as in the host countries of international migration. These positive and negative consequences have been studied in details. The conclusion is that new policies are needed consequently aiming at win-win-win effects for the sending and host countries as well as for the migrants themselves. Therefore, the initiatives of the EU for regulating the migration flows from the Eastern Partnership should be carefully operationalized with a view the specific situations in the countries involved in the migration processes and applied as far as possible.

This should be done by keeping in mind that the EU migration policies concerning the Eastern Partnership touch upon or include a lot of sensitive issues. The major one is related to the two key structural levels of decision-making and action in the EU. The officially announced policies concerning the out-migration from the sub-region of the Eastern Partnership to the EU are intended to be the policy of the whole European Union. In reality, according the Lisbon Treaty of the Union (2009) the budget policies, social policies and internal affairs – migration and integration of migrants including – remain in the sovereignty of the member states. Consequently there are permanent potential or manifest tensions in the division of responsibilities between the European Commission and the EU member-states concerning the management of the migration flows from the countries of the Eastern Partnership. The same applies to the integration policies of the member-states hosting the migrants. The solution seems to be to link the signing of general agreements between the Union and the countries from the Eastern Partnership to bilateral agreements between the interested countries from the Eastern Partnership area with the interested member states of the EU. As pragmatic as it seems to be, this approach does not lead to reduction but to increase of the complexities to be managed.

Another key problem is in-built in the design and in the functioning of the European Partnership Policy itself. The Partnership is intended to develop and apply unified policies for managing the migration flows from each of the six countries under scrutiny to each of the EU member-states. This strategic intention cannot be easily materialised due to the above discussed rather different situations and interests of each of the six countries. Moldovan society is existentially dependent on sending labour force to EU countries in order to receive remittances. They largely secure the survival of Moldovan households and the balance of the Moldovan state budget. Both conditions and consequences do not apply to Azerbaijan at all. As seen from another point of view, the Union has been so far rather inconsequent in applying its own conditional policies. The Association Agreements with Georgia, Moldova and Ukraine were signed under the condition that substantial reforms would be carried out. The expected liberalization of visa regimes and the

prospects for labour permits were offered on the condition of privatisation of enterprises and pluralization of politics as this happened with all Eastern European newcomers to the European Union. This conditionality is consequently applied in the policies of the Union and its member-states concerning Belarus too. But the conditional policy is practically not a relevant issue in the relationships of the EU with Azerbaijan.

The turbulent events in Ukraine in the end of 2013 and the first half of 2014 made it clear that the Eastern Partnership Policy of the European Union is not designed realistically enough in order to function efficiently. This applies to the policies related to the management of the cross-border migration in the sub-region first of all. One of the major reasons for this conclusion is the failure of the Eastern Partnership Policy of the European Union to take full account of the relevance of the Russian Federation in the geopolitical conditions of management of cross-border migration from the six countries of the Partnership (Lehne 2014: 5). There are certainly various geopolitical reasons for this deficiency of the EU policies. However, there are also reasons which are directly related to the reliability of the knowledge base of the decision making of the EU and of the EU member-states. The experience with the socio-economic and political developments in the Ukraine strengthens the conclusion that the migration policies of the EU concerning the six countries of its Eastern Partnership have been designed on the basis neglecting important historical and geopolitical circumstances. They mostly concern the relevance of the Russian Federation as a very substantial intervening factor in the formation of out-migration flows from the countries of the EU Eastern Partnership. On broader terms, the negligence concerns the intensive migration processes in the post-Soviet space indeed (Genov and Savvidis 2011).

Keeping the uncertainties of the statistical information firmly in mind it is useful to notice for instance that recent publications assume that some 800,000 citizens of the Republic of Moldova in working age permanently or temporarily live abroad. It is rather important to notice that some 65% of them live in the Russian Federation (Ratzmann 2012: 1, 3). In 2010 the number of temporary migrants from the Republic of Moldova to the Russian Federation has been estimated by the IOM experts to be as high as 191,900 (Vremiş et al. 2012: 276). This very large presence of labour force from a rather small country in the labour market of the Russian Federation could be only explained in the context of the post-Soviet conditions. The citizens of Moldova still can travel to the Russian Federation visa free, with relatively low travel costs and they are still allowed to apply for job in the Russian Federation. Moreover, the access of the citizens of Moldova to the labour market of the Russian Federation is relatively easy because of the still widespread good command of Russian language on the part of the Moldovan labour migrants plus knowledge of the Russian cultural habits. Since remittances make out tentatively 30% of the GDP of Moldova, this freedom of movement and relative freedom in the search for job in the Russian labour market is existentially relevant for the citizens of Moldova and the state of Moldova.

The much more difficult access of Moldovan citizens to the Western European labour markets urges them to take Romanian or Bulgarian citizenship or to

try various forms of irregular migration. The driving forces of the intensive out-migration are the widespread poverty, the economic and political instability in the country as well as the unsettled issues with Transnistria and potentially with the Gagauz autonomy. These serious push factors of the mass out-migration from Moldova do not promise prospects for fast and easy change. Even the Association Agreement with the EU is a mixed blessing in this context if seen from the point of view of the migration conditions in the Republic of Moldova. So far, the migration of Moldovan citizens to the Russian Federation has been predominantly of the temporary and circular type. The protection measures by the Russian side after the signing the Agreement will certainly have restrictive consequences for the temporary migration to this destination. However, the local Moldovan labour market cannot absorb even a small portion of the thousands of Moldovans who currently rely on making their living via temporary migration to the Russian Federation. The expected step by step liberalization of the access to the Western European labour markets could hardly compensate for the expected loss of access to the Russian labour market too. Moreover, the Moldovan experience is that the labour migration to Western Europe usually implies permanent emigration. This means that Moldova will continue to lose the young, best educated and most entrepreneurial segments of its labour force more and more from now on. This conclusion is strengthened by the widespread expectations that the recent economic growth in the country will probably continue to be jobless growth.

The conclusions of the above analyses and argumentations could be briefly summarized in three points:

First, the issues of cross-border migration are and will remain crucially important economic, political and cultural issues in the six countries of the Eastern Partnership of the European Union.

Second, the recent signing of the Association Agreements between the European Union and Georgia, Moldova and Ukraine is not going to make the issues more easily manageable in the short and medium terms.

Third, the new situation is a very substantial challenge to social scientists and decision-makers alike which challenge provokes the need for new strategies in research, policy design and implementation.

It is obvious that the above preliminary conclusions strongly support the efforts to organize and carry out precise empirical studies on the conditions, processes and effects of the cross-border migration from the six countries of the EU Eastern Partnership to the EU member states and back. In order to be dealt with efficiently the task should be de-composed into three parts:

First, studies on the migration potentials and their effects in the orientation towards out-migration, decision and implementation of out-migration from each of the six countries from EU Eastern Partnership towards the European Union.

Second, studies on the specific institutional framework and the specific activities implemented for moving the migrants from each of the six countries of the EU Eastern Partnership to Germany, Italy or Poland and back.

Third, studies on the varieties and levels of economic, political and cultural integration of citizens from the EU Eastern Partnership to the local conditions of

Germany, Italy and Poland upon the migration to these countries, and the potentials for their return migration by following the pattern of the circular migration.

The conceptual framework for the study on the push-conditions for out-migration from the six countries from the EU Eastern Neighbourhood and the operationalization of these conditions in structural and motivational determining factors might be well organized around the concept of needs. More precisely, the promising conceptual organization should be around the concept of needs satisfaction/ dissatisfaction. It seems to be productive to organize the information about the countries from the Eastern Partnership around the hierarchy of dissatisfied needs by following ideas developed by Abraham Maslow (2006). The level of need satisfaction intrinsically depends on the technological, economic, political and cultural structures in the countries of origin of the cross-border migrants. This line of determination should be conceptually well elaborated. The task is difficult since each of the four basic determining factors of need satisfaction/dissatisfaction should be operationalized in several clusters of indicators. The clusters of indicators for the technological development of a country from the Eastern Partnership should refer to its positioning in the technological revolutions, to the local specifics of the technological division of labour and to the major moving forces of technological development in the country. The economic situation of the country will be measured with clusters of indicators focusing on the legal regulations of economic rights, the functioning of the labour market, the economic balances of the country and the distribution of income and wealth. The same logic applies to the clusters indicators concerning political life and culture. In addition, the hierarchy of needs should be logically organized and operationalized by following the idea of basic needs of the human existence (the bottom of Maslow's pyramid of needs) towards advanced civilizational needs which occupy the top of Maslow's pyramid of needs (see Figure 1 below).

The methodology of field studies to be conducted on the above outlined issues in the six countries from the EU Eastern Partnership will include the following mixed methods and approaches:

- Analysis of statistical information, of governmental and scientific documents guided by the above conceptual model;
- In-depth interviews with experts from the six EU Eastern Partnership countries on the local cross-border migration to the European Union in general and to Germany, Italy and Poland in particular;
- Representative national public opinion polls in the six countries of the EU Eastern Partnership on the migration potentials there to the EU in general and to Germany, Italy and Poland in particular;
- In-depth interviews with returnees from international labour migration in Germany, Italy and Poland to the six countries of the Partnership;
- Delphi sessions with experts on the prospects of out-migration from the six countries to the EU and on the prospects of return and circular migration.

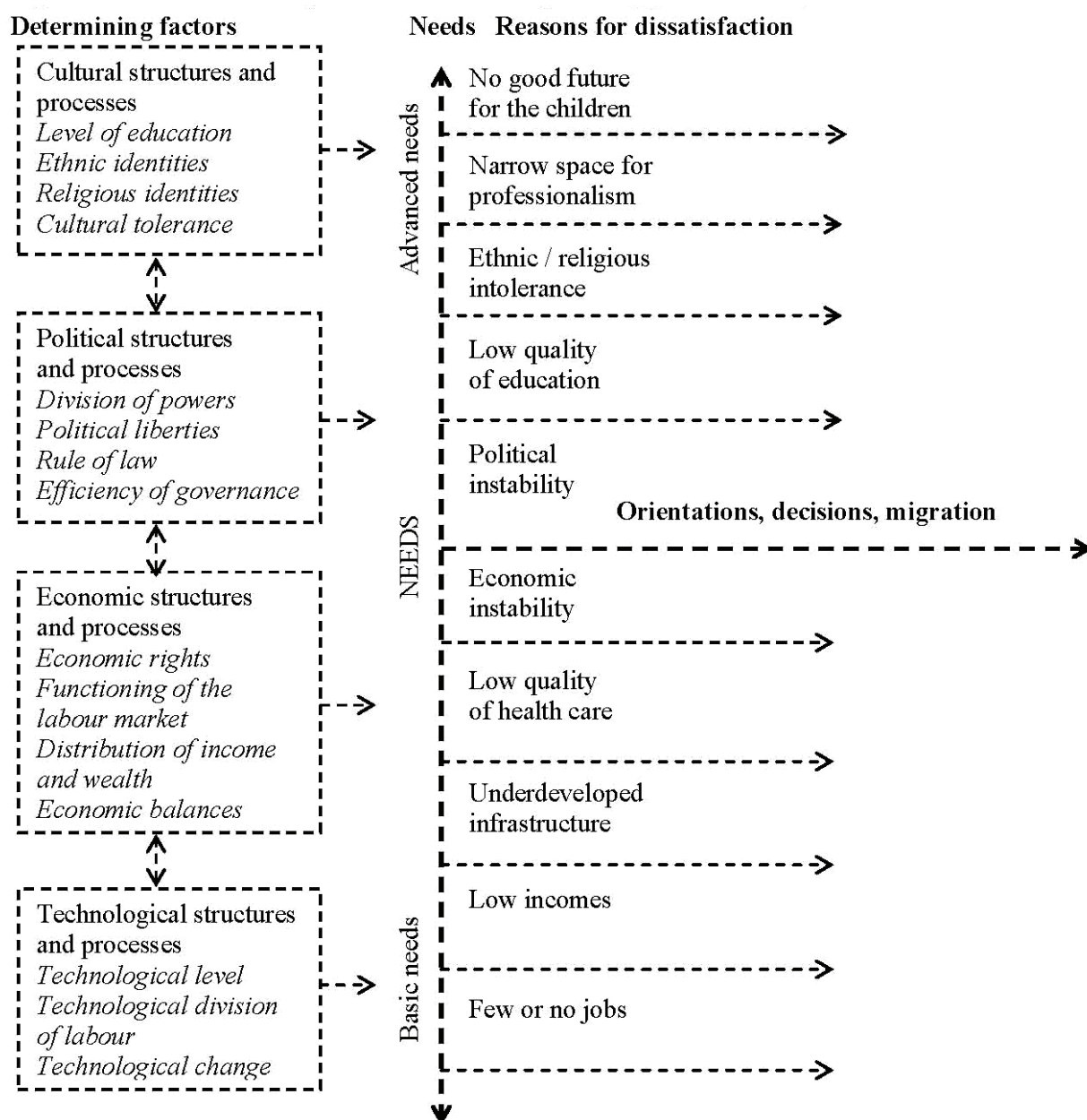


Figure 1: Accumulation of potentials for out-migration („push factors“)

The study on the processes linking the countries of origin with the countries of destination in the cross-border migration will be focused on the ways in which the migrants define and handle the four legal and institutional barriers they have to overcome. The barriers in question concern the departure in the cross-border migration process (securing funding and documents for the trip), the organization of the migration trip itself, the entrance to the country of destination and the legalization of the stay there. In the vast majority of cases these barriers are being overcome by the cross-border migrants by following the rules of law. However, for the social scientists and for the administrators involved in the migration management the smaller segment of irregular overcoming of the barrier is no less important. The strategy of this study is schematically presented in the following conceptual scheme:

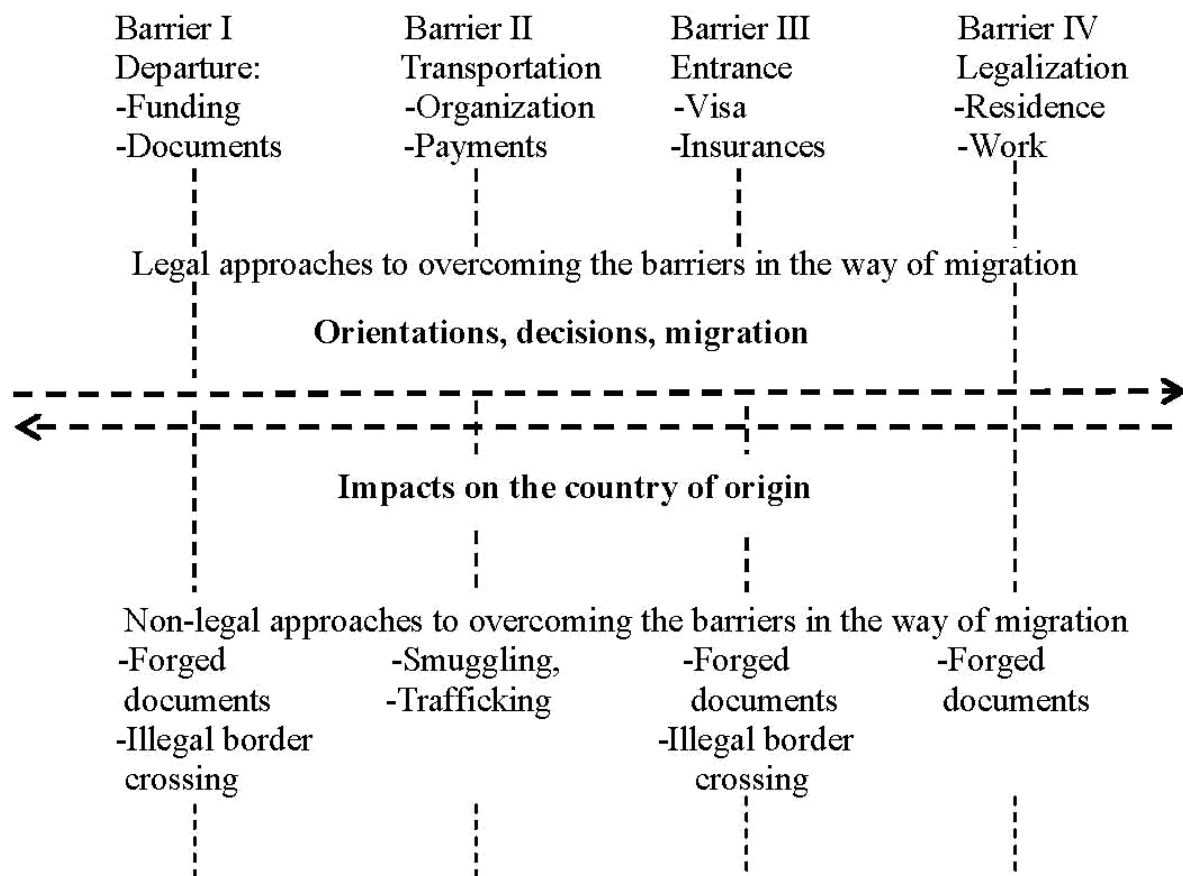


Figure 2: Overcoming barriers in cross-border migration

The primary information needed for proper description, explanation and prognostication of the above processes will be collected by applying the following methods:

- In-depth interviews with experts on interpersonal networks providing support in the transition from the countries of origin to the host countries of cross-border migration;

- In-depth interviews with experts in the fields of organization of the transition from the country of origin to the countries of destination of cross-border migration, including smuggling and trafficking;

- In-depth interviews with migrants from the six countries sending migrants to Germany, Italy and Poland and intending to stay or having stayed in the three EU countries temporarily or permanently.

The next logical stage of the research will include the field studies in the three countries receiving cross-border migrants:

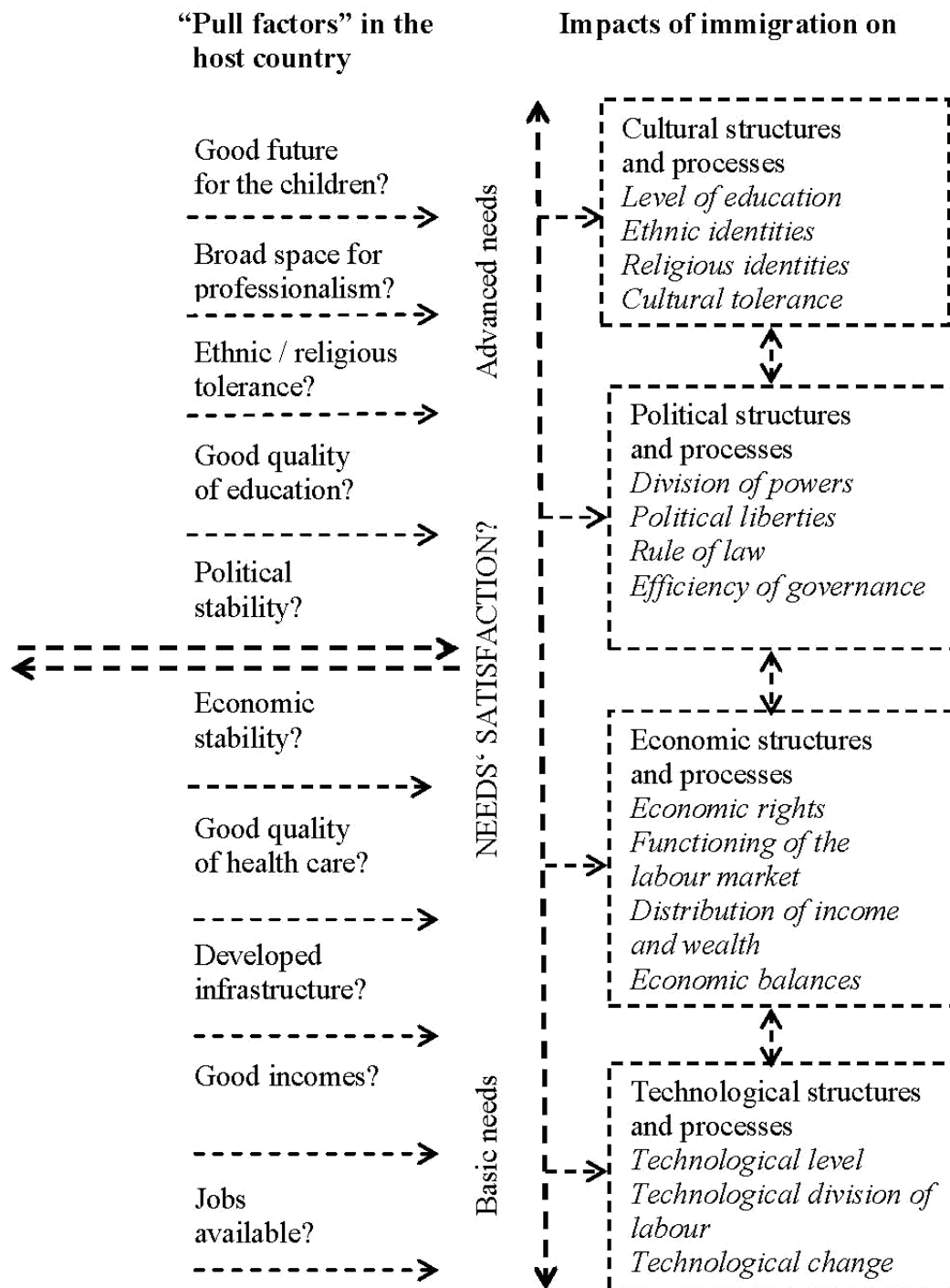


Figure 3: „Pull factors“ and impacts of cross-border migration

The field studies in the three EU member states (Germany, Italy and Poland) receiving migrants from the EU Eastern Partnership countries will be focused on the mechanisms, level and effects of the economic, political and cultural integration of the immigrants in the host societies. The research agenda will include mixed methods. The first part of them will be focused on the level of the economic, political and cultural integration of the individual immigrants in the host societies of Germany, Italy and Poland. The second part will focus on technological, economic, political and cultural changes in these societies due to immigration.

The following methods will be applied for the resolving of the above outlined research tasks in the host societies of cross-border migration:

- Analysis of statistical information, of governmental and scientific documents;

- In-depth interviews with experts in the fields of the economic, political and cultural integration of migrants from the EU Eastern Partnership countries in the host societies Germany, Italy and Poland with the stress on the issue if the immigration which has already taken place has established the infrastructure for further immigration from the six countries;

- In-depth interviews with labour migrants from the six countries from the EU Eastern Partnership in Germany, Italy and Poland with a special stress on the question if the immigration from the six countries has developed the networks for reproduction and increase of the immigration from the six countries;

- In-depth interviews with a control group consisting of citizenship of the host countries about their perception and assessment of the effects and prospects of the labour migration from the six countries of the EU Eastern Partnership in Germany, Italy and Poland respectively;

- Delphi sessions with local experts in the three host countries on the efficiency of the immigration policies practiced so far, on the prospects and effects of the temporary and permanent migration from the countries of the EU Eastern Partnership to Germany, Italy and Poland, and on the content of possibly more efficient immigration policies.

The strategic advantage of the study presented in this way is the simultaneous focussing of research on the situation in the countries sending cross-border migrants (on the push-factors), in the countries receiving migrants (on the pull-factors) as well as on the processes linking both polls in the migration process. This approach makes the conceptual substantiation of the circular migration possible and thus provides the sound conceptual ground of the cumulative research on the circular migration flows. The policies of fostering the circular migration might be the free visa regime for temporary migration related to a work permit, opening of accounts for payment of the full-scale remittances in the countries sending labour migrants upon the return of the migrants, and even state subsidies from the countries receiving migrants to these accounts in the sending countries.

The very much needed comprehensive conceptual scheme might be schematically presented as follows:

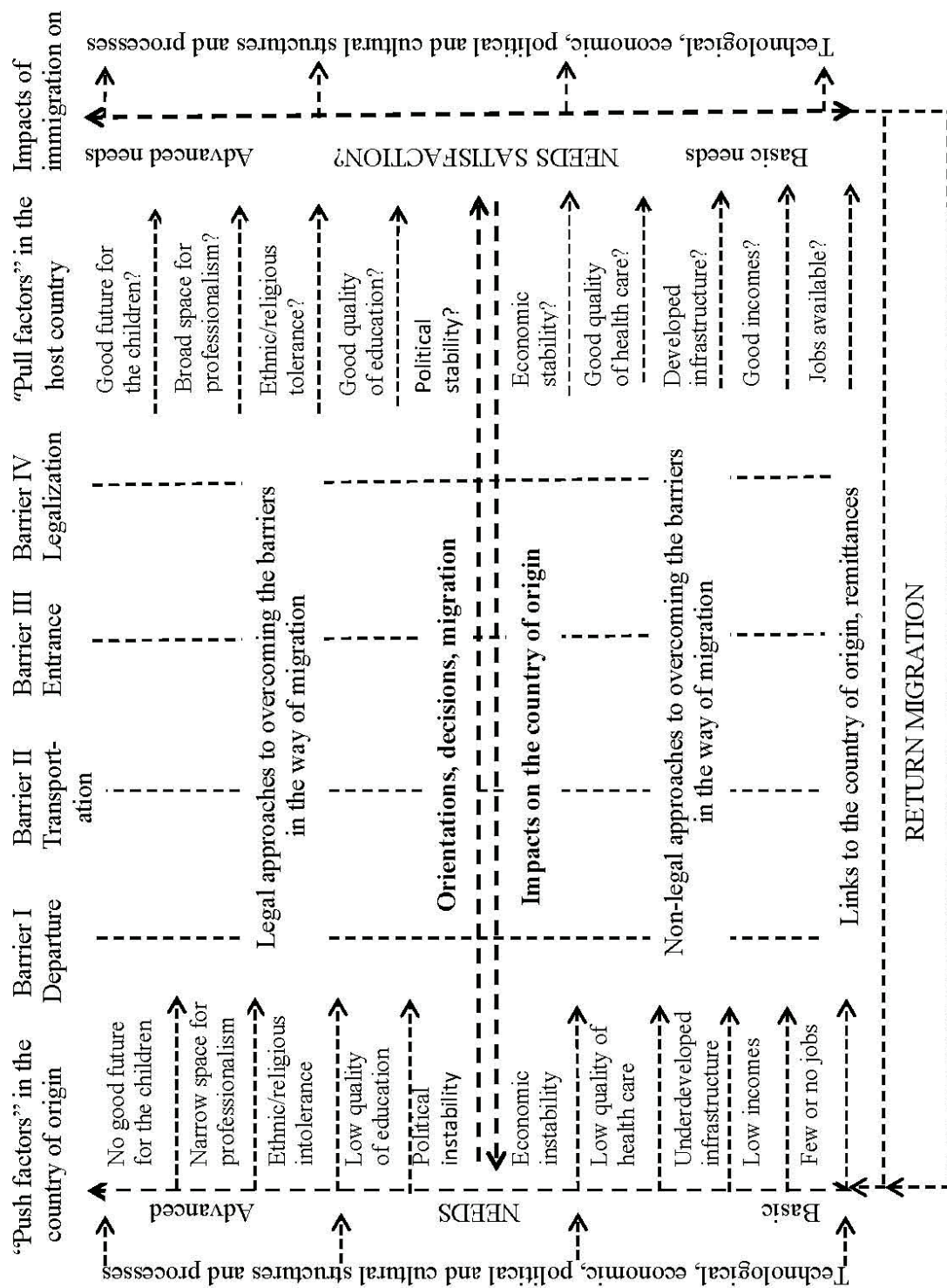


Figure 5: Conceptual framework for a synergistic and probabilistic approach to international migration

The cross-border migration from the six countries of the Eastern Partnership of the European Union to the Union is a process which cannot be stopped by administrative measures. Therefore, the rational attitude to the process would be to recognize the need to regulate it by relying on the scientific evidence as well as in a humane and economically and politically efficient manner. This task is gaining understanding as well as scientific and practical support fast. No doubt, the development in this direction is very much influenced by the rising numbers of cross-border migrants. The linking of the process to the substantial differentials between the standard of living and the quality of life in the six countries of the EU Eastern Partnership and the average standard of living and quality of life in the member-states of the European Union is basically correct. However, it would be a strong simplification to reduce the moving forces, processes and effects of the migration from the countries of the Eastern Partnership of the EU to the Union to the differentials of the standard of living and quality of life alone. A number of other determining factors like the general commercialization of social life and the commodification of the labour force during the post-socialist transformations in the countries from the Partnership should be taken into account. Moreover, specific analyses are needed of the attractiveness of one or another member-state of the EU. The efforts of the European Union and its member-states to develop and apply standardized rules and means of managing the immigration should be also well-understood and respected.

Thus, both the situations in the countries of origin of the migrants as well as the key economic, political and cultural parameters of the host countries of cross-border migration under scrutiny (Germany, Italy and Poland) should be carefully taken into account. Moreover, the processes linking the countries of origin and the host countries of the cross-border migration should become the regular target for careful and well specialized conceptual framing and empirical studies. The very much needed outcome of the scientific studies should be carefully designed theoretical and methodological strategy of taking into account the situations in the countries sending and receiving cross-border migration as well as the processes linking the sending and receiving societies. This strategic understanding is expected to become the sound cognitive basis of practically doable, humane and win-win-win policies for the management of the cross-border migration between the countries from the Eastern Partnership of the EU and the member-states of the Union.

References

- Council of the European Union (2013) *Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit. Eastern Partnership: the way ahead*. Vilnius, 29 November 2013, Presse 516.
- DeBardeleben, Joan and Hurrelmann, Achim (2011) *Transnational Europe: Promise, Paradox, Limits*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- EMN – European Migration Network (2011) *Temporary and Circular Migration: Empirical Evidence, Current Policy Practice and Future Options in EU Member States*. Brussels: European Migration Network (EMN Synthesis Report, October 2011).
- European Commission (2011) *A New Response to a Changing Neighbourhood*. Brussels: European Commission. COM(2011) 303 final.

Genov, Nikolai (2009) 'Labour for sale in the Global Market'. In: Savvidis, Tessa. Ed. *International Migration. Local Conditions and Effects*. Berlin: Osteuropa-Institut, 3/2009, pp. 8-21.

Genov, Nikolai and Savvidis, Tessa (eds.) (2011) *Transboundary Migration in the Post-Soviet Space*. Frankfurt, etc.: Peter Lang.

Lehne, Stefan (2014) *Time to Reset the European Neighbourhood Policy*. Carnegie Europe, <http://carnegieeurope.eu/2014/02/04/time-to-reset-european-neighborhood-policy/h02l#> (07 July, 2014).

Maslow, Abraham (2006) *Motivation and Personality*. 3rd ed. New York etc.: Longman.

Massey, Douglas S. et al. (1993) 'Theories of International Migration: A Review and Appraisal'. *Population and Development Review*, Vol. 19, No. 3 (Sep., 1993), pp. 431-466

Migration Policy Centre (2013a) *Migration Profile: Belarus*. Florence: MPC.

Migration Policy Centre (2013b) *Migration Profile: Moldova*. Florence: MPC.

Morehouse, Christal and Blomfield, Michael (2011) *Irregular Migration in Europe*. Washington, DC: Migration Policy Institute.

Ratzmann, Nora (2012) *Moldova and the EU: Liberalising or Securitising Migration?*

Oxford: Centre on Migration, Policy & Society.

Schneider, Hildegard and Wiesbrock, Anja (2011) 'Circular Migration: A Triple Win Situation? Wishful Thinking or a Serious Option for a Sustainable Migration Policy? In:

Schieck, Dagmar, Liebert, Ulrike and Schneider, Hildegard (Eds.) *European Economic and Social Constitutionalism after the Treaty of Lisbon*. Cambridge: Cambridge

University Press, pp. 123-147.

Statista (2014) Anzahl der Ausländer in Deutschland nach Herkunftsland (Stand: 31. Dezember 2013)

<http://de.statista.com/statistik/daten/studie/1221/umfrage/anzahl-der-auslaender-in-deutschland-nach-herkunftsland/>

Triandafyllidou, Anna (Ed.) (2013) *Circular Migration between Europe and Its Neighbourhood: Choice or Necessity?* Oxford: Oxford University Press.

United Nations (2014) *Population Estimates and Projections*. Available at:

http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel_population.htm (12 September 2014).

Vremiş, Maria et al. (2012) *Extended Migration Profile of the Republic of Moldova*. Chisinau:

International Organization for Migration.

Wickramasekara, Piyasiri (2011) *Circular Migration: A Triple Win or a Dead End*. Geneva:

ILO

<http://www.google.com/webhp?nord=1#nord=1&q=Circular+Migration%3A+A+Triple+Win+or+a+Dead+End> (09 July, 2014).

Злотников А.Г.
(Гомель, Беларусь)
Смалюга А.К.
(Гомель, Беларусь)

КИТАЙСКИЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В БЕЛАРУСИ

Исследование проведено при поддержке гранта
РГФН-БРФФИ № Г15Р-047

В миграционистике есть ряд понятий, отражающих многообразные виды миграций: иммиграция, эмиграция, беженцы, внутренняя, безвозвратная, маятниковая, трудовая, учебная, туристическая, нелегальная и другие виды миграций. В последнее время для миграционных процессов Беларуси новым видом стала кредитная миграция. Если в экономическом плане иммигранты (кроме нелегальных мигрантов) вносят разные платежи в бюджет государства, куда они прибыли, а кроме того, если они заняты на рынке труда, то субъекты хозяйствования вносят за них отчисления (в Беларуси 35%) в фонд социальной защиты населения, сами работники платят подоходный налог (в Беларуси ныне это составляет 13%), в пенсионный фонд (в Беларуси это 1%), то в Беларуси появилась группа трудовых мигрантов, которых это не касается. Они даже освобождены от уплаты за визы или разрешение на работу на рынке труда Беларуси.

Речь идет китайских трудовых мигрантах в Беларуси, занятых на объектах, возводимых китайской стороной на основе соглашений по выделенным Китаем кредитов Беларуси. Иностранные инвестиции в белорусскую экономику в последнее время главным образом связаны с кредитами Китая. Он является главным инвестором белорусской экономики. Этот приоритет зафиксирован в ряде нормативных документа Республики Беларусь. Это Закон Республики Беларусь от 15 декабря 2014 года «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о механизмах двустороннего сотрудничества по реализации проектов технико-экономической помощи», Указ Президента Республики Беларусь от 30 августа 2012 г. № 391 «О строительстве завода по производству сульфатной беленой целлюлозы» (с изменениями и дополнениями от 28 мая 2015 г. № 219), Декрет Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь», Директива Президента Республики Беларусь «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной республикой» от 31 августа 2014 г. № 5, «Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций» от 11 января 1993 г. Проблемы миграции регулируются Постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь «Об утверждении Инструкции о порядке выда-

чи разрешения на привлечение в Республику Беларусь иностранной рабочей силы и специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства внутренних дел Республики Беларусь» от 7 июля 2011 г. № 247.

Особенно важной стала проблема китайской трудовой миграции в настоящее время. Летом этого года в Беларуси произошло событие, заставляющее несколько критически отнестись к использованию трудовых мигрантов из Китая в Беларуси и послужившее введению в научный оборот нового понятия – кредитная миграция.

В начале июля 2015 года в около 250 китайских рабочих в сопровождении белорусского ОМОНа прошли почти 30 км пешком в Гомель из районного центра Добруш, где они были заняты на строительстве картонного комбината. Из Гомеля они намеревались пешком дойти до Минска (а это около 300 км), чтобы выразить своему посольству протест по поводу невыплаты за апрель – май заработной платы. До Минска они не дошли, в Гомель успел прибыть проинформированный о сложившейся ситуации с соотечественниками Чрезвычайный и полномочный посол КНР в Республике Беларусь Цуй Цумин. После «переговоров» с послом рабочие вернулись к месту жительства и работы. Местные власти предоставили протестующим автобусы для обратного проезда в Добруш «во избежании еще какого-либо инцидента». Официальная белорусская пресса об этом инциденте ничего не сообщала, хотя претензий у китайских рабочих к белорусским властям не было. Информация появилась только в интернете.

Это был конфликт между рабочими и подрядчиком, китайской компанией-застройщиком – XY Group (Xuan Yuan Industrial Development Co., LTD). Белорусские строители, которые также принимают участие в строительстве, претензий по оплате труда, хоть они получали значительно меньше китайских рабочих, не имели. Но этот демарш выявил ряд проблем, которые белорусской стороной до сих пор еще полностью не осознала.

В 2012 г. правительство Беларуси начало техническое переоснащение филиала Добрушской бумажной фабрики «Герой труда» с организацией производства мелованных и немелованных видов картона. Общие затраты по проекту – 509,9 тыс. дол., из которых почти 70% (348,6 млн дол.) в кредит сроком на 13 лет выделил Государственный банк развития Китая с условием, что строительство осуществляется в основном китайскими рабочими, которых в Добруше занято немного более тысячи человек.

Не вникая во внутренние китайские проблемы по организации труда, условия договора китайских рабочих со своей компанией, системой штрафов за срыв графика работ, порядком выплаты заработной платы (на наш взгляд, те, кто руководит этим строительством, начисленную китайским трудовым мигрантам зарплату, держат их на депозите – это распространенная практика, и тем самым «зарабатывают»), важно уяснить, а что имеет и что теряет белорусская сторона при использовании зарубежных кредитов и в частности, китайских кредитов и китайских гастарбайтеров, тем более, что только в Го-

мельской области их работает 3,5 тыс. чел. и только с начала 2015 г. их численность выросла на 1,6 тыс. чел. В Гомельской области – пять таких кредитно-инвестиционных объектов: Светлогорский завод по производству сульфатной беленой целлюлозы, Добрушская бумажная фабрика «Герой труда» с организацией производства мелованных и немелованных видов картона, электрофикация Гомельского участка железной дороги, часть автодороги Гомель-Минск и планируется реконструкция Гомельской ТЭЦ-1, на котором предполагается приезд около 350 китайских строителей. А в Беларуси есть еще масса объектов на которых заняты китайские рабочие. Наиболее известный из них комплекс «Великий Камень» (Great Stone) рядом с Национальным Аэропортом.

Белорусская сторона эти кредиты рассматривает как своеобразные иностранные инвестиции в национальную экономику. Но на самом деле, этим кредитом в значительной степени инвестируется сама китайская экономика. И в случае с использованием в Беларуси на строительстве в основном китайских рабочих не только в Добруше, но и на многих других объектах, строительство которых осуществляется за счет китайских кредитов, мы можем вести речь об особом виде трудовой миграции – кредитной миграции.

Обычная трудовая миграция (гастарбайтеры) в финансовом отношении представляет способ перекачки и привлечения иностранной валюты в национальную экономику тех стран, откуда прибыли трудовые мигранты. Ибо, заработав ее в других странах, они привозят финансы (или осуществляя почтовые или банковские переводы) в свою страну. И здесь в своей стране, они меняют валюту, пополняя валютные средства страны, включают ее в оборот на различные производственные и потребительские нужды. Так, только в 2014 г. белорусские гастарбайтеры, занятые в России и других европейских странах только переводами инвестировали в национальную экономику 1,05 млрд дол. А с учетом открытости белорусско-российской границы эта величина еще значительно больше.

Кредитная миграция, как в данном случае с китайскими строителями в Беларуси, во-первых, сохраняет валюту для своей (китайской) экономики (зарплата китайским строителям выплачивается в юанях, которая у тех, кто работает в Добруше, составила от 6 до 12 тыс. юаней в месяц, что составляет приблизительно от одной до двух тыс. дол.) и, во-вторых, способствует инвестированию кредитора дебитором.

Дело в том, что часть кредита (переменный капитал), которая составляет заработную плату китайским строителям, возвращается в Китай. Но тем не менее белорусская сторона эту часть кредита (уже возвращенную в Китай) будет в течение 13 лет погашать. Получается, что на таких условиях страна дебитор инвестирует экономику страны кредитора. И именно задержка расчетов по заработной плате строителям в Добруше подрядчиком компанией-застройщиком – ХУ Group выявляет этот аспект.

В Беларуси китайские кредитные мигранты составляют один из самых многочисленных отрядов трудовых мигрантов. Больше всего в Беларуси трудовых мигрантов из Украины и Китая. По данным статистического нацио-

нального комитета Республики Беларусь только за первый квартал 2015 г. из 6857 приехавших трудовых мигрантов прибыли из Украины – 3821 чел. и из Китая – 1331 чел. На другие страны (Россия, Узбекистан, Турция, Литва, Казахстан, Грузия, Азербайджан и Молдова), входящих в первую десятку трудовых мигрантов в Беларуси, приходится почти столько гастарбайтеров, как из Китая – 1472 чел. С трудовыми мигрантами из соседней Украины ситуация в целом ясна и вызвана она социально-политической ситуацией в этой стране. А вот с Китаем, который территориально по сравнению с другими странами первой десятки поставщиков в Беларусь трудовых мигрантов, находится, как говорят, на том конце света, ситуация гораздо запутаннее. И, к сожалению, те, кто озабочен привлечением в Беларусь как можно больше иностранных кредитов, не вникают в условия выделения китайских кредитов – связанные кредиты, что они осваиваются гражданами Китая. А это в результате способствует тому, что кредитный долг увеличивается как минимум в полтора раза по сравнению с обычным выделением кредитов. А значит и ложится тяжелым бременем на экономику Беларуси.

Следует отметить, что часть этого кредита составляет и строительство временного жилья для китайских мигрантов, чего при использовании трудового потенциала Беларуси не пришлось бы делать. Использование трудовых мигрантов из Китая в условиях, когда более полумиллиона белорусов сами пополняют ряды трудовых мигрантов, не имея возможности достойно зарабатывать у себя на Родине, вызывает негативную ситуацию. Китайские трудовые мигранты в такой ситуации оставляют трудовой потенциал Беларуси в худших условиях и тем самым обостряют рынок труда в Беларуси. К сожалению, за стремлением наращивать инвестиции (в таком случае экономически выгодным была бы меньшая сумма кредита) социально-экономические аспекты отходят на второй план или совсем не учитываются.

Karazay A.B.
(Istanbul, Turkey)

EXPLORING THE PROSPECT FOR TURKISH-RUSSIAN RELATIONS AND MIGRATORY REGIMES

Looking at the Soviet geography through the lens of migration, one can easily grasp the fact that historical ties, geographical proximity, transparent borders, common transport infrastructure led to a unique migration system within the Soviet era (Ivakhniuk, 2009). Despite strict limitations on the freedom of movement, the scale of internal migration was still large. Either *voluntary* or *involuntary* migration was used as an instrument of political suppression and industrialization in that era (Aba-

zov, 2009). Deportations of kulaks and accused ethnic groups led to the forced mass settlements which was close to 30 million people. International migration was also strictly controlled by the state (Ivakhniuk 2009). In that era, labour migrants were mainly from satellite countries like Poland, Bulgaria, Yugoslavia, Vietnam, and China. They came to Russia in teams to work in politically significant projects and were generally kept isolated from the society. In consequence, the migration environment within the Soviet era was shaped by the Soviet state's tight control of migration into, emigration from and movement within the Soviet Union.

In fact, in the early years of the republic, Turkey inspired by the centrally planned Soviet economy and initiated her First Five Years Plan with the advise of the Soviet experts. In line with this plans, Turkey took her first long-term credit from the SU and started to built big indsutirial plants (Karaçay 2011; 2015). Moving from statist economic policies towards economic liberalization, Turkey was able to get credits from the Soviet Union (SU) throughout the Cold War and continued to establish huge industrial plants in different regions of Anatolia. During the establishment of these plants first contact was started. For the construction of the Nazille Textile plant which was completed in 1937, for example, 90 engineers and workers from Turkey took trainings in Russia, while 120 Soviet workers and engineers worked for Nazilli Textile Plant in Turkey (Karaçay 2011; 2015).

Towards the end of the Cold War era, Turkey's liberalisation efforts, multi-dimensional foreign policy, increasing attention of Turkish contractors to foreign markets hand in hand with the SU's search for new gas-import conutries led to the formulation of 1984 Natural Gas Agreement. 1984 Natural Gas Agreement is important, because with this Agreement, some portion of the payment for Soviet natural gas was covered by Turkish construction services in the SU. That is to say, while SU was exporting natural gas, Turkey is providing construction services. With the implementation of this barter agreement Turkish contractors, engineers, businessmen and project-tied migrants entered to the Soviet Union. The agreement started to be implemented in 1988. The most prominent Turkish construction companies of the time, such as STFA, ENKA, GÜRIŞ and GAMA used this early entry opportunity to establish themselves in the emerging Russian market employed many project-tied migrants and professionals to the SU, who became the pioneers of migration from Turkey to Russia (Karaçay 2011; 2015).

The break-up of the Soviet republics created a totally new migration situation. In the early years, the break-up led to mass repatriation of Russian-speaking populations, flows of refugees, forced migrants, and displaced people and brain drain to the USA, Germany & Israel. In the mid of 1990s, migration in the former SU was increasingly motivated by economy (Ivakhniuk, 2009). The improvement of labour market relations, the moderation of minority policies and the freedom of travel resulted in new forms of mobility within the post-Soviet territor like, *shuttle trade* and *short-term labour migration*. They emerged as means of survival in the post-Soviet economic crises. As a resut, the closed and stricly controlled Soviet migration sytem opened its doors, as post-Soviet citizens began to enter the post-Soviet space freely. This totally new migratory setting and the economic and political transition in the post-Soviet space led Turkey to formulate a new foreign

policy, "Eurasian politics". With this policy, Turkey aimed to take the lead in the region via enhancing her political, economic and cultural ties mainly in Central Asia and Caucasia. With the Expanded Eximbank credits, business councils of Foreign Economic Relations Board (DEİK) and projects of Turkish Cooperation and Development Agency (TİKA) Turkish Contractors and Investors began operate not only in Moscow but in different regions of Russia, diversified their investments in different fields such as real estate, became a training hub for engineers & managers. This led to immense increase in the population movements between Turkey and post-Soviet countries towards the end of the 1990s.

On the other hand, shuttle trade and tourism gave impetus to the emergence of new migration patterns from Russia to Turkey. The Russian traders who were predominantly woman, mostly in their thirties and highly educated travelled for short periods and with a low budget, buying consumer products at mainly at wholesale markets like Laleli Istanbul, and then selling them in small quantities in the large wholesale markets like Luzhniki in Moscow (Yükseker, 2003; 2007). But, towards the mid of 1990s, however, the growing demand mainly in Russia and the restrictions set by the Russian government changed the structure of this informal trade. In line with the emergence of the cargo agents, chelnoks no longer needed to carry their purchase on their own. This new structure introduced new circular flows from the CIS countries to Turkey and usually to Istanbul. Small and medium size Turkish entrepreneurs who were impressed by the revenues gained from this trade began to crisscross between Russia and Turkey (Karaçay 2015). Some of them opened warehouses, shops and stores first in Moscow and then in other regions of Russia. Parallel to the improvements in the Russian economy, transportation and communication facilities, they diversified their operations and operated in different fields like food stuff, textile and tourism.

Regarding tourism, in the early 1990s, usually wealthy and highly educated Russian families visited Turkey. As shuttle traders brought news about Turkey's warm climate and cheap prices, they attracted the Russians' attention whose economy began to improve in the mid of the 1990s (Karaçay 2015). So the touristic visits began to increase in the mid of the 1990s. With the corresponding improvements in the Turkish tourism sector and increasing touristic flows, Turkey experienced a boom in the number of tourism agencies, hotels, restaurants and night-clubs. As a result, mostly women from the former Soviet countries began to work as exotic dancers, prostitutes, animators or receptionist in Turkey (again on a temporary basis) (Erder and Kaşka, 2003; Toksöz et.al, 2012). Aside from the increasing tourists and so called tourists working in the tourism and entertainment sector, Turkish entrepreneurs discovered Russian emerging tourism market and established travel agencies and tour operators there. They not only enhanced the touristic visits from Russia to Turkey but also became a school for Russians working at the managerial and operational level in this sector.

Coming to the milenium, the efforts to liberalize Russian migration policy towards the CIS citizens and steps paved for active regional cooperation have created a migration system that mainly supports the migratory flows from the CIS countries. Additionally, improved production and manufacturing facilities in Russia

and legal restrictions put on the shuttle trade led to the development of the internal shuttle trade and regional shuttle trade activities within Russia. So, shuttle traders began to purchase the customer goods from the markets in Moscow and Krasnodar or Omsk and Sverdlovsk and sell them in their regions. However, the development of the travel agencies and all inclusive system led to the start of the mass tourism from Russia to Turkey. Granting of EU candidacy status to Turkey in 1999, and becoming aware the social and cultural life in Turkey subsequent to their touristic visits, Russian tourists began to purchase property from Turkey after 2000 (Karaçay, 2015). The real increase in the acquisition of real estate by Russians, reached a peak in 2003 when the Title Deed Act was changed in a way that facilitated the purchase of property by foreigners. The purpose that lies behind the trend of purchasing real estate has based on Russian tourists' different strategies and different motivations to come to Turkey. Now, they prefer to come Turkey for settlement or retirement. Additionally the increased number of intermarriages is another sign of social and cultural ties and networks developed between Turkish and Russian societies. To note, the number of construction sites in Alanya increased strikingly. These housing complexes can be very luxurious or can offer modest options as well. In other words, even though there is an decrease in the number of Russian tourists coming to Turkey in 2014, it is possible to say that a Russian migrant community in Turkey has already created its own economic, social and cultural networks and ties.

References

Abazov, R., 2009, "Current Trends in Migration in the Common Wealth of Independent States", *UNDP Human Development Research Paper (HDRP) Series, 2009/36*, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdrp_2009_36.pdf

Chudinovskikh, O., 2013, "International Migration Report 2013: The Russian Federation, OECD Continuous Reporting System on Migration," OECD: Sopemi Report for Russia, 2013.

Erder, S., and S. Kaşka, 2003, *Irregular Migration and Trafficking in Women: The Case of Turkey*, Geneva: IOM.

Ivakhniuk, I., 2009, "Russian Migration Policy and its Impact on Human Development", *UNDP Human Development Research Paper (HDRP) Series, 2009/14*, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdrp_2009_14.pdf

Karaçay, A. B., 2011, Bir Göç Sisteminin Anatomisi: Türkiye-Rusya Örneği, (An Anatomy of A Migration System: The Case of Turkey and Russia) *unpublished doctoral dissertation*, Marmara University Social Science Institute, Istanbul.

Karaçay, A. B., 2015, The Migration System between Russia and Turkey: Past Trends and New Prospects, in *Waves of Diversity: Socio-political Implications of International Migration in Turkey*, edited by A. B. Karaçay, D. Senol Sert, Z. G. Goker , ISIS: Istanbul.

Ryazantsev, S. V., 2009, "Turkish Communities in the Russian Federation", *IJMS*, 2(11): 155-74.

Unutulmaz, K. O., 2007, "International Retirement Migration in Turkey: Dynamics, Processes and Implications", unpublished masters thesis, Koç University Social Science Institute, Istanbul.

Toksöz, G. Toksöz, S. Erdoğan, S. Kaşka, 2012, *Irregular Labour Migration in Turkey and Situation of Migrant Workers in the Labour Market*, IOM: Ankara.

Yükseker, D. H., 2003, Laleli-Moskova Mekiği: Kayıtdışı Ticaret ve Cinsiyet İlişkileri, İstanbul: İletişim Yayınları.

Yükseker, D. H., 2007, “Shuttling Goods, Weaving Consumer Tastes: Informal Trade between Turkey and Russia{ XE "Russia" }”, *International Journal of Urban and Regional Studies*, 31(1): 60-72.

Zabyelina, Y., 2012, “Costs and Benefits of Informal Economy: Shuttle Trade and Crime at Cherkizovsky Market”, *Global Crime*, 13(2): 95-108

Korneev O.

(Tomsk, Russia)

Kluczevska K.

(St. Andrews, United Kingdom)

DIFFERENTIATED (NON)INVOLVEMENT: TAJIKISTAN’S EMIGRANT POLICIES

In this brief paper, we present our main arguments related to the ways in which the authorities of post-Soviet Tajikistan establish relationships with and policies relating to Tajik emigrants and the reasons behind them. In a much longer original article that we have presented elsewhere [1], we have attempted to draw a broad picture covering the policies and practices developed by Tajikistan towards both Tajik labour emigrants and “diasporas” situated mostly in Russia. Our original work is based on interview and participant observation materials collected during our separate fieldworks in Tajikistan and Russia, as well as on publicly available media and official statistical sources. Here, we present a succinct summary of that earlier work. We show that in order to understand what policies in relation to emigrants are being deployed by an ostensibly authoritarian post-Soviet state we need to: differentiate among various groups of emigrants; avoid the trap of looking at an authoritarian state as a unified actor; account for a complex, messy policy process and all the externalities that it generates.

While such statements as “[m]igration research has long focused on immigration, overlooking the policies of migrants’ origin states” [2, P.181] seem somewhat overstretched – since several works have already addressed precisely the issue [3] – we can definitely say that not much has been published in relation to the post-Soviet space with some exceptions focusing on Russia and Armenia. Tajikistan is the only country in Central Asia that has experienced two major migratory processes: conflict-driven emigration as an escape from the civil war (1992-1997) violence and then post-conflict labour emigration as an escape from poverty of the country, whose almost entire economy collapsed as a reaction to the breakdown of the USSR, aggravated by damages of the civil war. Nowadays, Tajikistan is cer-

tainly a relevant case to study taking into account that it is the biggest recipient of migrant remittances in terms of a share corresponding to the country's GDP, which over the last few years amounted to about 50%; and up to 1,5 million of its citizen, out of 8,6 million total population, are labour emigrants.

Our initial intention, therefore, was to focus only on one particular category of Tajik "overseas citizens": labour emigrants. This narrow focus would be valid in the context of Tajikistan's often-cited remittance dependency and would fit in wider academic discussions within the "migration and development" framework. Moreover, focusing on how an authoritarian post-Soviet state deals with its labour emigrants would save us from discussions of an often vague and abstract "diaspora". However, insights from the participant observation of one of the co-authors, as well as our informal discussions and interviews with some key informants in Tajikistan and in Russia have prompted us to alter this focus. We, thus, have opted to look at both conflict-generated "diaspora(s)" having left to Russia during the Tajik civil war and labour emigrants who started leaving the country after the conflict, at the end of the 1990s. Having said that, we are not going to enter the terrain of endless discussions on the concept of diaspora. We are, however, well aware of its highly contested nature [4] and rather cautious in its use.

Our analysis mostly follows the field while also engaging in a conversation with existing works on the relevant aspects of our study. We are not trying to reinvent the theoretical wheel in this field by bringing in new obscure concepts and explanatory logics. Instead, we borrow actively from those works that can provide a better framework for our discussion of Tajikistan.

In particular, we embrace Tsourapas' argument that not all emigrants are equally important for the country of origin and that states develop multi-tier emigrant policies depending on emigrants' utility [5]. We believe that there is much to say about this trend in the completely underexplored context of the post-Soviet space packed with post-colonial authoritarian states. In the case of Tajikistan, there are clearly different policies and approaches of the authorities towards mostly poor low-skilled labour emigrants, opposition "diaspora" and loyal rich "diaspora", as well as towards young emerging diaspora(s).

However, if we assume that the state decides what emigrant groups are useful and how, we also assume that the state is a unified actor and there is a rational thinking behind its actions. Our findings demonstrate that this is not exactly what happens in Tajikistan. Therefore, we argue that in our analysis of emigration/emigrant policies there is a pressing need to move away from methodological nationalism on the other side of the picture. In other words, we need not only to pay attention to various groups of emigrants and respective policies towards those groups, but also emphasize the need to differentiate among various „state" actors impacting particular emigration policies of a single state. Our own specific contribution to the theory here probably lies in our very close attention to the migration policy process in an authoritarian state underscoring the messiness of the decisions taken and the multiplicity of actors involved. Combined with the central argument made by Tsourapas, this could also explain why there are different policy approaches towards the same emigrant group – attributed with different shadows of

utility – on the part of different “state” actors within Tajikistan – and even inside those actors.

We also take on board Gamlen’s “governing approach” explaining the rise of diaspora institutions [2]. This approach – principally making the link between local and global governance levels – also assumes that there are different actors of diaspora-relevant policies, each of them might have a position different from the others and, hence, can contribute to an overall policy patchwork. Thus, by looking not at processes/mechanisms but at subjects of governance – governors [6] – this approach can be more relevant for the study of policies implemented by ostensibly authoritarian states like Tajikistan, where the decision-making process is limited to a narrow circle of actors. In the context of Tajikistan, this approach also echoes the argument made by Tsourapas about distinct emigrant groups indirectly confirming that there is no single Tajik diaspora but rather a mix of low-skilled labour emigrants, opposition “diasporas” and loyal “diasporas”.

Finally, this approach implies that the “human factor” and subjectivity are important when it comes to decision-making process (and the fact that it can be competitive and its outcome may seem blurry and messy) in authoritarian states, although popular opinion would hold that authoritarian states exercise their governing functions in a very organized way void of political contestation and competition. Instead, our research shows that much in Tajikistan’s labour migration policy is done ad hoc, through a messy policy process, without even an overarching political strategy behind. Just like in Western liberal democracies, there is much of bureaucratic and interest politics involved in (e)migration policy-making [7] in authoritarian states as well, and this supports the argument about the fuzzy dividing lines between these textbook regime types. This observation echoes some recent studies indicating that policy processes (including such core elements as accountability) in authoritarian and democratic states often follow similar patterns.

To summarize our main arguments, in order to understand what policies and practices in relation to emigration/emigrants are being deployed by Tajikistan and why we need to: 1) differentiate among the various groups of emigrants; 2) differentiate among various policy actors (state and quasi-state) and, thus, avoid the trap of looking at an authoritarian state as a unified actor; 3) account for a complex, messy policy process and all the externalities that it has. In what follows, we will focus only on policies towards labour emigrants.

Nowadays, the Tajik legislation provides an elaborated legislative framework aiming at protection of Tajik labour emigrants. It needs, however, to be noted that this legislation is an effect of pressures of international organizations, rather than conviction and non-animosity of the Tajik government.

Regarding the attempts to regulate the process of labour emigration, at least two components can be distinguished: vocational education and organised recruitment. Pre-departure orientation has become the most developed part of the Tajik education system. As stated in a report of the International Labour Organization, the focus on vocational education for young adults, rather than on primary and secondary education, emerged in 2006, with the adoption of the National Strategy for Development of Education in the Republic of Tajikistan [8]. Two years later, the first

Adults' Learning Centres were created by the Ministry of Labour. Over the last 9 years, with financial support of international donors, the centres with several branches were opened in most regions of the country. There, Tajik citizens can gain new skills and obtain certificates necessary for the Russian job market.

Organised recruitment is an idea that was promoted in Tajikistan by the World Bank and International Organization for Migration, and like many elements included in the National Strategy on Labour Migration, it has been brought into the government's sight by various development actors. The government saw organised recruitment as an alternative to chaotic labour migration because it tries to link skilled migrants with good-will employers in a legal way, and eliminate problems associated with irregularity and precarious working conditions of migrants. In 2014, the Agency of Employment Abroad under the Ministry of Labour Migration and Employment was created to link potential migrants and bigger employers in Russia and Kazakhstan.

Slow but continuous adaptation of the education system to the needs of emigration and organised recruitment started by the Tajik government shows that it attempts to use various mechanisms, which could change the status quo of chaotic emigration. At the same time, these two mechanisms may be interpreted as a deliberate way of keeping migrants abroad as long as possible through – very positively – improving conditions of their employment and status.

The opinions regarding the practical involvement of Tajik authorities, both in the home country and representatives abroad, in solving problems faced by labour emigrants are divided. Additionally, it is difficult to provide a reliable assessment of effectiveness of work of Tajik consulates and embassies, because there is no monitoring system of their work. However, it can be said that for most migrants Tajik authorities are not the first instance where they look for help.

Indeed, as a study of ILO reveals, the Tajik government is not even listed as a source of help in a survey carried among 1000 labour migrants, who as a first instance recur mostly to family (57, 1%) and friends (43,3%) to seek for assistance [8]. Although numbers and percentages can give us an idea about trends and tendencies, a further explanation is needed, as to what is the reason behind such patterns. In this way, the little reliance of labour emigrants on the government may be seen both as a cause of limited involvement of Tajik authorities in solving problems of citizens abroad, as well as its result.

To start with, noninvolvement of Tajik authorities can be a result of culture of the Tajik society, where a strong sense of family belonging, as well as regional ties make migrants rely on family, friends and people coming from the same villages, towns and regions in the first instance, also when problems occur. In this way, migrants themselves delegate tasks of Tajik authorities in providing assistance to their relatives. On the other hand, the fact that migrants do not involve Tajik authorities can be seen as a result of the malfunctioning of the state system.

Widespread corruption among Tajik authorities is another commonly mentioned factor. Some officials take advantage of low general and legal awareness of migrants, as well as their limited knowledge of Russian language and despair to remain in Russia in order to maintain households left behind in Tajikistan.

Overall, at the first glance it may seem that the term ‘non-involvement’ describes the attitude of Tajik authorities better than ‘involvement’. Why is this happening? Several interviewees who work in cooperation with the Tajik government on a daily basis sought to uncover the reasons behind its limited involvement in solving problems of Tajik citizens abroad. First of all, although there are already 7 Tajik consulates and 6 representations of the Migration Service in Russia, the number of Tajik diplomatic structures is not adequate to the scale of labour emigration.

Moreover, referring to complaints about corruption among Tajik officials who demand money from migrants in exchange for services, as well as do not respect poorly educated labour migrants, an interviewee from the Migration Service has argued that the so-called “human factor” is often decisive in the interaction between a migrant and an employee. Misbehaviour of a few officials may put shadow on the work of the whole agency. At the same time, what at the first glance may seem as corruption, sometimes happens to have a different rationale than seeking for personal benefits by Tajik officials. An interviewee from an NGO which offers help to emigrants in Russia explains that the border between corruption and limited resources allocated to Tajik diplomatic structures is not clear, thus, leaving space for misinterpretation.

The difference between involvement and non-involvement of Tajik official representations abroad in assisting Tajik labour emigrants is hard to establish, the dividing lines here are blurry. This is well because of the messiness of the decision-making and implementation process, but also because of other intervening factors that need to be taken into account – cultural factors, limited financial resources, bureaucratic processes.

References

1. Kluczevska, K. and Korneev, O. Policies and Practices of (Non)involvement: Tajikistan, its Labour Emigrants and “Diaspora(s)” [Text] / O. Korneev, K. Kluczevska // Seminar Overseas Citizens, University of Amsterdam, 21-22 September 2015. – 23 p.
2. Gamlen, A. Diaspora Institutions and Diaspora Governance [Text] / A. Gamlen // International Migration Review. – 2014. – 48 (1). – P.180-217.
3. Dufoix, S., Guerassimoff, C. et Tinguay de, A. Loin des yeux, près du cœur [Text] / S. Dufoix, C. Guerassimoff, A. de Tinguay // Paris: Presses de Sciences Po. – 2010. – 344 p.
4. Ragazzi, F. Diaspora: The politics of its meanings [Text] / F. Ragazzi // International Political Sociology. – 2012. – 6(1). – P.107-111.
5. Tsourapas, G. Why Do States Develop Multi-Tier Emigrant Policies? Evidence from Egypt [Text] / G. Tsourapas // Journal of Ethnic and Migration Studies. – Online first: <http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2015.1049940>
6. Avant, D.D. Who governs the globe? [Text] / D.D. Avant, M. Finnemore, S.K. Sell // Cambridge University Press. – 2010. – 456 p.
7. Sciortino, G. Toward a political sociology of entry policies: conceptual problems and theoretical proposal [Text] / G. Sciortino // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2000. – Vol.26 (2). – P.213-228.
8. Migration and Development in Tajikistan: Emigration, Return and Diaspora [Text] / International Labour Organization // Moscow: International Labour Organization. – 2010. – 95 p.

РЕПАТРИАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1945–1951 гг.): НА ПРИМЕРЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ УКРАИНЦЕВ ИЗ ГЕРМАНИИ В СССР

Проблема репатриации советских перемещенных лиц после Второй мировой войны не является новой темой для мирового научного сообщества. С начала 1990-х гг. к ней регулярно обращаются историки, экономисты, социологи. Однако наличие обширной историографии не означает, что проблема репатриации советских «ди-пи» (от англ. *displaced persons*) исследована всесторонне. Наиболее сложными и наименее изученными ее аспектами являются возвращение в Советский Союз отдельных национальных групп и использование репатриации этих групп как метода внешнеполитической борьбы. На примере возвращения в СССР украинских «ди-пи» мы попытаемся рассмотреть причины и последствия превращения репатриации в инструмент политического противостояния между Москвой и ее союзниками по антигитлеровской коалиции в 1945–1951 гг.

Репатриация (от лат. *repatriare* – возвращаться на родину) – возвращение в страну гражданства, постоянного проживания или происхождения лиц (военнопленных, интернированных, депортированных, беженцев, эмигрантов и др.), оказавшихся в силу различных обстоятельств, в том числе в результате вооруженного конфликта, на территории других государств [1, С. 6]. Обычно репатриационные процессы регулируются международными договорами. В послевоенный период такими документами можно считать двусторонние соглашения, заключенные союзниками в Ялте 11 февраля и в Галле 22 мая 1945 г. Базовым понятием в этих соглашениях являлось гражданство репатрируемых: обязательному возвращению на родину подлежали все «советские граждане» без выделения этнических страт [1, С. 31-32]. Однако в Ялтинских соглашениях не было указано, кого следует понимать под «советскими гражданами», а СССР и его союзники вкладывали в это понятие разный смысл.

Поскольку одной из ключевых задач Москвы при организации репатриации было недопущение формирования антисоветской эмиграции из «невозвращенцев», особенно «западников» – выходцев из Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии, Северной Буковины и стран Прибалтики, присоединенных к СССР в сентябре 1939 г., советская сторона требовала максимально широкой репатриации. Что касается союзников СССР, то до осени 1945 г. они были заинтересованы в скорейшей репатриации собственных граждан, освобожденных Красной армией, и особенно

во вступлении СССР в войну с Японией [1, С. 101]. Поэтому они не только выполняли взятые на себя в Ялте обязательства, но и фактически шли на нарушение всех существующих на тот момент норм международного права, отправляя в Советский Союз даже представителей межвоенной эмиграции [7, С. 197-199]. Этот период (весна – осень 1945 г.) считается временем массовой репатриации: уже к концу апреля 1945 г. из Германии в СССР было отправлено более 1 600 000 чел. [6, С. 33].

Тем не менее, уже весной 1945 г. было понятно, что проведение в жизнь требований СССР находится в полной зависимости от доброй воли западных союзников, совпадения их взглядов и интересов с взглядами и интересами Москвы. Проблема заключалась в том, что западные страны после разрушительной мировой войны, как и СССР, остро нуждались в дешевой рабочей силе, в квалифицированных специалистах, в интеллектуальных ресурсах. Источником таких ресурсов были советские «ди-пи», поэтому как до Крымских соглашений, так и после Центральное управление по делам репатриации при СНК СССР регулярно получало сведения о том, что союзники, намеренно тормозя репатриацию советских граждан, отбирают из их числа квалифицированных специалистов и ученых, настойчиво отговаривают от возвращения на родину и даже запугивают [3, С. 336].

К маю 1945 г. ситуация ухудшилась настолько, что возникла необходимость в проведении новых переговоров. На встрече в г. Галле (16–22 мая 1945 г.) впервые встал вопрос о неоднозначности понятия «советские граждане». И хотя советской делегации удалось настоять на включении в финальную редакцию соглашения принцип обязательной отправки в СССР как «восточников», так и «западников», на практике это не дало ожидаемого результата. А вскоре политическая ситуация в мире изменилась кардинально, фактически остановив репатриацию советских граждан.

Союзников СССР тревожило распространение советского влияния в Восточной и Центральной Европе и на Балканах. Вероятно, «последней каплей» стала Потсдамская конференция (17 июля – 2 августа 1945 г.), на которой Москва предъявила Турции территориальные претензии и требования о совместной обороне Черноморских проливов. Это означало наступление СССР на зону геостратегических интересов Великобритании – Ближний Восток и потребовало ответных мер от «западных демократий».

Так как к осени 1945 г. Япония была разгромлена, а репатриация граждан США, Великобритании и Франции практически завершилась [1, С. 46], 4 сентября 1945 последовало негласное распоряжение Д. Эйзенхауэра о приостановке выдачи советским органам из американской зоны оккупации «перемещенных лиц, не желающих репатрироваться в СССР» [6, С. 85]. Вскоре аналогичные решения были приняты Великобританией и Францией. Это означало переход от сотрудничества к конфронтации *de facto*. *De jure* смена политического курса союзников СССР была зафиксирована в начале следующего года на I сессии ООН: в резолюции Генассамблеи ООН от 12 февраля 1946 г. указывалось, что перемещенных лиц не следует принуждать к возвращению на родину [1, С. 47-48].

С этого времени репатриация советских граждан в СССР резко пошла на убыль. Зато развернулась эмиграция «ди-пи» в третьи страны, в первую очередь за океан – в США и Канаду. Одновременно все больший интерес США и Великобритания начинали проявлять к антисоветским силам в среде перемещенных лиц, одно из ключевых мест среди которых быстро заняла украинская эмиграция в Европе и прежде всего в Германии

В 1945 г. на территории Германии находилось около 1 800 000 украинцев, из которых примерно 1,5 млн. чел. приходилось на военнопленных и остарбайтеров, и еще 350 тыс. – на коллаборационистов и членов их семей, а также представителей межвоенной эмиграции [2, Л. 2; 8, С. 86]. С весны 1945 г. до конца июня 1947 г. большинство украинцев, получивших статус «ди-пи», находилось в специальных лагерях под опекой Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA) и оккупационных администраций союзников. Затем ее сменила Администрация помощи и восстановления Международной организации по делам беженцев (International Refugee Organization, IRO). В 1949 г. основные полномочия по работе с перемещенными лицами были переданы службам ФРГ.

В эволюции отношения союзников к украинским «ди-пи» в Германии можно выделить два этапа. На первом этапе (весна – осень 1945 г.) украинцы наряду с представителями других национальностей интересовали их в первую очередь как один из дешевых источников рабочей силы и квалифицированных кадров. При этом союзники ограничивались поощрением деятельности украинских общественных организаций США и Канады, оказывавших финансовую и материальную помощь «ди-пи» (хотя адресатами такой помощи были и радикальные организации, типа ОУН(б)). Они не противодействовали работе в лагерях так называемых Украинских комитетов помощи, которые в том числе негласно помогали украинцам скрываться от репатриации. Кроме того, с лета 1945 г. союзники стали поощрять создание отдельных украинских лагерей. В этих лагерях украинские националисты и представители консервативно-монархического «гетьманського руха» быстро создали эффективную информационно-пропагандистскую инфраструктуру, нацеленную на стимуляцию национального самосознания, поощрение размежевания между «восточными» и «западными» украинцами и противостояние репатриации [5, С. 112, 150-152]. Распространение влияния националистических и сочувствующих им сил украинской эмиграции на «ди-пи» вело не только к сокращению репатриационного потока, но и к общей радикализации перемещенных лиц, к росту напряженности в отношениях между ними, вплоть до вооруженных столкновений.

К распространению националистических и антисоветских, антирусских настроений приводили также действия советских репатриационных органов. Как уже было сказано, требования Москвы о максимально широкой репатриации, включая лиц, не являвшихся советскими гражданами, не причастных к военным преступлениям Третьего Рейха и его союзников и не желавших отправляться в СССР, противоречили нормам международного права,

включая сами Ялтинские соглашения [7, С. 196-203]. Зачастую репатриация украинцев производилась насильственно, с грубыми нарушениями элементарной законности: имели место аресты на улицах людей, говорящих по-украински, захваты украинских лагерей с последующим помещением украинцев в общий лагерь, разлучением семей. Украинцы отвечали массовыми акциями протеста, настоящими схватками с немецкой полицией и представителями оккупационных властей, голодовками, убийствами и самоубийствами. Наиболее драматичные события разыгрались в лагерях Манхайм, Фюссен, Кемптен [5, С. 31].

К весне 1946 г. репатриация украинцев, как и других советских «ди-пи» практически остановилась, и все попытки СССР стимулировать ее (в частности, введение 14 июня 1946 г. упрощенного режима въезда на Украину для украинцев, признавших себя гражданами СССР [6, С. 34]) не дали результатов. Вместо этого развернулась эмиграция украинцев из Германии в европейские страны, а также в США, Канаду, Австралию, за счет чего и происходила с этого времени убыль численности украинских «ди-пи» [5, С. 86-87].

Численность украинцев в Германии в 1946–1950 гг.

Зоны оккупации	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.
США	104 024	85 646	78 504	56 611	39 359	14 000
Великобритания	54 580	44 987	35 108	24 923	12 983	6 266
Франция	19 026	9 922	6 130	4 074	2 841	1 671
Всего	177 630	140 555	119 742	85 608	55 183	21 937

С 1947 г. к организации выезда украинских «ди-пи» за рубеж подключилась также IRO, применяя к сомневающимся как уговоры и пропагандистские методы, так и физическое и моральное насилие.

В это же время, в 1946–1947 г. отношение западных держав к украинцам изменилось. В связи с началом холодной войны на повестке дня снова, как в период Первой и Второй мировых войн, снова оказался «украинский вопрос», то есть возможность использования украинцев как орудия борьбы с Москвой. Большой интерес, в частности, США и Великобритания начали проявлять к украинским националистам. В 1946 г. при поддержке США были созданы Заграничные части ОУН(б), которые тут же развернули интенсивные идеологические и физические чистки среди украинцев, остававшихся в лагерях.

К 1947 г. вполне оформилась стратегия использования украинских «ди-пи» в целом и особенно бывших коллаборационистов в качестве ресурса для агентуры союзнических разведывательных служб и формирования диверсионных сил в случае войны с СССР [9, С. 88] (по этой причине американские спецслужбы уклонялись от выдачи бойцов УПА, на которой настаивали советские репатриационные органы [9, С. 80]). А в 1948 г. на них действительно была возложена одна из основных ролей в спецоперации «Аэродинамик» (Operation Aerodynamic) – растянувшихся на сорок лет секретных совместных действий спецслужб США, Великобритании и ФРГ против СССР. В этом

году в «психологическую войну» против СССР включились также перенесенные в Западную Германию, где союзникам было легче их контролировать, органы власти Украинской Народной Республики в эмиграции – Государственный центр УНР (ДЦ УНР) и Украинский Национальный Совет (УНРада) (до этого они действовали в Польше и Франции).

К 1951 г. эмиграция украинцев из Западной Германии в западные страны в основном завершилась. Численность украинской общины в ФРГ составила к этому году около 20 тыс. человек [5, С. 116]. Дальнейшая ее жизнедеятельность была связана в основном с работой госаппарата УНР в эмиграции, направленной на освобождение «оккупированных Москвой народов» в союзе с США, Канадой и Великобританией и выражавшейся в идеологической войне с СССР, систематической его дискредитации и поддержке диссидентского движения в УССР [4, С. 383].

Пример репатриации украинцев в СССР, которая к концу 1940-х гг. была фактически сорвана, отражает общую тенденцию послевоенных лет. Репатриационные процессы, которые должны выступать как гуманитарный акт возвращения на родину людей, пострадавших от глобального военного катаклизма, превратились в акт политический, а репатрианты, стали разменной монетой в противостоянии стран-победительниц. Пример украинских «дипи» показывает, что перемещенные лица превратились в ресурс дешевой рабочей силы и кадров для антисоветской игры США и Великобритании, а украинская община, сложившаяся в Западной Германии, стала полигоном, на котором отрабатывалась новая концепция сотрудничества украинской эмиграции с «западными демократиями», направленного на создание независимой Украины.

Список литературы и источников:

1. Арзамаскин Ю.Н. Тайны советской репатриации [Текст] / Ю.Н. Арзамаскин. М.: Вече, 2015. – 352 с. : ил. – (Военные тайны XX века). – ISBN – 978-5-4444-2762-0.
2. ГА РФ. Ф. Р-7021. Данные ЧГК по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Оп. 116. Д. 333.
3. Земсков В.Н. Репатриация перемещенных советских граждан [Текст] / В.Н. Земсков // Война и общество, 1941–1945: в 2-х кн. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов; Ин-т Российской истории. – М.: Наука, 2004. – ISBN 5-02-008884-6. – Книга 2. – 2004. – 411 с. – ISBN 5-02-009849-3 (в пер.).
4. Лівницький М. Відносини Захід – Схід і проблеми поневоленних Москвою націй [Текст] / Микола Лівницький (В. Ткач). – Мюнхен: Видавництво Українського інформаційного бюро в Мюнхені: Коштом Г. Лівницької, 1975. – 408 с.
5. Маруняк В. Українська еміграція в Німеччині і Австрії по другій світовій війні [Текст] / Володимир Маруняк: у 2-х т. – Мюнхен: Академічне Видавництво д-ра Петра Белея, 1985. – Т. 1. Роки 1945 – 1951. – 432 с.
6. Нитобург Э. У истоков русской диаспоры в США [Текст] / Эдуард Нитобург // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1999. – № 1.

7. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем Рейхе и их репатриация [Текст] / П.М. Полян; Ин-т географии Рос. акад. наук (Москва), Ин-т по изучению последствий войны им. Л. Больцмана (Грац – Вена). – М.: Ваш Выбор ЦИРЗ, 1996. – 442 с. – ISBN 5-8243-0130-1.

8. Соколова В. Трудный путь домой. Репатриация советских граждан из Германии в 1945 г. [Текст] / Вера Соколова // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 5.

9. Breitman R., Goda N. J.W. Hitler's Shadow: Nazi Criminals, U.S. Intelligence, and the Cold War [Text] / Richard Breitman and Norman J.W. Goda / Published by National Archives. – Raleigh: Lulu Press, 2012. – ISBN 978-1300347354.

Lemos M.T.B.

(Rio de Janeiro, Brazil)

Dantas A.T.

(Rio de Janeiro, Brazil)

REINVENTING IDENTITY – PERUVIAN IN RIO DE JANEIRO (1950-2015)

1. Initial Remarks

Studies on population dislocations are mostly based on demographic, economic and sociological analysis of economic crises and the vicissitudes of the labor market, which could precipitate political and social instability. According to some economists, population mobility is a result of excessive income differences between countries, in addition to population growth, a factor that contributes decisively to maintain a lower income in the most populous regions of the world, while in regions where the population growth is low, or even negative, income remains highest (Gomes.2005). In contrast, sociologists point out the role of social networks as an attraction element for the arrival of new immigrants, encouraging them to find work and housing, as well as benefiting their cultural adaptation.

Since the late nineteenth century, South Americans, especially those living near our borders, move to Brazil and vice-versa. There is a considerable number of Brazilians who cross borders and settle in neighbor countries. These facilities are due to the, so to say, symbolic character of the borders and, more important, the lack of effective control since colonial times. That mobility of Brazilians and foreigners in the border areas, mixing languages and customs, is part of the ordinary lives of those people.

In Amazon State, for instance, the internal migration is considerable as well, in a continuous movement toward the capital of the State and another, equally sig-

nificant, in the triple border – Peru, Brazil and Colombia – favored by the extensive border area which has greatly facilitated human mobility and given continuous inputs and outlets in neighboring areas (CELAM, 2003).

South Americans dislocations to Brazil started from 1950, especially to São Paulo. The immigrants were attracted by the Bilateral Agreements, the development of industries in the Southeast, academic conventions and the invitation of the Brazilian Government, aiming to start new life in Brazil. Besides those factors, that emigration was also explained by the economic and political instability in these countries, resulting from the revolutionary movements, political persecution and social conflicts. Although most were supposed to move searching for jobs in São Paulo (and sometimes rural work in other states), a large number of immigrants, mostly of exiled, political refugees, students and professionals, came to Rio de Janeiro, then the political and administrative center of the country.

From the 1970s, the rise of authoritarianism in most Latin American countries precipitated the departure of a large number of people affected by internal conflicts. That decade onwards, Brazil has become a main destination of South Americans. Peruvians, Ecuadorians and Bolivians arrived in Rio de Janeiro meeting the immigrants which came before in 1950.

In addition to the internal problems of the neighboring countries, the development of the Brazilian economy has attracted an increasing number of larger South Americans migrants, mostly for São Paulo, the most important state of Brazil in economic terms, mainly because of the supply of employment. Despite of this fact, from the 1990s Rio de Janeiro became the reference point for the new migratory flows.

2. Peruvian Immigration to Brazil – 1950/2015

The Peruvian Consulate in São Paulo estimates that about 70,000 Peruvians live in Brazil, of which 35,000 in São Paulo (20,000 are supposed to be illegal). The remainder is distributed by cities like Rio de Janeiro, Curitiba and Recife (Jaime Stiglich.2009).

Since 1968, due to the military dictatorship in Peru immigration to Brazil intensified and about 1500 Peruvian students enrolled in various universities. Economic policies and hyperinflation also led Peruvian population to leave the country and come to live in Brazil.

Another recent wave of immigration, with different characteristics, occurred in the late 80s as a result of the actions of the terrorist group *Sendero Luminoso*. Fleeing from the attacks and in search of work and security, thousands of families have come for shelter, especially in São Paulo. Currently, the Peruvian colony in Brazil consists of a deeply heterogeneous group, made up of students, liberal professionals and executives, most of whom reside in the state capital (ibid).

3. Peruvian context – 1950 – 2010 – mobility and migration

Political and economic crises that have convulsed the Peruvian society since the late nineteenth century continued in the twentieth century. Unlike other South American countries, Peru continued with a policy aiming the expansion of raw materials as a result of international demand, which resulted in the suppression of internal development and maintenance of the country's external dependence.

In the first three decades of the twentieth century, the confrontations of new political and ideological forces, under the leadership of Jose Carlos Mariategui, Victor Haya de La Torre and Luis Sanchez, defined the changes and irreconcilable options from different classes and sectors of Peruvian society.

The violence generated by these political forces can be attested by the disastrous results caused by Chanchán massacre in 1932, leaving thousands dead and causing large displacements of people uprooted for cities. In the mid-twentieth century began, at first timidly and then intense migration of rural population to Lima. The capital represented the dream of rural man.

From the 1950s onwards, immigrants originated, in its majority, from rural communities and the families of serfs, peons, and *yanaconas* of the farms situated in the poorest provinces, the inter-Andean valleys and highest ecological floors in the Andes. This migration involved literally millions of Peruvians in the course of two or three decades. It was therefore an episodic, intermittent and minor process as the previous ones, but massive, continuous and global. It is pointless to resort to the frightened city image of the "invasion" to realize its magnitude (FRANCO, 1991).

Over the next three decades, the presence of the Andean became more and more constant in the environment previously dominated by the aristocracy of Lima. Similarly, population growth faced by Lima led to a series of social and economic problems. Around the "old Lima", they began to be build neighborhoods for migrant of hills that, often built their houses on vacant land without any infrastructure or sanitation. As a result of the demographic explosion, as the peasant revolts and strong migration, such problems caught the attention of politicians at the beginning of the 1960s.

In the second half of the twentieth century, economic and social crises have widened and the country was in a situation of great instability. In this sense, economic decisions were taken by Peruvian governments to alleviate the difficulties of the people. Interventionist proposals of Juan Velasco Alvarado and Alan Garcia, the liberal-orthodox Francisco Morales Bermudez and Fernando Belaúnde Terry and neoliberal Alberto Fujimori had no effect at all. The results were deplorable for economic growth and contributed nothing to reduce social differences and eradicate unemployment and levels of poverty and misery. Initially, they had the support of Peruvian society, but in the following decades the problems worsened due to the discontinuity of economic projects, and the lack of articulation with other sectors for a sustained expansion. It also did not reduce the gap between social classes, but, on the contrary, increased the concentration of wealth and poverty.

As one can see, the national instability in rural and urban areas, caused the displacement of peasants from rural areas to the capital. Political persecution and

increased the number of exiles and refugees continued on and on. Most emigrated to other countries like USA, Argentina and Brazil. Most dispossessed, usually peasants and unskilled population, increased the migratory currents especially near the borders of the country. In that decade, Brazil received significant number of Peruvian immigrants. In 1980/90 decades new current of migration arrived in Brazil and many families came to Rio de Janeiro.

4. Final Remarks

This study is still in progress and it aims to analyze the forms found by Peruvian immigrants to build their lives in the new social space of the city of Rio de Janeiro. Ignored by local authorities who do not realize their existence, Peruvian immigrants had to reinvent themselves and seek to get rid of invisibility to be accepted as Brazilian citizens.

References

BAUMAN, Z. Globalização: as consequências humanas. Rio de Janeiro: Zahar, 1999.

BECKER, O. M. S. (2009)- Mobilidade espacial da população In: CASTRO, (Org.). Explorações Geográficas. Rio de Janeiro: Bertrand Brasil, 1997, p. 319 – 367.

NEISWANGER, W.A. e Nelson, J. (1995) – Problemas económicos de América Latina. México, FCE.

NÚCLEO DE ESTUDOS E PESQUISA INTERNACIONAL (NEP) e PROLAM (PROGRAMA DE INTEGRAÇÃO EM AMÉRICA LATINA)

OLIVEIRA, G.; BAENINGER R. (2014)- Interiorização da Imigração Internacional em São Paulo. Anais do Congresso Latinoamericano de Población. Lima-Peru.

PÓVOA NETO, H. (2005) A criminalização das migrações na nova ordem internacional. Rio de Janeiro: Revan, FAPERJ.

_____. Cruzando Fronteiras Disciplinares: um panorama dos estudos migratórios. Rio de Janeiro: Revan, FAPERJ.

RICOEUR, Paul (1965) – Da Interpretação – Ensaio sobre Freud. Rio de Janeiro, Imago.

_____. (1994) Tempo e Narrativa. 1994

SOUCHAUD, Sylvain; (2009)- Les périodes migratoires du peuplement au Brésil, de la fin du XIXème siècle à nos jours », Hommes & migrations.

Marushiakova E.I.

(Sofia, Bulgaria)

Popov V.Z.

(Sofia, Bulgaria)

EUROPEAN GYPSY MIGRATIONS: HISTORICAL AND MODERN PATTERNS

In recent years the “Roma (Gypsy) issue” has become, from a problem specific for the Eastern European countries in transition, one of the leading themes in pan-European public space. The failure of national integration policies towards the Gypsies in Eastern Europe became a failure of national integration policies towards the Gypsies in Western Europe as well. Today it is already clear that there is a complete failure in policies for Roma inclusion on pan-European level. At the end, the contemporary policies of inclusion don’t lead either to a decrease in rate of Gypsy migration, nor to Roma inclusion in their home countries or host countries, and if there is successful Gypsy migrants inclusion it is in spite, not because of the policies.

This at first glance shocking conclusion could be understood having in mind the main patterns of the Gypsy migrations from Eastern to Western Europe. In last two decades, numerous academic studies about contemporary migrations have been published. Many of them explore in excellent way specific aspects of the topic, but what is currently lacking is a broad view of the phenomenon of modern Gypsy mobility, taking in account the principal differences with the past travels. In order to better understand it the historical and modern patterns of Gypsy migrations needs to be disclosed attracting deeper knowledge of their historical fate.

In the Gypsy history, after their arrival in Europe from Indian subcontinent and their stay for several centuries on, their migrations have formed a repetitive pattern in which we can distinguish three big migration waves, which we described in our previous work, so we will outline them only briefly in extent needed for understanding of the main idea. [1, C. 261-265]. During this three migration waves the Gypsies have crossed state borders, dispersed in new territories, and reclaimed new social and economical spaces. Gypsy migrations in the past and nowadays are driven by the demand for collective strategies in response to the ongoing political and economical changes, and they appear to be more or less non-coherent in practice, due to heterogeneity of the Gypsy communities and since the situation in various countries is different.

The first of this big migration waves started at the beginning of the 15th century, when several Gypsy groups penetrated Western Europe. This migration wave is a case of the successful (in spite of the strong, sometimes even brutal, resistance from the government and local authorities) acquisition of new territories by one nomadic community, which was searching for new economic niches. The reasons for this first big wave of migration from the East to the West was de-facto search

for better quality of life, in spite the attempts to give it in the beginning of mass migrations a religious and political motive [2, C. 10-11].

The second big migration wave was during the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries, when the countries of Europe were invaded by nomadic Gypsy groups, originating from from Walachia and Moldavia's principalities and the adjoining regions of Austria-Hungary. The end of the slavery was indeed an important factor, but it was not the beginning, nor the reason for the major Gypsy migrations [3, C. 131-143; 4, C. 89-124]. The second wave of migration was based on economical reasons too, and the political factors only regulated the time frames of the processes [5: C. 169-170].

In the case of the first two big waves of migration, one can see a movement of nomadic ethnic communities, which led peripatetic way of life or the so-called service nomadism [6: C. 297-309]. It is typical for service nomadism to have a constant intertwining between a nomadic and a settled way of life and to be dependent on the resources created by the settled population. The mobility of service nomads is expressed through continuous cyclical wandering in familial groupings. In situations of uncertainty, in order to maintain their existence, the service nomads change their place of living and thus the access to resources is the determining factor of groups' mobility and of the scale and direction of travel [6: C. 297-309].

In current of time the processes of integration of nomads into society and the availability of new sources of income have resulted in the loss of importance of nomadism as a distinct way of life for Gypsy communities in Eastern Europe. Thus the nature of the third wave of migration is different in comparison with the first two waves. In contrast to the previous two waves of migrations, the main bearer of the migrations are no longer the communities of nomads, but representatives of settled Gypsy communities and the nomads form only a less significant part of it. The reasons for this change is primarily the increased degree of social integration of Gypsies during the modern era, leading to their inclusion in the general migration processes flowing within the societies of which they are an integral part.

The third migration wave began in the 1960s and has continued to the present [7, C. 8-9]. It features a non-homogeneity and different main characteristics along the years, and in its frames we can distinguish following four types of migration: 1. 'Gastarbeiter' from Yugoslavia; 2. Political and quasi-political asylum seekers; 3. Refugees from war and ethnic cleansing in the former Yugoslavia; 4. Trans-border labor mobility within the European Union. These four basic types of migrations often fully or only partially overlap as chronology. They are not unchangeable, one type could transfer to another, and in the end eventually all four types may lead to permanent settlement of Gypsies from Eastern in Western Europe [8, C. 100-111].

This variability unite all these types of Gypsy migration into one separate wave of migrations. Another, even more important reason, which enable their categorization into one pattern is the fact that all this type of migration bear a common feature of "modernity"; i.e. they present yet another pattern of migrations, in comparison with the previous first and second waves, which were a movement of nomadic communities acquiring new economic niches and territories.

This third wave of migration begins with the mobility of the Yugoslavian citizens (including Gypsies), which began during the 1960s and strengthened during the 1970s, when Tito's Yugoslavia opened the country borders (formally during 1968) and encouraged its citizens to work in Western Europe. This contractual labour migration was based on traditional forms of labor mobility, known under Ottoman Turkish term *gurbet*. *Gurbet* was characteristic for the Balkans already in the times of the Ottoman Empire and has been preserved in the Balkans in a modified form also during the later historical periods [9, C. 31-40] until nowadays, and it has been adopted by the Gypsies too. In the beginning, they stayed within the framework of the *gurbet* model and did not terminate their connections with their homeland, where their family members remained. The *gurbet* migrants periodically returned home, they helped their relatives, and they even built themselves houses in their homeland for old age. Gradually, however, and mainly after 1972, when Yugoslavian Gastarbeiters received permission to take their family members with them, many of them from mobile workers became migrants opting for permanent settlement in new country. All Gypsies migrated then as Yugoslavian citizens (i.e. as an integral part of the macro-society in which they lived). This was the starting point of processes of "hidden" Gypsy migration, which in current of time becomes numerous albeit remain till nowadays almost invisible, i.e. they are not noticed by official statistics, and therefore are not subject to specific policies of host countries [10: C. 227-244].

After the fall of the "iron curtain" in 1989-90 from the middle of 1990s until now big parts of the Eastern Europe's population travels for work to different Western European countries (including Greece) and many Gypsies migrate as a composite part of the population of their home countries and their ethnic belonging remains unnoticed in their new places of living. This movement is designated usually also as migration, but is rather labor mobility. In beginning it repeated the historical patterns of the *gurbet*, and the ones heading West were doomed to work illegally or semi-legally to fill the deficits for cheap labor in different spheres – agriculture, construction, certain kinds of social services, etc. The tendency of transforming short term mobility into constant emigration however became obvious now, and while initially only Gypsies (men and/or women) of working age headed abroad, today dominant is a struggle for permanent settlement of entire families [10, C. 227-244].

Parallel to the described above "invisible", "hidden" migrations, when Gypsies move to other countries as inseparable part of the society, there are still cases, however, not so numerous, when Gypsies migrate as separate ethnic community and are visible in public sphere. The beginning of these processes was in the end of the 80s of 20th century, when in Germany, under the active influence of human rights organizations a public campaign for legalization the statute of the Gypsies started. The Gypsy migrants began to be perceived not as Yugoslavian citizens, but as a separate community [11, C. 56-64]. The theme of violated human rights of the minorities and the discrimination of the Gypsies (already named Roma) in Eastern Europe gives new political dimensions to the attempts of Gypsies to migrate from these countries, trying to receive political shelter in different countries in Western

Europe (as well as in USA and Canada) as communities which are persecuted in their home countries. These migrations are uneven in scale, chronology, and country of origin and heading, and are in dependence of different circumstances. The end of these migration occur following the EU accession of the Eastern European countries and now the solely country continuing to accept (although reluctantly) Gypsies as refugees remains Canada.

The case with Gypsy war refugees from former Yugoslavia is more specific, but it is also a form of migration of Gypsies as a separate community. After the collapse of the country, as a result of the following wars and ethnic cleansing, big groups of Gypsies migrated westwards. In Italy all Gypsies, Yugoslavian war refugees, automatically were declared to be “nomads” and according to this criteria they were exempt from the programs for integration of other refugees and migrants and were directly accommodated in “campi nomadi” (12). Placing the Gypsies, who in their majority are settled population from centuries with high level of social integration into unknown conditions of life for such a long time, has lead as an end result to one of the most striking case of mass de-socialization in Europe during the last decades, the results of which will be very hard to overcome [13: C. 113-134; 14, C. 276-286]

The migrations of Gypsies as a separated community received new forms and dimensions after 2001, after the fall of visa restrictions for most of the countries in Eastern Europe. The bearers of this migration strategy are parts of Gypsies from Romania. They are using centuries-old tactics for earning their living: mostly begging on the street of big towns. They are highly visible in eyes of surrounding population in their host countries, and in result they are transformed into the stereotyped image of the Gypsy migrants as a whole [13: C. 113-134; 15: C. 185-201].

In many cases, the policies of host countries are main factor for embracing this strategy of emigration by numerous Romanian Gypsies. The most known case of this is Italy, where big part of Gypsies migrants from Romania are automatically declared to be “nomads” and nobody bothered to check out their real way of life and so they are directly accommodated in the “campi nomadi”. In some extent the situation in France is similar, where majority (but not all) of the settled in camping places Gypsies are Romanian citizens. In other countries of Western Europe, we can also speak about a special approach towards the Gypsies migrants. This is often case in Great Britain, where a part of the Gypsies (mainly from Romania and Slovakia) are subject to the care of local authorities and NGOs, in spite of the fact that they are not consider to be nomads.

The two basic patterns of Gypsy migration from Eastern to Western Europe presented above are unevenly reflected in the research, policies and public space. Main attention is focused on the Gypsies migrating ‘as community’, while the Gypsies migrating ‘as society’ in most cases is not even mentioned or in the best case is just briefly noticed. Actually, the main question in study of Gypsies migration should be what is the proportion between the two basic patterns of Gypsy migrations, because this ratio determines their overall characteristics. This ratio depends largely on the specific individual cases and for understandable reasons it is

extremely difficult to find accurate and definite response to this question without special targeted research.

Having in mind that majority of Gypsies today migrate as part of the society of their countries of origin we can disclose the main reason for migration to the West today, for both Gypsies and non-Gypsies as well. This appears on the first place to be the huge difference in the living standards in East and West. In certain occupations the ratio between the salaries in East and West can reach 1:10 and even more, and when speaking about the size of social welfare support available in the West, it exceeds in some cases the amount of any wages in the countries of origin of the migrants. So it is completely understandable why the Gypsies, including those with good qualifications, are an integral part of the national migration flows in the West.

The outcomes of the current Gypsy migration to the West have different dimensions. On the one hand, the migrating Gypsy families who settle permanently in the Western European countries, who are already part of the huge "invisible" migration from the East, are mitigating the continuing dependency of western European market structures on low-skilled or skilled immigration workers; thus in the end it is profitable for the West. On the other hand, in results of such migration, in the countries of Eastern Europe remain to live the mostly marginalized parts of the local Gypsy communities, who are unable to migrate because of low social literacy and lack of any qualification. This further complicates and undermines the efforts for successful social integration of Gypsies in their home countries. In this situation, development prospects of the Gypsy migration from East to West is difficult to predict, especially in the more distant future, but it is clear already now that they affect particularly negatively the situation of Gypsies who stay in their homelands.

REFERENCES

1. Марушиакова, Е., и Попов, В. 2012. Цыганские миграции в Европе. // Рязанцев, Сергей. (Отв. ред.) Миграционные мосты в Евразии. Международный симпозиум. Доклады и материалы участников. Москва: Экон информ, С.261-265.
2. Marushiakova, E., Popov, V. De l'Est a l'Ouest. Chronologie et typologie des migrations tsiganes en Europe. // Etudes Tsiganes, 2006, 27-28. P. 10-26.
3. Fraser, Agnus. The Rom Migrations. // The Journal of the Gypsy Lore Society, 1992, 2 (2), P. 131-143.
4. Marushiakova, E., Popov, V. Gypsy Slavery in Wallachia and Moldavia. // Kamusella, T., Jaskulowski, K. (Eds.) Nationalisms Today. Oxford: Peter Lang, 2009, P. 89-124.
5. Marushiakova, E., Popov, V. Segmentation vs Consolidation: The example of four Gypsy Groups in CIS. // Romani Studies, 2004, 14 (2), P. 145-191.
6. Hayden, R. M. The Cultural Ecology of Service Nomads. // The Eastern Anthropologist, 1979, 32 (4), P. 297-309.
7. Reyniers, Alain. Evaluation of Gypsy Populations and their Movements in Central and Eastern Europe and in some OECD Countries, focusing on the issues of migration, application for asylum, demography and employment. Occasional Papers. Paris: OECD, 1999.

8. Marushiakova, E., Popov, V. Migrations des Tsiganes en Europe, des années soixante a nos jours. // *Hommes et Migrations*, 2008, 1275, P. 100-111.
9. Hristov, P. The Balkan gurbet: Traditional patterns and new trends. // Vermeulen, H., Baldwin-Edwards, M., van Boeschoten, R. (Eds.) *Migration in the Southern Balkans: From Ottoman Territory to Globalized National States*. Dordrecht: Springer, 2015, P. 31-40.
10. Marushiakova, E., Popov, V. Two Patterns of Roma Migrations from South-eastern Europe. // Dimitrova, T., Kahl, T. (Eds.) *Migration from and towards Bulgaria*. Berlin: Frank and Timme, 2013, P. 227-244.
11. Matras, Y. The development of the Romani civil right movement in Germany 1945-1996. // Tebbut, S. (Ed.) *Sinti and Roma: Gypsies in German-speaking society and literature*. New York: Berghahn, 1998, P. 49-64.
12. European Roma Right Centre. *Campland: Racial segregation of Roma in Italy*. // Budapest: European Roma Right Centre, 2000.
13. Marushiakova, E., Popov, V. Roma Migrations vs. Gypsy Nomadismus. // Schrammel-Leber, B., Tiefenbacher, B. (Eds.) *Romani V. Papers from the Annual Meeting of the Gypsy Lore Society, Graz 2011*. Grazer Romani Publikationen 2. Graz: Grazer Linguistische Monographien, 2013, P. 113-134.
14. Picker, G. Sedentarisation and 'the right to nomadism': The urban and regional fabric of nomad camps in Italy (1967-1995). // *Zeitgeschichte*, 2013, 40 (5), P. 276-286.
15. Picker, G., Roccheggiani, G. Abnormalising minorities: The state and expert knowledge addressing the Roma in Italy. // *Identities: Global Studies in Culture and Power*, 2014, 21 (2), P. 185-201.

Мнацаканова Л.Ф.
(Ставрополь, Россия)
Тахумова О.В.
(Ставрополь, Россия)

ПРИЧИНЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ АРМЕНИИ В РОССИЮ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Распад Союза Советских Социалистических Республик повлек за собой не только политическое и географическое обособление республик-участниц в отдельные независимые государства, но и явился причиной ряда других важных социально-экономических процессов. Одним из них является миграция населения из бывших союзных республик на территорию Российской Федерации. В данной работе детально рассмотрен исторический процесс переселения представителей армянского народа в Россию на постоянное место жительства, выявлены основные причины и предпосылки данного процесса, оценено положение в этой сфере на данный момент.

Для понимания важности и актуальности данного вопроса достаточно обратиться к цифрам: по приблизительным подсчетам из трех с половиной миллионов жителей Армении – примерно один миллион проживает на данный момент в Российской Федерации. Масштабность процесса не вызывает сомнений. Однако, необходимым становится нахождение и изучение веских причин и мотивов, побудивших часть армянского населения покинуть свою историческую родину и эмигрировать в Россию.

После распада СССР основной вектор постсоветской миграции из всех стран Кавказа, в частности из Армении, был направлен в Россию. Именно здесь начинают складываться большие группы переселенцев, образующих в дальнейшем свои диаспоры и интегрирующих с коренным населением.

Однако при том, что массовые миграции – результат развала СССР – берут свое начало они еще в советское время. Возникновению его способствовали избыточность трудовых ресурсов и недостаток земли на Кавказе, особенно в горских округах, а также сравнительно высокая рождаемость. В скрытых формах трудовая миграция из Армении в Россию существовала и в СССР. В брежневский период все шире распространялась маятниковая миграция, существовала миграция студенческая – юноши и девушки приезжали учиться в Москву, Ленинград и другие города РСФСР [1].

Стоит отметить, что вышеперечисленные формы миграций были не столь многочисленны и значимы в советское время. Существует ряд других исторических и экономических причин, которые вызвали массовую миграцию армянского народа в Россию, к ним относят:

- 1) армяно-азербайджанский конфликт по поводу Нагорного Карабаха, и следующие за ним события;
- 2) разрушительное Спитакское землетрясение 1988 г.;
- 3) транспортная и энергетическая блокада 1989-1995 гг.,
- 4) переход к рыночной экономике, паралич производства и коренные структурные преобразования народного хозяйства

Карабахский конфликт – это межобщинный конфликт между Арменией и Азербайджаном по поводу исторического и национального права владения и контроля над землями нагорного Карабаха. Это противостояние имеет давние исторические и культурные корни, но новую остроту оно приобрело в годы «перестройки» (1987–1988). Влияние данного конфликта на миграционные процессы обусловлено тем, что в Азербайджане, еще со времен Османской Империи, проживало большое количество так называемого «нетитульного населения» – армян, являющихся приверженцами христианства, и за долгие годы проживания в мусульманском мире научившихся мирно сосуществовать и взаимодействовать с коренным населением. Однако, Карабахский конфликт обнажил все национальные, конфессиональные и политические проблемы, и поставил под угрозу жизни проживающих в Азербайджане армян, поскольку начались вооруженные противостояния, бандитские нападения и гонения армянского народа. Примером может служить Сумгаитский погром – беспорядки на этнической почве в городе Сумгаит 27–29 февраля 1988 г., сопровождавшиеся массовым насилием в отношении армянского населения, грабежами, убийствами,

поджогами и уничтожением имущества. Движимые чувством страха за собственные жизни, тысячи семей стали покидать родные места, превращаясь моментально в беженцев. Суммарно за период с 1988 по 1990 гг. по данным Госкомстата Азербайджана и Армении 229 тыс. армян бежали из Азербайджана на свою историческую родину, а около 100 тыс. переехали в другие регионы СССР, в основном в Россию. Данный поток переселенцев можно называть первой массовой волной эмиграции армян в Россию за период перестройки.

Следующий фактор – Спитакское землетрясение – катастрофическое землетрясение, произошедшее 7 декабря 1988 года на северо-западе Армянской ССР. В результате землетрясения были полностью разрушены город Спитак и 58 сёл, частично разрушены города Ленинакан (ныне Гюмри), Степанаван, Кировакан (ныне Ванадзор) и ещё более 300 населённых пунктов. Погибли по меньшей мере 25 тыс. человек, 100 тыс. получили ранения и порядка 500 тыс. человек лишились крова. В общей сложности, землетрясение охватило около 40 % территории Армении. Многие жертвы этого природного бедствия, оставшиеся без крыши над головой, вынуждены были эмигрировать из страны в поисках нового места жительства или просто были эвакуированы. Этот процесс важен не столько результатом – из примерно 200 тыс. эвакуированных (в основном женщины и дети) около 50 тыс. не вернулись – столько тем что последние, притягивая членов своих семей и других близких, внесли определенный вклад в появлении эмиграционной волны, которая за 1992–1994 гг. приобрела характер массового оттока населения [2, С. 104-105].

Многие проблемы и причины миграционных процессов в Армении были взаимосвязаны между собой. Так транспортная и энергетическая блокада, установленная Азербайджаном и поддержанная Турцией, была одним из способов борьбы против Армении в связи с конфликтом в Нагорном Карабахе. В результате блокады оказалась перекрыта основная магистраль, связывающая Армению с Россией и дающая возможность выхода в Европу. Путь через Турцию тоже был закрыт, как и по сей день. Осложнено и перекрыто было транспортное сообщение через Грузию из-за ведущейся там гражданской войны, а затем и грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. Открытой оставалась единственная автомобильная дорога, связывающая Армению с Ираном.

Транспортная блокада повлекла за собой, возникший в начале 90-х острый энергетический кризис. Основным источником электроэнергии в стране являлась Армянская атомная электростанция в Менцаморе, работа которой была прекращена в целях безопасности после землетрясения в Спитаке. Газоснабжение осуществлялось по единственному газопроводу, проходящему по территории Азербайджана, который также заблокировали. В годы кризиса армянское население было лишено газа, а, следовательно, в зимний период – отопления, а электроэнергия подавалась не более 2-х часов в сутки. Очевидно, что выживать в таких тяжелых условиях было очень сложно, поэтому энергетическая и транспортная блокада страны стала еще одним определяющим фактором следующей волны эмиграции. Положение жесткой блокады смягчилось только в 1996 году, когда была повторно перезапущена АЭС. Период с 1992 по 1994 гг. был назван этапом массового

оттока, поскольку всего за три года данного этапа из страны выехали 980-990 тыс. чел. и только примерно 370 тыс. выехали, но потом вернулись. Таким образом, 610-620 тыс. чел., или почти каждый 5-й житель страны, уехал и не вернулся [2, С.113].

Выбор в сторону России падал неслучайно, поскольку есть рациональные причины мотивирующие переселенцев-армян ехать именно в эту страну: во-первых, отсутствие конфессиональных противоречий между армянами и русскими, так как и те, и другие по вероисповеданию являются христианами; во-вторых, хорошая адаптированность армян к русской культуре; в-третьих, почти поголовное знание русского языка; в-четвертых, привлекательность более развитой социально-экономической сферы; в-пятых, более стабильная политическая обстановка в стране.

Этнически-обусловленная миграция, пик которой пришелся на начало 90-х, к середине десятилетия начала закономерно стихать. Напряженная ситуация стабилизировалась, обмены населений закончились, миграции сменили свою мотивационную базу, размеры и отчасти направление. Новая волна миграций в большой степени мотивирована экономически. Её первопричины – в коллапсе экономик кавказских стран, являющимся следствием краха директивной экономики советского типа, отсутствия финансирования ВПК, разрыва хозяйственных связей и наличия специфических для каждой страны причин, в первую очередь – последствий этнополитических конфликтов в виде блокад и энергетического кризиса. Все это привело к массовой безработице во всех странах Южного Кавказа, в частности в Армении. Это и обусловило возникновение волны трудовых мигрантов из Армении. Направились они в Россию в силу тех же причин, которыми руководствовались раньше беженцы, но немало важным было то обстоятельство, что в Россию просто легче было легально попасть, по крайней мере, она не была отгорожена визовыми барьерами для граждан бывшего СССР.

Что касается сегодняшней ситуации, то по данным Всероссийской переписи населения 2010 численность армян в России составляет 1 182 388 человек, что составляет 0,83% всего населения страны[3]. Главные характеристики данного этапа развития миграционных процессов Армении следующие:

1) сформировался довольно устойчивый массив трудовых мигрантов, (примерно 15 тыс. чел. в среднегодовом исчислении, или 0.5% населения страны) который на неопределенное время концентрируется за рубежом – главным образом в РФ;

2) имеют место также сравнительно небольшие потоки постоянных мигрантов.

Эти тенденции говорят об относительной стабилизации миграционных процессов между Арменией и Россией. На данный момент нет оснований полагать, что данное положение сильно изменится. Однако, стоит подчеркнуть, что экономика Армении остается крайне нестабильной, и не представляется возможным построение долгосрочных прогнозов динамики данных процессов, поскольку в любой момент могут обнаружиться новые факторы и проблемы, которые могут побудить население к миграции.

Список литературы и источников

1. Искандарян А.М. Кавказ-Россия: миграция легальная и нелегальная// КИСМИ. – Ереван. – 2004. – С. 4-5.
2. Ионцев В.А. Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд// Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: Верди. – 2011. – С. 104-105, С.113.
3. Всероссийская перепись населения 2010 //Официальный сайт. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 13.11.2012).

Нгуен Кань Тоан
(Ханой, Вьетнам)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЬЕТНАМСКИХ МИГРАНТОВ В США

В течение последних четырех десятилетий из малькой общины вьетнамцы превратились в одну из крупнейших групп населения, рожденных за пределами США. Вьетнамская миграция в США имела три волны. Первая началась в 1975 году в конце войны во Вьетнаме, когда после падение Сайгона в США выехали примерно 125 тыс. вьетнамских беженцев. Эта волна состояла в основном из городских, образованных профессионалов, которые сотрудничали с военными США или были членами южного вьетнамского правительства. Вторая волна отмечалась в конце 1970-х годов, когда в США прибыли беженцы известные как “люди в лодках” кризиса беженцев. Эта группа приехала главным образом из сельских районов, они были менее образованы, многие из них были этническими китайцами, которые бежали от преследований во Вьетнаме. Третья волна прибыла в Соединенные Штаты в 1980-1990-е годы. И в отличие от ранее прибывших, эта группа содержала меньше беженцев и включала тысячи вьетнамских “Amerasians” (детей военнослужащих США и вьетнамских матерей), а также политических заключенных.

С конца войны во Вьетнаме в 1975 году, численность вьетнамских иммигрантов в США значительно возросла, увеличившись с 231 тысячи в 1980 году до почти 1,3 млн в 2012 году. Это делает вьетнамцев шестым по численности населения этническим меньшинством иностранного происхождения в Соединенных Штатах. Этот рост произошел наиболее быстро в течение 1980-1990-х годов, когда численность вьетнамских иммигрантов примерно вдвое возросла в течение каждого десятилетия. Беженцы составляли первые две волны иммиграции Вьетнама, последующая миграция в основном состояла из иммигрантов воссоединения с родственниками в США. С 2012 года вьетнамские иммигранты составляли около 3% от общего насе-

ления иностранного происхождения США, общая численность которого равнялась 40,8 млн. человек.

Вьетнамские иммигранты являются четвертым по величине некоренным населением из Азии после Индии, Филиппин и Китая. Хотя подавляющее большинство вьетнамских мигрантов поселились в Соединенных Штатах, многие находятся в Австралии (226 тысяч), Канаде (185 тысяч), Франции (128 тысяч). Сегодня большинство вьетнамских иммигрантов в Соединенных Штатах получили право на постоянное место жительства (статус LPR, или “зеленую карту”) через канал воссоединения семьи, как близкие родственники граждан США или через спонсорскую иммиграцию, а некоторые через канал занятости. По состоянию на январь 2012 года вьетнамские иммигранты были десятой группой по численности населения среди недокументированных иммигрантов в Соединенных Штатах. По оценкам 160 тысяч недокументированных вьетнамцев составляли примерно 1% от 11,4 млн недокументированных иммигрантов, проживающих в Соединенных Штатах.

По сравнению с общим числом населения иностранного происхождения в Соединенных Штатах, вьетнамские иммигранты имеют ограниченное знание английского языка. Это усложняет получение ими высшего образования. С другой стороны, они чаще, чем другие иммигранты быстрее натурализуются в граждан (получают гражданство) США, имеют более высокий доход, низкий уровень бедности.

Большинство вьетнамских иммигрантов обосновались в Калифорнии (40%) и Техас (12%), затем следуют штаты Вашингтон (4%), Флорида (4%), Вирджиния (3%). К трем округам с наибольшей долей вьетнамских иммигрантов в населении в Калифорнии были Орандж контри, Лос-Анджелес и Санта-Клара. Вместе, в трех округах проживало 26% вьетнамского населения Соединенных Штатов. К городским районам с высокой концентрацией вьетнамских иммигрантов относились Лос-Анджелес, Сан-Хосе, Хьюстон, Сан-Франциско и Даллас. В этих пяти городах расселились 41% вьетнамских иммигрантов в 2008-2012 годах.

В 2012 году примерно 68% вьетнамских иммигрантов в возрасте 5 лет и старше имели ограниченные знания английского языка по сравнению с 47% иностранных граждан приехавших в США из Юго-Восточной Азии и с 50% общего иностранного населения США. Доля вьетнамских иммигрантов, которые говорили только по-английски дома была 7% по сравнению с 11% иностранцев рожденных в Юго-Восточной Азии и 15% от общего США населения иностранного происхождения.

В 2012 году примерно 23% вьетнамских иммигрантов в возрасте 25 лет и старше имели степень бакалавра или выше по сравнению с 37% иностранцев рожденных в Юго-Восточной Азии и 28% иностранцев в США.

Около 83% вьетнамских иммигрантов были в трудоспособном возрасте (18-64 года), в то время как 13% – в возрасте 65 лет или старше. Средний возраст вьетнамских иммигрантов составлял 46 лет, что соответствовало медианному возрасту других иммигрантов из Юго-Восточной Азии, а также населению США иностранного происхождения (43 года).

В 2012 году средний годовой доход домашних хозяйств среди вьетнамских иммигрантов состав 55.736 долларов, что значительно ниже, чем для выходцев из Юго-Восточной Азии (65.488 долларов), но выше чем в общей популяции иммигрантов (46.983 долларов). 15% вьетнамских иммигрантов жили в бедности в 2012 году, что несколько выше, чем уровень бедности для рожденных в Юго-Восточной Азии (12%), но примерно эквивалентно уровню бедности среди населения рожденного в США (15%) и ниже чем для общего населения иностранного происхождения (19%).

Вьетнамские иммигранты являются наиболее успешно натурализованной группой населения (76%) по сравнению населением из ЮВА (76%) и общим населением США иностранного происхождения (45%). Большинство вьетнамских иммигрантов прибыли в Соединенные Штаты до 2000 года (75%), 20% – в период 2000-2009 годов и 5% в 2010 году и после этого.

Список литературы и источников

1. Hataipreuk Rkasnuam and Jeanne Batalova: Vietnamese Immigrants in the United States. Migration Policy Institute. August 25, 2014.
2. <http://www.migrationpolicy.org/article/vietnamese-immigrants-united-states>
3. : US 2010 discover america in a new century: "Separate but Equal: Asian Nationalities in the US», in the Department of Sociology University Brown University. June 2013. <http://www.s4.brown.edu/us2010/Data/Report/report06112013.pdf>
4. Вьетнамские люди в США – под углом наблюдения <http://thexanhmy.com/di-tru-my/cuoc-song-tai-my/nguoi-viet-nam-o-my-mot-goc-nhin.html#sthash.SNdKY4QY.dpuf>

Peleah M.
(*Istanbul, Turkey*)
Slay B.
(*Istanbul, Turkey*)

MAKING MOST FROM LABOUR MIGRATION AND REMITTANCES FOR HUMAN DEVELOPMENT IN CENTRAL ASIA: ROLE OF MIGRATION POLICIES

The large movements of migrants and money are clearly central to the Central Asia development prospects—and especially its less wealthy countries. Official data from the Kyrgyz Republic show that remittances reduce the national poverty rate by some 6-7 percentage points. But while labour migration and remittances are helping to reduce poverty, their social side effects—for children, families, and communities, in both source and destination countries—can be problematic. And while most of these negatives are associated with migration everywhere, many are

aggravated by the irregularity that pervades migration flows in this region. These costs and risks can be offset by better migration policies and programming in both source and destination countries. The Eurasian Economic Union—which includes Kazakhstan and the Kyrgyz Republic (as well as the Russian Federation, Belarus, and Armenia), and which promises all its member states the free movement of labour—can be an extremely important platform for maximizing the developmental benefits (and minimizing the costs) of labour migration among these countries.

Policy and legal frameworks for managing labour migration in source and destination countries can be described in terms of the extent to which they: (1) embody good technical practices in labour migration management; and (2) seek to discourage, accommodate, or amplify labour migration flows, and their associated development costs and benefits.

Good technical practices in labour migration management.

The external borders which Central Asian labour migrants cross to work in the Russian Federation and Kazakhstan did not exist as such prior to the dissolution of the USSR in 1991. Questions about the management of labour migration in these countries therefore revolve in part around technical issues concerning the extent to which they have converged toward international good practices in migration management during the past two decades.

Governments in these countries have clearly made major progress in this respect. Irregular and mixed migration issues are now acknowledged by the Central Asian governments as key regional challenges, particularly within the context of the “Almaty Regional Consultation Process” supported by IOM and UNHCR. Participating states (which include Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan, as well as Turkmenistan) recognize the need to “address the root causes of irregular migration”, to “reintegrate returning migrant workers”, and to help prevent irregular migration by “creating legal migration opportunities”. The governments of the Kyrgyz Republic and Tajikistan have promulgated national migration strategies, redesigned national institutional frameworks, established and expanded centres to prepare migrants for working abroad, and stepped up outreach efforts to diaspora communities and government counterparts in the Russian Federation. Whereas migration policy for the Kyrgyz Republic (vis-à-vis the Russian Federation and Kazakhstan) seems likely to increasingly be dominated by integration within the framework of the Eurasian Economic Union, the Government of Tajikistan concluded two bilateral agreements on migration with the Russian Federation in 2013. Under these agreements Tajikistani nationals who are staying in Russia for short periods of time need not register during their stay; and migrant workers with valid work contracts may be employed for up to three years.

Table 1

**Migration management challenges in Central Asia
and good international practice responses⁴**

Challenge	Best practice response
Limited information on legal status; risks of falling into irregularity, de-skilling.	• Diaspora organizations and NGOs in destination countries reach out to migrants, providing legal advice and counselling, as well as cultural events.
Weak incentives to maintain contact with home country, or community, or returning home. Many labour migrants seek to stay in destination country indefinitely.	• Migrant resource centres offer information on job opportunities at home and abroad, vocational and other trainings, and assistance with recognition of skills and qualifications.
	• Bilateral social security agreements help ensure that employment and payroll taxes paid abroad are counted toward migrants' pension capital.
Insufficient flexibility in employment laws concerning migrant labour leads to widespread noncompliance.	• Institutionalized frameworks for legally employing migrant workers (e.g., formal migrant recruitment agencies) with skills in demand are set up.
Insufficient protection of migrant workers' rights, particularly concerning use and enforcement of employment contracts.	• Visa and work permit procedures are simplified (or waived) for seasonal workers or small-scale entrepreneurs engaged in local cross-border commerce.
	• Legal and regulatory frameworks are constantly monitored to detect patterns of abuse—and, when necessary, amended to address these patterns.
Underestimation of irregular labour migration flows, especially from other CIS countries.	• Regularized seasonal (circular) migration schemes are offered for persons with established ties to the destination country. • Planning for migration management is strengthened, inter alia by the regular compilation of labour demand and supply balances in sectors which rely heavily on migrant labour.
Irregular migration flows acquire long-term character.	• Sanctions intended to reduce irregularity: ○ concentrate on dishonest employers and intermediaries/facilitators of irregular migration; and ○ protect migrants' workplace rights (e.g., by enforcing employment contracts, ensuring timely payment of wages due, etc.)

⁴ Adapted from Figures 21 and 22 in IOM (2015), pp. 59-60.

<i>Challenge</i>	<i>Best practice response</i>
<i>Insufficient incentives (either positive or negative) for employers, migrants, or small-scale entrepreneurs to regularize their legal status.</i>	• Regularization schemes offer “visa overstayers” or long-term immigrants simplified procedures to legalize their residency (when such is justified). • Licensing and institutional development for employment companies (and NGOs) that can work with migrants, employers, diasporas, and government agencies in order to help formalize irregular migration flows.

In the Kyrgyz Republic, a growing emphasis on attracting the return of migrant workers (particularly skilled professionals) is apparent, *inter alia* via the Centre for the Employment of Kyrgyz Republic Citizens abroad (established with IOM support in 2010).⁵ Under this framework ties have been strengthened with RF regional governments in Moscow City, Yaroslav, Sverdlovsk, Orenburg, Perm, Penza,⁶ Samara, and elsewhere. Efforts to create a national migrant worker database (which would include border-crossing and residence registration and deregistration data, as well as information about job vacancies that could be of interest to returning migrants) are moving forward. In Tajikistan, the Migration Service has established regional offices in Sughd, Khatlon, Dushanbe, and in Gorno-Badakhshan, while pre-departure centres for migrant worker training and counselling were opened in Tajikistan’s ten largest cities (Dushanbe, Khorog, Khujand, Vakhdat, Kurgan-Tyube, Kulyab, Panjakent, Tursunzade, Isfara, and Rasht). Also, in 2014 Tajikistan’s Ministry of Labour, Migration, and Employment (into which the Migration Service was merged in 2013) opened a representative office in Moscow. Thanks in part to this new presence, the Office was able to significantly increase the payment of back wages owed to Tajikistani migrants working in Russia during the first half of 2015. It also sent to the Ministry official requests from dozens of business entities from different Russian regions who were looking to fill some 1050 jobs.⁷ However, it is also clear that some challenges in managing labour migration remain to be resolved.

Better information about migration flows and labour migrants. In some cases, this is a question of border management: on some borders, the entry and exit of foreign nationals are not recorded by border/migration management systems. Data are particularly scarce with regard to cross-border movements of local

⁵ The Centre also has well established recruitment systems with South Korea, Arabic States and Turkey.

⁶ According to recent press reports, for example, the leadership of the Penza region hopes to “revive” its agricultural sector and eliminate shortages of skilled health care workers in rural areas by taking in up to 2,000 labour migrants from the Kyrgyz Republic. (Source: “2 тысячи кыргызских мигрантов будут легально работать в Пензенской области”, www.gazeta.kg, accessed 21 November 2014).

⁷ See “Миграционные власти Таджикистана за полгода «выбили» свыше 14 млн рублей задолженности по зарплате мигрантам”, 3 August 2015.

residents. Improvements in document security, combined with the introduction or expansion of automated checks, are crucial tasks in this respect. Data collected at border-crossing points are often of limited use when it comes to determining the purpose of travel, and instruments for verifying the actual purpose are often weak or absent. Moreover, not all data collected from travellers' declarations are centrally processed. Addressing these challenges may require increased staffing of border officers, better training of border staff, and expanded cross-border information exchange between border/migration services. The implementation of the July 2014 draft agreement among CIS countries on the introduction of electronic labour migrant cards could be particularly important in this respect. These cards, which would contain migrants' personal data, as well as information about their residence and employment status, health insurance coverage, and educational records, would facilitate the establishment of standardized national migrant worker databases. On the other hand, with the Eurasian Economic Union promising the removal of barriers to the free movement of labour for citizens of the Russian Federation, Kazakhstan, and the Kyrgyz Republic, information on labour migrants must increasingly be gathered in other ways. Domestic data collection via labour force surveys, as well as the national census, seems destined to grow in importance.

Better information for labour migrants. The importance of supplying labour migrants with information on their legal rights, opportunities, and obligations—as well as concerning the consequences of non-compliance with host-country laws—is now widely understood in both source and destination countries. With support from governments as well as the IOM, NGOs, and other international organizations, advisory/counselling centres and hotlines have been established and information campaigns implemented.⁸ State-run and independent migrant resource centres are improving returning migrants' chances for finding employment or starting a business at home—thus turning “brain drains” into “brain gains”. Relevant examples of “brain gain” programming include:

- An EU-funded project (implemented by the IOM) is supporting the reform of the vocational and educational training system in the Kyrgyz Republic based on assessing labour market trends in Russia and Kazakhstan, as well as in the domestic economy. Thanks to this project, five pilot VET schools are now equipped with modern IT systems as well as updated training manuals for teachers and students. Staff have been trained in developing new curricula and in examination and certification mechanisms. Information campaigns targeted at migrants were also conducted.

- Armenia and Georgia are among the eight countries participating in the third phase of the Temporary Return of Qualified Nationals programme funded by the Netherlands and implemented by IOM. The programme supports national development policies in selected countries of origin by engaging their overseas migrant

⁸ For example, with IOM support the Kyrgyz Republic's migration support centres provided information and counselling to some 33,000 beneficiaries in 2012. Support in verifying their legal status in the Russian Federation was a major concern. (This work was conducted under the EU-financed “Enhancing skills and Employment opportunities for Migrants in Kyrgyzstan” project.) See also International Centre for Migration Policy Development (2014).

communities in improving the capacity of governmental and non-governmental institutions to manage this engagement.

- With UNDP support, the Government of Albania's "Brain Gain Programme" attracted some 150 researchers and other skilled professionals from the Albanian diaspora to national universities and research institutions during 2009-2012. The programme also supported changes in national legislation that removed barriers to the return and engagement of such specialists. And it developed a data base of diaspora specialists working in such fields as engineering, physical sciences, IT, law, finance, and agriculture (as well as in culture and fine arts).

Information and communication technologies are game changers. New mobile phone applications and other technologies are making it easier for migrants to learn what they need to know.⁹ Still, more needs to be done to reach the smaller towns and isolated rural and mountainous communities that seem to provide disproportionate shares of Central Asia's migrants, and which are often isolated from mainstream communications channels. Results from a 2013 survey indicate that 81% of Kyrgyzstani migrant workers in Russia, and 63% in Kazakhstan, relied primarily on friends, family, and compatriots in searching for employment or accommodation, for legal guidance, and for "moral support". Very few migrants turned to state structures either in the Kyrgyz Republic or in the destination countries; virtually none of them relied on support from civil society (Vinokurov and Pereboyev (2013)).

Reducing irregularity: striking the right balance between liberalization and enforcement. Many of the undesirable features associated with labour migration in Central Asia and the Russian Federation are associated with its informality. The adoption of more liberal migration regimes, which do not criminalize normal cross-border labour-market dynamics and can reduce the administrative burdens on border control and migration agencies, can reduce irregular labour migration and its undesirable side effects. Governments in the Russian Federation and Kazakhstan have recognized this, as is apparent in the amnesties for irregular migrants periodically introduced by the authorities, as well as (and more importantly) in the movement away from the issuance of sector-specific work permits (quotas) towards greater reliance on general purpose "patents" for migrant labourers. On the other hand, irregular labour migration can weaken legitimate labour market regulation and protection for both migrant and national workers. International experience shows that progress in combatting irregular migration requires the application of sanctions to employers who violate migration and other labour-market legislation, as well as to migrant labour intermediaries who engage in fraudulent practices. To be most effective, such sanctions need to be combined with stronger state, private-sector, and NGO support for formal cross-border contracting of mi-

⁹ For example, the ТүтЖдүт website (<http://www.urlw.ru/w.tutzhdut.ru>) and mobil telephone application (which focuses on Moscow City and Region) provides users with information on changes in migration regulations, job offers, and compatriots' contact information. As of August 2015 this information is to become available in Central Asian languages, as well as Russian.

grant workers (especially seasonal workers); and more flexible regulation of local border traffic, *inter alia* via authorizing multiple entries and regular stays in adjacent border areas for small-scale entrepreneurs.

Better enforcement of existing migration regimes. The “blacklisting” of hundreds of thousands of Central Asian migrant labourers by the Russian Federation authorities during 2014-2015 did not result solely from new legal requirements for migrants (e.g., passage of examinations in Russian language, culture, history, etc.). It instead reflected the more rigorous implementation of existing migration regulations, concerning *inter alia* violations of the 90-day limit and of employment without proper documentation. What labour migrants may see as the adoption of more restrictive policies may instead seem to the host country as much needed efforts to enforce existing regulations—thereby strengthening the overall credibility, and effectiveness, of the national migration regime. At the same time, early efforts to accelerate the conclusion of re-admission regimes for Central Asian migrants who are able to comply with the new regulations could pay large dividends for all parties concerned.

Stronger migration policy frameworks, in which national migration strategies are more closely aligned with national development policies, and for which border and migration services and ministries of labour and social policy share implementation responsibilities with other key sectoral bodies (e.g., ministries of health, education, and foreign affairs, among others).

Policy choices in migration management.

National policy and legal frameworks influence both the size and composition of labour migration flows. They can also influence the distribution between regular (formal) and irregular (informal) migration flows: more restrictive frameworks tend to promote irregular migration and informality. By increasing the weight of irregular (relative to regular) migration flows, more restrictive policy frameworks can also increase the under-reporting of migration flows.

Perhaps most importantly, these policy and legal frameworks can also influence the development costs and benefits of migration flows. More irregularity, informality, criminalization, trafficking, exploitation, and abuse can generally be associated with more restrictive migration regimes, *ceteris paribus*. This can pose risks for the rule of law, the protection of human rights, and civilized labour market regulation in the affected countries. (It can also place at risk the promised benefits of the free movement of labour within the framework of the Eurasian Economic Union.) On the other hand, policy frameworks that ensure that migrants are well informed of their rights and obligations (particularly in destination countries), which help migrants to acquire the skills they need to make best use of their employment possibilities abroad, and which encourage the re-investment of remittances into local development projects—these can maximize the human development benefits of migration and remittances.

Degrees of restrictiveness in migration regimes can be identified vis-à-vis both source and destination countries. In the former, key issues concern the ease with which citizens may obtain permission to leave the country for extended peri-

ods of time. For destination countries, degrees of restrictiveness can be particularly important in such areas as:

- 1) Whether migrants must possess an international (biometric—as opposed to a national) passport in order enter the destination country;
- 2) Whether migrants must possess a visa for the destination country, in order to enter that country;
- 3) The length of time for which these visas are valid;
- 4) The length of time within which a migrant must register her/his location with the authorities after entering the destination country;
- 5) Whether the migrant must receive legal permission in order to work in the destination country; and
- 6) The extent to which regulations pertaining to these points are rigorously enforced.

The relatively large numbers of labour migrants issuing from the Kyrgyz Republic, Tajikistan, and Uzbekistan suggest that it is constraints on migrants in destination countries (i.e., the Russian Federation and Kazakhstan) that are binding. Important information regarding the nature and scale of these constraints (as of early 2015) is provided in Table 3, both for these three countries and for Kazakhstan and Turkmenistan. (These latter two countries can serve as comparators in that, in contrast to citizens of the other four Central Asian countries, Kazakhstani citizens do not require legal permission to work in the Russian Federation. This is a concrete manifestation of EaEU membership—the benefits of which will presumably accrue also to citizens of the Kyrgyz Republic as well. In contrast to citizens of the other Central Asian countries, citizens of Turkmenistan require a visa in order to enter both the Russian Federation and Kazakhstan. Citizens of the Russian Federation and Kazakhstan also require a visa to enter Turkmenistan.)

Table 2

Policies in the Russian Federation and Kazakhstan vis-à-vis labour migrants from Central Asian countries (as of early 2015)

	Kazakhstan	Kyrgyz Rep.	Tajikistan	Turkmenistan	Uzbekistan
<i>Russian Federation</i>					
Must a migrant have an international passport to enter the RF?	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes
Must a migrant have an RF visa?	No (for 90 days)	No (for 90 days)	No (for 90 days)	Yes	No (for 90 days)
Time period within which a migrant must register with the RF authorities	7 working days	7 working days	7 working days	7 working days	7 working days
Is legal permission required to work in the RF?	No	No	Yes	Yes	Yes

	Kazakh- stan	Kyrgyz Rep.	Tajiki- stan	Turkmeni- stan	Uzbeki- stan
Number of citizens who received RF work permits/quotas (2014)	352	73,422	162,267	535	478,899
Number of citizens who received RF patents (2014)	1,406	164,480	483,850	14	863,535
Number of citizens receiving RF citizenship (2011)	29,986	52,362	6,152	544	7,906
<i>Republic of Kazakhstan</i>					
Must a migrant have an international passport to enter Kazakhstan?	N/A	Yes	Yes	Yes	Yes
Must a migrant have a Kazakhstani visa?	N/A	No	No	Yes	No
Time period within which a migrant must register with the Kazakhstani authorities	N/A	5 working days	5 working days	5 working days	5 working days
Forms of legal permission required for migrants to work in Kazakhstan	N/A	Work permit (quota), or patent			
Number of citizens who received Kazakhstani work permits/quotas (2013)	N/A	46	24	38	712

Prior to 2010, migrants seeking legal employment in the Russian Federation had to obtain a work permit (quota) from the Federal Migration Service. In 2010, this instrumentarium was enriched by the introduction of “patents”, which allowed their holder to be employed by physical persons (individuals) but not legal persons (companies—for which a permit/quota was still necessary). Whereas the process of obtaining quotas was complicated and expensive, obtaining a patent was much simpler and less expensive. As a result, the numbers of patents issued during 2010-2014 increased twenty-fold—even though many of their holders continued to work for legal persons (thus, technically, violating the law). This sharp increase in the numbers of patents issued allowed for moderate growth in the numbers of Central Asian migrants formally working in the Russian Federation during this time—growth which exceeded the 6% decline in the numbers of “jobless” workers (i.e., individuals in the 16-64 year-old age cohort not formally classified as “employed”) in Russia.

In order to address the legal lacunae associated with the employment of patent-holding migrants by legal persons, and to strengthen incentives for irregular migrants to formalize their legal status, the quota was cancelled as of 2015 for migrants from those CIS countries which have a visa-free regime with the Russian Federation (which include the Kyrgyz Republic, Tajikistan, and Uzbekistan). The

“patent” has therefore become the sole instrument for legalizing migrant workers from these countries in Russia. While this may have simplified the circumstances facing Central Asian migrants, the benefits of sole reliance on the patent have thus far been at least partially over-shadowed by the more rigorous application of Russia’s migration laws (as mentioned above).

In practice, however, financial constraints could limit the new system’s effectiveness and weaken many workers’ incentives to “migrate out” of the informal sector. Before 2015, the monthly fee to obtain a patent was set at 1200 rubles (about \$25) across the Russian Federation. However, the new system introduced in 2015 allows each region to set its own monthly fee for acquiring a patent, which can then be used only in the region of issuance. The monthly patent in Moscow city and Moscow region was fixed at the rate of 4000 roubles for 2015—more than three times the 2014 rate. Migrants may also face significant additional costs for medical insurance, tutoring to pass Russian language, culture, and civics exams, and the like. According to some estimates, annual costs for patents, together with expenses for medical insurance,¹⁰ Russian language courses, and the like, could reach 90,000 rubles (Voronov (2014)).

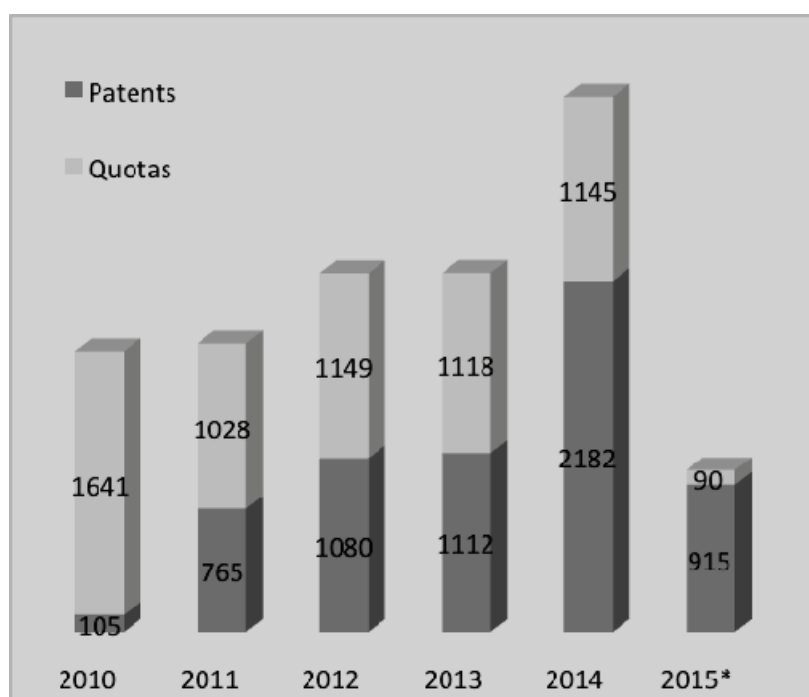


Figure 1—Russian Federation work permits issued for Central Asian workers (in thousands, 2010-2015*)

¹⁰ Previous surveys of migrants working in the communal services sector in Russia found that, although 89% of migrant workers in the residential sector reported undergoing medical examinations in order to obtain employment, only 1% had health insurance provided by the employer. Whether the obligation to produce proof of medical insurance in order to legally work in Russia introduced in 2014 will change this remains to be seen—particularly in light of the sometimes less-than-robust interest shown by employers in the health insurance of their migrant workers. (Source: Ryazantsev *et al.* (2012c), page 25.)

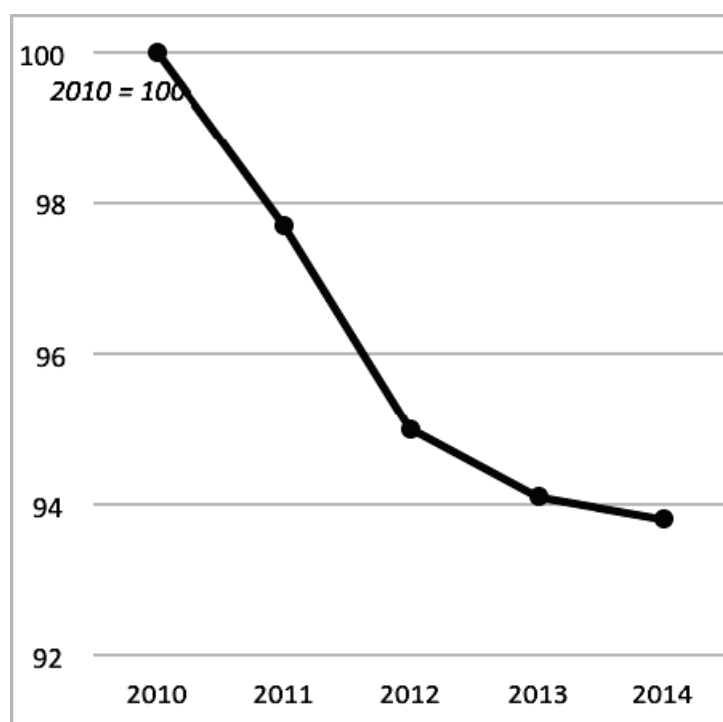


Figure 2–Jobless workers (aged 16-64) in the Russian Federation (2010-2014)

Source: Russian Federation Statistical, Migration Services.

** Data are for the first half of the year.*

UNDP calculations, based on World Bank World Development Indicators data. 2014-2015 data are projections.

In Kazakhstan, the employment of migrant workers is likewise regulated by work permits/quotas and patents, the annual numbers (quotas) of which are approved by the Government. The quotas for work permits are determined in part by the number of applications for foreign workers submitted by Kazakhstani employers to local employment and social protection offices. Such factors as trends in the country's economically active population, workforce needs in priority projects, and the countries from which foreign workers are to be attracted are also taken into consideration.

In the first years of the previous decade, these quotas were set at about 0.15% of the economically active population—which corresponded to around 10,000 workers. During the economic boom of 2004-2008, this ratio was raised to 1.6% of the economically active population, which corresponded to the issuance of quotas for some 133,000 migrant workers. However, in the aftermath of global financial crisis which had significant consequences for Kazakhstan's economy, since 2009 this ratio has been shrinking (with some year-to-year fluctuations) and stood at 0.7% (about 78,000 workers) in 2014.

Compared to the millions of legal migrants going to the Russian Federation, these are relatively small numbers. Moreover, the lion's share of Kazakhstan's quotas have been dedicated to attracting highly skilled workers (often for Kazakhstan's extractive sector), which further reduces prospects for regular migration from neighbouring countries to Kazakhstan. As a result, the bulk of labour migration into

Kazakhstan seems to have an informal character. A 2011 World Bank report found that some 300,000 Uzbekistani citizens were working (formally and informally) in 2010; these were supplemented by another 120,000 Kyrgyzstani citizens.

Under legislation approved in December 2013 intended to simplify labour migration into Kazakhstan and promote the legalization of those irregular migrants already in the country, from 2014 on Kazakhstani citizens/physical persons can hire up to five labour migrants from visa-free CIS countries which are not EaEU member states.¹¹ Under this “patent-like” system, employers do not pay social security taxes for the migrant labourers; instead, the migrants had to pay monthly taxes in the amount of roughly 3704 tenge (about \$25) in 2014. This could promote the regularization of informal labour migration—particularly from Tajikistan and Uzbekistan.

Labour migration, remittances, and the post-2015 global development agenda

Policies regarding migration and remittances have been, and are likely to remain, firmly within the purview of national governments (in Eurasia and elsewhere). However, in light of their large trans-national development significance, migration and remittances are playing growing roles in debates regarding the global development architecture. This is also apparent in the context of the draft Sustainable Development Goals (SDGs),¹² which are expected to be approved at the September 2015 UN summit as the framework for monitoring global and national progress towards sustainable development through 2030. For example:

- SDG target 8.8 calls for “protect[ing] labour rights and promot[ing] safe and secure working environments of all workers, including migrant workers, particularly women migrants, and those in precarious employment”.
- SDG target 10.7 calls for “orderly, safe, regular and responsible migration and mobility of people, including through implementation of planned and well-managed migration policies”.
- SDG target 17.18 calls for “enhance[ing] capacity building support to developing countries . . . to increase significantly the availability of high-quality, timely and reliable data disaggregated by income, gender, age, race, ethnicity, migratory status, disability, geographic location and other characteristics relevant in national contexts”.
- SDG means of implementation 10.c calls for “reduc[ing] to less than 3% the transaction costs of migrant remittances and eliminat[ing] remittance corridors with costs higher than 5%”.

The finance-for-development significance of remittances goes well beyond the benefits of reducing the associated transactions costs. Concentration and targeting dimensions can make remittances a particularly useful form of development finance. From an international finance perspective, all foreign exchange inflows may seem equally desirable: they all help to finance imports, service foreign obli-

¹¹ This does not apply to citizens of Turkmenistan, which has visa regime with Kazakhstan. Citizens from other EaEU countries do not need permission to work in Kazakhstan.

¹² See <https://sustainabledevelopment.un.org/sdgsproposal>.

gations, and expand the monetary base. From a human development perspective, however their impact can be quite different, particularly in terms of their concentration and targeting dimensions. Goods and service exports, foreign investment inflows, and receipt of official development assistance unquestionably provide benefits for the national economy. However, these benefits tend to be concentrated in a few key sectors, or regions, which may be only weakly linked to the rest of the economy—and particularly those sectors and region in which most poor and vulnerable households generate income and employment. By contrast, the benefits of remittances tend to be (self-) targeted to these very households, and broadly dispersed across the country. By the same token, their dispersed nature complicated efforts to mobilize remittances for (extra-household) productive uses.

<i>Inflow</i>	<i>Concentration characteristics</i>	<i>Targeting characteristics</i>
<i>Receipts from goods and service exports</i>	<i>These inflows are generally concentrated in limited numbers of companies involved in foreign trade.</i> <i>In the Kyrgyz Republic, 30-50% of merchandise export receipts come from gold sales. The mining industry employs less than 1% of the workforce.</i> <i>In Tajikistan, metals account for 75% of merchandise exports. Most of these revenues are generated by the TALCO aluminium company, which employs less than 1% of the workforce.</i>	<i>These inflows are typically:</i> <i>reinvested—to the benefit of the communities in which the companies are located (but not necessarily other communities or regions); or</i> <i>distributed to small groups of owners/shareholders.</i> <i>When they accrue to the state budget (as tax or non-tax revenues), these inflows may finance programmes that benefit poor and vulnerable households. On the other hand, the resource-intensive nature of leading export sectors (e.g., energy, metals, cotton) often generates negative environmental externalities that are disproportionately born by poor and vulnerable households.</i>
<i>Foreign investment inflows</i>	<i>These tend to be concentrate in limited numbers of companies.</i> <i>In the Kyrgyz Republic, out of some 160,000 non-agricultural economic agents, only 2601 reported receipt of foreign investments in 2012.</i>	<i>These inflows tend to accrue primarily in:</i> <i>Capital cities, where financial institutions are relatively well developed; and</i> <i>Regions in which capital-intensive extractive activities are located.</i> <i>These benefits typically do not accrue directly to poor and vulnerable households, who are often excluded from formal financial institutions, and tend to live in small towns and rural areas.</i>

<i>Inflow</i>	<i>Concentration characteristics</i>	<i>Targeting characteristics</i>
<i>Official development assistance</i>	<i>These inflows are typically received by:</i> <i>Governments (or public organizations), as budget support or project finance; and</i> <i>Implementing partners, some of which are international in character. Their disbursement tends to be concentrated in capital cities.</i>	<i>As these inflows are intended to broadly support development, they may benefit poor and vulnerable households—particularly when they take the form of budget support, or finance programmes that benefit poor and vulnerable households.</i>
<i>Remittances</i>	<i>These inflows are typically broadly disbursed in small amounts across large numbers of households. CBRF data indicate that the:</i> <i>Numbers of remittance transactions in 2013 from Russia to Central Asia were:</i> <i>16.6 million for Uzbekistan.</i> <i>15.2 million for Tajikistan; and</i> <i>10.3 million for the Kyrgyz Republic.</i> <i>Average size per transaction was:</i> <i>\$403 for Uzbekistan;</i> <i>\$275 for Tajikistan; and</i> <i>\$205 for the Kyrgyz Republic.</i>	<i>Survey evidence and anecdotal information indicate that most of these inflows are targeted toward:</i> <i>Current consumption (some 80-90%)</i> <i>Housing construction;</i> <i>Investments in human capital (education and health);</i> <i>Some small-scale productive investments.</i>

Source: Peleah (2015)

At the global finance for development summit in Addis Ababa held in July 2015, the international community recognized that platforms blending official development assistance with public sector monies provided by developing country budgets and resources provided by the private sector, households, and NGOs must play a growing role in finance for development. Since the Russian Federation and Kazakhstan are also supplying growing amounts of official (and other forms of) development assistance to the less wealthy Central Asian countries (chiefly the Kyrgyz Republic and Tajikistan), the development impact of this support can be amplified if it can be used to leverage (“crowd in”) the large remittances that are already flowing to these countries. Russian- and Kazakhstani- funded projects that can support the modernization of vocational and education training systems in Central Asia, and better align them to the needs of the Russian and Kazakhstani labour markets, could be a very promising direction to pursue.

For example, the \$3.5 million area-based development project for the Kyrgyz Republic’s Naryn region during 2014-2016, financed by the Russian Federation and implemented by UNDP, is revising the curricular materials and procuring the equipment needed to modernize four pilot vocational training centres, with a

special emphasis on skills training for cooks, automobile mechanics, sewing machine operators, and energy technicians. In Tajikistan, under UNDP's 2014-2016 "Rural Livelihoods Improvement" initiative (which covers 1 million people living in nine districts in rural Tajikistan), the Russian Federation is co-financing investments in local infrastructure, vocational training, local business development. In addition to leveraging vulnerable households' remittance incomes (most of which come from the Russian Federation—see Box 11) for local development purposes, this initiative helps migrants to develop the skills they need to be more competitive on the Russian labour market. Examples from Moldova, Mexico, and elsewhere show how development programming can "crowd in" remittances for local business development, by blending them with public-sector and donor monies. The importance of this form of finance for development seems destined to grow in the future.

References

Abella A. (2006), "Policies and Best Practices for Management of Temporary Migration", UNDESA; http://www.un.org/esa/population/migration/turin/Symposium_Turin_files/P03_SYMP_Abella.pdf

International Centre for Migration Policy Development (2014), *Guide on Organising Mobile Counselling for Migrants and Diaspora Members*, Vienna; http://www.icmpd.org/fileadmin/ICMPD-Website/ICMPD-Website_2011/ICMPD_General/News/ERGEM_Guide/Organising_Mobile_Counselling_for_the_Diaspora_EN_SOFT.pdf

Commonwealth of Independent States Intergovernmental Statistical Committee (2014), Мониторинг состояния национальных рынков труда стран СНГ 2010-2013, Minsk;

International Organization for Migration (2015), *Картирование нерегулярной миграции в Центральной Азии 2014*, Astana; <http://iom.kg/wp-content/uploads/2015/01/IDFPublicationeng.pdf>

Mosneaga, V. (2009), *Temporary and Circular Labour Migration: Experiences, Challenges and Opportunities*, IOM, Geneva; http://www.upf.edu/gritim/_pdf/Temporary_and_Circular_Labour_Migration_Experiencesx_Challenges_and_Opportunities.pdf

Mosneaga, V. (2012), *Circular migration of the Republic of Moldova*, CARIM-East Explanatory Note 12/68, European University Institute, Florence;

Organization for Economic Cooperation and Development (2013), *International Migration Outlook 2013*, Paris; http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2013_migr_outlook-2013-en

Peleah, M. (2015) "Management of migration and remittances as a factor of Sustainable Human Development in Moldova" (PhD thesis), Chişinău, ASEM Moldova, (forthcoming)

Ryazantsev, S.V. (2007), *Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование, Формула права*, Moscow;

Ryazantsev, S.V., ed. (2012a), *Миграционные мосты в Евразии: Сборник докладов и материалов участников международного симпозиума*, Экон-информ, Moscow;

Ryazantsev, S.V., et al. (2012b), *Практика использования патентов на осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами-трудящимися мигрантами в Российской Федерации (результаты исследования)*, Moscow, IOM;

Ryazantsev, S.V. (2012c), Вклад трудовых мигрантов в рождаемость в России: социально-демографические эффекты и издержки; http://www.rfbr.ru/rffi/ru/popular_science_articles/o_1894211

Ślubik, K., ed. (2012), *Unprotected: Migrant workers in an irregular situation in Central Europe*, European Programme for Integration and Migration, Warsaw; http://www.epim.info/wp-content/uploads/2014/12/unprotected_SIP.pdf

Vinokurov, E. and V. Pereboyev, (2013) “Labour Migration and Human Capital in Kyrgyzstan and Tajikistan: Impact of Accession to the SES”, *Eurasian Integration Yearbook 2013*, Eurasian Development Bank http://www.eabr.org/general/upload/CII%20-%20izdania/YearBook-2013/a_n6_2013_07.pdf

Voronov, A. (2014), “Мигрантов легализуют через кассу”, *Gazeta Kommersant*, 27 November 2014; <http://www.kommersant.ru/doc/261961>

Zapata-Barrero, R., R.F. Garcia, and E. Sanchez-Montijano (2012), “Circular Temporary Labour Migration: Reassessing Established Public Policies”, *International Journal of Population Research*; <http://www.hindawi.com/journals/ijpr/2012/498158/cta/>

Пелях М.

(Стамбул, Турция)

Слэй Б.

(Стамбул, Турция)

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ, ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ДАННЫЕ И АНАЛИЗ

На сегодняшний день некоторые из крупнейших в мире потоков международной трудовой миграции и денежных переводов (в относительном выражении) имеют место не в традиционном контексте развития между «Севером и Югом» или же традиционных коридорах «Юг-Юг» между развивающимися странами. Наоборот, эти потоки сосредоточены в пределах Евразии, Содружества Независимых Государств (СНГ) – особенно между странами Центральной Азии и Российской Федерацией. Подтверждением этой тенденции является тот факт, что по данным Всемирного банка, удельный вес денежных переводов (более 90% которых поступают из Российской Федерации и Казахстана) в ВВП Таджикистана и Кыргызской Республики остается самым высоким в мире с 2011 года (свыше 30% в Кыргызстане и 40-50% в Таджикистане).

Потоки трудовых мигрантов и денежных переводов между Российской Федерацией и Казахстаном с одной стороны и менее богатыми странами Центральной Азии¹³ с другой приобретают значительные масштабы. Эти по-

¹³ Данный термин означает страны Центральной Азии с низким и ниже среднего уровнем доходов: Кыргызская Республика, Таджикистан и Узбекистан. В эту категорию не входит Туркменистан, который (как и Казахстан) считается страной с уровнем доходов выше среднего согласно классификации Всемирного банка.

токи, которым присущи как формальные, так и неформальные составляющие, являются отражением культурной, языковой и институциональной общности и расширения диаспор выходцев из Центральной Азии в России и Казахстане, а также существенных различий в уровне среднедушевого дохода между странами происхождения мигрантов и странами назначения.

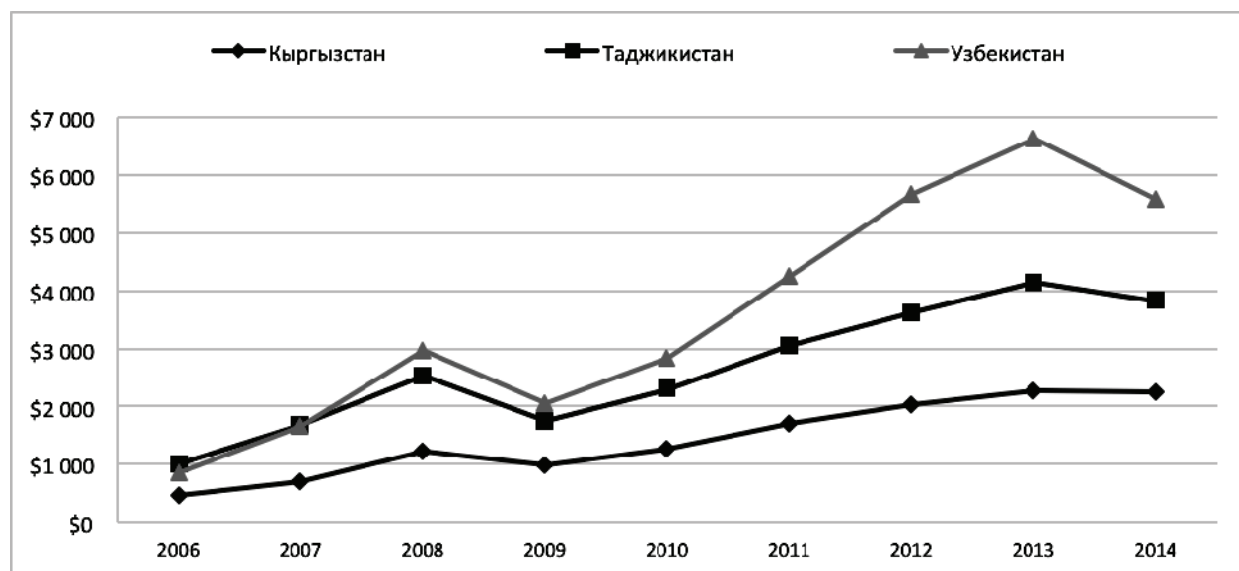


Рисунок 1 – Годовой объём денежных переводов, полученных в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане (миллион долларов США, 2006-2014)

Источник: База данных Всемирного Банка по миграции и денежным переводам

Согласно данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации, по состоянию на середину 2015 года граждане Кыргызской Республики, Таджикистана и Узбекистана – стран, численность населения которых в совокупности составляет менее 45 миллионов человек и ни одна из которых не имеет общих границ с Россией – составляли одну треть от 11 миллионов иностранных граждан, официально зарегистрированных в Российской Федерации. Недавнее исследование МОМ показало, что в 2013 году на долю граждан Кыргызской Республики, Таджикистана и Узбекистана приходилось почти три четверти иностранных граждан, зарегистрированных в Казахстане, и около трети выданных разрешений на постоянное проживание.

В период с 2001 по 2011 годы более 900 000 эмигрантов из Кыргызской Республики, Таджикистана и Узбекистана получили гражданство Российской Федерации. В 2012 году на эти три страны приходилось более половины совокупной чистой иммиграции (*миграционный прирост*), измеряемой количеством выданных разрешений на постоянное проживание.

Что касается трудовой миграции, по данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации, около 840 000 граждан Узбекистана, 367 000 граждан Таджикистана и 134 000 граждан Кыргызской Республики получили разрешения на работу в Российской Федерации в среднегодовом исчислении в 2010-2014 годах. Выходцы из этих стран составляли более по-

ловины от общей численности иностранных граждан, официально работавших на территории России в этот период времени.

Согласно данным Всемирного банка, в 2013 году Российская Федерация и Казахстан являлись принимающимися странами для 74-80% учтенных мигрантов из Кыргызской Республики, Таджикистана и Узбекистана (Рисунок 1). Исходя из того, что численность нерегулярных трудящихся-мигрантов на российском рынке труда оценивается примерно в 2,8-3,0 миллиона, около 1,5-2,0 миллионов из этого числа могут быть выходцами из вышеназванных трех стран Центральной Азии.

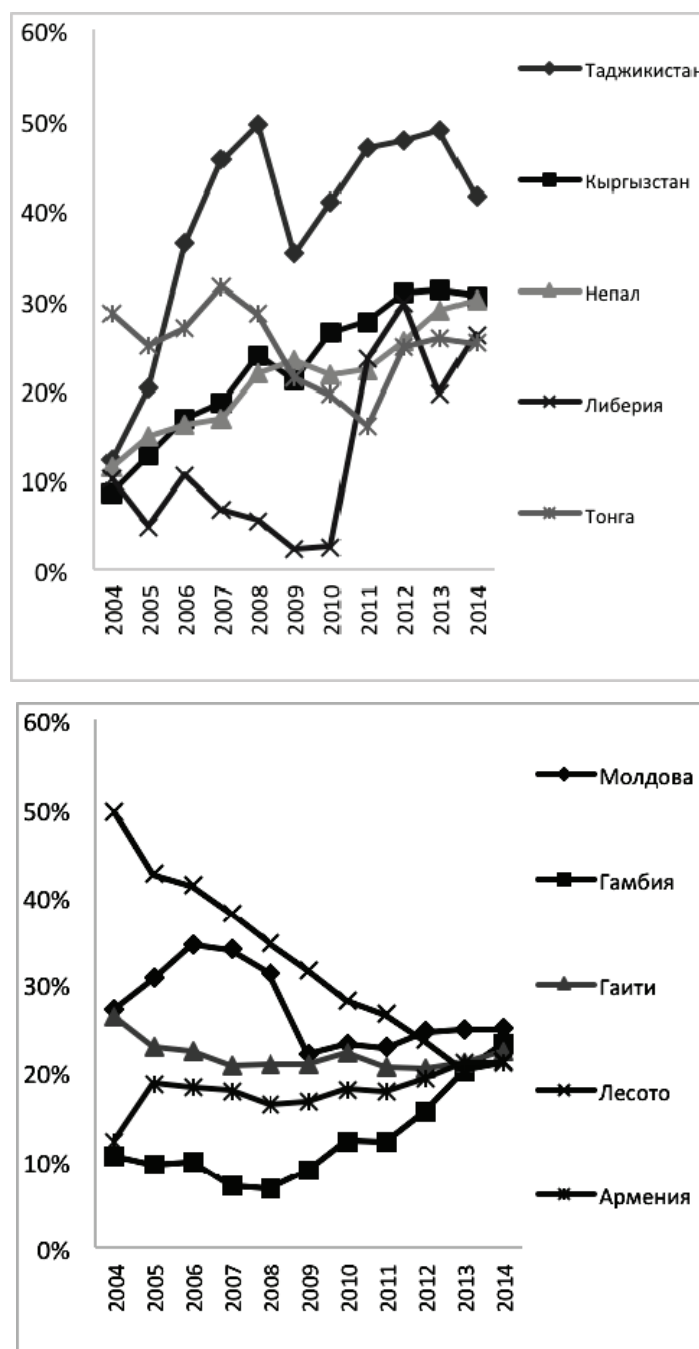


**Рисунок 2 – Соотношение денежных переводов к ВВП
(для первой десятки стран)**

Источник: Расчёты ПРООН на основании данных Всемирного Банка и МВФ.

Крайне высокий удельный вес денежных переводов в ВВП Таджикистана и Кыргызской Республики в сочетании с данными, показывающими, что более 90% таких переводов поступают из Российской Федерации, является дополнительным свидетельством масштаба трудовой миграции, затрагивающей страны Центральной Азии и Российскую Федерацию. Как следует из Рисунка 2, по данным Всемирного банка удельный вес денежных переводов в ВВП Таджикистана и Кыргызской Республики (в диапазоне 30-50%) остается самым высоким в мире с 2011 года.

Данные, представленные на Рисунках 3-5 показывают, что денежные переводы в этих странах также значительно превышают объемы прямых иностранных инвестиций, официальной помощи в целях развития и даже поступлений от экспорта. Вместо того, чтобы полагаться на экспорт трудоемких товаров или приток капитала или помощи в целях развития, страны делают основным фактором поддержки внешнего баланса и перспектив развития в ближайшем будущем именно экспорт трудовых ресурсов – преимущественно работников с низким и средним уровнем квалификации. С учетом их роли в поддержке внешнего баланса и потенциала для сокращения бедности, поступления денежных переводов следует рассматривать одновременно в качестве источника финансирования как процесса развития, так и платежного баланса. Более того, данные обследований бюджетов домашних хозяйств свидетельствуют о том, что денежные переводы способствовали снижению доли малообеспеченных граждан в Кыргызской Республике на 6-7 процентных пунктов в год в период 2010-2013 годов (Рисунок 6), что составляет около 350 000–400 000 человек. Эти данные также показывают, что влияние денежных переводов на сокращение бедности является наиболее значительным в южных регионах страны (Баткен, Джалалабад, Ош), в которых отмечается наиболее высокий уровень бедности (Рисунок 7). В противоположность этому, денежные переводы, как представляется, не оказывают ощутимого влияния на уровень бедности в более богатых промышленных регионах, таких как Бишкек, Чуй и Талас.

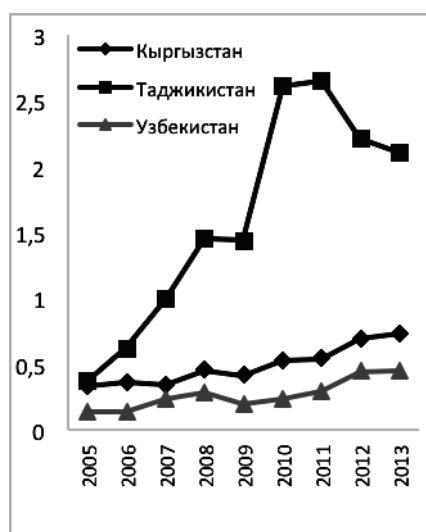


Рисунок 3 – Соотношение денежных переводов к экспорту товаров и услуг (2005-2013)

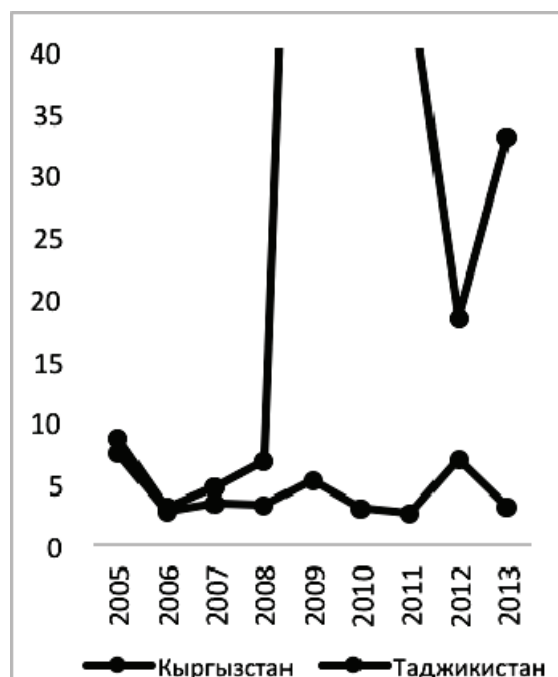


*Рисунок 4 – Соотношение денежных переводов к прямым иностранным инвестициям (2005-2013)**

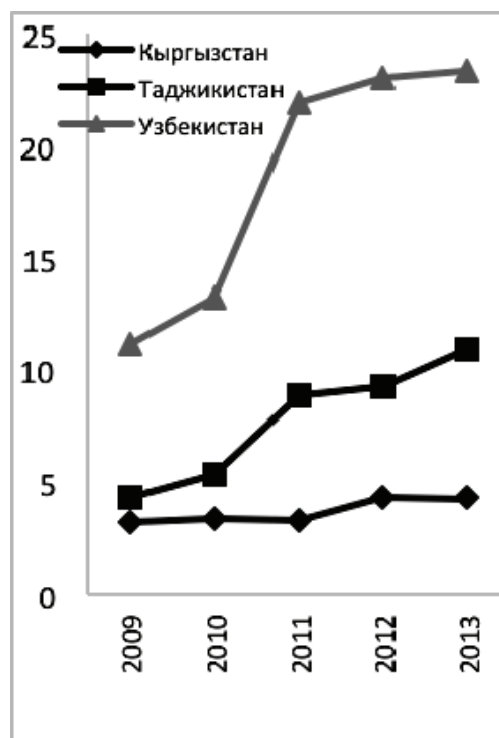


Рисунок 5 – Соотношение денежных переводов к помощи в целях развития (нетто) (2009-2013)

Расчёты ПРООН, основанные на данных Всемирного Банка и Государственного Статистического Комитета Узбекистана.

* Соотношение для Таджикистана в 2010 и 2011 годах составляло соответственно 111 и 147.

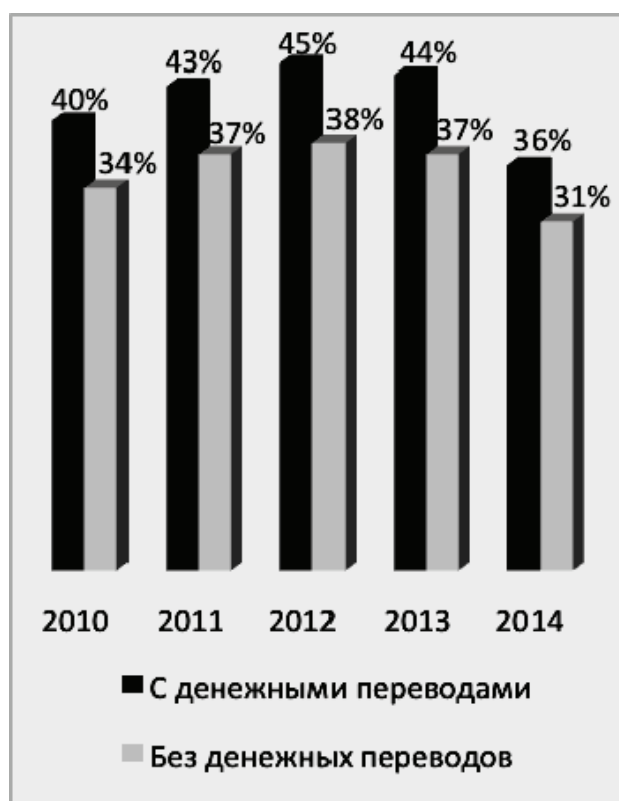


Рисунок 6 – Уровень бедности по доходам в Кыргызстане: с денежными переводами и без них (2010-2014)

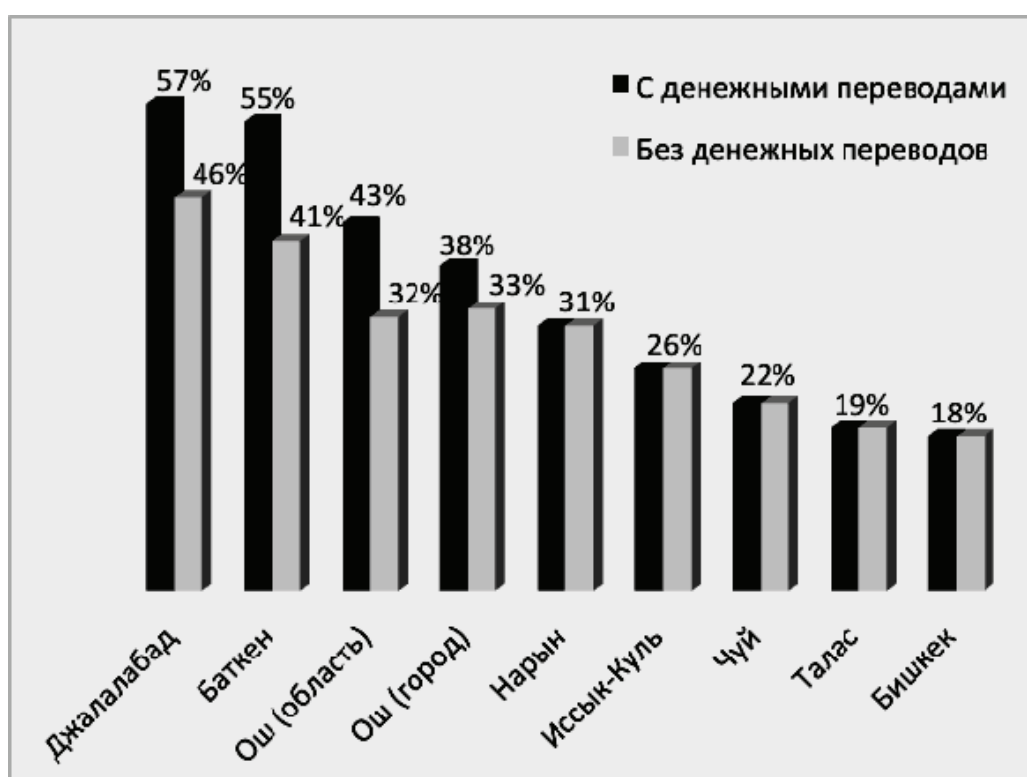


Рисунок 7 – Региональные показатели бедности по доходам и в Кыргызстане: с денежными переводами и без них (2014)

Источник: Статистический Комитет Кыргызской Республики.

Размер этих потоков заставляет задуматься, как эти средства используются за пределами домашних хозяйств, получающих денежные переводы. Вопрос не в том, что денежные переводы должны напрямую контролироваться государством или подлежать дополнительному налогообложению. Наоборот, речь идет о перспективах убеждения домашних хозяйств, получающих денежные переводы, инвестировать эти средства в проекты местного развития и другие мероприятия на уровне сообществ, которые могут повысить уровень жизни – особенно в сельских районах и небольших городах, где качество/доступ к базовым услугам иногда далеки от идеала. Этот вопрос может иметь особенно важное значение для Российской Федерации и Казахстана, кроме того, что являются источником практически всех денежных переводов, увеличивают объемы помощи в целях развития, предоставляемой этим странам Центральной Азии.

Согласно данным Центрального банка Российской Федерации, в 2013 году средний размер комиссии, взимаемой с клиентов, осуществляющих денежные переводы из России в зарубежные страны через операторов денежных переводов, снизился до 1,7% от суммы перевода, что является «самым низким показателем среди стран Большой двадцатки». Такое резкое уменьшение расходов, связанных с операциями по отправке денежных переводов из России, означает огромную экономию средств для мигрантов (а также диаспор и других отправителей). Например, экономия средств за счет разницы между средним размером комиссии в 3% (общий международный индикативный показатель) и 1,7% по операциям по осуществлению денежных переводов в объеме 21,9 миллиарда долларов через операторов денежных переводов из Российской Федерации в 2014 году составила почти 600 миллионов долларов. Для трёх менее богатых стран Центральной Азии экономия составила 184 миллиона долларов по денежным переводам, отправленным в Узбекистан, 126 миллиона долларов по денежным переводам, отправленным в Таджикистан, и 67 миллионов долларов по денежным переводам, отправленным в Кыргызскую Республику. Хотя такая экономия средств не классифицируется как официальная помощь в целях развития, это является конкретным примером поддержки процесса развития, предоставляемой Российской Федерацией менее богатым странам Центральной Азии.

Наконец, эти данные подчеркивают потенциальную значимость транснациональной экономической интеграции и сотрудничества для менее богатых стран Центральной Азии. Присоединение Кыргызстана к Евразийскому Экономическому Союзу (ЕАЭС) в августе 2015 года несёт с собой обещание свободного движения трудовой силы, а также (в более долгосрочном периоде) перспективы гармонизации национальной пенсионной системы и других систем социальной защиты. Перспективы членства в ЕАЭС рассматриваются тоже для Таджикистана.

Такие высокие показатели денежных переводов могут не являться постоянными; значительное и продолжительное сокращение притока денежных переводов (по отношению к ВВП) отмечалось во многих развивающихся странах. Для стран Центральной Азии, значительное снижение юбыло зафиксировано в

2009 году, когда общий объём денежных переводов из Российской Федерации в страны СНГ сократился (из-за влияния мирового финансового кризиса) на 28%. Предварительные данные также указывают на снижение показателей для Таджикистана и (в меньшей степени) в Кыргызской Республике в 2014 году (рисунок 8) – на фоне снижения на 12% в исходящих денежных переводах из России. Дальнейшее снижение на 47% исходящих денежных переводов из России в другие страны СНГ было отмечено в первом квартале 2015 года. Снижение денежных переводов из России в Узбекистан, Таджикистан и Кыргызскую Республику, составило 50%, 44%, и 34%, соответственно (рисунок 9).

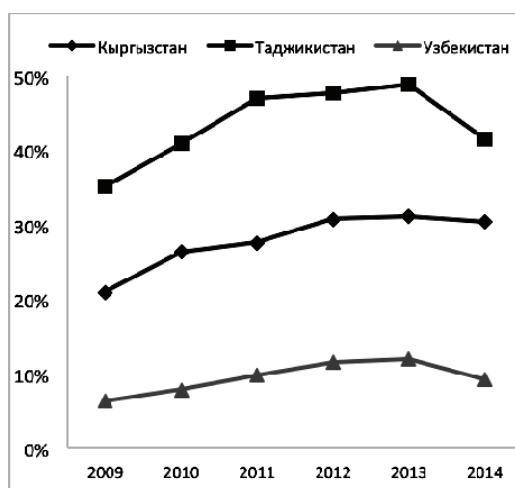


Рисунок 8 – Соотношение годовых потоков денежных переводов к ВВП (2009-2014)

Рассчёты ПРООН на основании данных Всемирного Банка и МВФ.

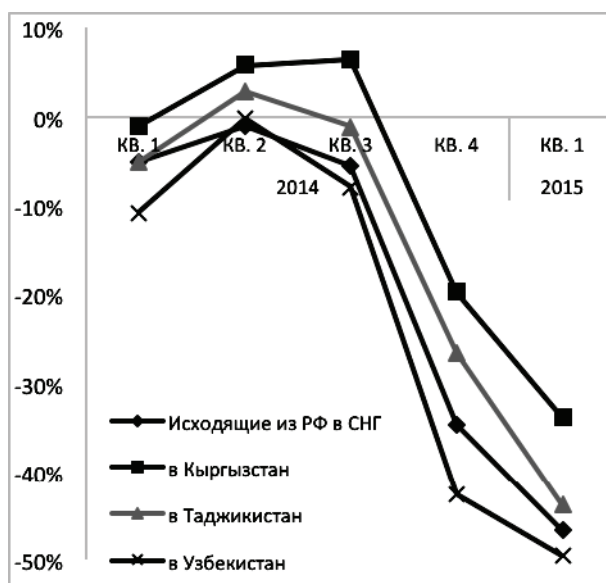


Рисунок 9 – Квартальные тенденции денежных переводов из России и в странах Центральной Азии

Расчеты ПРООН тенденций год-к-году, основанных на данных ЦБ РФ для денежных переводов из России через операторов денежных переводов.

Долгосрочные (до 2030 года) перспективы государств Центральной Азии по сохранению значительных потоков денежных переводов, отмечаемых до 2014 года (и связанной с ними миграции), можно рассматривать в фокусе трех взаимосвязанных факторов:

- 1) в какой степени законодательные акты, регламентирующие вопросы трудовой миграции в Российской Федерации (и, в меньшей степени, в Казахстане), будут способствовать или препятствовать миграционным потокам;
- 2) демографическая ситуация и конъюнктура рынка труда в России и четырех странах Центральной Азии; и
- 3) общая экономическая ситуация и тенденции в этих странах.

В долгосрочной перспективе (т.е. до 2030 года) влияние этих тенденций на динамику денежных переводов (и, опосредованно, на миграцию) в странах Центральной Азии можно прогнозировать следующим образом.

Относительно фактора (1) – мы предполагаем, что изменения в той степени, в какой законодательство будет стремиться стимулировать или сдерживать потоки мигрантов из Кыргызской Республики, Таджикистана и Узбекистана в Российскую Федерацию и Казахстан не окажут значительного влияния на реальный масштаб этих потоков (как неофициальной, так и официальной миграции). Будущее влияние фактора (2) – демографическая ситуация и конъюнктура рынка труда в России и четырех странах Центральной Азии – можно оценить, исходя из: (а) демографических прогнозов выпущенных в июле 2015 года Отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (изменения численности всего населения и населения трудоспособного возраста); и, на основе этого, (б) прогнозов/экстраполяции данных до 2015 года по численности лиц трудоспособного возраста «без работы» в этих странах. Влияние фактора (3) – общие экономические тенденции в этих странах – может быть спрогнозировано посредством расширения горизонта прогнозов на период после 2015 года по ВНД на душу населения (по паритету покупательной способности) по этим странам до 2030 года. Это можно сделать на основе данных по ВНД на душу населения из базы данных Всемирного банка «Показатели мирового развития» (до 2013 года, используя обменные курсы 2011 года по ППС) и оценок/прогнозов роста ВВП на душу населения из Прогноза роста мировой экономики МВФ (апрель 2015 года, по ППС с использованием обменных курсов 2011 года) на 2014-2020 годы.

Были рассчитаны *максималистский* и *минималистский* сценарий миграции, в которых демографические и экономические факторы ((2) и (3) указанные выше) в большей или в меньшей степени способствуют значительным потокам мигрантов и денежных переводов. Эти сценарии позволяют сделать вывод, что *есть веские основания полагать, что потоки мигрантов и денежных переводов из менее богатых стран Центральной Азии останутся достаточно значительными в период 2015-2030 годов*. Даже по «минималистскому» сценарию миграции численность людей без работы (т.е. лиц в возрасте 16-64 лет, которые являются незанятыми или не относятся к экономически активному населению) в Кыргызской Республике, Таджи-

кистане и Узбекистане увеличится на 17% в течение 2014-2030 годов (рисунок 10). В противоположность этому, несмотря на влияние экономического спада 2014-2015 годов, численность людей без работы в Российской Федерации и Казахстане в 2030 году будет примерно на 9% ниже уровня 2014 года. Согласно «максималистскому» сценарию миграции, численность людей без работы в Кыргызской Республике, Таджикистане и Узбекистане увеличится на 23% в течение 2014-2030 годов, тогда как численность людей без работы в Российской Федерации и Казахстане в 2030 году будет примерно на 15% ниже уровня 2014 года. Развитие событий в 2015-2016 годах может оказаться просто «всплеском» – особенно если (что кажется весьма вероятным) наблюдаемое снижение формальных миграционных потоков в течение 2015-2016 годов, будет компенсировано, по крайней мере частично, ростом нерегулярных миграционных потоков, которые не охвачены официальной статистикой.



**Рисунок 10 – Тенденции численности людей «без работы»*
в Центральной Азии и Российской Федерации, 2014-2030 (2014 = 100)**

* Число лиц в возрасте от 16 до 64 лет не классифицированных как занятые.
Расчеты ПРООН / прогнозы, основанные на данных Всемирного банка Показатели мирового развития, и данных / демографических прогнозах ДЭСВООН.

Перспективы в области человеческого развития в связи с миграцией и денежными переводами подчеркивают важность более широкого понимания данных официальной статистики и взаимосвязанного эффекта для макроэкономической ситуации и доходов с тем, чтобы полноценно анализировать последствия (как положительные, так и отрицательные) для населения. Во многом миграция и денежные переводы помогают людям в полной мере реализовывать человеческий потенциал. (Полный перечень плюсов и минусов трудовой миграции и связанной с ней денежных переводов приведен в Таблице 1). Помимо снижения бедности по доходам и стимулирования частного потребления и инвестиций (например, жилищное строительство), миграция и денежные переводы могут также способствовать инвестированию

домашними хозяйствами в образование и медицинское обслуживание. Такие инвестиции могут также оказывать положительный эффект на местную экономику в среднесрочной и долгосрочной перспективе в форме улучшения человеческого капитала, повышения активности субъектов малого бизнеса (за счет обеспечиваемого денежными переводами начального и оборотного капитала) и усиления конкурентоспособности местных производств. Миграция может также обеспечить доступ к более качественным медицинским услугам в принимающих странах. Большинство респондентов опроса, проведенного в Таджикистане в 2010-2011 годах, отметили, что доходы их семей за счет денежных переводов позволили улучшить доступ детей к медицинскому обслуживанию. Более широкие возможности получения образования для детей и членов семей в домашних хозяйствах, получающих денежные переводы, подтверждаются в многочисленных исследованиях. Исследование МОТ, проведенное в 2010 году в странах Центральной Азии показало, что в 2008 году семьи мигрантов направляли 20% доходов за счет денежных переводов на медицинское обслуживание, и еще 10% на образование.

Таблица 1.

**Миграция и денежные переводы в странах Центральной Азии:
плюсы и минусы для человеческого развития**

<i>Плюсы</i>	<i>Минусы</i>
<i>Аспекты человеческого развития, связанные с доходами</i>	
Снижение бедности по доходам в странах происхождения мигрантов	Добавленная стоимость продукции/продаж, обеспечиваемых за счет труда мигрантов, «утрачивается» для стран происхождения мигрантов ¹⁴
Поддержка платежного баланса, рынков труда и экономической деятельности в целом	Неофициальный характер деятельности снижает финансовые потоки в официальном секторе и текущие налоговые поступления
Поддержка местной экономики, строительного сектора	Угроза для финансовой устойчивости пенсионных систем в долгосрочной перспективе в странах происхождения мигрантов
Обеспечение начального и оборотного капитала для субъектов малого бизнеса	«Голландская болезнь»: значительные потоки денежных переводов ослабляют важность разработки альтернативных стратегий обеспечения экономического роста и развития
Содействие конкурентоспособности, сглаживание ситуации на рынках труда в странах назначения (на макро-уровне), особенно в строительстве, транспортной отрасли и секторе услуг	

¹⁴ Однако, это обеспечивает выгоды для стран назначения.

<i>Плюсы</i>	<i>Минусы</i>
<i>Другие аспекты человеческого развития</i>	
Улучшение финансовых возможностей для обеспечения доступа семей мигрантов к качественному медицинскому обслуживанию, образованию и другим социальным услугам	Повышенный риск инфицирования/распространения ВИЧ/СПИДа, туберкулеза и других инфекционных заболеваний
Приобретение мигрантами новых навыков в странах назначения («утечка мозгов», «социальные переводы»)	Риски для здоровья, связанные с неблагоприятными условиями проживания мигрантов (например, перенаселенные жилые помещения)
Миграция и доходы за счет денежных переводов содействуют уверенности в своих силах и способности людей самостоятельно решать свои проблемы	Риск заболеваемости/смертности в связи с иногда опасными и трудными условиями, в которых работают мигранты
Денежные переводы могут способствовать расширению перспектив социально-экономического развития на местном уровне (если они могут быть привлечены из неофициального сектора)	Риски эксплуатации, торговли людьми, жестокого обращения, сопряженные с нерегулярной миграцией
Возможности для самореализации, которые отсутствуют дома	Миграция как «мода», что фактически ограничивает возможности для самореализации
	Угрозы для культурных ценностей, традиций и социальной сплоченности как в странах происхождения мигрантов, так и в странах назначения
	Сокращение доступа к системе социальной защиты в странах назначения
	«Утечка мозгов»
	Социопсихологические проблемы для семей мигрантов («СМС-разводы», дети, растущие без родителей (UNICEF, 2011), и т.д.). Многие из этих проблем в диспропорциональной степени затрагивают женщин.
	Неофициальный характер миграции может (в дальнейшем) ослабить принцип верховенства закона и качество управления рынком труда в странах назначения («бег на дно»?)
	Повышенный риск политического радикализма со стороны разочарованных мигрантов

Миграция обеспечивает значимые выгоды для стран назначения мигрантов. В 2011 году Директор Федеральной миграционной службы Российской Федерации К.О. Ромодановский заявил, что труд мигрантов обеспечивает 8% ВВП России. Ряд исследователей утверждают, что трудящиеся мигранты играют роль «буфера» на российском рынке труда, в частности защищая российских работников от влияния экономического спада. В свете значимости экономики России для соседних стран, некоторые из этих выгод распространяются и на третьи страны (т.е. страны, помимо стран происхождения мигрантов и стран назначения).

Парадигма человеческого развития также подчеркивает важность более широкого видения агрегатов и углубления понимания нужд соответствующих людей и социальных процессов, сохраняя, при этом, доказательно-обоснованный подход. Все большее количество исследований по вопросам миграции и денежных переводов в странах Центральной Азии, в сочетании с официальными данными по регистрации миграции в странах назначения расширяют возможности для использования такого подхода (см. Вставку ниже).

Вставка. Мигранты из Центральной Азии в России – кто они?

Недавние данные (июль 2015 года), размещенные на сайте Миграционной службы Российской Федерации, позволяют получить представление о половозрастном составе мигрантов из стран Центральной Азии в России. В частности:

- Граждане Кыргызской Республики, Таджикистана и Узбекистана составляют примерно треть от общей численности зарегистрированных мигрантов в России. (Если добавить граждан Казахстана и Туркменистана, это показатель возрастает до 40%.)*
- Подавляющее большинство мигрантов из Таджикистана и Узбекистана в России – это мужчины, которые составляют, соответственно, 84% и 82% от общей численности зарегистрированных мигрантов из этих стран. В противоположность этому, женщины составляют более значительную долю в составе мигрантов из Кыргызской Республики (39%), а также из Казахстана (42%). (Женщины составляли 32% от общей численности мигрантов в Российской Федерации в этот период). На долю мужчин-выходцев из Узбекистана приходился практически один из четырех (24%) от всех зарегистрированных мигрантов.*
- Возрастной состав мигрантов в разрезе стран также различается. Если 92% мигрантов из Узбекистана (и 88% из Таджикистана) составляли лица в возрасте 17 – 59 лет, удельный вес лиц этой возрастной категории среди мигрантов из Кыргызской Республики и Казахстана составлял, соответственно, 81% и 73%. (Для сравнения, мигранты в воз-*

расте 17–59 лет составляют 82% от общей численности мигрантов в Российской Федерации.)

Согласно данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, в 2011-2014 годах примерно 60-65% мигрантов из этой страны составляли жители Бишкека и Чуйского региона. Эти два северных промышленных региона также демонстрировали наибольшую интенсивность эмиграции (в расчете на 1000 жителей) в этот период; аналогичный показатель для г.Ош также превышал среднее значение по стране. Наоборот, данные обследования рабочей силы показывают, что более $\frac{3}{4}$ внешних мигрантов из Таджикистана в 2004 и 2009 годах являлись выходцами из сельских районов.

В целом, эти данные свидетельствуют о том, что мигранты из Таджикистана и Узбекистана в Российской Федерации представлены молодыми мужчинами, работающими в строительстве (см. Рисунки 29, 30) и (по крайней мере в отношении Таджикистана (и, согласно некоторым данным, также и в отношении Узбекистана)) являющимися выходцами из сельских районов. В отличие от этих стран, состав мигрантов из Кыргызской Республики является несколько более сбалансированным по половозрастным когортам. Состав мигрантов из городов/сельских районов Кыргызской Республики также представляется более сбалансированным при сравнительно значительной доле мигрантов из городских населенных пунктов. Данные на Рисунке 23 также указывают на несколько более многочисленную кыргызскую диаспору в Российской Федерации (по сравнению с круговой трудовой миграцией из Кыргызской Республики) в сопоставлении с диаспорами из Таджикистана и Узбекистана.

В отличие от Таджикистана и Узбекистана, более сбалансированный и «диверсифицированный» характер миграции из Кыргызской Республики (по гендерному и географическому составу) и (возможно) несколько более многочисленная кыргызская диаспора могут служить объяснением отсутствия резкого (отмечаемого) сокращения потоков мигрантов из Кыргызской Республики в Российскую Федерацию и денежных переводов из России в Кыргызстан в 2014 году.

MIGRATIONS IN SOUTH AMERICA. BOLIVIANS AND LABOR MARKETS IN ARGENTINA

The growing restrictions on immigration in developed countries lead us to examine migrations between southern ones. Compared to south-north flows, they usually involve shorter distances and rather impoverished populations [1]. People have moved to, from and within the Southern Cone of South America since the formation of the nation-states in the 19th Century. During the 1980's, a new migration phase began as a result of socioeconomic and political crisis in many Latin American countries [2], stimulating vast numbers of people to emigrate to the developed ones and, to a lesser extent, to other countries of the region [3].

The acceleration of Latin American migrations is also part of a broader context. International movements of people have acquired specific features in the current framework of globalization, capital accumulation [4] and transnationalism [5]. Increasing interdependence of the world economy and technological advances in communications and transportation are leading to the free flow of goods and information between countries. In contrast, highly controlled international borders and impassable social boundaries are proliferating in the contemporary world, and their effects are very often violent and exclusionary, especially among labor migrants [6]. At the same time, "borders react to diverse kinds of migrant subjectivities and thereby operate to produce differentiated forms of access and *rights*" [7, P. 58, emphasis in the original].

Immigration has emerged as a hot issue in many Western states [8] and as a source of friction in the international arena. Global migration governance is a topic of the political agenda at national and regional levels, inspiring debates about the so-called "problem of migration". In the late 1990s, the State Parties of the Southern Common Market (MERCOSUR)¹⁵ became concerned about the advantages and disadvantages of migrations from and within the region. On one hand, they asserted that northern receiving countries should develop more inclusive immigrant integration policies [9]. On the other hand, they attempted to improve what was (and still is) considered a migration governability crisis within the region. In December 2002, the presidents of the MERCOSUR State Parties announced that they would allow free movement of people within the region.

Therefore, some of the member countries are reconsidering their migratory policies. Argentina is the only one that has already made a substantial change. Immigration has strongly shaped Argentine history [10]. Between 1830 and 1850, 8,2 million European immigrants arrived in Argentina; the United States was the only country that received more international migrants during that period. By

¹⁵ Member countries: Argentina, Brazil, Uruguay, Paraguay and Venezuela. Associated parties: and Chile, Colombia, Peru, Ecuador, Guyana and Surinam.

1914, one third of the Argentine population was foreign born, mainly from Italy and in Spain. Migrations from western European countries were encouraged by the government, in an attempt to construct a modern, white and civilized society according to the hegemonic construction of Argentineness.

Although after the 1950s most of the immigrants were from the Southern Cone of South America, migration policies continued giving preference to those who came from overseas while those coming from neighboring countries were discriminated against or merely tolerated. There was a significant change in 2004 when a new National Migration Law was enacted, recognizing the importance of those coming from the State Parties of the MERCOSUR [11].

In spite of this rhetoric of inclusion [12], the change in the Argentine migration policy does not go so far as to establish a genuine migration without borders scenario [13]. On the contrary, disguised state control techniques and technologies are still in use mainly aiming to regulate labor migrations. According to the National Migration Law 2004, legal residence and human rights are guaranteed to the citizens of the State Parties of the MERCOSUR; however, labor migrations proceeding from those countries are still being controlled in many formal or informal ways [14].

During the 1990s, the increase of migrants moving within the Southern Cone of South America brought about changes in the proportions of migratory flows in several countries. Argentina ranked third in the world as a host country receiving Latin American immigrants. Most of them –about 90 percent– came from the State Parties of the MERCOSUR. Longstanding Bolivian and Paraguayan immigration flows significantly increased during the last decades of the 20th Century. In 2001, Paraguayans ranked first over intraregional immigrants (35 percent) followed by Bolivians (25 percent), Chileans (23 percent), Uruguayans (13 percent) and Brazilians (4 percent).

Regional migration did not reach large proportions after the Argentine economic and financial crisis of 2001, though it continued steadily and there were no massive returns [13]. Nevertheless, the sharp reduction in employment, the increase in poverty, and the end of currency convertibility encouraged many Latin American people to migrate to other countries, mainly to Spain [15].

International migrants coming from impoverished social contexts usually integrate into marginal segmented labor markets. In Argentina, there are specific informal sectors intended for regional migrants such as construction, agriculture, small-scale industry, and domestic service. The informal nature of labor agreements leads to lack of access to social security and healthcare services, as well as fewer possibilities of education for children and young people. Unlike nationals, these foreign workers usually accept to live and work under extremely bad conditions.

Labor flexibility and ambivalence between enduring and resisting oppression might be due to their migrant condition [16], as I found in my ethnographic research on Bolivian laborers in Argentina [17], [18], [19]. One of the reasons why they bear physical and psychological suffering is that they lack of social networks that would sustain them if they happened to lose their jobs. On the contrary, their relatives frequently expect them to send money back home. Therefore, migrant la-

borers work in harsh and poorly paid activities that nationals would not tolerate. They also achieve a competitive edge, becoming so good at their jobs that employers prefer them to local people. Racializing and ethnicizing discourses frequently naturalize and justify labor market segmentation, and serve to legitimize the fact that immigrants, especially irregular, or illegal, ones, accept working long hours in harsh conditions and earning very low wages.

I found that Bolivians coming from poor indigenous-peasant households usually regard themselves not as immigrants but as workers. This may be due to the very popular and long-standing tradition among Bolivians of moving around the international border region between Bolivia and Argentina. Many Bolivian labor migrants interviewed had left their homes without thoroughly thinking about that decision beforehand and did not know how long they were going to stay in Argentina.

The continuity of regional immigration to Argentina, despite the recent crisis, shows that people do not only migrate because of economic factors but also due to cultural and social ones that influence their decisions, trajectories and experiences. As Other issues shape Bolivian international migrations such as the antiquity of the migration flow, longstanding networks, social and economic capital, imaginaries about the places of destiny, and ancient traditions of territorial mobility. Other intertwined conditionings are the cycle and structure of their families, marital status, age, possibilities of socio-economic upward mobility and education, and utopias of ameliorating gender, class or race-ethnic inequalities, among others.

The case of Bolivian labor immigration to Argentina is paradigmatic. Before the nation-states formation in the mid-nineteenth century, people used to move within a unique colonial territory, and they kept on doing so after the international border was established.

Until the 1950s, men coming from Bolivian Andean rural households moved around the international border region looking for seasonal jobs in agriculture. After 1960, industrial modernization attracted Bolivian families southwards to the cities of Buenos Aires, Mendoza, Tucumán and Córdoba. In the 1990s, a steady macroeconomic context, comparatively high salaries, and imaginaries about Argentine modern, urbanized way of life made the country more attractive to Bolivians.

Since then, these Bolivian laborers have spread throughout Argentina, taking low-skilled jobs in labor-intensive sectors of the economy. While men usually work in construction, agriculture and textile manufacturing, women are employed in informal street trading, textile manufacturing, agriculture and domestic service. Although the laborers' impact on unemployment is minimal, racializing and ethnicizing stereotypes make Argentines feel threatened.

Even when Argentine economy deteriorated during the 2000s, Bolivians kept migrating. Nowadays, such territorial mobility takes place within the contradictory scenario of the free flow of capital, goods and services together with various state control techniques and technologies of the international borders and social boundaries. Nevertheless, as I have said before, current Argentine migration policy is certainly less restrictive than it was previously.

Bolivian laborers have recently built novel migratory territories recently built in Argentina, throughout the whole country. For instance, these migrants participate in the horticulture labor market in the Middle Valley of the Río Negro during the harvest season. Trpin and Ciarallo [20] show that these productive enclaves are supported by the use of a vulnerable migrant labor force, and they remark the informality of work contracts and the frequent fraud that these workers endure. They show that these labor markets are highly segmented on the basis of ethnic and nationality classifications.

Ataide and Benencia [21] study the participation of Bolivians in the horticulture labor market in the Province of Salta. They highlight the ways in which cultural identities are used to naturalize and justify their oppressive work conditions. They say that local classification matrices of the Otherness and the ways in which these immigrants are looked down as foreigners. The authors also show the ways in which Bolivian laborers question, resist and reproduce these identities and social positions.

Moreno Fiore and Pizarro [22] study the ways in which Bolivian women supply the demand of seasonal workers in horticulture harvests in the Province of Mendoza. They remark the impact that the intersection of inequalities has on the laborers' migratory and work trajectories. But, at the same time, they remark the social agency of these labor migrants, who give different imprints to their lives according to the sense in which they interpret their own migration and labor experiences.

From a gender perspective, Pizarro [20] analyzes Bolivian women's associational migration to the outskirts of Buenos Aires and Córdoba cities. These laborers work with their families in horticulture fields and brick-manufacturing sites. Pizarro not only shows the impact of the intersection of different inequalities in women's migratory trajectories, working conditions and family life, but she also analyzes how other factors intertwine, such as migratory networks and human and social capital, state control mechanisms in the borders, previous work experiences, marital status, structure of the domestic groups, and traditional familiar and gender ideologies.

Magliano and Mallimaci Barral [23] go deeper into gender issues influencing the migration of Bolivian women to Córdoba and Ushuaia. They analyze the implications of family migration on the itineraries of these migrants, focusing on their labor experiences in both destinations. They emphasize that work marks the lives of these women, affecting their experiences and decisions, and becoming a key factor for their migration project.

Ferreiro, Pizarro and Basualdo [24] analyze the practices of resistance that Bolivian migrants develop. They study the family ties and transnational networks of young laborers in a brick-manufacturing site on the outskirts of Córdoba city. They highlight the ways in which their expectations, memoirs, and mementos help them to endure extremely precarious living and working conditions. They remark that some practices of resistance are inscribed in their memoirs and re-signified in their narratives.

Benencia [25] is also concerned about the Bolivian migrants' practices of resistance. He studies the experiences of those who returned to Buenos Aires after living for over a decade in a complex and changing European context. He analyzes

the ways in which certain practices of resistance have allowed them not only to survive but to improve their economic situation. He shows that their improved economic position made it possible for them to decide whether to stay in Spain or return to Bolivia or Argentina after the European crisis of 2008 and the renewal of xenophobic discrimination against Latin Americans.

In brief, recent research highlights key issues regarding the structural factors that shape the integration of Bolivian immigrants in certain labor markets that are segmented by inequalities based on class, gender, ethnicity-race, nationality and migratory and legal status. These ethnographic insights show the various ways in which labor immigrants experience harsh living and working conditions. Finally, they show that these men and women are capable of dealing with oppressive situations and of performing particular ways of resistance.

Labor migrations should not be studied from a reductionist economic approach to their trajectories, experiences and prospects for the future. On the contrary, they should be studied from a holistic approach, understanding that migrants make sense of their territorial mobility from complex points of view anchored in their life experiences. In short, labor migrations are total social facts [16] because they comprise economic, social, cultural and political dimensions.

REFERENCES

1. Bologna, E. Migraciones entre países del sur: Los cambios y las continuidades en los flujos limítrofes hacia Argentina // *Migraciones internacionales*. – 2010. – N° 5.
2. Massey, D. et al. *Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium* // Clarendon Press. 2005.
3. Cerrutti, M. *Gender and Intra-Regional Migration in South America* // *Human Development Research Paper*. – 2009.
4. Harvey, D. El 'nuevo' imperialismo: acumulación por desposesión // *Socialist Register*. – 2004.
5. Glick Schiller, N. et al. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. – 1999. – N° 68.
6. Kearney, M. La doble misión de las fronteras como clasificadoras y como filtros de valor / L.Velasco Ortiz // *Migración, fronteras e identidades étnicas transnacionales*. – 2008. – El Colegio de la Frontera Norte-Miguel Ángel Porrúa.
7. Casas-Cortes, M. et al. *New Keywords: Migration and Borders* // *Cultural Studies*. – 2015. – N° 29.
8. Silverstein, P. Immigrant racialization and the new savage slot: Race, migration, and immigration in the new Europe // *Annual Review of Anthropology*. – 2005.
9. Stuhldreher, A. 2014. Cambio de ciclo en las relaciones birregionales entre la Unión Europea y América Latina y el Caribe: Discurso, teorías y políticas en torno a issue migratorio // *FLACSO-ISA Conference*. – 2014.
10. Albarracín, J. *Selecting Immigration in Modern Argentina: Economic, Cultural, International and Institutional Factors* // 2004. University of Florida.
11. Novick, S. *Migración y políticas en Argentina: tres leyes para un país extenso (1876-2004)* / S.Novick // *Las migraciones en América Latina. Políticas, culturas y estrategias*. – 2008. – Catálogos/CLACSO.

12. Domenech, E. La visión estatal sobre las migraciones en la Argentina reciente. De la retórica de la exclusión a la retórica de la inclusión / E.Domenech // *Migración y política: el Estado interrogado*. – 2009. – Universidad Nacional de Córdoba.
13. Maguid, A. Migration Policies and Socioeconomic Boundaries in the South American Cone / A. Pécout and P.de Guchteneire // *Migration without Borders. Essays on the Free Movement of People*. – 2007. -UNESCO publishing/Berghahn Books.
14. Curtis, C. and M.I. Pacecca. Migración y derechos humanos: una aproximación crítica al “nuevo paradigma” para el tratamiento de la cuestión migratoria en la Argentina // *Revista Jurídica de Buenos Aires*. – 2007.
15. Gadea, E. et al. Bolivianos en Argentina y en España. De la Migración Tradicional a las Nuevas Rutas // *AREAS. Revista Internacional de Ciencias Sociales*. – 2009. – N° 28.
16. Sayad, A. *A Imigração ou os Paradoxos de Alteridade* // 1998. – Editora da Universidade de São Paulo.
17. Pizarro, C. “Ser boliviano” en la región metropolitana de la ciudad de Córdoba. Localización socio-espacial, mercado de trabajo y relaciones interculturales – 2011. -Editorial de la Universidad Católica de Córdoba.
18. Pizarro, C. Sufriendo y resistiendo la segregación laboral: experiencias de inmigrantes bolivianos que trabajan en el sector hortícola de la región metropolitana de la ciudad de Córdoba / C.Pizarro // *Migraciones contemporáneas internacionales. Estudios para el debate*. – 2011. – CICCUS.
19. Pizarro, C. Intersection of Inequalities. Migration Trajectories, Labor Experiences and Family Life of Bolivian Women on the Outskirts of Buenos Aires and Cordoba Cities / C.Pizarro // *Bolivian Labor Immigrants' Experiences in Argentina*. – 2015. – Lexington Books.
20. Trpin, V. and A.M. Ciarallo. Migration and Labour Market in Horticulture. Bolivian Families in the Middle Valley of Río Negro, Argentine Patagonia / C.Pizarro // *Bolivian Labor Immigrants' Experiences in Argentina*. – 2015. – Lexington Books.
21. Ataíde, S. and R. Benencia. Segmented Labor Market and Migratory Identity Constructions in Two Horticultural Areas in the Province of Salta / C.Pizarro // *Bolivian Labor Immigrants' Experiences in Argentina*. – 2015. – Lexington Books.
22. Moreno Fiore, M. and C. Pizarro. Differential Migration Trajectories of Bolivian Women Working in Horticultural Fields in Mendoza City / C.Pizarro // *Bolivian Labor Immigrants' Experiences in Argentina*. – 2015. – Lexington Books.
- 23- Magliano, M.J. and A.M. Mallimaci Barral. Moving Across Argentina: Family, Work and Gender Roles in the Migration of Bolivian Women to Córdoba and Ushuaia / C.Pizarro // *Bolivian Labor Immigrants' Experiences in Argentina*. – 2015. – Lexington Books.
- 24 Ferreiro, M. et al. Practices of Resistance among Young Bolivian Immigrants Working in a Brick Factory in Cordoba City / C.Pizarro // *Bolivian Labor Immigrants' Experiences in Argentina*. – 2015. – Lexington Books.
25. Benencia, R. Practices of Resistance of Latin American Immigrants to “New” Ways of Discrimination exerted by Authorities and Citizens of Central Countries / C.Pizarro // *Bolivian Labor Immigrants' Experiences in Argentina*. – 2015. – Lexington Books.

ОБРАЗ ИММИГРАНТА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ БРАЗИЛИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Как известно, первые иностранцы прибыли на бразильскую землю с экспедицией Педру Алварес Кабрала в 1500 году. С тех пор иностранное присутствие на бразильских территориях было постоянным и насыщенным: иностранцы не только обеспечивали связь с метрополией, реализуя на местах ее политику эксплуатации натуральных и человеческих ресурсов в новой колонии, но и способствовали торговым и культурным связям с коренным населением. Символом многовекового смешения европейских иностранцев с местными индейцами является синтетический язык ньенгату (nheengatu) – смесь португальского с индейскими диалектами – результат их активного сожительства. Как отмечает бразильский социолог Жозе ди Соуза Мартинс [1, с. 141], влияние ньенгату до сих пор прослеживается в бразильском акценте португальского; слова на этом древнем языке активно используются в повседневной жизни и заметны в местной топонимике.

Тем не менее, категория «иммигрант» появилась в социальной структуре Бразилии довольно поздно: в начале XIX века. Бразильская исследователь Жиралда Зейферт [2, с. 273] указывает на то, что «первые немцы, классифицированные как иммигранты, начали селиться в Рио де Жанейро в 1808 году, занимаясь экспортной и импортной торговлей». Она же [3, с. 79] отмечает, что первая колония в рамках политики по заселению бразильских территорий иностранными иммигрантами была основана в 1818 в городе Новый Фрибург, в штате Рио де Жанейро. За этим последовали и другие проекты по освоению пустынных земель за счет иммигрантов из Европы, но они оставались сравнительно немногочисленными до 1888 года, когда, после отмены рабства, Бразилия централизовала свою миграционную политику, что спровоцировало значительные миграционные потоки в страну. Таким образом, начиная с XIX века, наравне с иностранцами в Бразилии стала появляться фигура «иммигранта».

Согласно законодательству того времени, в категорию «иммигрант» официально попадал любой иностранец, въехавший в страну в качестве пассажира третьего класса. Таким образом, из абстрактного «иностранца» человек превращался в легитимного члена бразильского общества, наделенного юридическим статусом и связанным с правительством сложной сетью прав и обязанностей. Для бразильской правящей элиты иммигранты были выгодным решением по поддержанию способа производства на кофейных плантациях, основанного на архаических формах эксплуатации труда [4, с. 60]. Несмотря на то что теоретически иммигрант был свободной рабочей силой, на практике он впадал в глубокую зависимость от своего помещика, которого

законодательство наделяло широкими полномочиями по отношению к иностранному рабочему. Таким образом, правительство пыталось снизить число возвратов в Европу со стороны иммигрантов, недовольных своим положением в стране. Несмотря на сложности адаптации в Бразилии, тяжелые условия выживания в сельских регионах Европы, вызванные прогрессом капиталистических отношений, продолжали провоцировать многочисленные миграционные потоки в Америку. В общей сложности, около трех миллионов иммигрантов из различных стран Европы въехали в Бразилию до 30-х годов XX века [5, с. 21].

Было бы ошибочно считать, что бразильское правительство принимало любых иммигрантов для заселения пустынных земель и для работы на кофейных и сельскохозяйственных поместьях. Помимо многочисленных условий, связанных с продуктивностью иммигранта и его семьи (отменное здоровье, обязательно наличие семьи и с присутствием в ней, как минимум, одного члена мужского пола, способного к физическому труду), в своем отборе Бразилия руководствовалась и более субъективными критериями, вдохновленными размышлениями популярной тогда «науки» евгеники. Набирающая все большую популярность с начала XX века, европейская и американская евгеника указывала на «дегенерацию» некоторых народов, в которых присутствовало активное расовое смешение. Бразильские ученые, вдохновленные этими размышлениями, адаптировали их к своей действительности, утверждая, что смешение рас не привело на практике к биологической деградации, но способно, напротив, спровоцировать «отбеливание» народа за счет его активного смешения с белыми европейскими иммигрантами [6, с. 72-74]. Как показывает бразильский историк Фабио Койфман [7], эти постулаты во многом легли в основу бразильской миграционной политики вплоть до конца Второй Мировой Войны.

Как видно, с 20-ых годов XX века иммигрант из проводника прогресса стал постепенно превращаться в человеческий материал, который обязательно должен подвергаться тщательному отбору. После основания СССР, когда коммунистическая доктрина стала реальностью во многих европейских странах, иммигрант стал рассматриваться еще и как «разносчик вредных идеологий». После 1930 года, когда к власти, путем военного переворота, пришел Жетулио Варгас, стала активно развиваться националистическая идея о том, что бразильский народ состоит из равномерного смешения трех «рас» (индейской, африканской и европейской), объединенных на основе португальской культуры [8, с. 378]. В такую концепцию нации плохо вписывались многочисленные сельские колонии, которые, отделенные от контактов с бразильским обществом из-за своей географической отдаленности, сохраняли свой язык и культуру в течение многих поколений. Чтобы ассимилировать эти этнические образования в свою концепцию «бразильской нации», правительство Варгаса приняло ряд законов, которые запрещали, среди прочего, использование иностранных языков в школах и ассоциациях; обязывали этнические ассоциации назначать руководителей рожденных в Бразилии; вынуждали компании следовать квотам по найму иностранной рабочей силы; установили национальные квоты для въезда в страну. С 1930-ых годов и до окончания Второй Мировой

Войны, когда Жетулио Варгас распустил свое правительство и назначил демократические выборы, иммигрант в Бразилии воспринимался как помеха для построения нации, как чужеродный элемент в гармоничном организме, сплоченном новой национальной идеей. Часто рядом со словом «иммигрант» стали появляться термины «нежеланный», «захватчик», «чужак». Из важного составляющего бразильского общества, иммигрант превратился в иного, как элемент, вносящий дисбаланс в идеализированный образ сплоченной однородной нации.

После окончания Второй Мировой Войны некоторые политические группы начали выступать за то, чтобы открыть возможность въезда в страну беженцам и перемещенным лицам из Европы. В их понимании, это был подходящий момент, чтобы привлечь в страну квалифицированную рабочую силу для развития индустрии и сельскохозяйственного производства. Однако, оставаясь верными евгеническим принципам, они призывали осуществлять тщательный отбор среди кандидатов в иммигранты, которые должны были обладать моральными качествами, не противоречащими бразильским национальным ценностям: «энергией и силой воли; приспособляемостью к новым условиям; простотой и физической силой; выживаемостью; способностями к ручному и механическому труду; большим трудолюбием; привычкой к чистоте, порядку и дисциплине; моральностью; повышенным чувством привязанности к семье; религиозным пылом; смелостью в трудностях; и, самое главное, сильным антикоммунистическим духом» [9, с. 41]. Прибытие первых беженцев и перемещенных лиц в Бразилию в 1947 году вызвало широкие дебаты в прессе и в политических кругах, которые в очередной раз выявили утилитаристский подход бразильской элиты к иммиграции: они продолжали выражать идею о том, что иммигранты ценны Бразилии только в качестве рабочей силы и их отбор должен быть настолько точным, чтобы предотвратить проникновение в страну «неподходящих элементов».

С окончанием послевоенной иммиграции и несмотря на отмену дискриминационных законов, принятых правительством Жетулио Варгаса, миграционные потоки в Бразилию значительно уменьшились. К 1960-ым годам политика ассимиляции этнических меньшинств уже начала давать свои результаты, и образ иммигранта как «чужеродного элемента» стал все менее явным. К этому времени, общественные дебаты переместились в сторону проблемы внутренней миграции населения бедных северо-восточных регионов страны в промышленные центры штатов Сан-Пауло, Рио де Жанейро, федеральной столицы и южных штатов Бразилии. В этот период, образ внутреннего мигранта вобрал в себя расовые и региональные предрассудки и выявил глубокие противоречия между экономическими зонами внутри страны. Все еще следуя логике противостояния «мы-они», социальная дифференциация выстраивалась уже не на основе культурной несовместимости, а вокруг идеи о большей или меньшей способности к труду у представителей различных регионов страны.

Начиная с 1980-ых годов, Бразилия была в основном страной эмиграции: несмотря на присутствие иммигрантов из соседних стран Южной Аме-

рики, проблема миграции была связана в основном с присутствием бразильцев в странах Европы, в США и в Японии. Однако последние десять лет фигура иностранного иммигранта стала все чаще появляться в общественных дебатах. Растущие в своей численности потоки беженцев из Африки и Сирии, а также иммигрантов из Гаити, Боливии, Парагвая и других стран Южной Америки, их заметное присутствие на улицах главных городов страны, пробудили дремлющие в коллективном сознании образы иммигранта. В отсутствии определенной миграционной политики со стороны государства, антагонистические представления о фигуре иммигранта в бразильском обществе проявляются через прессу и социальные сети. Однако, несмотря на современное разнообразие взглядов о регулировании миграционных потоков, общественное сознание продолжает употреблять старые когнитивные схемы о фигуре мигранта. Исследователь Густаво Баррето [10] отмечает, что восприятие иммигрантов до сих пор находится под влиянием дихотомии «плохой – хороший иммигрант», когда приемлемость иммигранта измеряется его гипотетическими качествами и способностями к ассимиляции, трудолюбию и политической неприязнательности. По словам Баррето [11, с. 528], «правовая культура с трудом пускает свои корни, и, до сих пор, иммигранты ощущают на себе как влияние колониальной Бразилии, так и либерального капитализма: негры и бедные – и почти все африканские иммигранты бедные – становятся «беженцами», если даже не соответствуют формальностям международного права. Тогда как белые и богатые иммигранты – и почти все богатые являются белыми – представляются «иностранцами», носителями таких позитивных стигм как европейский колонизатор и представитель некоей «высшей культуры».

Как видим, построение образа иммигранта и его роли в бразильском обществе до сих пор находится под влиянием утилитаристских и дискриминационных концепций. Известное бразильское гостеприимство выборочно распространяется на иммигрантов в зависимости от категории, к которой они произвольно привязываются в общественном сознании. Так, уже известный образ «чужака» и «захватчика» преобразился в категорию беженца, который по прибытии автоматически определяется в ряды покушающихся на социальные льготы. Образом трудолюбивого иммигранта, агента высшей культуры и цивилизации, все еще наделены категории иммигрантов из развитых западных стран, которых тактично предпочитают называть «иностранцами». Тем временем, обширные массы трудовых мигрантов из развивающихся стран Африки, Карибского бассейна и Латинской Америки все еще рассматриваются как категории иммигрантов, которые должны неуклонно подвергаться тщательному отбору, ориентированному, как правило, на субъективные и, зачастую, расовые представления о «хорошем работнике».

Социальное построение образа «иностранца» на основе таких общих категорий, неспособных учитывать реальные особенности каждого индивида или группы, выливается, как заметил Георг Зиммель [12, с. 59], в то, что мы воспринимаем иного не как индивидуальность, а как представителя какого-то общего типа. Иммигрант, адаптируя размышления Зиммеля, – это неотъемлемая часть группы и, как и в любом другом человеческом взаимо-

отношении, он выражает в себе диалектику близости и дистанции: «дистанция внутри взаимоотношений означает, что близкий – далеко, но сам факт непохожести означает, что далекий – близко» [13, с. 54]. Динамика изменения образа иммигранта в бразильском общественном сознании неизменно указывает на то, как недостижим, на практике, некий баланс между «дистанцией» и «близостью».

Список литературы и источников:

1. Martins, J. S. Uma sociologia da vida cotidiana: ensaios na perspectiva de Florestam Fernandes, de Wright Mills e de Henri Lefebvre. São Paulo: Contexto, 2014.
2. Seyferth, G. Etnicidade, Política e Ascensão Social: um exemplo teuto-brasileiro // Mana – Estudos de Antropologia Social. v. 5, № 2, 1999.
3. Seyferth, G. Colonização, imigração e a questão racial no Brasil // Revista USP, n 53, março-maio, 2002.
4. Martins, J. S. O imaginário na imigração italiana. São Caetano do Sul: Fundação Pró-Memória de São Caetano do Sul, 2003.
5. Seyferth, G. Os estudos da imigração no Brasil: notas sobre uma produção multidisciplinar / Seyferth, Giralda et al. [orgs.]. Mundos em movimento: ensaios sobre migrações. Santa Maria: Ed. UFSM, 2007.
6. Koifman, F. Imigrante ideal: o Ministério da Justiça e a entrada de estrangeiros no Brasil (1941-1945). Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2012.
7. Idem.
8. Schwarcz, L. M.; Starling, H. M. Brasil: uma biografia. São Paulo: Companhia das Letras, 2015.
9. Neiva, A. H. Deslocados de guerra: a verdade sobre sua seleção. Rio de Janeiro, 1949.
10. Campos, G. B. Dois séculos de imigração no Brasil: a construção da imagem e papel social dos estrangeiros pela imprensa entre 1808 e 2015. Tese de Doutorado em Comunicação e Cultura, Universidade Federal do Rio de Janeiro, Escola de Comunicação, Rio de Janeiro, 2015.
11. Idem.
12. Simmel, G. Digressions sur l'étranger / Yves Grafmeyer; Isaac Joseph. L'école de Chicago. Paris: Editions de Champ Urbain, 1979.
13. Idem.

Рыбаковский О.Л.
(Москва, Россия)
Судоплатова В.С.
(Москва, Россия)

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ,
проект № 15-22-01007

Республика Узбекистан – крупнейшее по численности населения государство Средней Азии с 93% мусульман,¹⁶ занимавшее в 2013 году 114-е место по индексу человеческого развития.¹⁷ Оценки численности населения на начало 2014 года составили 29-30 млн. человек. Плотность населения – 66 человек на кв.км. Естественный прирост за 2013 год составил полмиллиона человек. После 1989 года переписей населения в стране не было, поэтому о национальной структуре населения можно судить лишь по оценкам на 2000 год.¹⁸ Согласно им, русских, украинцев и белорусов было 1,3 млн. человек, татар – 0,3 млн. человек. Их численность в результате миграционного оттока, в том числе в Россию, с каждым годом сокращалась.

В России живет и трудится большое число легальных и нелегальных трудовых мигрантов из Узбекистана. Многие из них не хотят возвращаться назад. Для их интеграции в российское общество требуется целый комплекс мероприятий, включающий изучение русского языка, основ культуры и законодательства и т.п. Но в современных российских условиях решение таких проблем упирается в элементарное отсутствие свободного времени у трудовых мигрантов на это обучение. В отношении выходцев титульной национальности из Узбекистана нужен, таким образом, селективный отбор. В настоящее же время этот селективный отбор проводится в отношении всех эмигрантов из Узбекистана в Россию, включая русских, что абсолютно неразумно.

Туркменистан – четвертая в мире страна пор запасам природного газа. Оценка ООН численности населения на 2013 год – 5,2 млн. человек.¹⁹ Занимала 112 место по уровню ИЧР в 2013 году.²⁰ В качестве эмиграционного потенциала для России в данный момент это государство Нового зарубежья можно, по нашему мнению, не рассматривать.

¹⁶ U.S.Department of State, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.state.gov/misc/181013.htm>

¹⁷ Список стран по индексу человеческого развития за 2013 год. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

¹⁸ Этнический атлас Узбекистана. Ташкент — 2002 г.

¹⁹ ООН [Электронный ресурс], Режим доступа <http://www.un.org/russian/>

²⁰ Список стран по индексу человеческого развития за 2013 год. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Республика Таджикистан по оценке на начало 2014 года насчитывает 8,2 млн. человек, плотность 57 человек на кв.км.²¹ Подавляющая часть населения исповедует Ислам. По ИЧР в 2013 году занимала 125-е место в мире.²² ВВП по паритету покупательной способности на душу населения составлял чуть более \$2000. Русский язык в Таджикистане является языком межнационального общения. По переписи СССР 1989 года в Таджикистане было около 400 тыс. русских, по данным текущего учёта естественного и миграционного движения в 1996 году осталось 190 тыс. человек.²³ Но по переписи 2000 года было выявлено лишь около 70 тысяч русских.²⁴ Ситуация с трудовой миграцией в Россию – такая же как с Узбекистаном. В 2012 году Таджикистан объявил о намерении вступить в Таможенный союз ЕАЭС.

И, наконец, Кыргызстан, или Кыргызская Республика – 125 –е место по ИЧР, \$2400 – ВВП по паритету покупательной способности на душу населения,²⁵ 5,8 млн. человек на начало 2014 г. Русский язык имеет официальный статус. Плотность 29 человек на кв. км. Подавляющая часть населения исповедует Ислам. 73% населения – киргизы, русских – около 370 тыс. человек (6,4%). Кыргызстан присоединился к Евразийскому экономическому союзу и к Таможенному союзу ЕАЭС в мае 2015 года. Это более тесно свяжет народы экономически и миграционно.

²¹ Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, [Электронный ресурс], Режим доступа <http://www.stat.tj/ru/>

²² Список стран по индексу человеческого развития за 2013 год. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

²³ Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, [Электронный ресурс], Режим доступа <http://www.stat.tj/ru/>

²⁴ Там же,

²⁵ Список стран по индексу человеческого развития за 2013 год. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Рыбаковский О.Л.

(Москва, Россия)

Таюнова О.А.

(Самара, Россия)

ОПЫТ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

**(Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ,
проект № 15-22-01007)**

Спустя 15 лет с момента образования независимого государства – власти РФ, наконец, обратили свой взор на проблему возвращения соотечественников. Для сравнения, в Казахстане данная проблема начала решаться еще с декабря 1997 года. Федеральная миграционная служба России сразу после майского Послания Президента РФ Федеральному Собранию, а именно, в июле 2006 года запустила «Государственную Программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (далее – Программу). Несмотря на то, что данная Программа была разработана достаточно глубоко и тогда еще с привлечением представителей науки, отсутствие каких-либо мер по предоставлению предполагаемым переселенцам жилья лишало её эффективности. Программа в названии содержала слова «содействие...переселению», т.е. смене постоянного места жительства, места проживания, жилья. Но всё, что в ней предлагалось, относилось не к жилью как таковому и его смене, а лишь к переезду, трудоустройству и набору социальных услуг и льгот. Не удивительно, что при таких условиях за шесть первых лет действия программы с июля 2006 г. по июнь 2012 г. в Россию прибыло всего 80 тыс. её участников с членами семей. При этом помимо программы в Россию за эти же 6 лет безвозвратно переехало примерно в 8 раз больше прямых соотечественников [1].

Очевидно, что для того, чтобы Программа заработала, требовались дополнительные меры и время, а её реализации отчасти препятствовал экономический кризис 2008-2009 годов. Поэтому, по всей видимости, объемы привлечённых соотечественников колебались вокруг символической и ничтожной по российским масштабам величины 10 тыс. человек в год в течение всего первого этапа реализации концепции демографической политики, т.е. вплоть до 2011 года.

Не совсем понятно, почему Россией не был сразу взят на вооружение успешный опыт Казахстана, где к решению проблемы возврата соотечественников подошли более обстоятельно, вследствие чего результаты такой кампании были гораздо ощутимее. По закону Республики Казахстан «О миграции населения» [2] этнические казахи-репатрианты, постоянно проживавшие на

момент приобретения суверенитета Казахстаном за ее пределами («оралманы»), прибывшие в Казахстан с целью постоянного проживания, получали не только компенсацию расходов на переезд, но и средства на жилье и другую финансовую помощь. Осуществлялось это всё по ежегодной квоте, которая составляла сначала 10 тыс. семей, а затем была постепенно увеличена до 20 тыс. семей. На начало 2015 г. по данной программе Казахстаном было принято свыше 950 тыс. казахов (свыше 250 тыс. семей). Переселяли оралманов, особенно в первое время, преимущественно в геополитически уязвимые северные территории Казахстана.

Если перенести результаты политики Казахстана на Россию с учетом различий масштабов двух стран, то получаем следующую картину. ВВП на душу населения по ППС в Казахстане был в 1990-е – 2000-е годы ниже, чем в РФ на 10-15%, и лишь в 2013 году приблизился к российскому уровню (\$24 тыс.), а численность населения республики все постсоветские годы была меньше в 8-9 раз, чем в федерации. Численность казахов, проживавших в середине 2000-х гг. вне Казахстана, была примерно в 5 раз меньше, чем численность коренных народов России, проживавших вне РФ (оценка сделана по [3], [4]). Тогда можно допустить, что Россия могла бы выделять квоту, аналогичную казахстанской, на 80 – 200 тыс. семей (200 – 500 тыс. человек) в год. И при этом она могла бы обеспечивать их всех средствами на жилье, хотя бы частично, – на первый взнос, на постройку типового дома, на оплату части процентов по ипотеке и т.п.

Возможно, российские власти рассчитывали, что поток соотечественников в Россию не иссякнет без всяких программ и денежных вливаний. Но сокращение иммиграционного потока после принятия нового Закона о гражданстве РФ в 2002 г. обнажило проблему репатриации со всей ее остротой. В 2003-2005 гг. в сравнении с 2000-2002 гг. миграционный прирост населения РФ сократился в 2,5 раза [5], а вместе с ним и приток соотечественников. В целях повышения эффективности реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и создания дополнительных условий для обеспечения добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, 14 сентября 2012 года Президентом РФ был подписан Указ №1289, дополнявший уже действовавшую Программу. После начала реализации Программы в новой редакции в 2013 году количество заявлений от кандидатов на переселения в Россию резко выросло (до октября 2013 года было подано анкет на более чем 300 тыс. человек). Но реально прибыло на территорию страны в рамках Программы всего 33,8 тыс. соотечественников, что в 1,7 раза меньше, чем в 2012 г. [5]. По всей видимости, здесь свою роль сыграла «инертность отклика» потенциальных репатриантов и продолжительность рассмотрения анкет кандидатов региональными властями.

То, что произошло в 2014 году с межгосударственной миграцией населения России, было, с одной стороны, следствием активизации, разворота действия новой редакции Программы по оказанию содействия добровольному

переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. С другой стороны, это было следствием политических событий на Украине, и в особенности в Донбассе. Оба этих фактора способствовали многократному росту числа организованных соотечественников – переселенцев в Россию в 2014-2015 гг. Так, их число в 2014 году составило 106 тыс. человек, или 40% от всех участников Программы с июля 2006 года. В 2014 году участники Программы составили максимальные за все время 39% от миграционного прироста населения страны [5]. Ни кризис, ни санкции, ни обвал рубля, – ничто существенно не препятствовало росту объемов постоянной межгосударственной миграции населения России в 2014-2015 гг., так как рост этот шел преимущественно за счет организованных соотечественников.

Список литературы и источников

1. Демография для практических работников, под ред. Л.Л.Рыбаковского и О.В. Самариной// М.2014.с. п.2.1.
2. Правительство Республики Казахстан, URL: <http://egov.kz/>
3. URL:<http://www.nomad.su/?a=3-200509300128> (дата доступа 31.09.15)
4. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н. И., Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию. – М.2010. «Экон-Информ».
- 5.ФМС РФ, URL: <http://www.fms.gov.ru/>, Росстат, URL: <http://www.gks.ru/>.

Рязанцев С.В.
(Москва, Россия)
Кузнецов Н.Г.
(Москва, Россия)

«РУССКОГОВОРЯЩИЕ ОБЩИНЫ» И «РУССКОГОВОРЯЩАЯ ЭКОНОМИКА» В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Исследование проведено при поддержке гранта
РГНФ № 13-22-09002_м(а))

Эмиграция из стран бывшего СССР в 1990-2010-е годы в самых разных формах привела к формированию крупных “русскоговорящих общин” в ЮВА. “Русскоговорящие общины” очень значимым социально-экономическим феноменом в количественном и качественном отношениях в Таиланде, Камбодже, Вьетнаме, Индонезии, Малайзии. Они разнообразны в социально-экономическом и демографическом отношениях и включают представителей среднего класса, бизнесменов, предпринимателей, профессионалов, инвесторов, пенсионеров, “дауншифтеров”. Однако, российские данные и сведения принимающих стран относительно численности русскоязычного населения

весьма ограничены. Российские посольства владеют информацией только частично, поскольку проживающие в странах российские граждане обращаются к ним лишь по мере необходимости (обмен паспорта, заверение документов, справки о подтверждении информации и пр.). Оценки численности русских со стороны посольств носят весьма приблизительный характер. Статистика принимающих стран зачастую не выделяет российских граждан или русскоговорящих мигрантов в отдельные статистические категории.

Возможно максимальная численность русскоговорящего населения сосредоточена в Таиланде. По данным российского посольства длительно проживают в Таиланде более 100 тыс. российских граждан. Но, скорее всего, данная оценка занижена из-за отсутствия контакта посольства со всеми российскими гражданами в Таиланде. Не исключено, что их реальная численность в 1,5-2 раза больше. Также одновременно здесь обычно находится до 40 тыс. российских туристов, а в пиковые моменты – 50-60 тыс. человек. Таким образом, реальная численность российских граждан в Таиланде может составлять единомоментно примерно 240-260 тыс. человек, включая временно находящихся и длительно проживающих.

Численность временно пребывающих и постоянно проживающих российских граждан и русскоговорящих мигрантов во Вьетнаме может составлять около 50-60 тыс. человек (4). Русскоговорящие мигранты живут в Нячанге, Вунгтау, Камране, Далате, Муине, Ханое, Хошимине. Уникальный пример представляет собой русский поселок в городе Вунгтау на юге Вьетнама. Здесь было создано совместное предприятие “Вьетсовпетро”, на котором работают сотрудники из двух компаний: российской ОАО “Зарубежнефть” и вьетнамской КНГ “Петровьетнам”. В 2012 году суммарная добыча нефти достигла 200 млн. тонн. Общая выручка составила более 60 млрд. долларов США, из них СП “Вьетсовпетро” отчислило в государственный бюджет Вьетнама около 39 млрд. долларов США. В настоящее время здесь работает около 1,2 тыс. граждан России. В 2000-е годы активно увеличивается численность российских граждан в туристических районах Вьетнама. Например, Начанг превратился в один из крупных центров туризма российских граждан. Многие россияне здесь открыли собственный бизнес. Многие торговые места, даже не принадлежащие русским стали ориентироваться на русских туристов. Рестораны предлагают меню на русском языке, вывести магазинов дублируются на русский язык, ассортимент товаров и услуг ориентирован на русских покупателей.

В Камбодже проживает порядка 45-50 тысяч российских граждан. В большинстве своем они российские граждане живут в Камбодже в зимний период времени или постоянно, снимая виллы, получая доходы в России. В Камбодже наиболее ярко проявляется феномен российского “дауншифтерства”. Сдав в аренду обычную квартиру в хорошем районе Москвы можно безбедно жить на вырученные деньги в Камбодже. Часть российских граждан открыли собственный бизнес, приобрели недвижимость, работают в Суакнуковиле и Сиам Реапе в туризме, гостиничной сфере, ресторанном деле, торговле. Некоторые мигранты, имев сложности с законом в России и странах бывшего

СССР или в соседнем Таиланде, переехали в Камбоджу, вложив средства в недвижимость или бизнес. Наиболее ярким представителем этой части русскоговорящей миграции можно назвать российского бизнесмена С.Полонского, которого недавно власти Камбоджи экстрадировали в Россию.

Русскоговорящая миграция в Сингапур кардинально отличается от других стран ЮВА. Сингапур, будучи одним из наиболее высокоразвитых государств не только региона, но и мира, имеет очень высокие цены на жилье, развитую сферу услуг и транспортную инфраструктуру. По оценкам российского посольства численность российских граждан может составлять около 2-3 тыс. человек. В большинстве своем “русскоговорящая община” состоит из квалифицированных специалистов. Также около до 3 тыс. российских туристов в год посещают Сингапур (2). Появились российские студенты и аспиранты в университетах Сингапура. Назвать общиной российских граждан в Сингапуре очень сложно, поскольку в они не очень склонны к социальной консолидации. Здесь в гораздо меньшей степени практически отсутствуют ярко выраженные русские места.

Можно выделить несколько групп русскоговорящих мигрантов в странах ЮВА.

Первая группа – *мигранты, целенаправленно переехавшие на постоянное место жительства в страны ЮВА, как правило, открывшие собственный бизнес.* Иногда в их мотивации присутствует сочетание “притягивающих” факторов в принимающих странах и “выталкивающих” в России. Обычно, это представителей среднего класса, людей с активной жизненной позицией, имевшие опыт предпринимательской деятельности, но решившие начать “новую” жизнь за рубежом. Достаточно много респондентов происходит из регионов российского Дальнего Востока, хотя география эмиграции расширяется.

Интервью 1. Николай и Марина, пенсионеры из Владивостока, живут во Вьетнаме. *Мы приехали во Вьетнам из Владивостока. Устали бороться с бюрократией, поборами чиновников. Продали квартиру, два магазина во Владивостоке. Переехали во Вьетнам, живем в Нячанге. Открыли здесь русский ресторан и туристический центр (фирму). В основном наши клиенты – русские туристы, еще вьетнамцы, которые учились в Союзе или в России. На жизнь нам хватает денег, тем более мы на пенсии. Главное, что здесь спокойнее жизнь. Все проще и понятнее с точки зрения организации бизнеса. Заплатил налог и работаешь спокойно. Никто тебя не трогает, не вымогает денег, как в России. Дети в России остались. Но они уже взрослые, работают там. Сюда приезжают, мы иногда ездим туда.*

Интервью 2. Сергей, 35 лет, предприниматель, из Москвы, живет в Таиланде. *Родился я на Украине, но долго жил и работал до приезда в Таиланд в Москве. В Таиланде живу уже лет семь, в Паттайе. А мы работали с Таиландом по некоторым поставкам. Оставил все и уехал. Открыл свой торговый бизнес в Таиланде. В Паттайе мне правда не очень нравится. Деревня деревней. Да и много русских, которые не умеют себя вести. Но бизнес мой идет нормально – у меня торговая компания, работаю с Россией, туда поставляем фрукты, некоторые продукты и товары. Хочу перебраться*

ся в Бангкок. Тут и люди другие и город лучше. К родителям иногда езжу на Украину, но редко.

Интервью 3. Наиль, предприниматель из Узбекистана, живет в Камбодже. Выехал из Узбекистана. Создал с нуля свой бизнес в Камбодже. Сейчас сын получил гражданство камбоджийское. Служит в полиции.

Интервью 4. Ашот, владелец ресторана “Армения” в Начанге, во Вьетнаме. Сначала переехал в Муйне, а потом переехал в Начанг в начале 2015 года с женой и двумя детьми. Открыл здесь ресторан. Наши посетители в основном русские туристы, соотечественники. Есть сложности в ведении бизнеса, но в целом здесь лучше, чем в Армении.

Вторая группа – это временные трудовые мигранты, которые, как правило, работают по найму, хотя они находятся по несколько лет в ЮВА, как правило, они привязаны исключительно к работе и в перспективе собираются вернуться в Россию. Как правило, это профессионалы и специалисты, востребованные в совместных или иностранных компаниях. В последнее время, в связи с развитием туризма, особенно в Таиланде, Вьетнаме, Камбодже появилось очень много русских гидов, переводчиков, которые работают с туристами из России. Хотя, например, по законам Таиланда, запрещено нанимать в качестве туристических гидов иностранцев, российские фирмы научились обходить местное законодательство разными способами, в том числе нанимая гидов как переводчиков.

Интервью 5. Маргарита, 49 лет, из Москвы, сотрудник международной организации, живет в Таиланде. Сама я из Москвы, у меня российское гражданство, но дипломатический паспорт. Я работаю в системе ООН много лет. Муж мой американец, тоже сотрудник ООН. В Бангкоке живем уже почти семь лет. Мне здесь нравится. Но все зависит от работы, конечно. Если переведут в другое место, должна поехать туда. Русских здесь не очень много в международных организациях, больше бизнесменов, предпринимателей живет. Знаю, что наши соотечественники стали покупать активно жилье в Таиланде, особенно в Паттайе.

Третья группа – временные мигранты, которые несколько месяцев живут в ЮВА и периодически возвращаются в Россию. Среди них есть те, кто приезжает только на время русской зимы, а затем выезжает домой, в Россию на лето. Есть те, кто живет достаточно долго, в дистанционном режиме работая на российских работодателей (программисты, специалисты в сфере компьютерных технологий, консультанты и пр.). Также есть своеобразная категория “дауншифтеров”, которые сдают жилье в крупных городах России. Как правило, эта категория временных мигрантов из России покупает или арендует на долгий срок жилье в курортных зонах в Таиланде, Камбодже, Индонезии.

Интервью 6. Елена, 48 лет, из Москвы, жена бизнесмена, периодически живет в Таиланде. Постоянно мы живем в Москве. Но несколько лет назад мы купили виллу в Паттайе. Но Вы знаете, наверное, что в Таиланде нельзя купить землю в собственность, только недвижимость. Для нас это не очень большая проблема. Правда мы теперь “привязаны” к Таиланду, при-

ходится только сюда летать. Но нам нравится. Приезжаем регулярно отдыхать с детьми. Зимой здесь в доме у нас живут родители мои и родители мужа. Они пенсионеры. В последние годы здесь, в Паттайе, стало очень много русских.

Интервью 7. Александр, 28 лет, из Минска, предприниматель, периодически живет в Таиланде. Я гражданин Беларуси, сам из Минска. Здесь, в Таиланде, я “зимую”. В Беларуси холодно зимой, а здесь тепло. Покупаю билет, обычно летаю “Аэрофлотом”. Остаюсь на 2-3 месяца. Несколько раз оформлял визу в Москве в посольстве Таиланда. Там есть русская девушка, которая помогает с визами для долгосрочного проживания. Но вообще это не проблема. Если надо продлить визу, то можно поехать в соседнюю Камбоджу, пересечь границу и вернуться в этот день или на следующий день. И снова пошли твои 30 дней. Цены тут, в Таиланде, дешевле, есть фрукты, тепло. Мне работа позволяет здесь быть 2-3 месяца. Потом полечу в Белоруссию. Потом опять вернусь сюда.

Наконец, четвертая группа – это российские женщины, вышедшие замуж за Таиланда, Вьетнама, Камбоджи и других стран ЮВА – бывших студентов, обучавшихся в СССР и России. Их культурная адаптация не всегда успешна.

Интервью 8. Сок, 35 лет, гражданин Камбоджи, преподаватель университета, живет в Пномпене, в Камбодже. Я учился в Воронеже. У меня русская жена и двое детей. В настоящий момент они в Воронеже. Сын заканчивает там школу. Жена здесь была, жила долго, но потом вернулась в Россию. Она любит культуру и театр. К сожалению, в Камбодже этого нет. Я регулярно посылаю деньги, обеспечиваю семью. Иногда приезжаю в Россию, примерно один раз в год. В Пномпене у меня долго жил сын, но потом опять вернулся в Россию, чтобы закончить образование там. Но думаю, что после этого он придет жить ко мне, в Камбоджу. Он говорит на кхмерском языке. У меня здесь дом, но постоянно жить моя жена здесь не хочет. Так и живем на две страны.

На основе миграции из России в странах ЮВА сформировался интересный феномен, который можно назвать “русскоговорящей экономикой” (5). Под “русскоговорящей экономикой” можно понимать систему экономических институтов и отношения в основе которых лежит русский язык, являющийся основным интеграционным фактором и движущей силой ее развития. В странах ЮВА “русскоговорящая экономика” имеет ярко выраженный характер в силу того, что русскоговорящим мигрантам практически невозможно полностью интегрироваться (“раствориться”) в принимающих сообществах из-за культурно-бытовых, языковых, этнических, религиозных, социальных отличий (5).

Масштабы “русскоговорящей экономики” находятся в тесной зависимости от миграции из России, а ее географическая локализация проявляется в формировании районов компактного проживания “русскоговорящих общин” и деловой активности на русском языке (6). В некоторых странах ЮВА возникли и успешно функционируют ярко выраженные “русские районы”: в Паттайе

в Таиланде; в Вунгтау, Нячанг и Муйне во Вьетнаме; в Суакнуквиле в Камбодже. “Русскоговорящая экономика” поддерживается благодаря активным экономическим связям с Россией, в том числе обслуживает российских туристов, торгово-экономические отношения и торговлю. В 2013 году экспорт российских товаров в Гонконг составил 3026 млн. долларов, в Сингапур – 1886 млн., во Вьетнам – 1374 млн., в Таиланд – 1273 млн. долларов (8).

Феномены “русскоговорящих общин” и “русскоговорящей экономики” в ЮВА требует дальнейшего исследования. Если сейчас крупные “русскоговорящие общины” сформировались пока только в Таиланде, Вьетнаме, Камбодже, то развитие туристических и экономических связей с Индонезией, Филиппинами, Сингапуром и другими государствами может привести к увеличению “русскоговорящих общин” в них уже в ближайшие годы. Кроме того, в мае 2015 года были подписаны соглашения об интеграции Вьетнама в Евразийское экономическое сообщество, что также может усилить динамику развития “русскоговорящей экономики” в этой стране. В российской внешней политике и внешнеэкономической деятельности фактор “русскоговорящей экономики” пока не нашел должного отражения. Хотя уже совершенно очевидно, что “русскоговорящая экономика” представляет собой не только серьезное социальное, но и экономическое явление со значительным потенциалом развития. И кроме того, может способствовать продвижению экономических и геополитических интересов России в ЮВА.

Список литературы и источников

1. Ryazantsev S.V., The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies, Mediterranean Journal of Social Sciences, Vol. 6, № 3, May 2015, Rome, MCSER Publishing, pp. 155-163.
2. Ryazantsev S.V., Migration from Russia to Australia and formation of a Russian Community, Canberra, Australian National University, College of Arts & Social Sciences, Vol. 4, № 5, 2013, 98 p.
3. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году. – М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат) (http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm)
4. Внешняя торговля Российской Федерации со странами дальнего зарубежья. – М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат) (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade/#)

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУСУЛЬМАН МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ

Предпринимательская активность мигрантов в странах с отличающейся культурой тем более бросается в глаза, когда отличия между принимающей стороной и мигрантами достаточно существенны. В Германии, стране, до Второй мировой войны, населенной преимущественно немцами, появление большого количества людей, имеющих свои традиции ведения предпринимательской деятельности, вызвало и продолжает вызывать интерес многих исследователей. Больше всего данный интерес проявился к мигрантам из мусульманских стран, не только из-за их культурных и религиозных отличий, но и из-за их количества, которое возрастает вместе с их амбициями.

Предысторией развития бизнеса мусульманских мигрантов стало подписание западногерманским правительством трудового договора с Турцией в 1961 г., Марокко в 1963 г., Тунисом в 1965 г. и Югославией в 1968 г. Первые мусульманские мигранты трудились на тяжелом и низко-оплачиваемом, по сравнению с коренным населением, производстве, и поначалу не задумывались о развитии бизнеса. Главными факторами, тормозящим развитие бизнес-инициатив стали временный характер пребывания в стране, считалось, что рабочие уедут из страны, как только у них закончится соглашение, а также нежелание рабочих терять постоянную заработную плату, от которой на родине зависели близкие.

Ситуация начала меняться после экономического кризиса 1965 г., когда многие предприятия вынуждены были пойти на сокращение. Сами рабочие не хотели возвращаться на родину, так как экономическая ситуация в их странах была еще хуже. Поэтому всеми силами они пытались остаться и закрепиться в Германии.

Первые бизнес-проекты стали возникать как ответ на большую безработицу среди мигрантов. Подтолкнуло мигрантов к самозанятости и то, что в моменту возросшей неопределенности на рынке труда, они уже прожили время, необходимое для получения вида на жительство и, следовательно, возможности открыть свое дело. Кроме того, в 1980-е гг. во многих секторах экономики требования к открытию бизнеса мигрантами смягчились, и предпринимательская активность мигрантов стала возрастать. К другим причинам роста предпринимательства мигрантов следует отнести решение правительства Германии разрешить воссоединение семей в 1975 г., из-за которого потребность в отправлении денег на родину в большинстве случаев отпала, и мигранты могли сосредоточить в своих руках большее количество средств, необходимых для открытия дела. Воспользовались программой воссоедине-

ния семей в большинстве своем граждане мусульманских стран, как наиболее неблагополучных в экономическом плане.

Практически все малые проекты, а именно с них начинали мигранты, были связаны с удовлетворением потребностей соотечественников в продуктах и услугах, связанных с их исторической родиной. Коренные немцы не смогли увидеть в растущем мусульманском населении перспективный рынок, что не удивительно, учитывая то, что немцы относились ко всем иностранным рабочим как к временному явлению. Кроме этого немцы не могли также хорошо удовлетворить спрос мусульман, как они сами, из-за того, что недостаточно знали их предпочтения и специфику мусульманских товаров. Вследствие этого забота об удовлетворении нужд мусульман мигрантов легла на их плечи. Первые предприятия, как и предприятия других этнических групп в разных странах, появились для удовлетворения потребностей мигрантов в родной кухне. Также быстрое распространение получили виды бизнеса, предоставлявшие мигрантам товары печатной продукции из родной страны – книги, журналы, и товары одежды и украшений. Бытовые трудности мигрантов, проблемы адаптации привели к тому, что в их среде стали возникать фирмы, предлагающие различные услуги: юридические, бухгалтерские, переводческие и так далее [2]. Часто данные фирмы оказывали намного больший спектр услуг, что характерно для более неформального общества на их родине.

Размер первых предприятий был небольшим, не требующих больших вложений. После того, как мигрантам разрешили воссоединять семьи в 1975 г., члены семей обеспечили дешевую рабочую силу, зачастую не соблюдающую трудовые нормы и работающую сверх положенного времени. Мигранты, специализировавшиеся в малом бизнесе, заняли нишу, в которой большие немецкие компании не могли экономить за счет масштаба, и поэтому достигли там успеха. Но рост предприятий мигрантов, акцентировавшихся на своих согражданах или на лицах с общим миграционным опытом, был ограничен их количеством, поэтому мигранты стали уделять больше внимания клиентам из числа коренного населения.

Нельзя сказать, что предпринимательская деятельность мусульманских мигрантов сильно отличается от той, которую ведут коренное население и мигранты из европейских стран – бизнес есть бизнес – однако, некоторые отличия все же есть, и в первую очередь они проявляются в том, что мусульманские мигранты, более неформально подходят ко многим вопросам: к ним относятся более продолжительный рабочий день; использование незарегистрированного труда (как правило родственников), начиная с самого юного возраста; гибкая система займов между представителями. Касаясь религиозного фактора, стоит отметить, что он не играет такой важной роли в их деятельности, как часто преподносят, хотя мусульмане стараются избегать сфер, связанных с прописанным в Коране недозволенным: свининой, алкоголем, азартными играми.

Среди мусульманских мигрантов, включенных в экономику страны, больший интерес вызывают прибывшие из Турции, в первую очередь благо-

даря их количеству и поэтому влиянию, оказываемому на экономику. Остальные мигранты из таких мусульманских стран как Марокко, Тунис, Сирия, Ливан меньше затронуты в исследованиях по причине их малочисленности, а также по причине меньшей включенности в экономику. По приблизительным подсчетам в Германии 1 из 10 турецких семей занимается предпринимательством [3].

Объяснение высокой предпринимательской активности мигрантов лежит в самом процессе иммиграции, так как решение уехать из родных мест, пусть и не навсегда, как поначалу думали мигранты, принимают более рискованные, более умелые люди. Это выгодно отличает их от мигрантов, прибывших в Германию по политическим причинам. Политических беженцев отличает более высокий уровень зависимых от социальной помощи государства. Другим объяснением высокой самозанятости мигрантов стало постоянное проживание в Германии, так как понимание того, что им некуда было возвращаться в случае неуспеха, подстегивало их вести себя более напористо. Показательно в этом плане соотношение поданных заявок на ведение предпринимательской деятельности между коренными жителями и турками. Турки лидируют в данном плане, хотя и намного чаще, чем местные жители, и мигранты из стран ЕС, терпят крах в первые годы жизни бизнеса.

Высокие показатели предпринимательской активности мигрантов в Германии зависели и зависят от развитого уровня малого бизнеса, так как в Германии, не в пример США и в Великобритании, не существовало правительственной программы по содействию этнического предпринимательства. По данному вопросу у германских политиков существуют две полярные точки зрения. Согласно первой, позитивной, – этническое предпринимательство позволяет интегрироваться в принимающее общество и преодолеть социально-экономические трудности. Согласно второй, негативной, этнической предпринимательство ставит под угрозу позиции членов меньшинства на трудовом рынке и повышает их социально-экономическую самоизоляцию [1].

Список литературы и источников

1. Baycan T. Turkish Entrepreneurship in Europe. //European Review. 2013. №21. p 382 – 393
2. Constant A., Shachmurove Y., Zimmermann K. The Role of Turkish Immigrants in Entrepreneurial Activities in Germany. //PIER Working Paper 05-029. 2007
3. El-Cherkeh, Tanja, Tolciu, Andreia. Migrant entrepreneurs in Germany: Which role do they play? Hamburg. 2009
4. www.destatis.de (Бюро статистики Германии)

WHAT ARE MIGRATION POLICIES FROM ORIGIN COUNTRY PERSPECTIVE? AN EXERCISE ON ROMANIAN CASE

Introduction

The interest in investigating and theorizing the role of the state in international migration has recently experienced a consistent increase (Massey, 1999, Hollifield, 2008, Hollifield & Wong, 2013). Yet, the attention paid to the topic in migration studies is disproportionately divided between origin and destination countries. The idea the strict control of exits and entries (re-entries) of indigenous population is the attribute of non-democratic countries and the global trend towards democratization, the neglect of other dimensions of migration policy at origin than emigration one, the general bias of migration studies towards destination countries are just few factors contributing to the current state of the art (Weinar, 2014, de Haas & Vezzoli, 2011). Even though evidence from around the world suggests origin state attempts to control or manage migration flows are non-negligible (Massey, 1999, OECD, 2004 etc.), we know only few things about how these origin policies are to be defined, investigated, evaluated or compared.

This paper aims to contribute to the recently initiated debate related to migration policies at origin. It synthesises our previous work on defining migration policies from origin country perspective (Șerban, 2014, Șerban, 2015). Being about a new field of inquiry, the terminological confusions are still present. Not existing a well-known term to designate the interventions of the origin state in international migration, we use here "migration policies from origin country perspective", in order to suggest the interest in an all-encompassing perspective on migration policies from the standpoint of the origin country.

Two objectives guide our work here: the first one is to propose a global definition of migration policies from the origin country perspective; the second is to test this definition. Case chosen for testing is Romania. Romania, now one of the 28 countries of the European Union, stays for several years as the major source of intra-EU mobility (Vasilieva, 2012). Its past as a communist country characterised by an accentuated international closure during the last decade before the fall of the Ceausescu's regime allows us to observe the entire process of policy building. We limited our interest to "policy on paper", considering, in line with other previous studies (Czaika & de Haas, 2013; Helbing et al., 2013), the laws, rules and regulations as a good proxy of migration policies.

The paper is structured in five distinctive parts. The second one tries to briefly offer a general look on the literature aiming to define migration policies from the origin country perspective and to propose an alternative definition. The third section of the paper offers a short description of Romanian case, evaluated

here as a proper site for testing the definition. The fourth part, based on "on paper" measures adopted by Romanian authorities in order to manage migration, tries to investigate the consistency of the proposed definition. The discussion section concludes the paper.

Defining migration policies form origin country perspective

Even though well known voices of migration studies claim the need to study the role of the state in migration (e.g. Portes, 1997, Massey, 1999) and there is a consistent recent advance in defining, monitoring, comparing, and evaluating the effects of immigration/integration policies, no similar endeavour one may indentify in the case of origin-related interventions. Even though to date a pretty consistent body of literature documents the capacity of origin states to modify the volume or the characteristics of migration flows (see Șerban, 2014 on this), and direct investigations (see UN database on migration policies²⁶) suggest an increasing involvement (or interest in involvement) across time, the position of origin state in international migration is far from being systematically investigated. The papers dealing with "interventions" rather than policies are numerous, but the literature is fragmented and only hardly one may say there is a sense of coherence among them. Borders (and the linked topics of exist and passport) define one line of inquiry. Non-democratic, developing countries or developed immigration countries are usually the point of interest. In the present context of a "moderate optimism" (de Haas, 2010), the concern with migration development nexus proliferated, but this direction of research seems not to be prone of producing all-encompassing approaches related to the origin authorities' intervention towards international migration. Even more segmented are the approaches aiming to set apart the interventions related to diaspora or the use of interventions in migration as a way to attain foreign affairs goals. In the former case, the interest is exclusively centred on diaspora, in the later, on specific time related foreign affairs goals. Through the lenses of transnationalism, a perspective that recently produced a spectacular number of publications in migration studies, the measures aiming to keep the migrants connected to the origin area are also discussed. Many of the above mentioned perspectives are marked by overlapping, treating the same kind of interventions as being related to their specific investigation topic (e.g. bilateral agreements as diaspora and migration-development related interventions). Obviously, every of the interventions may be interpreted as contributing to the achievement of a certain goal and evaluated from the perspective of such contribution. Yet, this segmentation seems to hinder the efforts to talk about coherent intervention associated with origin state in international migration.

Apart from these approaches, a mainly descriptive literature dealing with origin state attempts to manage/control international migration has recently developed. International organisations or international projects stating comparative aims in their design seem to be mainly responsible for this. Centred on only one dimen-

²⁶ Details on UN World Population Policies Databases can be retrieved at http://esa.un.org/PopPolicy/about_database.aspx

sion of migration policies (e.g. bilateral agreements) or on country summaries, these works usually bring knowledge about and facilitate the accumulation of information about, but slowly advance our conceptualising about migration policies at origin.

In this "puzzle of signs" that origin authorities are engaging with international migration and that their interventions alter the course of migration, only few approaches aiming to define and operationalize migration policies from the perspective of origin country are to be found.

In 2011, within the framework of DEMIG project (Oxford University), de Haas & Vezzoli (2011) define what they label "emigration policies" as "...laws, rules, measures, and practices implemented by national states with the objective to influence the volume, origin, destination and internal composition of emigration flows" (: 6) adding that they "... might also include laws, rules and practices on the protection of rights and conditions of citizens abroad, and in that context, they sometimes regulate conditions upon return" (ibidem). From a policy on paper approach, the definition centres exclusively on emigration dimension, but it suggests that an extension would be possible/advisable.

Three years later, independently, Weiner (2014), without providing a clear definition, approaches migration policies at origin as a juxtaposition of emigration and diaspora policies. Without being treated separately, return migration associated measures are also considered (as part of "emigration policies").

Starting from the two previously identified works, we propose a definition that integrates (rather following Weiner, 2014 example) all the measures aiming to manage migration from origin country perspective. Being our intention to test the definition, accepting a globalized, all-encompassing approach, has the advantage of identifying the weak points in terms of definition coherence. Gamlen's work (2006, 2008) has added clarity to our conceptualizing of diaspora policies. We define then "migration policies at origin as the laws, rules and regulations adopted by the origin states in order to influence the volume, trajectories, destinations/origin, and composition of the out-flows and return flows; to modify one of the own migrants' statuses or to support the own migrants while abroad [sic!]" (Şerban, 2014: 73).

Conceived this way, migration policies from origin country perspective integrate three separate dimensions: emigration, diaspora and return migration related interventions. As one may easily notice, following de Haas & Vezzoli (2011), we have excluded all measures aiming to manage the effects of migration. If one takes into account only direct intentionality to modify flows and migrants' statuses (while abroad), then this exclusion is theoretically justified. Yet, being the difficulties to identify the aims behind migration policies (Castles, 2004), and the consequences this type of measures may exert on migration (inclusively in terms of modifying the flows), their exclusion is not completely justified. We have decided to let them apart mainly because, being the extension of migration as a total phenomenon, they are (at least in part) frequently incorporated under the umbrella of a different type of policies (e.g. measures aiming to deal with left-behind children are incorporated in social policies aiming to protect the children). In this phase of our research, including interventions aiming to manage the effects of migration

into definition, even they are suspect of influencing the flows or migrant statuses, are just complicating the matters. Further endeavour will be needed to investigate the connections.

Romanian context

Working from a policy on paper perspective, the languages spoken by researcher/s act as a major constraint in selecting one case to test the definition. Romanian case – the choice here – has advantages and disadvantages. For a proper interpretation of results, we consider appropriated to map them shortly.

Romania is today one of the most important European countries of emigration. For a total population of about 20 million inhabitants (NIS, 2013), it has about 3.4 million emigrants living world around, most of them concentrated in Europe (more than 85%), especially in EU's countries, with Italy and Spain as the main destinations²⁷. Migration abroad may be considered, in the case of Romania, a post-communist phenomenon. 2002, the year when visa restrictions to enter Schengen Space were lifted for Romanian citizens, may be considered a threshold marking a phase of a significant increase in out-flows (Sandu, 2010). Even though origin area surveys suggest a recent decrease in the pace of departures (Vasile, 2014: 60), the country still sends consistent number of migrants abroad every year. The period of time since Romania has started to export labour force is long enough to allow the set up of Romanian communities abroad and to allow (at least in theory) for consistent waves of return migration. All the components of migration policies at origin we have previously discussed are then susceptible to be present in the Romanian case.

Moreover than being a source country for consistent international migration, Romania has the advantage of a natural "zero point" in building migration policies. As a communist country, it distinguished itself by a consistent policy of closure (especially during the last decade of Ceausescu's rule). Starting with 1990, the country had to adapt and to connect to the realities of a globalizing world, where the movement of people is not a luxury but a necessity.

The disadvantages of Romania as a testing case are related mainly to its statuses as democratic country and EU's member. The first characteristic induces a limited freedom of Romanian authorities to interfere in the exits and re-entries of its citizens. (Romania has incorporated the 13th article of the Declaration of Human Rights in its first constitution, in 1991, guaranteeing since then the free exit and re-entry rights to its own citizens). Moreover, a full member of the EU starting with 2007, and a full EU member of which citizens are not affected by transitory restrictive measures to access the labour force of other member states starting with 2014, Romania is a country that hardly may control the volume of emigration. Accepting the principle of free movement promoted by the EU, it has added to the

²⁷ Own calculation using WB migration databases: Global Bilateral Migration Database 1960 – 2000 (<http://databank.worldbank.org/data/views/variableselection/selectvariables.aspx?source=global-bilateral-migration>), Bilateral Migration Matrix 2013 (<http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTDECPROSPECTS/0,,contentMDK:22803131~pagePK:64165401~piPK:64165026~theSitePK:476883,00.html>)

right of free exit the right of free entry into the other EU's countries. Under these circumstances, the Romanian authorities should prove consistent imagination in managing, if they would consider appropriate, emigration and, partially, return dimensions of migration policies.

Another particularity that may affect in a negative way the capacity of Romania to stand as a proper testing case here comes from its belonging to the Eastern European space and the specific stance Eastern European countries adopted, by virtue of a long history of being part of different empires, to minorities living outside their borders. As a modern, national state, Romania has far ago recognized groups of Romanian ethnics living outside its borders as minorities of its interest. The meaning of term "diaspora" for Romanian authorities has then been long before this new migration development established and mainly refers ethnic Romanians living in the neighbouring countries. This is highly probable to affect the way diaspora related interventions are elaborated and implemented.

Testing a definition of migration policies from origin country perspective on Romanian case

Starting from the previous definition of migration policies from origin country perspective and its subsequent operationalization, we have identified relevant Romanian legislation. Identifying process was a difficult one, even though facilitated by the access to the rich legislative data base available online on the website of Chamber of Deputies (one of the two chambers of Romanian Parliament). The mentioned data base allows, starting from one piece of legislation, the identification, in a tree-like structure, of the subsequent measures related to that piece of legislation. Main problem consisted then in identifying "first pieces" of legislation. Several sources of information were put at use. Using key-term facilities of different data bases storing legislation was one of them. The major limitation of this strategy was induced by the continuous changes in terms used by Romanian authorities in dealing with migration/migration associated processes or individuals participating in migration. To overcome these limit we extensively used the information available on the website of Romanian institutions involved in managing migration in different points in time. The numerous changes in the institutions roles and functions associated with migration hider the process. Then, the third source of information – reports/newspaper articles/websites of Romanians abroad etc. complemented the results given by first two already mentioned.

All the identified pieces of legislation were recorded into a database, according the year of their enactment. A simple system of codes assigning 1 for every change in legislation associated with one sub-dimension of migration policy at origin in one specific year. All the changes were aggregated according to sub-dimensions/dimensions and all-together (for a detailed account of sub-dimensions/dimensions see figure 1, presenting the operationalization of the definition) and then plotted against time span of interest for us (1990-2013) in order to represent the way Romanian migration policies evolved.

Dimensions of migration policies from an origin country perspective²⁸

A. Emigration related interventions	B. Diaspora related interventions	C. Return migration related interventions
I. Exit restrictions: I.1. Direct exit restrictions: requirements for exit visas or government permission; exit restrictions for women; exit restriction for persons of the age of national compulsory service; exist conditions related to the type and costs of travelling abroad I.2. Indirect exit restrictions: passport used as a mean of restricting or enabling the movement: allowing the passport to be obtained by mail or in person; while abroad or only in the origin country II. Extending the channels for international migration: public structures on the departure market III. Securing international migration: III.1. Securing migration through <i>bilateral agreements</i>; III.2. Securing migration through <i>control and regulation of the private operators on the departure market</i>; III.3. Securing migration through <i>international portability of social security rights</i>;	I. Diaspora building: I.1. Cultivating diaspora: supporting celebrating national holidays; honouring expatriates with awards; convening diaspora congresses; proclaiming affinity with and responsibility for diaspora; issuing special IDs/visas; national language and history education; public media dedicated (newspapers, TV channels) I.2. Recognizing diaspora: expanded consular units; maintaining a diaspora program, bureaucratic unit, or dedicated ministry II. Diaspora integration II.1. Extending rights: citizenship rights; voting rights and special representatives; upholding property rights II.2. Extracting obligations: taxing expatriates; customs/import incentives; special economic zones; investment services, tax; incentives, matching fund; programs, diaspora bonds & financial products; facilitating remittances; fellowships; skilled expatriate networks	I. Encouraging voluntary return: return migration policies II. Accepting forced return: re-admission agreements

Graphs used to represent the migration policies changes at the level of sub-dimensions against time (not shown here) suggest different conclusions for every of the three dimensions. Emigration related interventions show a great internal consistency, with two periods of intense concentration: one centred on the interval

²⁸ Figure reproduced from Șerban, 2015

2001-2002 and the other one around the time interval 2005-2006. They have a correspondence in changes associated with migration costs and risks. 2002 is the year when visa requirements for entrance into the Schengen Space were dropped. 2007 is the year of accession to the EU and the year since when the principle of free movement applies to Romanian citizens as well. The activity of Romanian authorities related to emigration seems to be consistently connected with these two events.

The diaspora related interventions show a completely different picture. In this case we were not able to identify legislative measures associated with all sub-dimensions. Romanian authorities interventions towards diaspora seems to concentrate, at least to date, on diaspora building (cultivating, recognizing diaspora) and on diaspora integration through offering rights, but not on extracting obligations. The image of dimension generated using changes in legislation is highly fragmented, and shows a consistent involvement of Romanian authorities in managing the relationship with diaspora before the establishment of Romanian migrant communities abroad.

The development of return-migration dimension is consistently influenced by the oscillations in signing re-admission agreements. Two different periods of time, one picking around 1994, the second around 2001 suggest, again, the strong relationship between Romanian migration policies and the calendar of the accession to the EU.

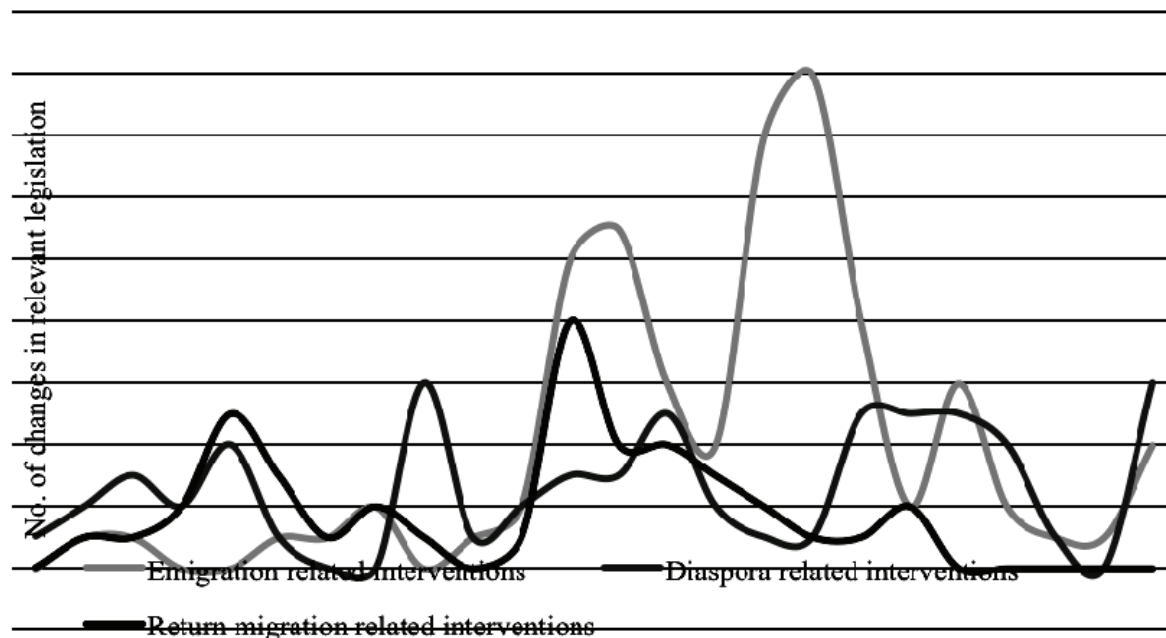


Figure 2. Three-dimension model of migration policies from origin country perspective (Romania)

Source: Reproduced from Șerban, 2015

The plot resulted by putting together all three dimensions (see figure 2) suggests a migration policy dominated by emigration and return related interventions, strongly connected with the process of accession to the EU. Diaspora related interventions seem, at least in the case of Romania, rather poorly connected with the development of the other two dimensions.

Discussion

The paper attempts to provide an all-encompassing definition of migration policies from origin country perspective. Starting from the few previous identified works on the topic, our definition extends the meaning of migration policies at origin to include measures taken by origin states in order to influence not only the international out-flows or in-flows of their own citizens, but also the migrants' statuses and to protect them while abroad. The model is a three-dimension one, including emigration, diaspora and return related interventions. Apart from other previous work, as migration policies in general tend to be highly heterogeneous, we try to test this definition on one specific case. Testing case here is Romania, one of the most important sources of intra-EU migration/mobility. Law, rules and regulations aiming to manage migration from the perspective of Romania as origin country during 1990-2013 are identified and assigned to the three different dimensions and their subsequent sub-dimensions. During the period of interest, the changes in legislation are codified. Graphical means help to investigate the internal coherence of every of the three dimensions and of the model as a whole. The results seem to suggest that, at least in the case of Romania, diaspora related interventions are problematically to be included in an all-encompassing definition of migration policies from origin country perspective. This conclusion based on the case of Romania suggests that working separately with every sub-dimension/dimension of migration policy would be advisable, irrespectively of followed aim.

This paper is done and published under the aegis of the Research Institute for Quality of Life, Romanian Academy as a part of programme co-funded by the European Union within the Operational Sectoral Programme for Human Resources Development through the project for Pluri and interdisciplinary in doctoral and post-doctoral programmes Project Code: POSDRU/159/1.5/S/141086

References

- Castles, S. (2004). The factors that make and unmake migration policies. *International Migration Review*, 38(3): 852-854.
- Czaika, M. & H. de Haas (2013). Measuring migration policies: some conceptual and methodological reflections. *Migration and Citizenship: Newsletter of American Political Science Association Organized Section on Migration and Citizenship* 1(2): 40-47.
- de Haas, H. & S. Vezzoli. (2011). Leaving matters: the nature, evolution and effects of emigration policies, IMI Working Papers. Oxford, UK: International Migration Institute.
- de Haas, H. (2010). Migration and development: a theoretical perspective, *International Migration Review* 44: 227-64.

Gamlen, A. (2006) Diaspora Engagement Policies: What are They, and What Kinds of States Use Them?, Working Paper 32, University of Oxford: Centre on Migration, Policy and Society (COMPAS).

Gamlen, A. (2008) The emigration state and the modern geopolitical imagination, *Political Geography* 840–56.

Helbing, M., L. Bjerre, F. Römer, M. Zobel (2013). The immigration policies in comparison (IMPIC) index: the importance of a sound conceptualization. *Migration and Citizenship: Newsletter of American Political Science Association Organized Section on Migration and Citizenship* 1(2): 8-15.

Hollifield, J. F. & T. K. Wong. 2013. International Migration: Cause or Consequence of Political Change?, *Migration and Citizenship: Newsletter of American Political Science Association Organized Section on Migration and Citizenship* 1(1): 3–9.

Hollifield, J. F. (2008). The politics of international migration. în C. Brettell și J. Hollifield (eds.) *Migration theory. Talking across disciplines*. (p. 183-238). New York: Taylor & Francis Group.

Massey, D. S. (1999). International migration at the dawn of the twenty-first century: the role of the state. *Population and development review*, 25(2): 303-322.

OECD (2004). *Migration for development. Bilateral agreements at crossroads*. OECD

Portes, A. (1997). Immigration theory for a new century: some problems and opportunities. *International Migration Review*, 31(4): 799-825.

Sandu, D. (2010). *Lumile sociale ale migrației românești în străinătate*. Iași: Polirom

Șerban, M. (2014). Defining migration policies from an origin country perspective. *Journal of Community Positive Practices*, 3: 65-78;

Șerban, M. (2015). Migration policies from origin perspective in the case of Romania. Testing a definition. *Journal of Community Positive Practices*, 1 (forthcoming)

Vasile, V. (ed.), C. Boboc, S. Pistică, R. E. Cramarenco (2014). Estimarea impactului liberei circulații a lucrătorilor români pe teritoriul UE, începând cu 01.01.2014; realități și tendințe din perspectivă economică, ocupațională și socială, la nivel național și european. București: Institutul European din România

Vasilieva, K., 2012. *Population and Social Conditions*. Eurostat. *Statistics in Focus* 31/2012. Available online at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-SF-12-031/EN/KS-SF-12-031-EN.PDF [accessed: 14 April 2013].

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ, СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ

Статья подготовлена в рамках НИР БРФФИ №Г15Р-047

Многогранность феномена миграции населения, ее гетерогенный характер предполагают, что миграционная политика может рассматриваться только как сложная система, объединяющая взаимосвязанные компоненты в единое целое. При этом каждая составляющая часть (субъекты, средства, направления, методы, инструменты и т.д.) получает свое функциональное объяснение и обоснование целесообразности лишь в рамках целостной системы регулирования.

Целостность миграционной политики, по нашему мнению, обеспечивается необходимостью достижения конкретной цели. Регулирующие воздействия должны быть ориентированы на корректировку перемещений населения так, чтобы они осуществлялись в объемах и направлениях, согласующихся с предпочтительным вариантом развития экономики. Таким образом, цели регулирования придается ключевое значение, как элементу, определяющему сочетание и взаимодействие остальных функциональных компонентов системы.

Основополагающей общей целью государственного регулирования национальной экономики является оптимизация темпов и пропорций экономического развития, стабилизация социальной системы и повышение уровня жизни населения. В соответствии с данной макроэкономической установкой основной целью миграционной политики в Беларуси, по нашему мнению, является преодоление негативных последствий стихийного передвижения населения для поддержания устойчивого экономического и демографического развития страны на основе достижения сбалансированности текущих и перспективных потребностей производства в трудовых ресурсах и индивидуальных интересов каждого члена общества с учетом реализации принципов свободного перемещения и выбора места приложения труда [1, С. 3-8]. Данная цель, являясь системообразующим элементом миграционной политики, с одной стороны, имеет организующее начало, поскольку предстает объединяющей основой, обеспечивающей взаимосвязь всех элементов системы и ее целостность, с другой стороны имеет экономическое содержание, поскольку охватывает сферу экономических интересов государства и общества (рисунок 1).

Исключительная сложность такого явления, как миграция населения, предполагает необходимость реализации совокупности подцелей (задач), что и составляет основу (каркас) формирования миграционной политики. Представленное на рисунке 1 дерево целей как инструмент визуализации отражает

взаимосвязь нескольких целевых установок разного содержания, их согласование для достижения главной цели регулирования миграции в Беларуси. От реализации «промежуточных» целей (задач) зависит достижение или приближение к достижению ключевой цели, что отражено в виде взаимосвязей, позволяющих определить место и роль каждой цели в системе регулирования, разграничить их по степени важности при имеющихся условиях.

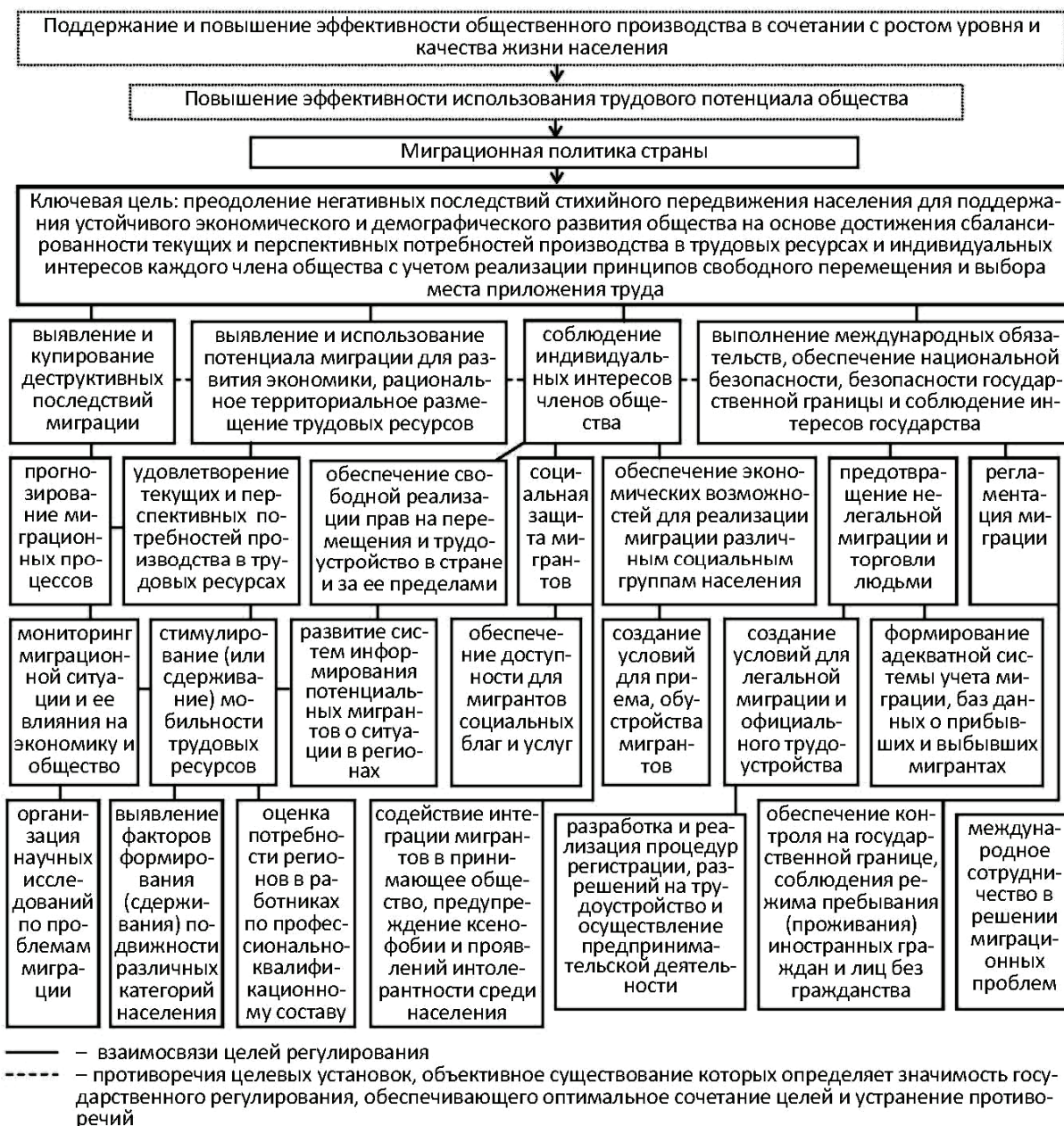


Рисунок 1 – Дерево целей миграционной политики в Республике Беларусь

Декомпозированные элементы дерева целей (задачи регулирования) тесно взаимосвязаны с необходимостью решения проблем, возникающих на конкретном этапе развития экономической системы в целом и миграционных процессов в частности, выявляемых посредством мониторинга механического движения населения, комплексного анализа причин, его вызывающих, и

последствий для экономического, социального, демографического развития страны. Мониторинг, как процесс непрерывного сбора информации о подвижности населения, позволяет не только сформировать информационный базис для формирования системы регулирования, но и выступает как инструмент обратной связи в отношении реализующихся регулирующих воздействий (рисунок 2).

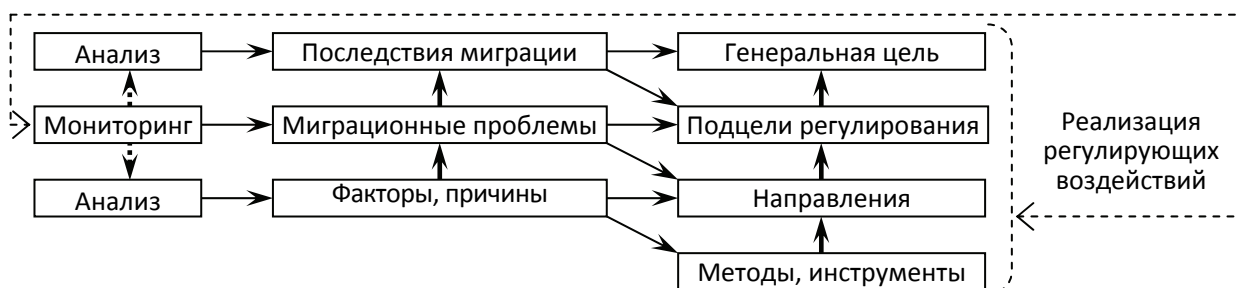


Рисунок 2 – Взаимосвязь миграционных проблем и отдельных элементов миграционной политики

В качестве ключевых признаков миграционных проблем, являющихся основой определения совокупности подцелей (задач) регулирования и выработки основных направлений воздействий, целесообразно выделить следующие:

- формирование миграционными процессами обстоятельств, несущих угрозу устойчивости развития социально-экономической системы, инициирующих ее деструкцию;
- обострение в результате миграции населения уже существующих в обществе социальных, экономических, демографических, политических, экологических и других проблем;
- существование возможности использования сложившейся миграционной ситуации для удовлетворения настоятельных потребностей общественного производства, повышения эффективности функционирования национального хозяйства и роста благосостояния населения;
- необходимость выполнения государством обязательств, принятых на национальном и международном уровне.

Способы реализации миграционной политики определяются необходимостью ее ранжирования на перспективный (стратегический) и текущий (оперативно-тактический) уровни. Стратегический уровень, на наш взгляд, формируется, исходя из прогнозирования и программирования экономического и социального развития страны, регионов, отдельных секторов национального хозяйства на долгосрочную перспективу, а также прогнозирования развития демографических процессов, потребностей общественного производства в рабочей силе с учетом роста производительности труда и динамики высвобождения наемных работников в связи с прогрессивными технологическими и структурными сдвигами в экономике. В основе стратегической ориентации миграционной политики лежит концепция, представляющая общий подход и содержание генеральной «идеи» регулирования, что позволяет объединить все воздействия в непротиворечивую систему.

По нашему мнению, стратегическое регулирование наиболее применимо на уровне управления миграционными процессами как целостной системы, а оперативно-тактическое – более эффективно на уровне конкретных направлений регулирования (отдельных видов миграции, потоков и т.д.) и определяется необходимостью следования текущим миграционным реалиям. Перспективное регулирование тесным образом взаимосвязано с ключевой целевой установкой, расположенной на «вершине» дерева целей (см. рисунок 1), в то время как текущие регулирующие воздействия обеспечивают реализацию «промежуточных» целей, находящихся на нижних уровнях предложенной иерархии.

Воплощение в жизнь целевого сценария, заложенного Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года [2], в сочетании с реалиями неблагоприятной демографической ситуации в стране и ее прогнозируемом ухудшении в ближайшем десятилетии, определяет целесообразность стратегической ориентации системы регулирования миграции в Беларуси на рациональное_(целевое, селективное, дозированное)_привлечение трудовых ресурсов в страну и использование имеющегося трудового потенциала на основе повышения производительности труда и активизации внутриреспубликанской территориальной мобильности населения.

Обосновывая сформулированную нами стратегическую ориентацию регулирования в Республике Беларусь, отметим следующее. Учитывая высокую долю трудоспособного населения в общей численности жителей (в 2014 г. – 62,9%), наличие работников, охваченных режимом неполной занятости (в первом полугодии 2015 г. – более 243 тыс. человек или 7,7% от списочной численности работников), возможности экономии труда на основе повышения сравнительно невысокого уровня производительности общественного труда свидетельствуют об избыточности трудовых ресурсов в Республике Беларусь [3; 4, С. 90], что может проявляться в нацеленности современной миграционной политики на стимулирование временного оттока работников за пределы страны. Однако, основываясь на прогнозируемой ведущими учеными динамике демографических процессов, следует отметить, что в ближайшие десятилетия стремительно будет сокращаться как численность, так и доля трудоспособного населения в общем числе жителей страны, что приведет к снижению показателя экономической активности населения, увеличению демографической нагрузки, росту государственных расходов на социальное обеспечение и социальное страхование.

Таким образом, ощущающийся в настоящее время относительный избыток трудовых ресурсов не носит долгосрочного характера. На наш взгляд, миграционная политика в Беларуси не должна абсолютно ориентироваться на современные требования рынка труда, имеющие преходящий характер, а, учитывая свойственную демографическим процессам инерционность и замедленную реакцию на осуществляемые воздействия, уже в настоящее время должна быть нацелена на решение более долгосрочных задач, сформулированных нами выше.

Направления регулирующих воздействий определяются необходимостью решения проблем, продуцируемых миграционной ситуацией в стране, регионе, населенном пункте на конкретном этапе экономического развития, и причин их возникновения, выявляемых посредством анализа собранной в процессе мониторинга информации в разрезе проблемно-однородных групп мигрантов, миграционных потоков, территорий и отраслей экономики (см. рисунок 2).

В силу того, что отдельные стадии миграционных процессов международного характера, протекающие за пределами национальных границ (стадия формирования мобильности для входящего в страну потока, стадия адаптации и интеграции в общество мигрантов для исходящего потока), в меньшей мере подвержены регулирующим воздействиям со стороны конкретного государства, нежели все стадии внутренних перемещений, а также в силу присутствия факта пересечения внешними мигрантами государственной границы, сопровождающегося специфическими процедурными вопросами, существует необходимость выделения двух ключевых векторов миграционной политики, устремленных на внешние и внутренние миграционные потоки.

При этом регулирование внутренней миграции ориентировано на территориальное и межотраслевое перераспределение трудовых ресурсов с учетом их качественных параметров в соответствии с потребностями общественного производства и социального развития без механического изменения общей численности населения страны, управление внешней миграцией устремлено на изменение численности (увеличение, уменьшение) трудовых ресурсов, обладающих различными качественными характеристиками на основе международного обмена рабочей силой.

Данное разграничение, на наш взгляд, является основой выделения двух крупных блоков (подсистем) в системе регулирующих воздействий, которые, несмотря на совокупность отличительных особенностей, имеют общую основу в виде генеральной цели и тесную взаимообусловленность, базирующуюся на потребностях национальной экономики в трудовых ресурсах.

Анализ практики регулирования миграционных процессов в Республике Беларусь позволил сделать вывод о существующей обособленности управления внутренней и внешней миграцией, что, на наш взгляд, требует внимания, поскольку отсутствие единой основы не позволяет скоординировать осуществляемые в данных направлениях усилия государства для решения современных экономических и демографических проблем [5, С. 73-78].

Гетерогенная мотивационная природа миграции, а следовательно, многообразие факторов, на которых могут быть сосредоточены усилия государства, дифференцируют направления воздействий в соответствии с проблемно-однородными группами мигрантов, определяемыми структурой потоков трудовых ресурсов в Беларуси: лица, перемещающиеся на постоянное место жительства, в том числе возвращающиеся к прежнему месту проживания, переселенцы из загрязненных зон, беженцы; временные трудовые мигранты; учебные мигранты; нелегальные мигранты.

Дифференциация миграционных проблем для государства в целом, регионов, различных типов населенных пунктов предопределяет выделение направлений регулирования, устремленных на различные проблемные территории, миграционные процессы в которых сдерживают социально-экономическое развитие и (или) продуцируют проблемы иного характера: сельские населенные пункты; малые города; крупные городские агломерации, в том числе столичный регион.

Обозначим, что каждое выделенное нами направление регулирования отображает требующий воздействия со стороны государства миграционный поток, характеризующий противоположно направленные относительно однородные серии миграционных событий (выбытия и прибытия). Следовательно, для достижения соответствия результатов миграции (территориального перераспределения трудовых ресурсов) интересам экономической системы направления регулирующих воздействий в Беларуси должны иметь двойственный характер, предполагающий одновременное регулирование встречных потоков населения.

Подытоживая, отметим, что рассмотренный организационный образ миграционной политики, отражающий взаимосвязь ее целей, задач, способов реализации и приоритетных направлений позволяет создать стройную систему регуляторов территориальной подвижности населения в Республике Беларусь, согласующуюся с реалиями структурной трансформации национальной экономики и нацеленную на повышение эффективности использования ресурсов труда, стабильное развитие экономики, учет интересов государства и участников миграционного процесса.

Список литературы и источников

1. Тимошенко, М.В. Система регулирования миграции трудовых ресурсов в Беларуси: методологические основы и прикладные инструменты // М.В. Тимошенко // Потребительская кооперация. – 2013. – № 4. – С. 3-8.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года / Нац. комис. по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол. : Я.М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак, 2004. – 200 с.
3. Состояние рынка труда // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mintrud.gov.by/ru/sostojanie>. – Дата доступа: 13.09.2015.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2015 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол. : И.В. Медведева [и др.]. – Минск, 2015. – 524 с.
5. Тимошенко, М.В. Подходы к обоснованию направлений регулирования миграции трудовых ресурсов / М.В. Тимошенко // Наук. Вісн. Полтав. ун-ту споживчої кооперації України. Сер. Екон. науки: сб. науч. тр.: в 2 ч. / Полтав. ун-т потребительской кооперации Украины; редкол.: С.С. Николенко [и др.]. – Полтава, 2010. – №4. – Ч. 1. – С.73-78.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Миграции населения (как международные безвозвратные, так и внешние трудовые), занимают особое место в социально-экономической жизни Республики Беларусь. Они влияют как на демографические процессы, происходящие в стране, так, и на ее социально-экономическое развитие. Под воздействием миграции может расти, либо сокращаться численность населения страны, улучшаться или ухудшаться сбалансированность рынка труда. В частности, международная (внешняя) миграция на постоянное место жительства для Беларуси стала в настоящее время одним из главных источников снижения депопуляции. А, прибытие и использование иностранных работников в народном хозяйстве (внешняя трудовая миграция) – становится необходимостью для дальнейшего поступательного развития национальной экономики. При этом в зависимости от масштабов, структуры и потоков она может оказывать воздействие на социально-экономическое развитие, рынок труда и занятость населения, путем удовлетворения спроса на рабочую силу определенных профессий и специальностей. В трудоемких видах экономической деятельности и производствах, которые не пользуются спросом у населения, трудовые мигранты обеспечивают процесс производства, нормальное функционирование некоторых секторов национальной экономики, в первую очередь, строительства, торговли, сельского хозяйства и т.д. Трудовые мигранты в период относительно высоких темпов экономического роста страны позволяют с меньшими затратами провести перемещение трудовых ресурсов и сгладить диспропорции в их распределении между странами и видами экономической деятельности. Перелив национальной рабочей силы в наиболее динамично развивающиеся сектора экономики других стран способствует росту ее квалификационных характеристик и накоплению трудового опыта.

В настоящее время международная миграция населения, тенденции ее развития, последствия влияния миграционных процессов на демографическую ситуацию, рынок труда и функционирование отечественной экономики, стали одной из самых злободневных и обсуждаемых тем среди ученых, экономистов и журналистов страны. Так, в научных кругах страны бытует мнение, что привлечение мигрантов на постоянное место жительства в Беларусь в размере до 15-20 тыс. человек ежегодно, позволит решить демографические и многие социально-экономические проблемы, в частности решить проблему с депопуляцией в стране и улучшить конъюнктуру рынка труда национальной экономики.

Рассмотрим, как формируются в настоящее время международные миграционные потоки населения на постоянное место жительства в Беларуси, и

какое значение они оказывают на демографическое развитие, а также, на формирование и использование трудового потенциала страны.

Анализ показал, что в течение последних лет, Беларусь в обмене с другими государствами мира имеет положительное сальдо миграции. По данным национальной статистики Беларусь привлекает население как из стран ближнего, так и дальнего зарубежья. Такой миграционный обмен способствует росту численности населения страны, что видно из приведенной таблицы 1.

Таблица 1

**Численность населения Республики Беларусь,
тыс. чел. (на начало года)**

Показатель	2011	2012	2013	2014
Все население, тыс. человек	9 481,2	9 465,2	9 463,8	9 468,1
В том числе:				
городское	7 122,4	7 175,0	7 220,9	7 274,9
сельское	2 358,8	2 290,2	2 242,9	2 193,2

Источник: рассчитано по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [1]

Как видно из таблицы 1 численность населения Беларуси в последние годы почти не снижалась, и даже стала расти, что связано с прибытием мигрантов из других стран на постоянное место жительства в Беларусь. Такой прирост численности населения позволил некоторым журналистам и общественным деятелям сделать вывод, что в стране уже удалось победить депопуляцию. Вместе с тем естественный прирост населения страны, как показывает анализ, еще пока остается отрицательным, что видно из рисунка 1.

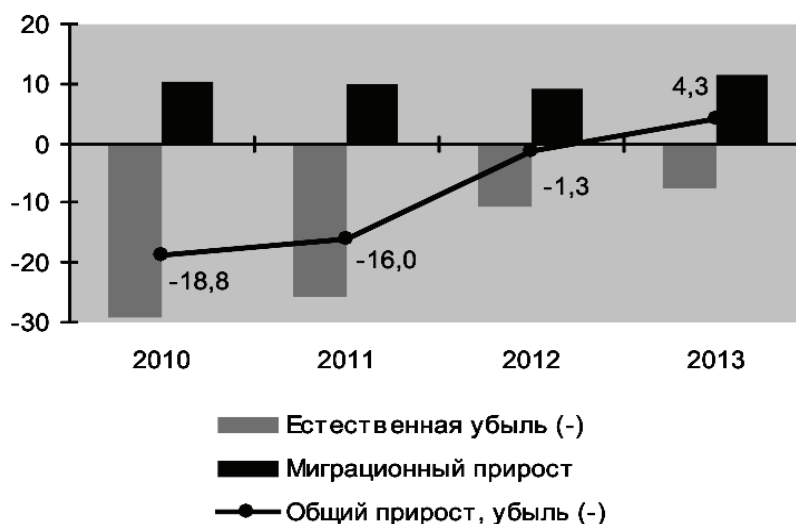


**Рисунок 1. Компоненты изменения численности населения
в Республики Беларусь, тыс. чел., (на конец года)**

Источник: рассчитано по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [1]

Особенность сложившейся ситуации в том, что быстро растет численность населения в городах. Концентрация населения происходит исключительно в Минском регионе, а также в больших и крупных городах страны. На селе же продолжается убыль населения. За три последних года численность сельского населения сократилась с 23.7% до 22.7% и составила на 01.01.2015 г. – 2152 тыс. человек. Именно на селе смертность значительно превышает рождаемость, и именно это одна из причин, по которой депопуляция пока еще будет продолжаться. Вторая причина связана с нерациональными миграционными потоками прибывающих в Беларусь мигрантов. Анализ половозрастной структуры показал, что, несмотря на положительное сальдо миграции, которое в настоящее время стабилизировало численность населения страны, значительно снизилась численность в миграционных потоках молодых женщин трудоспособного и фертильного возраста. По расчетам за последние три года в среднем, прибыло в страну лишь 18% женщин. Если в доперестроечный период и первые годы перестройки, молодые женщины были более подвижны, то в настоящее время в страну прибывает больше мужчин. По расчетам за последние 3 года их прибыло в страну в два раза больше, чем женщин, а вот в пенсионном возрасте их прибывает гораздо больше, чем мужчин. Следовательно, в перспективе рождаемость за счет мигрантов в стране особо не повысится, а большая численность прибывшего населения старших возрастных групп приведет к дальнейшему постарению населения страны. Анализируя качественный состав прибывающих в Беларусь за последние годы, отметим, что из республики выезжает больше лиц трудоспособного возраста чем въезжает, при этом преобладающей социальной группой населения являются рабочие низкой квалификации. Удельный вес прибывающих мигрантов трудоспособного возраста всего на 1,2 % выше, чем доля трудоспособного населения в стране. Более того, высокая доля лиц предпенсионного и пенсионного возраста – 27.2%, в числе прибывших в республику на постоянное место жительства ускоряет процесс старения населения, ухудшает ее возрастную структуру. Таким образом, невысокая доля молодежи, трудоспособного населения до 30 лет, и большой удельный вес лиц пенсионного возраста свидетельствует о том, что значительного улучшения демографической ситуации и пополнения рынка труда молодыми высококвалифицированными работниками за счет международной миграции на постоянное место жительства в ближайшие годы не следует ожидать.

Важнейшей составляющей миграционных потоков в Беларуси является трудовая миграция. Анализ показал, что объемы въезжающих в Беларусь долгое время были незначительны, что можно объяснить существовавшим долгое время достаточно жестким национальным трудовым законодательством и только, начиная с 2010г. потоки стали быстро расти. Это связано, с либерализацией принятого нового закона о трудовой миграции [2]. При этом в подавляющем большинстве (более 90 %) трудовые мигранты, работающие в Республике Беларусь, заняты физическим трудом – в строительстве, деревообработке, торговле и общественном питании, а также сельском хозяйстве. Прибывают

трудоуые мигранты более чем из 30 стран мира. Это граждане России, Украины, Узбекистана, Литвы, Латвии. Они составляют около 70 % всех трудовых мигрантов прибывших на работу в Беларусь. Дальнее зарубежье представлено иностранными работниками таких стран, как Турция, Китай, Вьетнам и др. [3]. Количество иностранных граждан и лиц без гражданства, въехавших в Республику Беларусь для работы по договорам и контрактам достигло – 18180 чел. в 2013г.

Трудовые мигранты привлекаются в регионы Беларуси, пострадавшие в результате аварии на Чернобыльской АЭС, имеющие нехватку трудовых ресурсов, на строительно-ремонтные работы и сельскохозяйственные работы. Мигранты из стран СНГ, стран Азии работают преимущественно в строительстве, сельском хозяйстве, уличной торговле и на сезонных работах. При этом уровень оплаты труда в Беларуси не является привлекательным для трудовых мигрантов из России и Казахстана, где она заметно выше. В конкурентной борьбе за высококвалифицированную рабочую силу выигрывают, как правило, более богатые страны с более высокой оплатой труда. Анализ сложившихся масштабов привлечения иностранной рабочей силы в Беларусь показал, что в настоящее время объемы импорта трудовых ресурсов невелики и не оказывают заметного давления на национальный рынок труда, а трудовые мигранты не представляют значительной конкуренции в борьбе за имеющиеся рабочие места. Так, удельный вес иностранной рабочей силы в 2013 г. составил всего около 0,05 % экономически активного населения страны. При этом профессионально-квалификационная структура и сфера занятости выбывающих и прибывающих трудовых мигрантов во многом схожа, что свидетельствует о недостаточной информационной и инфраструктурной обеспеченности процесса внешней трудовой миграции в стране, снижающей его эффективность. Беларусь теряет квалифицированные кадры, приобретая в основном неквалифицированных и низкоквалифицированных рабочих из таких стран СНГ, как Украина, Молдова, Узбекистан, а также Вьетнама, Китая. Так, в 2013 г. из числа прибывших в республику трудящихся-иммигрантов 71,3% являлись неквалифицированными рабочими, квалифицированными рабочими – 18,2%, работниками сферы обслуживания – 5,8%, и специалистами – всего 4,7% [3].

Выезжают трудовые мигранты как самостоятельно, так и по трудовым договорам и контрактам. Анализ потока трудовых мигрантов по контрактам и договорам, показал что, его численность, начиная с 2010 г. стала быстро расти, достигнув максимального – 5715 чел. – значения в 2013 г.

Самостоятельный выезд, во много раз превышает официальный трудовой обмен. Причем неконтролируемый выезд на работу за рубеж приходится преимущественно на приграничные районные центры, в первую очередь Могилевской, Гомельской и Витебской областей. Это, в основном, трудовая миграция в приграничные зоны России и до недавнего времени, Украины. По оценкам белорусских ученых, самостоятельная трудовая миграция белорусской рабочей силы превосходит зарегистрированную на порядок и составляет от 500 до 800 тыс. человек. При этом, как и в случае с законной тру-

довой миграцией, из данного числа трудовых мигрантов до 75 % выезжают с целью трудоустройства именно в Россию. По данным ФМС на 01.01.2015 г. на территории Российской Федерации находилось 524 тыс. человек из Беларуси [2]. Из республики выезжают более квалифицированные кадры, а, прибывают малоквалифицированный трудовой контингент из стран СНГ на работу в строительные и сельскохозяйственные отрасли. Сохранение и продолжение таких негативных тенденций в трудовых миграционных процессах может усилить дефицит квалифицированных кадров в ряде секторов экономики (в первую очередь, в строительстве и на транспорте), усилить дисбаланс спроса и предложения квалифицированной рабочей силы на рынке труда страны. Республика в последние годы столкнулась с дефицитом квалифицированных кадров в ряде производств, что обусловлено, наряду с другими причинами внешней трудовой миграцией. Вместе с тем, выезд трудовых мигрантов на работу за границу имеет и определенный положительный эффект:

- снижается давление на национальный рынок труда, сокращается потенциальная база роста масштабов как регистрируемой, так и общей безработицы;

- трудящиеся-мигранты зарабатывают валюту, которая поступает из-за рубежа. По оценкам специалистов, в Беларусь поступает валютных средств в 2-3 раза больше, чем показывает официальная статистика – примерно 2% ВВП. Поступление таких валютных в страну средств является достаточно существенной поддержкой национальной экономики;

- выезжающие трудовые мигранты повышают квалификацию и приобретают за рубежом опыт работы, знания, осваивают новые технологии.

Список литературы и источников

1. Лученок, А., Колесникова, И. Влияние миграционных потоков на социально-экономические показатели страны: опыт Беларуси. ВРРФ #2 / 2011RU, Декабрь 2011
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа 08.08.2015
3. О внешней трудовой миграции: Закон Республики Беларусь от 30 дек. 2010 г. № 225-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic03/text412.htm>. – Дата доступа 08.08.2015

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ: ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМ, ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА И ТРЕНДЫ

На протяжении четверти века факторы, определяющие миграционные процессы в Приднестровье, претерпели существенные изменения – одни из них вышли на первый план, а другие – утратили своё значение. Среди факторов определяющих выталкивающие причины, масштабы, структуру и направление миграционных потоков населения региона выделяются:

- *экономические*, связанные с поиском мест с лучшими условиями жизни и труда и, как следствие, с более высокими доходами. Примером является международная миграция рабочей силы, том числе «утечка умов» – эмиграция лиц с высоким уровнем образования и квалификации (интеллектуального потенциала);

- *геополитические*, обусловленные военно-политическими событиями рубежа 80-90-х гг. прошлого века (в первую очередь тектоническими сдвигами, вызванными распадом СССР, продвижением НАТО и ЕС на восток, проблемами развития Евразийской интеграции) и до сих пор неопределённым международным правовым статусом Приднестровской Молдавской Республики (далее ПМР);

- *военные*, вызванные с боевыми действиями весны-лета 1992 г., что привело к массовому оттоку мирного населения из городов Бендеры и Дубоссары и надолго закрепило за регионом статус «горячей точки»;

- *природные*, определяемые благоприятным сочетанием природных условий, необходимых для комфортного проживания и развития рекреации, лечебно-оздоровительного и спортивно-оздоровительного туризма;

- *этнические*, обусловленные исторически длительным опытом неконфликтного совместного проживания многонационального населения Приднестровья;

- *исторические*, определяемые отсутствием общей истории с правобережной Молдовой и стремлением значительной части жителей к воссоединению со своей исторической родиной [1, 7].

Трудовая миграция остается главной причиной депопуляции ПМР. На неё оказывает влияние большая совокупность экономических и неэкономических факторов, среди которых можно выделить:

- существенные различия в уровне жизни и в оплате однородного по количеству и качеству труда и связанное с этим стремление за короткий срок повысить свое материальное благосостояние (Россия, Евросоюз);

- уровень естественного прироста населения и состояние рынка труда, в том числе уровень безработицы, снижение спроса на рабочую силу и чрезмерное ее предложение в других странах (Россия, Евросоюз);

- рост спроса на высококвалифицированных специалистов на рынках труда в некоторых государствах и в отдельных отраслях экономики;
- профессиональные установки в области занятости у трудовых ресурсов стран-реципиентов: они в значительной степени определяют спрос на рабочую силу и распределение мигрантов по отраслям;
- стремление повысить квалификационный уровень и реализовать потенциальные профессиональные способности [1].

К концу 80-х гг. XX в. для всех административно-территориальных единиц республики была присуща положительная динамика численности населения, которая была обусловлена естественного и миграционного прироста. Аналогичная ситуация была характерна для 1990-1991 гг. В 1992 г. происходит массовый «исход» населения региона (по экспертным оценкам до 80 тыс. чел.) в соседнюю Украину в ходе военного конфликта с Молдовой [7].

Существенный интерес представляет оценка роли миграционного прироста (убыли) в общей динамике численности населения. По нашим расчетам, общая убыль населения республики за 1989-2012 гг. составила 126,5 тыс. человек, в том числе естественная – 39,0 тыс. человек (30,8%), миграционная – 87,5 тыс. человек (69,2%). Роль миграционного прироста (миграционной убыли) в общем приросте (общей убыли) населения значительно различается по годам. В 1990-1991 гг. ведущим фактором общего прироста был естественный прирост. В дальнейшем ведущую роль в общей убыли населения играла миграционная убыль. Особенно следует выделить 1992 г., когда вследствие военного конфликта было зафиксировано самое высокое отрицательное сальдо миграций за всю историю ПМР. В 1993 г. был зафиксирован общий прирост населения, основным фактором которого был компенсационный миграционный прирост. На долю естественного прироста пришлось 45,7% общего прироста населения [8].

В разные периоды миграционная убыль населения в различной степени влияла на динамику численности населения республики. Так, если в 1992-2004 гг. доля миграционной убыли значительно превышала долю естественной убыли в общей убыли населения, то в течение 2005-2012 гг. роль естественного движения существенно увеличилась. В 2005, 2010-2012 гг. величина естественной убыли оказалась выше миграционной. В указанные годы она сыграла ведущую роль в общей убыли населения. В то же время в долгосрочном периоде миграционная убыль была и остается главным фактором динамики численности населения ПМР. Миграционная и естественная убыль населения обусловили в долгосрочном периоде существенное сокращение численности населения республики. Если по данным переписи 1989 г. в населенных пунктах, находящихся в настоящее время под юрисдикцией ПМР, проживало 680,9 тыс. человек, то по данным текущего учета 1 января 2013 г. в ПМР проживало 509,4 тыс. человек, или 74,8% от показателя 1989 г. [11].

Миграционный потенциал ПМР неуклонно сокращается, а относительные миграционные потери остаются очень значительными: эмиграция в абсолютном исчислении резко сократилась – с 33 тыс. человек в 1990 г. до 4 тыс. чел. в 2012 г., а иммиграция в республику снизилась в соответст-

вующие годы еще более значительно – с 36 до 2 тыс. человек, но для последних 20 лет анализируемого периода (1990-2012 гг.) для республики характерно значительное отрицательное сальдо миграций, что свидетельствует о длительном и устойчивом характере влияния эмиграции на депопуляционность демографической ситуации в республике [3] (рис. 1).

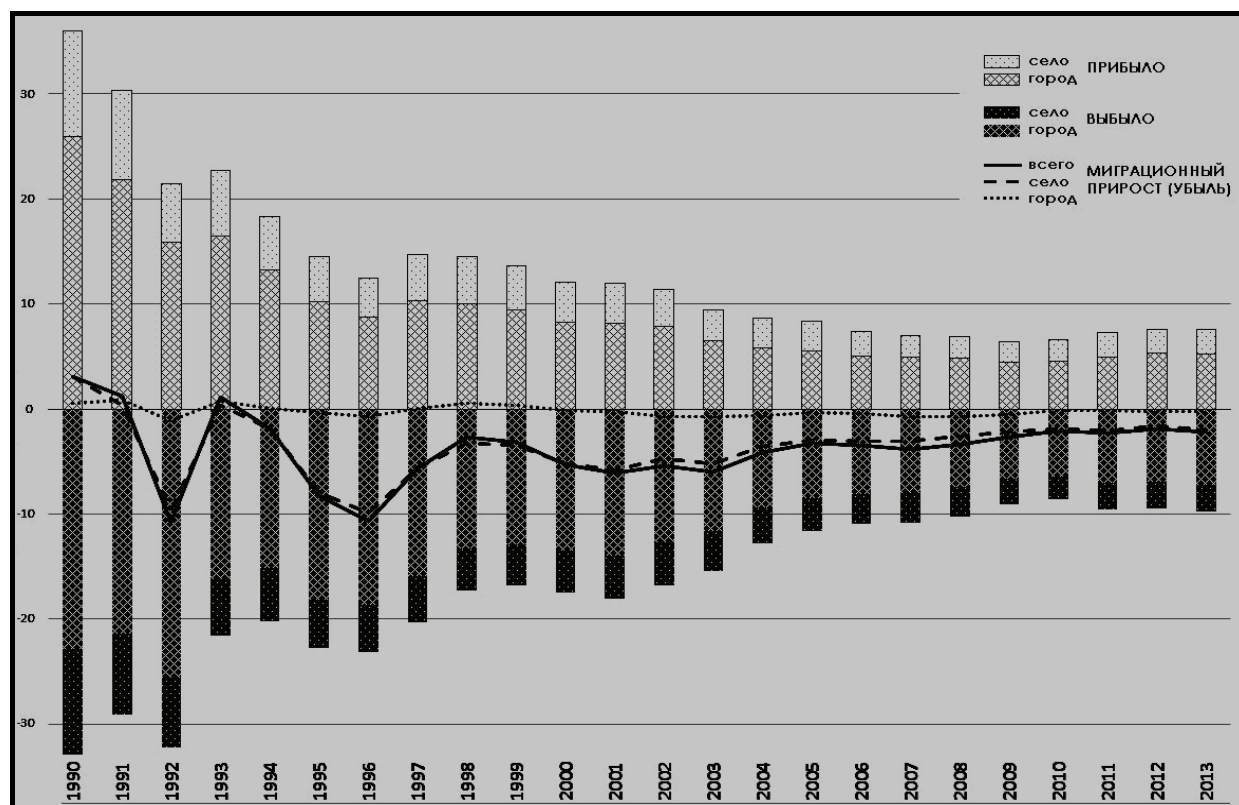


Рис. 1 Динамика миграции населения Приднестровья, тыс. чел.

Вытесняющие причины эмиграции к середине 90-х гг. сменились с военно-политических («горячая точка») на социально-экономические на рубеже веков. Неопределенность геополитического положения («замороженный конфликт») и социально-экономический кризис делают миграционную ситуацию в регионе особенно сложной – низкая иммиграционная привлекательность и большие масштабы эмиграции обуславливают рост депопуляции республики.

География миграционных потоков выглядит следующим образом: среди внутренних миграций преобладают направления из сельской местности в города, а внешние эмиграционные потоки преимущественно направлены в Россию (Москва, Санкт-Петербург, Западная Сибирь, Северный Кавказ) и Украину (Одесса, Киев), а также в другие страны СНГ и Евросоюза [5].

На протяжении 90-х гг. огромные масштабы приобрела так называемая «челночная миграция» на одесский «Седьмой километр», в Румынию, Турцию, Польшу и др. страны. География эмиграции на протяжении последних десятилетий оставалась стабильной – более 2/3 выезжали в Россию, около 20% – в Украину, около 10% – в страны дальнего зарубежья, 5% – в другие

страны СНГ. Политическая и экономическая нестабильность Украины привела к значительно снижению её привлекательности для приднестровских мигрантов [3] (рис. 2).

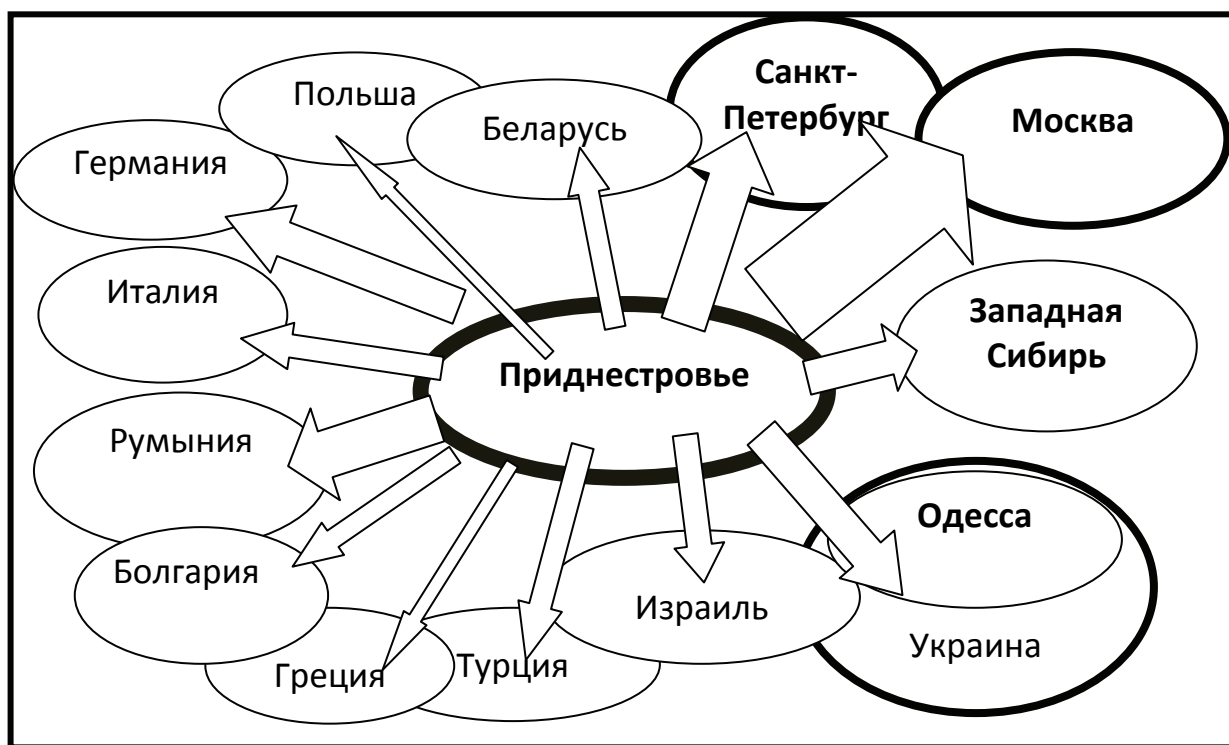


Рис. 3 География эмиграционных связей Приднестровья.*

**Толщина стрелок отражает интенсивность миграционных потоков.*

Масштабы иммиграции в республику неуклонно сокращались. Рассмотрим динамику иммиграции в Приднестровье за последние три года. В 2010 г. в республику на постоянное место жительства прибыло 2498 человека, в 2011 г. – 2562 человека, в 2012 г. – 2255 человек. Это свидетельствует о продолжающемся снижении иммиграционной привлекательности Приднестровья. Как правило, иммигранты пребывали на территории республики кратковременно. География иммиграции имеет более ограниченный характер, чем география эмиграции. За 2012 г. Миграционная служба ПМР зафиксировала 666,8 тыс. иностранных мигрантов, въехавших на территорию республики с целью временного пребывания, в том числе из Молдовы – 449,5 тыс. чел., из Украины – 123,0, из России – 77,0, из Германии – 3,6, из Белоруссии – 2,6, из Румынии – 1,2 тыс. чел. [3, 4].

С начала XXI в. республику покинуло около 100 тысяч человек, или почти пятая часть населения, причем большинство выезжающих составляют представители наиболее экономически активной и трудоспособной группы граждан (25–40 лет). Молодежь покидает Приднестровье преимущественно безвозвратно. География эмиграционных потоков довольно широка. Миграционный обмен наиболее интенсивен с Россией, Украиной, Молдовой, Германией, Белоруссией, Израилем. По некоторым оценкам за пределами ПМР

находятся от 50 до 100 тыс. приднестровцев. Согласно оценкам Национальной комиссии по народонаселению и развитию Республики Молдова (на основании данных зарубежных статистических служб) территорию подконтрольную Кишиневу с целью обретения достойного заработка покинули от 600 до 900 тыс. граждан Молдовы [7, 8].

Особенно большие социально-экономические проблемы создает массовый выезд молодёжи за пределы республики на постоянное место жительства или по длительным контрактам. Это ведёт к старению возрастной структуры населения Приднестровья, к росту демографической нагрузки на экономически активное население, к снижению репродуктивного потенциала приднестровского социума, а преобладание среди эмигрантов женщин является одной из причин распространения «социального сиротства». Проблемы ПМР, вызванные отрицательным сальдо миграции, имеют крайне негативные экономические последствия – уезжают в основном трудоспособная часть населения, в том числе значительное количество выпускников учебных заведений и высококвалифицированных специалистов, обладающих высоким производственным и интеллектуальным потенциалом [5, 10]. «Утечке умов» из республики способствуют деятельность филиалов российских коммерческих вузов и механизмы квотирования мест в вузах России и Украины для выпускников общеобразовательных учреждений ПМР. Выпускники с российскими дипломами проявляют повышенную миграционную склонность и после окончания соответствующих учебных заведений, как правило, в республику не возвращаются [1]. Миграционная ситуация, сложившаяся в Приднестровье, требует совершенствования мониторинга и учета миграционных процессов, выработки научно обоснованной, эффективной и оперативной государственной миграционной политики, включающей совокупность правовых, экономических, социальных, административных, воспитательных, здравоохранительных мероприятий, поддержания создания функционирования посреднических организаций между мигрантами и потенциальными работодателями, создание благоприятных условий для «удержания» потенциальных эмигрантов и привлечения иммигрантов [1, 2]. Это предполагает расширение мер экономического характера и в первую очередь привлечение в республику иностранных инвестиций и создание новых рабочих мест.

Список литературы и источников

1. Бурла, М.П., Кривенко, А.В., Фоменко, В.Г. Миграции населения Приднестровья: социально-экономическое и территориальное измерение [Текст] / М.П. Бурла, А.В., Кривенко, В.Г. Фоменко // Вестник Приднестровского университета. №3, 2014. С. 136-144.
2. Волкова, О.А., Оставная, А.Н. Приднестровская трудовая миграция: штрихи к потенциальной социальной политике [Текст] / О.А. Волкова, А.Н. Оставная // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. Саратов: СГТУ, 2014. – №1. С. 96-103.

3. Государственная служба статистики // Сайт министерства экономического развития ПМР. 2013 [Электронный ресурс]. Доступно: <http://www.merpmr.org/gosudarstvennaya-statistika>.
4. Кривенко, А.В., Оставная, А.Н. Проблемы учета миграционного движения в ПМР [Текст] / А.В. Кривенко, А.Н. Оставная // Материалы научно-практической конференции «Управление и маркетинг: тенденции и перспективы развития в условиях экономики Приднестровья». Тирасполь: Ликрис, 2013. С. 39-48.
5. Кривенко, А. Молдова: страна массовой трудовой эмиграции (Опубликовано на английском языке) [Текст] / А. Кривенко // Discovering migration between Visegrad countries and Eastern Partners// HAS RCAES Geographical Institute. Budapest, 2014. P. 170-190.
6. Макухин, А.В. Современная миграционная ситуация в Республике Молдова и Приднестровье как череда «исходов» населения [Текст] / А.В. Макухин // PolitBook/ 2015. №1. С. 69-82.
7. Морару, В., Мошняга, В., Руснак, Г. Маятник миграции [Текст] / В. Морару, В. Мошняга, Г. Руснак. Кишинев: Sirius, 2012. 200 с.
8. Мошняга, В.Г. Население Молдовы в контексте современных миграций [Текст] / В.Г. Мошняга // Молдова – Приднестровье: общими усилиями – к успешному будущему. Социальные аспекты. Кишинев: Cu drag, 2009. С. 34-53.
9. Фоменко, В.Г., Кривенко, А.В. Миграция населения как фактор социально-экономического развития Приднестровья [Текст] / В.Г. Фоменко, А.В. Кривенко // Материалы научно-практич. конференции с международным участием «Регион-2011: стратегия оптимального развития», 10-11 октября 2011 г. Харьков: Изд-во ХНУ, 2011. С. 247-249.
10. Фоменко, В.Г., Кривенко, А.В. Экономико-географические аспекты трудовой миграции населения Приднестровского региона Молдовы [Текст] / В.Г. Фоменко, А.В. Кривенко // Материалы II Международной научно-практической конференции «Региональное развитие Украины: проблемы и перспективы». Киев, 2011. Часть 2. С. 324-332.
11. Фоменко, В.Г., Кривенко, А.В. Проблемы миграции населения Приднестровья [Текст] / В.Г. Фоменко, А.В. Кривенко // Материалы II Междунар. научно-практич. конференции «Проблемы устойчивого развития Республики Беларусь и сопредельных стран». Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2012. С. 266-270.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Раздел 1.</i>	
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	11
<i>Абидов М.Х., Абдулманапов П.Г.,</i> СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН	11
<i>Болотова С.В.,</i> КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПЕЧАТНЫХ СМИ ПО ПРОБЛЕМЕ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ	16
<i>Бубликов В.В., Кузнецов Н.Г.,</i> МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	20
<i>Ван С.,</i> ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.....	26
<i>Гончарова Н.П.,</i> ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ	30
<i>Данилова З.А.</i> ЭФФЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ	36
<i>Литвиненко Т.В.,</i> МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В ЧУКОТСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	41
<i>Лукьянец А.С.,</i> ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В НЕКОТОРЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ СУБЪЕКТАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....	45
<i>Мищук С.Н.</i> ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ	48
<i>Michigami M.,</i> THE CURRENT STATE OF THE COMPANY HOUSING IN RUSSIA: A CASE STUDY ON MIGRANT WORKERS IN MAGDAGACHI AND BIROBIDZHAN, FAR-EASTERN RUSSIA	51
<i>Ростовская Т.К.,</i> К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ МОЛОДЕЖНОЙ МИГРАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.....	60
<i>Рубинская Э.Д.,</i> РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК ЭКСПОРТЕР ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ)	62
<i>Фокина Е.К.,</i> ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЯХ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	67
<i>Horie N.,</i> RUSSIAN FAR EASTERN BORDERLANDS AND THEIR POSITIONALITY IN MIGRATION.....	72
<i>Храмова М.Н.,</i> РОЛЬ МИГРАЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)	78

Хуснутдинова Л.Г., ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В МЕСТНОЕ СОБЩЕСТВО (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОТАН, ПЕРМСКОГО КРАЯ, ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)	82

Шафранов-Куцев Г.Ф., Кучерявая Е.Р., ПРОБЛЕМЫ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	87

Раздел 2.

ТРУДОВАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИИ В И ИЗ РОССИИ: ТРЕНДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	99

Акрамов Ш.Ю., Акрамов Ф.Ш., Гафурова Ш.Ш., ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ	99

Белова Л.Г. ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЮ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И МЕХАНИЗМЫ.....	106

Вершинина Е.В. РЫНКИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ... 	109

Власова Н.И., ЗАКОН О ПАТЕНТАХ – РЕВОЛЮЦИЯ В МИГРАЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	115

Гребенюк А. А., ТРУДОВАЯ ИММИГРАЦИЯ В РОССИЮ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВНЕШНИЙ ВЫЗОВ	120

Гришанова А.Г., МИГРАЦИЯ И РЫНОК ТРУДА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ.....	125

Красинец Е.С., ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ КИТАЯ КАК РЕСУРС ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ	127

Кулагина Я.А., ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ЭМИГРАЦИИ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ КАДРОВ ЗА РУБЕЖ В XX-XXI ВВ.....	132

Леденёва В.Ю., ВЕДУЩИЕ ФАКТОРЫ И СТИМУЛЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ.....	136

Максакова Л. П., ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В АСПЕКТАХ СЕМЬИ	141

Молчанов И.Н., ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ	145

Осадчая Г.И., МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕАЭС В РОССИЮ: ШАНС РАЗВИТИЯ ИЛИ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ?	151

Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И., ИНОСТРАННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ И ИХ ДОСТУП НА РЫНОК ТРУДА	156

Рязанцев С.В., ОЦЕНКИ ВКЛАДА ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	163

Рязанцев С.В., Боженко В.В., Пажневски Ш.З., ФАКТОРЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ.....	167

Рязанцев С.В., Маньшин Р.В., МАСШТАБЫ МИГРАЦИИ ИЗ КИТАЯ, СЕВЕРНОЙ КОРЕИ И ВЬЕТНАМА В РОССИЮ.....	171

Сейткалиев Р.М. РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУСУЛЬМАН МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ.....	176
Соболева Т.М., Тахумова О.В. , ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	179
Тер-Акопов А.А. , МЕСТО ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СИСТЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	183
Fryer P. , DEFINING HOME FOR CENTRAL ASIAN LABOUR MIGRANTS IN RUSSIA	187
Шановалова И.А. , ПОДГОТОВКА ИНОСТРАНЦЕВ К ПОСТУПЛЕНИЮ В РОССИЙСКИЕ ВУЗЫ: ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ.....	190
Шевцова Т.В. , ТЕНДЕНЦИИ И ОЦЕНКИ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	196

Раздел 3.

МИГРАЦИЯ И ЗДОРОВЬЕ МИГРАНТОВ: ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	201
Васильева И.С., Карабулатова И.С. , МНОГООБРАЗИЕ МОДЕЛЕЙ ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕПРОДУКТИВНО-БРАЧНОМ ПОВЕДЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	201
Иванова А.Е. , ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ОЦЕНКУ ЧИСЛЕННОСТИ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В МЕГАПОЛИСЕ	206
Ким Л.И., Карабулатова И.С. , ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ИНКЛЮЗИИ СОЦИАЛЬНО-МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ ЧЕРЕЗ ОБЩЕСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	213
Лукьянова А.Ю., Томайлы А.Е. , ПРОБЛЕМА АЛКОГОЛИЗМА НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	220
Маньшин Р.В., Храмова М.Н. , К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ.....	223
Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Письменная Е.Е., Томайлы А.Е. , СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗЕРВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: СНИЖЕНИЕ РИСКОВ И ПОТЕРЬ ОТ АЛКОГОЛЬНО-ДЕВИАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	228
Рязанцев С.В. , АЛКОГОЛЬНАЯ ДЕВИАЦИЯ В РОССИИ: МАСШТАБЫ И ПУТИ СОКРАЩЕНИЯ.....	232
Семенкова О.А., Тахумова О.В. , СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ	237
Сивоплясова С.Ю. , ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ РОССИИ: ГЕНДЕРНАЯ И ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРЫ	240
Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. СПЕЦИФИКА БРАЧНОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ВЫСОКООБРАЗОВАННЫХ ГРУППАХ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	244

<i>Томайлы А.Е., Письменная Е.Е., Лукьянова А.Ю.,</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АЛКОГОЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ	247

Раздел 4.

РОССИЙСКАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ	251

<i>Барсуков П.В., Карабулатова И.С., Некрасов С.В., Галиуллина С.Д.,</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА «СЕТЕВЫХ ВОЙН»	251

<i>Белозеров В.С., Черкасов А.А., Панин А.Н.,</i> ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	258

<i>Dave B.,</i> MIGRATION CONTROLS, DEPORTATIONS AND ENTRY BANS: CAN RUSSIA REMAIN FREE OF THE 'LIBERAL PARADOX'?	264

<i>Карабулатова И.С.,</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	270

<i>Карепова С.Г., Федулов А.М., Коберси И.С.,</i> РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ КАК ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО – МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА	275

<i>Кожевникова Н.И., Таюнова О.А.,</i> ИТОГИ ПЕРВОГО ЭТАПА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2025 ГОДА	285

<i>Максимова А.С.,</i> О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПО РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОБЛАСТИ ПОВЫШЕНИЯ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ..	287

<i>Мартыненко С.В., Рыбаковский О.Л.,</i> ПУТИ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ	292

<i>Мартыненко С.В., Таюнова О.А.</i> СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ	296

<i>Назаров А.Д., Назарова Е.А.,</i> ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭТНОМИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	298

<i>Поставнин В.А.,</i> МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	304

<i>Рыбаковский Л.Л.,</i> О СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ	305

<i>Сахарова Л.А., Лаврут Н.С.,</i> К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ	308

<i>Сибэгатуллина Э.Т.,</i> ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ	313

<i>Сигарева Е.П.,</i> НЕРАВЕНСТВО И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ	317

Таюнова О.А., РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕТЬЕГО ЭТАПА КОНЦЕПЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РФ В ОБЛАСТИ ПОСТОЯННОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ	322

Раздел 5.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ.....	325

<i>Азимов А. Дж., Азимова З. А., Таджибаева М.Н. ЭВОЛЮЦИОННАЯ ДИНАМИКА МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА</i>	<i>325</i>

<i>Ахметова Б.З., Карабулатова И.С., ХАРАКТЕР ЭТНИЧЕСКОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ У ПОТОМКОВ РУССКИХ КАЗАКОВ БЫВШЕЙ ГОРЬКОЙ ЛИНИИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА</i>	<i>330</i>

<i>Безвербный В.А., ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....</i>	<i>336</i>

<i>Бражников А.Г., РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ И ПОСТОЯННОЙ МИГРАЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....</i>	<i>343</i>

<i>Wilson R., THE DANGERS OF FAILED MIGRANT INTEGRATION: CONSECUTIVE CYCLES OF CENTRAL AMERICAN MIGRATION TO THE UNITED STATES</i>	<i>346</i>

<i>Virkkunen J., EUROPEAN REFUGEE CRISIS AND FINLAND: BORDERS, MEMORIES AND ACTION.....</i>	<i>352</i>

<i>Гаджимурадова Г.И., АНТИМИГРАНСТКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ЕВРОПЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ</i>	<i>362</i>

<i>Genov N., THE EUROPEAN UNION AND ITS EASTERN PARTNERSHIP: EXPLANATION AND REGULATION OF MIGRATION FLOWS</i>	<i>365</i>

<i>Злотников А.Г., Смалюга А.К., КИТАЙСКИЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В БЕЛАРУСИ</i>	<i>383</i>

<i>Karaçay A.B., EXPLORING THE PROSPECT FOR TURKISH-RUSSIAN RELATIONS AND MIGRATORY REGIMES.....</i>	<i>386</i>

<i>Korneev O., Kluczevska K., DIFFERENTIATED (NON) INVOLVEMENT: TAJIKISTAN'S EMIGRANT POLICIES</i>	<i>390</i>

<i>Косован Е.А., РЕПАТРИАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1945 – 1951 ГГ.): НА ПРИМЕРЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ УКРАИНЦЕВ ИЗ ГЕРМАНИИ В СССР</i>	<i>395</i>

<i>Lemos M.T.B., Dantas A.T., REINVENTING IDENTITY – PERUVIAN IN RIO DE JANEIRO (1950-2015)</i>	<i>400</i>

<i>Marushiakova E. A., Popov V.Z., EUROPEAN GYPSY MIGRATIONS: HISTORICAL AND MODERN PATTERNS</i>	<i>404</i>

<i>Мнацаканова Л.Ф., Тахумова О.В., ПРИЧИНЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ АРМЕНИИ В РОССИЮ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР</i>	<i>409</i>

<i>Нгуен Кань Тоан, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЬЕТНАМСКИХ МИГРАНТОВ В США.....</i>	<i>413</i>

<i>Peleah M., Slay B.</i>, MAKING MOST FROM LABOUR MIGRATION AND REMITTANCES FOR HUMAN DEVELOPMENT IN CENTRAL ASIA: ROLE OF MIGRATION POLICIES	415
<i>Пелях М., Слэй Б.</i> ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ, ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ДАННЫЕ И АНАЛИЗ	430
<i>Pizarro C.A.</i>, MIGRATIONS IN SOUTH AMERICA. BOLIVIANS AND LABOR MARKETS IN ARGENTINA.....	444
<i>Русеишвили С.А.</i>, ОБРАЗ ИММИГРАНТА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ БРАЗИЛИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	450
<i>Рыбаковский О.Л., Судоплатова В.С.</i>, МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ.....	455
<i>Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А.</i>, ОПЫТ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ	457
<i>Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г.</i>, «РУССКОГОВОРЯЩИЕ ОБЩИНЫ» И «РУССКОГОВОРЯЩАЯ ЭКОНОМИКА» В СТРАНАХ ЮГОВОСТОЧНОЙ АЗИИ	459
<i>Сейткалиев Р.М.</i>, РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУСУЛЬМАН МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ	465
<i>Șerban M.</i>, WHAT ARE MIGRATION POLICIES FROM ORIGIN COUNTRY PERSPECTIVE? AN EXERCISE ON ROMANIAN CASE.....	468
<i>Тимошенко М.В.</i>, МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ, СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ	477
<i>Тихонова Л.Е.</i>, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	483
<i>Фоменко В.Г.</i>, МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ: ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМ, ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА И ТРЕНДЫ.....	488

Научное издание

МИГРАЦИОННЫЕ МОСТЫ В ЕВРАЗИИ

**VII международная научно-практическая конференция
“Роль трудовой миграции в социально-экономическом
и демографическом развитии посылающих и принимающих стран”
(Москва – Ставрополь, 13-18 октября 2015 года)**

MIGRATION BRIDGES IN EURASIA

**VII International Scientific and Practical Conference
"The Role of Labor Migration on the Social-Economic and Demographic
Development of Sending and Reciving Countries"
(Moscow - Stavropol, 13th-18th October 2015)**

Подписано в печать 28.09.2015 г. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 31,25. Заказ 2639. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru